

2006

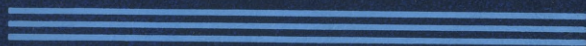

ТРУДЫ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ТРУДЫ
ОТДЕЛЕНИЯ
ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК

2006

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ
ОТДЕЛЕНИЯ
ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК

2006

Ответственный редактор
академик А.П. ДЕРЕВЯНКО

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 930+80

ББК 63+81

Т78

Издание основано в 2005 году

Работа подготовлена
в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Власть и общество в истории»

Составитель

кандидат исторических наук А.Е. ПЕТРОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук Р.Б. РЫБАКОВ,

доктор исторических наук А.Л. ШЕМЯКИН

**Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отд-ние
ист.-филол. наук РАН. – М. : Наука, 2005–.**

**2006 год / отв. ред. А.П. Деревянко. – 2007. – 614 с. –
ISBN 978-5-02-035213-1 (в пер.).**

Выпуск посвящен самым разнообразным проблемам, занимающим ученых гуманитариев в настоящее время. Авторы статей – представители практически всех наук гуманитарной сферы: археологи и лингвисты, этнографы и литературоведы, социальные историки и представители искусствоведения. Несмотря на кажущуюся пестроту тематики, жанровое разнообразие и хронологическую протяженность (от древности до наших дней), перед читателем предстает целостная картина современных интеллектуальных поисков, общей чертой которых является стремление исследователей выйти за узкие рамки «своей» научной дисциплины, исследовать предмет или процесс, пользуясь и методами смежных наук. Книга дает возможность убедиться в плодотворности такого подхода.

Для историков, филологов, преподавателей гуманитарных и общественных дисциплин, широкого круга читателей.

Темплан 2007-И-381

ISBN 978-5-02-035213-1

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2007

© Коллектив авторов, 2007

© Российская академия наук и издательство «Наука», продолжающееся издание «Труды Отделения историко-филологических наук РАН» (разработка, оформление), 2005 (год основания), 2007

© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2007

Часть 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И НОТАРИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

(французский пример)

П.Ю. Уваров

В 2005 г. Мигуэль Кабера опубликовал книгу «Введение в постсоциальную историю» с тем, чтобы «надежно застраховать исследователей от возрождения старой социальной истории»¹. Эти слова не могут не вызывать удивления, ведь долгое время в мировой, в том числе и в отечественной историографии понятия «научности» и «объективности» истории были едва ли не синонимичны понятию «социальной истории», под которой понималась дисциплина, призванная раскрыть объективно существующие социальные структуры, отыскать глубинные (а потому – «подлинные») социальные противоречия, рассматриваемые как пружины исторического развития.

Можно ли сказать, что такие представления являются безнадежно устарелыми? На фоне разговоров о «смерти социальной истории» и о «всеобъемлющем кризисе социальных наук» подобные мнения высказываются часто. И, например, оживленные дебаты середины 60-х годов по поводу того, было ли французское общество эпохи Старого порядка классовым или сословным почитаются ныне «образцом методологического бесплодия»². А если прислушаться к тональности историко-теоретических сборников, издающихся в том числе и в нашей стране, если походить по многочисленным московским теоретическим семинарам историков, – то, действительно, складывается впечатление о том, что классические сюжеты социальной истории – социальная структура общества, состав социальных групп и взаимоотноше-

¹ Caberra M. Postsocial History. An Introduction. N.Y., 2005. P. VIII.

² См. об этом: Коносов Н.Е. Как думают историки. М., 2001. С. 44, 61 и сл.

ния между ними, природа социальных процессов – все это ушло в прошлое, как ушла в прошлое и экономическая история, уступив место каким-то совсем иным сюжетам, вроде вопроса «символике высунутого языка дьявола на портале романского собора».

Из этого можно было бы сделать вывод о том, что время «метанарративов» прошло, что настала такая пора, когда общество уже не интересуется прежними сюжетами, направленными на поиск социальных закономерностей, раскрытие которых якобы может помочь людям предсказать свое будущее, увидеть перспективу общественного развития. И такие выводы делаются некоторыми авторитетными, как зарубежными³, так и отечественными⁴ историками. В нашей действительности можно найти немало подтверждений этим заключениям. Если говорить о более знакомой нам области изучения западного Средневековья и Нового времени, то трудно не заметить, что сюжеты аграрной истории, классово-образования, социальной структуры, процессов феодализации и модернизации – все это исчезло из тематики диссертаций, монографий и даже коллективных трудов. Может быть, наше общество, действительно, вступило в такую фазу своего развития, что прошлому задаются уже совсем иные вопросы, чем раньше?

Если это предположение и справедливо, то лишь отчасти. Вся система высшего исторического образования, включая вузовские учебники и программы, по-прежнему ориентирована на «социальное» восприятие истории. И стоит только забыть о социальных аспектах эволюции феодального общества, или о социальных причинах Великой Французской революции, то весь учебный курс «зависает в воздухе» (что зачастую и происходит). Конечно, учебные программы всегда отстают от научных поисков. Но кто сказал, что наше общество, не так давно претерпевшее всеобъемлю-

³ Об этом, в частности, свидетельствует шумный успех книги Ф. Артога, настаивающего на том, что свойственный Европе Нового и Новейшего времени «режим темпоральности», характеризующийся тем, что «будущее указывало на суть прошлого и настоящего», безнадежно устарел: *Hartog F. Régimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps.* P., 2003. P. 161–162.

⁴ *Бойцов М.А.* Вперед, к Геродоту! // «Казус 1999». Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 17–41. *Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. Позволю себе процитировать яркую фразу автора: «Итак, кризис истории связан прежде всего с распадом основных исторических понятий – базовых категорий нашего исторического мышления. Идеи прогресса, цивилизации, культуры, государства, общества, классов и наций перестали казаться самоочевидными и утратили способность организовывать социальный опыт. В том числе и опыт исторического исследования... В театре современной микроистории классы, государства и нации размытой тенью появляются на заднике сцены. Их выход к рампе вызывает свист в зале». (С. 135).

щий экономический коллапс, переживающее сложнейший процесс социальной трансформации не заинтересовано в рефлексии по поводу социально-экономических проблем прошлого? Тем более, что в нашей стране по своей массовости с выпускаемыми из вузов экономистами и социологами могут сравняться разве что юристы (речь идет не о качестве образования, но о тенденциях, выражающих общественные предпочтения). На интересах историков – «всеобщников» это сегодня почти не сказывается. Но должна ли история вообще искать в прошлом ответы на злободневные вопросы? Идет ли это на пользу истории как дисциплине? У нас есть немало неплохих прецедентов, указывающих на справедливость этого утверждения. Острота аграрного вопроса в России конца XIX века наложила отпечаток на русскую школу медиевистики (представленную именами П.Г. Виноградова, М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого), высоко оцененную западными коллегами за свою способность по-новому подойти к, казалось, давно изученным сюжетам. Исследования крестьянской экономики, предпринятые А.В. Чаяновым, по-прежнему высоко котируются зарубежными историками (хотя странным образом неизвестны современным русским медиевистам и византинистам).

Думается, что современное российское общество вовсе не утратило вкуса к крупномасштабным историческим сюжетам. Об этом свидетельствует успех разнообразных «исторических словарей» и «всемирных историй» (зачастую, увы, сомнительного качества, но винить в этом следует не только издателей и неразборчивую публику, но и академическое сообщество, попытавшееся уклониться от написания больших полотен). Многочисленные переводы на русский язык «макроисторических эпопей», написанных адептами социальных и социально-экономических подходов⁵ также могут служить показателям общественного интереса к подобной проблематике.

Однако, наши историки, похоже, склонны игнорировать этот явный «социальный заказ». Схожее положение сложилось и в социологии.

Результаты серьезного обследования актуального состояния социологических исследований и социологического образования

⁵ Ограничимся указанием на переводы лишь некоторых из таких трудов, написанных французскими историками: *Бродель Ф.* Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. 3 т. М., 2003–2004. *Шоню П.* Цивилизация Классической Европы. Екатеринбург, 2005. *Блок М.* Феодалное общество. Т. 1. М., 2003. *Ле Руа Ладюри Э.* Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. М., 2004. К сожалению, в двух последних случаях перевод не выдерживает никакой критики – сказывается пагубная привычка современных издателей экономить на научном редакторе.

привело его организаторов к неутешительному выводу: «Социологи не считают престижным изучение природы социального неравенства в России, задача социологов сводится не к пониманию социальной реальности, а к предугадыванию ожиданий властных структур»⁶.

Справедливости ради надо сказать, что за последние годы в нашей дисциплине возникла и обратная тенденция⁷, хотя и не столь ярко выраженная, чтобы быть спокойными за возрождение интереса к социально-историческим штудиям. Но если это возрождение и произойдет, то не вполне понятно, насколько востребованными окажутся все методологические наработки последних десятилетий, периода, который вполне можно окрестить «временем исканий».

Для нашей историографии всегда был характерен повышенный интерес к тому, над чем работают наши западные коллеги. Вот и сегодня целесообразным будет обращение к опыту современной западной социальной истории.

Но прежде надо договориться по поводу интерпретации этого термина. В широком смысле слова социальная история, то есть история, которая при описании исторических процессов считает необходимым дать описание общественного устройства и более того, история, которая в поисках причин описываемых событий склонна обращаться к особенностям устройства общества и государства, является старой как мир. Социальными историками были и Фукидид, и Гизо, и Карамзин. Как известно, Блок и Февр выбрали подзаголовок для затеваемого журнала «Анналы: журнал социальной истории», руководствуясь именно всеохватностью понятия «социальное»: «Мы прекрасно понимали, что “социальное”, в частности, относится к числу тех прилагательных, которым в течение долгих лет навязывалось столько значений, что оно, в конце концов, почти полностью перестало что-нибудь означать. Именно поэтому мы его и выбрали.... Существует история как таковая во всей своей целостности. История, которая является социальной в силу самой своей природы. История, которую я считаю научным способом познания различных сторон деятельности людей и их различных достижений, рассматривае-

⁶ Константиновский Д.Л., Овсянников А.А., Покровский Н.Е. Программы национального фонда подготовки кадров и обновление социологического образования в России // Социологический Журнал. № 3–4. 2004. С. 121.

⁷ Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000; Винокурова М.В. Мир Английского манора по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI–XVII вв. М., 2004; Кириллова Е.Н. Корпорации Раннего Нового времени (Ремесленники Реймса в XVI–XVII вв.). М., 2007.

мых в соответствии с определенной эпохой в рамках крайне разнообразных и все-таки сравнимых между собой обществ (это аксиома социологии), заполняющих поверхность земли и последовательность веков»⁸. Но есть и иное, более узкое понимание «социальной истории», относящееся к работам, для которых восстановление социальной структуры общества или описание социальных групп являлось не средством, а самоцелью.

Как достаточно представительное направление во Франции такая социальная история в узком смысле этого слова родилась в послевоенные годы. В ту пору все больше становилось историков, которые полагали вопрос о социальной структуре общества самодостаточным предметом исторического исследования. Более того, в восстановлении социальной структуры виделся ключ к пониманию всего хода истории, поскольку причину любого исторического явления следовало искать в сфере социальных противоречий. В 1950–1960 гг. Французская социальная история, занимавшая лидирующие позиции в мировой историографии, была именно «социальной историей в узком смысле слова»⁹. Остановимся поэтому на французском примере, причем сконцентрируем наше внимание на спорах о природе социальной иерархии Французского общества Старого Порядка. Именно здесь историки искали ответы на вопрос о причинах важнейших потрясений Французской истории – Религиозных войн и, в особенности, Великой Французской революции.

Нам бы хотелось проследить путь, проделанный этой социальной историей, на примере одной из ее характерных черт – отношению к нотариальным источникам. Поскольку по меткому замечанию Н.Е. Копосова – «нотариальные документы – излюбленный источник социальной истории 1960-х годов. Не будет преувеличением сказать, что если бы не архивы нотариусов, не было бы и спора о классах и сословиях. Ведь задача социальной истории состояла именно в том, чтобы сконструировать модель общества Старого Порядка на основе нотариальных документов»¹⁰.

В этот период французские историки впервые систематически стали использовать нотариальные источники, по заслугам оценив их столь важное свойство как массовость. Ведь уже для XVI в. таких актов сохранились сотни тысяч для одного лишь Парижа. В дальнейшем число актов увеличивалось в геометриче-

⁸ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 25–26.

⁹ Конечно же, средоточием этой истории выступало движение «Анналов». См. *Агирре Рохас К.А.* Критический подход к истории французских «Анналов». М., 2006.

¹⁰ *Копосов Н.Е.* Указ. соч. С. 71–72.

ской прогрессии. Важным обстоятельством являлось и то, что нотариус должен был формализовать разнообразие описываемых им индивидуальных ситуаций, облегчив тем самым для грядущих историков статистическую обработку актов. Но при этом он непременно описывал реальную жизнь, отличаясь тем, например, от нормативных документов или политических трактатов. И поэтому в результате обращения к массовым нотариальным источникам перед историками возник соблазн написать социальную историю «с чистого листа», отказавшись от различного рода предзаданных социальных терминов («дворянство», «крестьянство», «буржуазия» и проч.). Последние имели идеологическую окраску, влекли за собой целый шлейф историографических и иных коннотаций, и потому брались историками под подозрение.

1950–60-е гг. были во французской историографии эпохой просопографических исследований и добротных локальных монографий. Историки пытались найти «подлинную» синтетическую социальную иерархию и спорили между собой лишь о путях поисков. Широкую известность в 1960-е гг. получили уже упоминавшиеся выше коллоквиумы в Сен-Клу, где велись жаркие споры по поводу того, делилось ли общество Старого порядка на классы или имело сословную структуру, причем обе стороны опирались в значительной степени на обработку массивов нотариальных актов¹¹.

Но начиная с 1970-х годов «социально-структурная», «объективирующая» история подвергалась все большей критике. Ее упрекали в погоне исключительно за объективным в ущерб субъективному, обвиняли в игнорировании того, как общество мыслило себя само, в небрежении внутренним миром человека. В вину ставились и недооценка сложности исторического познания, и реификация исследовательских категорий (склонность считать категории, воздаваемые в чисто служебных целях, реальными).

Теперь историки все больше увлекались изучением ментальностей, вскоре в оборот прочно вошел термин «историческая антропология». Но нотариальные источники по-прежнему пользовались большим уважением исследователей. Они оказались незаменимы при изучении массовых представлений о смерти, о

¹¹ L'Histoire sociale. Sources et methodes: Colloque de l'école normale de Saint-Cloud (15–16 mai 1965). P., 1967; Mousnir R. (ed). Problèmes de stratification sociale. Actes du colloque international (1966), P., 1968; Niveaux de culture et groupes sociaux, Actes du colloque réuni du 7 au 9 mai 1966 à l'Ecole normale supérieure. P., 1967; Roche D., Labrousse E. (eds). Ordres et classes, colloque d'histoire sociale Saint-Cloud, 24–25 mai 1967. P., 1973.

детстве, о путях спасения души¹². Несколько позже в сопредельных с Францией странах: Италии, Германии, Англии получает развитие то, что итальянцы назовут «микроисторией», немцы – «историей снизу», а англичане – «персональной историей». Это были исследования, написанные с позиций рядовых действующих лиц истории: деревни, общины, отдельного человека. Происходившие великие события – становление абсолютизма, индустриальная революция, формирование мирового рынка, мировые войны рассматривались теперь с учетом того, что «простые» участники этих процессов не были лишь статистами в исторической драме. Они пытались отстаивать свои интересы и свое видение ситуации, обладали свободой выбора или свободой маневра, пытались лавировать между различными институтами и процессами «Большого мира». Но и в этом случае нотариальные источники оказались незаменимы. Только с их помощью можно создать «плотное описание», показав человека или общину на пересечении по возможности всех существующих социальных связей¹³. Выяснилось также, что нотариальный акт может рассказать многое и об индивидуальных чертах личности его составителя¹⁴.

Было бы ошибкой полагать, что появление нового направления заставляло исследователя отказываться от прежних, «морально устаревших» подходов и приемов. Это в полной мере относится и к работам «социальных историков», опирающихся на нотариальные источники. В 1990-х годах, например, нотариальные акты позволили Ж.М. Морисо провести масштабное исследование истории фермеров Иль-де-Франса с XV по XIX в., вполне выдержанное в духе историков-шестидесятников, но никем не названное старомодным¹⁵. А американская исследовательница Анн Рамсей пришла к парадоксальным выводам, вновь подвергнув (в духе исследований 1970-х годов) статистическому анализу тексты множества парижских завещаний времен Религиозных войн, анализируя существенные перемены, обусловившие пере-

¹² *Chaunu P.* La Mort à Paris: XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles / Avec la collab. D'A. Pardaihé-Galabrin et al. P., 1978. *Vovelle M.* La Mort et l'Occident: de 1300 à nos jours. P., 1983.

¹³ *Levi G.* L'eredità immateriale: Carriera di un escorcista nel Piemonte del Seicento. Turino, 1985; *Cerutti S.* La ville et les métiers: Naissance d'un langage corporatif (Turin, XVII–XVIII siècle). P., 1990. См. также: Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории / СПб., 2003.

¹⁴ *Ouvarov P.* Ceux qui sont un peu différents des autres: Singularités, déviations et normes dans les actes notariés parisiens du XVIème siècle // «Histoire, sciences sociales», 1996. N 3. P. 439–466.

¹⁵ *Moriceau J.-M.* Les Fermiers de l'Ille-de-France. P., 1994.

ход к «посттридентскому католицизму»¹⁶. Разные подходы могут относительно мирно ужиться и в рамках одной книги, что я попытался продемонстрировать в своем исследовании¹⁷.

Но речь не идет лишь о механическом сосуществовании старого и нового или о простом возрождении «старой, доброй» социальной истории. Знакомство с современными работами практикующих (а не только теоретизирующих) западных историков показывают, что вопросы о социальной структуре общества, об его устройстве, о присутствующих в нем иерархиях, и о способах социальной категоризации не только не сняты с повестки дня, но, похоже, вновь возвращаются в поле зрения исследователей, относящихся к методологическому авангарду. Именно сейчас, когда наши представления о структуре общества усложнились, данные историков могут оказаться особенно востребованными представителями гуманитарного знания.

«Свежим» примером удачного сотрудничества историков и социологов может служить вышедшее в свет в 2005 г. издание «Проживать и проговаривать: Социальный порядок в Старорежимной Франции»¹⁸. Авторы объединяет как минимум два обстоятельства. Прежде всего, в отличие от историков-шестидесятников, стоящих на платформе эссенциализма и убежденных в реальном и относительно неизменном существовании перечисленных социальных категорий (будь то классы или сословия), они находятся, скорее, под влиянием социального конструктивизма или символического интеракционизма. Это означает, что историки, с одной стороны, обращают повышенное внимание на особенности умственной деятельности по категоризации, с другой – подчеркивают изменчивый характер процессов социальной стратификации и социальной идентификации человека, как в настоящем, так и в прошлом. Вопрос о статусе социального «актера» (или «агента») отчасти был дан в языке, отчасти зависел от той сети отношений, в который он оказывался в данный момент. Иначе говоря – вопрос этот был сугубо контекстуальным, являлся результатом переговоров и равновесия сил в каждый конкретный момент. Вторым общим для всех обстоятельств является то, что их исследования в подавляющем большинстве порождены кропотливой работой над нотариальными материалами.

¹⁶ Ramsey Ann W. *Liturgy, Politics, and Salvation: The Catholic League in Paris and the Nature of Catholic Reform, 1540–1630*. Rochester, 1999.

¹⁷ Уваров П.Ю. «Франция XVI в. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.

¹⁸ *Dire et vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime*. P., 2005; *Dire et vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Regime*. P., 2005.

Речь идет о восстановлении сложной грамматики социальных титулатур, используемых современниками, которая не только «отражала» реальное соотношение различных групп, но, как показывают авторы, и сама служила и средством социальной динамики, и ставкой в индивидуальных и коллективных стратегиях социального возвышения или защиты социальных позиций. Популярное разделение на и «эмический» и «этический» подходы (то есть на использующий лишь понятия, свойственные людям прошлого, и на тот, который пытается обойтись без этих понятий¹⁹) оказывается при этом малопродуктивным.

Дело в том, что у современников, судя по всему, вообще не было *единого* скрытого ментального образа социальной стратификации или социальной иерархии – этих образов было великое множество. Для герцога разница между президентом Парламента и купцом была несущественной, столь же несущественной была разница между герцогом и маркизом в глазах скромного виноградаря²⁰. Но все эти множественные классификации всегда были результатом взаимодействия между классифицирующими (преследующими свои цели и руководствующимися своим мыслительным инструментарием²¹) и классифицируемыми, отстаивающими свое собственное представление о себе, о той группе, с которой они в данный момент себя идентифицировали. Важно, что в социальной практике классификационные усилия реализовывались в первую очередь в тех социальных терминах (различного рода «почетных эпитетах», «титулах чести», «величаниях»), которые служили средством социальной идентификации индивида и группы.

¹⁹ Как известно, это разделение было введено в научный оборот социологом Кеннетом Пайком, и впоследствии подвергалось неоднократному переосмыслению. См. *Harris M. History and Significance of the Emic / Etic Distinction // Annual Review of Anthropology. 5, 1976. P. 329–350.*

²⁰ *Burke P. The Language of Orders in Early Modern Europe // Social Orders and Social Classes in Europe since 1500. L., 1992. P. 11.*

²¹ Такими «классифицирующими субъектами» могли, например, выступать чиновники налоговых ведомств – и их интересовала платежеспособность населения и степень надежности их фискальных привилегий. Должностных лиц спикерского суда более интересовала искренность религиозных убеждений, репутация и нравы тех или иных прихожан, хотя степень их благосостояния также принималась во внимание. Женихов, невест и их родителей, а также иных «игроков» на «брачном рынке» интересовали и платежеспособность и религиозные взгляды семьи кандидатов в брачные партнеры, но в расчет также бралось немало иных факторов – внешние данные, возраст, семейные традиции, перспективы социального возвышения рода и проч. Конечно, эти и многие другие «классификационные схемы» не существовали изолированно друг от друга, но постоянно взаимопересекались.

Француз XVI в. мог именоваться, например, как «благородный человек, мэтр Жак Соваж, советник нашего господина короля в его Палате косвенных сборов, сеньор де Гранж», но мог через год назвать себя «почтенным человеком, мэтром Жаком Соважем, парижским буржуа, квартальным в приходе Сен-Северен», причем оба раза с равными на то основаниями. Просто в первом акте (брачный контракт сына) целью Жака Соважа было подчеркнуть свой высокий статус должностного лица, обладание сеньорией и почти дворянское состояние. Во втором акте (дарение в пользу бедных своего прихода) мэтр Соваж подчеркивал свой статус буржуа, надеясь в будущем на участие в выборах на муниципальные должности или на использование парижских привилегий, которые в XVI в. сохраняли немалую привлекательность даже для родовитых дворян. Важно было, чтобы у второй стороны, участвующей в сделке (родителей невесты в одном случае и церковных старост – в другом) не возникло возражений против такого рода именованья.

Инстанцией, которая присваивала человеку то или иное «достоинство» был он сам и его окружение, выражавшее ему свое согласие или несогласие. Легитимация социального порядка зависела от диалогического соглашения, своего рода негласного контракта, и местом, где происходила стабилизации этого «официального» языка была контора нотариуса, где стороны договаривались о характере именованья и величаний так же, как и о материальных условиях сделки. Сен-Симон рассказывал, что продажа герцогства де Верней герцогом Сюлли принцу Конде застопорилось, именно потому, что Конде отказался, чтобы герцог, именовался бы в акте «монсеньором»²².

Роль нотариуса в этом процессе трудно переоценить – он тщательно работал с клиентами, о чем свидетельствуют нотариальные минуты, сохранившие многочисленные исправления и подчистки во фразах, содержащих социальную титулатуру. Порой многое зависело от традиций нотариальной конторы, от обычаев того или иного клерка, от имевшихся под рукой формуляров. Но занятно, что многочисленные пособия для нотариусов²³ хранят почти полное молчание относительно того, кому какой

²² *Saint-Simon H. de. Ecrits inédits / ed. P. Faugère, t. III / 2 Mélanges. P., 1881. P. 170.*

²³ См., например: *Le Protocole: L'art et stille des tabellions notariés. P., 1550; Théorique de l'art des notariés: Pour cognoistre la nature de tous contrats... / Trad. De Latin en François ...par Pardoux de Prat... Lyon, 1582; Papon J. Instrument de premier notaire. Lyon, 1576; Cothereau Ph. La théorique et pratique des notariés, 2 ed. P., 1620; Ferriere Cl. La science parfaite des notariés ou le moyen de faire un parfait notaire. P., 1682.*

«титул» присваивать. Значит, в конечном счете, определяющими являлись позиции клиентов. Нотариус же мог только указывать им на некоторые явные противоречия. Тем не менее, в актах можно встретить немало казусов, содержащих весьма необычные «величания». Как показал наш опыт исследователя, пристальное внимание к этим «странным» актам, их реконтекстуализация, могут принести самые неожиданные результаты. Приведу лишь один из многочисленных примеров. Так, например, Рауль Спифам, адвокат в Парижском парламенте, именуется в акте, как и другие его коллеги, «благородный человек и ученый магистр»²⁴, но добавляет в качестве *dignité d'honneur* («почетного достоинства») указание: «доктор обоих прав» (т.е. канонического и светского). Он и впрямь был доктором, но дело в том, что парижские адвокаты, в отличие от их провинциальных собратьев, к середине XVI в. уже не упоминали об обладании ученой степенью, ставшем к тому времени для них обязательным требованием. То, что Спифам настаивал именно на таком величании, позволяет предположить либо его особую приверженность старине, либо экстравагантность характера. После того, как удалось собрать биографические сведения об этом адвокате – подтвердились обе гипотезы. Выяснилось, что даже на процедуру ежегодной присяги адвокатов, Спифам являлся не в черном, как все, но в алом одеянии, подчеркивая достоинство адвокатского сана и указывая, что на старинных миниатюрах и на фресках адвокаты изображались именно в красных мантиях²⁵.

Нотариальная контора была главным местом «предъявления» своего социального статуса. Нельзя забывать, что нотариус – «хранитель незыблемости клятв» составлял акт, который говорил вовсе не его голосом или голосом клиента. Оригинал акта, выполненный с учетом всех необходимых формальностей («гросса»), составлялся от лица прямого представителя королевской власти, который доводил до общего сведения, что перед такими-то нотариусами, предстали такие-то люди (с полным перечислением их «почетных эпитетов» и «величаний»), которые заявили нижеследующее. Таким образом, сам король, а через него и Христос, чьим земным викарием и был монарх, подтверждал определенный (заранее оговоренный) социальный статус сторон.

Подводя итоги, отметим, что социальная система Старого порядка, запечатленная в зеркале нотариальных актов, представляется теперь совсем иной, чем в работах 50–60-х годов XX в.

²⁴ Archives Nationales de France. V. 87. F. 314.

²⁵ Loisel A. Le dialogue des avocats du Parlement de Paris // Divers traités tirés des mémoires de m. A. Loisel. P., 1651. P. 524–525.

Выясняется, что социальная иерархия, социальная структура не была чем-то данным человеку от века. Действующие лица истории («акторы» по терминологии социологов) были вовлечены в сложный интерактивный процесс, участниками которых были и они сами, их социальное окружение, нотариус и королевская власть в лице различных ее представителей судебных или фискальных чиновников. В борьбе за определение места того или иного человека на шкале социальной иерархии ставки могли быть достаточно велики и стороны пользовались богатым арсеналом различного рода средств: ссылками на прецедент и обычай, указанием на обладание теми или иными привилегиями, подчеркиванием социальной функции человека, обладания им теми или иными социальными свойствами, экономической мощью и т.д.

В связи с этим работа историков, связывающих свою профессиональную деятельность именно с социальной историей, стала намного сложнее, чем раньше. Но мы с полным основанием можем сказать, что и социологи, и историки во Франции вовсе не отказываются от размышлений над формами социальной классификации. Иными словами – социальная история вернулась к «методологически бесплодным» дебатам о социальной стратификации, но вернулась, обогатившись достижениями лингвистического поворота, микроистории, анализа дискурсивных практик, достижениями современных историков права, а также плодами размышлений о когнитивных особенностях деятельности историка. Общество рисуется им теперь бесконечно далеким от упрощенных схем 1960-х годов, сложностей при социальном анализе возникает все больше, но от того их работа видится не менее интересной и плодотворной. И можно с уверенностью сказать, что нотариальные акты и впредь принесут много пользы обновленной социальной истории.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА*

М.Л. Бутовская

Проблема возникновения человеческого общества и ранних этапов его развития является одной из важнейших и наиболее спорных в истории первобытности¹. В настоящее время наряду с традиционными методами исследования (археология палеолита, палеодемографии и палеоантропологии, этнографии)² все чаще применяются этологические и эволюционно-психологические подходы³. Этот менее привычный для отечественной истории ракурс представляется вполне обоснованным, принимая во внимание устоявшиеся в настоящее время взгляды о биосоциальной природе человека и новейшие данные из области генетики поведения. Особую роль в реконструкции ранних форм социальной организации человека играет этология приматов и человека⁴.

* Статья подготовлена в рамках исследовательских проектов по грантам РГНФ, № 04-01-00244а, РФФИ, № 04-06-80166а, а также благодаря финансовой поддержке Института этнологии и антропологии РАН, грант на полевые исследования.

¹ *Алексеев В.П.* О некоторых биологических факторах, важных для формирования социальной организации // Советская этнография. 1974. Вып. 5. С. 104–105; *Арутюнов С.А.* О форме стада прелюдей // Там же. С. 106–107; *Файнберг Л.А.* О некоторых предпосылках возникновения социальной организации // Там же. С. 94–103.

² *Артемюва О.Ю.* Времена карандаша, листа бумаги и острого ума миновали? // Этнографическое обозрение. 2002. Вып. 5. С. 23–49; *Артемюва О.Ю.* Охотники-собиратели и теория первобытности. М., 2004; *Перицыц А.И.* Заключение // История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С. 548–549; *Семенов Ю.И.* Предпосылки становления человеческого общества // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 228–292; *Семенов Ю.И.* Возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытно-родовой общины. М., 1986. С. 122–123.

³ *Бутовская М.Л.* Этология человека: истоки и общие представления // Этология человека на пороге 21 века: новые данные и старые проблемы. С. 12–71; *Бутовская М.Л.* Мы и они: эволюция социальности в отряде приматов и проблема происхождения человеческого общества // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии, 2002. Вып. 1–2. С. 7–25; *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004; *Dunbar R.I.M.* Determinants of group size: a general model // Proceedings of the British Academy. 1996. Vol. 88. P. 33–57; *Wrangham R.M., Boesch C.* Cultures in chimpanzees // Nature. 1999. Vol. 399. P. 682–685.

⁴ *Бутовская М.Л.* Мы и они: эволюция социальности...; *Бутовская М.Л., Файнберг Л.А.* У истоков человеческого общества. М., 1993; *Voehum C.* Segmentary warfare and the management of conflict: Comparison of East African chimpanzees

Мысль о необходимости учета приматологических данных для изучения истоков социогенеза не нова. Еще Ф. Энгельс подчеркивал в своих работах наличие явной преемственности между формами организации животных предков человека и социумом древнейших людей. Однако, реальные возможности для использования фундированных данных из области приматологии появились сравнительно недавно – в последние несколько десятков лет, что объясняется аккумуляцией достаточного объема данных многолетнего мониторинга за поведением сообществ разных видов обезьян (прежде всего, человекообразных – шимпанзе, бонобо, горилл и орангутанов) в природе, и информации, полученной на базе приматологических центров, в том числе и Русского приматологического Центра при Институте медицинской приматологии, а в период до распада СССР Сухумского приматологического центра при Институте экспериментальной патологии и терапии.

О возможности использования этологических данных по современному человеку для моделирования процессов социального поведения и социальной структуры человека палеолита уверенно заговорили сравнительно недавно – в последней трети XX века⁵. Принципиально новым и многообещающим можно считать использование материалов по этологии человека, накопившихся к настоящему моменту времени в достаточном для теоретических обобщений объеме количестве. Это, прежде всего, данные по альтруизму и кооперации, репродуктивному успеху, манипулированию родительским вкладом в обществах охотников-собирателей (далее ОС), мотыжных земледельцев и скотоводов⁶. В последние

and patrilineal-patrilocal humans // *Coalitions and Alliances in Humans and Other Animals*. Harcourt A.H., de Waal F.B. Oxford, 1992. P. 137–173; *Bohum C.*, Hierarchy in the Forest. Cambridge, 1999; *Butovskaya M.* Biosocial preconditions for socio-political alternativity // *Civilizational Models of Politogenesis*. M., 2000. P. 35–53; *Waal F.B. de*. Good Natured. Cambridge, 1996; *Wrangham R., Peterson D.* Demonic males: Apes and the origins of human violence. Boston, 1996.

⁵ *Trivers R.L.* Parental investment and sexual selection // *Sexual selection and the descent of man: 1871–1971*. Chicago, 1972. P. 136–179; *Wilson E.O.* Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, 1975; *Eibl-Eibesfeldt I.* Human Ethology, N.Y., 1989; *Chagnon N.* Yanomamo. Fort Worth, 1997; *Marlowe F.* Why Hadza are still hunter-gatherers // *Ethnicity, hunter-gatherers, and «other»: Association or assimilation in Africa* / S. Kent ed. Washington: Smithsonian Institution Press, 2002. P. 247–275; *Mealey L.* Sex Differences: Development and Evolutionary Strategies. San Diego, 2000.

⁶ *Hames R.* Sharing among the Yanomamo: part 1, the effects of risk // *Risk and uncertainty in tribal and peasant economies*. Boulder: University of Colorado Press, 1990. P. 89–106; *Hawkes K.* Why do men hunt? Benefits for risky choices? // *Risk and Uncertainty in Tribal and Peasant Economies*. E. Cashdan ed. Boulder (Co): Westview Press, 1990; P. 145–166; *Hawkes K.* Why hunter-gatherers work – an ancient version of

годы достигнуты также успехи в изучении базовых механизмов агрессии и примирения у человека, существенную роль в понимании этих процессов сыграл комплексный подход в основе которого лежит сочетание этологических, психологических, физиологических и генетических методов⁷. Этологические подходы позволяют придать новый ракурс исследованиям первобытности.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Остановимся вкратце на вопросах методологического характера. Методологической и концептуальной базой этологии человека служит общая этология, в развитии фундаментальных основ которой главная заслуга принадлежит К. Лоренцу и Н. Тинбергену. Современная этология человека использует также представления эволюционной биологии, антропологии, когнитивной и социальной психологии.

Этологи изучают видоспецифичное поведение человека, характеризующее его как особый биологический вид, ориентируясь на четыре основных вопроса: 1) каковы физиологические механизмы поведения; 2) каковы функции данного поведения, обеспечивающие существование человека в естественном для него окружении; 3) каким образом протекает развитие данного поведения в онтогенезе и 4) каким путем шла эволюция данного поведения человека в процессе становления *Homo sapiens*⁸. Спецификой этологии человека является исследование также культурных традиций, развивающихся в ходе человеческой истории.

Согласно этологическим представлениям, всему пластичному человеческому поведению, формирующемуся на основе индивидуального опыта, обучения, культурных традиций, а также способности сознательно ставить цели и контролировать внутренние побуждения, присущи свойства, которые возникли в процессе

the problem of public goods // *Current Anthropology*, 1993. Vol. 34. P. 341–361; *Gurven M., Hill K., Hurtado M., Lyles R.* Food sharing transfers among Hiwi foragers of Venezuela: tests of reciprocity // *Human Ecology*. Vol. 28. P. 171–218; *Smith E.A.* Why do good hunters have higher reproductive success? // *Human Nature*. 2004. Vol. 15/4. P. 343–364; *Wiessner P.* Norm enforcement among the Ju/'hoansi Bushmen: a case of strong reciprocity? // *Human Nature*. 2005. V. 16. P. 115–145.

⁷ *Бутовская М.Л.* Тайны пола: мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино. 2006; *Бутовская М.Л., Смирнов О.В.* Выбор постоянного полового партнера в среде современного московского студенчества: эволюционный анализ // *Этнографическое обозрение*. 2003. Вып. 1. С. 141–163.

⁸ *Бутовская М.Л.* Этология человека: истоки и общие представления // *Экология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы*. М., 1999.

биологической эволюции нашего вида, чтобы обеспечить его выживание, и закрепились в генетических программах. Данные свойства этологи именуют филогенетическими адаптациями. Согласно этологии человека, любое конкретное поведение — результат взаимодействия наследственности, с одной стороны, и внешней среды, индивидуального опыта и культурных традиций, с другой. Критики этологии, признавая роль обоих факторов, настаивают на том, что выделить в поведении вклад каждого из них невозможно и бессмысленно. Отличительной чертой этологии является противоположное убеждение: выявлять и анализировать особенности врожденных и приобретенных черт в развитии поведения не только можно, но и необходимо. Применяя методы и концепции, первоначально выработанные при изучении животных, этологи человека не переносят непосредственно то, что известно о животных, на человека и не проводят прямых аналогий между ними. Согласно этологическим представлениям среди основных принципов и механизмов, на которых базируется поведение человека, действительно есть немало таких, которые он разделяет с животными. Но, прежде всего, этология человека исследует филогенетические адаптации, специфичные для человека, в том числе те, что вывели его на принципиально новый уровень развития, а именно беспрецедентно высокий уровень интеллекта, способность к символическому общению с помощью языка, благодаря которым возникла культура, альтруизм и кооперация.

Этология человека исследует биологические основы культуры, причем речь идет о культуре современного человека, а не только о его далеких гоминидных предках. Ведется изучение *социальных* взаимодействий в повседневной жизни (родственные связи, родительское поведение, репродукцию и выбор брачных партнеров, структурирование социальных отношений в коллективах сверстников и в разновозрастных группировках, межгрупповые взаимодействия), выявляя поведенческие универсалии, их непосредственные механизмы и первичные причины возникновения.

Исходно этология человека фокусировалась на том, как и до какой степени генетически запрограммированы человеческие поступки и действия, а в дальнейшем все больше внимания стала уделять изучению моделей поведения в разных культурах и субкультурах и стратегиям освоения поведенческих навыков в процессе социализации. Таким образом, эта наука изучает не только свойства человеческого поведения, сформировавшиеся в процессе биологической эволюции, но и его индивидуальную и культурную изменчивость. Особый интерес для этологии человека представляет анализ поведенческих стратегий в ситуациях, когда

факторы среды (социальной и физической), действуют вразрез с адаптациями, закрепившимися в поведении человека на протяжении миллионов лет его эволюции. Примером может служить наметившаяся в современном индустриальном обществе ориентация на более поздний возраст обзаведения потомством, сокращение среднего числа детей в семье или изменение стандартов женской красоты в пользу недифференцированного подросткового типа⁹.

Этологический подход противостоит инвайронменталистскому подходу к поведению человека, в рамках которого влияние среды рассматривается как определяющий и практически единственный фактор формирования поведения. В этом плане этология человека противостоит исповедующему такой подход бихевиоризму, который рассматривает человека как чистый лист, заявляя, что путем манипулирования поощрениями и наказаниями можно сформировать любое поведение и что даже человеческие эмоции являются продуктом обучения. Этологи отвергают также и абсолютизацию культурного релятивизма в антропологии и социологии (Ф. Боас, М. Мид), согласно которому каждая культура рассматривается как уникальный конструкт, практически полностью исключаящий влияние биологической природы человека на формирование поведенческих навыков в процессе социализации.

Этологию человека, анализирующую поведение человека с эволюционной точки зрения, иногда несправедливо сближают с социал-дарвинизмом, который является детищем философа Г. Спенсера и генетика Ф. Гальтона (последний был антидарвинистом). В основе социал-дарвинизма лежит абсолютно не дарвинистская идея поддержания чистоты вида. В теории Спенсера борьба за существование превратилась в «закон джунглей», а естественный отбор представлялся в виде физического устранения слабых соперников в непрестанной войне всех против всех. Ч. Дарвин с исключительной осторожностью подходил к обсуждению эволюции поведения человека. Говоря о борьбе за существование и выживании наиболее приспособленных, он подразумевал при этом лишь одно: приспособленные оставляют больше потомства. «Социально неуспешные» низшие слои общества, на борьбу с которыми был направлен пафос социал-дарвинизма, в действительности вели себя в точном соответствии с дарвиновской теорией и демонстрировали максимальную приспособленность – воспроизводили себя с максимальной скоростью.

⁹ Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура. М., 2004; Она же. Тайна пола: мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино, 2004.

Заимствовав основные концепции и методы из общей этологии, этология человека адаптировала их в соответствии с необходимыми требованиями, связанными с уникальным положением человека среди других представителей животного царства.

Главное внимание в этологии человека уделяется изучению поведения в естественной для человека обстановке и ситуациях или в условиях, максимально приближенных к естественным. Кроме того, ставятся и специальные эксперименты, но они обычно спланированы так, чтобы как можно меньше искажать структуру нормального спонтанного поведения. Важной особенностью этологии является применение методов прямого невключенного наблюдения.

Сравнительный метод исследования является важнейшим для этологии. Изучая сходство и различие в поведении людей, этологи выявляют универсальные черты, свойственные нашему виду и проявление этих универсалий в различных культурах. Для этих целей в основном практикуется метод кросс-культурного сравнения, но в некоторых случаях проводятся сравнения и с поведением животных, главным образом человекообразных обезьян. Сравнение между человеком и животными чаще всего проводится в области функциональных аналогий. Примером такой аналогии этологи считают преподнесение подарков во многих церемониях приветствия и у людей, и у животных¹⁰. Между поведением людей и человекообразных обезьян были замечены также и некоторые гомологичные сходства, например, в области мимики. При кросс-культурных сравнениях человеческого поведения этологи применяют понятия гомологии и аналогии не только по отношению к филогенетическим адаптациям, но и к особенностям, сформированным культурой. Этология человека анализирует сходство и различие на разных уровнях интеграции поведения: на уровне отдельных двигательных актов, поведенческих последовательностей, стратегий поведения, социальных организаций, норм социального поведения и др. Айбл-Айбесфельдт¹¹ вместе со своими сотрудниками собрал обширный архив видеоматериалов, зафиксировавших повседневное поведение людей, относящихся к разным, в основном традиционным, культурам (различным африканским племенам, южно-американским индейцам и др.), а также к некоторым западным культурам.

Уникальные этологические данные получают также путем тщательного анализа исторических материалов: летописей,

¹⁰ Бутовская М.Л. Язык тела...

¹¹ См.: Eibl-Eibesfeldt J. Op. cit.

эпоса, хроник, литературы, прессы, живописи и других предметов искусства.

Важнейшее место в этологии человека занимает изучение филогенетических адаптаций в поведении человека, которые проявляются в разной форме и на всех уровнях интеграции поведения. Указывается, что эти адаптации определяют закономерности сенсорного восприятия и его избирательность. Этологи полагают, что у человека, как и у животных, существуют особые нейросенсорные механизмы, так называемые врожденные разрешающие (пусковые) механизмы, реагирующие на специфические «ключевые стимулы» и запускающие в ответ на них определенное поведение. Типичным примером, по мнению этологов, являются реакции новорожденных на выражения лица у других детей и взрослых. Мимика выступает здесь в качестве «релизера» – врожденного социального сигнала, выработанного в ходе эволюции. Другим примером релизеров считаются пропорции головы и всего тела у маленьких детей (детская схема), вызывающие у взрослых по отношению к ним покровительственное поведение. Подчеркивая почти неограниченную способность человека к произвольным движениям, этологи указывают на то, что генетические программы влияют и на моторную сторону поведения, определяя форму некоторых движений, особенно у младенцев. По мнению этологов, врожденными являются также основные элементы мимики и некоторые жесты. Этологи пришли к выводу о наличии у человека и генетически запрограммированных базовых мотиваций к различным видам деятельности¹². В частности, было показано, что у человека имеются сложные генетические программы, управляющие обучением. Наличие врожденных программ обучения, объясняет, например, стремление детей учиться новому и все более сложному. Свидетельством существования таких программ, по мнению этологов, является и поразительное сходство в освоении коммуникативных навыков (прежде всего невербальных) в разных культурах. Предполагается наличие врожденного механизма освоения языка. С точки зрения этологии, наследственные программы обучения организованы таким образом, что уже предполагают обязательное наличие культурных влияний.

Филогенетические адаптации, изучаемые в этологии человека, могут относиться не только к отдельным поведенческим актам, но и определять характер объединения отдельных поведенческих единиц в более крупные блоки и последовательности.

¹² Archer J. *Ethology and Human Development*. N.Y., 1992: *Eibl-Eibesfeldt I.* Op. cit.; *Cartwright J.* 2000. *Evolution and Human Behaviour*. London: Macmillan Press LTD.

Исследования этологов показали, что при всем разнообразии способов, используемых человеком для организации своих действий, в его поведении существуют универсальные правила взаимодействия, которые Айбл-Айбесфельдт назвал универсальной грамматикой человеческого поведения. Так, во всех культурах в церемониях приветствия сочетаются дружественные и агрессивные элементы, хотя формы их проявления разные. В западных странах официального гостя могут встречать на правительственном уровне военным парадом и салютом и одновременно его будет приветствовать молодая девушка или ребенок с букетом цветов, хлебом-солью. На острове Бали гостя встретят угрожающим мужским военным танцем и умиротворяющим женским танцем с подношением даров в виде гирлянд из цветов.

Этология человека исследует, как филогенетические адаптации влияют на поведение, обусловленное культурными традициями. Например, было показано, что мода и реклама стремятся выделять и подчеркивать те телесные особенности человека, те движения, позы и жесты, которые играют роль релизеров в социальном поведении. Анализируя защитные фигурки и обереги, широко распространенные в традиционных культурах, этологи обнаружили, что мимика и позы, характерные для этих предметов, представляют собой агрессивные, подчиненные и умиротворяющие демонстрации (высунутый язык, оскаленные зубы, эректированный пенис, глаз), которые универсальны для человека и по этой причине легко понимаются представителями даже далеких друг от друга культур. Этология человека изучает культурные традиции и в тех аспектах, которые не связаны с врожденными программами. Именно этологи обратили внимание на то, что развитие культурных традиций подчиняется некоторым принципам и закономерностям, которые наблюдаются в биологической эволюции. Культура обеспечивает адаптацию человека к окружающему миру, выполняя многие функциональные требования, сходные, по мнению этологов, с теми, которым отвечают биологические приспособления¹³.

Этология рассматривает поведение человека как континуум, одной стороной которого являются относительно стабильные элементы (поведенческие универсалии), а другой – сильно изменчивые, культурно-специфичные формы. То обстоятельство, что какое-то поведение встречается во всех культурах, впрочем, еще не является для этологов свидетельством его врожденной основы. Во многих случаях сходство поведенческих стратегий объясняется

¹³ Бутовская М.Л. Этология человека...; Boyd R., Richerson P.J. Culture and the Evolutionary Process. Chicago, 1985; Eibl-Eibesfeldt J. Op. cit.

одинаковыми культурными потребностями. Так, во всех человеческих культурах люди пользуются огнем, но способы его добычи и сохранения варьируют.

В русле этологической парадигмы, человек по самой своей биологической природе является культурным существом, именно человеческая биология вынуждает его усваивать культуру – язык, верования, обычаи, мораль. Этологи говорят о существовании у людей двух взаимодополняющих врожденных мотиваций: с одной стороны, к поддержанию групповых норм, охватывающих всю социо-культурную сферу, а с другой – к усилению межгрупповых различий. Мощная тенденция к развитию культурного разнообразия, представляет собой филогенетическую адаптацию, обеспечившую освоение человеком всего земного шара и его выживание в самых разнообразных условиях.

ПРОБЛЕМА ГРАНИ И ЛИНЕЙНОСТИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОСТИ

Вопрос о грани между человеком и животными традиционно являлся одним из основных в марксистской антропологической науке. Вторым краеугольным камнем служили представления о линейном, однонаправленном и постепенном развитии форм общественного поведения от простых к сложным. В настоящее время накопилась масса эмпирических данных, свидетельствующих об ошибочности этих положений.

По мере накопления этологических данных о жизни обезьян в естественной среде обитания, факт преемственности базовых моделей социальных отношений у приматов и человека стал очевидным. Способность к самоузнаванию, целепологанию, долгосрочной памяти, способность к предсказыванию действий окружающих, постижение общих закономерностей социальных отношений в пределах группы, обман сородичей – вот далеко не полный список базовых характеристик, сделавших возможным развитие сложных социальных отношений в сообществах наших далеких предков – первых представителей рода¹⁴. Все эти качества, по крайней мере, в зачаточном виде, отмечены у человекообразных обезьян: шимпанзе, бонобо, горилл, орангутанов¹⁵.

¹⁴ Byrne R.W. *The thinking Ape*. Oxford, 1995; Waal F.B. de. *The Ape and the Sushi Master*. N.Y., 2001.

¹⁵ Butovskaya M. Biosocial Reconditions for socio-political alternativity // *Civilizational Models of Politogenesis*. 2000. P. 35–53; Waal F.B. *Good Natured*. Cambridge, 1996; Waal F.B. de. *Cultural primatology comes of age* // *Nature*. 1999. Vol. 399. P. 635–636.

Сравнительное сопоставление данных приматологии, социальной антропологии и палеоантропологии, как представляется, позволяет внести некоторую ясность в вопросы о биологических корнях таких явлений, как системы передачи социальной информации, системы родства, брачная структура и принципы социальной стратификации, разделение труда между полами¹⁶.

ГРУППОВОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ОБЕЗЬЯН – ВАЖНЕЙШАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Современный человек обладает максимальным разнообразием типов социальных структур и стилей доминирования на межпопуляционном уровне по сравнению с любым из ныне живущих видов обезьян. Связано ли такое разнообразие с социо-экологическими факторами? Новые сведения о ранних гомининах дают некоторые основания поразмышлять об их социальной организации с учетом данных о социо-экологии современных обезьян Старого Света.

Групповой образ жизни типичен для всех обезьян Старого и Нового Света. Есть все основания полагать, что ранние гоминины произошли от африканских человекообразных обезьян, ведущих общественный образ жизни. В этом смысле, развитие социальности у человека представляет собой продолжение общей линии на усложнение социальных отношений в группах, отчетливо заметное в отряде приматов.

Что вынуждает обезьян объединяться в группы и терпеть связанные с этим многочисленные неудобства (конкуренцию за пищу, репродуктивных партнеров, места отдыха). Что заставило ранних гомининов вести общественный образ жизни? В настоящее время существуют две гипотезы, объясняющие причины, приведшие к групповому образу жизни и развитию тесных связей на внутригрупповом уровне. Обе они, как нам представляется, могут быть использованы для реконструкции ранних этапов социогенеза.

Гипотеза 1: Социальность как способ защиты от хищников. Первая гипотеза была предложена в 1960-е годы и предполагает, что социальность у приматов формировалась под влиянием прессы хищников. В наши дни это предположение находит новые

¹⁶ *Бутовская М.Л.* Файнберг. Указ. соч.; *Butovskaya M.L.* Coping with social tension in primate societies: Strategic modelling of early hominid lifestyles // *Hominid Evolution: Lifestyles and Survival Strategies*. Schwelm, 1999. P. 44–54; *Butovskaya M.L.* The social adaptations of early hominids to various environments during the plio-pleistocene // *Anthropologie*, 1999. Vol. XXXVII. N 1. P. 27–31.

подтверждения¹⁷. В подавляющем большинстве своем, обезьяны – средние по размерам животные и уступают по силе хищным. Питаются обезьяны преимущественно фруктами и листьями, их зубная система адаптирована к данному типу кормов. Поэтому, клыки обезьян, хотя и развиты, не идут ни в какое сравнение с клыками хищников. Нет у обезьян также мощных когтей, рогов или копыт. Отчасти, безопасность обеспечивает древесный образ жизни. В условиях тропического леса обезьянам легко скрываться от опасности в густой листве. Однако, ряд таксонов (павианы, гусары, некоторые виды макак и мартышек) частично или полностью перешли к наземному образу жизни. По мере увеличения общей доли времени, проводимого на земле, опасность погибнуть в зубах леопарда, льва или гиены многократно возрастала, ведь обезьяны не способны перемещаться с той же скоростью, что их потенциальные враги. Наземные формы эволюционировали в сторону увеличения общих размеров тела (при прочих равных условиях в пределах одного рода наземные формы крупнее древесных). Выраженный половой диморфизм у наземных форм (самцы значительно крупнее самок) так же, по всей видимости, связан с противодействием хищникам¹⁸.

Вместе с тем, для обезьян именно социальность становится главной адаптацией в борьбе за выживание в гонке вооружений «хищник – жертва». В более открытой местности, обезьяны формируют группы более крупные по размеру и более компактные. Тенденция к увеличению размеров группы прослеживается даже в пределах одного вида, популяции которого населяют лесные и саванные экосистемы. Так, например, наблюдения за группами шимпанзе из разных национальных парков показывают, что популяции, живущие на границе саванны, как правило, разбиваются на партии большего размера, чем в условиях леса, такие партии всегда содержат в составе одного или нескольких взрослых самцов, самки с детенышами не отваживаются путешествовать в одиночку (гора Ассирик, Сенегал).

Хотя очевидно, что линия гоминин возникла и на первых этапах развивалась в условиях лесных и лесо-саванных экосистем, можно с полным основанием полагать, что при переходе к жизни в более открытой местности, группы гоминин стали более сплоченными, компактными, и размеры их укрупнились. Кроме того, ясно, что в состав групп входило несколько взрослых самцов и несколько взрослых самок, плюс их потомство разного

¹⁷ Schail C.P. van, Hooff J. van. On the ultimate causes of primate social systems // Behaviour. 1983. Vol. 85. P. 91–117.

¹⁸ Бутовская М.Л. Мы и они...; Она же. Язык тела...

возраста. Кооперация самцов при защите, обеспечение безопасности самок и детенышей, несомненно, вышли на первый план, когда ранние гоминины стали осваивать саванну. Примерные размеры группы у ранних гоминин, вероятнее всего, можно оценивать в 30–100 особей.

Гипотеза 2: Социальность как способ успешной конкуренции за пищевые ресурсы. Вторая гипотеза делает упор на необходимость формирования прочных групп для успешной конкуренции за пищевые ресурсы с представителями своего вида. Наблюдения показывают, что более сплоченными являются группы у тех видов, которые преимущественно питаются зрелыми плодами и орехами. Фруктовые деревья занимают небольшие участки территории, расположены в пространстве неравномерно, зрелые фрукты на деревьях можно застать лишь в определенный сезон. Потребность во фруктах существует всегда, однако, обеспечить ее бывает очень непросто. Группы одного вида конкурируют между собой за доступ к плодовым деревьям. Чем больше размеры группы, тем больше шансов завладеть привлекательной пищей.

Современная эволюционная теория предполагает, что каждая особь стремится максимизировать свою итоговую приспособленность, для чего выбирает жизненные стратегии, позволяющие ей оптимизировать свои возможности в конкретных условиях среды¹⁹. Одним из факторов, ограничивающих свободу особи, является размер группы, в которой она обитает. В свою очередь, размеры группы определяются средой обитания. Три фактора среды выступают в этом случае как особенно значимые: 1. наличие ресурсов и компактность их распределения в пространстве (эти факторы налагают ограничения на рост размеров группы); 2. качество пищевых ресурсов и терморегуляция (оказывают влияние на бюджет времени); оба фактора напрямую зависят от климата, в котором обитает данный вид; 3. опасность со стороны хищников и прямая конкуренция со стороны представителей своего собственного вида ставят нижние пределы для размеров группы, ниже которых животные уже не смогут выстоять против давления хищников и сородичей из соседних групп. В процессе эволюции указанные ограничения способствуют формированию когнитивных механизмов, направленных на стимулирование групповой интеграции в соответствии с оптимальными размерами группы, типичными для данного вида. Они же накладывают ограничения на верхние пределы размеров группы, типичные для конкретного вида²⁰.

¹⁹ *Williamson D.K., Dunbar R. Energetics, time budgets and group size // Comparative Primate Socioecology. Cambridge. 1999. P. 320–338.*

²⁰ *Ibid.*

Установлена связь между наземным образом жизни, пищевой специализацией и общими размерами группы. Как показывают расчеты английского исследователя Р. Данбара²¹, наземные фруктоядные и неспециализированные (всеядные) виды преимущественно формируют большие группы с избирательными конкурентными отношениями между самками. Эта модель находит подтверждение на примере разных видов макак, шимпанзе и бонобо. Напротив, у видов, предпочитающих преимущественно питаться листьями и травянистыми растениями, нет причин для пищевой конкуренции, ведь на территории каждой группы пищи достаточно и «засматриваться» на кормовые уголья соседей не имеет смысла. У листовидных видов, группы, как правило, меньше по размерам, а связи между сородичами не столь прочны. Примером такого рода служат лангуры, гверцы, гориллы.

СОЦИОЭКОЛОГИЯ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОТРЯДЕ ПРИМАТОВ

Сложная социальная среда требует развитой системы коммуникации, эта же среда обеспечивает сохранение и передачу традиций использования орудий в общине. При прочих равных условиях, виды, живущие большими группами, имеют более развитую орудийную деятельность, более сложную систему коммуникации и более развитую кору головного мозга (*Рисунок 1*)²².

Важным фактором развития когнитивных способностей является также питание. Анализ, основанный на 68 независимых параметрах, взятых из главной приматологической базы (119 видов), проделанный Р. Бартоном, дает основания предполагать, что размер мозга независимо и положительно связан с пропорцией фруктов в диете и с размерами группы²³. Адаптивная специализация мозга происходит в определенном направлении. Среди дневных приматов фруктоядные виды имеют большую по размерам зрительную кору, чем листовидные. Эволюция цветового зрения, произошедшая у фруктоядных приматов, затронула и рост неокортекса. В то же время, ограничения на развитие мозга млекопитающих налагаются самим процессом индивидуального

²¹ Dunbar R.I.M. Primate Social Systems. L., 1988; Dunbar R.I.M. Determin of group size: a general model // Proceedings of the British Academy. 1996. Vol. 88. P. 33–37.

²² Dunbar R.I.M. Coevolution of neocortical size, group size and language in humans // Behavioral and Brain Sciences. 1993. Vol. 16. P. 681–735.

²³ Barton R. 1999: The evolutionary ecology of the primate brain // Comparative Primate Socioecology. Cambridge. 1999. P. 167–204.

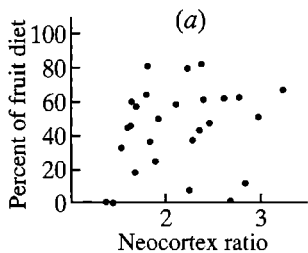
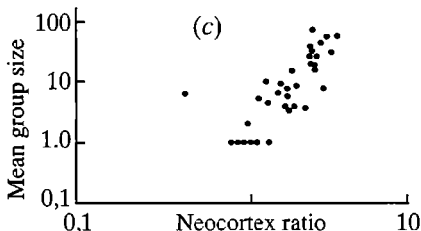
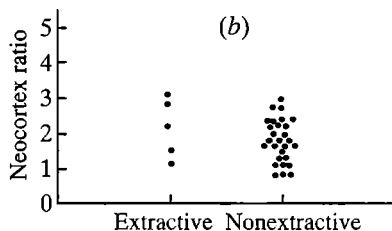

Рис. 1. Взаимосвязь между развитием новой коры и диетой, техникой добычи пищи и средними размерами группы у приматов (дано по Dunbar, 1993)

развития. Увеличение продолжительности периода детства имеет результатом развитие эволюционно более молодых структур, в первую очередь неокортекса (новая кора). Таким образом, получается, что фруктоядность, хотя и не прямо, но способствовала эволюции социального интеллекта у высших обезьян.

Ранние гоминины (например, *O. tugenensis*, *A. anamensis*), несомненно, произошли от фруктоядных предков. С выходом в более открытую местность связывают начало перехода к потреблению в большей доле мясной пищи. По вопросу о том, каким образом ранние Номо добывали мясо нет единого мнения. Одни специалисты полагают, что гоминины были сборщиками падали (тем самым, составляли конкуренцию гиенам)²⁴. Другие находят возможным, что гоминины охотились на дичь мелкого и среднего размера. И в том, и в другом случае следствием подобных инноваций явились: рост внутригрупповой сплоченности, укрупнение размеров группы, увеличение общих размеров групповой территории и рост межгрупповой конкуренции за ресурсы²⁵. Наряду с этим должно было происходить дальнейшее развитие интеллектуальных способностей, связанных с кооперацией для получения доступа к телу убитого животного (падали) и развитием стратегий коллективной охоты²⁶.

²⁴ Cavallo J.A., Blumenshine R.J. Tree-stored leopard kills: Expanding the hominid scavenging niche // *J. Hum. Evol.* 1989. Vol. 18. N 4. P. 393–399.

²⁵ Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. Указ. соч.

²⁶ Этология человека на пороге XXI в. Новые данные и старые проблемы. М., 1999. С. 12–71.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ОБЕЗЬЯН:
РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ

Обе гипотезы (гипотеза пресса хищников и гипотеза межгрупповой конкуренции за пищевые ресурсы) сходятся в одном важном пункте: они признают, что виды существенно различаются, в первую очередь, по характеру внутригрупповых отношений между самками. Пища является основным объектом конкуренции самок, тогда как самцы в первую очередь соревнуются друг с другом за обладание самками²⁷. Такой расклад можно объяснить различием факторов полового отбора, действующих в направлении самок и самцов²⁸.

Можно считать доказанным, что итоговая приспособленность (количество общих генов, переданных потомству данным индивидом и его близкими родственниками) и репродуктивный успех (количество оставленного потомства) определяется различными факторами для самцов и для самок у всех видов млекопитающих. Это правило остается неизменным и применительно к человеку²⁹.

Какой фактор определяет тип связей между представителями одного пола в пределах группы? Одни авторы полагают, что им является конкуренция на межгрупповом уровне, другие, в первую очередь, обращают внимание на причины, порождающие внутригрупповую конкуренцию. Если отталкиваться от базовых теорий эволюционной биологии, самки более всего озабочены поиском ресурсов питания (энергозатраты на производство яйцеклеток, вынашивание, вскармливание и заботу о потомстве у обезьян исключительно велики, а отцы, за небольшим исключением, не принимают участия в родительской заботе)³⁰. В процессе формирования группировок у самок неизбежно возникает конкуренция за пищевые ресурсы. Там, где пищу легко монополизировать, внутригрупповая конкуренция принимает открытые силовые формы (яванские макаки, макаки резусы) и отношения самок характеризуются деспотизмом и непотизмом (предпочтение родственников). Матрилинейные системы (социальные структуры с упором на тесные родственные связи между самками) у приматов, по-видимому, являются результатом эволюции социальных систем в условиях, когда пищевые запасы подлежат монополизации и контролю.

²⁷ *Wrangham R.W.* An ecological model of female-bonded primate groups // *Behaviour*, 1980. Vol. 75. P. 262–300.

²⁸ *Trivers R.L.* Op. cit.; *Mealey L.* Op. cit.

²⁹ *Бутовская М.Л.* Тайны пола...; *Low B.S.* Why Sex Matters: A Darwinian Look at Human Behavior. Princeton & Oxford, 2000.

³⁰ *Бутовская М.Л., Смирнов О.В.* Указ. соч.

Там, где пищевые ресурсы небогаты и распределены в пространстве дисперсно, конкуренция носит завуалированный, непрямой характер и с высокой долей вероятности, формируются социальные структуры без тесных связей между самками (саймири – обезьяны Нового Света)³¹. Если же ресурсы имеются в изобилии и распространены на большом пространстве, а не сконцентрированы в небольшой зоне, конкуренция между самками и во все отсутствует (томасовы лангуры), а отношения между самками характеризуются исключительной терпимостью³². Самки не объединяются в сплоченные группы по родственно-клановому признаку, и их связи друг с другом выражены слабо.

Типы внутригрупповых отношений между самками (тесные или слабые связи) формируются, главным образом, под влиянием прямой внутригрупповой конкуренции за пищу. Этот фактор оказывается более значимым, нежели межгрупповая конкуренция за ресурсы. Многие виды со слабой внутригрупповой конкуренцией между самками – листовидные формы (гориллы), тогда как большинство видов с развитыми связями самок на групповом уровне – специализируются на питании фруктами (макаки). Дополнительным стимулом к объединению самок в группы является опасность нападения со стороны хищников.

А как обстоит дело с самцами? Ведь они – неотъемлемая составная часть социальных объединений у обезьян, и во всех человеческих культурах. Модель, прогнозирующая отношения между самцами, была предложена Я. ван Хофом и К. ван Схайком³³. Исходя из социо-экологических представлений, именно самки являются основным ограниченным ресурсом для самцов. Ресурсом, которым крайне трудно делиться с другими самцами (ведь реальным отцом детеныша в каждом случае может стать лишь один из них). Отбор неуклонно действует в пользу тех самцов, которые оставляют больше потомства, кто способен обеспечить себе доступ к большему числу репродуктивных самок.

Вклад самцов в непосредственное воспитание детенышей у большинства обезьян незначителен. Исключение составляют обезьяны Нового Света (игрунки, тамарины, тити, калимики, совиные обезьяны) – у которых самцы заботятся о детенышах, носят, кормят и защищают. Поэтому, для межсамцовой конкурен-

³¹ *Strier K.* Why is female kin bonding so rare? Comparative sociality of neotropical primates // *Comparative Primate Socilecology*. Cambridge, 1999. P. 300–319.

³² *Sterck E., Watts D., Schaik C.P. van.* The evolution of female social relationships in nonhuman primates // *Behavioral Ecology and Sciobiology*. 1997. Vol. 41. P. 291–301.

³³ *Hooff J. van, Schaik C.P. van.* Male bonds: affiliative relationships among non-human primate males // *Behaviour*, 1994. Vol. 130. P. 309–337.

ции, пищевые ресурсы – фактор значимый, но вторичный. Правда, ресурсы можно монополизировать и защищать от других самцов, привлекая ими самок. В силу этих обстоятельств, самцы менее «сентиментальны» и «привязчивы» друг к другу, а самки к своим родственницам и подругам проявляют большую терпимость. Союзы самцов друг с другом в основном принимают формы кооперативных агонистических (враждебных) альянсов против других самцов или реципрокного альтруизма (оказание взаимных услуг)³⁴.

Указанные различия в отношении к представителям своего пола являются базовыми. Различия сохраняются и у современного человека. Наши данные, наряду с исследованиями других авторов показывают, что с раннего детства мальчики и девочки ведут себя различно: мальчики более агрессивны и конкурентно, а девочки более дружелюбно и подчиненно³⁵. Девочки и женщины демонстрируют большую социальную компетентность, чем мальчики и мужчины соответственно³⁶. Женщины более склонны к состраданию и жалости и во многих действиях руководствуются эмпатией (способность к сопереживанию и оказанию конструктивной помощи), тогда как у мужчин ведущим фактором, определяющим социальные решения, является конкуренция (они даже кооперируются с друг другом часто для того, чтобы успешнее конкурировать).

КООПЕРАЦИЯ САМЦОВ И САМОК В СООБЩЕСТВАХ У СОВРЕМЕННЫХ АФРИКАНСКИХ ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫХ ОБЕЗЬЯН И У РАННИХ ГОМИНИН

Разнообразие типов иерархических структур у современного человека можно рассматривать как результат эволюционного развития социальных структур у ранних гоминин. Отдельные общины черты социального поведения последних представляется возможным реконструировать на основе данных по социо-эколо-

³⁴ Hooff J. van, Schaik C.P. van. Male bonds: affiliative relationships among non-human primate males // Behaviour, 1994. Vol. 130. P. 309–337.

³⁵ Бутовская М.Л. Формирование гендерных стереотипов у детей: социокультурная и социобиологическая парадигма – диалог или новое противостояние? // Этнографическое обозрение. 1997. Вып. 4. С. 104–122; Butovskaya M.L. Reconciliation after conflicts: ethological analysis of post-conflict interactions in Kalmyk children // Cross-cultural approaches to research on aggression and reconciliation. N.Y., 2001. P. 167–190.

³⁶ Butovskaya M.L., Demianovitsch A.N. Social Competence and Behavior Evaluation (SCBE-30) and Socialization Values (SVQ): Russian Children Ages 3 to 6 Years // Early Education and Development, 2002. Vol. 13. N 2. P. 153–170.

гии ныне живущих приматов. Прежде всего, интерес в этом плане представляют наши ближайшие родственники шимпанзе и бонобо. Последний общий предок человека и шимпанзе существовал в Африке примерно 8–9 миллионов лет назад. Разделение единого вида протошимпанзе на шимпанзе и бонобо произошло и вовсе «недавно» – примерно 2–3 млн лет назад и поэтому, ни один из видов не является филогенетически более родственным человеку.

Большинство специалистов сходятся во мнении, что социальные структуры ранних гоминин строились на принципах патрилокальности, родства между самцами и конкурентных альянсов между ними. Однако, в отличие от этнографических обществ, родство между самцами должно было в этих случаях определяться по материнской линии, поскольку отец был неизвестен. Именно такая модель поведения типична для шимпанзе и бонобо. Вместе с тем, патрилокальность у человекообразных обезьян не всегда однозначно связана с доминированием мужского пола над женским. Например у бонобо, самки покидают родную группу, достигнув половой зрелости, но их статус в группе достаточно высок. Самки могут даже сообща доминировать над самцами при конкуренции за доступ к ограниченным пищевым ресурсам.

У шимпанзе связи между самками действительно менее прочные и дружественные, чем между самцами, и все же, они способны время от времени организовывать устойчивые избирательные коалиции друг с другом. Например, в колонии Арнемского зоопарка самки даже участвовали в выборе лидера группы и, порой, определяли социальное положение конкретного самца³⁷. В естественной среде обитания коалиции самок выражены менее отчетливо. Однако, когда в одном сообществе оказываются мать и взрослая дочь, кооперация самок принимает выраженные формы (такие примеры описывает Дж. Гудолл в национальном парке Гомбе, Танзания)³⁸. Такое случается в двух случаях: когда часть самок остается в родном сообществе, достигнув зрелости, или, когда в соседнее сообщество переходят мать и дочь.

Раньше принято было думать, что связи между самками в сообществах гоминин были слабыми. Дело в том, что в отличие от низших узконосых обезьян (макак, мартышек, павианов), связи между самками вряд ли опирались на родственные отношения: и у шимпанзе, и у бонобо самки не формируют матрилиний, и часто покидают родную группу, достигнув половой зрелости. В условиях патрилокальности какая-либо существенная роль самок в

³⁷ Wall F. de. Chimpanzee Politics. N.Y., 1982.

³⁸ Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение. М., 1992.

Типы групповых отношений у африканских человекообразных обезьян, современного человека и ранних гоминин

Виды	Устойчивые социальные связи	Контактная агрессия		Доминирование		Альянсы	
		♂	♀	♂	♀	♂	♀
Горилла	♂ ♀	В	Н	Д	П	КА	Н
Шимпанзе	♂♂, ♀♀*	В	Н	Д	П	КА	ДП
Бонобо	♂♂, ♀♀, ♂♀	Н	Н	Д*	Д*	КА	ДП
Современный человек	♂♂, ♀♀, ♂♀	В	Н	Д	Д*	КА	ДП
Ранние гоминины	♂♂, ♂♀, ♀♀	?	Н	Д	Д*	КА	ДП

Дано по: *Butovskaya* 1999.

Условные обозначения: ♀ ♀* – тесные дружественные связи между самками возможны при некоторых условиях; В – высокий; Н – низкий, Д – самцы доминируют над самками; П – самки, подчиненные по отношению к самцам; Д* – самцы и самки могут доминировать над противоположным полом при определенных условиях; КА – конкурентные альянсы; ДП – дружественные предпочтения; Н – отсутствуют; ? – невозможно предсказать

системе управления группой считалась маловероятной. С накоплением полевых материалов о социальных отношениях в сообществах у бонобо, эта точка зрения постепенно пересматривается. У бонобо самки в целом обладают более высоким социальным статусом, чем у обыкновенного шимпанзе и могут даже сообще объединяться против самцов, доминируя над ними. В этом плане их сообщества отчетливо матрицентричны.

Во многих человеческих обществах женщины явно продолжают следовать той же модели, их связи друг с другом характеризуются исключительной стабильностью. В значительном числе традиционных обществ, женщина, переходя в дом мужа, устанавливает тесные связи, включая совместную работу по дому и обязанности по выращиванию детей, с родственницами мужа. Замужняя женщина часто продолжает поддерживать тесные связи с родителями, сестрами и тетками. Связи мужчины с родственниками жены представляют важную социальную характеристику многих обществ охотников-собирателей (например, бушменов).

Роль самок в сообществах ранних гоминин с большой долей вероятности была значимой, а их связи друг с другом – хорошо развиты, однако, маловероятно, что самки принимали участие в межгрупповых конфликтах (если таковые имели место), или патрулировали границы своей территории наравне с самцами (*Таблица 1*).

ИНФАНТИЦИД
КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ САМОК
У ОБЕЗЬЯН

Другим часто игнорируемым фактором, способствующим развитию дружественных связей между самками, является опасность инфантицида (убийство детенышей своего вида) со стороны самцов (как будет показано ниже, такая адаптация реально существует у нескольких видов приматов). Инфантицид является одной из важнейших репродуктивной стратегией у самцов приматов³⁹. В человеческом обществе, инфантицид преимущественно попадает в категорию стратегий манипулирования родительским вкладом⁴⁰. По данным В. Шивенховела, дети рожденные от внебрачных связей, или дети от прошлых браков оказываются более вероятными жертвами инфантицида в 15 из 39 традиционных обществ, практикующих этот обычай. Не только на Новой Гвинее, но и в большинстве культур мира, убивают преимущественно новорожденных девочек⁴¹. В большинстве случаев убивают детей преимущественно женщины (в том числе и сами матери), однако, «смертельный приговор» выносится супругами или родственниками коллективно. Отсутствие одного или обоих биологических родителей также является существенным фактором риска для ребенка. Данные по аче, современным охотникам-собираателям Парагвая, дают возможность заключить, что дети, у которых нет отца, имеют в 15 раз больше шансов погибнуть от инфантицида в возрасте от двух до пятнадцати лет, чем их сверстники, имеющие отцов. Инфантицид в современном обществе продолжает практиковаться в качестве мужской репродуктивной стратегии. По данным М. Дали и М. Уилсон⁴², в западных обществах, риск погибнуть в первые два года жизни для усыновленных детей в 65 раз выше, по сравнению со сверстниками, живущими с двумя биологическими родителями, причем, убийцами оказываются преимущественно приемные отцы.

В сообществах приматов инфантицид, очевидным образом, снижает итоговую приспособленность самок. Поэтому, не удивительно, что у них выработались специальные стратегии, препятствующие убийству детенышей самцами. У одних таксонов обезьян

³⁹ *Schaik C.P. van.* Infanticide by male primates: the sexual selection hypothesis revisited // *Infanticide by males and its implications/ Cambridge, 2000. P. 27–60.*

⁴⁰ *Hrdy S.B.* *Mother Nature.* N.Y., 1999.

⁴¹ *Schieffenhovel W.* Reproduction and sex ratio manipulation through preferential female infanticide among the Eipo, in the highlands of western New Guinea // *The Sociobiology of Sexual and Reproductive Strategies.* L., 1989. P. 170–193.

⁴² *Daly M., Wilson M.* *Homicide.* N.Y., 1988.

(например, у макаков и мартышек) это достигается за счет исключительной сплоченности самок. Они коллективно защищают детенышей от самцов-пришельцев. У других таксонов (например, колобусов или лангуров) типичной реакцией на чужака является эмиграция самок и дробление группы на более мелкие.

Не последнюю роль в защите от инфантицида играют стратегии, направленные на формирование постоянных связей самец-самка. Развитие устойчивых парных отношений, по-видимому могло играть определенную роль в эволюции человеческого общества (не важно, являлись ли эти отношения моногамными или полигамными). Однако, само по себе наличие устойчивой связи самец-самка еще не обеспечивает защиты от инфантицида. Как уже отмечалось выше, инфантицид может носить селективный характер: родители предпочитают иметь сыновей, а не дочерей. Если в семье уже имеется одна девочка, все последующие убиваются вскоре после рождения⁴³.

ИЕРАРХИЯ, ДОМИНИРУЮЩИЙ ПОЛ И ДЕЛЕЖ ПИЩЕЙ

Шимпанзе и бонобо по целому ряду признаков социального поведения отличаются друг от друга. Кого же из них следует считать ближе по своей социальной организации к ранним гомининам?

Одни авторы видят в качестве модели шимпанзе обыкновенного, другие – отстаивают приоритеты бонобо⁴⁴. Очевидно, что на этот вопрос трудно дать 100% достоверный ответ, однако, определенные допущения с учетом данных о сходстве морфологии и экологии сравниваемых видов имеют право на существование.

Данные из области социоэкологии приматов указывают на сложный характер взаимосвязей между моделью дисперсии и характером доминирования в пределах пола и между полами. Шимпанзе, и у бонобо разительно различаются между собой по этим показателям (Таблица 1). У шимпанзе самцы тесно взаимосвязаны друг с другом, и эти связи напрямую определяют структуру иерархии доминирования в сообществе. При изменении положения самца на иерархической лестнице, меняется и круг его партнеров по альянсам. Груминг (чистка шерсти) у самцов шимпанзе, является эффективной социальной тактикой, обеспечивающей формирование альянсов против других членов группы.

⁴³ Hrdi S.B. Op. cit.

⁴⁴ Wrangham R.W. The significance of African apes for reconstructing human evolution // The Evolution of Human Behavior: Primate Models. N.Y., 1987. P. 51–71; Zihlman A. Reconstructions reconsidered: chimpanzee models and human evolution // Great Ape Societies. Cambridge, 1990. P. 293–304.

Напротив, у бонобо, иерархия доминирования самцов выражена менее отчетливо, самцы реже объединяются друг с другом и редко формируют конкурентные альянсы.

У бонобо связи между самками значительно более выражены⁴⁵. Поскольку большинство взрослых самок в группах у бонобо не родственники, единственным объяснением данного феномена является тот факт, что при переходе в новую группу они активно практикуют стратегию «социальной адаптации». Суть стратегии сводится к установлению дружественных связей со старшей и наиболее высокоранговой самкой сообщества⁴⁶. В отличие от самцов шимпанзе, груминг между самками бонобо положительно коррелирует с дружественными связями, и никоим образом не может объясняться в терминах платы вышестоящей особи за поддержку в агрессивных конфликтах. Высокранговые самки бонобо не только не являются более частым объектом груминга по сравнению с подчиненными самками, но зачастую сами чаще чистят низкоранговых партнеров.

У шимпанзе дележ пищей более типичен для самцов, чем для самок. У бонобо дележ пищей более типичен для взаимоотношений в парах самец-самка, однако, дележ растительной пищей между самками (в том числе неродственными) также не является исключением из правил. Отношения между самками бонобо в целом характеризуются высоким уровнем социальности: самки часто вступают в дружественные контакты друг с другом и взаимные умиротворяющие действия между ними – явление распространенное. Представляется, что у ранних гоминин отношения между самками более соответствовали модели бонобо⁴⁷.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ У ШИМПАНЗЕ, БОНОБО И РАННИХ ГОМИНИН

Различия между шимпанзе и бонобо в структуре социального поведения отчасти объяснимы, если обратиться к анализу конкуренции между самцами за доступ к репродуктивным самкам⁴⁸. У самок бонобо период псевдо-эструса (наличие набуханий поло-

⁴⁵ *Badrian A., Badrian N.* Social organization of *Pan paniscus* in the Lomako Forest, Zaire. The Pigmy Chimpanzee. N.Y., 1984. P. 325–346.

⁴⁶ *Kano T.* The Last Ape: Pygmy Chimpanzee Behavior and Ecology. Stanford, 1992.

⁴⁷ *Butovskaya M.L.* The social adaptations of early hominids to various environments during the plio-pelisticene // *Anthropologie*. 1999. Vol. XXXVII. N 1. P. 27–31.

⁴⁸ *Гудолл Дж.* Указ. соч.; *Kano T.* Social behavior of wild pygmy chimpanzees (*Pan paniscus*) of Wamba: a preliminary report // *Journal of Human Evolution*. 1980. Vol. 9. P. 243–260; *Kano T.* The Last Ape...

вой кожи, служащих обычно индикаторами рецептивности, в период, когда зачатие невозможно) значительно длиннее, чем у шимпанзе, и в этих условиях попытки доминантного самца монополизовать самку приносят меньше выгод. Самки демонстрируют сексуальную активность, будучи беременными, и вскоре после рождения детеныша. Сексуальное поведение у бонобо (как у самок, так и у самцов) часто используется для снятия социальной напряженности⁴⁹.

Обращаясь к моделям поведения ранних гоминин, нужно иметь в виду, что на каком-то этапе эволюции в линии, ведущей к человеку, произошло исчезновение внешних признаков овуляции. Аналогично самцам бонобо, у самцов ранних гоминин могла понизиться внутригрупповая конкуренция за самку (Таблица 1). Отсутствие сезонности размножения у этих форм также должно было снижать межсамцовую конкуренцию. Доминирующим фактором, снижающим половую конкуренцию, могла выступить синхронизация менструальных циклов самок из одной группы (отголоски этого явления наблюдаются и у современного человека). В этих условиях эффективность практики монополизации рецептивных самок доминантным самцом была бы сомнительной.

Данные палеоантропологии свидетельствуют о том, что ранние гоминины (например, *A. afarensis*) обладали сильно выраженным половым диморфизмом по размерам тела, сопоставимым лишь с таковым у современных горилл, орангутанов или павианов гамадрилов. У современных приматов большие размеры тела самцов, как правило, связываются исследователями с половым отбором и внутривидовой конкуренцией. Наибольший диморфизм отмечается у видов с полигинными системами социальной организации, в рамках которых конкуренция самцов за доступ к самкам принимает особо выраженные формы⁵⁰. Применительно к ранним гомининам эти параллели имеют, по крайней мере, одно существенное ограничение: у приматов конкуренция между самцами сопряжена не только с увеличением общих размеров тела, но и приводит к увеличению размеров клыков.

Одной из загадок для антропологов является выраженный половой диморфизм у ранних австралопитековых (*A. afarensis*), в силу того обстоятельства, что эти формы рассматривались в качестве предковых для линии *Homo*. Половой диморфизм австрало-

⁴⁹ Kano T., Mulavwa M. Feeding ecology of pygmy chimpanzees (*Pan paniscus*) of Wamba. The Pygmy Chimpanzee. Ed. R. Sussman. N.Y., 1984. P. 233–274; Waal F.B. de. Bonobo, sex and society // Scientific American. March, 1995. P. 82–88.

⁵⁰ Plavcan J.M. Sexual Dimorphism in Primate Evolution // Yearbook of Physical Anthropology. 2001. Vol. 44. P. 25–53.

питековых не укладывается в общую схему, описанную выше для отряда приматов.

Хотя у ранних австралопитековых клыки были крупнее, чем у более поздних гоминин, и несколько крупнее у самцов, чем у самок, совершенно очевидно, что размеры клыков у самцов были много меньше, чем следовало бы ожидать, исходя из данных о различии размеров тела самцов и самок. Даже если социальная организация ранних австралопитековых и строилась на принципах выраженной конкуренции между самцами, должны были существовать мощные факторы, действующие в направлении уменьшения размеров клыков у самцов и самок. Эти факторы перевешивали преимущества, которые могли извлекать самцы от больших клыков, вступая в драки за самок.

Находка оррорина и сахелянтропа, возможно, делают проблему более разрешимой. Может оказаться, что австралопитековые (даже ранние) являлись сестринской линией по отношению к линии Номо. Степень диморфизма у этих форм может оказаться вполне умеренной, и находиться в пределах диморфизма, отмеченного у шимпанзе и бонобо.

УДЛИНЕНИЕ ПЕРИОДА ДЕТСТВА И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ

В процессе эволюции рода Номо происходит увеличение общей продолжительности жизни и значительное удлинение периодов детства и юности. Продолжительное детство и связанная с этим беспомощность младенцев делали матерей более зависимыми от других членов группы. До недавнего времени считалось, что единственным выходом из этой ситуации было активное привлечение мужчин (отцов) к заботе о потомстве. В начале 80-х годов XX в. К. Лавджой предположил, что моногамия (устойчивые парные связи между самцом и самкой) сформировались уже у ранних австралопитековых, и многие особенности социального поведения более поздних форм являются следствием этой трансформации⁵¹. Однако, в дальнейшем эта точка зрения была пересмотрена. Современный человек и его гомининные предки с большой долей вероятности эволюционировали как виды, ориентированные на полигамию. Скорее всего, у ранних гоминин это принимало формы ограниченного промискуитета (это означает, что самки вступали в половые связи с несколькими самцами, а самцы – с несколькими самками, но при этом имело место избега-

⁵¹ Lovejoy C.O. The origin of man // Science. 1981. Vol. 211. P. 341–350.

ние половых связей между близкими родственниками)⁵². Аналогично тому, как это происходит, например, у макак или павианов, между отдельными самцами и самками у ранних гоминин могли существовать дружественные связи. Наличие таких предпочтений не обязательно коррелирует с сексуальными связями.

По мере удлинения периода младенческой беспомощности (с возникновением *Homo erectus* около 2 млн лет назад) мог совершиться и переход к формированию устойчивых пар. В настоящее время трудно сказать однозначно, принимало ли это формы сериальной моногамии (существование пары мужчина – женщина определенное время) или умеренной полигамии. Отголоски практики сериальной моногамии, по мнению американского антрополога Х. Фишер, можно обнаружить в большинстве современных обществ: анализ динамики разводов свидетельствует, что пик их приходится на 4-й год совместного существования⁵³. С другой стороны, особенности строения половой системы современных мужчин, свидетельствуют по мнению антропологов о том, что человек эволюционировал как вид, практикующий полигинию (связи одного мужчины с несколькими женщинами).

Анализ типов репродуктивных отношений у обезьян, указывает на их связь с экологическими условиями обитания. Так, например, у павианов прослеживается отчетливая связь между богатством кормовой базы, жизнью на открытых пространствах и прессом хищников, с одной стороны, и типом связей самец-самка, с другой. Павианы чакма живут в условиях открытых пространств, относительного обилия пищи и постоянной угрозы нападения со стороны хищников, и для них характерны многосамцовые группы и промискуитетные связи. Анубисы могут видоизменять структуру группы: в местности с достаточным количеством корма и опасностью со стороны хищников, их группы напоминают по структуре и репродуктивным связям павианов чакма. В среде, обедненной ресурсами и более безопасной, они формируют односамцовые группы гаремного типа. Наконец, павианы гамадрилы, обитающие в бедной пищевыми ресурсами местности, в условиях относительной безопасности, формируют устойчивые гаремные группы и связи самец-самка исключительно прочны и долговременны. Моногамия в условиях парного образа жизни – достаточно редкое явление в мире приматов, и встречается исключительно на фоне древесного образа жизни в густой листве.

⁵² Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. Указ. соч.

⁵³ Fisher H.E. Evolution of human serial pairbonding // Amer. J. Phys. Anthropol. 1989. Vol. 78. P. 331–354.

ГИПОТЕЗА «ЗАБОТЛИВЫХ БАБУШЕК»

Изменения в структуре онтогенеза привели к еще одной значимой инновации – появлению менопаузы. Менопауза имеет место только у человека и в выраженном виде у других современных приматов отсутствует. Ее возникновение для антропологов являлось загадкой до тех пор, пока Н.Блертон Джонс с соавторами не предложили гипотезу, объясняющую данное явление. Гипотеза «заботливых бабушек» предполагает, что пожилые женщины играли, и играют в настоящее время, существенную роль в выживании детей. Исследования, проведенные в современных обществах ОС и у ранних земледельцев, как в матрилинейных (счет родства в таких обществах идет по материнской линии), так и в патрилинейных группах (счет родства по отцовской линии), подтверждают справедливость этого предположения. Действительно, бабушки со стороны матери часто обеспечивают значительную долю пропитания для внуков, принося растительную пищу и мелких беспозвоночных (аче Парагвая, хадза Танзании, бушмены Намибии). Помимо всего прочего, бабушки присматривают за старшими детьми. С точки зрения эволюционной психологии менопауза является адаптивным новообразованием. Старшие женщины имеют меньше шансов выкормить собственных детей из-за высокой смертности, но они могут повышать свою приспособленность, заботясь о внуках.

СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ГРУПП И ДИЕТА РАННИХ ГОМИНИН

О диете животных возможно судить по строению их пищеварительного тракта и особенностям зубной системы. Последнее оказывается исключительно важным для палеоантропологии. Ранние гоминины (австралопитековые), по всей видимости, питались преимущественно растительной пищей. Причем, маловероятно, чтобы основу их диеты составляли фрукты, как это отмечено для современных шимпанзе и бонобо. У раннего представителя гоминин, сахелянтропа чадского, отмечена более толстая зубная эмаль, более крупные коренные зубы, стертые кончики клыков, что свидетельствует о том, что особи этого вида регулярно употребляли грубую растительную пищу. Анализ микроструктуры зубной поверхности говорит о том, что ранние австралопитековые были специализированными растительноядными формами. Растительная пища могла составлять более 90% диеты австралопитековых⁵⁴.

⁵⁴ Eaton S.B. Fibre intake in pre-historic times // *Dietary Fibre Perspectives*. L., 1988. P. 27–40.

Весьма часто зубная система у приматов отражает адаптацию к пищевым ресурсам, которые используются именно в голодные сезоны. Периоды с ограниченным количеством доступных фруктов и семян – не редкость в тропиках, даже когда речь идет о тропических лесах, и современные африканские человекообразные обезьяны в это время начинают потреблять существенную долю листьев и молодых побегов⁵⁵. Ранние гоминины также сталкивались с проблемой сухих сезонов. В этих условиях они нашли, скорее всего, иное, по сравнению с шимпанзе, решение: судя по зубной морфологии, важным источником пищи для них стали подземные клубни и корневища⁵⁶.

Идея о существенной доле клубней в диете австралопитековых базируется не только на данных о строении зубной системы, но и оправдана с точки зрения экологии, ботаники и палеонтологии. Прежде всего, очевидно, что клубни как водозапасающие органы имеются в большом количестве в саванне. По данным А. Винсента⁵⁷ в саванне Танзании плотность пригодных к пище клубней составляет до 40 000 кг на кв. км., в сравнении лишь с 100 кг корнеплодов на кв. км в тропических лесах Центрально-Африканской Республики, по данным С. и А. Хладиков⁵⁸.

НОМО ERECTUS И АНАТОМИЧЕСКИ СОВРЕМЕННЫЕ НОМО: ДИЕТА И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ

Примерно около 1,9–1,8 млн лет назад человек широко расселился по территории Африки и впервые вышел за ее пределы. Началась колонизация Евразии. Освоение новых территорий стало возможным благодаря морфофизиологическим (увеличение общих размеров тела, снижение полового диморфизма, изменение пропорций и формы тела, удлинение нижних и укорачивание верхних конечностей, изменение строения пищеварительной системы, совершенствование дыхательной системы) и поведенческим перестройкам (изготовление орудий ашельского типа; пере-

⁵⁵ Wrangham R.W., Chapman C.A., Clark-Arcadi A.P., Isabirye-Basuta G. Social ecology of Kanyawara chimpanzees: implications for understanding the costs of great ape groups // Great Ape Societies. Cambridge. 1996. P. 45–57.

⁵⁶ Hatley T., Kappelman J. Bears, pigs, and Plio-Pleistocene hominids: A case for the exploitation of below-ground food resources // Human Ecology, 1980. Vol. 8. P. 371–387.

⁵⁷ Vincent A.S. Plant foods in savanna environments: A preliminary report of tubers by eaten by the Hadza of northern Tanzania // World Archeology, 1984. Vol. 17. P. 131–148.

⁵⁸ Hladik C.M., Hladik A. Food resources of the rain forest // Food and Nutrition in the African Rain Forest. 1990. P. 14–18.

дача навыков изготовления орудий; новые способы добычи и обработки пищи; большая социальная интеграция) произошедшим у *Homo erectus*.

Данные археологии и палеонтологии позволяют предполагать, что *Homo erectus* уже регулярно охотился на крупного зверя. На стоянках (точнее, на местах разделки туш), датированных 2,0–1,5 млн лет, найдены скопления костей крупных животных (преимущественно принадлежащие копытным), несущие на себе следы от каменных орудий. Одно из свидетельств – костные останки женщины, обитающей в Кооби Форэ (северная Кения) примерно 1,6 млн лет назад. На ее длинных костях было обнаружено аномальное разрастание верхнего костного слоя, которое специалисты связывают с избыточным потреблением витамина А. Женщина могла получить подобное отравление лишь одним способом: регулярно используя в пищу печень крупных хищных животных. Аналогичные симптомы поражения костей описаны у исследователей Арктики, вынужденных питаться печенью полярных медведей. Другим аргументом в пользу большой доли мясной пищи в рационе эректусов служит форма их зубной системы: зубы этих гоминин хорошо приспособлены к кусанию и разрыванию на части мяса, и куда менее пригодны к регулярному пережевыванию и перетиранию грубой растительной пищи (последняя могла бы теоретически служить альтернативой мясной диете в сухие сезоны года).

С развитием практики регулярной охоты на крупного зверя могли произойти важнейшие перестройки социальной жизни первобытных коллективов: 1. повышение кооперации между мужчинами, входящими в группу, что было необходимо для успешной коллективной охоты и защиты от соседних групп (кооперация мужчин могла осуществляться на родственной основе); 2. развитие практики дележа пищей (прежде всего, мясом) в пределах группы; 3. увеличение средних размеров группы; 4. развитие речи (усовершенствование способов передачи информации на расстоянии без участия рук). С эректусом связано также первое использование огня на местах стоянок (обогрев, защита от хищников в темное время суток). Именно *Homo erectus*, по-видимому, первым освоил и термальную обработку пищи (как растительную, так и животную) (Таблица 2)⁵⁹. Изобретателями новой технологии с большой долей вероятности являлись женщины, проводившие у огня больше времени. Предположительно, термальная обработка пищи, сделав ее более усвояемой, оказала существенное влияние на морфологические перестройки тела человека (изменение

⁵⁹ Wrangham R.W. et al. Op. cit.

Влияние мясной пищи и термальной обработки на дневное количество потребляемой с пищей энергии в гипотетической диете ранних Номо

Тип пищи	Диета ранних гоминид			20% мяса		40% мяса		60% мяса		Приготовление на огне, в рационе нет мяса	
	% от диеты	кал/день	г сух. веса	Г сух. веса	кал/день	г сух. веса	кал/день	г сух. веса	кал/день	г сух. веса	кал/день
Фрукты	20	400	140	112	320	84	240	56	160	140	400
Семена	20	400	189	151	320	113	240	75	160	189	491
Клубни	60	1200	638	511	960	383	720	255	480	638	1966
Мясо	0	0	0	194	534	387	1067	580	1601	0	0
Всего	100	2000	967	967	2134	967	2267	967	2401	979	2857
% изменений					6,7%		13,4%		20,0%		42,9%

Дано по Wrangham R.W. et al., 1999. P. 573.

Условные обозначения: Предполагаемый дневной рацион ранних Номо, равный 2000 кал/день, состоял примерно из 20% фруктов, 20% семян и 60% клубней. Суммарный сухой вес пищи для такой диеты равен 967 г. Во всех последующих расчетах сухой вес остается стабильным. Предполагается, что включение мяса в диету привело к сокращению потребления других источников пищи в равной степени. Термальная обработка пищи обеспечила поступление удвоенного количества энергии, полученной из углеводов, содержащихся в клубнях, и до 60% из углеводов, содержащихся в семенах.

пропорций тела – укорочение размеров корпуса и, прежде всего брюшного отдела). С *Nomo erectus*, в настоящее время принято связывать и окончательное разделение труда между полами при котором: за мужчиной всецело закрепилась роль охотника и защитника группы, а за женщиной – роль собирательницы (растительные продукты, мелкие беспозвоночные) и хранительницы очага (приготовление пищи, работы в пределах стоянки, уход за детьми)⁶⁰.

Nomo erectus сумел адаптироваться к жизни в условиях выраженной сезонности и расселился там, где само выживание группы существенным образом зависело от регулярной и успешной охоты. В данных обстоятельствах должен был происходить интенсивный отбор на кооперацию и дележ пищей с членами группы. Мы располагаем лишь косвенными, палеоантропологическими свидетельствами в пользу этого предположения (см. выше), а так же данными из области этнографии современных охотников и

⁶⁰ Ibid.

собирателей. К. Хилл и М. Хуртадо⁶¹ провели анализ данных о процессах распределения пищи в группах у аче восточного Парагвая (80% диеты составляет мясной рацион). Оказалось, что в среднем две трети пищи, потребляемой каждым индивидом, была добыта сородичем, не входящим в состав нуклеарной семьи потребителя. Такая система распределения пищевых ресурсов обеспечивает оптимальные условия для выживания группы в целом, и существенно снижает риск остаться голодным.

Развитие системы дележа пищей на групповом уровне можно, в первую очередь, связывать с проявлением реципрокного альтруизма. Первые шаги в этом направлении, по-видимому, были сделаны *Homo erectus*.

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Долгое время в советской истории первобытности превалировала точка зрения о единообразных путях социальной эволюции в разных районах мира. В рамках этих представлений считалось, что в развитии общества присутствовала стадия, характеризующаяся доминированием женщин в семье и обществе: матриархат⁶². В настоящее время представление о матриархате полностью ушло в прошлое. Дело в том, что мы не располагаем данными ни об одном обществе (современном или исторически описанном), в котором бы властные функции систематически осуществлялись женщинами, и в котором политические решения были бы устойчивой прерогативой женщин⁶³. Даже в матрилинейных обществах, где счет родства ведется по материнской линии, управление традиционно осуществлялось мужчинами, родственниками тех женщин, через которых прослеживалось родство⁶⁴. Как в патрилинейных, так и в матрилинейных обществах, мужчины обладают более высоким статусом и властью по сравнению с женщинами.

В рамках представлений о матриархате, как стадии развития человеческого общества бытовала также гипотеза о большей древности социальных структур со счетом родства по материн-

⁶¹ Hill K., Hurtado M. Ache life history: The ecology and demography of a foraging people. N.Y., 1996.

⁶² Семенов Ю.И. Предпосылки становления человеческого общества.

⁶³ Low B.S. Why Sex Matters: A Darwinian Look at Human Behavior. Princeton & Oxford, 2000.

⁶⁴ Артемова О.Ю. Матриархат // Народы и Религии Мира. Энциклопедия. М., 1998. С. 889.

ской линии. Эволюционисты-этнологи полагали, что первично связи между мужчинами и женщинами не были фиксированы, отношения между полами носили промискуитетный характер (беспорядочные половые сношения мужчин и женщин), а позднее брак приобрел групповые формы. Такие представления не находят подтверждения ни в этнографических источниках, ни в данных приматологии. Складывается впечатление, что счет родства по материнской линии был преимущественно характерен для ранних земледельцев (акан, малаяяли, минанкабау)⁶⁵. Хотя у ОС они так же известны, для них, в целом, более характерны патрилинейные или билатеральные системы счета родства. Обычно сторонники гипотезы исторической первичности матрилинейного счета родства как один из аргументов ссылаются на якобы зафиксированные многократно факты перехода от матрилинейности к патрилинейности и на отсутствие обратных переходов⁶⁶. Современные исследователи считают, что подобные свидетельства еще нуждаются в дополнительном анализе. В самом ли деле это переход от одного счета родства к другому или реконструкция перехода по пережиткам – не известно⁶⁷.

В советской этнологии долгое время преобладало представление о том, что патриархат представлял собой универсальную стадию в развитии общества и был тесно сопряжен с периодом разложения первобытно-общинного строя и зарождением классов⁶⁸. Патриархат характеризовался такими признаками, как непререкаемая власть отца в семье, захват мужчинами властных функций в обществе, патрилинейность (счет родства ведется по отцовской линии), полигиния, брачный выкуп⁶⁹. Однако, даже в таких «мужских» культурах как датог северной Танзании, статус женщин достаточно высок, а их свобода не ограничена большим количеством условностей.

В настоящее время считается очевидным, что не все общества, обладающие социальной и имущественной стратификацией, имеют (или имели в прошлом) патриархальное устройство. Доминирование мужского пола над женским в семье и обществе, счет

⁶⁵ *Артемова О.Ю.* Времена карандаша, листа бумаги и острого ума миновали? // *Этнографическое Обозрение.* 2002. Вып. 5. С. 23–49.

⁶⁶ *Семенов Ю.И.* Возникновение первобытной родовой общины // *История первобытного общества. Эпоха первобытно-родовой общины.* М., 1986. С. 122–123; *Перицыц А.И.* Заключение // *История первобытного общества. Эпоха классовобразования.* М., 1988. С. 548–549.

⁶⁷ *Артемова О.Ю.* Охотники-собиратели и теория первобытности. М., 2004.

⁶⁸ *Перицыц А.И.* Указ. соч.

⁶⁹ *Артемова О.Ю.* Патриархат // *Народы и Религии Мира. Энциклопедия.* М., 1998. С. 893.

родства по отцовской линии в выраженной форме присутствует у одних охотников-собирателей (например, у австралийских аборигенов) и отсутствует у других (бушмены, пигмеи, хадза). Патриархат представляет собой социально-бытовой уклад жизни, и его возникновение не связано однозначно с конкретным уровнем социально-экономического развития⁷⁰.

Выше мы уже говорили о том, что филогенетические взаимоотношения между разными группами гоминин не укладывается в линейную схему, а скорее напоминает куст. Развитие человеческого общества так же не укладывается в линейную схему⁷¹. На формирование тех или иных форм социальной организации существенное влияние могли оказывать филогенетическая инерция, история конкретной группы и экологические условия (среда обитания)⁷². По мнению Р. Фоули⁷³ социальная организация человека выводима из социальной организации сходной с таковой у современных шимпанзе. Важным моментом здесь является патрилокальность.

Есть все основания думать, что политическая власть уже на ранних стадиях развития общества по большей части концентрировалась в руках мужчин. Важнейшим шагом на пути к формированию человеческого общества являлось формирование более крупных и могущественных политических объединений и, по мнению Е. Тейлора, Л. Уайта и К. Леви-Стросса⁷⁴ роль ведущей интегрирующей силы в этом процессе сыграла экзогамия. Тейлор, в частности, писал, что «у первобытных племен существует один единственный способ поддержания устойчивых альянсов друг с другом, и этот способ – обмен брачными партнерами. Женщины осуществляют особую функцию мирителей. Являясь сестрами по отношению к одному клану и женами по отношению к другому (экзогамия), они прилагают массу усилий, чтобы снизить вероятность взаимных нападений и восстановить нарушен-

⁷⁰ Artemova O. Initial phases of politogenesis // *Civilizational Models of Politogenesis*. М., 2000. P. 54–72.

⁷¹ Butovskaya M., Korotayev A., Kazankov A. Variabilite des relations sociales chez les primates humains et non humains: a la recherche d'un paradigme general // *Primatologie*. 2000. Vol. 3. P. 319–363.

⁷² Butovskaya M. Biosocial preconditions for socio-political alternativity // *Civilizational Models of Politogenesis*. М., 2000. P. 35–53.

⁷³ Foley R.A. Hominid behavioural evolution: missing links in comparative socioecology // *Comparative Primate Socioecology*. Cambridge, 1999. P. 363–386.

⁷⁴ Tylor E.B. On the method of investigating the development of institutions: Applied to the laws of marriage and descent // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1888. Vol. 18. P. 245–272; Levi-Strauss C. *The elementary structures of kinship*. Boston, 1969; White L.A. *The evolution of culture*. N.Y., 1959.

ные отношения, если столкновения все же имели место». Е. Тейлор, Л. Уайт и К. Леви-Стросс видели в экзогамии «начало» социальной организации человека и идентифицировали это явление с обменом брачными партнерами. Значительно позднее, в 70–90-е годы XX в., наблюдения за поведением обезьян (в том числе, и человекообразных), показали, что экзогамия (дисперсия одного конкретного пола по достижению половой зрелости в соседнюю группу) – типичное явление в мире приматов⁷⁵. Экзогамия в этом случае никоим образом не связана с установлением межгрупповых альянсов. Например, сообщество павианов гамадрилов организовано по многоуровневому принципу⁷⁶. Оно состоит из односамцовых гаремных единиц, объединенных в кланы самцов родственников, кланы объединяются в банды, состоящие из неродственных животных. Банды объединяются в более крупные структуры. Самцы, члены клана, никогда не переходят в другие банды. Вместе с тем, взрослые самки чаще всего переходят в другие кланы в пределах банды и могут переходить так же в другие банды⁷⁷. Для сообщества павианов гамадрилов характерно наличие родственных альянсов между самцами, экзогамия за пределы родственной группы. Важно отметить, что между альянсами самцов и экзогамией нет никакой связи⁷⁸.

Забота самцов о потомстве могла послужить одной из важных составляющих для формирования устойчивой пары (и основы брака у гоминин), однако следует представлять себе, что вклад самцов в заботу о подрастающем поколении мог осуществляться и вне постоянных пар. Например, у саванных павианов, самцы-друзья формируют устойчивые аффилиативные связи с потомством самки-подруги⁷⁹. Забота самца о детях, таким образом не всегда тесно скоррелирована с формированием постоянных пар у приматов и, возможно, это же правило распространяется также на гоминин. Следовательно, не обязательно рассматривать отцовскую заботу как производное от института брака.

Вторым распространенным заблуждением является представление о том, что предпосылкой для межгрупповых альянсов является контроль мужчин за женской сексуальностью⁸⁰. Это условие

⁷⁵ Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. Указ. соч.

⁷⁶ Kummer H. Social organization of hamadryas baboons. Chicago, 1968.

⁷⁷ Sigg H., Stolba J., Abegglen J., Dasser V. Live history of hamadryas baboons: Physical development, infant mortality, reproductive parameters, and family relationships // *Primates*. 1982. Vol. 23. P. 473–487.

⁷⁸ Rodseth L., Wrangham R.W., Harrigan A.M., Smuts B. The Human Community as a Primate Society // *Current Anthropology*. 1991. Vol. 32. N 3. P. 221–254.

⁷⁹ Smuts B.B. Sex and friendship in baboons. Hawthorne, 1985.

⁸⁰ Levi Strauss C. Op. cit.

вряд ли было обязательным для сообществ гоминин. Женщины, переходя в соседнюю группу, могли продолжать поддерживать дружественные связи с родственниками и формировать при этом временные сексуальные связи с резидентными мужчинами. Л. Родсез с соавторами⁸¹ полагают, что женщины играли роль миротворцев, сплавивая соседние группы еще до того, как возник институт брака. Принципиально новым шагом в социальном поведении гоминин, таким образом, следует считать не возникновение экзогамии и избегания инцеста, а формирование устойчивых сексуальных пар.

В обществах верхнего палеолита, обитающих в условиях холодного климата, где большую часть года выживание группы зависело от удачной охоты на крупного зверя, роль мужчины могла резко возрасти. Доминирование мужского пола над женским закреплялось с развитием новых сфер социальной жизни: первобытной магии, обрядной и ритуальной деятельности (в большинстве обществ охотников-собираателей магическими обрядами и ритуалами руководят мужчины).

Развитие реципрокного альтруизма достигло своего пика в форме генерализованной реципрокности. По мнению К. Бохума⁸², это стало возможным лишь на определенной стадии развития интеллектуальных способностей человека, и лишь с появлением анатомически современного человека (около 100 тыс. лет назад). К этому же времени следует относить и появление первых истинно эгалитарных обществ. В условиях ледникового периода охота на большого зверя стала единственным способом выживания. При этом широкое распространение могли получить практики, препятствующие неравенству в распределении ресурсов питания (ограничение доминирования лидера группы коллективными усилиями подчиненных). Тактики контроля за доминантными индивидами, выработанные группой в ледниковый период, оставались привлекательными для человека и в межледниковье в силу того обстоятельства, что подчиненные члены группы почувствовали «вкус» к политической независимости⁸³. Любое проявление антисоциального агрессивного поведения на внутригрупповом уровне становилось социально наказуемым и потому неадаптивным для индивида.

В дискуссиях о первичной эгалитарности и последовавшим за этим ростом иерархичности с зарождением классового общества очевидно следует поставить точку. Эгалитарность нельзя считать типичным признаком определенного этапа развития обще-

⁸¹ *Rodseth et al. Op. cit.*

⁸² *Bohum C. Hierarchy in the Forest. 1999. Cambridge Mass.*

⁸³ *Ibid.*

ства⁸⁴. Сравнительный анализ социальной структуры и социальных взаимоотношений у близкородственных таксонов приматов свидетельствует о существенных вариациях по признаку эгалитарность – выраженная иерархичность. У охотников-собирателей наблюдаются как эгалитарные, так и иерархические социальные структурные образования. Так, для хадза и бушменов характерен выраженный эгалитаризм, тогда, как для австралийских аборигенов и тасманийцев в прошлом были характерны неэгалитарные формы социальных отношений⁸⁵. Структуры эгалитарного и иерархического типа легко и быстро возникают при определенных экологических и социальных предпосылках. Так, на уровне простой земледельческой сельской общины две китайские деревни на Тайване, связанные друг с другом недавним общим прошлым, сформировали принципиально разные социальные системы⁸⁶. Деревня Чунгче характеризовалась иерархичной системой, состоящей из патрилиниджей, одна из которых отчетливо доминировала над другой политически, тогда как в другой деревне, Татъех, сформировалась эгалитарная система на основе корпоративных кросс-родственных связей, что привело к тому, что глава деревни поочередно выбирался из нелокализованных агнатных диссидентных групп.

Раз изобретенная и отработанная на групповом уровне, практика эгалитаризма не могла остаться незамеченной соседними популяциями. В условиях, когда ограничения на неравное распределение пищи являлись залогом выживания группы, эгалитарные стратегии успешно конкурировали с жесткими иерархическими отношениями. Как было недавно показано нами совместно с А.В. Коротаевым и А.А. Казанковым⁸⁷, раз возникнув, традиция эгалитаризма продолжает непрерывно существовать в человеческой культуре, находя условия для своей реализации на базе самых-различных социо-экономических укладов (начиная от охотников-собирателей и кончая современным постиндустриальным обществом западного типа).

Нами было показано, что базовые характеристики социальных систем, таких как деспотизм и эгалитарность, обеспечивают сходным набором поведенческих адаптаций у низших и высших обезьян, более того, сходные принципы возможно вычленил также при анализе социальных систем у человека. Важным коммуникативным элементом, обеспечивающим социальную инте-

⁸⁴ *Butovskaya et al. Op. cit.*

⁸⁵ *Clark G., Peggott S. Prehistoric Societies. L., 1970.*

⁸⁶ *Pasternak B. Kinship and Community in Two Chinese Villages. Stanford, 1972.*

⁸⁷ *Butovskaya et al. Op. cit.*

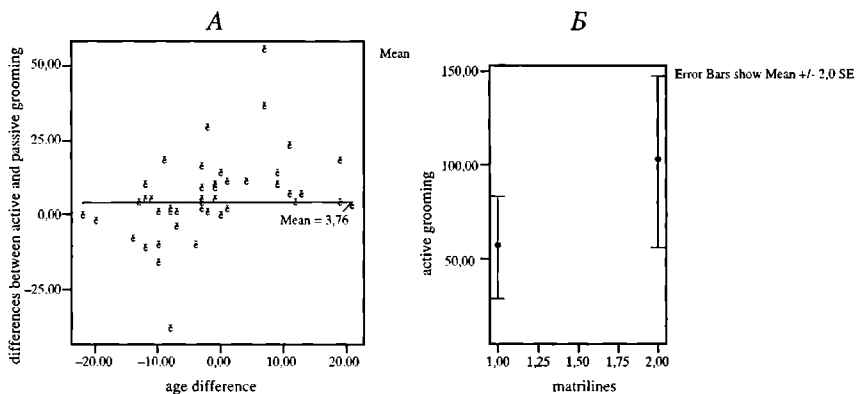

Рис. 2. Взаимосвязь между грумингом и социально-демографическими характеристиками у тонкинских макак

грацию у обезьян повсеместно выступает груминг. С помощью груминга поддерживаются родственные связи и структурируются отношения между неродственниками (Рисунок 2 а, б). В условиях эгалитарных структур, груминг направляется на более старших индивидов, а вот инициатива груминга между особями высокого и низкого ранга зачастую может исходить от доминантов. В условиях эгалитарных объединений (макаки тонкинские и маготы), самки проявляют исключительную толерантность к контактам самца и других членов группы с новорожденными детенышами, позволяют самцам не только касаться малышей, но и уносить на достаточно большие расстояния от матери, что совершенно исключено у видов, практикующих жесткие стиль доминирования (резусы, японские макаки). По мере общего укрупнения размеров социальных объединений, в эволюции человека возникла насущная проблема замены груминга на более эффективную форму передачи аффилиативной информации (Рис. 3). Чтобы поддерживать дружеские отношения в коллективах, превышающих 100 человек, каждый должен был бы затрачивать на груминг 40 и более процентов своего времени. Возникновение речи у современного человека, по мнению Р. Данбара, как раз и обеспечило эффективный вербальный аналог грумингу. Речь стала выполнять интегративную функцию, и ее роль в поддержании связей с дальними родственниками и знакомыми стала ведущей⁸⁸. Вместе с тем, груминг не утратил полностью своей значимости в человеческом обществе, хотя масштабы его применимости существенно реду-

⁸⁸ Dunbar R.I.M. Determinants of group size: a general model // Proceedings of the British Academy. 1996. Vol. 88. P. 33–57.

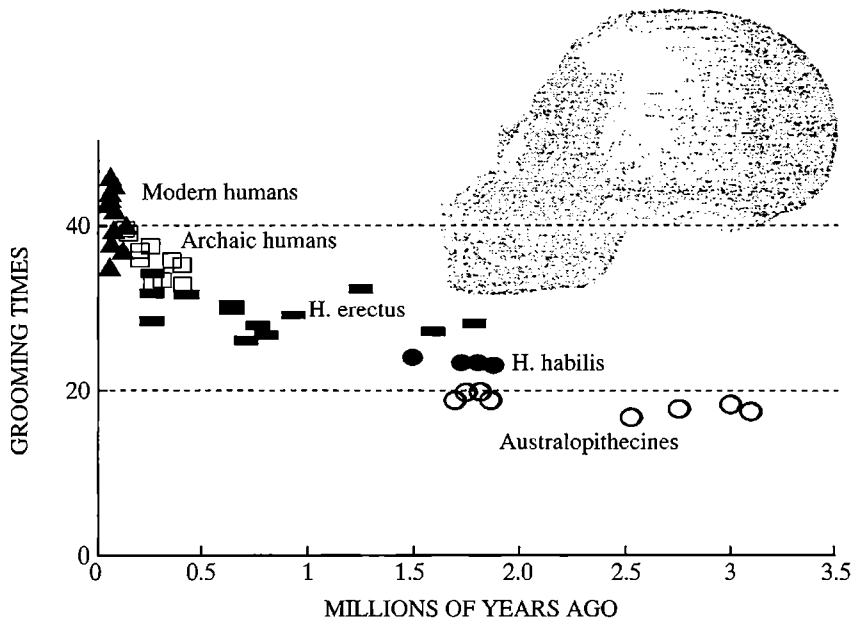

Рис. 3. Потребность к аффилиации: груминг (тактильное средство) и речь (вербальный аналог) как средство социальной интеграции (дано по Dunbar, 1999). Временные затраты на груминг для ископаемых гоминин предсказаны на основе данных о взаимосвязи между времени груминга и размерами групп у современных обезьян. Размеры группы у ископаемых гоминин предсказаны на основе палеоантропологических данных о размерах новой коры конкретных ископаемых форм. Верхняя горизонтальная линия отмечает 40%, уровень временных затрат на груминг, предсказанных для групп размером 150 человек, типичных для *Homo sapiens*. Нижняя горизонтальная линия отражает 20% уровень временных затрат на груминг, являющийся максимальным для современных обезьян (популяции геллад)

цированы⁸⁹. В традиционных обществах груминг – излюбленное занятие родственников и друзей. Направление груминга и его практика в публичных местах ограничены культурными запретами на контакты между определенными категориями лиц, а также общими культурными традициями.

ВЛАСТЬ, ПОЛ И РЕПРОДУКТИВНЫЙ УСПЕХ У ЧЕЛОВЕКА

В сообществах современных охотников-собирателей модели дисперсии не ограничиваются только патрилокальностью. Происхождение разных вариантов трудно восстановить, однако существенно, что в современных человеческих обществах наблю-

⁸⁹ Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура.

даются патри-, матри- и билोकальные варианты⁹⁰. Социальный статус мужчин и женщин по отношению к представителям противоположного пола часто является ситуативным и относительным, а вовсе не абсолютным. Однако, важно отметить, что доминирование женщин за пределами семьи, прежде всего в политической сфере, явление относительно редкое⁹¹. Примерно в 70% из известных человеческих культур политическими лидерами являются только мужчины и лишь в 7% культур – у власти могут быть оба пола. Однако и в этом случае число мужчин, занимающихся политическими вопросами, многократно превышает число женщин политиков. Вдобавок, как показывает реальная жизнь, власть и могущество почти всегда контролируется мужчинами.

Из 93 обществ, проанализированных Н. Шеноном⁹², лишь в шести женщины могли занимать ведущие политические посты и их влияние было выше, чем у мужчин. В четырех других оба пола имели примерно одинаковые права и власть. В половине из исследованных обществ женщины были практически полностью лишены возможности принимать какие-либо политические решения, власть полностью находилась в руках мужчин.

В современной поведенческой экологии распространены представления о том, что эволюция мужского поведения гоминин шла в направлении усовершенствования конкурентных альянсов и взаимосвязи между успехом в альянсах и репродукцией. Хотя риск постоянной конкуренции – велик, но и выигрыш огромен: власть и статус во всех человеческих обществах дает мужчине колоссальные преимущества в обладании репродуктивными партнерами⁹³. Доступ к власти для женщин не имеет столь очевидной прямой репродуктивной выгоды. В лучшем случае, она может повысить собственную итоговую приспособленность передав власть сыну, и передав свои гены многочисленным внукам. Поэтому с эволюционных позиций, выгода от борьбы за власть для женского пола минимальна, а плата – весьма существенна. Стратегии успешной женской репродукции на всем протяжении эволюции человека никогда не были связаны с конкурентными альянсами и политикой.

⁹⁰ *Butovskaya et al. Op. cit.*

⁹¹ *Low M. Op. cit.*

⁹² *Chagnon N. Yanomamo. Fort Worth, Tex. 1997.*

⁹³ *Low M. Op. cit.*

АЛЬТРУИЗМ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА

В современной антропологической и этологической литературе альтруизм рассматривается как фундаментальная характеристика человека⁹⁴. Однако механизмы альтруизма и кооперации в человеческом обществе остаются предметом интенсивных дискуссий. По версии одних авторов, альтруистическая мотивация провоцируется эмпатическими чувствами (гипотеза связи эмпатия – альтруизм)⁹⁵. В русле теории кин-отбора – взаимопомощь и кооперация родственников не лишены эгоистического подтекста⁹⁶, поскольку, оказывая помощь, индивид способствует распространению общих с родственниками генов в последующем поколении (суть явления описывается понятием «включенная», или «совокупная» приспособленность). С позиций реципрокного альтруизма – помощь оказывается тем, кто в перспективе будет вести себя альтруистично в отношении сегодняшнего донора⁹⁷. Гинтис с соавторами⁹⁸ полагают, что альтруизм и кооперация могли формироваться под действием генно-культурной коэволюции. В русле этой теории исследователи вновь обращаются к модели группового отбора, и доказывают, что групповые характеристики (размеры группы, ограниченные размеры миграции, частые межгрупповые конфликты), усиливающие давление группового отбора, могут ко-эволюционировать с кооперативным поведением.

Кооперация частично основана на развитой способности человека к институционализации социального пространства, характеризующегося низким уровнем внутригрупповой конфликтности и низким фенотипическим разнообразием. Подавление внутригрупповой конкуренции и кооперация в пределах группы, по видимому, поддерживались отбором на ранних этапах эволюции

⁹⁴ Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. Указ. соч.; Axelrod R., Hamilton W.D. The evolution of cooperation // *Science*. P. 211. 1390–1396; Boyd R., Richerdsen P.J. Culture and the Evolutionary Process. Chicago. 1985; Wiessner P. Norm enforcement among the Ju'hoansi Bushmen: a case of strong reciprocity? // *Human Nature*. 2005. Vol. 16. P. 115–145 и др.

⁹⁵ Batson C., Sager K., Garst E., Kang M., Rubchinsky K., Dawson K. Is empathy-induced helping due to self-other merging? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. P. 73.

⁹⁶ Hamilton W.D. The genetic evolution of social behaviour. I, II // *Journal of Theoretical Biology*. 1964. N 7. P. 1–52.

⁹⁷ Trivers R.L. Parental investment and sexual selection // *Sexual selection and the descent of man: 1871–1971*. Chicago, 1972. P. 136–179.

⁹⁸ Gintis H., Bowles S., Boyd R., Fehr E. Explaining altruistic behavior in humans // *Evolution and Human Behavior*. 2003. Vol. 24. P. 153–172.

человека современного вида⁹⁹. Результатом такого рода эволюционных процессов являются механизмы уравнивания, функционирующие в обществах охотников-собирателей, в частности, моногамия и дележ пищей. Хотя на индивидуальном уровне подобные институты были энергозатратны и давали мало личной выгоды, данная практика обеспечивала явные выгоды на межгрупповом уровне. В литературе альтруизм традиционно рассматривался в контексте взаимопомощи и сотрудничества, однако наказание тоже может являться проявлением альтруизма. Теоретические модели, предложенные Бойдом и Ричардсоном¹⁰⁰, свидетельствуют о том, что наказание в альтруистических целях может способствовать распространению таких вариантов альтруистического поведения, которые были бы невозможны без угрозы наказания. Вместе с тем, альтруизм, поддерживаемый с помощью наказания, не приводит к полному искоренению обманщиков. В реальности, в каждом обществе наблюдается определенный поведенческий диморфизм: альтруисты и добытчики сосуществуют с потребителями-обманщиками, а каратели сосуществуют с тем, кто предпочитает держаться в стороне от всякого рода разборок. Явление альтруистического наказания частично формирует подоснову моральных норм в человеческом обществе и базируется на комплексе врожденных психологических установок, сформировавшихся под действием естественного отбора.

Механизмы альтруизма, заложенные на ранних стадиях формирования человека современного вида, сохраняют свою эффективность в условиях постиндустриального общества. Эволюционный подход рассматривает благотворительность как многофункциональное явление. Ее сущность не сводится исключительно только к проявлениям «чистого» (истинного, бескорыстного) альтруизма. Такое поведение может быть вариантом: родственного альтруизма, отсроченного реципрокного альтруизма, и одновременно с этим служить некоторым эгоистическим (корыстным) целям: повышению социального престижа и статуса, обеспечению социального партнерства, привлечению потенциальных половых партнеров и пр. Попытаемся интерпретировать взаимоотношения нищий–подающий последовательно в рамках представлений о родственном¹⁰¹, реци-

⁹⁹ *Boehm C.* Segmentary warfare and the management of conflict: Comparison of East African chimpanzees and patrilineal-patrilocal humans. In: *Coalitions and Alliances in Humans and Other Animals*. Oxford, 1992. P. 137–173.

¹⁰⁰ *Boyd R., Richerdson P.J.* Culture and the Evolutionary Process. Chicago, 1985.

¹⁰¹ *Hamilton W.D.* Op. cit.

прокном альтруизме, гипотезы «демонстрации» и теории репродуктивного успеха¹⁰².

В обществах ОС и мотыжных земледельцев широко распространен дележ мясом – охотничьей добычей. Такие акты альтруизма многими авторами интерпретируются как проявление реципрокного альтруизма. Между тем, некоторые специалисты по охотникам-собираателям, обращают внимание на то обстоятельство, что дележ ограниченными ценными ресурсами (в частности мясом) часто напоминает демонстрацию, и по многим признакам более сходен с попыткой удачливого охотника проиллюстрировать свои мужские качества (гипотеза демонстрации)¹⁰³. Такая демонстрация позволяет охотнику повысить свой статус в обществе и улучшить свои репродуктивные возможности: вопреки расхожим представлениям, о том, что мужчины охотятся, чтобы обеспечить пропитанием семью, они, скорее, делают это, чтобы поделиться с другими (не-членами семьи) и за этим в значительной степени стоят сексуальные мотивы¹⁰⁴. Эта гипотеза подтверждается наблюдениями за хадза Танзании, бушменов Кунг, аче Парагвая, хиви (Hiwi) Венесуэлы, охотниками за морскими черепаками Торресова Пролива¹⁰⁵. Как правило, мужчины специализируются на охоте за конкретным видом дичи и со временем становятся непревзойденными знатоками повадок, местонахождения данного вида животных и способов их отлова. Успешные охотники привлекают всеобщее внимание и одобрение, что обеспечивает им более широкий круг потенциальных половых партнеров и союзников среди мужской части коллектива¹⁰⁶. Демонстрации, связанные с добычей и дележом мяса, – типично мужское поведение. По мнению Хоукс, побудительными мотивами такого рода социальных действий служат очевидные выгоды (доступ к половым партнерам, повышение собственного статуса в группе и пр.), которые «альтруисты» из него извлекают. Если эта гипотеза верна, то получается, что дележ (в нашем конкретном случае благо-

¹⁰² Trivers R.L. Parental investment and sexual selection // *Sexual selection and the descent of man: 1871–1971*. Chicago, 1972. P. 136–179.

¹⁰³ Hawkes K. Why do men hunt? Benefits for risky choices? // *Risk and Uncertainty in tribal and Peasant Economies*. E. Cashdan ed. Boulder (Co): Westview Press. 1990. P. 145–166; Trivers R.L. Op. cit.

¹⁰⁴ Hawkes K. Op. cit.

¹⁰⁵ Gurven M., Hill K., Hurtado M., Lyles R. Food sharing transfers among Hiwi foragers of Venezuela: tests of reciprocity // *Human Ecology*. 2000. Vol. 28. P. 171–218; Kaplan H., Hill K. Food-sharing among Ache foragers: tests of explanatory hypothesis // *Current Anthropology*. 1985. Vol. 26. P. 223–245.

¹⁰⁶ Hawkes K. Why hunter-gatherers work – an ancient version of the problem of public goods // *Current Anthropology*, 1993. Vol. 34. P. 341–361.

творительность) отражает не только альтруистические мотивы, но несет в себе определенный эгоистический компонент.

Нам представляется, что гипотеза демонстративного поведения вполне применима к современным условиям: разумеется, подающие производят свои действия в значительной мере подсознательно. Справедливо также предположить, что вероятность того, что за ними будут наблюдать знакомые, достаточно мала. Тем не менее, сам акт милосердия поднимает подающего в собственных глазах и позволяет чувствовать себя увереннее, а в случае постоянной практики подачи милостыни это поведение, рано или поздно, будет отмечено окружающими (в том числе и знакомыми) и будет способствовать формированию более благоприятного социального имиджа. Подтверждением этой гипотезы служат наши данные по подающим милостыню в Москве и в Праге (лица с доходом выше среднего подавали милостыню достоверно чаще, чем люди с невысоким доходом).

В периоды тяжелой экономической ситуации, войн, природных катастроф (засухи, извержения вулканов, цунами и пр.), пандемий (чума в средневековой Европе) количество нищих нарастает, а возможности социальной помощи ограничиваются. В этой ситуации благотворительные структуры начинают практиковать принцип избирательной помощи. Как и следует ожидать исходя из эволюционной теории, первый фактор, определяющий достойных вспомоществования, – групповая принадлежность (здесь срабатывают законы реципрокного и родственного альтруизма). Как отмечалось выше, в средневековой Европе (в Германии) делались четкие различия между «своими» нищими (представителями городской бедноты) и «чужими» нищими (чужестранцами, бродягами, циркачами, лудильщиками, крестьянами из соседних деревень). Тот же принцип действовал в Чехословакии (в частности, в Праге) в 20-е–30-е гг. XX в. и дореволюционной России (благотворители предпочитали оказывать помощь конкретным знакомым беднякам, а церковнослужители также старались раздавать милостыню своим прихожанам, а не пришлым бродягам). Фактор «свои» и «чужие» продолжает оставаться решающим в наши дни: по данным нашего исследования и в Москве, и в Праге горожане предпочитают подавать милостыню тем, кто похож на них своим физическим обликом (антропологически) и одет в соответствии с конкретными культурными традициями¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Butovskaya M., Korotayev A., Kazankov A. Variabilite des relations sociales chez les primates humains et non humains: à la recherche d'un paradigme general // Primatologie, 2000. Vol. 3. P. 319–363.

Памятью о выраженном предпочтении в направлении «своих», такая избирательность может интерпретироваться также в рамках теории *отсроченной реципрокности* (старые люди, в бытность молодыми трудились, воевали на общее благо группы и теперь заслуживают ответной заботы). Показательно, что в современной Москве пожилые мужчины, порой просят, нарядившись в военный китель, при орденах и медалях, молодые мужчины-инвалиды также во всю эксплуатируют образ героя-афганца или участника чеченских кампаний¹⁰⁸.

Обращает на себя внимание общая для всех культур закономерность: в качестве ведущего фактора, стимулирующего подачу милостыни, выступает состояние просящего. Во всех культурах калеки, больные, слабоумные, немощные старики/старухи вызывают жалость и сострадание. Это обстоятельство отмечали наши респонденты-подающие во всех странах (России, Чехии, Италии, Румынии, Танзании, Индонезии, Египте). Правда, в условиях крайней скудности экологических ресурсов или их резкого сокращения (в случае неурожая или длительного периода неудачной охоты на промыслового зверя, рыбу), старики становятся «первой жертвой»: у традиционных народов Крайнего Севера пожилые люди часто добровольно уходят из жизни, жители Японских островов также ранее практиковали обычай, по которому престарелых родителей (и других родственников) относили зимой в горы и оставляли там умирать (о чем столь трагично повествует японский фильм «Легенда о Нарояме»).

Во всех, без исключения, странах (хотя это и активно пресекается государственными службами) нищие стараются эксплуатировать образ ребенка (будь-то младенца на руках у матери, малышка или детей старшего возраста), часто на паперти появляются дети-калеки или слабоумные. Здесь мы также сталкиваемся с эффективным применением нищими на практике «детской схемы» (этологи показали, что образ ребенка вызывает у взрослых подсознательное чувство теплоты и симпатии, желание помочь)¹⁰⁹. Там, где просящих детей не встретишь на улицах города, нищие начинают активно демонстрировать нуждающихся в заботе домашних питомцев (щенков, котят, взрослых собак и кошек, попугаев или обезьянок), являющихся суррогатом «детской схемы» (современная Россия, Чешская Республика, Италия, Германия, США, Канада и др. развитые страны).

¹⁰⁸ *Butovskaya M., Dikonov I., Vancatova M., Pavelkova J.* Alms-giving in modern urban societies as a biosocial phenomenon: a cross-cultural comparison // *Comparative Civilizations Review*, 2004. N 50. P. 5–22.

¹⁰⁹ *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура; *Eibl-Eibesfeldt I.* Human Ecology.

Прямые долгосрочные наблюдения за динамикой прошения милостыни показывают, что индивидуальные стратегии попрошайничества претерпевают последующую эволюцию, становясь более эффективными вследствие собственного опыта нищего, равно, как и обмена опытом с коллегами-попрошайками (передача традиций в рамках субкультуры) или советов со стороны сочувствующей публики (подающих, посторонних наблюдателей)¹¹⁰. Так, во время одного из своих наблюдений за взаимодействиями между нищими и подающими, мы наблюдали, как случайная прохожая, пожилая женщина, остановившись рядом с подростком, собирающим милостыню, стала давать ему советы как себя вести: протягивать к прохожим не ладонь, а целлофановый мешочек или пластиковый стаканчик; персонально обращаться к тем прохожим, которые поднимают глаза на подростка. Обмен ценной информацией является примером *реципрокного альтруизма* в среде самих нищих. Кооперация между нищими проявляется и в других действиях: распределении времени «работы» на доходном месте; дележом «атрибутов» нищего – знакомые нищие могут просить, используя одну и ту же собаку (такие случаи мы наблюдали в России, Чехии и Италии), или одного и того же ребенка (в основном, такую практику использовали европейские и азиатские цыгане). Как следует, к примеру, из интервью с некоторыми женщинами-люли, выходя на улицу для сбора милостыни, женщины могут брать с собой своих собственных детей, а могут одалживать их у сестры или другой близкой родственницы. Наконец, многие нищие образуют своеобразные коммуны: живут совместно, проводят вместе досуг, и что очень важно, делятся доходами. Более успешные «добытчики» угощают других едой и выпивкой (такие примеры мы сами многократно наблюдали в Праге и Флоренции). В этом случае, воспроизводится модель дележа пищи в сообществах ОС и мотыжных земледельцев со всеми вытекающими последствиями¹¹¹. Те, кто чаще делятся, получают более высокий статус в рамках данной субкультуры и, возможно, различные выгоды (в виде оказания услуг или более благосклонного отношения со стороны женщин в группе).

¹¹⁰ Butovskaya M. et al. Op. cit.

¹¹¹ Hames R. Sharing among the Yanomamo: part 1. The effects of risk // Risk and uncertainty in tribal and peasant economies. E. Cashdan eds. (P. 89–106). Boulder: University of Colorado Press. 1990.

ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ ОХОТНИКОВ СОБИРАТЕЛЕЙ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИЙ ПЕРВОБЫТНОСТИ

В завершении хотелось бы остановиться на вопросе о правомерности использования данных по современным охотникам-собираателям как источника сведений о первобытности¹¹². Противники использования такого рода материалов для палеолитических реконструкций апеллируют к факту о том, что ни одно из современных обществ охотников-собираателей не представляет собой примера чистой системы охотников-собираателей, поскольку они уже на протяжении десятков и даже сотен лет взаимодействуют, как минимум, с автохтонными культурами земледельцев и скотоводов¹¹³. Такое возражение имеет под собой существенные резоны, однако, на наш взгляд, более правомерной является точка зрения, согласно которой, современные охотники-собираатели **с полным на то правом могут быть использованы в качестве модели для реконструкции социальной организации и социальных взаимоотношений в сообществах человека палеолита**¹¹⁴. Важным аргументом в пользу такой точки зрения выступает то обстоятельство, что современные общества охотников-собираателей демонстрируют исключительную устойчивость своих культурных и хозяйственных традиций, соответствующих системам с неспециализированной присваивающей экономикой, вопреки контактам с соседями-земледельцами и скотоводами. Так, у хадза северной Танзании, продолжающих вести традиционный образ жизни, жилище практически не претерпело никаких изменений (Рис. 3). То же справедливо и в отношении технологии изготовления луков и стрел (Рис. 4). Вопреки доступности более совершенных видов оружия, в том числе наличия огнестрельного оружия у некоторых соседей-земледельцев, хадза не пытаются его заполучить и полностью удовлетворены традиционными орудиями охоты. Охота у хадза продолжает оставаться одним из основных источников калорий, и мужчины играют в этой активности основную

¹¹² Артемова О.Ю. Охотники-собираатели и теория первобытности.

¹¹³ Wilmsen E. Land Filled with Flies: A Political Economy of the Kalahari. Chicago, 1989; Wilmsen E. On the search for truth and authority: A replay to Lee and Guenther // Current Anthropology, 1993. Vol. 34. N 5. P. 715–721; Wilmsen E., Denbow L.R. Paradigmatic history of San-speaking peoples and current attempts at revision // Current Anthropology, 1990. Vol. 31. N 5. P. 389–524.

¹¹⁴ Lee R.B. The Dobe! Kung. N.Y., 1984; Lee R.B., Guenther M. Errors corrected or compounded? A replay to Wilmsen // Current Anthropology, 1995. Vol. 36. N 2. P. 298–305; Marlowe F. Why Hadza are still hunter-gatherers // Ethnicity, hunter-gatherers, and «other»: Association or assimilation in Africa / Washington, 2000. P. 247–275.

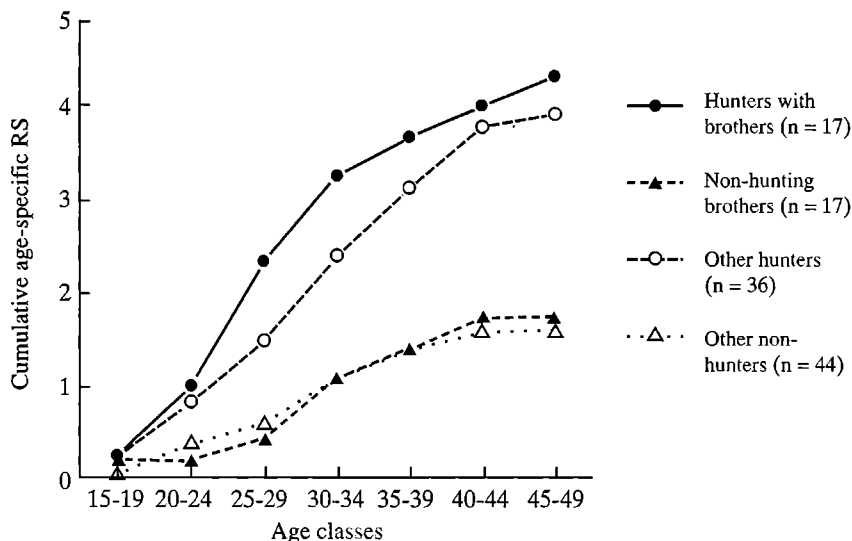

Рис. 6. Репродуктивный успех мужчин зависит от охотничьего умения – мириам, охотники на черепах (Меланезия) (Smith. 2004)

роль. Сохраняется неизменной и традиция мужской трапезы после удачной охоты (Рис. 5).

Изучение современных обществ охотников-собирателей позволяет очертить круг возможных типов социальных структур и социальных взаимоотношений в условиях неспециализированной присваивающей экономики, выявить универсальные характеристики таких социальных образований, без которых само функционирование обществ подобного типа становится невозможным. Кросс-культурные сравнения обществ охотников-собирателей дают возможность оценить степень вариативности социальных систем с неспециализированной присваивающей экономикой и вычленить поведенческие универсалии.

Важнейший вопрос при изучении ранних этапов эволюции человеческого общества – характер репродуктивных отношений между полами, время возникновения устойчивых связей между мужчиной и женщиной и тип этих связей. Данные из области поведенческой экологии приматов могут оказаться полезными при обсуждении этого вопроса. Половой диморфизм по размерам тела указывает с большой долей вероятности на тот факт, что уже на стадии *Homo erectus*, по-видимому, наметилась устойчивая тенденция к формированию моногамных пар, сохранившаяся и при переходе к сапиенсу. Однако, учитывая ряд особенностей мужской морфологии и физиологии современного человека,

Связь между репродуктивным успехом у мужчин и их охотничьим мастерством в 5-ти обществах охотников-собирателей

Общества	Более высокая фертильность	Большая выживаемость детей	Рождение ребенка в более раннем возрасте	Больше партнерш	Более молодые партнерши
Аче	Да*	Да!	?	Да	?
Хадза	Да*	?	?	Нет	Да*
Кунг	Да	Да	?	Нет	?
Ламалера	Да*	Да*	Да	?	Нет
Мириам	Да*	Да*	Да	Да*	Да

Дано по: *Smith, Why do good hunters.*
Условные обозначения: * – с контролем по возрасту; ! – уровень выживания детей только для возрастной когорты 5–9 л.

логично думать, что в качестве наиболее распространенного варианта следует рассматривать практику сериальной моногамии¹¹⁵.

Анализ данных по современным охотникам-собираателям и более продвинутым в экономическом отношении традиционным обществам, свидетельствует о том, что на человека распространяем принцип Бейтмана, в соответствии с которым для мужчин характерен большой разброс репродуктивного успеха. Это означает, что в каждом сообществе разница между наиболее успешным в репродуктивном плане мужчиной и минимально успешным многократно превосходит таковую для женщин. Репродуктивный успех мужчин у ОС определяется целым рядом качеств. Одно из важнейших – охотничье мастерство (Рис. 6). Связь охотничьих талантов и репродукции уже показана этологами для ряда обществ ОС, обитающих в разных экологических условиях (Таблица 3)¹¹⁶. Мужчины во многих обществах ОС тратят больше времени на добычу пропитания, как например у аче Южной Америки (Рис. 7). Эффективность добычи пищи возрастает с опытом, пик успешности в охоте у мужчин приходится на интервал 45–55 лет. При условии же, что данная культура во главу угла ставит воинское умение мужчины, положительная связь прослеживается между воинской доблестью и репродуктивным успехом (Рис. 8)¹¹⁷.

¹¹⁵ *Бутовская М.Л. Язык тела...; Бутовская М.Л., Файнберг А.А. Указ. соч.*

¹¹⁶ *Smith E.A. Why do good hunters have higher reproductive success? // Human Nature, 2004. Vol. 15/4. P. 343–364.*

¹¹⁷ *Chagnon N. Yanomamo. Fort Worth, 1997. Tex.*

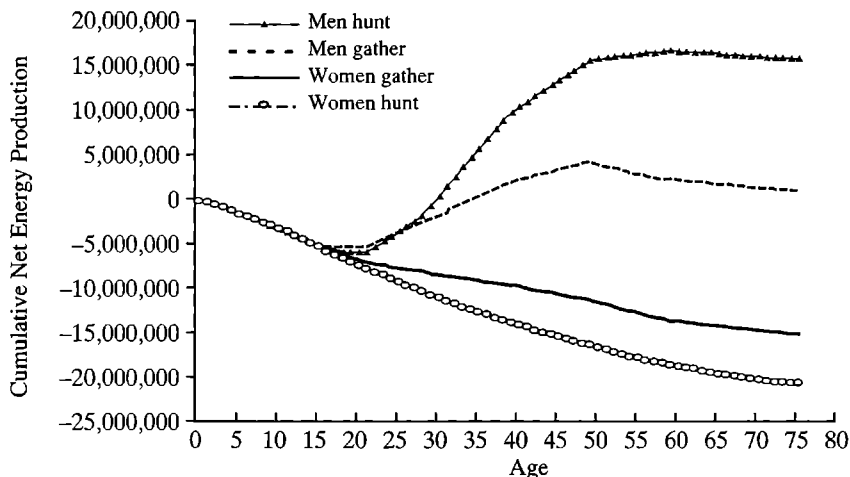

Рис. 7. У аче мужчины в среднем тратят на добычу пропитания в три раза больше времени, чем женщины. (Kaplan H. et al. 2001. P. 301)

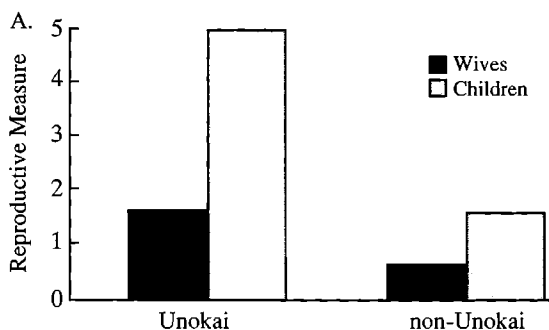

Рис. 8. Репродуктивный успех и воинская доблесть у яномамо (Chagnon. 1997)

Критерии выбора постоянного партнера у ОС соответствуют предсказаниям теории репродуктивного успеха и родительского вклада. У хадза женщины считают более привлекательными мужчин с более высоким уровнем интеллекта и обладающих лучшими навыками охоты (Рис. 9). Наиболее привлекательны для мужчин – молодые женщины, способные к воспроизводству (Рис. 10).

В современной научной литературе вновь заговорили о роли группового отбора в эволюции человека. Этот тип отбора действует наряду с индивидуальным отбором. Однако, по сравнению с другими приматами, роль группового отбора у человека существенно возрастает. Дележ пищей – столь характерный для обществ охотников-собирателей – типичная иллюстрация действия группового отбора (см. подробнее в разделе «Альтруизм как универсальная...»). Вопреки традиционным взглядам, члены групп

у ОС делятся в первую очередь *под давлением общественности*. Групповой отбор сыграл важную роль в развитии у ОС механизмов *социального уравнивания*, в их основе лежит активная борьба членов группы с любыми проявлениями индивидуального доминирования, агрессии, и обмана. Каждый взрослый член группы вправе требовать у возвратившегося с охоты мужчины своей доли мяса и всегда получает ее вовсе не потому, что хозяин мяса ощущает потребность в дележе с соплеменниками. Скорее всего, дележ осуществляется под жестким давлением моральных установок. Устойчивость социальных коллективов ОС обеспечивается сбалансированным соотношением эгоизма (личной свободы), nepотизма (взаимопомощи родственников, вклада бабушек в выживание внуков) и альтруизма (кооперации и взаимопомощи в отношении неродственников). Данные по йора и шивияр – ОС Перу позволяют понять причины, по которым другие члены группы с вниманием и уважением относятся к лучшим охотникам группы. Их гибель и ранения – ставят под угрозу благополучие всех окружающих.

Выработанные ОС механизмы уравнивания основаны на *силовом давлении*. Общественная мораль здесь действует как средство контроля исходной предрасположенности к доминированию. Механизмы, столетиями оттачиваемые ОС обеспечивают им устойчивость к проявлениям конкурентности и конфликтности. Таким образом, начало эволюции истинной эгалитарности можно связать с формированием человека современного вида. Оно стало возможным благодаря развитию когнитивных способностей, речи, и новым технологиям. С инновациями в области вооружения наказание физически более сильного агрессора или обманщика силами коллектива становилось менее опасным. Силовое давление большинства обеспечивало кооперацию и мирное сосуществование.

Заканчивая эту статью, хотелось бы еще раз отметить, что этологические и эволюционно-психологические подходы существенным образом расширяют современные возможности по изучению ранних этапов социогенеза и позволяют предметно анализировать широкий спектр вопросов, ранее оставшихся вне сферы внимания историков.

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Н.Л. Пушкарева

30 лет тому назад, в 1976 г., когда я готовила свой первый студенческий доклад о положении женщин в Древней Руси, и не думала том, что обращаюсь к теме, с которой свяжу всю свою научную жизнь (напишу около десятка книг¹, стану представителем нашей страны во Всемирной федерации исследователей истории женщин).

Не догадывалась я тогда и о том, что, живя в те самые 70-е годы XX в., оказываюсь современницей революции в мире идей – мощного теоретического переворота в гуманитарных дисциплинах. Ту революцию вполне можно назвать – по аналогии с ненасильственностью и мягкостью политических ломок начала 1990-х гг. – бархатной². До нее прошлое представлялось чем-то универсальным для всех – и для мужчин, и для женщин, и позиции этой научной парадигмы казались неоспоримыми. Но в конце 60-х произошла смена парадигм. Гуманитарии ряда стран задумались над тем, не является ли *пол* таким же инструментом социальной детерминации, как *класс* и *этнос*, и не существует ли разных «историй» и разного прошлого у представителей разных полов.

Почему и как стало возможным возникновение нового поля исследований под названием «история женщин, гендерная история»?

Каково значение этого факта?

Каковы последствия?

¹ *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989; *Она же.* Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996; *Pushkareva N.L.* Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. N.Y., 1997; *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М., 1997; *Пушкарева Н.Л.* и др. (отв. ред.) Женщина. Гендер. Культура. М., 1999; *Пушкарева Н.Л.* (отв. ред.) Женская история. Гендерная история (Теория и исследования). Калуга, 2001; *Она же.* Русская женщина: история и современность. Материалы к библиографии. М., 2002; *Пушкарева Н.Л.* (отв. ред.) Социальная история – 2003. Женская и гендерная история. М., 2003; *она же.* (отв. ред.) «А се грехи злые, смертные». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. Вып. 1. М., 1999; Вып. 2. М., 2004; Вып. 3. (в 3 книгах). М., 2004; *Пушкарева Н.Л.* Материнство и материнское воспитание в России X–XX вв. М., 2006; *Она же.* Женские и гендерные исследования в исторических науках. СПб., 2006.

² О невидимой, «бархатной» революции см.: *Пушкарева Н.Л.* Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6.

Речь идет о процессе, до сих пор встречающем непонимание и сопротивление, ибо он затрагивает всю прежнюю структуру знания и власти, весь символический миропорядок. Поэтому-то речь должна вестись именно о научной революции, изменившей несколько областей исследований, все подходы. Именно в последней трети XX в. сложились ее социально-политические и теоретико-методологические предпосылки.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕНАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РОЖДЕНИЯ «ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Молодежные движения конца 1960-х гг., знаменитое «движение новых левых», поставившее под сомнение всю систему ценностей и ориентиров старшего поколения – вот что создало почву для вышеописанного революционного переворота. И научное сообщество, и социум оказались в силу влияния этих движений подготовленными к восприятию новых концепций. С другой стороны, свою роль сыграла сопровождавшая молодежные движения сексуальная революция. Она позволила свободно говорить о проблемах пола, открыв для обсуждения в СМИ (а не только в научно-медицинской литературе) ряд ранее табуированных тем³. Наконец, еще одним общественно-политическим фактором оказалось оживление феминизма – так называемая его «вторая волна».

Феминистки первой волны – те, что создавали первые женские организации во второй половине XIX – начале XX в. – требовали равенства прав с мужчинами (на получение образования, на участие в политической жизни, на равную оплату труда и т.п.)⁴. Однако надежды либерального феминизма на быстрое решение женского вопроса одним лишь обеспечением юридического равноправия оказались призрачными⁵. Женщины 1960-х почти повсеместно добились избирательных прав⁶, могли получать обра-

³ От свершения сексуальной революции больше выиграли женщины: изменение взглядов на сексуальность было связано с революцией в области контрацепции, с появлением гормональных таблеток – впервые в истории вопрос «рожать или не рожать», от кого рожать и как часто стал решаться женщинами; мужчины лишились сильнейшего рычага своей власти.

⁴ См., напр.: *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России в 50–60-е гг. XIX в. Л., 1984.

⁵ *Scott H.* Does Socialism Liberate Women? Boston, 1974; *Eisenstein Z.* Capitalist Patriarchy and the Case for Socialist Feminism. N.Y., 1979.

⁶ Подробнее см.: *Школьников И.А., Шнырова О.В.* Суфражизм в Великобритании и в России: опыт сравнительного анализа // *Вы и мы.* 1998. № 6(22). С. 16–21; *Гусейнова Ф.* США: антимонополистическое движение женщин. М., 1977. С. 19 и др.

зование и работать. Но все это только усложнило положение женщин: выйдя за пределы своего дома, женщины вступили в мир мужской культуры и мужской деятельности, вынужденно приняли условия мужской социальной «игры» – конкуренции. Окружающий их мир был создан по мужской модели – и эта мужская модель культуры осталась незыблемой, даже когда равноправие полов закрепили законами⁷. Вот почему феминистки «второй волны» поставили задачей пробуждение социального женского самосознания. Формальное юридическое закрепление равенства прав не обеспечило внимания к интересам женщин, не заставило признать их «особость»⁸. Требовались глубинные преобразования культуры (во имя изменения модели межполовых отношений), акцентуация социально-половых *различий*, а не сходств. Так, «феминизм равенства» XIX в. уступил место феминизму века XX-го – «феминизму различий».

Взлет интереса к феминизму оказал огромное воздействие на интеллектуальную сферу в Европе и США. Немалое число ученых избрало объектом своих изысканий женщину – в семье и на производстве, в системах права и образования. Началось рождение нового, междисциплинарного научного направления – *women's studies* («женских исследований»), – поставившего задачу изучить систему ценностей (аксиосферу) и социальных интересов «второго пола».

Общенаучные предпосылки возникновения *women's studies* многочисленны и разнообразны. Но из этой большой совокупности можно выделить «3 источника, 3 составные части» тех теоретических размышлений, которые сложились впоследствии в стройную теорию, легшую в основу нового направления и новых подходов при реконструкции прошлого.

Первым источником был кризис марксистской объяснительной парадигмы, бессильной найти реальные причины угнетенного социального положения женщин в современном мире. Стремление к «усреднению» и отбрасыванию всех погрешностей, не уместающихся в схему, заставляло классиков марксизма рассматривать прежде всего классический вариант развития западного общества, «эктором» которого (в марксистской терминологии –

⁷ Подробнее о тщетности попыток марксистов и социалистов решить «женский вопрос» в социалистических странах см.: *Sargent L. (ed.) The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism. L., 1986; Marcuse H. Marxism and Feminism // Feminist Theory and the Frankfurt School. 2006. Vol. 17 (N 1). P. 147–157.*

⁸ Современный (новейший) феминизм требует различать еще и *равенство стартовых возможностей и равенство конечного результата* (представительство в органах власти, на уровне принятия решений). См.: *Гурко Т.А. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России. М., 1998. С. 188.*

«гегемоном») следовало считать пролетария, борющегося против угнетателей. Тех, кто не вмещался в схему – будь то крестьянство, интеллигенция или... женщины, в том числе, например, жёны пролетариев – теоретики марксизма либо старались подтянуть под схему, либо оставляли «за бортом». Понимая, что все жизненные аспекты одной экономикой не объяснишь, марксисты часто отбрасывали то, что экономикой не поверялось, в том числе и проблему личностного становления женщин, своеобразия женского самосознания, женской идентичности. Марксизм так и не нашел ответа на вопрос, почему (например), если рабство изжило себя как формация в течение длительного, но все же ограниченного во времени периода, рабство женщин в семье продолжало существовать веками. Почему даже в самой бедной семье во все эпохи мужчина присваивал (и сейчас присваивает!) через семью как социальный институт часть времени, труда, сил женщины.

На волне критического пересмотра концепций, устоявшихся веками, ряд социальных теоретиков высказал предположение о том, что марксистская концепция – отнюдь не нейтральна в отношении полов: она отражает *мужской взгляд* на мир. Этот мужской взгляд выдан за общечеловеческий и не принимает во внимание женские потребности и женский социальный опыт. Возможность объединения индивидов по половому признаку вообще не рассматривалась марксистами. Потому-то, согласно классической марксистской концепции, существование патриархата и внеэкономического угнетения женщин в обществе, свободном от эксплуатации, было попросту невозможным. Однако многолетняя советская история доказывала обратное.

Вторым источником рождения нового направления стал социальный детерминизм и релятивизация старых попыток вписать Природу в социальные концепции, резкая критика биологического детерминизма и эссенциализма (от англ. *essential* – обязательно существующий, неременный).

Социальные детерминисты 1960-х высказали несогласие с идеей о существовании в мире некоей заданности (Богом, Природой, порядком вещей), существовавшей извечно и не могущей быть измененной в будущем⁹.

Такая позиция оказалась весьма созвучной идеям Томаса Куна, в том числе его известной теории парадигм, которую он изложил в вышедшей в 1962 году книге «Структура научных революций». Всякая теория познания, считал Т. Кун, есть стратегия придания статуса научности уже существующим или возникающим

⁹ Hubbard R., Henifin M.S., Fried B. (eds.) *Biological Women, the Convenient Myth*. Cambridge, 1982.

убеждениям и верованиям. Предположив, что деление на «мужское» и «женское» – как раз такое убеждение, которому придали статус научности, ниспровергатели устоев предположили: половая дихотомия – не является обязательно существующей, теория о ее существовании – не более, чем «идеологическая обработка» нашего сознания. Стоит задуматься: как придан статус научности и неоспоримости известной идее о биологической предопределенности жизни человека, тому, в частности, что «пол человека – это его судьба» (З. Фрейд)? Для подтверждения подобной догадки нужны были факты, и сторонницы рождающегося направления *women's studies* их тотчас начали собирать.

Третьим источником и толчком к появлению нового направления стали многочисленные модернистские концепции 1960–1970-х гг., прежде всего социологические (структурного функционализма, социального конструирования, теория ситуативной драматургии или драматургического интеракционизма, этнометодология и др.). Благодаря теории социализации (Т. Парсонс, Р. Бейлс) было введено в обиход понятие «поло-ролевой подход», следом получили поддержку и признание различные концепции социального конструирования, в том числе социального конструирования проявлений половой принадлежности (К. Уэст и Д. Зиммерман), конвенциональной или условной социально-половой роли и ее проявлений в стереотипных образах, нормах (предписаниях) и идентичностях (И. Гофман). Все эти теории, концепции и социальные схемы заставили видеть в проявлениях половой принадлежности индивидов, живших в разные эпохи, в разных странах, не медицинско-биологические константы, но набор ритуализованных действий, совершаемых ими в процессе взаимодействия с другими людьми.

Модернистские концепции в социальной психологии, развивавшиеся одновременно с социологическими – с их вниманием к субъективному и стремлением типизировать индивидуальное, признанием роли «случайного» в судьбе человека (наряду с исторической предопределенностью) – стали к настоящему времени классикой современной гуманистической психологии или движения за человеческий потенциал (К. Роджерс, А. Маслоу). Идея самоценности каждого человека, самоактуализации как жизненной цели, признания права каждого человека быть самим собой, сохранять и пестовать свою уникальность, не подстраиваться под других, сопротивляясь давлению среды, – все это оказалось очень созвучным идеям феминизма «второй волны».

В споры о том, существует ли особое «женское начало», особый женский взгляд на мир оказались втянутыми представители всех наук о человеке – генетики, психологи, антропологи, этно-

логи, философы, историки, экономисты, социологи, филологи¹⁰. В 1970 году во Франции возникло «Движение за освобождение женщины» или MLF («Mouvement pour la libération des femmes»), и следом на политической сцене этой страны возникли первые феминистские журналы¹¹ – практически одновременно с аналогичными американскими – журналами «Знаки» («Signs»), ежеквартальными англоязычными изданиями феминистской прессы («Feminist Studies», «Women's Studies Quarterly») ¹².

Первый в мировой историографии спецкурс по истории «женского движения» был прочитан в Сиэтле в 1965 г., далее были подготовлены спецкурсы по «женской теме» в университетах Вашингтона, Портленда, Ричмонда, Сакраменто. В 1969 г. исследовательница из Корнелльского университета Шейла Тобиас предложила обобщающее название для таких спецкурсов и лежащей в их основе аналитической работы – Female Studies. Возглавленная ею команда преподавателей социальных наук в 1970 г. прочла в указанном университете междисциплинарный курс «Женская персональность» («Female Personality»), на который записалось и сдало зачетный экзамен более 400 студентов. В том же 1970 г., но уже в Университете Сан-Диего была учреждена новая междисциплинарная программа обучения и организовано специальное издание «Female Studies», которое было нацелено на обмен опытом между преподавателями¹³. «Женские исследования» рождались как исследования, написанные на «женскую тему» и чаще всего самими женщинами. В 1975 г. был сконструирован заменяющий наименование «women's studies» термин «феминология».

Под этим названием известие о новом направлении гуманитарного знания проникло в российский научный язык. Весьма быстро стало ясно: у сторонников новых подходов к изучению настоящего и прошлого с учетом фактора пола есть, по крайней мере, три важные отличительные черты: ориентация на критику наук, направленность на критику общества (связанность с женским движением); нахождение на пересечении научных дисциплин.

¹⁰ См., например, об этом: Riley D. Am I That Name? Feminism and Category of 'Women' in History. L., 1988. P. 6–11.

¹¹ Подробнее см.: Kandel L. L'explosion de la presse féministe // Le Debat. 1980. Mai. N 1.

¹² Perrot M. Making History: Women in France// Rewriting Women's History. Changing Perceptions of the Role of Women in Politics and Society. Berg, 1988. Стоит добавить, что журналы со временем получили мощную финансовую поддержку со стороны фонда Форда и специально созданной правительственной организации – Национального Совета по исследованиям женщин.

¹³ Boxer M.J. For and About Women: The Theory and Practice of Women's Studies in the United States // Reconstructing the Academy. Women's Education and Women's Studies. Chicago, 1988.

Исходной точкой рождения исторического направления в женских исследованиях – исторической феминологии или «истории женщин» – было признание того факта, что наука столь же «мало нейтральна» в вопросах пола, сколь и социальная действительность. Все в науке – от научной тематики до организации жизни научных институтов и учреждений – как обнаружили феминистки конца 1960-х, – несет на себе печать ущемления и депривации женщин. Не удивительно, что в среде историков на появление *women's studies* вначале откликнулись ученые-феминистки – те, что изучали истории общественных движений и придавали значение истории борьбы за женские права.

Они первыми решили разобраться, как случилось так, что прежняя картина прошлого, в которой женщин почти не видно, была усвоена как «нормальная» и «всеобщая»? Им предстояло обнаружить, что женщины, вытесненные в сферу воспроизводства, веками были вне творчества, вне перемен, вне истории. И во все времена были окружены тройным слоем молчания. О женщинах долгое время молчало общество – в связи с их отсутствием в общественном пространстве («Женщине не место на публике», – считал Пифагор). Следствием молчания общества была скудость следов, оставленных женщинами, немногочисленность текстов, написанных ими самими о себе, скрывавшимися за вечно бесполом «они». Наконец, есть и третий уровень молчания о женщинах – молчание исторического повествования. Оно отдавало пальму первенства публичному пространству: событиям политическим, военным, религиозным, царствованиям и войнам. Различие полов воспринималось им как данность и как незыблемый фундамент множества социальных процессов, при этом история домашнего быта или история материнства казались темами не первостепенной важности. Знаменитую французскую Школу «Анналов», критиковавшую традиционную историю, женщины поначалу тоже не заинтересовали. Ее внимание было отдано экономике и социальным проблемам, изучению класса, а не пола, количественного и коллективного, а не индивидуального или биографического.

Таков был исторический пейзаж в 1970-е гг., когда родился призыв написать историю «глазами женщин», с позиций их социального опыта.

«Женские исследования» в истории рождались в муках – как и положено рождаться новому, преодолевая насмешки и сарказм. Исторической феминологии или «истории женщин» предстояло осуществить компенсаторную функцию (компенсировался про-

бел в существующем знании о прошлом), комплементарную или дополняющую, а также переоценивающую (история женщин должна была пересмотреть устоявшиеся оценки исторических событий и акцентировку их¹⁴). Чтобы отличить женскую историю от описания прошлого в общепринятом ключе, историки женщин ввели даже новый термин в дополнение к привычному *history* (его прочитывали как 'HIS story', 'Его история', 'история мужчины'). Неологизм '*herstory*' ('HER story', 'Ее история', 'история женщины') должен был исправить положение. И хотя термин не прижился, число феминистов стремительно росло.

Буквально за десятилетие (середина 1970-х – середина 1980-х гг.) было создано множество исследований, по крайней мере, по 4 группам тем: во-первых, были написаны биографии известных женщин (королев, цариц и т.д.), которые в свое время обрели популярность в мужской среде; их жизнеописания были зафиксированы во многих источниках и поэтому были наиболее доступны. Во-вторых – куда большее внимание стало уделяться истории тех женских институтов, ассоциаций и школ, которые помогали женщинам в борьбе за избирательные права. В-третьих, изучался женский труд – истории женщин-служащих, оплачиваемая женская работа на производстве, ведение домашнего хозяйства). Вместе с изучением истории модернизаций и индустриализации изучалось, как новые условия трансформировали не только структуру промышленности, но и отношения в семье, так что четвертая группа тем – это история семей, моделей семьи и репродукции¹⁵.

С середины 1970-х гг. начался этап сближения «истории женщин» с феминистской теорией. Поскольку же не все исследователи согласились разделить феминистские воззрения, постольку с начала 1980-х гг. «женские исследования в истории» оказались разделены на два течения. Одни пытались изучать женщин в истории, опираясь на понятия феминистской социальной теории (женский социальный опыт, женское сообщество, женское письмо, женская идентичность, система ценностей, женское видение мира и т.п.). Другие – не соглашались считаться феминистками и претендовали на то, чтобы создавать исследования, претендую-

¹⁴ Lerner G. Welchen Platz nehmen Frauen in der Geschichte ein? Alte Definitionen und neue Aufgaben // Denkverhältnisse. Feminismus und Kritik. Frankfurt, 1989. S. 350.

¹⁵ Подробнее см.: Ретина Л.П. От «истории женщин» к социокультурной истории: гендерные исследования и новая картина европейского прошлого // Культура и общество в средние века и раннее новое время. Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований. Сб. аналит. и реф. обз. М., 1998. Ч. 1. С. 171–210; Ч.2. М., 1998. С. 66–100.

щие на полную «незаданность», свободу от идеологического давления, ведь феминизм – это политика и идеология.

Приверженцы обоих подходов собрались в 1989 г. в Белладжо (Италия), где сумели объединиться и создать существующую поныне «Всемирную федерацию исследователей, изучающих историю женщин». Сейчас она объединяет больше 100 стран. В 1990 г. на XVII Международном конгрессе исторических наук меня избрали в эту федерацию как представительницу от СССР и автора первой российской монографии по истории русских женщин¹⁶ (книга эта, почти не замеченная в нашей стране, хоть и выпущенная тиражом в 100 000 экз., вызвала отклик более, чем в двух десятках исторических журналов за рубежом). Как и многие мои коллеги в других странах, создававших свои национальные истории женщин, я не могла не почувствовать насмешливого отношения к написанию «поло-детерминированной истории». Те, кто занимался «женской темой» в начале 1980-х годов одновременно со мной в Европе и Азии, испытывали те же сложности с публикацией результатов своих исследований в своих странах, те же проблемы непризнания, что и я. И как в «большой истории» – этой мужской эпопее – было всегда мало места для женщин, кроме разве что нескольких героинь, вроде Жанны д'Арк или Екатерины Великой, так и «большой науке» было всегда недосуг разбираться с женскими темами и женской историей. Пока «маленьких женщин» заставляли уступать дорогу «великим людям» прошлого, биографы женщин и исследовательницы женской истории упорно формировали собственный круг единомышленниц, свою систему международных научных обменов и своих конференций.

Подчеркивавшие свою «отделенность» и «несводимость» к обычной истории, историко-феминологические штудии с каждым годом становились все более кастовыми. Из «истории женщин» историческая феминология медленно превращалась в «историю подавления женщин». То и дело со страниц феминологических исследований проступали мизоандринные (мужененавистнические) настроения, «доказательства» женской исключительности, утверждения о том, что история, написанная женщиной – точнее и объективнее, чем написанная мужчиной, «так как знание угнетенного точнее и глубже знания угнетателя»¹⁷.

¹⁶ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси.

¹⁷ Harding S. Is there a Feminist Method? // *Feminism and Methodology*. Milton, 1987. P. 14. Подробнее о превращении феминологии в «историю подавления женщин» см.: Gordon L. What's New in Women's History // de Lauretis T. *Feminist Studies / Critical Studies*. Bloomington, 1986. P. 20–31.

Как ответ на подобный подход к прошлому, в мировой исторической науке появилась «история гомосексуальности», а также «история мужчин и мужественности» (историческая андрология)¹⁸, испытавшие – как ни странно – те же трудности признания и тот же скептицизм, что и историческая феминология. Между тем, «истории отцовства», «истории мужской чести», «истории маскулинности»¹⁹ доказывали убежденным феминисткам, что до последнего времени не было создано не только объективной истории Женщины и истории женской культуры, но и истории культуры мужской, равно как истории Мужчины.

Дальнейшее развитие обособленной «женской» и «мужской» истории грозило оказаться тупиком, если бы не пресловутая женская интуиция. Сторонницы исторической феминологии первыми признали не только необходимость интеграции своих исследований с трудами историков-андрологов, но и «освежения» своих теоретических выкладок с помощью новейших общественно-научных концепций.

ОТ ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ К ГЕНДЕРНЫМ

Во второй половине 1980-х годов социально-политический контекст развития гуманитарного знания изменился. Идеи противостояния – как в мировой политике, так и в науке – уступили место идеям терпимости. Феминологи задумались: могут ли они преодолеть в изменившемся контексте «островное» положение женских исследований? На помощь пришла концепция гендера.

О чем идет речь в гендерной концепции?

О различии полов, не связанном с природой, а созданном культурой и историей, ведь гендер – это социально-культурные проявления половой принадлежности (термин «гендер» впервые использовал в конце 1950-х гг. американский психоаналитик Роберт Столер, который и предложил использовать его всякий

¹⁸ Появление исторической андрологии было следствием возникновения социальной андрологии или изучения маскулинности в социологии. См.: *Gilmore D.D. Manhood in the Making: cultural concepts of masculinity.* New Haven, 1990; *Hearn J., Morgan D. (eds.) Men, Masculinities and Social Theory.* L., 1990; *Silverman K. Male Subjectivity at the Margins.* L., 1992; *Frosh S. Sexual Difference: Masculinity and Psychoanalysis.* L., 1994.

¹⁹ *Delumeau J., Roche D. (eds.) Histoire des peres et de la paternite.* P., 1990; *Gilmore D.D. Manhood in the Making: Cultural Concepts of Masculinity.* New Haven, 1990; *Lenzen D. Vaterschaft: vom Patriarchat zur Alimentation.* Reinbeck bei Hamburg, 1991; *Kuehne T. (ed.) Maennergeschichte – Geschlechtergeschichte: Männlichkeit im Wandel der Moderne.* F. am M., 1996.

раз, когда мы хотим отделить понятие «пол в социальном контексте», от понятия «пол в биологическом и сексуальном смысле слова»²⁰).

Гендер – «полезный инструмент исторического анализа»²¹, позволяющий выйти за пределы эмпирики.

Гендер – это скальпель, вскрывающий ткань очевидного (что может быть очевиднее того, что различия полов предопределены природой?). Именно в гендерной теории место знаменитого высказывания З. Фрейда «Пол – это судьба» занял концепт «Пол – это репрезентация» или «Пол – это театр», в котором каждый играет свою роль, исходя из предписаний, норм, стереотипов поведения, осознания идентичности. Пол был признан лишь «способом интерпретации биологического, закрепленным писанными и неписанными законами общества»²². Перед историками-феминологами встала задача «расшифровки» (или, пользуясь тезаурусом Макса Вебера – «расколдовывания») этих законов и интерпретаций в разные эпохи и у разных народов.

«Историки женщин» хотели *вписать* женщин в историю. Гендерологи поставили задачу *написать другую* историю или, точнее, истории женщин, мужчин, трансвеститов, гомосексуалистов, разные истории полов в самом широком значении. Они объединили историю сексуальности, историю гомосексуальности, женскую историю (историческую феминологию) и мужскую историю (историческую андрологию). Она описывали и анализировали механизмы иерархизации, создания условий для преимуществ одних перед другими, предполагая, что отношение к женщинам или представителям сексуальных меньшинств всегда определяется эпохой и культурой, а не Природой. В отличие от историков женщин, которые часто просто создавали исторические портреты женщин определенного социального слоя или же описывали положение женщины в семье в разные эпохи, гендерологи стали уделять больше внимания контекстуальному, выдвинув на первый план соотношение между социальной и гендерной иерархиями, социальной и гендерной мифологиями, социальной и гендерной историей.

²⁰ McIntosh M. Der Begriff «Gender» // Argument. Bd. 190. Berlin, 1991. S. 845–860 (esp. 845–846).

²¹ Scott J. Gender: a Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. Vol. 91. N 5. P. 1053–1075.

²² Tuttle L. Encyclopedia of Feminism. Ann Arbor, 1986. P. 305.

ПОЛОЖЕНИЕ С «ЖЕНСКИМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ» В РОССИИ

К концу 1980-х годов, когда вышли наши первые статьи и первая монография о русских женщинах, отечественные историки мирно творили в русле марксистской парадигмы. Поскольку в нашей науке того времени господствовал концепт о решенности женского вопроса в СССР, постольку больше всего работ у нас было написано именно об этом, а также об участии работниц в революционном движении. Признанию «женской темы» самостоятельной проблемой мешали старые методологические подходы. Согласно им досоциалистическое прошлое было названо «историей всемирно-исторического поражения женского пола». Искать свидетельства социального равенства или преимущественного положения женщин по сравнению с мужчинами в досоциалистических обществах было равносильно сражению с ветряными мельницами идеологической системы. Всем тогда было ясно, что женщин нужно «освободить», «решив» женский вопрос в марксистском духе.

И все же первые историки женщин появились у нас именно в это время, еще до распада СССР. Среди тех, кто умудрялся вписывать свои «исследования женщин» в контекст догматизированных и идеологизированных наук гуманитарного цикла, оказались социологи, демографы и этнографы (представители прикладных гуманитарных дисциплин). Историки и философы медленно, но верно подтягивались следом²³. Как вестернизация «варварской» России в начале XVIII в. не могла быть успешной без всех социально-культурных трансформаций века XVII, так и «доместикация» западных концептов (в том числе концепции *гендера*) в постсоветский период не могла бы быть успешной без теоретического и практического опыта предшественников. Я имею в виду тех ученых, что занимались «женской темой» еще при социализме и собирали фактические данные по «женской истории» в течение нескольких десятилетий развития догматизированной советской науки.

²³ Федосова Э.П. Бестужевские курсы // Вопросы истории. 1975. № 11. С. 216–220; Тишкин Г.А. Н.Г. Чернышевский и проблемы женской эмансипации // Вестн. ЛГУ. 1978. № 20. История, язык, литература. Вып. 4. С. 32–36; Пушкарева Н.Л. Женщина в средневековом Новгороде XI–XV вв. // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. М., 1983. № 3. С. 78–89; Айвазова С.Г. Женское движение и политика // Массовые движения в современных обществах. М., 1990. С. 117–127.

Другой вопрос – о признанности того, что сделали эти первоходцы²⁴, об институционализированности «женских исследований». Этот процесс был настолько долгим, что, вероятно, не завершился до сих пор. Его развитие происходило отнюдь не в «лоне» феминистского сознания – как то было характерно для Запада. Наши гендерные исследования, в том числе в истории, более академичные по характеру, чем на Западе, рождались как реакция на унификацию половых различий, характерную для советской идеологии. Вот почему они лишены запальчивости и радикализма, характерных для западного феминистского знания.

После ликвидации монополии Комитета советских женщин (бездеятельной марионетки ЦК КПСС) – это произошло на Первом и Втором независимых женских форумах в Дубне, объединивших более 70 созданных снизу женских организаций в 1991–1992 гг. и создания Московского, Петербургского, а затем и региональных центров гендерных исследований (в Архангельске, Иваново, Минске, Костроме, Твери, Тамбове, Томске, Харькове, Петрозаводске и т.д.) стали формироваться локальные исследовательские школы и научные журналы, публиковавшие статьи по истории женщин и гендерной истории. Важнейшими из этих изданий являются выходящий в Иваново ежеквартальный журнал «Женщина в российском обществе» (отв. ред. – проф. О.А. Хасбулатова), ежегодник «Гендерные исследования» (Харьков, отв. ред.–проф. И.А. Жеребкина), альманах гендерной истории «Адам и Ева» (Москва, отв. ред.–проф. Л.П. Репина) и ежегодник «Социальная история» (Москва, отв. ред.–проф. Л.И. Бородкин: в ежегоднике треть объема отдана статьям по женской и гендерной истории).

ЧЕГО ДОСТИГЛИ «ЖЕНСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» В ИСТОРИИ?

Попытаемся определить основные успехи описываемого направления в изучении прошлого – равноправного с историей университетов, историей городов, историей общественных движений и проч. Прежде всего, «женские и гендерные исследования» в истории «вернули женщин» (в том числе и прежде всего – выдающихся, хотя впрочем не только их одних!) общим курсам истории, а историю – женщинам. Эти исследования доказали, что *полученное ранее*

²⁴ Общий список работ авторов, без которых ныне нельзя представить историю развития направления – Айвазовой С.Г., Новиковой Н.Н., Муравевой М.Г., Пушкаревой Н.Л., Репиной Л.П., Тишкина Г.А., Хасбулатовой О.А., Юкиной И.И., Ярской-Смирной Е.Р. и др. см. в кн.: *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность. М., 2002.

«единое и полное» знание о прошлом таковым не является, потому что в нем, по сути, почти отсутствуют женщины и сексуальные меньшинства – ведь они имели во все эпохи свое мировидение и свою систему ценностей, порой не совпадавшую с традиционной.

Можно напомнить и вывод феминологов о существовании в доиндустриальных обществах *двух соединяющихся сфер или доменов существования* – сферы господства Мужчины (политика, дипломатия, военное дело) и господства Женщины (дом, семья, домохозяйство). Историки женщин доказали, что сферы эти были не «сепаратными», а именно «соединяющимися» и равно значимыми для функционирования доиндустриального и раннеиндустриального общества как целостного организма. Благодаря женской и гендерной истории родились новые темы: «история прислужничества и найма кормилиц», «история домашней работы», история практик, продуцировавших мужественность (политическое гражданство как клуб братьев, военная служба, спорт и соревнования).

Новое направление *ввело новое измерение в социально-экономическую историю*, заставив родиться такие темы, как «феминизация бедности», «феминность безработицы», «политическая экономия домашней работы». Категория «пола» оказалась признанной одним из структурообразующих экономических принципов.

«Женская» и «гендерная история» *‘разрушили многие проявления мужского мифотворчества в социальной истории’*. Была поставлена под сомнение оценка некоторых процессов и эпох в мировой истории²⁵. Исследования повседневности, ментальностей, частной жизни, выполненные историками женщин и гендерологами, показали, как «экторы» истории *могут стать из «творцов» истории ее «жертвами»*. Гендер заставил исследовать формы сексуальности, ответив на вопрос: является ли преобладающая – гетеросексуальная – форма единственной? Как, с каких пор она была превращена в норму, исключаящую, отвергающую, клеймящую позором все другие формы?

²⁵ Так, исследования по интеллектуальной истории показали, как в европейской науке XIX в. родился миф о существовании когда-то «власти женщин», матриархата – социальной системы, которой не было нигде и никогда. Другой пример: античная цивилизация, эпоха Ренессанса, великих буржуазных революций – выглядят прогрессивными только в системе мужских абстракций о Добре и Счастье. «Демократическая афинская цивилизация» предполагала содержание женщин в гинекеях (женских половинах домов)... Европейский Ренессанс означал для женщин вытеснение с рынка труда, признание домашней экономики (где они властвовали) малозначимой, вспомогательной, а в области культурной – т.н. «одомашнивание» жен буржуа. Кроме того, именно на эпоху Возрождения пришлось и «охота на ведьм», и самые одиозные процессы над теми, кто был обвинен в ведовстве... Да и славные буржуазные революции не торопились распространить на женщин лозунг «Свобода, равенство, братство!»

Исследование истории феминистских идей позволило феминологам *реабилитировать феминизм как политику*, в основе которой лежит принцип свободы выбора женщиной пути самореализации. Оно заставило признать феминистскую идею *личностного становления женщины* как основы ее эмансипации и эмансипации общества от стереотипов. Гендерная история заставила рассматривать не пол сам по себе и не взаимоотношения полов, а именно *множественность социальных связей, не упуская при их рассмотрении фактора пола* и гендерного взаимодействия. Например, исследование классов и социальных групп – в случае применения гендерной методологии – позволяет вникнуть в процессы «конструирования» гендерных различий, закрепленных идеологией, религией, размышлять о том, как этот фактор определял «общественное пространство», в котором функционировал данный класс или социальная группа.

Гендерная история оказалась обладающей массой точек соприкосновения с *устной историей*, поскольку – как и устная – позволяла озвучить всех «исчезнувших, молчащих и противящихся». Устная история стала пограничным полем между историей и социологией, позволив обеим дисциплинам использовать методы, подходы и преимущества друг друга. «Другая история» или, точнее «другие истории» предполагали восстановление прошлого путем рисования истории «другими глазами» – увиденной и записанной, пережитой и понятой глазами ребенка, старика, гомосексуалиста и, конечно же, женщины.

Власть – при анализе ее с помощью гендерной концепции – оказалась «рапыленной» повсюду, неформальной, непредсказуемой, требующей комплексности рассмотрения. Социальная структура – при гендерном подходе и с учетом исторической изменчивости – потребовала многомерного подхода, а не простого вписывания женщин в уже известные и описанные элементы этой конструкции²⁶.

²⁶ Скажем, распространенность фигурок женских божеств, держащих в руках различные культовые предметы-символы социального влияния, говорит о значительности формальной власти женщин в данной социальной структуре. Напротив, распространение символов женской пассивности, в том числе в иконографии – женщин с детьми на руках, как это типично для раннесредневековой Европы, свидетельствует о ином типе социального поведения. Однако связи символов и поведения могут быть куда менее примитивными. Скажем, образ Богородицы и житийные клеймы, рассказывающие о том, как она воспитывала сына, одновременно отражали и формировали представления о том, что является символами частной сферы (купание, еда, забота как общее понятие) в противовес сфере публичной. Причем и понятия частного/публичного, и природного/культурного были и остаются довольно изменчивыми.

Гендерные исследования в истории дали возможность *обнаружить непривычное в привычном* (мужскую дискриминацию и подчинение в патриархальном обществе); они позволили *понять конструирование иерархий как взаимодействие*, а не однонаправленный процесс.

Гендерный подход и гендерная концепция помогли анализу прошлого, четко *ориентированного на решение современных задач* (скажем, о путях о маргинализации, «забывания» той или иной социальной группы, о ее правах). При этом была преодолена узость отдельных самостоятельных «историй» – историй женщин, мужчин, гомосексуалистов, – поскольку функция гендерной истории не комплементарная (дополнительная), не компенсирующая (нехватку чего-либо) не пересматривающая (старые представления, старые подходы), а именно *синтезирующая*.

ПРИЧИНЫ НЕДОСТАТОЧНОЙ ПОПУЛЯРНОСТИ «ЖЕНСКОЙ ТЕМЫ» В НАШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ СЕГОДНЯ

Если институционализация новой дисциплины шла так успешно, то логично задаться вопросом: почему же феминология до сих пор не нашла себе постоянного места в системе исторического образования России? Перечислю лишь некоторые из причин. Так, в отношении исторического аспекта в развитии гендерных исследований в РФ *отсутствует социальный заказ* (исследования социологов, психологов, медиков или демографов могут иметь конкретный практический выход, а исследования историков женщин не смогли пока доказать, в чем сила их исторических реминисценций и сравнений). «Женская тема» в истории по-прежнему *считается чем-то иллюстративным* и по меньшей мере экзотическим. В России, в отличие от Запада, «женский вопрос» решался на государственном уровне десятилетиями (патерналистская составляющая была всегда в нашей стране сильна), он считался «решенным», а потому *привыкание к мысли о том, что – в сущности – ничего еще не сделано, происходит с трудом*. «Женские исследования» не «звучали» в *российском политическом контексте в отличие от западного*. Причин тому много – в том числе и традиционность, патриархальность большинства социальных структур. Но так или иначе, проблема борьбы за соблюдение прав женщин не стала в России одной из составляющих борьбы за права человека, как это произошло – и считается поныне – на Западе. Отношение к понятию «феминизм» (а с ним, как мы поняли, было связано возникновение всего направления women's studies) остается в России – если говорить о бытовом,

профанном уровне знания – в большинстве случаев *негативным*. Несмотря на то, что феминизм как политическое течение развился в России одновременно с развитыми странами Запада (то есть в середине прошлого века), он не мог получить широкого распространения: Россия была страной «запаздывающей модернизации», большинство населения составляло крестьянство, а в крестьянских семьях женщины были жестко подчинены традиционным правилам, религиозным нормам. Западный феминизм как теория насчитывает несколько столетий, а российский – всего полтора века.

В России практически *отсутствуют подготовленные специалисты*, а курсы по «женской истории» стали читаться лишь недавно и не в престижных столичных университетах, а силами энтузиастов в российской провинции – в Твери, в Иваново, в Костроме.

Гуманитарно-академическая среда с *большим трудом* и напряжением *воспринимает импульсы междисциплинарных исследовательских подходов*. Скажем, метод устного интервьюирования, «устной истории» с большим трудом институционализируется в системе традиционных исторических исследований.

Тем не менее, разговор о «женской истории» и о гендерной методологии в науках о прошлом можно вести бесконечно – столь широки их возможности. Подчеркну еще раз: речь идет не о реконструкции какой-то части или страницы общечеловеческого прошлого (такое понятие применимо к «рабочей истории», «городской истории», «истории детства» и т.п.), а о действительно глубоком и многостороннем видении жизни ушедших эпох.

Теперь, когда философы и психологи «открыли» гендер, поставив вопрос о том, как гендерные «верования» исследователя преломляют его взгляд на мир, когда обнаружен женский опыт как особый источник знания и обнародованы гендерно-чувствительные методики, позволившие углубить научный поиск, – изучение прошлого, опуская и забывая женщин, просто невозможно. В этом непреходящая ценность проделанной работы. При этом гендерный подход в истории имеет, как о том принято говорить в российском научном дискурсе, и практическую значимость. И она не только в том, что феминистическая и гендерная тематика привлекла к научной работе массу женщин, повысила их самосознание.

Историки, разделяющие концепции гендерной методологии, сумели «опрокинуть» их в прошлое, показали, как в прошлом женский опыт соотносился с мужским, в какой мере это взаимодействие формировало культурные стереотипы, нормы и идентичности, как они видоизменяются теперь. Подобные знания имеют

непосредственное отношение к процессу социальных изменений, они – не наука ради науки. В доказательстве историчности привычных понятий (социальная роль, социальное призвание, «природное» предназначение) заложена гигантская сила индивидуального освобождения. Вот почему, изучая прошлое женщин и гендерную историю, приверженцы описываемого направления ищут ответ на собственные размышления о времени, о себе, о своем месте в мире, о нужности проводимых ими исследований.

Подводя итоги и задумываясь над судьбой направления в исторических науках России, можно с уверенностью сказать: оно выживет, и это – очевидно, несмотря ни на какие катаклизмы. Поколения историков, которые придут следом, конечно же покажут, как многого мы не дочитали, не допоняли, и с решительностью неопитов продвинут изучение гендерной истории дальше предшественников, в том числе западных коллег... Первый шаг был самым трудным.

Но те, кто его сделали, не ропщут: они вознаграждены обаянием открытия.

ЭКСПАНСИЯ XVI–XVII вв. ИСПАНИИ И АНГЛИИ
В АМЕРИКУ, РОССИИ – В СИБИРЬ,
ВАРИАНТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И ГЕНЕЗИС КУЛЬТУРНО-ЛИТЕРАТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ
НОВОГО ВРЕМЕНИ

В.Б. Земсков

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОБЛЕМАТИКЕ
И МЕТОДОЛОГИИ

Настоящая статья относится к направлению, которое имеет целью пересмотр и новое структурирование культурно-литературной «картографии» Нового времени – исторического цикла всемирной истории. Он начался в XV–XVII вв. христианско-европейской экспансией иберийских стран, в конкуренции с ними Голландии, Англии, Франции – в Новый Свет, на Запад; России – в Сибирь, на Восток. В результате всемирная ойкумена была открыта христианским миром в ее полном и окончательном составе. Тем самым возник первичный информационно-культурный континуум, конфигурация которого определялась рядом доминирующих европейских имперских центров. То была точка отсчета процессов, определивших динамику всемирного развития, с новыми «центрами» и новыми «перифериями», вариантами и вариациями межцивилизационных взаимодействий, приведших к появлению новых социокультурных образований.

В XVIII в. на месте завоеванных пространств начинают возникать новые исторические субъекты, вступающие в борьбу за независимость (первые, в XVIII в., – США и Гаити); этот процесс продолжался в XIX в. в Испанской Америке, а завершился в XX в. в Карибской зоне деколонизацией английских и французских островных территорий.

Гораздо более сложным, в сравнение с описанным «прямолинейным» процессом, выглядят по своим внутренним смыслам и архитектоника и связь «имперский центр – колониальная периферия» в российском варианте, ибо складывающийся здесь тип отношений в одних случаях совпадающий с понятием «колониальный», никак не изъясняется этим понятием в отношении других территорий, глубоко интегрировавшихся в состав России-Евразии. Заметим – и подчеркнем это – отпадение от Российской/советской империи национальных республик на Востоке произошло как раз по той географической линии, которая обозначила границу первичной колонизации XVI–XVII вв. – по границе

Сибири, за прошедшие столетия прочно составившей вместе с Россией единое интегрированное пространство России–Евразии.

Любой вариант колонизации, особенно в Новое Время, – это далеко не только военно-политическая, административная и экономическая компоненты, это также и сложный историко-культурный процесс, растянутое во времени событие междивизиационного, этнокультурного взаимодействия, захватывающие все уровни встретившихся традиций: начиная с расово-биологического, хозяйственно-экономического, различных областей культуры и кончая сферой высших духовных ценностей, религиозных, мифологических систем и ценностей.

Мы имеем дело с единым, но вместе с тем и двусторонним, процессом. С одной стороны, в зонах экспансии возникают различные типы междивизиационных, этнокультурных контактов и взаимодействий, характер которых (негативно-подавляющий, позитивно-креативный, нейтрально-консервативный и т.п.) определяет тип изменения местной антрополокальной среды, возможность/невозможность формирования новых цивилизационно-культурных сообществ, в том числе и характер литературных традиций.

Другой составляющей этого процесса является обратное воздействие завоеванной и изменяемой среды на метрополии – процесс, который поначалу дает о себе знать в неких экзотических, затем примитивных, но все более усложняющихся формах, а на протяжении последующих столетий все активней обнаруживает зачатки будущих глобальных изменений культурной «картографии», кризисов, наконец, кардинальной ломки в XX в. всей системы отношений «имперские центры» – «периферии», и одновременное включение их в иную систему отношений, связанных с процессами глобализации. В конечном итоге: процессы, происходящие на рубеже II–III тысячелетий, следует рассматривать в контексте эпистемологического кризиса, сопровождающего глубокую перестройку культуры при переходе в эпоху «Пост-Современности». Заметим при этом, что главнейшими «актерами» этого процесса, его готовившими по-разному и по-разному в нем участвующими, выступают именно североамериканская Евро–Америка и Россия–Евразия.

* * *

При построении избранного фрагмента «картографии» Нового Времени мы используем довольно жесткую единицу структурирования такой «карты» – то, что мы обозначили как культурно-литературная модель. В предварительном виде скажем, что

под культурно-литературной моделью мы понимаем сумму исходных оснований, представляющих своего рода базовый «идеальный “конструкт”» культуры. Сюда входит взаимоувязанный и взаимообусловленный набор матричных единиц, из которых складываются картины мира той или иной традиции, включающие в себя ряды ключевых идеологем и мифологем, ключевых оппозиций, охватывающих онтологические и экзистенциальные аспекты бытия и способы их разрешения, кодовых для той или иной традиции высших духовных, религиозных символов, констант, стереотипов и т.п., неизменных в своем базисе, но изменяющихся в исторической динамике.

* * *

Таким образом культуру мы стремимся увидеть через словесность, литературу, и, напротив, литературу представить как одну из наиболее репрезентативных частей культуры, изоморфно отражающую все ее особенности и полновесно – в слове – их представляющих. Слово, словесность, литература оказываются наделенными повышенными функциями в кризисные моменты, какими являются всегда Столкновения, Встречи цивилизаций, Открытия; они являются важнейшим орудием присвоения-освоения нового пространства и его преобразования, в сотрудничестве с автохтонными традициями. Словесность, литература предстают высшей концентрацией внутренних, духовных интеллектуальных, эстетических смыслов истории, пронизывая всю ее «толщу», – от уровня расово-биологического «низа» до уровня высшей духовности.

Таковы общие исходные основы для реконструкции генезиса культурно-литературных моделей в трех ареалах, два из которых находятся в Новом Свете и один в России–Евразии, когда-то, во времена ранних миграций, соединявшихся через исчезнувшую перемычку Берингова пролива в единое целое...

* * *

Если с точки зрения фактологии принадлежность рассматриваемой здесь событийности к единому историческому циклу не подлежит сомнению, то есть немало моментов, которые отличают как объекты, так и субъекты экспансии.

Различны объекты экспансии – на Юге и на Севере Нового Света и в Сибири, в антропном, этнокультурном, геоландшафтном, историко-стадиальном типах; в разной степени и в разном смысле к ним может быть применено одно из ключевых смысло-

образующих понятий эпохи – «Открытие». Различны субъекты экспансии при том, что они принадлежат общей европейской цивилизации, хотя и разным ее ветвям, различны хронология их действований, несомненны их внутренние связи и преемственность; различны возможности этнокультурного взаимодействия с автохтонным населением, варианты матричного генетического этнокультурного контакта, итоги взаимодействия на разных уровнях и иерархиях культуры, роль государства, церкви, миссионерства в трех вариантах (католичество, православие, протестантство), типы хозяйственно-административной деятельности, и, в итоге способы «присвоения» и преобразования новых открытых земель и народов в новые антрополокальные пространства.

Среди различий и разная история формирования развития новых культурно-литературных моделей в трех зонах экспансии – типологически общая в исходных основаниях для разных ареалов Нового Света, но отличная в зоне русской/российской экспансии. Сформулируем, что радикально различает две «новосветские», с одной стороны, и русскую/российскую культурно-литературные модели.

* * *

В зоне испанской и английской экспансий, хотя и по-разному, происходит «перенос» за океан традиций европейской словесности, перед которыми встала задача предвербальной реконструкции принципиально новой картины мира, открывшейся европейскому человеку. Европейская Словесность оказывается в «нулевой» ситуации, когда надо опознавать и воссоздавать в слове новую реальность с нуля, но стратегия словесности, испанской и английской, прежде всего, по причине глубоких различий матричного генетического этнокультурного характера контактов с местным населением и его культурой, оказывается разной.

Совершенно иное происходит в пространстве «за Камнем», то есть за Уралом, – без отпочкования от родовой ветви новый побег протягивается в Сибирь; новое пространство осваивается в слове, однако на традиционной платформе.

В Новом Свете перед нами ситуация генезиса новых цивилизационно-культурных общностей и новых культурно-литературных моделей, хотя совершенно разных на юге и на севере. В зоне русской экспансии поначалу лишь готовится почва для изменения всего пространства русской культуры, русского типа пространственного мышления, «ментального» круга для построения новой цивилизационно-культурной ориентации, новой «хронотопичности». В последующем все это отзовется в классической русской

художественности самым радикальным образом. Возникнет целая серия специфических идеологем и мифологем Сибири, вариаций сибирской картины мира, которые войдут в «канон» русской классической литературы в качестве важнейших художественно-этических и интеллектуальных компонентов. Возникнет то, что мы считаем возможным назвать «сибирским измерением» русской/российской культуры – без нее она не стала бы такой, какой ее узнал мир.

* * *

Представляется существенным сформулировать еще одну позицию, а именно наше представление о принципиальной важности интегрального подхода к историческому и историко-литературному знанию, или иными словами к истории – как к культуре, а к культуре – как к истории. Для нас история – это и есть культура в развертке ее творческого потенциала, матричных в генезисе, но меняющихся в динамике исторического развития и представляющих по-разному в разных проблемных полях в разные эпохи существования культуры. Но как бы далеко ни ушла культура от своего генезиса, пока она жива, все ее основные части будут изоморфны матричным, исходным конструктам. Они ими моделируются, а время разрабатывает заложенный в них познавательный и строительный ресурс, работая на основе свойственных тому или иному цивилизационно-культурному образованию культурообразующих механизмов.

* * *

Для нас равно важны как общее, единосущность процесса становления мирового информационно-культурного континуума, так и глубокое различие участвовавших в его формировании цивилизационно-культурных традиций; их принадлежность к западно-восточной, или если угодно, восточно-западной макроцивилизационной общности (Россия, Испания, Англия), равно и все, что их разделяет, – от дохристианского субстрата до христианских конфессиональных различий, принадлежность их к разным ареалам общего европейского цивилизационного поля.

В силу исторической инерции и геополитических пристрастий место Руси/России в мировом цивилизационном процессе трактуется вне его большого «контура», помещается в область исторических «аномалий», либо воспринимается в духе неразрешаемых противоречий Запада и Востока – будто не есть то два «крыла» единого процесса, две его разрывно-неразрывно, «анрогино»,

связанные части: одно не существует без другого, а мировая целостность основывается исключительно на взаимодополнительности и взаимодействии.

Итак, наша исходная позиция: западно-восточная, или восточно-западная европейская общность, представляет собой совокупность многих отличающихся одна от другой переходных зон. *Различительная типология*. Через «краевые», пограничные зоны, в нашем контексте – Испанию, Англию, Россию – эта общность выходит за пределы европейской цивилизации и вступает во взаимодействие с иными мирами. Так возникают Россия–Евразия и Евро–Америка.

КОНЦЕПЦИИ ЕВРОПЕЙСКО-ХРИСТИАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ В НОВЫЙ СВЕТ И В СИБИРЬ И ТИПОЛОГИЯ «ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ»

Рассмотрим европейскую экспансию XVI–XVII вв. в разрезе представлений того времени об эсхатологическом пространстве. Такой подход необходим для понимания генезиса базовых концептов, мифологем, легших в основание новых культурных кодов. В трансформированном виде они и поныне определяют ключевые строительные компоненты латиноамериканской, североамериканской и российской культурной традиции – в ее сибирском измерении.

В общем, эсхатологические ожидания – это константа любой пост-осевой культуры. Они могут находиться в латентном и в возбужденном, то есть генерирующем состоянии. Усиление эсхатологических ожиданий приходится, как правило, на переломные моменты развития социума, когда происходит радикально изменение картины мира, влекущее за собой кризис информационной и интерпретационной систем, или то, что называют эпистемологическим кризисом. Именно его мы наблюдаем на заре Нового времени в прямой связи с Великими географическими открытиями, которые были составной частью, фактором и в какой-то мере, результатом единого, более общего явления – начавшегося модернизационного процесса, в разных вариантах отразившегося в культуре трех метрополий и – трех прообразов колониальных империй Нового времени – испанской/испано-американской, английской/североамериканской, русской/российской.

В сфере миросозерцательной модернизационный процесс вызвал гигантский разлом западноевропейской культуры (Реформа и Контрреформация) и обострение противостояния пра-

вославия и западного христианства во всех его вариантах. В сфере геополитической его воплощением стала внутриевропейская борьба за перестройку границ и выход за пределы традиционной ойкумены. Базирующиеся на общей христианской макроцивилизационной основе культуры несли в себе разные потенциалы и векторы развития. Три субъекта экспансии – Испания, Россия и Англия – являли собой разные типы формирующихся империй.

Протестантская Англия, наиболее быстро расстающаяся со средневековой моделью, являла собой образец собственно колониальной империи Нового времени. Базовая характеристика таковой, в отличие от традиционной идеократической империи, – замена центральной конституирующей традиционную империю Великой или Трансцендентальной идеи (мифа) на прагматическую мифологию Цивилизаторского мифа¹.

В сравнение с Англией, католическая Испания являла собой промежуточный вариант. Под скорлупой средневекового традиционализма здесь в первой половине XVI в. происходила борьба между реформаторскими и контрреформаторскими тенденциями. Победа Контрреформации продлила жизнь идеократической формы, определявшей облик Испании до второй трети XVIII в., когда метрополия стагнирует, затем рушится.

Русь на этом фоне являет собой еще более ретардационный вариант – медленно, с откатами она движется по пути трансформации идеократической империи и на этом пути переживает ряд острых модернизационных кризисов. Истоки петровских реформ уходят в эпоху первичной русской колониальной экспансии, начавшейся при Иване Грозном. В XVI в. Московская Русь, окончательно оформляясь как монархия, впервые вступила в мировую геополитическую борьбу: борьба на западных границах за выход к Балтике при постоянном «взгляде» на завоеванный «басурманам» Константинополь, и движение на восток – в Сибирь, вслед за завоеванием Казанского и Астраханского ханств. При этом она противостоит любым модернизационным веяниям, шедшим через Литву, Польшу, Украину, Новгород. Однако в культурологическом смысле противостояние есть не просто отторжение, но «минусовое» взаимодействие, непременно предполагающее проникающие влияния, и это взаимодействие готовило петровские реформы.

¹ См.: Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (опыт концептуализации процесса) // Полис. 1996. № 6.

Но при всех моментах сходства, о которых говорилось выше, существуют глубокие различия, как объектов, так и субъектов культурно-цивилизационной экспансии на западе и на востоке и их взаимодействия между собой, что предопределяет границы, характер и объем их сопоставимости. Поэтому наиболее плодотворным путем выявления сходного или близкого в хрониках и летописях представляется путь обнаружения несходного.

Сначала об объектах экспансии: Америка и Сибирь. Колумб намеревался открыть лишь новый путь в Индию – этот известный в европейском (в том числе и русском) сознании мифотопос щедрой земли. В данном контексте правильной было бы даже сказать: путь в Нижнюю Индию, так как Верхней Индией со времен Плиния и до итальянского Ренессанса называлось то неведомое пространство, что вскоре станет Сибирью.

Для Колумба это было техническое преодоление океанского пространства, которое должно было привести его все в тот же известный континуум Старого Света, только с западной стороны. Результатом же стало обнаружение нового континента, Нового Света. Испанцы в полном смысле слова совершили *Открытие всемирного значения*: обнаружение ранее неведомого, новой географической, природной, культурной реальности.

Англия, изначально пользовавшаяся общеевропейской информацией о Новом Свете, пыталась конкурировать с Испанией уже с конца XV в. Экспедиции итальянских моряков Кабото на службе короля Генриха VIII искали путь на восток через запад в северной Атлантике, так как южные пути были блокированы известными папскими буллами. Однако успехи англичан не шли ни в какое сравнение с тем, что совершили испанцы. Испанцы установили постоянную связь с новооткрытыми землями, то есть постоянный культурный континуум, а англичане ограничивались лишь спорадическими контактами с новыми землями. Большую часть XVI в. они либо пиратствовали, либо стремились отторгнуть испанские владения, либо пытались открыть путь на восток через Северный Ледовитый океан. Этим занималась лондонская Московская компания, интриговавшая против своих соперников, пытавшихся наладить путь к Америке в 1560-70-х гг. через северную Атлантику. Однако и эти попытки кончились неудачей – Московское государство, и ранее крайне настороженно относившееся к этим попыткам, в 1627 г. окончательно закрыло старый поморский путь из устья Северной Двины через Баренцево и Карское моря в Обскую Губу.

Не способствовала в XVI в. английской экспансии в Новый Свет и особая политика английской короны. Английский двор при Изабелле фактически передал решение всех вопросов частным советам, своего рода акционерным обществам, объединявшим, с одной стороны, дворцовые круги и аристократию во главе с королевой, в качестве частных вкладчиков, и с другой – торгово-авантюристические кланы западного побережья Англии (порты Плимут, Бристоль, Дортмут, Эксетер и др.). Таким образом, во многом то были частные экспедиции, корона же выдавала лицензии, требовала свою долю в доходах и оставляла за собой право назначения губернаторов и других высших чиновников. Появление частной инициативы в стратегическом плане имело решающее значение для успеха британской колонизации Северной Америки, однако это обнаружилось только на ее пуританском этапе. До того и действия, и идеология Англии страдают комплексом вторичности по отношению к Испании. Этим объясняется мощная пропагандистская кампания, сформировавшая «черную легенду» о роли Испании в Новом Свете. Она опиралась во многом на знаменитый историко-публицистический трактат Лас Касаса «Кратчайшее сообщение о разрушении Индий», написанный в гиперболизированном стилистическом и эмоциональном ключе².

Формально английская экспансия трактовалась английской короной так же как испанская, в провиденциальном и эсхатологическом ключе: англичане вслед за покорением язычников шотландцев и ирландцев должны распространить христианство (протестантство) на остальные части света, для чего им предстоит «исправить» грехи католиков-испанцев, изгнав их из Нового Света и проведя новую христианизацию (и даже «вернуть» свободу инкам!). Подобной аргументацией пестрят записки поколения выдающихся морских авантюристов Гилберта, Лока, Фробишера, Дрейка, Рэли, собранные идеологами английской экспансии и Ричардом Хэклитом в книге «Главные исследования, приключения и открытия английской нации» (1589 г.), а вслед за ним Сэмюэлем Перчесом в «Посмертных записках Ричарда Хэклита, или странствий Перчеса» (1625 г.).

Однако неудачи долго преследовали англичан как на юге, так и на севере континента. Только в 1607 г. основывается первая постоянная колония Джеймстаун, кладущая начало Вирджинии, но настоящая колонизация начинается в 1620 г., когда «святые» пуритане основывают первое поселение в Новой Англии.

Можно сказать, что, в отличие от *универсального*, подлинного размаха «Открытия» Испании английские открытия можно

² См.: История литератур Латинской Америки. Т. 1. С. 176–179.

писать «с маленькой буквы»: они носили *локальный* характер. Вместе с тем, нельзя не признать важности обнаружения путей в Америку Северным маршрутом.

Иное дело русский вариант: экспансия осуществлялась в пределах давно известного континуума Старого Света. Первые сведения о походах новгородцев за Югру и в Самоядь фиксируют летописи XII в. (причем со слов «старых мужей»). Русские люди в годы ордынского ига достаточно прочно утверждаются в Заволожье; объектом колонизации стала также Великая Пермь. Московская волна колонизации активизируется с середины XV в. (походы 1499–1550 годов), когда русские доходят до Иртыша и до низовьев Оби, где ставят первые семь известных нам острожков. Ситуация резко меняется в 1555 г., после завоевания Казанского и Астраханского ханств и принятия шерти (присяги) ногайскими мурзами, сибирский хан Едигер также прислал Ивану Грозному шертную грамоту, и русский царь стал именоваться «всеа Сибирская Земля обладатель», а с 1599 г. – «Царь Сибирский». Если представления западноевропейского человека о Верхней Индии (Сибири) вплоть до начала (и позднее) завоевания Сибири русскими были туманны и полны мифологизма, то для русских восточная ойкумена являлась зоной постоянных контактов.

Несомненно, с этим связано и отсутствие в русском лексиконе эпохи экспансии XVII в. понятия, равнозначного «Открытию» (*Descubrimiento* – исп., *Discover* – англ.); употребляются иные термины: *прииск*, *приискивать*, *проведыванье*, *проведывать* («новые земли», «новые реки» и т.д.). Таковы типовые формулы из русских челобитных XVII в., например, из текстов выдающегося первопроходца Семена Дежнева, *открывшего* пролив между Азией и Америкой – позже Берингов.

Семантические различия, на наш взгляд, очевидны и принципиальны. Испанский глагол *descubrir* как и древнерусского «открыти» в семантической глубине содержит действие *снятия покровы с того, что скрыто*, то есть обнаружения совершенно неизвестного, тайны. Русский же «прииск» имеет значение дополнительного узнавания к тому, что уже известно.

Но не исключено другое – значение испанского примера для русской экспансии. Он, несомненно, послужил одним из важных импульсов.

Как писал академик М.П. Алексеев, через сообщения и переводные сочинения Испания явила для русских «возбуждающий пример военно-колониальной экспансии, горячку которой Московское государство пережило несколько позже³. Впрочем,

³ Алексеев М.П. Этюды из истории испано-русских литературных отношений // Культура Испании. М., 1940. С. 89.

вопрос о значении этого примера для России пока остается открытым и нуждается в дальнейшем изучении. Речь идет и об обмене информацией при политических контактах (русские посольства в Испании), культурных контактов (беседы итальянцев – известного историка конкисты Паоло Джовио и выдающегося деятеля культуры Возрождения Рамузио с русскими о Сибири – но ведь, возможно, был и встречный интерес); осмыслении этих событий при русском дворе и в русской литературе, начиная с М. Грека; распространение переводной литературы («Хроника» Марцина Бельского, хронографы, труды Меркатора, Орбелиуса, атлас Блеу и т.д.)⁴. Меньше оснований, видимо, говорить о каких-то непосредственных влияниях, особенно в отношении ранних памятников, но идеологический и политический импульсы весьма вероятны.

После взятия Казанского ханства, с середины XVI в. открывается возможность, опираясь на уже давние зоны колонизации, такие как Великая Пермь, Строгановские колонии, продолжить путь на восток за Камень (Урал) по лесной, таежной полосе, т.е. через иную географически-климатическую зону с неизвестными пределами. Это также было открытие неведомого, хотя и в пределах старого континуума. Испанцы пересекали «море мрака», океан, а русские – «океан–тайгу». Как писал теоретик евразийства Савицкий, «русские, пройдя насквозь тайгу от Онеги до Охоты, сделали ее стихией, соразмерной Степи»⁵, т.е. ввели ее в зону культурно-цивилизационных контактов, в чем и состоит, собственно, историко-культурный смысл понятия «открытие». И еще одно его высказывание: «Русские пересотворили восточный космос, пройдя в XVI в. по всей Сибири от Урала до Камчатки и Чукотки»⁶, т.е. русские создали в этой зоне иной мир – именно то, что сделали и испанцы в Новом Свете.

По-иному можно сказать, что издавна зарождавшийся информационно-культурный континуум до «Камня», переходивший в пунктир и терявшийся на пространствах Западной Сибири, был продолжен экспедицией Ермака в неведомое пространство, и чем дальше от Урала на восток продвигались русские землепроходцы, тем более полным и близким к западному испанскому варианту становится понятие «Открытие». Пройдя в XVII в. Западную и Восточную Сибирь до Тихого океана, русские включили новые пространства в общий культурный конти-

⁴ См.: *Алексеев М.Л.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников XIII–XVII вв. Иркутск, 1941.

⁵ В кн.: Евразийство: материалы: публикации. М., 1992. Вып. 1. С. 97.

⁶ Там же. С. 78.

нуум на основе общеевропейского цивилизационного языка, который протягивается теперь от западного побережья Атлантики – на восток до Нового Света, где с другой стороны он замыкается тем, что протянут на запад через океан к тому же Новому Свету.

* * *

По нашему мнению, единство земного шара на основе европейско-христианского цивилизационного варианта как динамической силы мировой истории включает в себя как одну из компонент российской экспансию в Северную Азию. Универсальность этого процесса очевидна в борьбе Англии с Испанией в Атлантическом океане и в Новом Свете и конкурентной борьбе с Московской Русью за освоение Северного морского пути; впоследствии в конкуренции России с Испанией и Англией в Тихом Океане и Новом Свете; в преимуществах экспансионистского опыта; в общности «вторичной» – цивилизаторской идеологической базы экспансии, разработанной французским Просвещением, универсализм которого стал возможен, благодаря открытиям XVI–XVIII вв.

Конкретный сопоставительный анализ экспансионистских концепций Испании, России и Англии, возможно, покажет отличия, связанные и с различием конфессиональных, цивилизационных платформ (католичество, православие, протестантство), и с хронологической асимметрией, но с точки зрения понимания генезиса здесь важна принципиальная общность интерпретации экспансии, во всех трех вариантах, в христианско-эсхатологической макроперспективе. Единый эсхатологический миф и оказывается центровым, генерирующим мифом во всех трех вариантах новых культурных традиций, как они складываются в ходе колонизации Америки и Сибири. Ожидания «конца света» концентрируются именно вокруг 1492 г. в связи с наступлением 7000 г. от сотворения мира, т.е. хронологически совпадет с открытием Колумба, продолжаются на протяжении всего периода экспансии XVI–XVII вв. 1666 г. выступает и для западной и для русской культуры важной силовой точкой эсхатологизма. То есть весь период, включивший падение Константинополя, географические открытия, борьбу Реформации и Контрреформации, расколы (внутри католицизма, а затем внутри протестантизма и в православии) рассматривался современниками в резонансе с учением Августина Блаженного как *saeculum senescens*. Открытие Нового Света было тому подтверждением. «Идеологи английской экспансии Хэклит и Пурчес, как и испанцы, верили в близкий конец света, и апокалиптическое толкование ситуации было одинаково и в

Испании, и в Англии до конца XVII века»⁷. Нечто сходное происходит и на Руси, где во второй половине XVII в. шла напряженная битва раскольников с «Антихристом». Прагматику и мистику в событиях, идеологии, в действиях людей и институтов власти в эпоху открытий и экспансии разделять не только трудно, но и непродуктивно. Как справедливо писала С.В. Лурье, «неверно смотреть на империю как на политэкономическое явление (исключительно. – В.З.), таковой не была ни одна империя; «геостратегический вектор имперской экспансии всегда имел свое идеальное наполнение»⁸.

Эсхатологическое начало проявляется и в рассматриваемых событиях XVI–XVII вв.: мистика и прагматика оказываются связанными в единый клубок и служат взаимному обоснованию на протяжении всего процесса открытий и экспансии. Существует множество исследований, на основе которых можно заключить, что открытие Нового Света в равной мере можно рассматривать и как результат научных и технологических новаций, и как воплощение легендарно-мистических импульсов и предпосылок⁹. Не углубляясь в эту тему, напомним только о сакральной христианской пространственной ориентации, которая и определила пути поисков Колумба и его заблуждения. Восток (восход, свет) ассоциируется с движением к Богу, к Благодати (Рай), Запад (закат, тьма) выступает с обратным знаком, это область Сатаны (Ад).

Может быть, именно с этим связано маниакальное упорство Колумба, когда, казалось, всем уже было ясно, что он обнаружил западные земли, в стоянии на том, что он западным путем добрался до земель восточных (Сипанго, Катай, Индия). Адмиралу не хотелось повторить прекрасно известную ему судьбу Улисса из «Божественной комедии» Данте (XXVI песнь «Ада»). Ведь путь хитроумного странника закончился тем, что он, презрев предостережение, начертанное на Геркулесовых столпах «Non plus ultra», ведомый страстью познания, отправился через «море мрака» на Запад, держась «налево» (то есть в направлении к Бразилии) и через пять лун под сиянием звезд Южного Креста увидел затемненную расстоянием гору, а затем налетевший смерч унес его и путников именно туда, куда он и направлялся – в Ад. А Колумб бредил, что вот-вот где-то в глубинах Амазонии будет обнаружен Рай – гора в виде женской груди!

⁷ *Ortega y Medina I. Destino Manifiesto. México, 1972. P. 25.*

⁸ *Лурье С.В. Идеология и геополитическое действие. Вектор русской культурной экспансии: Балканы–Константинополь–Палестина–Эфиопия.*

⁹ *Luca de Tena T. América y sus enigmas. Barcelona, 1992.*

Понятие «Индии» – другой ключевой топос в сакральной ориентации эпохи, который с античных времен ассоциировался с изобилием, щедростью, драгоценностями, золотом, не только в прагматическом, но и в духовном аспекте (духовное золото – Рай). В испанской традиции в XVII в. был найден терминологический компромисс – владения в Новом Свете стали именоваться «Западными Индиями». (В английской зоне экспансии прижился аналог: «Вест-Индия», в отношении Антильских островов). Теперь о русском варианте, отметив существенное для нашей темы: уже во времена Великих географических открытий известный итальянский гуманист Помпоний Лэто в своих лекциях (опираясь на античную традицию, идущую от Плиния) именовал земли Сибири, оставшиеся все еще неизвестными до русских открытий, «Верхней Индией», то есть рассматривал под знаком духовного «Востока» и северные области, хотя гораздо чаще северные земли именовались «Тартаром» (то есть Ад) и выступают под отрицательным знаком¹⁰.

Можно полагать, что исконный христианский мистический утопизм связан с движением на Восток, к «Индии», что проявится позднее и в русском переселенческом движении XIX в. в варианте хилиастических исканий земного Рая в восточном направлении, «за Сибирью».

ТРИ ТИПА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ – ТРИ ВАРИАНТА МАТРИЧНЫХ КУЛЬТУРНО-ЛИТЕРАТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ

Вначале подробней остановимся на субъектах экспансии, сделав три среза экспансионистских концепций:

1) государственные имперские доктрины; 2) экспансионистская идеология церкви, монашества, конфессиональных групп; 3) идеология неофициальной народной экспансии, с которой также связан обширный мифофонд, выступающий важнейшим культурообразующим источником.

Во всех трех вариантах, при различной степени эксплицитности, изначальную основу имперско-экспансионистских концепций составляет одна и та же Большая эсхатологическая идея, приписывающая государству-этносу миссионерскую роль, при том, что в Испании, Англии и на Руси она трансформировалась по-разному.

¹⁰ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников XIII–XVIII вв. Иркутск, 1941 // Введение. Герменевтические наблюдения о топосе «Индия».

Максимальной степенью эксплицитности отличалась испанская концепция, формировавшаяся еще в ходе Реконквисты. В награду за победу над маврами (последний оплот мавров Гранада завоевана именно в 1492 г.) Ватикан в соответствии с буллой *Inter Cetera* поручал «католическим королям» Фердинанду и Изабелле (при разделении сфер с Португалией) провиденциальную роль открывать новые земли и народы с целью «обратить (их) в католическую веру»¹¹. В последующих буллах (1501 и 1508 гг.) христианизация подтверждалась как главная цель, и «католическим королям» давалось беспрецедентное право назначать церковных иерархов на новооткрытых землях вплоть до архиепископов. Давний лозунг «святой войны» против мавров трансформировался при Карле V в теократическую концепцию «Всемирной католической монархии».

В Московском государстве конституирующая религиозно-этническая идея «Святой Руси», укрепляющаяся в ходе борьбы с монгольским игом (допустимая перекличка с Испанией, боровшейся с маврами), обретает неофициальное государственно-религиозное оформление после падения Константинополя в концепции «Москва – Третий Рим». Она-то и становится Большой идеей русской монархии, которая при Иване Грозном, по нашему мнению, начинает превращаться в империю именно в результате экспансии в пространства за «Камнем».

Думается, что здесь сыграл свою роль не только военный и колонизационный, но и идеологический опыт Испании, но он накладывался на опыт собственный, а русский идеологический «рисунок» имел много своеобразия и отличий.

Существенное отличие состоит в том, что концепция «Москва – Третий Рим», в отличие от испанского варианта, никогда не имела статуса официально прокламированной государственно-религиозной концепции. Ее роль всегда оставалась непроявленной, двусмысленной. Из этого обстоятельства родилась тенденция придавать ей исключительно религиозно-эсхатологический смысл¹². Однако нам представляется это, по крайней мере, спорным. Эсхатологическое обоснование Филофеем после падения Константинополя сакральной роли Москвы как «Третьего Рима» в письме Василию III («потому что конец уже близок») не случайно обращено к монарху. Эту доктрину унаследовал Иван Грозный. Впрочем, быстро унаследованный от Византии теократический

¹¹ Католицизм и свободомыслие в Латинской Америке: (Документы и материалы). М., 1980. С. 32.

¹² См.: *Лурье С.В.* Геополитическая организация пространства экспансии и народная колонизация // *Цивилизация и культуры*. Вып. 3. С. 183.

характер русской государственности ничего иного и не мог предположить.

Обратим внимание на то, что в сибирских летописях конца XVI–XVII вв. точно так же, как и в испанских хрониках, открытия и завоевания Америки, главным религиозно-юридическим обоснованием права на захваты является именно провиденциальная роль христианства – ведь согласно учению, всемирное распространение христианства есть необходимое условие приближения конца света и Богоявления. В итоговой летописи XVII в. в «Истории Сибирской» Семена Ремезова, обобщившей весь опыт русской экспансии и сцементировавшей ее мифологию, в первом же абзаце утверждается, что Бог поручил православному народу проповедовать истинную веру во все концы света»¹³.

С другой стороны, такое утверждение входит в очевидное противоречие с политической и религиозной практикой Московского государства в сибирских землях. Миссионерская деятельность Московии в Сибири в XVI–XVII вв. не только несопоставима с испанским вариантом, и не просто оказывается мизерной, но более того – она отчасти оказывается под государственным запретом! Чем же это объяснить?

Возможны две трактовки: религиозно-политическая и политически-прагматическая, по крайней мере, для XVI–XVII вв.

Католической церкви Апостола Петра изначально присущ экспансионистский, центробежный характер, воплощающийся в огромной миссионерской работе монашеских орденов; направленная во внутрь себя центростремительная православная церковь Апостола Иоанна создает совершенно иное монашество, связанное с изначальной традицией (Египет–Сирия–Византия). Это монашество мироотреченческое, преданное «умному деланию», целенаправленно трансцендентирующее. Сергей Булгаков пояснял различие: «католичность» – это количественность, а православная «кафоличность» – это качественность веры. Если западное христианство (и католическое, и протестантское) могло проецировать в эсхатологическом духе главную идею Нового Иерусалима в земную плоскость, то подлинное православие – только в горную сферу¹⁴.

Понятие «Святой Руси» в народном толковании, по мнению С.В. Лурье, не совпадало с идеей «Москва – Третий Рим», и оба они

¹³ Ремезов Семен Ульянович. История Сибирская // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 550.

¹⁴ Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. Киев, 1991. С. 77–78.

не совпадали с имманентным мироотреченчеством «подлинного» православия, добавим к этому, что все это не мешало государству стремиться использовать церковь в своих политических интересах.

* * *

Обратимся к характеристике тех социально-культурных групп, которым принадлежала инициатива конкретного осуществления экспансии, тех, кто закладывал матричные основы генетических контактов.

Во всех трех вариантах очевидна определенная общность социально-культурных слоев, осуществлявших первоначальное покорение Нового Света, на юге, и на севере, и в Сибири. Это, хотя и по-разному, – *маргинальные* слои, в силу разных обстоятельств оказавшиеся вытесненными за рамки иерархической структуры на обочину общества – на его границу, откуда оставался только шаг для перехода границы географически-цивилизационной в зону «Non plus ultra». Преступив границы социальной нормативности, они в наибольшей степени были готовы к тому, чтобы преступить и прочие границы. Среди тех, кто отправлялся в Новый Свет в составе испанских и португальских экспедиций, были и уголовные преступники¹⁵, но в большинстве своем то были, так сказать, «безработные», по тем или иным причинам стоявшие на грани социальной жизни. Это явление вполне вписывается в давнюю имперскую практику – Древний Рим сбрасывал «избыточное» и социально-опасное население в свои колонии.

Пионерами испанской конкисты были бедные идалго, оставшиеся не у дел после завершения Реконксты. Среди них было множество т.н. «сегундонов», т.е. младших сыновей, которые не могли рассчитывать на наследство. Набирая команды моряков и солдат, нередко из социально сегрегированных элементов, они частично вкладывали свои деньги, частично опирались на деньги короны и ростовщиков и получали официальные разрешения на «вступления» в новые земли с оговоренным процентом отчисления добычи в пользу короны и работодателей. Внешне это похоже на английский вариант, но на самом деле роль испанской короны в организации всего процесса была исключительно высокой, только деньги (как и во всех трех вариантах) она тратить не хотела. Описанная схема повторяется практически во всех знаменитых походах испанцев, особенно когда они организовывались уже на землях Нового Света участниками предшествующих завоева-

¹⁵ См.: Хроники открытия Америки. 500 лет. Антология. М., 1998. С. 211.

ний, – в походах Кортеса, самочинного завоевателя Мексики, и его сподвижника Педро де Альварадо, покорителя Центральной Америки, неграмотных братьев Писарро, выделившихся из этой же конкистадорской корпорации и завоевавших Перу, или их сподвижника и соперника, завоевателя Чили Диего де Альмагро.

К тому же малосостоятельному и авантюристическому слою принадлежали и многие священники. Характерна в этом смысле история Бартоломе де лас Касаса. Он выехал в Новый Свет простым служкой, участвовал в качестве солдатского священника в завоевании Кубы вплоть до своего духовного прозрения.

Нечто сходное мы обнаруживаем в России, только в еще более резко очерченном варианте маргинальности. Сибирь завоевывается не царскими отрядами, как Казанское и Астраханское ханства, а казаками-заворуями (то есть грабителями) во главе с заворуем же Ермаком Тимофеевичем – так его именует первая сибирская летопись, написанная оставшимися в живых участниками первой авантюры по памяти, – «Летопись Сибирская краткая Кунгурская». Казацкая братия Ермака, грабившая суда на Волге, бежит от преследования царевыми людьми в пермяцкие земли (давний русский колониальный анклав) и, пограбив владения торговых людей Строгановых, бежит дальше – за «Камень», где и оказывается вынужденной выступать в роли первооткрывателей и завоевателей (есть другая версия, о которой мы скажем позднее). Первоначально маргиналы открывали и завоевывали новые земли, затем государство брало их под «цареву руку», как то и было с Ермаком.

Своего рода маргиналами были и изгнанные из Англии и нашедшие пристанище в Голландии пуритане – колонизаторы Новой Англии, «откуда есть и пошли Соединенные Штаты Америки», но при этом отметим, что все три разновидности маргиналов являли собой различные в историческом и культурно-цивилизационном плане типы.

В выдающемся памятнике эпохи «Подлинной истории завоевания Новой Испании» Берналь Диас дель Кастильо дал исчерпывающую формулу, объясняющую мотивацию действий испанца того времени: «Служить Богу, Его величеству и дать свет тем, кто пребывал во мраке, а также добывать богатства, которые все мы люди обычно стремимся обрести»¹⁶. В этой формуле, в зависимости от того, о ком идет речь, может быть выделен, и как самостоятельный и в сочетании с другими, тот или иной компонент.

¹⁶ *Castillo Diaz del B. Historia verdadera de la conquista de la Nueva España. México, 1980. T. 2. P. 368.*

Испанские конкистадоры «первого призыва» типа Кортеса или братьев Писарро обнаруживали на новых землях готовность опираться лишь на свою собственную инициативу и формировали отряды часто без разрешения на то властей (случай Кортеса), вступали в тяжбы с монархией, поднимали восстания сепаратистского толка (высший пример – восстание конкистадора Лопе де Агирре, провозгласившего независимость Америки от Испании), но так или иначе частный дух угасал под мощной дланью монархии. Монархия подавляла сепаратизм и инкорпорировала в свою иерархию высших лиц конкисты, вчера совершенно неизвестных авантюристов, – Кортес и Писарро стали маркизами и генерал-губернаторами.

Русские первопроходцы демонстрировали более низкий, в сравнении с испанцами, уровень личностного начала. Нельзя сказать, что его вовсе не было. Вся история торговых людей Строгановых, с которыми связан поход Ермака Тимофеевича, говорит об обратном. Строгановы, контролировавшие пермские земли и торговые связи со Степью, стремились расширить зону своего влияния и предлагали различные проекты Ивану Грозному, который также двусмысленно побуждал их к этому. Мы говорили, что участники похода утверждали в «Летописи Сибирской краткой Кунгурской», что Ермак, ограбив Строгановых, бежал дальше. А вот по версии «Строгановской летописи» Максим Строганов не только помог Ермаку, но и инициировал его поход (только ли из желания приписать себе славу?).

И, тем не менее, разница с испанским вариантом большая. Завоевание Сибири осуществляется не Строгановым, а заворуем Ермаком, предводителем анонимного объединения маргиналов во главе с самым инициативным человеком, но не образованным, в той мере, как, скажем, Кортес, учившийся в Университете Саламанки. Категорическому «Я» Кортеса в оставленных им описаниях завоевания Новой Испании противостоит «мы» Берналя Диаса дель Кастиль, оспаривающего личную славу Кортеса и приписывающего ее корпоративному братству конкистадоров, и «мы» «Краткой летописи Кунгурской». Но «мы» авторов русской летописи резко отличается от «мы» Берналя Диаса. Это общинное, родовое «мы» людей, не мыслящих себя в системе корпоративной выделенности. Хотя, естественно, персональная роль предводителя всячески подчеркивается. Более того, именно в сибирских летописях XVII в. впервые, видимо, в русской культуре неожиданно выпукло, отчетливо и ярко выступает персонализм социально низкого люда, оказывающегося протагонистом великих событий. Их личности блеснули и непременно должны были угаснуть. Символична и гибель Ермака, получившего от царя формальный

титул «Князя Сибирского» и утонувшего в Иртыше, согласно летописи, под тяжестью двойного доспеха, – подарка Ивана Грозного за взятие Сибири. В истории Ермака все знаково – его персона, дела, судьба, гибель, как они описаны его соратниками в летописи Сибирской краткой Кунгурской». Затем уже Семен Ремезов, продолжив, да и завершив, начатое первым сибирским церковным иерархом архиепископом Тобольским Киприаном историю державно-религиозной канонизации завоевателя Сибири, в «Истории Сибирской» мифологизировал образ Ермака, используя приемы житийного жанра и превратил его чуть ли не в святого воителя...

Английский авантюрист «первого призыва», пират, сопоставим с испанскими авантюристами, но он обладал значительно большей зоной свободы личного действия, а на этапе пуританской колонизации мы встречаемся с уже совершенно новым типом, в котором проявившиеся и ранее особые черты доведены до логического конца. Сопоставляя английский и испанский варианты, Х. Ортега и Медина писал: «Английский проект... вдохновляется иберийскими моделями, но развивается в иных координатах – в прагматических, поскольку протестантский моральный дуализм позволяет сосуществование двух этик – для внутренней жизни индивида и для действия в мире. Испанец XVI в., не имевший возможности найти лазейки из монолитных католических устоев, знал назубок, что он был участником и сотворцом провиденциального плана (хотя, свершая его, он оставлял место и для личностных желаний и импульсов). Англосакс, англиканец или пуританин, выполнял такой провиденциальный план, успех которого мог быть подтвержден только личным мирским успехом – успехом экономическим»¹⁷. Это особый самостоятельный тип, в сознании которого мистика становится экономикой и наоборот. И более того...

* * *

Но пока отметим, что иначе, как маргинальными и авантюристическими (но уже в смысле духовной авантюры) невозможно охарактеризовать и те религиозные, церковные и монашеские круги, что участвовали в испанских открытиях, колонизации и в первичном устройении новооткрытых земель – те круги, с которыми во многом связано зарождение новых культур.

Во всех трех вариантах культурной элитой экспансии были открытые или сокрытые религиозные «диссиденты», находивши-

¹⁷ *Ortega y Medina I. El conflicto anglo-español por el dominio oceánico (SS. XVI–XVII). México, 1981. P. 53.*

еся в различной степени напряженности отношениях с официальной церковью, а то и просто раскольники или авантюристы-расстриги. Так, согласно «Краткой летописи Кунгурской», среди заворуев Ермака Тимофеевича было два священника и поп-расстрига. Позднее, по мере становления первой в Сибири Тобольской епархии, сюда нередко отправлялись неугодные в центре священнослужители, а позднее особую статью составляли беглые и ссыльные-раскольники, среди которых был и глава Раскола протопоп Аввакум.

Всю историю испанской колонизации сопровождает острая борьба неортодоксально, эразмиански настроенных церковных кругов и связанного с ними монашества, главного носителя эсхатологических настроений, мильенаристских проектов – сначала доминиканцев, затем, и особенно, францисканцев, конфронтирующих с официальной церковью, той ее частью, что поддерживала «партию» конкистадоров. Важнейшим источником распространения неортодоксальных идей и полемики стали начальные центры колонизации – о. Эспаньола (Гаити), где произошел первый «бунт» доминиканцев, «разбудивших» Бартоломе де ла Каса, который своей деятельностью и трудами наложил неизгладимый отпечаток на всю культуру XVI в., и Новая Испания (Мексика), оказавшаяся эпицентром деятельности францисканцев. А далее это влияние идет на юг – вплоть до Перу¹⁸.

В английском варианте мы обнаруживаем уникальное явление: в фигуре святого» пилигрима-пуританина поначалу совмещаются авантюрист-колонизатор и религиозный проповедник-раскольник (по отношению к официальному умеренному протестантству).

Для нашей темы важно, что именно с этими «маргиналами» и раскольниками, авторами записок, хроник, энциклопедических описаний новооткрытых культур (в испанском варианте), трактатов и т.п. оказывается связанным генезис «картины мира» новооткрытых земель, как в информационном, идеологическом, сциентистском, так и художественном аспектах. Они – носители особого типа сознания: в социальном отношении эти слои предстают как маргинальные, по отношению к иерархической общественной структуре, раскольническими (в разной степени в разных вариантах) по отношению к идеологическим структурам. Тип сознания членов этой группы правильнее всего определить как пограничный. Преступить границы означало превратить свое сознание в пограничное, то есть разверстое по ту и эту сторону границы. Такое сознание противоречиво по своей природе.

¹⁸ См.: История литератур Латинской Америки. Т. 1. С. 171, 289.

Оно обладает особой подвижностью, динамичностью, способностью воспринимать новое, небывалое, но вместе с тем обнаруживает тенденции изоляционизма, стремление закрываться в своей скорлупе, чтобы не впускать это новое. Каждый акт открытия чужой, «сырой», географии есть акт присвоения во всей полноте материально-духовной деятельности первооткрывателей стремящихся осмыслить, интерпретировать и вписать новооткрытое в старую известную «картину мира». Но, сталкиваясь с тем, что новое сопротивляется интерпретации в старых понятиях, первооткрыватель вынужден изобретать новую картину на основе комбинирования старых концептов и того нового, что с ними сопрягается. Это – тип манихейского сознания дихотомической альтернативности, бинарного типа, активно инверсионное. Оно осмысливает реальность на уровне высших, предельных вопросов, трансцендентальных ценностей: Бог–Дьявол, Рай–Ад. Каждый шаг по чужой, неизведанной и «сырой» географической горизонтали сопровождается в процессе осмысления увиденного вытягиванием трансцендентной вертикали, где находят свое обоснование тот или иной способ видеть эту новую действительность. А в средостении этого креста, в точке пересечения, взаимодействия эмпирического и транс-эмпирического (В.Н. Топоров) освоительные импульсы преобразуются в импульсы культуростроительные на основе присущего той или иной культуре фонда фундаментальных мифологем и в соответствии с инверсионным механизмом работы бинарного типа сознания.

Место, где побывал человек, носитель определенного типа культуры, уже не существует только как географическая горизонталь, здесь рождается обновленная или новая культура и начинается история. Освоенное культурой новое пространство – «транс-эмпирическое», или «символическое пространство» (Ю.М. Лотман) – можно представить в виде яйцовой сферы, внутри которой пересекаются горизонталь эмпирии и вертикаль трансцензуса, а в точке их пересечения, в средостении «крестной муки» открытия нового мира находится иррадирующее ядро исторической и духовной энергии. В трех цивилизационных вариантах, о которых идет речь, различно соотношение вертикали и горизонтали внутри яйцовой сферы, той «крестной точки», где вырисовываются матричные основания зарождающихся культур и проецируются различные цивилизационные проекции в будущее. Мы коснемся того, как разные «кресты» (католический, православный, протестантский) творят и проецируют разное будущее. Исходным строительным материалом новой картины мира оказывается именно яйцовый, генерирующий эсхатологический миф, и эсхатологический субстрат густой магмой разливается по

новооткрытым пространствам. Это тот первичный бульон, в котором варятся прообразы, матричные мифологемы, строительная топка.

Как исторический опыт, так и потенциал нового культурного конструктивизма был весьма различным в трех вариантах.

Наибольшей открытостью и наибольшим позитивным историческим потенциалом межцивилизационного контактирования обладала пиренейская культура – и в далеком (давний средиземноморский культурный синтез), и в ближнем историческом измерении (плодотворнейший контакт с мавританской и иудейской культурами).

Русские, как и испанцы, постоянно жили на границах с иными культурными мирами, в частности, в тесном взаимодействии с финно-угорскими племенами. Однако такие обстоятельства, как враждебная конкуренция с западным христианством и опыт не только отрицательного, но и конструктивного взаимодействия с монголами, уровень которых, однако, несопоставим с арабо-мавританским наследием, возможно, предопределили специфический вариант настороженной, изоляционистской ориентации древнерусского, а затем и великорусского культурного сознания, но при сохранении больших возможностей и позитивного взаимодействия на уровне обмена культурными ценностями.

Свойственный англичанам островной изоляционизм и жесткая враждебность по отношению к «чужому» даже в пределах своей микроокумены (ирландцы, шотландцы) в определенной мере предопределили еще более жесткие варианты в контактах с населением Нового Света.

Различный характер взаимодействия предполагал и различие религиозно-культурных стереотипов: мощно выраженный пафос конверсии «инога» любыми способами в испанском католицизме; охранный и мироотреченческий пафос православной идеологии, в классическом варианте, не отрицающий, но и не предполагающий широкий контакт с «чужим»; наконец, совершенно особый характер отношений с «иным», выработанный пуританизмом.

* * *

Испанская конкиста оставила огромное культурное наследие. Нам уже приходилось обосновывать тезис о том, что испанская конкиста была далеко не только военной кампанией, что испанский феномен «открытия-конкисты» предстает как «взаимосвязанный и двуединый длительный и высокоидеологизированный историко-культурный процесс, основывающийся на определен-

ной правовой и философской платформе»¹⁹. Это был не только деструктивный процесс («черная легенда»), но ярко обозначенный созидательный конструктивизм. Наиболее ярким явлением в этом плане стала захватившая примерно две трети XVI в. общеевропейского значения полемика о Новом Свете и его населении, которая шла по обе стороны Атлантики между правоведами и философами имперской партии и гуманистами, защитниками индейцев, – полемика, которая на общеевропейском уровне заново поставила и пересмотрела многие коренные вопросы – о сущности и границах человеческого, о сути культуры и религии, о справедливых и несправедливых войнах и т.д.²⁰ Аргументами в этой полемике были выдающиеся труды энциклопедического характера Б. де лас Касаса («Апологетическая история Индий»), Б. де Саагуна («Всеобщая история вещей Новой Испании») и множество других, внушительный корпус хроник и историй²¹.

Отзвуки и проекции этой полемики мы находим в сочинениях самого широкого круга крупнейших авторов периода вступления Европы в Новое время – среди них и Эразм Роттердамский, и Томас Мор, и Монтень, и Сервантес, и Шекспир. Пространства Нового Света стали волей истории полем крупнейшего в мировой истории «эксперимента» по межцивилизационному взаимодействию в ходе массовой кампании христианизации коренного населения. В испанской зоне два столкнувшихся типа эсхатологизма – коренного населения, ставшего свидетелем крушения своего мира «по воле богов» – и эсхатологизма европейского, рассматривавшего новооткрытые земли как поле для создания подлинно христианского мира, в отличие от «испорченной» Европы, – породили мощную созидательную энергию, культуростроительную эсхатологическую доминанту, определявшую основы нарождавшегося нового цивилизационного типа, который впоследствии будет назван латиноамериканским.

Авторы хроник и трактатов о Новом Свете, начиная с писем Колумба, создавали картину нового мира на основе инверсионной комбинаторики (в зависимости от точки зрения и идеологической принадлежности в полемике о Новом Свете) парной мифологемы «Рай–Ад», вырабатывали ключевую топику, стилемы «рая» Нового Света. Все это сыграло огромную роль, в утопической линии развития европейской культуры и было положено в основание за-

¹⁹ Земсков В.Б. О некоторых методологических вопросах изучения историко-культурных отношений иберийских стран и Нового Света (к определению понятий «открытие» и «конкиста») // Iberica. Культура народов Пиренейского полуострова XX в. СПб., 1989. С. 32.

²⁰ См.: История литератур Латинской Америки. Т. 1. С. 140–150.

²¹ См.: Хроники открытия Америки. 500 лет.

рождавшейся латиноамериканской культуры²², неразрывно связанной с эсхатологически-утопической доминантой. Францисканцы и другие ордена проводили массовые крещения индейцев, с пассионарной страстью пытались воплотить в жизнь мильенаристский миф, исходя из идеи о «природном христианстве» индейцев; их своеобразными наследниками стали в XVII в. иезуиты, которые в парагвайских редукциях в теократическом варианте пытались возродить общество первоначального евангелизма.

Роль бинарной оппозиции «Рай–Ад» в формировании новой, латиноамериканской, на последующих этапах, ее культуростроительная роль в формировании латиноамериканского, цивилизационного сознания, идеологии латиноамериканизма, в разных его вариациях, в художественной культуре (от Боливара до Хосе Марти или Хосе Васконселоса, от А. Бельо до Г. Гарсиа Маркеса) и далее в мессианистской идеологии и практике латиноамериканских левых 60–70-х гг., в эсхатологизме кубинской революции, «теологии освобождения», христианских общин уже в определенной мере изучена и показана отечественной латиноамериканистикой²³. Обнаруживается, что, какие бы трансформации не переживала в дальнейшем латиноамериканская культура на пути модернизации, ее идентичность (если брать уровень цивилизационного, художественного сознания) всегда будет связана с описанными истоками. Утопии отмирают, но язык культуры, трансформируясь, остается верным своим истокам.

* * *

Как уже отмечалось, на начальном этапе формирования идеологии английской экспансии многое ее сближает с испанским вариантом и в отношении общих легендарно-мифологических источников и в отношении связи с общеевропейской хилиастической традицией; несомненно, английские авторы использовали тот круг мифологем, что выработали испанцы для описания «картины мира» Нового Света. Об этом свидетельствуют такие относящиеся к начальному этапу сочинения, как «Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи» пирата и авантюриста Уолтера Рэли (1595 г.), и «Правдивый рассказ о событиях, случившихся в Виргинии со времени образования этой колонии»

²² См.: *Ainsa F.* De la Edad Dorada a el Dorado. Génesis del discurso utópico americano. México, 1992; *Земсков Б.В.* Категории гармонии и дисгармонии в латиноамериканской культуре // *Iberica Americans.* Механизмы культуро-образования в Латинской Америке. М., 1994.

²³ См.: *Iberica Americans.* Тип творческой личности в Латинской Америке. М., 1997.

Джона Смита (1608 г.)²⁴. У первого автора мы встречаем «аркадийскую» стилевую доминанту, у второго комбинацию стилей в описании индейского мира, но в целом они не страдают той редуцирующей полнотой мира догматичностью, что будет свойственна сочинениям пуритан.

Следы двойственности и в идеологии можно обнаружить в практике первых поселенцев-пуритан в Новой Англии (Плимут, 1620, Салем, 1628: Бостон, 1629 и др.), совмещающей христианско-общинные, милитаристские идеи с новыми, которым принадлежало будущее. Однако то была всего лишь старая оболочка, кокон, из которого вылупливались новая идеология и новая культура, воплощенная в самом типе пуританина-раскольника. «Святые» пуритане, которые, порывая с Европой и отправляясь в неведомое будущее, произносили: «Прощай, Рим», «Прощай, Вавилон», в своей эсхатологической истовости могут сравниться только с францисканцами, а еще больше с русскими раскольниками; только они, в отличие от русских, были носителями прямо противоположно направленных тенденций – не консервативных, общинных, а модернизационных, частичноиндивидуалистических принципов, свидетельствующих о наступлении Новой эры.

Как и францисканцы или доминиканцы, некоторые пуритане поначалу немало сил отдавали миссионерской практике среди индейцев, причем, в отличие от францисканцев, они казалось бы осуществляли свою деятельность на более надежных основаниях и в этом сближались с доминиканцами, которые, как и пуритане, апеллировали не к эмоциям окрещаемых, а к их разуму.

Исследователи сравнивают две крупные фигуры испанского католического миссионерства (в доминиканском варианте) и миссионерства английского, пуританского, – Б. де лас Касаа и Джон Элиота²⁵. И Лас Касас, и Джон Элиот обращаются к разуму индейца, исходя из представления, что индейцы – заблудшее колено израилю. Но для Лас Касаса к спасению способны все, а для Джона Элиота лишь избранные Божьим предопределением судьбы, хотя и не отмеченные избранностью, могут совершенствоваться, строго соблюдая установленный договор-конвенат с Богом. В отношениях с индейцами пуритане, как и в отношениях с европейцами, руководствовались принципами индивидуального отбора, договорных отношений, сознательности, подтверждаемых, в первую очередь, соблюдением условий, касающихся личной материальной ответственности. И хотя английские пуритане имели

²⁴ См.: История литературы США. М., 1997. Т. 1. С. 120–124.

²⁵ *Ortega y Medina I. Cristianización puritana. México, 1981. P. 137.*

отдельные блестящие достижения в миссионерской практике XVII в.²⁶, тем не менее, их результаты и культурные последствия несопоставимы с результатами в испанской зоне. Различие было предопределено разницей исходных принципов, на которых строились отношения с индейцами: у испанцев – на «глубине» мифа, у англичан – на поверхностном уровне логики и юрицизма. В масштабах культуры это блокировало взаимопонимание на почве религиозно-культурного синкретизма, что было главным культурообразующим фактором в испанском варианте, а в варианте английском предопределяло отказ от сотрудничества с «окончательно падшими» существами, а впоследствии – практику вытеснения, истребления коренного населения или заключения его в резервации.

Яйцовый, матричный для североамериканской культуры эсхатологический миф имел совершенно особое наполнение – свернутую программу культуры США, базовые элементы ее кода.

В испанском варианте центральное положение занимает классическая, деиндивидуализирующая идея общего спасения, причем спроецированная в земной план и широко развернутая во все области культуры. Отсюда роль мифологемы Христа в моделировании героя-мессии в испаноамериканской культуре, и в житнетворческой практике, и в художественном творчестве (Хосе Марти – Че Гевара).

Напротив, в североамериканском варианте центральное место занимает линия индивидуализирующая. Мистическое, трансцендентное поразительным образом здесь сводится в индивидуальность, причем сакральное не просто проецируется в отдельную личность, но «распирает» ее изнутри, трансформируя личную экономическую практику в деятельность, насыщенную мессианским смыслом, исполненным напряженного, универсального размаха эсхатологизма. Понятие святости, столь значимое в идеологии пуритан, прямо противоположно тому значению, которое имеет это, также ключевое для православной традиции, понятие, где оно связано с мироотречением, с отказом от стяжания успеха, с аскезой, а в пределе с разрывом с материальным планом существования.

Неуклонное формирование североамериканской пуританской идеологии прослеживается от сочинений первых поселенцев, от «Истории поселения в Плимуте» (1630–1650 гг.) Уильяма Брэдфорта до «Великих деяний Христа в Америке» Коттона Мэзера (1702 г.), где обобщаются и суммируются основные концепты и мифологемы возникающей новой культурной традиции. (В хронологическом плане и по своей роли сочинение

²⁶ Там же. С. 245.

Коттона Мэзера соотносимо с итоговой для русского XVII в. «Историей Сибирской» Семена Ремезова).

У начал новой культуры стоит внутренняя взаимосвязанная цепочка, главным образом, ветхозаветных, мифологем, из которых и складывается англо-североамериканский яйцовый миф – тот строительный материал, из которого создается новая «картина мира», дающая проекции в будущее. «Святые» пуритане, истинные «сыны Израиля» покидают Рим, Вавилон (Англия, Европа), бегут из египетского плена, совершают переход через пустыню океана в Новую Англию. Там они снова оказываются в области тьмы под властью дьявола (язычники). Задача «избранного народа» в том, чтобы сокрушить дьявола и построить в пустыне Град на Горе (Новый Иерусалим).

Англо-североамериканский эсхатологический конструктивизм имел фундаментальное значение, и не представляет большого труда установить его последующие разветвленные трансформации в формирующейся культуре, от геополитики (концепция «предопределения судьбы», играющая свою роль и поныне в идее «рах америсана») до национальной нормативности и стереотипов на всех уровнях (обоожествление индивидуального материального успеха, денег, начиная с «отцов-основателей» США – т.н. «американская мечта») и разнообразных (в том числе и остро критически осмысляемых) проекций в разных областях искусства и культуры. Секулярные проекции изначального мифа и сегодня в высокой степени значимы в США. Хотя пуритане сейчас составляют не более одной четверти населения страны, их культурная традиция, концепция «избранного народа», остается держащим цивилизационным ядром.

В случае российского варианта следует отметить своего рода «текучесть» концепции колонизации, претерпевающей изменения в XVIII–XIX вв., однако тот тип межцивилизационных отношений, что сложился в XVII в., (по нашему мнению, базовый), с изменениями, репродуцируется и впоследствии. В обобщенном виде можно определить российский вариант, как ограниченный и управляемый контакт. Он ограничен как типом религиозности (охранный, изоляционистский характер православия), так и прагматическими интересами государства и его возможностями.

Российское государство, идя вслед за «торговыми», «промышленными» и «гулящими» людьми создавало первичные анклавные власти в ключевых географических точках (острог, церковь в Тобольске – исходная точка), объявляло завоеванные земли «дальней государственной», требовало от «иноземцев», то есть местных народов, полного подчинения, клятвы «быти под царского

величества высокою рукою»²⁷ «буйные» племена усмирялись военными методами, а «замиранные» облагались данью (ясаком). Вступавшим в русское подданство юридическими актами предоставлялось право проживания на своих собственных землях, государство гарантировало личную свободу «иноземцев», охрану их имущества и угодий, запрещались преследования «замиранных». И, что особенно важно в аспекте нашей темы, русская власть не только не стремилась как-то изменить местный общественный, хозяйственный и религиозно-культурный уклады, но напротив, категорически запрещала всякие попытки в этом направлении. Добровольное крещение поощрялось, но насильственное целым рядом указов XVII в. категорически запрещалось («принуждения ко крещению отнюдь не чинити»²⁸). То есть, «иноземцам» гарантировалась свобода вероисповедания. Разумеется, на практике многие из этих положений, в том числе и касающиеся вероисповедания, нарушались, однако, в целом эта политика воплощалась в жизнь, причем очень суровыми методами – вплоть до казни нарушителей.

Российская власть в XVII в., в отличие от испанского и английского вариантов (добыча золота, серебра, рудные работы, земледелие – поначалу основанное на рабском труде, а затем на различных формах феодальной повинности в испанской зоне, самодеятельное – в английской зоне) поначалу ориентировалась на архаическую практику обложения данью, то есть на самый примитивный вариант подключения завоеванных народов к своей экономической системе, который использовался всеми архаическими империями – от Древнего Рима до монголо-татар. И лишь много позднее власть перешла к земледельческому освоению территорий. Основная задача обеспечения дани в виде «мягкой рухляди» (пушнина) как отдельной и важнейшей казенной статьи при большом спросе на пушнину на Западе, а затем и в Китае, и объясняет прагматический аспект охранных мер в отношении коренного населения. Местные племена становились при сохранении определенной автономии своего рода примитивными протекторатами. В то же время, повторим, эта практика вполне отражала и особенности и возможности русской церкви и монашества, миссионерские импульсы которых вообще не поощрялись в XVII в.

²⁷ *Курилов В.Н. Люцидарская А.А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических отношений в Сибири в XVII в. // *Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов.* Новосибирск, 1986. С. 27.

²⁸ *Домешек Л.М.* Русская церковь и народы Сибири в первой половине XIX в. // *Социально-экономическое развитие Сибири. XIX–XX вв.* Иркутск, 1976. С. 39.

Существовали охранные и запретные меры также и в области межэтнических отношений, что вполне соответствовало охранно-изоляционистскому комплексу православных.

В истоках трех экспансий возникают три отчасти полуполюгендарных, отчасти реальных любовных сюжета, которые ярко отражают всю специфичность трех вариантов межэтнических отношений.

Во-первых, известный сюжет любовных отношений Кортеса с индеанкой Малинче, известной «доньей Мариной», которая была личной переводчицей завоевателя Мексики и в немалой степени способствовала его успешным переговорам с местным населением. Связь Кортеса с крещеной Малинче была долгой, оставила несколько детей-метисов, в то же время она была незаконная, свободная, и в итоге Кортес выдал свою возлюбленную замуж за одного из своих сподвижников, и следы ее теряются. Эта история, как и множество других, запечатленных в хрониках сюжетов вольно-анархических отношений испанцев с индеанками, воплотила испанский архетип «эротической конкисты Нового Света»²⁹.

Испанский вариант межэтнических отношений основывался на активной метисации, расовом смешении, формировавшем новый человеческий тип «гомо латиноамериканус» с его стереотипом так наз. махизма (насилие, в том числе и в области эротических отношений). С этой ситуацией связана, разработанная испаноамериканской культурой XIX–XX вв. целая гамма комплексов и мифологем, из которых складывается бытие «по-латиноамерикански».

Принципиально иной вариант вырисовывается из истории индеанки Покахонтас, дочери вождя Повхатана. Джон Смит рассказывает в своих записках, как она спасла его от смерти в индейском плену. В дальнейшем Покахонтас, оставив своего первого мужа индейца, крестится и заключает законный брак с неким Джоном Рольфо, они уезжают в Англию, и там она умирает в одной из эпидемий.

Картина, во всем противоположная испанскому варианту – акцентирование юридически-законной стороны отношений... и бесплодность связи. Ведь новых, «метисных», корней так и не пущено на земле Америки! Как то и было в истории межэтнических отношений англичан с индейцами. Ценностные установки пуритан отвергали не только сексуальную свободу, но и вообще активные межэтнические связи с «падшими» индейцами.

И, наконец, русский вариант. Казалось бы, еще более суровый, чем английский: татарский князь предлагает Ермаку в жены

²⁹ См.: *Herren R. La conquista erótica de las Indias. Barcelona, 1991.*

свою дочь, но тот категорически отклоняет предложение. Жест символический, отвергающий вообще всякое развитие сюжета. И действительно, русские сибирские летописи избегают любовно-эротической темы – ее как бы не существует, что вполне соответствует духу аскетизма православия, – но не жизненной практике!

Таким образом, в испанской зоне развивается ассимиляционно-интеграционный тип отношений (хотя существовала и тенденция охраны индейской общины из прагматических соображений); в английской и в русской зонах складывается консолидационный тип (как реакция на опасность растворения), но эта консолидация различна по своему характеру и итогам. Английская консолидация практически отвергала расовое смешение как тип отношений, русская допускала, но ограничено. Испанцы расселялись по всему континенту и повсюду (за исключением зон крепких древних цивилизаций, как в Андском районе) стремились смешаться, растворить в себе других (мы говорим о предельном, символически очерченном варианте). Англичане захватывали все большие и большие пространства, оттесняя местное население или уничтожая его. Русские, бежали ли они от государства («народная колонизация») или переселялись «планово» (государственная колонизация и ссылка) селились рядом с местными, «гнездами», анклавно, или «чешуйчато» (С.В. Лурье)³⁰, контактировали с коренными, хотя роднились мало. Этническое смешение не становилось, как у испанцев, системообразующим элементом³¹. В антропологическом типе русских сибиряков вклад коренного населения, как правило, не превышает 5–10% возможных предков³². Однако при этом русская политика и культурные стереотипы предполагали достаточно активный межэтнический обмен культурными ценностями и хозяйственными навыками, и этому обмену суждено было играть важную роль в дальнейшем.

Сложившаяся в XVII в. система отношений с коренным населением не оставалась неизменной. Они стали меняться со времени правления Петра Первого, когда возобладавшие модернизационные тенденции принесли в жизнь империи совершенно новые черты. В XVIII в., во-первых, колонизационная деятельность России получает новые мощные импульсы (выход на западное побережье Америки), а, во-вторых, меняются сами методы колонизации – начало побуждаемой государством активной миссионер-

³⁰ Лурье С.В. Геополитическая организация пространства экспансии и народная колонизация. С. 179.

³¹ Курилов В.Н., Люцидарская А.А. Указ. соч.

³² Там же.

ской деятельности церкви и монашества, применение методов массового насильственного крещения, ассимиляционная политика, в том числе попытки «позитивной» ассимиляции европоцентристской просвещенческой ориентации (от Екатерины II до Сперанского и плана декабристов «вторичного» присоединения Сибири путем приобщения местного населения к русской культуре).

Второй пик ассимиляторской политики приходится на конец XIX – начало XX в., когда на фоне массового и регулируемого переселения русского крестьянского населения проводятся административные реформы. И тем не менее, возникшую в XVII в. модель межэтнических отношений мы можем рассматривать как основную, «архетипическую», отражающую матричные цивилизационные основы российского колониационного типа. Дело в том, что введенные в Сибири на место так наз. «административного рода» (протекторатная форма) унифицирующие формы волости и сельской общины, все равно совпадали с границами расселения и хозяйствования коренного населения, которое сохраняло ряд льгот, консервировавших и роль родовых правителей и внутриродовых отношений, а успехи христианизации оказывались (при несомненных успехах общепросветительской деятельности) весьма относительными. Но это отдельная тема.

Нам важно подчеркнуть, что при всех последующих трансформациях сохранялась изначальная матрица. В силу разных причин в Сибири, в отличие от испанского и английского вариантов, не могло возникнуть основ нового цивилизационного типа, ни в варианте испанского расово-этнического культурного симбиоза – синтеза, ни в варианте североамериканского «плавильного котла», «салатной миски» и т.п. (Идеи сибирских патриотов областников», как И.М. Ядринцев или Г.Н. Потанин, о появлении нового антропологического типа – сибиряка – не нашли подтверждения). В советский период и новые протекторатные формы (национальные республики, автономии разного уровня), и новые формы просветительской русификаторской деятельности (успешное продолжение создания алфавитов, системы образования), по большому счету, развивали на новой, секуляризованной, эсхатологически-мессианской основе (цивилизационное родство православия и русского коммунизма – достаточно изученная тема, начиная с Бердяева) русскую архетипическую модель интегрального сосуществования в рамках единой государственности разновозрастных в историческом смысле моделей, лишь прикрытых подобием единообразия. Сталинский лозунг движения к стиранию национальных различий путем всемерного развития национальных культур при всей своей внешней абсурдности крайне красноречив и совершенно архетипичен.

Но при том, что с колонизацией Сибири не возникает нового цивилизационного типа, значение «сибирского фактора» огромно для развития российского сознания, культуры, цивилизационного варианта в целом.

* * *

Подведем некоторые итоги. В трех ареалах в XVI–XVII вв. (в двух «с нуля») возникают совершенно несходные типы этнокультурных отношений и три различных варианта культурно-литературных моделей, находящих свое эксплицитное выражение в также глубоко различных картинах мира, несмотря на общность исходной базы – набор ключевых мифологем. Причин различия много. Каждая культура – это живая традиция со своей историей, своим кодом, стереотипами, воплощающими разные типы ментальности, отношений «свое–чужое» и т.д. Но есть и решающие причины, которые определяют характер и горизонты той или иной модели, как в ее истоках, так и в перспективе. На наш взгляд, они связаны прежде всего с потенциями трех ветвей христианства (католицизм, протестантизм, православие), взятых в их цивилизационно-культурологическом гуманистическом измерении.

1. ИСПАНОАМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ (диалогическая модель)

Испанская экспансия была обширным историко-культурным процессом, включавшим такую важную составляющую, как «духовная конкиста» – массовое насильственное, главным образом, крещение индейского населения. Но это была ситуация не только столкновения, а и – через драму столкновения – *встречи*, пусть и не добровольного, но взаимного культурного узнавания и взаимопроникновения встретившихся миров. Это была хотя и драматическая, но *диалогическая* ситуация.

Важнейшим компонентом, определявшим духовный климат и генезис матричной культурно-духовной модели было взаимопересечение в этом специфическом пространстве диалога, с одной стороны, индейской мифологической культуры, с другой, взятых в единстве монашеской, главным образом, францисканской новозаветной проповеди с ее эсхатологическим универсализмом («нет ни эллина, ни иудея»; в более конкретном варианте – «все люди – человеки», Б. де лас Касас), истового миссионерского служительства с опорой на многие элементы индейских культур, и всего комплекса до-контрреформационной культуры иберийского

Ренессанса, сердцевиной которого было эразмианство с его ключевым положением о «свободе воли», апелляцией к «внутреннему человеку».

От всех вариантов картины мира Нового Света неотделимы эпико-поэтическое, легендарно-мифологическое начало, стилистика «чуждести» и «тайны» открывшегося другого света, где в схватке-зачатии сошлись испанец и индеец, чтобы на исходе XVI века породить выдающегося писателя, метиса и по крови, и по культуре Инку Гарсиласо де ла Вегу, автора выдающегося памятника уже «покрещенной» культуры «Истории государства инков». Свою слитную двойственность он утверждает (как то будет делать впоследствии предтеча современной Латинской Америки Хосе Марти) как новую легитимную культурную реальность.

Эта коротко очерченная модель XVI в. предвосхищает через долгую историю последующих трансформаций эпико-поэтический мифологизированный «новый роман» Латинской Америки XX века, в котором окончательно определится в слиянии всех вовлеченных во взаимодействие начал и истоков вошедшая в мировую культуру новая *латиноамериканская* культурно-литературная модель.

2. СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ (монологическая модель)

Ново-английская картина мира, уводящая сознание из зоны ренессансной культуры в новое средневековье, основывается на догматах даже не Лютера (автор антиэразмианского трактата «О рабстве воли», 1526), а Кальвина: провиденциализм всего сущего, предопределенность деяний и судеб, непостижимость деления на «избранных», предназначенных к спасению, и на изначально и навеки «падших». Такая картина мира, естественно, могла строиться только на довольно ограниченном наборе аллегорически-символических средств, которые предоставляла Библия, прежде всего в ее ветхозаветной части.

Соответственно, при таком видении мир оказывался крайне обуженным, догматизированным, редуцированным в гуманистическом, познавательном, эмоциональном, изобразительном планах, абстрагированным от конкретики природной и человеческой реальности Америки, ригористическим в морально-этическом плане. Мир Америки предстал «пустыней», «тьмой», «глушью», «чащобой», населенной дикими «квази-людьми», отродьем Дьявола, навеки падшим. Здесь-то и предстояло «святым пилигримам»,

«избранному народу» построить *земной* Небесный Иерусалим–Град на Горе, так сказать «Рай – в Аду». Спайка ново-английского эсхатологизма, метафизики, мессионизма и экономизма как главного мерила человечности породила культурно-литературную модель, отражающую формирование североамериканской индивидуалистической демократии – комплекс, который на протяжении XIX–XX вв. и развивался, и критически пересматривался, и возрождался в новых трансформациях – от романтиков-трансценденталистов Р. Эмерсона и Торо до Г. Мелвилла и Г. Уитмена, от Д. Лондона или Т. Драйзера до Хэмингуэя и других, создавая и пересоздавая в разных вариантах «американскую мечту», впервые сформулированную в архаическом виде ново-английскими пуристами.

3. РУССКИЙ ВАРИАНТ (модель многоречия/разноречия)

Если попробовать перевести в поле культуры тот тип этнокультурного взаимодействия, который возник в русской зоне, то, в отличие от испанского «диалогизма» и североамериканского «монологизма», видимо, следует говорить о варианте «*многоречия*»/«*разноречия*» при консолидирующей роли русского фактора. Мы выдвигаем этот тезис, требующий обоснования. На эмпирическом и особенно литературоведческом уровнях сибирская составляющая русской/российской культуры (в том числе на национальных языках) изучена достаточно хорошо, но культурологические обобщения еще впереди.

При всем огромном историческом значении сибирских летописей XVII в. как первоисточника, их вес в общем составе культуры не столь велик в сравнении с испанскими хрониками. Принципиальные отличия феноменов открытия Нового Света и освоения Сибири обусловили и отличие текстов, им посвященных. Сопоставление сибирских летописей с испанскими хрониками (а такая попытка уже была нами предпринята³³) обнаруживает, помимо сходства, и существенные различия. Напомним, они связаны с различием объектов и субъектов экспансии: Новый Свет – неведомая земля, а пространство «за Камнем» – продолжение поначалу знакомого культурного континуума; веротерпи-

³³ Земсков В.Б. Хроники конкисты Америки и летописи взятия Сибири в типологическом сопоставлении // Свободный взгляд на литературу. Проблемы современной филологии. Сб. ст. к 60-летию научной деятельности академика Н.И. Балашова.

мость русских, их большая привычка к «иному», «чужому»; у русских не возникает столь остро проблема оценки человеческой или «нечеловеческой» сущности коренного населения, они не встречаются с такими явлениями, как мифологизация коня, книги, огнестрельного оружия, как это происходило в Новом Свете) и т.д. Но есть и фундаментальное сходство – эсхатологический перспективизм сознания первопроходцев. Но и здесь есть различия: русский эсхатологизм не выступает в столь концентрированном виде. Причем характерно, что эсхатологическое напряжение в восприятии и воссоздании сибирской картины мира идет по нарастающей как в рамках XVII в., так и, если брать большое историческое время, от XVII в. – к XX-ому, то есть развивается в совершенно обратном направлении, в сравнении с западными вариантами.

Первые сибирские хроники, особенно казацкие, отличаются прагматизмом, трезвостью описаний и очевидной политической ориентированностью, отражающей интересы той или иной сибирской «партии», при том, что всех их связывает общая линия: взятие Сибири – это выполнение провиденциальной роли введения земель «басурманских» или «поганых» народов (затем «иноверцев») в лоно православной веры. При этом большинству хроник свойственна живая конкретность и ясность описаний, без особой перегруженности разного рода «чудесами» («Летопись Сибирская краткая Кунгурская», 20–30-е гг. XVII в.; «Строгановская летопись», середина XVII в.).

В отличие от испаноамериканских или английских записок, в них нет ярко выраженной мифологической концептуальности, она как бы растворена в текстах. В «Есиповской летописи» (1636–1649), в державно-апологетической «Истории Сибирской» С. Ремезова (90-е гг. XVII вв.), призванной поставить «жирную точку» в идеологическом и политическом обосновании завоевания Сибири, в «Описании Сибири» (конец XVII – начало XVIII в.) более отчетливо выступает знакомая по испаноамериканским и английским текстам инверсионная «игра» мифологемами «рая» и «ада», но как бы в ослабленном варианте, так что скорее следует говорить об их концептуально-стилистических рефлексах, пронизывающих жизненную конкретику описаний природы и бытия «басурман» и «поганых». Рефлекс мифологемы «рая» порождает линию апологетики щедрости и изобилия природы, а мифологемы «ада» – особенно типичную для русской сибирской традиции хтоническую линию.

Но главная книга XVII в., где воссоздается поистине парадигматическая для русской культуры сибирская картина мира, – это «Житие Аввакума», значительная часть которой посвящена

сюжету его сибирской ссылки в 1654–1666 гг., когда протопопу с семьей пришлось пройти путь от Тобольска до Иртыша и Даурии и обратно.

Здесь впервые мы наблюдаем подлинную универсализацию русского сознания, когда широта его внутреннего пространства как бы получает адекватный себе пространственный горизонт, а сам расширенный пространственный аспект обретает самостоятельное значение, организуя новую «сибирскую точку зрения» на мир. Напряжение главного дела Аввакума – непримиримая борьба с Антихристом – в «многопространной стране» Сибири многократно увеличивается. Здесь напряжение, как бы равное тому, какое ему предстоит испытать в «яме» в Пустозерске перед сожжением. Эсхатологический универсализм мироощущения Аввакума вполне сопоставим, скажем, с состоянием Б. де лас Касаса или упоминавшегося образцового раскольника-пуританина Коттона Мэзера³⁴. Но между их «картинами мира» глубокие различия. Взгляд пуританина, отвергающего «наличную» действительность, как «падшую», схематизирует, редуцирует мир до абстрактных концептов. Мир как бы свертывается и проваливается в воронку эгоцентрического самодостаточного и более того – обожещенного «я». Лас Касас выстраивает также по-своему догматизированный образ мира – на основе антиномии «алчные волки» испанцы/истинно «хорошие», «природные христиане» индейцы.

Аввакум, у которого идеальная точка отсчета всегда в горней сфере, хотя он и отличает «поганых» от христиан, все-таки весь мир человечески един, а сам он в своем самоотречении не только один среди прочих, но и самый грешный, самый худший, последний – и потому, самый сильный в борьбе с Антихристом. В Аввакуме, несомненно предвосхищающем великую классику XIX в., «слишком много человека», и отсюда всеобщность его взгляда. Мир во всей полноте как бы проистекает из разверстого сознания и разворачивается (при всей лаконичности описаний) во всем разнообразии человеческого и природного богатства. Но при этом вольная и «многопространная» Сибирь вписывается в ряд такой ключевой для него топики, как «темница», «пропасть», «нора», «яма». При том, что налицо в его кратких описаниях и тема щедрости природы («райский» рефлекс), преобладает хтоническая линия (трансформированный «инфернальный» рефлекс). Как и все предыдущие и последующие «ямы» Аввакума, Сибирь – это место испытания, крайнего и последнего напряжения духа. И это ключевой «мотив», вошедший в русское цивилизационное

³⁴ См.: История литературы США. Т. 1. С. 140–141.

сознание после схождения в «сибирский ад», обнаруживающий себя от уровня народной старообрядческой поэзии до высокой классики XIX – начала XX вв.

На этом мы и остановимся, лишь пунктирно обозначив линию возможного изучения, как развивается сибирская составляющая в последующем³⁵. Приведем в виде ориентира некоторые характерные образцы образного видения Сибири в русской классике, прямо связанные с аввакумовской традицией.

Радищев: «страна ужасна, хладна»; Пушкин: «мрачные пропасти земли», «мрачное подземелье», «каторжные норы», «Глубина сибирских руд»; Достоевский: «мертвый дом»; Короленко: «Гиблое место»; Чехов: «Сахалин – целый ад», «вся страна просахалинена». Но, как и у Аввакума, здесь человек должен «хранить гордое терпенье» и, пройдя через «мертвый дом», «мертвые души» (Гоголь) «воскреснут» (Достоевский). С этими заключительными словами «Мертвого дома» связывается заглавие романа Толстого «Воскресение». Не здесь ли истоки русского универсализма, русской «всемирности»?

Следует отметить также и тот факт, что видение Сибири у тех, кто побывал там в ссылке или на поселении, гораздо менее однолинейно, чем у тех, кто переживал их пребывание там, глядя на Сибирь из центральной России. Темы богатств природы, земной щедрости и сибирской воли нередки у них.

Вообще в русской культуре существует иная сибирская перспектива – от Ломоносова и Пушкина, в духе освоительного и преобразующе-строительного конструктивизма – до Некрасова, в духе народной социальной утопии (картина вольной, богатой крестьянской жизни за Байкалом в поэме «Дедушка», 1870), Г. Успенского, в некоторых мотивах Л. Толстого. Эта линия прямо связана с сибирской утопией, сопровождавшей народную колонизацию, осуществлявшуюся в форме бегства от властей. Наиболее полно сибирская утопия проявилась в поверьях и сказаниях раскольников-бегунов – секты анархического мильенаристского толка, существовавшей на протяжении XIX – начала XX вв. Вразрез с традиционной мироотреченческой православной традицией бегуны ориентируют эсхатологическую надежду в земной план, и в этом смысле их миф Беловодья (райский остров где-то в восточных морях или в «Китае» или «Индии») совершенно сопоставим с

³⁵ См., в частности: *Азадовский М.К.* Сибирские страницы. Иркутск, 1988; *Гайдук В.К.* Русская классика XIX в. и Сибирь (проблема генетического конфликта). Иркутск, 1992; *Кононлев Н.С.* Сибирская составляющая видения отечественной истории. К постановке вопроса: мотивы приобщения А.С. Пушкина к теме Сибири. Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия. Т. II. Иркутск, 2000.

испанскими вариантами утопий XVI–XVII вв. Только происходит это уже в XX в. и бегуны обращаются за «консультациями» и поддержкой к Льву Толстому³⁶.

В рамках эпохальных и цивилизационных смыслов, сколь парадоксальным это ни показалось бы, развитие эсхатологизма бегунов в секуляризованном варианте мы обнаруживаем в анархической и коммунистической идеологии. Роль топоса Сибири в коммунистическом эсхатологизме – это отдельная тема, но даже первое прикосновение к ней обнаруживает связь с яйцовым генерирующим эсхатологическим мифом: «сад в пустыне», «тундра–сад», «Новая жизнь», «новый город» и т.д. Одновременно складывался обширный пласт подцензурной лагерной литературы, где по-новому развивалась хтонически-инфернальная мифологема Сибири как места человеческого испытания, самостоянья и воскресения. Именно там, в сибирских «пропастях» во всей силе выступал духовный тип русского человека.

³⁶ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. Здесь же см.: об утопиях XVII–XVIII вв., связанных с Сибирью, – о «Земле бородатых людей», о «Зеленой земле», о «Даурии» и т.д.; см.: *он же*. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопической легенды). СПб., 2003.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ – ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ОБЩНОСТИ*

Д.В. Мосяков

Цивилизационный подход является одним из методов, наиболее распространенных в современной исторической науке. Начиная еще с О. Шпенглера и А. Тойнби, который полагал, что изучение цивилизаций есть «умопостигаемое поле исторического исследования», данный метод использовался как способ интерпретации исторического процесса. Предметом анализа становились уже *сложившиеся* цивилизации. В настоящей статье цивилизационный метод применяется для понимания явлений, связанных с процессом *становления* новой цивилизации, объединяющей страны Юго-Восточной Азии (НВА): цивилизационное строительство, взаимосвязь этого процесса с глобализацией, а также препятствия на пути формирования региональной идентичности.

Изучение этих вопросов, на примере истории ЮВА, представляется актуальным и для России, где сегодня остро стоит задача укрепления общероссийской идентичности в рамках полиэтнической и поликонфессиональной страны. Так, в рамках исследований всеобщей истории решаются проблемы, непосредственно соприкасающиеся и с ключевыми вопросами современной российской истории.

Содержание понятия «цивилизация» многозначно. Ее можно понимать как некое общество, связанное воедино совокупностью базовых смыслов и объединенное политической или религиозной идеей; как определенный уровень материальной и духовной культуры и общественного развития, как систему отношений между социокультурными идентичностями, в основе которых лежат элементы бессознательной симпатии (реципрокности) и альтруизма взаимодействующих сообществ.

Такое понятийное разнообразие сильно затрудняет изучение вопроса, ибо мы сталкиваемся с использованием одной и той же категории в разных и подчас мало сопоставимых контекстах.

* В статье использованы материалы, представленные А.А. Агаджаняном, И.В. Подберезским и Д.В. Деопиком на состоявшейся в 2004 г. в ИМЭМО РАН научной конференции, посвященной проблемам цивилизационного развития в ЮВА.

Автор также выражает благодарность Г.Ф. Мурашевой, В.А. Тюрину и А.М. Хазанову за ценные советы при подготовке окончательного варианта настоящего текста.

С нашей точки зрения наибольший – имеет опора на первое из названных выше определений: оно в наиболее полной степени выражает саму суть понятия цивилизации в ее историческом контексте.

При таком подходе появляется возможность структурировать многочисленные исследования по истории и культуре стран Юго-Восточной Азии, выделив, по меньшей мере, две основные концепции, которые широко распространены среди исследователей этого региона.

Сторонники первой концепции исходят из того, что Юго-Восточная Азия гетерогенный и разъединенный регион, который с незапамятных времен характеризуется цивилизационной мозаичностью. Они рассматривают ЮВА как хаос народов и языков, смесь языков, религий, рас, цивилизаций, экономик и микрогосударств, рассеянных в лесах и дельтах рек на островах и на континенте. Их общее мнение заключается в том, что ЮВА на самом деле входит в сферы влияния индийской, либо китайской культуры и, в связи с этим, в регионе нет единого культурного поля, нет и единого художественного стиля, который в других полнокровных сообществах как раз и свидетельствует о цивилизационном единстве. Кроме этого, для ЮВА трудно отыскать некую общую идею, которая должна пронизывать исторический путь мало-мальски заметной цивилизации¹.

С этой концепцией тесно связаны и некоторые другие, в которых история ЮВА рассматривается как бесконечное противостояние и борьба государств, находящихся в регионе, зона столкновения мировых религий, историческая сфера китайского либо индийского влияния. Естественно, что сторонники этих концепций даже слышать не хотят о непрерывном существовании особой цивилизации стран ЮВА. Применительно к сегодняшнему дню они обычно заявляют о непрочности объединительных процессов в регионе, о сохранении серьезных противоречий между странами, входящими в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), о том, что никакой новой юго-восточноазиатской идентичности создать не удастся.

Уязвимость всех этих концепций состоит в том, что объективная реальность последних сорока лет подтверждает эти умозаключения. В новейший период страны ЮВА из мировой периферии превратились в один из наиболее быстроразвивающихся ре-

¹ Подробнее об этом см.: *Холл Д.Дж.* История Юго-Восточной Азии. М., 1958. С. 22–23, *Acharya A.* The Quest for Identity // International relations in South East Asia / Oxford University Press. 2000. P. 2; *Geertz C.* Negara the theater state in XIX century Bali // Princeton University Press. 1980; *Wolters O.M.* History, culture and region in Southeast Asian perspectives / Cornell University. 1999.

гионов мира. Местные элиты смогли сформулировать объединяющие их цели, интересы и принципы и на этой основе сделать огромный шаг к взаимной интеграции, мирно разрешив большинство многолетних региональных конфликтов. Без наличия глубинных основ внутреннего единства достичь таких результатов странами, население которых исповедует разные, подчас конкурирующие друг с другом религии – буддизм, ислам и христианство, а тип государственной власти варьируется в спектре от демократической республики (Филиппины) до коммунистической (Вьетнам) или военной (Бирма) диктатуры, невозможно.

Суть концепции, которую можно назвать концепцией изначального единства, заключается в том, что несмотря на разнообразие народов, языков, религий есть нечто общее, что связывает все этносы, проживающие в регионе.

В сфере экономики – основанное на ирригации рисовое хозяйство, которым издревле занималось население долин крупных и средних рек в ЮВА.

В социальной сфере – исключительно сильная община, основанная на общем для всех типе хозяйства – рисопроизводстве. Общинный организм породил чрезвычайно важную и самую многочисленную для всех стран региона социальную группу – свободных крестьян. Юго-Восточная Азия всегда характеризовалась большой социальной мобильностью, где крестьянин мог стать военным, мог стать чиновником, мог стать монахом.

В духовной сфере – традиции, обычаи, архетипы сознания и особенно культ предков. Именно от предков человек, исповедующий ислам, буддизм или христианство, до сих пор получает главную санкцию на свое поведение². Не менее важным является и общий для большинства народов ЮВА культ духов – хранителей общины. Это уже надсемейный культ, который всегда привязан к определенной деревне – общине и далее не образующий более сложных конструкций. И сегодня среди общих культурно-религиозных доминант культ предков и духов не просто тип ранней религиозности, но сохранившаяся вопреки всем влияниям основополагающая форма религиозных верований и практик.

Более того, на уровне власти этот культ трансформировался в культ царственных предков, а также в культ сакрализованного, а в некоторых случаях и обожествляемого монарха. Культ предков-духов, как и связанный с ними культ обожествляемого прави-

² Интересно, что при недавнем извержении вулкана Мерапи на острове Ява верующие мусульмане отказывались покинуть опасные места до тех пор, пока они не получают на это санкцию в виде некоего знаменья исходящего от их предков.

теля, собственно и образуют тот первоначальный общий идейно-духовный субстрат, который можно найти практически повсюду в Юго-Восточной Азии.

Позже на этот субстрат наложились мировые религии (сначала буддизм, потом ислам и еще позже христианство). При этом мировые религии не подавили и не вытеснили традиционные культы, а скорее дополнили их, резко расширив границы мирозерцания и повысив уровень духовной культуры этносов ЮВА. Базовый сакральный слой – культ предков и духов – продолжает и сегодня активно существовать и фиксируется, как правило, в устной форме, как фольклор, миф, народный театр. Мировые религии, как и связанные с ними литературные и художественные традиции, напротив, письменные и строятся вокруг священных текстов. Взаимодействие между этими двумя слоями порождает смешанные формы, сочетающие устную и письменную традиции, и свидетельствует об имманентной способности местных культур к заимствованию нового знания без разрушения старого. Этот феномен существует и ныне, когда процесс модернизации, усвоения новых смыслов западной цивилизации не вытесняет устоявшиеся религиозно-духовные воззрения, а скорее, находит свою нишу, определяя поведение в сфере бизнеса и трудовых отношений.

В сфере семейных и деловых отношений общее для всего региона – это и система счета родственников по обеим линиям, и традиционная взаимопомощь в общине, и обыкновение принимать решение после длительного и тщательного обсуждения, в котором все участвуют не для того, чтобы поспорить и доказать свою правоту, а достичь согласия и компромисса.

Свидетельством исторического единства стран региона можно считать общую для них рыхлость и неустойчивость элит. При всей пышности элитарной культуры, ее статусной символики и атрибутики механизм удержания статуса, наследования не был разработан, а там, где его пытались создать (панджи в яванско-малайском мире, кхлони и комратень ани в ангорской Камбодже) результат был отрицательным. В исторической ретроспективе можно констатировать, что в регионе не было аристократии как сословия, династии менялись достаточно часто, и элита формировалась на основе кровнородственной близости к правителю. Элита здесь всегда была иерархией людей близких к власти и служащих правителю. Вся ее собственность состояла из пожалованной в кормление публичной земли или публичного доходного места (портовые пошлины, сбор податей), право на которые зависело от должности.

В то же время нельзя не задаться вопросом о том, являются ли вышеназванные примеры признаком общей цивилизации или они

составляют лишь некий исторический фундамент, который на полноценную цивилизацию никак не тянет. Дело в том, что нельзя отрицать того факта, что в Юго-Восточной Азии традиционные культы так и не трансформировались в некие общие глобальные мировоззренческие и религиозные концепции, которые бы подчеркнули единство и самостоятельность региона. Здесь на их фундамент наложились заимствованные извне мировые религии. Причины, по которым это произошло, до сих пор остаются предметом оживленных дискуссий, но важен сам факт, что генезиса цивилизации по типу китайской или индийской, способной самостоятельно генерировать новые смыслы и религиозные представления, в ЮВА так и не произошло. Скорее, можно говорить о трех основных типах социально-политической структуры: вьетнамском (феодално-бюрократическом), приморском, или малайском (военно-феодалном) и индокитайско-яванском (государственно-патриархальном)³. В связи с этим, при изучении истории ЮВА и возникает ощущение не до конца построенной цивилизации, некоего дома, в котором строители возвели фундамент, но так и не построили верхний этаж.

Между прочим, это ощущение возникает не только у стороннего европейского наблюдателя, но и среди политиков и ученых в странах ЮВА. В свое время Нурдин Сопхие, многолетний глава Центра стратегического планирования Малайзии, говорил, что слабость ЮВА всегда состояла в том, что народы этого региона не осознавали своего единства и культурной близости, что их не объединяла какая-либо общая цель или религиозная идея. Он утверждал, что если государства ЮВА хотят занять достойное место в мире, эту слабость необходимо устранить и строить будущее по модели Европейского Союза. Для осуществления этой цели, по его мнению необходимо было «дотянуть» цивилизационную общность ЮВА до полноценной современной цивилизации с общим взглядом на мир, общей идентичностью и общей исторической мифологией, общим пониманием целей и ощущением общей судьбы, общим рынком, общими правилами и установлениями.

Другой известный в ЮВА политик, многолетний председатель Национального собрания Камбоджи Чеа Сим, касаясь этой же проблемы, отмечал, что мы (кхмеры) должны преодолеть старые предубеждения в отношении тайцев и вьетнамцев. Мы не должны культивировать обиды, а выделять все общее, что нас объединяет.

³ Подробнее об этом см.: *Мосяков Д.В., Тюрин В.А.* История Юго-Восточной Азии. М. 2004. С. 60–73.

Представление о том, что чувство общей истории и культуры должно распространиться среди всех народов ЮВА уже много лет доминирует во взглядах интеллектуальных элит и в духовной атмосфере региона. Так, например, еще в 1981 году, видные историки и политики стран АСЕАН выразили общее мнение, что «должна появиться культура АСЕАН, которая будет материалистической, но подчиняющейся сдерживающим влияниям азиатской духовности, научная, но без враждебности к религиозной жизни и к традициям, рационалистическая, но ценящая народное искусство, обычаи и нравы». При этом, распространение этой общей культуры и связанной с ней общей идентичности должно было происходить аналогично тому, как в регионе распространялись, в свое время, мировые религии, в рамках универсального для ЮВА принципа дополнительности, ни в коем случае не вытесняя идентичность национальную и государственную⁴.

Надежды на успех этого проекта подкрепляются тем фактом, что новая система взглядов и самоидентификации внедряется в особых условиях – очевидной переходности обществ в ЮВА. Серьезные социальные перемены (рост среднего класса и городского населения), серьезные перемены в сфере образования (увеличение числа грамотных и образованных людей), изменение условий жизни и труда миллионов – все это несомненно способствует внедрению новых представлений и идей. На пути интеграции уже достигнуты очевидные успехи. Это – чувство региональной общности и солидарности, продемонстрированные всеми странами региона во время разрушительного финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг., и гордость за превращение АСЕАН в одну из наиболее успешных и влиятельных международных организаций, успешные усилия, направленные на рост взаимных обменов и торговли, совместных культурных и экономических проектов. Все это заставляет по-новому взглянуть на проблему формирования цивилизаций, которые обычно возникали без сознательных усилий своих носителей и даже творцов.

На комплексе мер по искусственному формированию общей идентичности хотелось бы остановиться несколько подробнее, ибо этот вопрос весьма актуален для современного разорванного противоречиями мира и особенно важен для России, где проблема цивилизационной идентичности всех входящих в состав РФ этнокультурных сообществ до конца так еще и не решена.

Современное цивилизационное конструирование в Юго-Восточной Азии опирается на две группы процессов, связанных непо-

⁴ См. ASEAN Identity, Development and Culture. Quezon City, 1981, с. 327; ASEAN: Path to Identity. Bangkok, 1999. P. 217.

средственно с переменами в государственной политике и с переменами в общественном сознании национальных обществ.

Первая группа включает в себя последовательное сближение в рамках формализованных процессов – политического и экономического сближения, подписания документов по развитию общей торговли и координации внешнеполитической деятельности.

Большой интерес представляет изучение второй группы процессов, связанных собственно с цивилизационным строительством и формированием региональной идентичности. При этом особое внимание уделяется идее компромиссности как некоей глобальной цивилизационной идее, присущей всем странам ЮВА. Эта компромиссность проявляется и в строгом невмешательстве во внутренние дела соседних стран, входящих в регион, в отказе от жестких критериев в отношении соблюдения прав человека или характера политического режима в той или иной стране. Все можно решить за столом переговоров, всегда можно найти взаимоприемлемый компромисс, пойти на взаимные уступки – вот особая традиция региональной политики, некоторые общие принципы, которых придерживаются правящие элиты всех стран региона.

Не менее существенную роль играет и откровенное мифотворчество относительно общего прошлого стран региона. Утверждается, что в основе их исторического развития изначально лежали общие ценности. Войны в Юго-Восточной Азии объявляются не столько межгосударственными, сколько гражданскими, происходившими в рамках одной страны. Именно так сейчас трактуются войны вьетнамцев и тямов, бирманцев и монов, малайцев и тайцев. Все что касается общности судеб (например, борьба с колониализмом) подчеркивается, все что касается вражды между странами, затушевывается. Задача состоит в том, чтобы сформировать у новых поколений ощущение общности исторической судьбы.

Уделяется внимание и воспитанию молодого поколения в рамках новой исторической мифологии, в атмосфере сотрудничества и понимания своих соседей. Соседи – близкие родственники – таков девиз большинства учебных пособий по истории, выстроенных с позиций культурно-исторической близости стран региона и нацеленных на демонстрацию этой общности. Так, в современных камбоджийских учебниках об аннексии Вьетнамом так называемой Кампучии кром (район Сайгона) говорится лишь вскользь, хотя на протяжении десятилетий эта тема была одной из острейших в национальном самосознании кхмеров. Точно также и вопросы территориальных притязаний друг к другу и исторических обид других стран региона все больше отодвигаются на

второй план (притязания Филиппин на Сабах, или претензии индонезийцев на Саравак, а малайзийцев на Южный Таиланд и т.д).

Осуществление проекта формирования общей идентичности жителей ЮВА происходит под контролем Комитета по социальной и культурной деятельности стран АСЕАН, а также Комитета по СМИ. Расширение взаимных контактов финансируется из специального культурного фонда, созданного в 1978 г.

При всей успешности и продуманности этой программы, нельзя не указать на очевидные угрозы, способные подорвать шансы на конечный успех. При том они никак не связаны с отсутствием у интеллектуальных и политических элит желания к углублению процесса интеграции, либо разыгрыванием национальной карты.

Главные вызовы процессу формирования юго-восточно-азиатской идентичности приходят извне, со стороны других цивилизаций, в первую очередь, китайской и исламской.

Причина этого в том, что в последнее время резко изменились культурно-политические установки как большинства этнических китайцев, проживающих в странах ЮВА, так и миллионов местных мусульман. Они все более активно идентифицируют себя соответственно с китайской и исламской цивилизациями.

Что касается китайцев, то, по наблюдениям социологов и культурологов, они стали намного менее охотно интегрироваться в культурный мир стран ЮВА. Раньше китайцы стремились всячески подчеркнуть свое стремление стать членами тайского, кхмерского или индонезийского сообществ. Они женились на местных женщинах, учили местные языки, брали местные фамилии. Теперь все это изменилось. Новые китайские иммигранты не стремятся к интеграции в местные социумы, часто не учат местные языки, живут в достаточно замкнутых национальных сообществах. Более того, на фоне успехов Китая в экономическом строительстве, укрепления его экономических и политических позиций в регионе растет китайский национализм и уверенность в том, что рано или поздно китайский юань станет валютой стран ЮВА, а китайский язык общепринятым в рамках формирующегося общего рынка стран ЮВА и КНР. Если учесть, что китайцев в ЮВА более 30 миллионов и они доминируют в местной экономике, то очевидно – без решения проблемы интеграции китайцев в юговосточноазиатское сообщество, успех интеграционных процессов проблематичен. Всю свою мощь китайцы в ЮВА скорее бросят на ускорение интеграции КНР и стран АСЕАН, чем на внутрирегиональное сближение.

Еще более сложна проблема с мусульманами, особенно в таких районах как Ачех в Индонезии, Минданао на Филиппинах или среди малайцев Южного Таиланда. По мнению большинства

исследователей ислама в ЮВА, в последнее время благодаря влияниям арабских денег в поддержку разного рода исламских просветительских, образовательских и политических фондов влияние исламской религии резко выросло. Это произошло не за счет увеличения числа приверженцев, а вследствие того, что влияние ислама углубляется и подрывает традиционный культ предков и духов, тот общий фундамент, на котором, в значительной мере, и строится новая региональная идентичность. В регионе все больше правоверных мусульман, которые симпатизируют салафитам и ваххабитам, противопоставляя себя традиционным мусульманским традициям стран ЮВА. Так называемые новые мусульмане, получившие образование в Саудовской Аравии и на арабском Востоке, либо в местных медресе, где преподают те же саудовцы, их ученики, все более соотносят свою цивилизационную принадлежность с миром ислама, а не с традиционным миром Юго-Восточной Азии. Более того, сегодня именно сторонники радикального ислама под лозунгом автономистских движений Ачеха, Моро и малайцев Южного Таиланда фактически развязали партизанскую войну против существующих режимов, выдвигая требования не только независимости и автономии, но и полномасштабного перехода на шариатские законы и нормы, что прямо противоречит политике региональной интеграции. Все это вполне подтверждает известное суждение Ортега-и-Гассета о том, что в современном мире массы яснее сознают свою цивилизационную принадлежность, чем государственную, руководствуются больше первой, нежели второй, больше инстинктами, чем рациональностью. В условиях растущего мусульманского экстремизма и нетерпимости к иноверцам говорить о положительных перспективах общей самоидентификации местных буддистов, христиан, мусульман и конфуцианцев вряд ли возможно.

Таким образом, сегодня в регионе налицо двойственный процесс: с одной стороны, направляемые усилия местных правящих элит по формированию региональной идентичности и укреплению взаимной интеграции и единства на общем фундаменте политических и экономических интересов и традиционных ценностей, а с другой, очевидные угрозы этому процессу со стороны сильных и сложившихся цивилизаций (китайской и исламской). Исторический парадокс состоит в том, что в раннее средневековье, на рубеже IV–VII веков подобные же влияния извне предотвратили формирование полномасштабной цивилизации в рамках ЮВА. Сегодня на новом витке развития ситуация повторяется. Возможно, такая коллизия и является исторической судьбой цивилизации ЮВА.

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ВИДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА*

Ш.М. Шукуров

Визуальная антропология является устоявшейся международной научной дисциплиной, предмет которой – исследование этно-визуальных особенностей фольклорной культуры, будь то деревня или город. Задача этно-визуальной антропологии заключается в понимании того, «как культура себя запечатляет и запечатляется извне»¹. Такое понимание визуальной антропологии, по нашему мнению, определяет суть современного этапа фольклорных исследований, который можно назвать периодом постфольклористики.

На этом этапе ставятся новые проблемы, связанные с визуальной, фотографической, будь то действительно фотография, видеofilm или короткометражный фильм, фиксации и анализа различных этнологических аспектов социума, религии, политики, культуры. Если отечественная практика визуальной антропологии основывается, как правило, на видеоанализе фольклорной и региональной тематики², то зарубежные антропологи работают и с собственно искусством и архитектурой. В последнем случае антропологи нарушают свое же кредо. Направленность исследований больше походит на привычную нам научную интерпретацию. Такова, например, ориентированность Американской ассоциации визуальной антропологии (The Society for Visual Anthropology – SVA³).

В отличие от зарубежных школ мы намерены ввести в достаточно широкое русло существующей визуальной антропологии специфический антропологический дискурс, содержательным

* Работа выполнена при содействии РГНФ по проекту № 05-03-03119а.

¹ Так формулируется задача в Лаборатории этновизуальной антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (<http://www.cnit.msu.ru/visan/visan.htm>). Еще одним отечественным подразделением этой же направленности является центр визуальной антропологии кафедры «Юнеско» при Новосибирском государственном университете.

² Одним из первых опытов представлен в следующей книге, из содержания которой явствует, что некоторые авторы видят в визуальной антропологии и возможности развития сугубо гуманитарных проектов: Салехард-98. Фестиваль антропологических фильмов. 23–30 августа 1998. Гуманитарный симпозиум. Открытие и общаемость культур. М., 1998.

³ <http://www.societyforvisualanthropology.org/svawelcome.html>

наполнением которого окажется, помимо искусства и архитектуры, проблемное поле средневековой, классической и новейшей философии. Весьма близкими нашему пониманию визуальной антропологии является интереснейший опыт интеллектуальной работы Валерия Подороги с современными московскими художниками⁴. Зная направление исследований Подороги, нетрудно понять, что визуальная антропология является отдельным направлением в рамках философской антропологии со всеми вытекающими последствиями в области поставленных задач и методик исследования.

В отличие от отечественных и западных коллег, которые в визуальной антропологии видят прежде всего ее репрезентативное начало, мы настроены на исследование того, как, каким образом антропологическая доминанта в прошлом и настоящем позволяет состояться тому, что оказывается так или иначе представленным в искусстве и архитектуре. В таком контексте визуальная антропология нацелена на выведение правил организации. Если угодно, то в нашем исследовании мы в поисках правил топологической и тропологической организации визуального пространства в искусстве и архитектуре можем с охотой соскользнуть и в область поэтики.

Между прочим, в последние годы появилась новая дисциплина, ее называют визуализирующей поэтикой (*visualizing poesis* or *poetry*). Визуализирующая поэтика, по мысли ее теоретиков, имея прямое отношение к «представлению текста, как образа», занимает опосредующее место между пространствами текста и изображения. Теоретики этого направления убеждены, что текст обладает визуально-пространственными свойствами, а, следовательно, их выводы имеют прямое отношение к нашей теме. Однако западные теоретики вряд ли знают рассуждения Д.С. Лихачева об «орнаментальном стиле» в древнерусской литературе и искусстве, и о «пространственной кривизне орнамента» П. Флоренского, что вполне может быть введено в границы визуализирующей поэтики и антропологии. Антропологическими измерениями орнаментальных форм в поэзии, искусстве и архитектуре Ирана следовало бы заняться давно.

Определяя цели и задачи визуальной антропологии в изобразительном искусстве и архитектуре, мы ставим проблему одновременно и шире и глубже вопроса о представлении человека в различных культурах. Визуализация человека не может не со-

⁴ Результаты этой работы собраны в одном томе Художественного журнала при Центре современного искусства Сороса: Мастерская визуальной антропологии. 1993–1994. М., 2000.

стояться вне осознания и восприятия конкретного, но и одновременно протяженного целостного пространства, в соответствии с творческим замыслом художника или архитектора. По этой причине мы, в частности, обращаемся к гештальту, который призван вскрыть тот модус пространственного видения, в результате которого обнаруживается причастность образа человека к первоначально непредусмотренным значениям и формам⁵.

В этот момент и встает вопрос, а в чем специфика нашего подхода к визуальной антропологии по сравнению с этнологическим? Если в первом случае фиксируется среда обитания человека, то в нашем случае речь идет о гаптическом пространстве, т.е. пространстве, означенном касаниями человека, скажем, в его личной квартире. Визуальная антропология в нашем случае работает с пространством, которое усеяно касаниями человека, непосредственными и дистантными. Современная культура в большей мере полагается на касания дистантные, чему в немалой степени способствуют кино и телевидение, между тем в древности и средневековье само существование гаптического пространства человека во многом предназначалось для его тактильной жизнедеятельности. До сих пор посещение религиозных святынь связывается с непременными касаниями оболочки молельных памятных мест (строений) и вещей (например, иконы). Именно так поступают современные иудеи со Стеной Плача, а самые экзальтированные мусульмане в рыданиях прикасаются к оголенной части Каабы. Эти прикасания к оболочке вещи можно понять, имеют отношение и к самой сути. Оболочка, в отличие от поверхности, всегда указывает на внутритропическое.

Напрашивается вывод: до тех пор пока человек тактильно не обозначил зону своего реального или потенциального присутствия, не вывел его инварианты, т.е. не создал своего гаптического присутствия – пространства нет как такового. Как говорил Дж. Гибсон, пространство является категорией исключительно антропологического свойства, покуда человек не увидит земли под ногами и неба над головой, пространства нет⁶. Когда шпили готических соборов «укалывают небо» (О. Манделштам), они создают верхнюю границу пространственного присутствия людей, находящихся в самих соборах, либо в пределах зрительной досягаемости.

⁵ См. об этом более подробно: *Шукуров Ш.* Теология и гештальт // Искусствознание. Журнал по истории и теории искусства. 1/06. М., 2006.

⁶ *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988 (Введение).

Визуальная антропология в нашей версии отличается от традиционных представлений теории искусства о человеке и тем, что в область ее интересов входят особые аналитические техники, в целом имеющие отношение к феноменологии и дискурсанализу. Визуальную антропологию интересует не собственно факт изображения человека в произведениях искусства и архитектурных сооружениях, а выведение определенных сил, силовых полей, воздействующих на формирование истоков образа человека, и одновременно на ментальную деятельность древнего, средневекового, либо современного наблюдателя. То есть, визуальная антропология обладает явным интерактивным началом. Для составления же того или иного дискурса существенным является выведение меры и порядка представления образа человека. Мера и порядок задают некоторое силовое поле, под воздействием которого складывается образная система отдельной временной протяженности искусства и архитектуры.

Сила видения существенно отличается от простого наблюдения тем, что включает в себя строго определенные представления, имеющие прямое отношение к формированию этого процесса. Например, древнегреческий скульптор Фидий, увидел сон, в котором перед ним предстал Зевс. Свою знаменитую скульптуру он сделал, минуя испытанный до него скульптурный опыт. Сила его видения сказалась на специфике его же памяти и воображения.

В этой связи хорошо испытанные приемы искусствознания недостаточны. Современное искусствознание задается вопросами не о том «что это?», а «как?», как сделано то, что явлено исследователю. В этом, кстати, состоит различие между визуальной антропологией этнологического склада, и тем, как ее понимаем мы. Этнологи в первую очередь задаются вопросом «что это?». Мы же постулируем вопрос как, каким образом человек обживает и наново продуцирует целостность его пространственной среды, предпринимаем опыт по выявлению целостного пространства человека и правил организации взаимоотношений человека и окружающих его вещей.

Визуальная антропология исследует различные «режимы» визуализации образа человека. Это может быть исследование в русле теологии, философии, поэтики, иконографии и иконологии. Предметом рассмотрения визуальной антропологии, например, является не стабильный, но топологически выверенный статус образа человека в пространстве архитектуры, а не только фиксация и иконографическое изучение этого образа. Под топологией в данном случае разумеется известная дисциплина, введенная Аристотелем в трактате «Топика». Наш опыт по топологическому

анализу образа Храма в иудейском, христианском и исламском вероучениях можно вполне рассматривать как подступ и к проблемам визуальной антропологии⁷.

Или вот еще один пример. Как правило, исследователи, задаваясь вопросом о природе рукописной иллюстрации, ограничивают себя рассмотрением исключительно изображения. Визуальная антропология ведет свое исследование образа человека в пределах всего пространства рукописной страницы, ибо сама ее структура способна воздействовать на претворение логосной природы текста в визуальный режим иллюстрации⁸. Когда иллюстрация занимает все пространство страницы, а точнее опространстливает текст, мы понимаем, что Логоцентризм книги уступает натиску Иконоцентризма иллюстрации. Читатель начинает понимать текст, исходя исключительно из изображения, он превращается в зрителя. Надо признать, что предварительные соображения о таком направлении кодикологии (науки о книге) уходят к трудам Опояза и, прежде всего, к догадкам Ю. Тынянова об особенностях связей сюжета и иллюстрации.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КРИВАЯ. ИКОНОГРАФИЯ АБСТРАКЦИОНИЗМА

Мы задаемся вопросом, имеет ли орнамент отношение к задачам визуальной антропологии? В настоящее время теоретически установлено, что орнамент имеет прямое касательство к жизнедеятельности искусства, к принципам изображения окружающего человека пространства. Однако, как показал П. Флоренский, сам орнамент не изобразителен, он ничего не изображает⁹. С распадом логики и утратой значения орнамента происходит его вырождение в бездушный декор, этот процесс сопутствует явным трансформациям в искусстве и функциональной важности в архитектуре.

Разительным примером тому может служить искусство и архитектура XX в. и, в частности, творчество Василия Кандинского. Вот что он написал уже в зрелом возрасте о своей экспедиции в вологодские деревни в дореволюционные годы:

«...стол, лавки, важная и огромная печь, шкафы, поставцы – все было расписано пестрыми размашистыми орнаментами. По стенам лубки: символически представленный богатырь, сражение, красками переданная песня». И позже он писал: «В этих чудесных домах я пережил то,

⁷ Шукуров Ш.М. Образ Храма. М., 2002.

⁸ См. об этом: Дискурс мерный и дискурс мятежный. Основания поэтологии искусства и архитектуры Ирана // Искусствознание. 2004, 1/2. М., 2004.

⁹ Флоренский П. История и философия искусства. М., 2000. С. 160.

чего с тех пор не испытывал. Они научили меня входить в картину, жить в ней всем теплом и впереди и позади себя»¹⁰.

На Севере, а позже и в Баварии, Кандинский проблематизировал свое видение, свои оптические горизонты, когда он понял не «что» делать, а «как» делать. Что значит проблематизировать видение? Когда Кандинский понимает, что он находится внутри картины, он *входит* в нее всем телом, для него картина становится Событием. Как нам показал Жиль Делез, Событие, в отличие от происшествия, всегда имеет дело с проблемами, оно не есть проблема, но оно, Событие, проблематично. Событие несет с собой проблемы.

Фольклорно-героические темы не покидали В. Кандинского в ранних его работах, что отзывалось и в его последующих картинах, где предметность можно лишь угадать, однако детали композиционного целого и цветовой строй отдаленно напоминают нам о московском и мюнхенском этапах его творчества. Картины времени становления абстрактного искусства интересуют нас с целью проведения иконографического исследования абстрактных работ художника.

Обратимся к одной из ранних работ Кандинского «Гора» (1909, Мюнхен, Городская галерея в Ленбаххаузе) (*рис. 1*). В этой картине нас интересует темно-красный контур горы, на фоне которой изображены две фигуры: правая – женская, статичная, и слева – мужская, изображена в динамическом порыве по отношению к первой. Можно только предполагать, учитывая внимание Кандинского к евангельским сюжетам, что здесь в отвлеченной форме передана сцена Благовещения¹¹. Контур горы словно осеняет всю композицию, а самое главное состоит в том, что кривая контура будет повторяться и повторяться во многих композициях Кандинского и ее с легкостью можно обнаружить даже в картинах последнего, парижского периода творчества художника (*рис. 2, 3*).

Мы располагаем своеобразной инвариантной константой в творчестве Кандинского, «антропологической кривой»¹². Цель

¹⁰ Публикацию путевых заметок Кандинского см.: Автономова Н. Этнографические исследования Василия Кандинского. Вологодская экспедиция 1889 года // Искусствознание. Журнал по теории и истории искусства. 1/04. М., 2004. С. 515.

¹¹ О библейских и евангельских сюжетах в творчестве Кандинского с библиографией по этой теме см.: Турчин В.С. Кандинский в России. М., 2005. С. 179.

¹² Вот что пишет Дж. Гибсон по поводу выдвигаемой теории инвариантов в изобразительном искусстве: «Если восприятие объектов зависит от обнаружения инвариантов, а не от восприятия формы, то обнаружение некоторых инвариантов должно быть следствием самого факта восприятия формы» (*Гибсон Дж. Указ. соч. С. 253*).

антропологической кривой – втягивание зрителя в нерегулярное поле абстракции, подобно тому, как самого Кандинского втянули в себя вологодские орнаменты. Следует сказать и больше – антропологическая кривая Кандинского, втягивая зрителя в пространство изображения, предлагает ему особое укрытие, это действительно образ сени, под которой зрителю вполне комфортно находится среди нагромождения различных пятен, линий и точек. Следуя за теорией инвариантов Дж. Гибсона, следует думать, что инварианты, подобные антропологической кривой Кандинского, обладают так сказать оптической гравитацией, вне зависимости от визуального режима они притягивают зрителя не своей формой, поскольку она отсутствует, а самим фактом своего существования. Правда, в большинстве случаев необходимо, чтобы зритель был соответствующим образом настроен, знал творчество художника и вообще, подготовлен к восприятию абстрактного искусства.

Вслед за Ницше Кандинский говорил о сверхчеловеке, т.е. об обновленном человеке и метаантропологии, соответственно, об обновленной визуальной антропологии искусства. Однако еще вернее то, что в искусстве и архитектуре любой предмет изобразительного ряда некоторым образом встраивается в орнамент; орнамент – оболочка вещи, теснейшим образом связанная с ее внутренним измерением. Это хорошо чувствовали Кандинский, его единомышленники (Клее, Мондриан). Мы можем судить о том, как современное искусство заставляет нас воспринимать не только фигуративное, но и нефигуративные формы. Более того, нефигуративное искусство способно войти в антропологическую стратегию современной культуры. Когда говорят, что в абстрактном искусстве отсутствует образ человека, мы должны понимать, что в нем имплицитно заложено антропологическое начало в виде пятен, линий и точек. Мы так же в состоянии судить об антропологическом горизонте орнамента. К этой теме, но уже в другой связи, мы и переходим.

ПОЭЗИЯ КАК ИНСТРУМЕНТОВКА СУЩЕГО

В персидской литературной поэтике существовал свод правил украшения поэтической речи (*ilm al-badi'*). Кроме актуальности свода этих правил для понимания поэтической речи, персидские поэтологи выводят особенности стихосложения и в непоэтическое пространство. Они приравнивают фигуры поэтической речи украшению стен, пола и потолка жилого дома, т.е. одновременно орнаменту и строительному делу¹³. Вместе с тем, нельзя сказать,

¹³ См. подробнее об этом: *Шукуров Ш.М.* Искусство и тайна. М., 1999. С. 96–120; *Он же.* Образ Храма. С. 82–88.

что фигуры поэтической речи вводятся в архитектурное пространство, нет, поэтологи подчеркивают наличие общего пространства лишь для орнамента и архитектуры.

Немаловажно помнить, что общее для поэзии, орнамента и архитектуры пространство обладает кривизной. Иранская по происхождению арабеска основывается на кривой (*ислими*) растительного происхождения. Она сходна с антропологической кривой Кандинского. Эта кривая призвана гештальтировать однородное изнутри и вовне пространство памятников архитектуры Ирана, а затем и памятников арабского региона. Прежде, чем рассматривать генетические связи криволинейного пространства поэзии и орнамента, сделаем несколько вводных замечаний.

Орнамент – это визуализированная сила плана красоты и меры культуры, преображающая сущее. В определенном смысле можно сказать, что арабеска визуализирует для носителей культуры и тех, кто глядит на нее со стороны, меру красоты. Тем самым арабеска и творчески осмысленный орнамент имеет своей целью не заполнить плоскость, а интегрировать ее в среду расширяющейся красоты искусства. Не надо думать, что занимаемая орнаментом плоскость, есть нечто пассивное и неответивое. Плоскость грезит об орнаменте, подобно тому, как женщина стремится своим убранством (макияж, прическа, драгоценности, платье) увеличить свою привлекательность и красоту. Орнамент и убранство женщин – два соразмерных образа, мерой которых и является пролегающий в пространстве план красоты.

Вот почему, выявляемая исследователями неоднозначная антропоморфизация керамических сосудов основывается на применении орнаментальных мотивов. Они, располагаясь на горлышке и тулове ваз, призваны не просто обозначить украшения человека. Орнаментальные мотивы должны сообщить телу сосудов новое измерение, наделить его новой силой, и, тем самым, искривить существующее пространство керамического тела.

В данный момент мы и можем говорить о силе орнамента, не просто преображающей пространство (видимого из окна мира природы, или тела сосуда), но и искривляющей его, согласно выявленной геометрической мере. Понятие кривизны работает только по отношению к пространству, испытывающему воздействие силы образа или того, что не есть образ, но являющегося некой силой событийного и, соответственно, психологического и эстетического преобразования пространства. «Строение пространства и есть *кривизна* его» – писал Флоренский¹⁴. Еще раз

¹⁴ Флоренский П. История и философия искусства. С. 91.

подчеркнем, что арабеска не заполняет пустоты, а своей пролегающей формой красоты она искривляет изоморфность пространства плоскости.

В чем состоит ценность поэзии, в особенности по отношению к целям и задачам восприятия «визуализирующей поэтики» в искусстве и архитектуре? Нет смысла специально обговаривать роль высокой поэзии в сохранении целостности и своеобычности культуры. Нет и нужды особо обсуждать значение поэзии в конструировании той образности, которой активно пользуются другие виды творчества. Для наших целей полезнее было остановиться на том, что не просто сближает поэзию с искусством и архитектурой, а формирует их общность по отношению к существу. Ведь именно об этом, обсуждая проблемы поэзии, говорили Платон и Аристотель и собственно в этой связи уже у них намечается мысль о рядоположенности поэзии, искусства и политики.

Нас в этой связи интересует не онтология, а онтика как предрасположение более объемных представлений о всеобъемлющем Бытии. Онтология начинается там, где проблема становления вещи в пространстве и во времени исчерпывается, вещь начинает терять свои реальные основания и наполняется метафизическим смыслом извечного присутствия. Сказать об этом необходимо, поскольку каждый, кто серьезно занимается особенностями поэтического творчества, должен отдавать себе отчет о том, каковы границы его исследования и каким техническим инструментарием он хочет или может воспользоваться.

Мы обращаемся к кривизне пространства, оставляемой, подобно отпечатку, силой образа. Ниже мы приведем ряд примеров из поэтического творчества персидского поэта Хафиза. Эти образцы поэзии самого высокого накала помогут нам лучше понять, что же такое арабеска как сила, искривляющая пространство культуры по своему усмотрению.

Остановимся на мотиве рассыпанных, а порою и вовсе непричесанных волос:

Никто не прельстится тобою (بسته زلفت نباشد),

Поскольку твои кудри скручены и рассыпаны (خم و زیروزبر).

Для того, чтобы еще глубже понять этот бейт надо обратить внимание на то, что слово «прельщение» буквально передается распространенным образом связывания волос (بستن زلف), т.е. распрямления скрученности, кривизны, собирания воедино рассыпанных волос возлюбленной.

Здесь мы должны вспомнить о теории резонанса. Кривизне волос вовсе не противопоставляется их распрямление, все дело в

усилении позиции субъекта (влюбленного), который реагирует на рассыпанные и вьющиеся волосы возлюбленной. Антиномичность двух позиций на самом деле мнима и является не противоположением, а развитием заданного мотива в пространстве, когда сила одного образа (объекта) заставляет резонировать другой (субъект) не по горизонтали, а по вертикали. Кривизна волос является репрезентативной формой глубинной полноты волос распрямленных. Еще раз подчеркнем сказанное другими словами: кривизна изначального пространства, оваянного кривизной волос возлюбленной, позволяет говорить о пространстве гаптическом, исполненном касаниями влюбленного. Без его касаний невозможен переход в иное и резонирующее состояние распрямленности волос возлюбленной.

В другой газеле Хафиз говорит: «Приди ко мне, ибо я хочу успокоить (قرار خواهم کرد) твои локоны [или кудри]». Успокоить кудри возлюбленной, как мы теперь понимаем, можно сглаживанием, стягиванием т.е. преодолением их скрученности и разметанности. Для этого используются две вещи – либо гребень, посредством которого постигается истинный смысл¹⁵, либо нечто (скажем лента), что стягивает волосы, лишает их волнистости, кривизны. Пространство кривизны не окончательно, оно вновь обретает выпрямленность и гладкость в другом, глубинно-резонируемом пространстве смысла, что является необходимым условием для постижения искомого.

Не вдаваясь в очевидную суфийскую подоплеку смены состояния влюбленного и возлюбленной, отметим, что в поисках поэтически точного образа поэту необходимо преодолеть кривизну в другом пространстве для нахождения прямоты, безальтернативности смысла этого образа. Отдаленный смысл образа должен быть выпрямлен, предельно ясен.

Следующая строка из другой газели вводит новый образ:

Есть у меня возлюбленная, ее извилистые волосы (سنبل),
обладают зонтиком (سایه بان دارد).

Метафора: извилистые волосы – цветок гиацинт, создающие подобие зонтика, под которым влюбленный обретает покой, от-

¹⁵ В персидской классической поэзии существует образ гребня и процедура расчесывания, т.е. приведение вещи в надлежащий порядок, предваряющая окончательный вход в значение вещи. Важнее всего другое: персидский поэт Хафиз уподобляет писчее перо (калам) гребню (شانه). Калам-гребень проводится по раскинутым, извилистым, неупорядоченным косам устной речи (زلف سخن), и тем самым преодолеваются сомнения (اندیشه), т.е. смысл, который заключен в записанном тексте. Сомнительность речи, посредством проведения по ней гребнем-каламом, обращается в уверенность письма.

дохновение. (Ср., кстати, с несобранными и зонтиковидными париками Гуччи на весенне-летнем показе 2004 г. в Милане.) В персидском поэтическом языке существует устойчивое выражение – بزیر سایه موی سر خود آسایش داشتن (дсл. – найти отдохновение под сенью своих волос, т.е. находиться в состоянии покоя, безмятежности духа и тела)¹⁶.

И вновь бейт из еще одной газели:

Протяженная тень (ظل) твоих искривленных волос
останется в моей памяти

Дабы мое мятущееся сердце было покойно под их тенью (سایه).

Итак, мы имеем дело уже с «протяженной тенью» (ظل ممدود), которую отбрасывают вьющиеся, беспокойные волосы, подобные мятущемуся сердцу влюбленного. Поэтическое выражение «протяженная тень» дает окончательную возможность для перехода к дальнейшим соображениям об искривленных линиях арабески. Протяженная тень и есть то самое глубинное пространство смысла, это пространство резонанса и выведение истинного смысла. Поэтическое выражение «протяженная тень», исходящее из коранической лексики при описании рая, с позиций поэтики пространства Башляра именуется топофилией. Это и есть истинный и непременно искривленно-мятущийся образ, погруженный в глубины топофилии протяженной тени. Визуальная антропология персидской поэзии и орнамента реализуется непременно в искривленном пространстве, где человек (объект) и читатель (субъект) чувствуют себя наиболее комфортно.

МЕТОДЫ ВИЗУАЛИЗАЦИИ

В этом разделе будет рассказано только о двух методах визуализации. Метод – это не просто «путь познания, основы учения, теория», это и сила, воздействующая на людей посредством логической и метафизической системы убеждения. Поскольку необходимо с чего-то начать, начнем с теологии, освещения теологических воззрений мусульман – самой молодой религии, столкнувшейся с соответствующими представлениями иудаизма и христианства. Иллюстрированный рассказ о подходах к искусству и архитектуре у мусульман подобран в том числе и для прояснения проблем текущего дня, волнующих многих.

¹⁶ См. значение этого выражения в толковом словаре таджикского языка с приведением необходимых иллюстраций. Фарханги забони тоҷики. Под ред. Шукурова М.Ш., Капранова М.А. и др. Т. 2. М., 1969. С. 263.

Довольно часто вероисповедное различие христиан и мусульман в подходах к визуализации человека неожиданно сопрягалось. Яркий пример – Мухаммад при входе в Каабу наложил ладонь на изображение Богоматери с младенцем. Следовательно, допустимо суждение о бытовании особых характеристик визуальной антропологии, существующих «по краям», на пересечении двух различных визуальных представлений.

Что следует знать о визуальных режимах мусульман в первую очередь? Громадный пласт этого искусства от Испании до Средней Азии и Индии целиком и полностью накладывался на теологические споры в первые столетия существования ислама. Предметом этих споров оказался Коран, где приводится много примеров, которые в прошлом, и нынешними специалистами характеризуются, как принципы антропоморфного представления Бога. Выделяются два теологических метода представления человека: позитивный или катафатический, и негативный или апофатический.

Бог в Коране обладает определенными характеристиками, которые предоставляют возможность его визуальной идентификации: Он прекрасен, Он обладает лицом, глазами и даже формой. В хадисах, т.е. речениях пророка Мухаммада, говорится и о пассивном антропоморфизме Бога, когда он касается человека, но человек не может коснуться его.

Позиция антропоморфистов в среде теологов в раннем Исламе тут же встретила ожесточенное сопротивление со стороны негативистов-апофатиков, которые указывали на невозможность такого рода рассуждений: Бог не таков, как вы Его понимаете, он всегда инаков, ибо непознаваем. Никакие органы чувств не в состоянии описать Бога, согласно тем метафорическим характеристикам, которые приводятся в Коране.

Апофатический и катафатический принципы сохраняли свое воздействие на искусство мусульман в течение всей истории и в особенности на принципы визуализации человека. Его визуальный образ в целом строился по принципу неподобия, ни одно из изображений не должно заместить собою изображения Бога, ибо Он не изобразим. Идолопоклонником является тот, кто предпринимет такую попытку.

Однако визуальные образы существовали постоянно. Негативное отношение к визуализации сакрального уравнивал прецедент существования изображений, которые не посягали на передачу божественного отображения.

Таким образом, в раннем исламе был сформулирован двуединый катафатически-апофатический *проект*, который сыграл существенную роль в истории его искусства. Можно даже говорить

о сбалансированном характере этого проекта, который время от времени нарушался в пользу той или иной его составляющей. Понятие *проект*, взятое нами из понятийного аппарата современной философии, нуждается в пояснении:

«Проект не может состояться, если он не заброшен в будущее. Собственно, проект включает в себя программы, школы, планы, т.е. многие другие вспомогательные орудия, благодаря которым мы сможем захватить будущее. Будущее оказывается способом репрезентации проекта, будущее вне горизонта проектирования просто не существует»¹⁷.

Мы полагаем, что проектному мышлению надлежит органично войти в число методических принципов визуальной антропологии. Так или иначе, но каждый этап становления новых дискурсов и новых эстетических взглядов в исламе полагался на катафатически-апофатический проект. Нельзя не заметить, что средиземноморский мир Средневековья в целом был захвачен названным проектом по разработке различных аспектов катафатического и апофатического взгляда на вещи. Мусульмане не были изобретателями этого проекта, он существовал в иудаизме, и в христианстве, когда первые отцы церкви выступали против иконных изображений. Мусульмане обострили проблему и выставили для своей культуры проект-программу, действительно, на будущее.

Визуальная антропология была частью изначального методологического проекта. Невзирая на возражения ригористов, исходящих из апофатических предсталений, мусульманский мир принялся изображать с самого начала. Существуют примеры, когда даже в ранних (VIII–IX века) рукописях Корана стали появляться изображения, и целые повествовательные циклы к отдельным сурам – главам Корана (см.: рис. 4). Эти изображения были столь метки, что вполне удовлетворяли вкусам сторонников катафатиков и апофатиков. Их, с одной стороны, не существовало, но при смене оптического режима, при переходе к помощи лупы изображения появлялись. Для современных теологов подобные изображения кощунственны, что еще раз подтверждает старую истину: теологическое мышление ограничено даже внутри собственной доктрины.

Как говорилось выше, нельзя исключать некоторого равновесия между позициями положительной и отрицательной теологии. В культуре сложилось мнение о необходимости соблюдения

¹⁷ Подорога В. Проект и опыт (Г. Щедровицкий и М. Мамардашвили: сравнительный анализ стилей мышления) // Познающее мышление и социальное действие. Наследие Г.Б. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли. М., 2004. С. 455.

равновесия двух теологических методов визуализации. Неизобразимость Бога должна быть сбалансирована принципиальной визуализацией Пророка. «Бог исключает, а Пророк восстанавливает» – справедливо замечает Фритъёф Шуон.

Можно понять художников, архитекторов и скульпторов, когда они, воспринимая существующее противостояние двух воззрений на возможности изображения, прибегали к скрытой, неявной визуализации. Этой проблемой мы специально занимались ранее, обращая внимание на манеру скрытой антропоморфизации мечетей¹⁸. Особенный интерес вызывает визуализация пророческого числа «17» в количестве рядов колонн в гипостильных мечетях (рис. 5). Согласно традиции, пророк Мухаммад носил 17 кос. Кроме того, количество суточных преклонений равно также 17 (утренняя – 2, полуденная – 4, послеполуденная – 4, вечерняя – 3, полуночная – 4). Таким образом, появляется вероятность суждения об архитектурном образе молитвы. Архитектура мечети, таким образом, именем Пророка восстанавливает антропологический горизонт культуры именно там, где менее всего этого приходилось ждать ранним мусульманам.

Чтобы начать рисовать, следует устранить невидимое. Это означает, что вместе с устранением невидимого – изображения Бога, открывается широкая перспектива для изображения видимого и, прежде всего, человека. Так действовали еще ранние мусульмане. Дабы не возникало лишних для художников и архитекторов теологических споров, они устранили невидимое. В отличие от христианства, мусульмане устранили невидимое и, кроме фигуративных изображений, именно у них возникла мощнейшая программа орнаментального искусства – арабески. Криволинейность арабески является прикрытием, оболочкой невидимого, с легкостью соскальзывая к метафоре Невидимого.

В XVI в. в изобразительном искусстве Ирана появляется немислимое с точки зрения основ вышеизложенного проекта. Появляется портрет (рис. 6, 7, 8). Иранцы разрушают проект, возникший в лоне авраамических религий. Они, перейдя к портретированию, приступили к фиксации исключительно, как модно сейчас говорить, оболочки человека. Образ человека, в отличие от прошлого, был лишен внутреннего измерения. Иранцы нарушили правила организации начального проекта, именно они положили конец его будущему. В это же время появляется трактат иранского автора, в котором рассказывается о существовании двух *калам* – писчего пера каллиграфа и кисточки художника¹⁹.

¹⁸ Шукуров Ш.М. Образ Храма (глава «Архитектурный образ молитвы»).

¹⁹ Кази-Ахмед. Трактат о каллиграфах и художниках. 1596–97. М.-Л., 1947.

Приведем еще один, но чрезвычайно энергоемкий пример с точки зрения сложившегося в исламе катафатическо-апофатического проекта. Его чуть было реализовали в Византии в период иконоборчества, когда византийцы предали анафеме иконные изображения. Место икон заняли пустоты, либо орнаментальные изображения, сходные с мусульманской арабеской. Исследователи говорят о влиянии мусульманского орнамента на византийский. Императора, который перешел на новый режим визуализации, христианского мира, звали Львом Исавром, а современники прозвали его Львом-мусульманином.

Что может лежать на краю культуры ислама, что может существовать на краю проблемы понимания человека в исламе и в искусстве ислама? Например, христианство. Увидеть, что есть человек ислама, что есть образ человека в искусстве ислама, возможно и следующим образом: надо только сместиться от центра к краю и оттуда, с этой позиции, глазами мусульманина увидеть христианскую доктрину человека, усвоить правила и закономерности изображения человека здесь. Впрочем, ранним мусульманам не было надобности отходить далеко, ведь ислам возник в тесном соседстве с христианством и иудаизмом.

Фигура Иоанна Дамаскина – ярчайший пример сказанному. Будучи духовным авторитетом христиан, он состоял на высокой службе у дамаского халифа. Его критика ислама происходила изнутри ислама. А его защитные слова об иконах были направлены не только на иконоборцев-христиан, но в равной степени разъясняли принципы иконопочитания и мусульманам. Иоанн Дамаскин работал не только на свою общину, оставаясь преимущественно в центре ее, но он смещался к краю, смело вступая в полемику с мусульманами.

Таким образом, мы говорим не о сравнении культур. Мы толкуем о взгляде, брошенном сквозь тонкую завесу. Мы говорим не о противлежащих вещах, а о вещах лежащих так близко, что их можно тронуть рукой. Единственное, что их различает – основы вероисповедания. Только по этой причине одна и та же вещь может противоречить своему значению в зависимости от того, коснулись ее руки христианина или мусульманина. Каждая из подобных вещей обладает своим антропологическим измерением, ведь вещь сделана человеком и назначена для его использования. Именно различие антропологических позиций, отягощенных вероисповедными учениями, разнит значение этих вещей.

А вот еще один пример из истории взаимодействия христиан и мусульман, когда визуальная антропология осуществляется в центре вероисповедного пограничья – в Константинопольском храме Св. Софии (рис. 9). После завоевания турками Константи-

нополя христианский храм оказался центральной мечетью. Фигура Богородицы с младенцем в конхе апсиды храма, по крайней мере, до XVII в., была не тронута, мало того – она была укрыта вуалью, что вместе с тем и, естественно, не мешало ее обозрению снизу, из центрального нефа. Для того, чтобы по достоинству оценить столь необычное для ортодоксальной исламской мысли явление, следует знать и еще об одном факте. В апсиде под изображением фигуры Богородицы, сразу после вхождения тюрков в храм, был установлен *михраб*. В числе коранических надписей на нем впервые тексты доминировали, рассказывающие о рождении Марьям (Марии). С тех пор они все чаще встречаются в османской архитектуре. В данном случае степень ассоциации апсидального пространства и *михраба* была абсолютной. Евангельский образ Марии и коранический образ Марьям нераздельны, более того, можно смело говорить и об определенной близости христианского и исламского восприятия этого образа в связи с формированием мариологии храмового сознания и собственно Храма.

В куполе Софии располагался еще и образ Пантократора. Турки сохраняли это центральное изображение довольно долго, по крайней мере, в XVII в. оно все еще присутствовало. Заменяло византийское изображение каллиграфическая арабская надпись, цитирующая аят из коранической суры «Свет» (Нур) (24:35), где о Боге говорится как о «Свете неба и земли». Идея Света визуализируется посредством изображения золотых мозаичных лучей, истекающих из центрального круга. Это – иносказание, метафора, свойственная всему поэтологическому строю ислама. Как и в первом случае с отзвуком богородичной темы в *михрабной* надписи, мы с полным основанием можем судить о сохранении основной концепции храма в мусульманское время. Мусульмане ясно дают понять, что сохранение идейного замысла храма основывается не на прежних ценностях: названии, образной и именной структуры храма – мечети.

В книге, посвященной реконструкции авраамического Храма, мы пришли к выводу, что каждая традиция *наделяется Храмом*. Мы знаем много примеров, когда наделенные Храмом религиозные традиции встречаются в пределах одного здания. Вспоминая рассуждения П. Флоренского о кривизне художественного пространства, можно сказать, что и в храме Св. Софии, перешедшей к мусульманам, мы видим то же. Ментальное пространство храма оказывается кривым, изогнутым, а не регулярным, в нем одновременно присутствуют, как христианские, так и мусульманские надписи, византийские изображения, ставшие мусульманскими. Обогащение храмовой теологии, несомненно, но это обстоятель-

ство не лежит на поверхности, оно требует скрупулезности исследовательской мысли.

Мы в состоянии судить о своеобразии визуальной памяти, памяти о былом, о прошлом вероисповедном пространстве христиан в Софийском соборе. Христианское и мусульманское значения пространства предопределены вовсе не предельностью вероисповедного начала. Напротив, значение пространства предопределило собственно визуальной средой, визуальным окружением божественно-антропологической доминанты.

Целью нашей работы является осознанное движение от образа, непосредственно воспринимаемого, перцептивного, к понятию-образу, рядопологающему и упорядочивающему сферы поэзии, философии, искусства и архитектуры в единый, пластически оформленный образ. Сказанное, по нашему убеждению, является очередным измерением междисциплинарности.

К ВОПРОСУ О ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ
ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ ФЕНОМЕНА
МУЗЫКИ В ИТАЛИИ РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

А.П. Лободанов

1

Не подлежит сомнению, что в различные эпохи существования европейской культуры понимание искусства, осознание его места в категориальном аппарате философского и эстетического знания были различны; этим предопределена неприемлемость механического перенесения операционных терминов современного искусствоведения на описание искусства отдаленных эпох. Данное положение относится, в частности, и к феномену музыки, при изучении которого музыковедение зачастую переносит современные представления и современное понятийно-языковое осмысление музыки на эпохи Античности, Средневековья и Возрождения. Такой подход искажает адекватное восприятие как самого явления, так и музыкального быта и практики музыкального искусства.

Б.В. Асафьев отмечал, что «музыка является для людей прежде всего деятельностью (...). Эта деятельность требует, в отличие от других искусств, сложных аппаратов, установлений и учреждений, составляющих в совокупности то, что принято называть музыкальной жизнью данной страны или музыкальным бытом»¹. *Музыкальная жизнь и музыкальный быт* соотносятся с понятием *музыкальная практика* и входят как составная часть в более общую категорию – *музыкальная культура*.

В культуре народов мира музыкальная культура представляет собой многоуровневую систему взаимодействия различных компонентов музыкальной практики, совокупность музыкально-культурных традиций. Специфика каждой из музыкальных культур фиксируется не только в узкоспециальной – музыкальной – терминологии, но и в общем словаре того или иного народа, воплощающем его общенациональное языковое сознание, «реальную лингвистическую действительность» (в терминах Л.В. Щербы²),

¹ Игорь Глебов (Асафьев Б.В.). О ближайших задачах социологии музыки // Мозер Г.И. Музыка средневекового города. Л., 1927. С.10.

² Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 276.

в которых отражаются представления о музыке как деятельности. И музыкальная терминология и общий словарь равно, но различно представляют национально-языковое осознание феномена музыки и ложатся позднее в основу той области знания, которую принято называть «музыкальной наукой». Одним из факторов поступательного развития этой области знания, чье назначение – адекватное описание феномена музыки в различные эпохи ее бытования, становится поиск и создание филологических оснований музыковедческих исследований.

Как характерный пример осознания феномена музыки в западно-европейской музыкальной культуре целесообразно попытаться описать на основе словесно-художественной традиции представления о музыкальном быте и музыкальной практике, существовавшие в Италии XIII–XIV вв. В этот период само слово *музыка* употреблялось как рационально определяемое понятие в сфере музыкальной педагогики: категория *музыка* обозначала составляющую средневекового канона обучения. Сам же феномен музыки отражался в языковом сознании и воспринимался как деятельность. Своеобразие музыкальной культуры Италии рассматриваемого периода состоит в том, что *музыкальная наука* соотносилась со сферой музыкальной педагогики и дидактики и изъяснялась на латинском языке, тогда как *музыкальный быт* и *музыкальная практика* фиксировались на народном языке – итальянском вольгаре.

В эпоху Раннего Возрождения восприятие и отражение феномена музыки прочно основывалось на античных представлениях: так, искусство (*ars*) предполагало и требовало, с одной стороны, *практики* (*πρακτική*) как *деяния, активности*, и с другой – практических знаний и умений (*πρακτική* и *ἐπιστήμη* *знание*). Создание конкретного произведения искусства (статуи, храма, стихотворного или музыкального произведения и т. д.) соотносилось с понятием *ποίησις* ~ *процесс деятельности*, в результате которой создавалось произведение искусства. Способность к созиданию (*ποιητική*) воспитывалась путем научения (*disciplina*) и систематизации по прецедентам как общих, так и специальных приемов (*τέχνη*) создания произведения искусства.

Трактовка искусства, в определенной части современных искусствоведческих исследований, возведена до уровня философской категории отражения («творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах»). Искусство в Античности, Средневековье и Раннем Возрождении соотносилось, говоря современным языком, с категорией деятельности и «не знало» категории отражения, основанной на художественной практике реализма, обобщенной искусствоведческой

(И. Винкельманн, И. Тэн, Г. Риман, Ф. Бёме, П. Обри и др.) и философско-эстетической мыслью XIX века (в России, например, Н.Г. Чернышевский), особенно XX века.

2

В итальянском Дудженто и на протяжении всего Треченто слово *musica* 'музыка' функционировало как «ученый» термин, обозначающий особую область специализированного знания, в силу чего не употреблялось в художественной речи: это слово отсутствует в произведениях итальянской художественной словесности эпохи Раннего Возрождения, включая и раннюю лирику, и Гвидо Кавальканти, и такие крупные произведения, как *Новая жизнь* и *Комедия* Данте, *Книга песен* и *Триумфы* Петрарки, *Декамерон*, *Тезеида*, *Филоколо* Боккаччо.

Термин *musica* воспринимался прежде всего как обозначение научной дисциплины (*scienza*) и, соответственно, как название учебного предмета (*disciplina*). Так, по Брунетто Латини, предмет этой науки – «соотношение (певческих) голосов и (инструментальных) звучаний»: «*La seconda scienza, cioè musica, tratta di concordare voci e suoni*» (32–18)³. Предмет же преподавания Боно Джамбони определяет как умение производить звучания на различных музыкальных инструментах: «*La seconda si è musica, che s'insegna a fare voci di canti in cetere, in organi ed in altri strumenti*», где *voci di canti* подразумевает совместное звучание голоса и инструмента. Этот же автор указывает и на функциональное назначение музыки, свойственное его эпохе – услаждение людей и церковное пение: «*accordare l'uno con l'altro per diletto delle genti, e per far canti in chiesa, per l'ufficio del nostro Signore*» (1–7)⁴. Значение термина *musica* охватывало научно-теоретические аспекты изучения звуко-высотных характеристик музыкальных звучаний (голосовых и инструментальных) в их временной протяженности, прежде всего числовые отношения, а также мистические напластования в восприятии этих отношений. Именно в этом своем смысловом наполнении *musica* как наука становилась единицей учебного предмета и преподавания, сопоставляясь с арифметикой, геометрией и астрономией в составе квадривиума.

Так, в трактате Данте *Пир*⁵ слово *musica* употребляется именно в этих значениях, прежде всего в значении «единица учебного

³ Latini, Brunetto. *La retorica* / a cura di F. Maggini. Firenze, 1915.

⁴ Il tesoro di B. Latini volgarizzato da Bono Giamboni (nuovamente pubblicato secondo l'edizione del MDXXXIII), 2 voll. Venezia, 1839–1841.

⁵ Из всех сочинений Данте на вольтаре слово *musica* встречается только в трактате *Пир* (7 употреблений).

предмета»: «A li sette primi rispondono le sette del Trivio e del Quadrivio, cioè Gramatica, Dialetica, Rettorica, Arismetrica⁶, Musica, Geometria e Astrologia» (Convivio, II, xiii, 8)⁷ [«Семи первым небесам отвечают семь наук тривиума и квадривиума, а именно – Грамматика, Диалектика, Риторика, Арифметика, Музыка, Геометрия и Астрология» (с. 155)⁸] и в значении «научное знание»: «⟨...⟩ e che si dilettao studiare in Rettorica o in Musica, e l'altre scienze fuggono e abandonano, che sono tutte membra di sapienza» (Convivio, III, xi, 9) [«Посему не должен именоваться истинным философом всякий, кто ради какой-либо склонности дружит с той или иной областью премудрости; а ведь немало таких, кто любит разбираться в канцонах и их изучать и кто с удовольствием занимается Риторикой или Музыкой, но избегает другие науки, которые все – члены единой премудрости, и ими пренебрегает» (с. 189)].

В первом из приведенных фрагментов Данте излагает свойственную западно-европейской культуре Средних веков структуру учебного предмета, в основе которой лежит различие по двум ступеням – *тривиум* (науки о речи) и *квадривиум* (науки о числе и гармонии) – *семи свободных искусств*.

Дисциплины, получившие название *свободных искусств*, уже в эпоху Поздней империи⁹ составляли основу стандартного «школьного» образования и сохранились как базовые дисциплины в новой, христианской модели образования и культуры. Так, в частности, Бл. Августин в трактатах *De ordine* (кн. II), *De doctrina christiana* (кн. IV) и *De musica* не только описал путь, который ум христианина должен пройти, чтобы познать сущность универсума и убедиться в существовании Бога, но и ясно обозначил систему наук, «которую человеческий разум создает, чтобы ответить на

⁶ Данте употребляет непривычную форму этого слова – *Arismetrica*. Как считает А. Пезар, флорентийский поэт вкладывает в этот морфологический вариант особый смысл. Исследователь цитирует *Catholicon* Джованни Бальби: «*Arismetrica dicitur ab "ares" quod est virtus et "nemos" quod est numerus, quia tractat de "virtute numeri"*», где «*nemos*», возможно, из-за соединения двух глосс (*forse per amalgama tra due glosse*) является ошибочным написанием вместо «*metros*», которое сам автор определяет так: «*"Metron" vel "metros" grece dicitur mensura*» и «*"Metricus": a "Metrum" dicitur metricus -ca -cum, unde «ars metrica» dicitur que tractat de metris*». См. *Pézar A. Dante. Oeuvres complètes / Tr. et comm. par A. Pézar. P., 1940. P. 348.*

⁷ Здесь и дальше трактат *Пир* цитируется по изданию: *Dante Alighieri. Convivio / a cura di Cesare Vasoli e Domenico de Robertis. Milano – Napoli, 1995.*

⁸ Трактат *Пир* цитируется в переводе А.Г. Габричевского по изданию: *Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968.* Здесь и дальше указываются страницы по этому изданию.

⁹ Понятие и содержание *квадривиума* как комплекса «искусств о числе» по-прежнему в трактатах Боэция, в частности, в *De institutione musica*, в *De institutione arithmetica* и в *De geometria*.

собственное врожденное требование и предрасположить людей к подлинному знанию» (Ч. Вазоли и Д. де Робертис). Для Данте, как для любого образованного мыслителя эпохи, рассматриваемые понятия и термины были привычным багажом – музыка рассматривалась как наука о числе и гармонии, позволявшая подняться до созерцания земных и небесных форм¹⁰: «...La Musica... è tutta relativa, sì come si vede ne le parole armonizzate e ne li canti, de' quali tanto più dolce armonia resulta, quanto più la relazione è bella: la quale in essa scienza massimamente è bella, perché massimamente in essa s'intende. Ancora, la Musica trae a sé li primi spiriti umani, che quasi sono principalmente vapori del cuore (...)» (Convivio, II, xiii, 23–24). [Музыка целиком построена «на соотношениях, как это видно в гармонизированных словах и в песнях, гармония которых тем слаще, чем прекрасней соотношения. Гармония же прекрасных связей в наивысшей степени свойственна именно этой науке. К тому же Музыка привлекает к себе духов человеческого сердца, которые являются как бы его испарениями; слыша музыку, они почти прекращают другую свою деятельность, настолько душа, когда она внимает звукам, становится нераздельной, и сила всех чувств как бы сосредоточивается в духе, воспринимающем звук»].

Этот фрагмент *Пира* созвучен эпизоду с музыкантом Казеллой в *Чистилище*:

«Amor che ne la mente mi ragiona»
cominciò elli allor sí dolcemente,
che la dolcezza ancor dentro mi suona.
Lo mio maestro e io e quella gente
ch'eran con lui parevan si contenti,
come a nessun toccasse altro la mente¹¹.

Purg. II, 112–117.

«Любовь, в душе беседуя со мной», –
Запел он так отраднo, что отрада
И до сих пор звенит во мне струной.
Мой вoждь, и я, и душ блаженных стадо
Так радостно ловили каждый звук,
Что лучшего, казалось, нам не надо¹².

¹⁰ См. *Rajna P. Le denominazioni «Trivium» e «Quadrivium» // Studi medievali. N. S., I, 1928, pp. 4–36; см. также Marrou H.-I. Saint Augustin et la fin de la culture antique. P., 1938.*

¹¹ Здесь и дальше итальянский текст *Комедии* цитируется по изданию: *Dante Alighieri. La Commedia secondo l'antica vulgata / a cura di Giorgio Petrocchi. Voll. 4: Introduzione, Inferno, Purgatorio, Paradiso. Verona: Arnoldo Mondadori, v. 1 – 1966, v. 2 – 1966, v. 3 – 1967, v. 4 – 1967.*

¹² Здесь и дальше перевод *Комедии* приводится по изданию: *Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. с итал. М.Л. Лозинского. М., 1967.*

«*Amor che ne la mente mi ragiona*» – первая строчка стиха, комментарию которого посвящена Третья книга *Пура*. В стихе говорится о «любезной даме Философии», излагается авторский концепт *любви* (*amore*), которая полагается в тварных вещах, созданных по их совершенству, и концепт *разумения* (*mente*), которое состоит в любви к истине (*verità*) и добродетели (*virtù*). Казелла не автор этой канцоны, однако она трогает сердце и ум и звучит для поэта, когда он вспоминает встречу с Казеллой. Строки 116–117 (*eran con lui parevan sí contenti, / come a nessun toccasse altro la mente*) соотносятся с другим фрагментом из *Чистилища* IV, 1–12: (в переводе) «Как только слух иль зреньё / К чему-либо всю душу обратит, / Забудется и времени течение».

В *Пуре* Данте понимает и воспринимает феномен «музыки» в связи с поэзией: их роднит и объединяет единство интонации, ритм и гармония, образующие «сладость звучания» (*dolcezza e armonia; dolcezza di musica e d'armonia*): «E però sappia ciascuno che nulla cosa per legame musaico armonizzata si può de la sua loquella in altra trasmutare, senza rompere tutta sua dolcezza e armonia (...) E questa è la cagione per che li versi del Salterio sono senza dolcezza di musica e d'armonia; ché essi furono trasmutati d'ebreo in greco e di greco in latino (...)» (*Convivio*, I, vii, 14–15)¹³. [«И потому пусть каждый

¹³ Как установили Скедило, Мариго, А. Тойнби, Г. Бузнелли и Г. Ванделли, заключительное рассуждение VII главы является переводом-переложением фрагмента из *Interpretatio Chronicorum Eusebii* (Praef., 1–2: PL, XXVII, 223) Girolamo: «Difficile est enim alienas lineas insequentem non alicubi excedere: arduum, ut quae in aliena lingua bene dicta sunt, eumdem decorem in translatione conservent. Significatum est aliquid unius verbi proprietate; non habeo meum quo id efferam; et dum quaero implere sententiam, longo ambitu vix brevis viae spatia consummo. Accedunt hyperbatorum anfractus, dissimilitudines casuum, varietates figurarum: ipsum postremo suum et, ut ita dicam, vernaculum linguae genus. (...) et difficultatem rei etiam divinorum voluminum instrumenta testantur, quae a LXX Interpretibus edita, non eumdem saporem in graeco sermone custodiunt (...) Inde adeo venit, ut sacrae litterae minus comptaе, et dure sonantes videantur; quod isti homines interpretatas eas de hebraeo nescientes, dum superficiei, non medullam, inspiciunt, ante quasi vestem orationis sordidam perhorrescunt, quam pulchrum intrinsecus rerum corpus inveniant. Denique quid Psalterio canorius, quod in morem nostri Flacci, et graeci Pindari, nunc iambo currit, nunc alcaico personal, nunc sapphico tumet, nunc semipede ingreditur? Quid Deuteronomii et Isaiae cantico pulchrius? Quid Salomone gravius? Quid perfectius Iob? Quae omnia hexametris et pentametris versibus, ut Iosephus et Origenes scribunt, apud suos composita decurrunt. Haec cum graece legimus, aliud quiddam sonant, cum latine, penitus non cohaerent. Quod si cui non videtur linguae gratiam interpretatione mutari, Homerum ad verbum exprimat in latinum. Plus aliquid dicam, eumdem in sua lingua prosae verbis interpretetur, videbit ordinem ridiculum, et poetam eloquentissimum vix loquentem». См.: *Marigo*. Atti e Memorie della R. Accademia di scienze lettere ed arti in Padova, xxxi, 1914–1915. P. 241–246; Bull. d. Soc. dant., N. S., xxii, 1915. P. 78–79. *Schedilo*. Alcuni capitoli della biografia di Dante. P. 479. Toynbee. Dante Studies. Oxford, 1921. P. 51–52. Opere di Dante, Il Convivio, a cura di G. Busnelli e G. Vandelli, 2 voll. (...), Le Monnier, 1964.

знает, что ни одно произведение, мусикийски связанное и подчиненное законам ритма, не может быть переложено со своего языка на другой без нарушения всей его сладости и гармонии <...> И такова причина, почему стихи Псалтири лишены сладости музыки и гармонии; ибо они были переведены с еврейского на греческий, а с греческого на латинский, и уже в первом переводе вся сладость гармонии исчезла» (с. 123)].

В этом фрагменте обращает на себя внимание прежде всего выражение *legame musaico* (в русском переводе ≈ *произведение, мусикийски связанное и подчиненное законам ритма*). Большинство текстологов произведений Данте единодушно сходятся в том, что у флорентийского поэта-мыслителя, как и в греческой традиции, 'Муза' значит 'поэзия', таким образом, *musaico* обозначает в этом отрывке 'поэтический' (*poetico*)¹⁴. Некоторые текстологи¹⁵ полагают, однако, что *musaico* значит 'музыкальный' (*musicale*). Вместе с тем, А. Никколи обращает внимание на определение поэзии, содержащееся в трактате Данте *О народном красноречии*: «<...> Nichil aliud est quam fictio rethorica musicaque poita» (II, iv, 2)¹⁶ [«<...> если рассудить, что такое поэзия: она не что иное, как вымысел, облеченный в риторику и музыку» (с. 292)¹⁷], и отмечает, что «существует живое осознание тесной связи, сближающей музыку с поэзией, даже если она не ассоциируется непосредственно с пением или с музыкальным аккомпанементом»; см. и ср. *Пур*, II, xiii, 23 и *О народном красноречии*, II, viii, 5. А. Никколи полагает, что *musaico* «в равной степени относится и к поэтическому вдохновению, и к музыкальной мелодии», как произведению Муз (*entrambe opera delle Muse*). Так, в *Пуре* обнаруживается понимание *arte musaica* (мусикийское искусство) как *искусство Муз*: «<...> Li poeti che con l'arte musaica le loro parole hanno legate <...> (*Convivio* IV, vi, 4) [поэты, которые связали свои слова мусикийским искусством]. Комментатор малых произведений Данте И.Н. Голенищев-Кутузов напоминает, что «у Данте небо риторики (Венеры) – вместе с тем и небо поэзии. Форма (музыка) и содержание (риторика) делятся, по мнению Данте, но должны сливаться в акте творчества в некое гармоническое целое. Ср. *Пур* (I, VII,

¹⁴ См., напр., *Opere di Dante...*

¹⁵ См., напр.: *Mengaldo P. Parole di Dante: musaico // Lingua nostra*, XXX, 1969. P. 33–34; *Niccoli A. Musaico // Enciclopedia Dantesca*. Т. III. P. 1059.

¹⁶ *Dante Alighieri. De vulgari eloquentia // Opere minori di Dante Alighieri*. Т. II. Milano-Napoli, 1979.

¹⁷ Трактат *О народном красноречии* цитируется в переводе Ф.А. Петровского по изданию: *Данте Алигьери. Малые произведения...*

14; II, IX, 2; X, 6; XI, 9; XII, 9; III, IV, 1; IX, 2; X, 6; IV, VI, 4)» (с. 580)¹⁸.

Восприятие «музыки» как сугубо научного знания, понимание его предмета в этом, дантовском смысле сохраняется и после Данте, например у Боккаччо: «Per esse [le muse], si come gli antichi vogliono, si cerca la raggione de' versi e la modulazione della voce; e per questo, per derivazione, viene dal nome loro questo nome di musica, la quale è scienza di sapere modulare le voci» (I–199)¹⁹, или у Лудовико Кастельветро: «La musica si divide in parlare, in armonia e ritmo; e di nuovo la melodia in parlare accompagnato dal suono o dal ballo o dall'uno e dall'altro». «Музыка» как учебная дисциплина, обучающая числу и гармонии, сохраняет свое значение и место в системе образования вплоть до эпохи Высокого Возрождения; см., например, у Веспасиано да Бистиччи: «Furono, dopo Dante, i due altri poeti messer Coluccio, e, in teologia, maestro Luigi Marsigli, uomo singularissimo, e il simile in alter facultà, come in astrologia, musica, geometria, aritmetica» (гл. 2)²⁰.

В первой части *Пира* слово 'музыка' появляется в составе риторической фигуры сравнения в рассуждениях Данте о народном языке: «⟨...⟩ di tutte l'arti la medicina è più prossima al medico, e la musica al musico, però che a loro sono più unite ⟨...⟩» (Convivio, I, xii, 4). [Всякая вещь тем ближе другой, чем более она с ней связана: так, сын наиболее близок отцу; из всех искусств врачу и музыканту наиболее близки врачевание и музыка, с которыми они связаны больше, нежели с другими искусствами; из всех мест на земле человеку всегда ближе то, где он живет, с чем он соединен. Так и народный язык тем ближе человеку, чем более он с ним связан, так как он один и только он прежде какого-либо другого живет в душе и так как он связан с человеком не только сам по себе, но и в силу внешних обстоятельств, поскольку это язык самых близких ему людей, как-то: родичей, сограждан и соплеменников. Вот что такое народный язык, который каждому не просто близок, но в высшей степени близок (с. 131)].

Здесь обращает на себя внимание употребление слова *musico*, которое в русском переводе звучит как «музыкант». *Musico* (греч. μουσικός) ~ *музыкант*; в русск. ≈ «музыкант») в грамматической функции имени существительного впервые встречается в трактате Данте *Пир*: «O uomini, che vedere non potete la sentenza di questa

¹⁸ Голенищев-Кутузов И.Н. Комментарии к малым произведениям Данте // Данте Алигьери. Малые произведения...

¹⁹ Boccaccio Giovanni. Commento alla Divina Commedia e gli altri scritti intorno a Dante. 3 voll. Bari, 1918.

²⁰ Vite di uomini illustri del secolo XV. Milano, 1951.

canzone, non la rifiutate però; ma ponete mente la sua bellezza, ch'è grande sì per costruzione, la quale si pertiene a li gramatici, sì per l'ordine del sermone, che si pertiene a li rettorici, sì per lo numero de le sue parti, che si pertiene a li musici» (Convivio II, xi, 9).

Призывая читателя вдумчиво отнестись к его канцоне «*Amor che ne la mente mi ragiona*» и понять созданную им красоту песни (*la mia bellezza*), Данте поясняет тройственный характер 'красоты песни': грамматический (поскольку она совершенно «построена» с точки зрения выбора слов и синтаксиса), риторический (*per l'ordine del sermone*, поскольку она совершенна в распределении и организации частей, чем достигается убедительность и усладительность в восприятии слушателей), музыкальный (*ma lo è pure per la sua struttura musicale, che è quanto dire per il numero delle sillabe in ogni verso, quello dei versi in ciascuna stanza, e quello delle stanze che contribuiscono a formarne l'intima armonia*).

Слово *musico* понималось в эпоху Раннего Возрождения как человек, сведующий в музыке = обученный музыке, т.е. знающий ее «теорию» и технику, способы звукоизвлечения; человек, письменно рассуждающий о музыке. Так, у Боккаччо: «I musici ogni loro artificio formano sopra certe dimensioni di tempi lunghe e brevi e acute e gravi e della varietà di queste, con debita e misurata proporzione congiunta, e quello poi appellano 'canto'» (I-113)²¹; или у Гуарини: «Il musico, che compone di pratica i suoi motetti e le sue canzoni, da cui prende egli i principi dell' arte sua? – Dall' arte com' essi chiaman del contrappunto»²²; см. и ср. у Джованни Пасколи: «Ho conosciuto, non so come né perché, un tedesco coltissimo, autore di libri dotti e curiosi, medico, musico ed atto ad insegnare il contrappunto» (там же). И лишь позднее это слово стало обозначать композитора как сочинителя музыки и музыканта-исполнителя. В этих двух значениях слово *musico* было позднее замещено словом *musicista*. Следовательно, круг значений слова *musica* в Раннем Возрождении подтверждается и коррелятивным *musico*.

Таким образом, представления Данте о феномене «музыки» остаются целиком в рамках научно-схоластических представлений предшествующей и современной ему традиции. В XIV веке в родном городе Данте Флоренции – центре искусств и науки эпохи Раннего Возрождения – понимание музыки и восприятие феномена «музыки» расширяется и обобщается до признания музыки символом художественной деятельности, феноменом гармонии как наивысшего выражения красоты в творчестве: словесном, музыкальном, архитектурном, живописном и др. Итальянские гу-

²¹ Boccaccio Giovanni. Commento alla Divina Commedia...

²² Battaglia S. Grande Dizionario della lingua italiana. Vol. XI. Torino: UTET, 1981.

манисты (в частности, Марсилио Фичино) превращают этот феномен в метафору прекрасного вообще – метафору, прочно укоренившуюся в европейском языковом и искусствоведческом сознании; см., например: *это не стихи – а музыка; архитектура – застывшая музыка; музыкальность линий в портретной живописи Караваджо; или пушкинское «Но и любовь мелодия».*

В неразрывной связи с пониманием и восприятием феномена «музыки» в его тесном родстве с поэзией (Convivio, I, vii, 14–15), в онтологическом единстве интонации, ритма и гармонии, образующих *сладость звучания*, стоит у Данте и слово armonia «гармония». Оно употребляется, в частности, в *Комедии* как философский термин, вписывающийся в представления поэта о «гармонии небесных сфер»:

Quando la rota che tu sempiterni
desiderato, a se mi fece atteso
con l'armonia che temperi e discerni <...>
Par. I, 76–78.

Когда круги, которых вечный ход
Стремишь, желанный, ты, мой дух призвали
Гармонией, чей строй тобой живёт <...>

Говоря о «гармонии сфер» (вслед за Пифагором и Платоном), Данте понимает под «кругами» – движение небесных сфер во вселенной, обуславливаемое волей их начала²³. И так было вечно, утверждает поэт (sempiterni); каждая сфера имеет свой звук (temperi e discerni: regoli e distingui: ogni sfera ha un suono), а различные голоса (diverse voci) сопоставляются с различными ступенями блаженства – diversi scanni:

Diverse voci fanno dolci note;
cosí diversi scanni in nostra vita
rendon dolce armonia tra queste rote <...>
Par. VI, 124–126.

Различьем звуков гармоничен хор;
Различие высей в нашей жизни ясной –
Гармонией наполнило простор.

Исследователь философских взглядов Данте Б. Нарди полагает, что флорентийский поэт мог знать соответствующий раздел книги Аристотеля *De caelo* в латинском комментарии

²³ У Цицерона в последней части трактата *De Repubblica*, дошедшего до нас в составе книг Макробия с несоответствующим названием *Somnium Scipionis* («Видение Сципиона»), содержится такое же понимание гармонии, различные звуки которой составляют гептакорд, образуемый расстоянием сфер от их центра и скоростью движения.

Симплиция, который возвращается к теории Пифагора. Такие мыслители, как Платон, Цицерон, Макробий, теологи Ориген, Св. Амвросий, автор трактата *De imagine mundi* (как тогда полагали – Св. Ансельм) следовали теории «гармонии небесных сфер», открываемой теми, кто, очистив чувства, стремится к горнему миру²⁴.

Вместе с тем, Данте тяготеет к пониманию гармонии как художественно-образной, сладостной организации музыкального звучания:

Da indi, sì come vène ad orecchia
dolce armonia da organo, mi vène
a vista il tempo che ti s'apparecchia.

Par. XVII, 43–45

Оттуда так, как в уши входит пенье
Органнх труб, всё то, что предстоит
Тебе во времени, мне входит в зренья.

Существенно отметить, что все употребления слова *armonia* относятся к третьей песни *Комедии* – *Рай*, как и шесть из семи употреблений слова *melodia* / *melode* «мелодия»²⁵. Приуроченность этих слов и стоящих за ними понятий к этой части произведения отражает важную часть мировоззрения Данте: *melodia* / *melode* и *armonia* – принадлежность высших сфер духовной и художественной деятельности. Именно из этого дантовского общеязыкового понимания «мелодии» и «гармонии» вырастет теория итальянских гуманистов о гармонии как высшем выражении красоты художественного творчества.

В Раннем Возрождении *musica* как научно-теоретическое знание противопоставлялась *cantus* (ит. *canto*), обнимавшему в своих значениях практические аспекты музыкальной деятельности, как, например, в *Декамероне* Боккаччо: пение человека как музыкально организованное звучание, а также «пение» птиц (*non vi potrei mai divisare... i canti pieni di melodia che vi s'odono* VIII 9; *da' dolci canti degli uccelli... incitata, su si levò* V In), искусство пения (*sforzandosi ben di mostrarsi un gran maestro di canto* VIII 2), музыкальное сочинение для голоса или голоса с инструментом, песня (*a' suoni e a' canti e a' balli da capo si diedero* III In), литургическое пение (*con funeral pompa di cera e di canti, alla chiesa... n'era portato* I In) и др.

²⁴ Nardi B. *Saggi di filosofia dantesca*. Milano, 1930. P. 81–88.

²⁵ *Melode* встречается у Данте три раза, и все три раза – в его *Комедии* (*Par.* XIV, 122; *Par.* XXIV, 114; *Par.* XXVIII, 119). *Melodia* встречается у Данте четыре раза, и все четыре раза – в его *Комедии* (*Purg.* XXIX, 22; *Par.* XIV, 32; *Par.* XXIII, 97; *Par.* XXIII, 109).

Главнейшей составляющей музыкальной деятельности той или иной эпохи выступает наличие и функциональное использование музыкальных инструментов²⁶. Развитие возможностей самих музыкальных инструментов взаимообусловлено и взаимообусловливается развитием типов музыки (вокальной, танцевальной, инструментальной), что определяет, соответственно, становление и эволюцию музыкальных жанров²⁷.

Для более детального анализа рассмотрим лексико-семантическую подгруппу названий музыкальных инструментов как она представлена в произведениях Данте, Петрарки и Боккаччо. Существенно констатировать, что уже в *Комедии* Данте встречаются названия всех основных известных в его эпоху музыкальных инструментов – струнных, щипковых, духовых и ударных, – таких как джигга (скрипка), арфа, виола, лира, лютя; орган, волынка, свирель, рожок, труба, туба; барабан, тарелки, тамбурин; колокол.

В литературе Треченто чаще всего упоминаются *струнные щипковые инструменты*, а игра на них описывается преимущественно как сопровождение стихотворного текста.

Агра «арфа». В *Комедии* Данте этот музыкальный инструмент упоминается один раз, и это употребление ставит арфу в ансамбль с джиггой (≈ скрипкой). Звучание этого ансамбля автор называет *сладостным* (*dolce tintinno*):

E come giga e arpa, in tempra tesa
di molte corde, fa dolce tintinno
(*Par.* XIV, 118–119).

Как струны арф и скрипок, единая,
Звонят отрядным гудом неразымно.

Боккаччо также отмечает *сладостность* как стилистическую характеристику звучания арфы, сопровождающей исполнение любовных напевов (*pota amogosa*):

²⁶ История создания музыкальных инструментов, развития их конструктивных признаков и тембровых градаций основывается на изучении их распространения и ставит целью, как правило, создание историко-типологической систематики. Так, см.: *Buchner A.* Bunte Welt der Musikinstrumente. Praha, 1981. Из ранних работ сохраняет свою актуальность книга: *Gastoué A.* Les primitifs de la musique française. Paris: Henri Laurens, 1922.

²⁷ См., например: *Ильяшенко Т.* К истории инструментальной музыки средневековья // Проблемы теории западно-европейской музыки (XII–XVII вв.). М., 1983. С. 8–15.

E ciascheuna con nota amorosa
sonava un' arpa graziosamente,
in voce che il suono è dilettoſa
(Bocc. *Caccia di Diana*, canto 15, 5)²⁸.

Cetra/cetera «цитра» (лат. *cithara* < греч. κιθάρα 'кифара' струнный инструмент, близкий к λύρα и φόρμιγγς). Кифара – главный носитель греческой музыкальной культуры²⁹. Этот же, первоначально четырехструнный, инструмент, не имевший грифа, в континентальной Греции назывался *лира*. Их основное различие в том, что резонансный ящик у лиры был выпуклым, а у кифары плоским. Лиры более крупного размера назывались *форминкс*. Число струн кифары со временем достигло одиннадцати. Отсутствие грифа, обуславливавшее соотношение «одна струна – один звук», делало кифару сходной с арфой. В старофранцузской традиции этот инструмент обозначался терминами *kitaire*; она имела выпуклый резонансный ящик и длинный гриф, поддерживающий струны; настраивалась диатонически, не менее чем на две октавы, от басового *соля*. Уменьшенная модель *kitaire* называлась *citole/chitole* и была излюбленным в XII – XIII вв. инструментом первых европейских «студентов». В староитальянской традиции термином *citara* стала обозначаться лютия *liuto*.

Поясняя, в поэтической фигуре сравнения, способы звукообразования у цитры и волынки, Данте предстает здесь знатоком музыкальных инструментов: в цитре звук образуется у «шейки» инструмента, пальцы же перебирают струны:

E come suono al collo de la cetra
prende sua forma, e sí com'al pertugio
de la sampogna vento che penetra <...>

Par. XX, 22–24.

Музыкант, аккомпанирующий на цитре певцу, – *citarista* (морфологически произведено от не зафиксированной у Данте формы *citara*, надолго оставшейся в литературно-поэтическом языке как синоним слова *chitarra*; так, например, у Кардуччи *con citara d'oro*). Данте поясняет, что *citarista* охотно аккомпанирует хорошему певцу, и тогда пение выходит особенно приятным:

E come a buon cantor buon citarista
fa seguitar lo guizzo de la corda
in che piú di piacer lo canto acquista <...>

Par. XX, 142–144.

²⁸ Здесь и дальше все тексты Боккаччо, кроме *Декамерона*, цитируется по: *Letteratura italiana Zanichelli*. Bologna, 1997.

²⁹ *Браудо Е.М.* Всеобщая история музыки. Т. I (до конца 16 столетия). Пб., 1922. С. 115.

У Боккаччо в *Филоколо* цитра упоминается как инструмент Орфея: *le dolci voci della cetera d'Orfeo* (Libro 4, 121).

Giga «джига» (≈ скрипка). По данным LIZ³⁰, в ранней итальянской литературе встречается лишь одно упоминание этого музыкального инструмента: в *Комедии* Данте джига звучит в ансамбле с арфой (см. выше).

Lira «лира». Название этого щипкового музыкального инструмента встречается в *Комедии* Данте два раза. В первом фрагменте эпитет *dolce* (*сладостный*) в сочетании с существительным *lira* определяет не качества и характеристики самого музыкального инструмента, но соединяет с ним представления о характере его звучания, воспринимаемого как *сладостное*:

⟨...⟩ silenzio puose a quella dolce lira,
e fece quietar le sante corde,
che la destra del cielo allenta e tira
(*Par.* XV, 4–6).

Прервала пенье лиры неземной,
Святые струны, замирая властно,
Настроенные вышнюю рукой.

Эта тембровая характеристика звучания лиры прочно закрепляется в европейской словесно-художественной традиции как фигура поэтического стиля. См. во втором фрагменте:

Qualunque melodia piú dolce sona
qua giú, e piú a sé l'anima tira,
parebbe nube che squarciata tona,
comparata al sonar di questa lira,
onde si coronava il bel zaffiro
del quale il ciel piú chiaro
(*Par.* XXIII, 97–102).

Сладчайшие из всех земных созвучий,
Чья прелесть больше всех душе мила,
Казались бы как треск раздранной тучи,
В сравненье с этой лирой, чья хвала
Венчала блеск прекрасного сапфира...

У Петрарки в *Книге Песен* с лирой сравниваются поэты Гораций и Пиндар: *l'una et l'altra lira Canz.* 247. 11³¹. См. у Боккаччо в *Тезеиде*:

se tu, intanto che co' dolci canti
della tua lira, tocca con ragione,
per chiuder Tebe i monti ⟨...⟩
(Libro 4, 13).

³⁰ Letteratura italiana Zanichelli.

³¹ Здесь и дальше итальянский текст *Книги песен* Петрарки цитируется по изданию: *Francesco Petrarca. Canzoniere*. Milano: Feltrinelli, 1992. Указываются номер сонета и строки.

Liuto/leuto «лютня». Лютня была принесена в Грецию из Египта, но в Элладе дальнейшего развития не получила. Однако она сохранилась в музыкальном быте европейского средневековья и Возрождения, благодаря, как указал еще А. Гастуе, первым крестовым походам: с Ближнего Востока были завезены инструменты «сирийского происхождения», «получившие названия *guitare/guiterne сарацинская гитара* и *l'eoud* (ст. франц. *leü, leüth*), уменьшенная модель которого, по сходству с формой миндального ореха, стала называться *mandoge* (ст. франц.); в еще более уменьшенном виде инструмент стал современной мандолиной *mandolina*»³².

Liuto всего один раз встречается в *Комедии* Данте:

Io vidi un, fatto a giusa di liuto,
pur ch'elli avesse avuta l'angiunaia
tronca da l'altro che l'uomo ha forcuto
(*Inf.* XXX, 49–51).

Один совсем как лютня был устроен;
Ему бы лишь в паху отсечь долой
Весь низ, который у людей раздвоен.

В приведенном фрагменте поэт использует название этого музыкального инструмента в речевой фигуре гротескного сравнения: если можно было бы представить себе большого водянойкой человека без ног, то он походил бы на лютню – раздутый живот походил бы на корпус инструмента, а лишённые плоти голова, шея и грудь – на гриф лютни.

А вот у Боккаччо в *Декамероне* лютня выступает как собственно музыкальный инструмент, аккомпанирующий пению (*comandò la reina che... Emilia cantasse una canzone dal leuto di Dioneo aiutata* I C 16), либо использующийся в струнном ансамбле с виолой для сопровождения танцев: «...» *E per comandamento di lei, Dioneo preso un liuto e la Fiammetta una viuola, cominciarono soavemente una danza* (I In 106)³³. См. также у Боккаччо в *Amoroza visione: labbia consolata / vi conobb'io, al suon del cui liuto / fu Tebepria di muri circumdata* (canto 7, 44).

Viola/viuola «виола». Одна стенная роспись на Campo santo в Пизе, изображающая триумф смерти, содержит фрагмент, привычно называемый *Il sogno della vita* (*Сон жизни*). Фрагмент представляет группу флорентинцев в колоритных одеждах эпохи Треченто; в группе выделяются увенчанный лаврами юноша, играю-

³² Gastoué A. Op. cit. P. 99.

³³ Здесь и дальше итальянский текст *Декамерона* Боккаччо цитируется по изданию: *Giovanni Boccaccio. Decameron / a cura di Vittore Branca. Firenze: presso l'Accademia della Crusca, 1976. Указываются номер Дня и новеллы.*

щий на виоле, и женщина, играющая на цитрообразном инструменте. Все персонажи этого фрагмента, словно замороженные сладостью звуков, изображены словно погруженными в некий отвлеченный мир. Фреска датируется XIV столетием³⁴.

Изображение виолы свидетельствует о том, что этот инструмент был знаком зрительской аудитории. В широко известном и необычайно высоко ценимом произведении тосканской литературы этого же периода, *Декамероне* Боккаччо, автор часто прибегает к изображению игры на виоле как популярном инструменте, используемом для камерного музицирования в тесном домашнем или дружеском кругу. Так, см.: <...> E per comandamento di lei, Dioneo preso un liuto e la Fiammetta una viuola, cominciarono soavemente una danza (I, In). <...> Con amorevoli parole confortata l'ebbe, con una sua viuola dolcemente sonò alcuna stampita e cantò appresso alcuna canzone (X, 7). <...> Gli fu detto che egli alcuna cosa cantasse con la sua viuola. Laonde egli comincio si dolcemente sonando a cantar questo (X 7 23). <...> E poi la canzon cantò con la sua viuola (X 7). Виола сопровождала пение стихов нараспев.

Приведенные контексты позволяют описать использование виолы для сопровождения танца и для сопровождения пения, в частности, для исполнения таких жанров, как *stampita* и *canzone*.

Средневековая виола была крупнее и массивнее современного альтя.

* * *

Упоминание в текстах художественной словесности Треченто ударных инструментов (как медных, так и мембранных) связано, преимущественно, с их сигнальной функцией.

Самрапа «колокол». В начале XXII-й песни *Ада* Данте, уподобляя наступление дьявольского войска развернутому и впечатляющему описанию знакомых поэту боевых действий, называет музыкальные инструменты, традиционно сопровождавшие в его эпоху битвы и турниры: колокола (с боевых колесниц или с башен) в ансамбле с трубами, барабанами и дудками (свирилями, см. ниже):

Io vidi già cavalier muover campo,
e cominciare stormo e far lor mostra,
e tal volta partir per loro scampo;
corridor vidi per la terra vostra,
o Aretini, e vidi gir gualdane,
fedir torneamenti e correr giostra;
quando con trombe, e quando con campane,

³⁴ Вопрос об авторстве фрески спорный: она принадлежит либо флорентинскому мастеру Орканьи, либо Франческо Траини.

con tamburi e con cenni di castella,
e con cose nostrali e con istrane;
né già con sí diversa cennamella
cavalier vidi muover né pedoni,
ne nave a segno di terra o di stella
(*Inf.* XXII, 1–12).

... турнирный бой на копьях и мечах, –
од трубный звук, набатный, барабанный (...)

Сигнальные функции указанных инструментов различались, по всей видимости, в зависимости от фаз битвы: так, трубы и колокола давали сигнал к ее началу, барабаны и дудки сопровождали выступление и наступление войск. Более того, колокола направляли движение войска в битве. Так, в хрониках Джованни Виллани описывается обычай вывозить на поле битвы колокол в специально сооружаемой из дерева башне, водружаемой на повозке: «Quando l'oste de' Fiorentini andava [la campana detta Martinella], ponevasi in un castello di legname in su uno carro, e al suono di quella si guidava l'oste» (VI, 77)³⁵.

Церковные колокола традиционно использовались и для оповещения об определенных событиях в жизни общины; так, см. у Боккаччо в *Декамероне*: (...) trivigiani affermavano, che nell'ora della sua morte le campane della maggior chiesa di Trivigi (...) (II, 1); (...) e in una ampoletta alquanto del suono delle campane del tempio di Salomone e la penna dell'agnol Gabriello (...) (VI, 10).

В сигнальной же функции использовались и маленькие колокольчики, надевавшиеся на шею охотничьих собак. Так, см. у Данте в *Rime*: Sonar brachetti, e cacciatori aizzare (...) (*Rime* XV, 1)³⁶.

Nacchera ≈ «тарелки», медные кимвалы; ручные литавры. У Боккаччо в *Декамероне* звуки этого музыкального инструмента сопровождают приветствие монахов-миноритов: (...) i Frati minori a suon di nacchere le rendon tributo (VIII 9). См. также у Боккаччо в *Teseide*: (...) con sua gente lor veniva a fronte. / Allora trombe, nacchere e tamburi / sonaron forte d'una e d'altra parte (...) (*Teseida* Libro 2, 54); ho detto, / d'arme, di corni, nacchere e trombette, / di voci messe da' popoli strani (...) (*Teseida* Libro 8, 5). Как видим, nacchere использовались в ансамбле с трубами, рогами и барабанами. У французского поэта XIV в. Гийома де Машо находим описание

³⁵ Villani, Giovanni. Cronica / a cura di I. Moutier e F. Gherardi Dragomanni. 4 voll. Firenze, 1844–1845. Указаны номер книги и главы.

³⁶ Текст стихотворений Данте приводится по изданию: Dante Alighieri. Rime // Dante. Tutte le opere, a cura di Giovanni Fallani, Nicola Maggi e Silvio Zennaro. Roma: Newton, 1993. P. 716–777. Указаны номер стихотворения и строки.

немного иного ансамбля музыкальных инструментов с включением *paschere* – волынки и трубы: *Et tant qu'une fois entr'oÿ Cornemuses, trompes, naquaires Et d'instrumens plus de sept paires.*

Тамбуро «барабан». В *Комедии* Данте находим два контекста с упоминанием этого музыкального инструмента: один – это уже упомянутый фрагмент *Inf.* XXII, 1–12, где барабан выступает в сигнальной функции в ансамбле с трубами, колоколами и дудками в ходе боевых действий. Во втором фрагменте название инструмента входит в саркастическую фигуру сравнения, где вздутый от водянки живот сравнивается с барабаном:

col pugno li percosse l'era croia.
Quella sono come fosse un tamburo;
e mastro Adamo li percosse il volto
col braccio suo <...>

Inf. XXX, 102–105.

Как барабан, откликнулась утроба;
Но мастер по лицу его огрел
Рукой, насколько позволяла злоба <...>

В литературе Треченто барабан обычно упоминается в ансамбле с трубами, рогами, колоколами, *paschere* и дудками (Боккаччо, см. выше).

* * *

Духовые инструменты, упоминаемые в текстах художественной словесности итальянского Треченто, характерны для музыкального быта всей средневековой, в частности, романской, Европы.

Cennamella (*ciaramella*, сицил. *ciarameda*) «свирель», «полевая флейта» – духовой музыкальный инструмент, использовавшийся в эпоху Треченто преимущественно в войсках. Термин восходит к позднелатинскому *salamellus*, уменьшительное от *salamus тростник*, пришедшему в итальянский язык через старофранцузское *chalemel свирель*.

Музыкальный инструмент с таким названием, как следует из контекста *Inf.*, XXII 10, служил для сопровождения боевых действий в ансамбле с другими музыкальными инструментами, зафиксированными в указанном фрагменте из *Комедии* Данте (см. выше).

В позднейшей словесно-художественной традиции название этого музыкального инструмента употреблялось, безотносительно к его функциональному использованию, как поэтический термин, обобщенно называющий этот тип духового музыкального инструмента; так, см. у Дж. Пасколи: *udii nel sonno le cennamelle.*

Cornamusa «волынка». Название этого музыкального инструмента встречается в ранней итальянской литературе только у

Боккаччо в *Декамероне*. Как видно из контекстов, *cornamusa* служила аккомпанементом для танцев. Так, см.: «...» chiamar Tindaro, gli comando che fuori traesse la sua cornamusa, al suono della quale esso fece fare molte danze (VI, C); «...» furono in sul danzare, quando al suono della cornamusa di Tindaro e quando d'altri suon carolando (VII C); «...» far gli uomini carolare senza suono di trombe o di cornamusa? (VIII 7). Существовал и другой термин *zampogna*, *zampogna*, обозначавший разновидность духового инструмента, обычно называемого *во-лынка*, в который воздух вдвухался сверху, а его приток регулировался путем нажимания на отверстия (затыкания отверстий), расположенные на трубках инструмента.

Corno «рог; рожок». В *Комедии* Данте название этого музыкального инструмента встречается один раз. В приводимом ниже фрагменте:

Quiv'era men che notte e men che giorno,
sí che 'l viso m'andavainnanzi poco;
ma io senti' sonare un alto corno,
tanto ch'avrebbe ogne tuon fatto fioco,
che, contra se la sua via seguitando,
dirizzò li occhi miei tutti ad un loco
(*Inf.* XXXI, 10–15).

Но вскоре я услышал зычный рог,
Который громче был любого грома.

Судя по исследованным контекстам, этот музыкальный инструмент, имевший громкий полетный звук (*alto corno* у Данте) и пронзительный тембр, использовался для сопровождения битв, им подавались сигналы к выступлению и другим частям военных действий. Для этих целей *corno* использовался совместно с другими инструментами, имевшими сходные тембровые характеристики, такими как труба. Так, см. у Боккаччо в *Филоколо*: *con una tempesta si di suoni di corni e di trombe e d'altri crudeli strumenti, come del forte strepito* «...» (*Libro 1, 17*).

Tromba «труба». Название этого музыкального инструмента встречается в *Комедии* Данте три раза, и все три раза описываются сходные его функции:

E 'l duca disse a me: «Piú non si desta
di qua dal suon de l'angelica tromba,
quando verrà la nimica podèsta:
ciascun rivedera la trista tomba (...)
(*Inf.* VI, 94–97).

И мне сказал вожатый: «Здесь гния,
Он до трубы архангела не встанет.
Когда придёт враждебный судия (...)

В этом фрагменте труба выступает в сигнальной функции; эпитет *angelica* (*ангельский*) при существительном *tromba* ассоциирует это словосочетание с евангельским смыслом – *трубный глас*, означающий наступление Страшного Суда. Та же функция и во втором контексте:

or convien che per voi suoni la tromba,
pero che ne la terza bolgia state
(*Inf.* XIX, 5–6).

Теперь о вас, казнимых в третьей щели,
Звенеть трубе назначена пора!

Здесь также упоминается использование трубы в сигнальной функции: призывный звук трубы подавался для созыва горожан и сосредоточения их внимания при оглашении постановлений городских властей, либо отмечал начало турнира.

В третьем фрагменте (цитированный выше контекст *Inf.* XXII, 1–12) *trombe* (*трубы*), выступая в ансамбле с *campane*, *tamburi* и *cennamelle* (*колоколами*, *барабанами* и *дудками*), также выполняют призывно-сигнальную функцию, обозначая начало боевых действий и воодушевляя их участников. То же у Боккаччо в *Декамероне*: *nella fine del suo parlare che così fosse, le trombe sonarono e, prese l'armi, dierono de' remi* (...) (IV 4). См. также в *Филоколо*: *dissoluti i nebulosi fummi avvolti ne' sacri templi, le trombe sonarono e i cavalli presti alle fiere battaglie* (...) (Libro 1, 15).

Судя по текстам Боккаччо, труба выступала, как правило, в ансамбле с другими музыкальными инструментами; так, в *Филоколо*: *Tacque l'amiraglio, e le trombe e molti altri strumenti sonarono* (Libro 4, 159); (...) *tacque, e le trombe e gli altri strumenti infiniti riempierono l'aere* (Libro 5, 71). Состав ансамбля, в который могла входить труба, у Боккаччо немного иной, чем у Данте – *trombe*, *nacchere* и *tamburi* (*трубы*, *тарелки* и *барабаны*); так, в *Тезеиде*: (...) *con sua gente lor veniva a fronte. / Allora trombe, nacchere e tamburi / sonaron forte* (Libro 2, 54). Или *trombe* и *corni* (*трубы* и *рога*); так, в *Филоколо*: *dierono segno di gran volontà di combattere, e le trombe sonarono, e corni e altri strumenti molti* (Libro 1, 16). Или *corni*, *nacchere* и *trombette* (*рога*, *тарелки* и «уменьшенная» *труба*); так, в *Тезеиде*: *ho detto, / d'arme, di corni, nacchere e trombette, / di voci messe da' popoli strani* (...) (Libro 8, 5).

Звуками труб приветствовались победители: *a tutti il vincitore, / e 'l molto suon delle trombe sonate / e alti gridi mandati in onore* (...) (*Teseida* Libro 9, 15).

У Петрарки в *Книге Песен* *tromba* встречается один раз, и это употребление входит в состав поэтической фигуры сравнения: *O fortunato, che sí chiara tromba / trovasti, et chi di te sí alto scrisse!* (187, 3–4). С *благородным* = *чистым* звуком трубы (*chiara tromba*)

сравнивается Гомер. Здесь обращает на себя внимание указанная Петранкой тембровая характеристика звучания этого музыкального инструмента. См. также у Петрарки в *Триумфах*: *come chi teme / futuro male, e trema anzi la tromba, / sentendo gia dov'altri ancho nol preme (Triumphus cupid. 3, 86)*³⁷. Вместе с тем, у Боккаччо в *Филоколо* отмечаются иные тембровые характеристики трубы в ансамбле с рогами – *crudeli strumenti, грохочущие инструменты (инструменты с резким тембром громкого звучания)*: *⟨...⟩ con una tempesta sí di suoni di corni e di trombe e d'altri crudeli strumenti, come del forte strepito ⟨...⟩ (Libro 1, 17)*. См. там же – звук трубы характеризуется как *ужасный* (имеется в виду громкость звучания и пронзительность тембра): *presso alla nostra casa udendo il terribile suono delle sonanti trombe, disarmato corsi per le fidate armi, per risalire ⟨...⟩ (Libro 1, 10)*. См. еще в *Тезеиде* Libro 7, 105 и Libro 10, 5.

Весьма показателен фрагмент из *Декамерона* Боккаччо, в котором встречаем указание на то, что труба, как и волынка, сопровождала танец: *che io sappia far gli uomini carolare senza suono di trombe o di cornamusa? (VIII 7)*. См. и ср. в *Филоколо*, где труба звучит аккомпанементом на празднике: *⟨...⟩ cose fatte, rincominciò la festa grandissima, e le trombe e i molti strumenti sonarono ⟨...⟩ (Libro 5, 95)*.

Tuba «труба». В *Комедии* Данте встречается четыре раза. В первом фрагменте труба описывается как музыкальный инструмент, использовавшийся на поле брани в уже знакомых нам функциях:

⟨...⟩ si volse nel vostro occidente,
ove sentia la pompeiana tuba
(*Par. VI, 71–72*).

И вновь пошел на запад ваш, где к брани
Опять зывали трубы помпеян.

В двух других фрагментах Данте ассоциирует этот музыкальный инструмент с областью поэтического творчества: труба, сопровождающая поэтическую песнь – песнь, воспевающую красоту Беатриче:

Cotal qual io lascio a maggior bando
che quel de la mia tuba, che deduce
l'ardua sua matera terminando ⟨...⟩
(*Par. XXX, 34–36*).

Такая, что о ней да воспоёт
Труба звучней моей, не столь чудесной,
Которая свой труд к концу ведёт ⟨...⟩

³⁷ *Petrarca, Francesco. I Trionfi // Le rime sprase e i trifoi. Milano, 1957. Указываются номер главы и стиха.*

Сладостными трубами (*dolci tube*) Данте называет поэтов, воспевающих муз и сирен:

canto che tanto vince nostre muse,
nostre serene, in quelle dolci tube,
quanto primo splendor quel che' refuse

(*Par.* XII, 7–9).

Звук столь певучих труб, что, с ним сравненный,
Земных сирен и муз не ярче звон,
Чем рядом с первым блеском – отраженный.

Однако у Боккаччо в *Тезеиде* звук трубы характеризуется как печальный (*tristo suono*), а сам инструмент – как *горестный* (*la tuba dolente*): *Vennervi i regi, e la tuba dolente / con tristo suono fu apparecchiata (...)* (*Libro 10, 5*). Так, если у Данте характеристика несомненно относится к содержанию того, о чем поют поэты, то у Боккаччо – к ситуации использования этого инструмента.

В еще одном фрагменте поэт указывает на необычайную громкость звучания трубы:

⟨...⟩ ch'om non s'accorge
perché dintorno suonin mille tube ⟨...⟩

(*Purg.* XVII, 14–15).

Воображенье, чей порыв могучий
Подчас таков, что, кто им увлечён,
Не слышит рядом сотни труб гремучей ⟨...⟩

Organo «орган» у Данте встречается слово *orgán*, но не в значении музыкального инструмента; так, см.:

Io mi rivolsi attento al primo tuono,
e «Te Deum laudamus» mi pareo
udire in voce mista al dolce suono.

Tale imagine a punto mi rendea
ciò ch'io udiva, qual prender si suole
quando a cantar con organi si stea;
ch'or sì or no s'intendon le parole.

Purg IX, 139–145.

Я поднял взор, когда она взгремела,
И услышал, как сквозь отрадный гуд
Далёкое «Te Deum» долетело.

И точно то же получалось тут,
Что слышали мы все неоднократно,
Когда стоят и под орган поют,

И пенье то внятно, то невнятно.

В литургическом пении (а Данте упоминает благодарственный *Te Deum*) соединяется слово и певческий голос. Употреблен-

ное здесь слово *orgán* не называет музыкальный инструмент, поскольку до XVI в. орган не сопровождал пение (в том числе в католической церкви). *Organ* означает в Раннем Возрождении «соединение двух и более голосов в консонансе». На протяжении всего Средневековья, включая эпоху Раннего Возрождения, сочинялись многоголосые *consonanze e armonie*, которые назывались *organum*; а выражение и стоящее за ним понятие *ara organando* означало «искусство сочинения для нескольких голосов». «Giovanni XXII con la sua celebre extravagante Docta Sanctorum Patrum dovette intervenire per proibire certe esagerazioni, cui nel comporre detti “organi vocali” si era arrivati. Sulla base della melodia gregoriana si innestavano altre voci, le quali facevan sí che le parole si ascoltassero e non si ascoltassero»³⁸. В средневековой латыни по этому поводу употреблялись такие устойчивые выражения, как *canere cum organo*, *canere ad organum*, *canere in organo*, *canere sub organo* – словосочетания, в которых *organum* имеет вокальный, а не инструментальный смысл. В ранней итальянской словесности встречаются словосочетания *il canto* или *il cantare degli organi* (у Лана, Оттимо, Бути, во *флорентийском анониме*), которые следует понимать в указанном смысле.

См. у Данте в *Паю*: *Diverse voci fanno dolci note* (*Par.* VI, 124). Это – указание на многоголосие, которое и называлось в европейском Средневековье *методом органума*. См. там же:

Da indi, si come vène ad orecchia
dolce armonia da organo, mi vène
a vista il tempo che ti s'apparecchia
(*Par.* XVII, 43–45).

Однако у Боккаччо в *Филоколо* находим уже указание на музыкальный инструмент – водяной орган: ⟨...⟩ *sara celebrata senza suono? Negati ci sono gl'idraulici organi e le dolci voci della cetera d'Orfeo* ⟨...⟩ (*Libro 4*, 121). Боккаччо называет здесь одну из разновидностей органа, водяной орган, знакомый еще музыкальному быту Древнего Рима.

4

Анализ названий и функций музыкальных инструментов, проведенный по данным словесно-художественной традиции итальянского Дудженто-Треченто, прежде всего подтверждает наличие самостоятельной инструментальной музыки в Италии эпохи Раннего Возрождения и тесное единство инструментально-

³⁸ *Casimiri R.* «Quando a cantar con organi si stea...» // *Le conferenze al Laterano*, marzo–aprile 1924, Roma. 1924. P. 123–157.

вокального исполнительства и светской поэзии того времени; при этом вокальная партия имела преимущественно декламационный характер, а музыкальный центр тяжести переносился на инструментальное сопровождение.

Довольно представительный состав музыкальных инструментов и их различное функциональное использование предполагали наличие разнообразных жанров инструментальной (светской, церемониальной и военной), инструментально-вокальной (светской и церковной) и танцевальной музыки; последняя разновидность, по приведенным данным, могла как сопровождаться пением, так и исполняться только для сопровождения собственно танцев.

Исследованные контексты отмечают использование музыкальных инструментов в ансамбле, прежде всего струнном: виола составляла инструментальный ансамбль с лютней (Боккаччо), скрипка – с арфой (Данте); а также в смешанном: трубы, свирели, барабаны, колокола (Данте). Струнные ансамбли оказывались характерными для домашнего музицирования, тогда как смешанные – для сопровождения военных или церемониальных действий.

Таким образом, музыкальный быт обрисовывается в эпоху Дудженто-Треченто как музыкальная практика в трех возможных аудиториях:

а) домашнее музицирование (в кругу семьи, близких родственников и людей сходного социального статуса). Этот тип музицирования предполагал некоторую обученность, наличие досуга и средств для покупки и содержания музыкальных инструментов;

б) музицирование в общественных местах: 1) на площади в кругу горожан, 2) во дворцах в кругу представителей знатных родов и 3) при проведении военных действий. Этот тип музицирования, несомненно, требовал профессиональных музыкантов (*musicì*); их навыки и принадлежавшие им музыкальные инструменты предоставляли этим людям средство к поддержанию их жизнедеятельности.

в) музицирование в местах отправления религиозного культа, также осуществлявшееся публично.

Эти три типа аудитории определяли характер музыкального действия, состав музыкальных инструментов и тип певческого исполнения. Так, для домашнего музицирования использовались арфа, виола, лютня, лира, реже – джига. Эти инструменты сопровождали певческий голос. В военных действиях использовались инструменты, имевшие большую громкость и звучность, большую полетность звучания: труба, туба, барабан, рожок, кастаньеты, литавры, колокол не предназначались для сопровождения певческого голоса. В церковной музыке главным инструментом долгое время оставался только голос, ведущий речитативное пение.

Лишь в XVI веке речитативное пение стало сопровождаться органом.

Более того, различие аудитории для музыкальной деятельности обуславливалось и различными типами организации пространства: в первом случае замкнуто-ограниченного пространства комнаты или сада (в *Декамероне*); широкого открытого пространства во втором случае (площадь, поле битвы) и замкнуто-открытого пространства в третьем случае (интерьер храма), частично во втором (дворцовый зал).

Подобное различие предполагает наличие и развитие соответствующих «родов» музыки. Во-первых, музыка военная, куда не включаются сигналы по управлению военным строем, а только музыка, предназначенная для воодушевления войска во время различных воинских действий. Во-вторых, музыка церемониальная, придворная, которая исполнялась во время государственных праздников, приемов и ритуалов. В-третьих, музыка придворно-развлекательная, исполнявшаяся «на пирах». К последней тесно примыкают жанры, свойственные домашнему музицированию.

И, наконец, музыка церковная. Особенность аудитории церковной музыки определяется внутренним помещением храма: в нем же ученики проходили курс обучения; храм был открыт для прихожан, собиравшихся в нем во время воскресных богослужений и календарных праздников. Такая организация аудитории потребовала создания лишь одного нового музыкального инструмента – органа. Он стал служить для сопровождения литургического пения и управлял литургическим чтением, которое представляло собой речитатив, исполнявшийся ритмически. До его появления литургическое чтение сопровождалось лишь пением.

Музыка же, исполнявшаяся на площадях (как правило, на выходящей на площадь паперти во время представления так называемых мистерий) по характеру и содержанию действия использовала в контаминированном виде выше намеченные «рода» музыки. На папертях разыгрывались прежде всего неканонические мистерии на литургические темы. Для этих мистерий использовался определенный состав музыкальных инструментов: они должны были обладать большой громкостью и звучностью, поскольку представления проходили на открытом воздухе. Кроме того, эти инструменты должны были обладать способностью пробуждать мистические чувства. Для этого они должны были иметь особые тембровые качества, способные внушить благоговение. Поэтому при проведении таких «спектаклей» применялись музыкальные инструменты из особых материалов: металлические трубы и мембранные инструменты, тембр которых мог привести толпу в состояние благоговения.

Характерная особенность этих музыкальных инструментов состоит в том, что помимо своих тембральных качеств, они персонифицировали стихии, представлявшие элементы мира. Исполнение на этих инструментах имело характер мировоззренческий, объединявший аудиторию и представлявший одновременно знание о мире и человеке, т.е. имело познавательные функции.

Создание впоследствии, в эпоху Позднего Возрождения, профессионального сценического искусства в Италии было осуществлено так, что все его части получили свое применение. Были созданы театральные здания, учебные помещения и было развито народное сценическое искусство, например, в виде ансамблей народных инструментов со сценической народной хореографией и декоративной сценической живописью. Традиционное фольклорное и литургическое искусство получили отражение в его сценических формах.

Эти сценические формы искусства связаны с изменением быта, выразившимся в гражданском градостроительстве, в промышленном строительстве, формировании городов как центров торговли и образования, преимущественно светского. Все это формировало сложную технологическую среду, имевшую специфический звуковой образ. Условия бытования звукового образа порождали новые стили звуковой выразительности, отразившиеся во всех исторических формах европейского музицирования.

Благодаря развитию единой общекультурной среды обитания в Италии и, шире, в Западной Европе, каждый слой культуры порождал три типа музыкальной аудитории. В этом троичном делении музыкальной аудитории можно проследить определенную закономерность развития европейской музыки.

Единство вокально-инструментального и танцевального исполнительства способствовало развитию танцевальной музыки и выделению особых танцевальных форм с особым музыкальным сопровождением, как, например, эстампи. Эта форма с характерным трехдольным размером становилась одной из ведущих в практике музицирования; к известным ее вариантам присочинялись новые тексты, либо новые мелодии к уже известным текстам. На неразрывную связь музыки, текста и танца указывал еще Алессандро Читolini: «*Lo special di questa musica istrumentale è diviso in vocale, istrumentaria e saltatoria*»³⁹. Изначальное единство вокальной, инструментальной и танцевальной музыки сказывалось во взаимном влиянии каждой из этих разновидностей на особенности их строения и порождала новые синкретические формы.

³⁹ *Citolini, Alessandro. Tipocosmia. Venezia, 1561. P. 491.*

Рассмотренный конкретный пример представления и осознания феномена музыки на основании языковых данных о музыкальной деятельности в Италии эпохи Раннего Возрождения с очевидностью обнаруживает необходимость филологических оснований в проведении искусствоведческих исследований и интегративного подхода к изучению феномена искусства, поскольку оно развивается в единстве, синтезе своих исторически сложившихся видов, в нерасторжимом единстве слова, музыки, танца, изображения, архитектуры, художественного проектирования, костюма, соединяющихся в сложных знаковых ансамблях, таких, как драматический и музыкальный театр.

Часть 2

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В ЕВРАЗИИ

РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО НА ВОСТОКЕ*

Г.М. Бонгард-Левин, Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов

Одним из самых важных открытий в области христианской археологии в период между Первой и Второй мировыми войнами стало исследование дома христианской общины в Дура-Европос, проведенное в течение четвертого и пятого сезонов раскопок этого памятника (октябрь 1930 г. – апрель 1932 г.).

Первым письменным сообщением, в котором открытый памятник отнесен к раннехристианской культуре – постскрип-тум в письме М.И. Ростовцева К. Хопкинсу от 3 февраля 1932 г.: «Только что получил Ваше письмо от 25 января. Я рад, что Баке прибыл и вы теперь продолжите работу с христианскими фресками. Если необходимо, чтобы Баке оставался еще некоторое время, то есть если нужен дополнительный месяц, думаю, мы найдем деньги для этого»¹. Известно, что об открытии живописи, позволившей идентифицировать памятник,левой директор экспедиции К. Хопкинс немедленно сообщил М.И. Ростовцеву, сначала телеграммой, а затем – письмом. М.И. Ростовцев оповестил об этом открытии Ф. Кюмона в письме от 2 февраля 1932 г.: «... самой сенсационной новостью, которую мне сообщили по телеграфу два или три дня тому назад, – это открытие пяти прекрасных христианских фресок и зала со ступенями. Где и как – я не знаю больше ничего. Если фрески действительно христианские и найдены в святилище, расположенном в юго-западном углу, то эти фрески относятся к периоду, предшествую-

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

¹ См. *Бонгард-Левин Г.М., Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.* История раскопок Дура-Европос 1928–1937 гг. в письмах и документах // *Парфянский выстрел.* М., 2003. С. 94 (Далее – *Парфянский выстрел...*).

щему 232 г. н.э., так как граффити говорит нам, что стена из кирпича, которая закрыла святилище, построена после 232 г. Мы с нетерпением ожидаем более точных данных об этом открытии»².

Ф. Кюмон сразу же ответил М.И. Ростовцеву (письмо от 17 февраля из Парижа): «Я безмерно рад вашим открытиям в Дуре. Поскольку я немного ответственен за то, что Йель выбрал это место для раскопок, я желаю, чтобы результаты их были сколь возможно более блестящими. Барельеф божества из Анатха кажется крайне любопытным. Но значение этого открытия – ничто по сравнению с открытием этих христианских фресок. Христианская живопись начала III века на Евфрате! Это слишком прекрасно, чтобы в это поверить, и я жду уточнений. То, что надеялись найти в Антиохии, вы получили в Дуре»³.

Особый интерес представляет письмо-отчет К. Хопкинса президенту Йельского университета Дж. Эйнджеллу от 10 февраля 1932 г., в котором содержится подробное описание обнаруженных фресок⁴.

Очень скоро последовала реакция на сообщения о сенсационных открытиях. М.И. Ростовцев в письме К. Хопкинсу от 13 февраля 1932 г. констатировал, что это «первая расписанная христианская церковь. Эти фрески можно сравнить с росписью некоторых христианских катакомб в Риме и повсюду, но катакомбы – захоронения, а не церкви»⁵.

В тот же день М.И. Ростовцев в своем письме президенту Дж. Эйнджеллу объясняет значение сделанных открытий: «Нет сомнений, что фрески украшали христианскую церковь и что это древнейшие существующие христианские фрески, так как они должны быть датированы ранним третьим веком по Р. Х.»⁶.

Более подробную информацию М.И. Ростовцев по всей видимости прислал Ф. Кюмону. Во всяком случае письмо Ф. Кюмона от 5 марта 1932 г. из Рима в адрес М.И. Ростовцева, кажется, не оставляет в этом сомнения⁷. В ответном письме М.И. Ростовцева (от 24 марта 1932 г.) сделан важный вывод относительно одной из особенностей этого здания: «Хопкинс писал, что в апсиде он нашел бассейн. Я думаю, что это – баптистерий»⁸.

² М.И. Ростовцев так уверенно говорит о дате потому, что само это здание частично было вскрыто во время предшествующего сезона, но тогда было не ясно его назначение. См. *Hopkins Cl. The Discovery of Dura-Europos* / B. Goldman. New Haven. L., 1979. P. 89.

³ См. Парфянский выстрел... С. 95.

⁴ Там же. С. 98–101.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Там же. С. 105.

⁸ Там же. С. 105.

Практически тогда же (25 марта 1932 г.) М.И. Ростовцев сообщает о сенсационном открытии христианского здания еще одному из своих друзей – У.Л. Вестерманну: «На следующей неделе я планирую приехать в Нью-Йорк. 31 марта (в четверг) во второй половине дня я должен выступить в Метрополитен-музее с докладом о последних раскопках в Дуре. Если вы хотите посмотреть слайды самых интересных находок, в частности, христианских фресок, приходите на мое выступление...»⁹.

Дальнейшая переписка М.И. Ростовцева и Ф. Кюмона дает дополнительную информацию о том, как они оценивали открытие. В этом отношении особо важно письмо Ф. Кюмона от 14 апреля из Рима:

«Я Вас сердечно благодарю за присылку [фотографий] христианских фресок. Это не шедевры искусства. Но их значение для истории христианской живописи огромно. Они сильно заинтересовали всех римских археологов...»¹⁰.

В письме от 23 июля 1932 г. М.И. Ростовцев сообщает Ф. Кюмону о докладе, сделанном им в Папской академии в Ватикане и о реакции аудитории: «Присутствовавшие специалисты поняли значение открытия, и среди романистов заметно было смятение, а среди ориенталистов – радость. После этого доклада я его повторил два раза: для молодых ученых Немецкого института¹¹ и для мадам Э. Стронг¹², которая не присутствовала на моем докладе в Академии...»¹³.

Кроме того, К. Хопкинс сделал доклад на международном конгрессе по христианской археологии, проходившем в 1932 г. в Равенне¹⁴, и, вместе с М.И. Ростовцевым, в Академии надписей и изящной словесности (Париж)¹⁵. Несколько позднее были изданы две статьи П.В. Баура¹⁶.

⁹ См. *Bongard-Levin G.M., Litvinenko Yu.N.* М.И. Ростовцев и У.Л. Вестерманн: диалог историков // Скифский роман. М., 1997. С. 350.

¹⁰ Парфянский выстрел... С. 106.

¹¹ Имеется в виду Римское отделение Немецкого археологического института.

¹² Стронг Евгения (Strong E.) (1860–1943) – известный специалист по искусству, археологии и топографии Древнего Рима, в то время занимала пост заместителя директора Британской школы в Риме.

¹³ См. *Bongard-Levin G., Litvinenko Yu., Bonnet C., Marcone A.* Aperçu préliminaire de la correspondance entre Franz Cumont et Mikhail Rostovtzeff // Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome, LXX. 2000. P. 377–379.

¹⁴ *Hopkins Cl.* The Christian Chapel at Dura-Europos // Atti del III congresso internazionale di archeologia cristiana, Ravenna, 1932. Roma, 1934.

¹⁵ *Rostovtzeff M., Hopkins Cl.* La dernière campagnes de fouilles de Dura-Europos // CRAI, 1932.

¹⁶ *Baur P.V.C.* The Christian Chapel at Dura // AJA, XXXVII, 1933; *Idem.* Les peintures de la chapelle chrétienne de Doura // Gazette des Beaux-Arts, august, 1933.

В 1934 г. вышел в свет предварительный отчет по пятому сезону раскопок в Дура-Европос, в котором о раскопках христианского здания написали К. Хопкинс, П.В. Баур и Э.Д. Нок¹⁷, а также были опубликованы две работы М.И. Ростовцева¹⁸.

На основе опубликованных материалов появилось большое число статей, посвященных исследованию памятников архитектуры и живописи дома христианской общины в Дура-Европос, их места в общей истории христианского искусства¹⁹. Эти материалы рассматриваются и в фундаментальных обобщающих трудах, посвященных проблемам происхождения и ранней истории христианского искусства²⁰. Отметим и позднюю работу К. Хопкинса²¹, а также научно-популярное сочинение М.И. Ростовцева²².

¹⁷ The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report. Fifth Season. October 1931 – March 1932. New Haven – L. Prague, 1934. P. 238–288 (К. Хопкинс описал архитектуру, П.В. Баур и Э.Д. Нок дали анализ живописи).

¹⁸ *Rostovtzeff M.* Christians and Jews at Dura on the Euphrates // VII Congrès International des Sciences Historique. Résumés des communications. T.I. Warszawa, 1933; *idem.* Early Christian and Judean Art in Mesopotamia. Recent Discoveries at Dura-Europos // Proceedings of the British Academy. Vol. 19, 1933.

¹⁹ *Casel O.* Älteste christliche Kunst und Christumysterium // Jahrbuch für Liturgiewissenschaft. 12, 1934; *Gerkan A. von* Die frühchristliche Kirchenanlage von Dura // Römische Quartalschrift. XLII. 1934 (переиздано в: *A. von Gerkan* Von antiker Architektur und Topographie / Ed. E. Boehringer. Berlin, 1959); *Kollwitz J.* Beziehungen zur christlichen Archäologie // Jahrbuch für Liturgiewissenschaft. XIII, 1935; *Kirsch J.P.* La Domus Ecclesiae cristiana del III secolo a Doura-Europos in Mesopotamia // Studi dedicati alla memoria di Paolo Ubaldi. Milano, 1937; *Seston W.* L'église et le baptistère de Doura-Europos // Annales de l'École des hautes-études de Gand, 1937; *Grégoire H.* Les baptistères de Cuicul et de Doura // Byzantion XIII, 1938; *Watzinger C.* Die Christen Duras // Theologische Blätter. XVIII, 1938; *Ferrua A.* Dura-Europo cristiana // Civiltà catolica, anno XC. Vol. 4, 1939; *Grégoire H.* Encore les baptistères de Cuicul et de Doura // Byzantion XIV, 1939; *Quasten J.* Das Bild des Guten Hirten in den altchristlichen Baptisterien und in den Tauf liturgien des Ostens und Westens // Pisciculi. (Antike und Christentum, Ergänzungsband, I). Münster, 1939; *Villard U.M. de.* Le chiese della Mesopotamia. Roma, 1940; *Quasten J.* The Painting of the Good Shepherd at Dura-Europos // Mediaeval Studies, IX; *Villette J.* Que représente la grande fresque de la maison chrétienne de Doura? // RB. LX, 1953; *Grabar A.* La fresque des saintes femmes au tombeau à Doura // Cahiers archéologiques, VIII, 1956; *Weitzmann K.* Narration in Early Christendom Art // AJA. LXI, 1957; *Stern H.* Quelques problèmes d'iconographie paléochrétienne et juive // Cahiers archéologiques. 12, 1962; *Gerkan von A.* Zur Hauskirche von Dura-Europos // Mullus. Festschrift Theodor Klauser (Reallexikon zur byzantinischen Kunst, Ergänzungsband I), 1964.

²⁰ *Morey C.R.* Early Christian Art. Princeton, 1942; *Grabar A.* The Beginnings of Christian Art. L., 1967.

²¹ *Hopkins Cl.* The Christian Chapel at Dura-Europos // St. Joseph Lillies. XXXVI. 2, June 1947. См. также: *Hopkins Cl.* The Discovery... P. 106–118, где он дает свой анализ живописи баптистерия.

²² *Ростовцев М.И.* Дура-Европос и начало христианского искусства // Современные записки. Т. 65, 1937.

Окончательный отчет по раскопкам христианского дома был опубликован в 1967 г.²³ В него были включены также и материалы последующих (после пятого) сезонов²⁴. Все они занимают важное место в исследованиях по проблемам происхождения и ранней истории христианской архитектуры и изобразительного искусства²⁵.

Ограничим себя тремя проблемами, материалы, для решения которых дает рассматриваемый памятник: 1) история распространения христианского вероучения на Восток; 2) положение христианских общин в пределах восточных окраин Римской империи; 3) значение памятника для осмысления эволюции христианской культовой архитектуры и изобразительного искусства.

В контексте первой из обозначенных проблем необходимо отметить, что памятники Дура-Европос практически не находят-ся в научном обороте. Исследователи сосредотачивают свое внимание почти исключительно на данных литературной традиции, что ставит вопрос о репрезентативности их работ.

История христианства на Востоке, в пределах Парфянского, а затем Сасанидского государств, четко распадается на два периода. Первый из них охватывает время от начала Миссии до времени царствования второго из царей Сасанидской династии Шапура I. Это время можно определить как период «естественной Миссии». Распространение христианства на Востоке ничем не отличалось от того, что происходило на Западе – в пределах Римской империи. Начиная со времен апостолов, странствующие христианские миссионеры распространяли вероучение, создавали общины, которые росли в числе и, в свою очередь, порождали новые.

Совершенно иная картина наблюдается во времена Шапура. Победоносные походы персов на Запад в Сирию и Малую Азию

²³ *Kraeling C.H.* The Christian Building. (with a contribution by C.B. Welles) (The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report VIII. Part II. N.Y., 1967).

²⁴ В следующем сезоне были сняты те фрески, которые не смогли снять в предшествующем сезоне. Росписи были отправлены в Йель. В сезоне 1933–1934 гг. Пирсон продолжил изучение архитектурных остатков, им же были выполнены все чертежи. Он показал, что здание, перестроенное для христианского культа, первоначально представляло собой обыкновенный жилой дом (*Kraeling C.H.* The Christian... P. V–X).

²⁵ См., например, *Krauthheimer R.* Studies in Early Christian, Medieval and Renaissance Art. N.Y. – L., 1969; *Deichman F.W.* Archeologia cristiana. Roma, 1983; *Snyder G.F.* Ante Pacem. Archaeological Evidence of Church Life before Constantine. Mercer, 1985; *Milburn R.* Early Christian Art and Architecture. Berkley – Los Angeles, 1988; *Thiede C.P.* The Heritage of the First Christians. Oxford, 1992; *Frend W.H.C.* The Archaeology of Early Christianity. L., 1996; *Беляев Л.А.* Христианские древности. М., 1998.

в середине III в. н.э. имели своим результатом массовые депортации населения в пределы Сасанидского государства. Значительная часть депортированных уже приняла христианство. Помимо простых верующих в числе депортированных оказывались и представители клира, например, епископ Антиохии. Результатом стало не только увеличение числа христиан в ряде районов Сасанидского государства, но и возникновение в некоторых городах сразу двух общин, каждая во главе со своим епископом. При этом местная община, как правило, пользовалась сирийским языком, а община из депортированных – греческим. Позднее, церкви Востока пришлось приложить немало усилий для того, чтобы интегрировать подобные общины.

Материалы о христианской общине Дура-Европос особенно важны для ученых – она существовала целиком в рамках первого периода: сам город был разрушен именно во время походов Шапура I в 50-е годы III в.

Проблема распространения христианского вероучения на Востоке занимает второстепенное место в общих штудиях по проблемам христианской миссии. Основное внимание исследователей, как правило, обращено на Запад. Источниковая база истории экспансии христианства на Запад гораздо более значительна и понятна, чем корпус источников, характеризующих христианскую миссию на Востоке. Подобная ситуация – объективная реальность. Но есть еще некоторые обстоятельства, скорее, субъективного характера. Среди исследователей существует определенная степень предубежденности, порожденная, в значительной мере, религиозными пристрастиями. Иногда она проявляется самым неожиданным образом. Так, например, в высшей степени объективный и добросовестный исследователь К. Краелинг свой анализ начала христианской миссии на Восток начинает с утверждения, что это сделать трудно, поскольку данный регион – «достаточно отдаленная часть античного мира»²⁶. Однако при этом он забывает, что Месопотамия расположена неизмеримо ближе к Палестине, чем Рим, не говоря уже о Галлии, Германии или Испании.

Проблема евангелизации Востока не обеспечена достаточным количеством источников. Многие из них – позднего происхождения и малодостоверны. Но, с другой стороны, нельзя не отметить, что информация, содержащаяся в этих источниках, многими исследователями отвергается огульно, хотя несомненно, что даже из поздних источников, пристрастных и в некоторых отношениях легендарных, можно извлечь определенное количество фактов, адекватно отражающих реальность.

²⁶ Kraeling C.H. The Christian... P. 102.

Древнейшим свидетельством начала христианской миссии на Востоке можно считать сообщение в «Деяниях апостолов» о сборе в Иерусалиме на праздник Пятидесятницы (Деян: 2, 8–12) иудеев из различных регионов. Очень показателен этот список: «парфяне, и мидяне, и еламиты, и жители Месопотамии, Иудей и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудей и прозелиты, критяне и аравитяне»²⁷. Первыми в списке, что, очевидно, подчеркивает их значение, поставлены иудеи из стран, входящих в состав Парфянского царства. Исходя хотя бы из этого, кажется, нет оснований, как это, однако, часто делается, преуменьшать значение христианской миссии, обращенной к Востоку.

Из Восточного Средиземноморья в пределы Парфянского царства вело несколько путей. Особое значение имели три пути.

Первый шел из Малой Азии, пересекая Евфрат у Милитены, в направлении к северо-восточным рубежам бассейна Тигра и Евфрата – к Забдикене (Бет Забдай) и Адиабене (Бет Гармай)²⁸. Второй путь – из Сирии через Долихе к Зевгмам, где осуществлялся переход через Евфрат; а затем вел в направлении к Каррам, Эдессе и Сингаре²⁹. Имелся также третий путь, который шел вдоль Евфрата на юг, в Месею. Для нашей темы этот путь наиболее интересен, поскольку он проходил через Дура-Европос. В отличие от того, что пишет К. Кредлинг, исследовавший этот вопрос, необходимо отметить, что начальная часть этого пути имела два варианта. Первый шел из Сирии через Зевгмы (как и второй), а затем поворачивал на юг. На участке от Зевгмы до Селевкии на Тигре он повторял старую парфянскую «царскую дорогу», о которой писал Исидор Харакский. Вторым вариантом начала третьего пути – из Сирии через Сирийскую пустыню и Пальмиру, к Евфрату несколько севернее Дура-Европос. Окончание этого пути было в Месене, на берегах Персидского залива.

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что христианские миссионеры двигались по этим путям в составе

²⁷ О значении этого свидетельства см. *Haencken E.* The Acts of the Apostles. A Commentary. Oxford. 1971. P. 175; *Tisserant E.* L'Eglise nestorienne // Recueil Cardinal Eugène Tisserant. «Ab Oriente et Occidente». Т. I, 1985. P. 142; *Левинская И.* Деяния апостолов. Историко-филологический комментарий. Главы I–VIII. М., 1999. С. 112–125; *Asmussen J.P.* Christians in Iran // The Cambridge History of Iran. Vol. III (2). Cambridge, 1983. P. 924.

²⁸ *Kraeling C.H.* The Christian... P. 104.

²⁹ *Op. cit.*

(и под защитой) караванов³⁰. Сохранилось много свидетельств о пальмирских караванах, достаточно часто ходивших из Пальмиры в Селевкию на Тигре, Вологазокерт и столицу Месены – Спасину Харакс.

У христиан Востока сложилась собственная традиция в представлениях о начале и развитии христианской миссии в регионе. Когда великий периодевт несторианской церкви раббан Саума в конце XIII в. встречался в Риме с кардиналами католической церкви, на их вопросы о том, кто из апостолов проповедовал в той стране, откуда он пришел, отвечал: «Мар Фома, мар Аддай и мар Мари проповедовали в нашей стране»³¹. Можно полагать, что мар Саума, перечисляя миссионеров в хронологическом порядке, не случайно поставил на первое место апостола Фому³². Подтверждение этому содержит и христианская сирийская традиция. В частности, в этом произведении прямо утверждается, что Аддая направил в Эдессу Фома³³, что предполагает приоритет последнего.

Таким образом, древнейшим свидетельством о христианской миссии в этом регионе можно считать «Деяния апостола Фомы». Мы уже отмечали, что в основе этого произведения лежат реальные факты, сохранившиеся в восточно-христианской традиции, которые, однако, подверглись определенной трансформации в Эдессе, возможно, в кругах учеников Бардесана³⁴. Самый спорный пункт – маршрут путешествия апостола в Индию. Апостол прибывает туда по морю, но очень странным выглядит его путь – из Палестины на корабле. Поскольку из Палестины прямого морского пути в Индию не существует, то нужны были промежуточные пункты, откуда корабли уже прямым путем плыли в Индию. Таких промежуточных пунктов было два: Египет (путь

³⁰ О связи миссионерской деятельности с караванной торговлей имеются прямые указания источников. Так, в «Хронике Арбелы» в рассказе о приходе Мазры, епископа Бед Забдай в Адиабену для проповеди сообщается о том, что «прибыл с караваном купцов» (Die Chronik von Arbela. Übersetzt von P. Kawerau. Louvain, 1985. S. 21). В «Деяниях Фомы» отправление апостола в Индию совершается также с помощью купца Хаббана (Деяния Иуды Фомы апостола // *Меццская Е.Н.* Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М., 1997. С. 156). В Эдессу с Востока приходят под видом купцов персы, желающие приобщиться к христианскому вероучению. См. Учение Аддая апостола. Перевод // *Меццская Е.Н.* Указ. соч. М., 1997. С. 103.

³¹ История мар Ябалахи III и мар Саумы // *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000. С. 700.

³² Подробнее см. *Кошелев Г.А., Гаилов В.А.* Проблемы изучения миссии апостола Фомы // Проблемы истории, филологии, культуры. X. М. – Магнитогорск, 2001. С. 31.

³³ Подробнее см.: Там же. С. 30.

³⁴ Там же. С. 31; см. также: Thomas // *Dictionnaire encyclopédique du christianisme ancienne*. II. 1990, s.v.

по Красному морю и Индийскому океану) и Месена (путь по Персидскому заливу и Индийскому океану). Поскольку в тексте нет указаний ни на один из этих маршрутов, то решить этот вопрос не представляется возможным. Можно только предположить, что более предпочтительным является второй вариант, поскольку традиция об апостоле Фоме (традиция в целом, а не только «Деяния») слишком тесно связывает его с Парфией³⁵.

Исходя из этого, можно полагать, что апостол Фома, путешествуя по Месопотамии, проповедовал, а также посылал своих учеников в различные города региона. Таким образом, необходимо датировать начало христианской миссии в Месопотамии 50-ми гг. I в.³⁶ Но первоначально она развивалась достаточно медленно.

Традиция о распространении христианства в Эдессе наиболее полно представлена в «Учении Аддая (Фаддея) апостола»³⁷, но в более краткой форме она зафиксирована и в других произведениях³⁸. Согласно этому сочинению, царь Осроены Авгар (столицей которой был город Эдесса), узнав о деятельности Христа в Палестине, посылает к нему своих сановников и доверенное лицо – архивиста Ханнану (Аннанию) с приглашением прибыть в Эдессу. Христос отказывается, поскольку его судьба на земле предрешена, но обещает послать к нему одного из своих учеников. Позднее апостол Фома посылает в Эдессу Аддая, который вылечивает царя и совершает множество чудес. Благодаря этому почти все население города крестится, здесь строятся церкви, отсюда распространяется христианство на Восток.

Уже давно было доказано, что «Учение Аддая апостола» – благочестивая легенда, созданная в Эдессе для возвеличивания истории собственной церкви³⁹. В нем содержится слишком много

³⁵ См. также *Huxley G. Geography in the Act of Thomas // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 24, 1983. P. 72–75.*

³⁶ Согласно традиции Церкви христиан св. апостола Фомы в Индии, его прибытие сюда датируется 52 г., а его мученическая кончина имела место в 68 г. См. *Lévi S. Notes sur les indo-scythes // JA, 9 série. T. IX, 1897. P. 29–41.*

³⁷ См. *Меццерская Е.Н. Легенда об Авгаре – раннесирийский литературный памятник. М., 1984; Учение Аддая апостола... С. 77–111.*

³⁸ Например, рассказ об этом содержится в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. См. *Euseb. Hist. Eccl. I. 13; II. 1, 6–8.* В этом тексте, как и в ряде других грекоязычных произведений, имя апостола – Фаддей. Любопытный вариант легенды содержится в армянском Синаксаре (*Le synaxaire armenien de Ter Israel publié et traduit par L.Dr.G. Vayan // Patrologia Orientalis. T. V. P., 1910. P. 420–421*). В нем апостол Фома посылает своего брата Фаддея в Эдессу, к царю Армении Абгару.

³⁹ Особенно подчеркивалось то обстоятельство, что Абгар – первый в истории царь, принявший христианство. См. *Segal J.B. Edessa, «the Blessed City». Oxford, 1970. P. 63.*

анахронизмов, указывающих на то, что окончательную форму это произведение приобрело в III, возможно, даже IV в., вероятнее всего, – в бардесанитских кругах⁴⁰. Считается, что другое произведение, специально посвященное данному персонажу, – «Деяния апостола Фаддея» – еще менее достоверно; кроме того, он, согласно тексту, даже не смог прибыть в Эдессу, а остановился в Амиде (Диярбекир)⁴¹. Соответственно, встает вопрос о соотношении этой легенды с реальной картиной истории распространения христианства в Эдессе.

Факты, которые бесспорно говорят о раннем этапе христианского присутствия в Эдессе, следующие: в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского под 197 г. впервые упоминается христианская община Осроены в связи с широко дебатировавшимся тогда вопросом о том, когда нужно праздновать Пасху (Euseb. Hist. Eccl. V, 23, 2–3)⁴²; в «Хронике Эдессы» под 201 г. сообщается о грандиозном наводнении, в результате которого была разрушена христианская церковь⁴³; в ней же отмечаются следующие события, связанные с христианской историей: выход Маркиона из католической церкви (под 107 г. н.э.), рождение Бардесана (153 г. н.э.)⁴⁴; с 312 г. начинаются упоминания епископов Эдессы и их деятельности и т.д.⁴⁵ Необходимо в связи с этим отметить, что нет никаких указаний на принятие христианства каким-либо из царей Осроены. Вплоть до момента перехода страны под полную власть Рима царская династия в Эдессе оставалась языческой⁴⁶. Однако

⁴⁰ О конце III в. как наиболее вероятной дате см.: *Moffett S.H.* A History of Christianity in Asia. Vol. I. Beginnings to 1500. San Francisco, 1992. P. 25. Идея о связи «Деяний апостола Фомы» с бардесанитскими кругами высказывалась уже в XIX в., см.: *Gutschmid A.* von Die Königsnamen in der apokryphen Apostolgeschichte // *Rheinische Museum.* N.F. Bd. XIX, 1869. S. 161–183; 380–401 (= Kleine Schriften. Bd. II. Leipzig, 1890. S. 332–394). См. также *Tisserant E.* L'Église nestorienne... P. 143; *Millar F.* The Roman Near East. 31 BC – AD 337. Cambridge (Mass.) – L., 1993. P. 363. Вместе с тем, нельзя согласиться с отнесением времени создания «Учения Адаа апостола» к V в., поскольку уже у Евсевия (со ссылкой на эдесские архивы) полностью представлено все основное содержание легенды. См. *Duval R.* Histoire politique, religieuse et littéraire d'Edessa jusqu'à la première croisade. Paris, 1982. P. 90–91.

⁴¹ *Tixeront J.* Les origines de l'Église d'Édesse et la légende d'Abgar. Paris, 1888. P. 69 sq.; *Tisserant E.* L'Église nestorienne... P. 144.

⁴² *Duval R.* Histoire... P. 113.

⁴³ Эдесская хроника // *Пигулевская Н.В.* Указ. соч. С. 468.

⁴⁴ О нем см. *Drijvers H.J.W.* Bardaisan of Edessa. Assen, 1966.

⁴⁵ Эдесская хроника // *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая... С. 469–470.

⁴⁶ *Millar F.* The Roman... P. 463–464, 475. Однако некоторые исследователи продолжают думать, что все-таки при Абгаре Великом христианство было принято царствующей династией. См. *Asmussen J.P.* Christians in Iran... P. 926.

это обстоятельство не может рассматриваться как решающее. Современник событий, лично бывавший в Эдессе Секст Юлий Африкан характеризует царя Абгара Великого как «святого человека», «в высшей степени благочестивого и ученого», но нигде не говорит о принятии им христианства. Подобная характеристика могла означать, что царь Абгар был благожелательно настроен по отношению к христианам, хотя сам и не стал христианином⁴⁷. В связи с этим необходимо напомнить, что и император Константин, признанный позднее святым, принял христианство только на смертном одре, оставаясь в течение всей жизни формально язычником. Таким образом, можно считать, что в основе легенды лежали некоторые реальные факты, и что сама легенда не была полностью вымышленной⁴⁸.

Есть основания полагать, что распространение христианства в Эдессе началось во II в., может быть, в конце I в. н.э.⁴⁹ Для того, чтобы создать церковь, о разрушении которой упоминается в городской хронике, естественно, нужно, чтобы это здание было достаточно крупным и значимым в системе городской застройки⁵⁰, а это в свою очередь требует существования в городе многочисленной и влиятельной христианской общины. Точно так же для того, чтобы в христианской среде города появился деятель такого ранга, как Бардесан, нужна не только многочисленная христианская община, но и соответствующая интеллектуальная христианская среда. Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что в «Эдесской хронике» (при всей краткости ее основной части) упоминается выход Маркиона из католической церкви, что свидетельствует о многочисленности и влиятельности его сторонников в Эдессе. Не зря несколько позднее Бардесан создал ряд полемических произведений против маркионитов⁵¹.

⁴⁷ См. *Segal J.B. Edessa...* P. 70.

⁴⁸ *Ibid.*

⁴⁹ *Drijvers H.J.W. Cults and Beliefs at Edessa. Leiden, 1980. P. 193; Segal J.B. Edessa...* P. 65.

⁵⁰ Помимо безличных упоминаний о домах и лавках, разрушенных наводнением, специально упоминаются только царский дворец, портик у реки и христианская церковь. В связи с этим необходимо обратить внимание на толкование этого места П. Каверая (*Kawerau P. Ostkirchengeschichte. I. Das Christentum in Asien und Afrika bis zum Auftreten der Portuguisen im Indischen Ozean (Corpus scriptorum christianorum orientaliu. Vol. 451. Subsidia. Tomus. 70). Lovani, 1983. S. 6*), который указал, что сирийский термин «хайкал», употребленный для обозначения этого здания, переводится как «большой храм». Поэтому представляется неоправданным мнение Ф. Миллара (*Millar F. The Roman... P. 474*) о том, что эта церковь напоминала дом христианской общины в Дура-Европос.

⁵¹ *Drijvers H.J.W. Cults...* P. 193.

Кроме того, апостол Аддая упоминается в ряде других восточнохристианских произведений⁵², которые всегда в хронологическом контексте указывают на конец I в. н.э.⁵³ Можно, следовательно, предполагать, что именно это время – самое начало проникновения христианства в Эдессу. Согласно «Учению Аддая апостола», преемником Аддая стал Аггай, который «поставил священников и наставников во все области Междуречья»⁵⁴.

Материалы из самой восточной части региона – Адиабены и Забдикены говорят о присутствии христиан в этом районе также в конце I в. н.э.⁵⁵ Согласно данным «Хроники Арбелы»⁵⁶, первым

⁵² Например, в сирийском тексте *Didascalia Apostolorum* (издана: *Ancient Syriac Documents / W. Cureton. L., 1864. P. 33*; переиздано – Amsterdam, 1967), датируемом примерно 250 г. н.э., говорится об Аддае как просветителе Эдессы.

⁵³ Загадочным для нас остается одно из упоминаний Фаддея (Аддая) в христианской традиции. Начало ей положили слова апостола Павла а его «Первом соборном послании»: Ἀσπάζεται ὑμᾶς ἡ ἐν Βαβυλῶνι συνεκλεκτῇ, которое в Синодальном переводе представлено следующим образом: «Приветствует вас, избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне» (1. Петр. 5, 13), причем курсивом, как отмечено в примечаниях, выделены слова, отсутствующие в оригинале и вставленные в перевод для пояснения мысли автора. Продолжением является развитие этой мысли у Космы Индикоплова, который, кстати, был убежденным несторианином. В своем труде он кратко коснулся и проблемы распространения христианства на Востоке (см. *Cosmas Indicopleustes. Topographie chretienne. T. I. Introduction, texte critique, illustration, traduction et notes par W. Wolska-Conus. P., 1968*): «Действительно, именно на земле римлян во времена апостолов впервые распространилось Христово послание, а тут же за этим и в Персии благодаря посредству апостола Фаддея. И действительно, ведь написано в Соборных посланиях: «Церковь, которая в Вавилоне, тебя приветствует» (Ἐν γῆ γάρ Ῥωμαίων γῆ πρώτων ἐπὶ τῶν ἀποστόλων διέδραμε τὸ χριστιανικὸν κήρυγμα καὶ εὐθέως πάλιν ἐν Περσίδι καὶ Θαδδαίου τοῦ ἀποστόλου. Ἀμέλει καὶ ἐν ταῖς καθολικαῖς γέγραπται ὁσπάζεται σε ἡ Βαβυλῶνι ἐκκλησία – II, 27). Таким образом, Косма твердо связал возникновение христианской церкви в Вавилоне с апостольской эпохой и назвал Аддая (Фаддея) основателем ее, чем выразил общее мнение одной из ветвей несторианской традиции.

⁵⁴ Учение Аддая... P. 109. В более краткой форме об Аггае, как преемнике Аддая, действующего на территории Персии, в *Didascalia Apostolorum* (*Ancient Syriac...*). P. 33.

⁵⁵ *Kraeling C.H. The Christian... P. 106; Kawerau P. Ostkirchengeschichte... S. 10; Asmussen J.P. Christians in Iran... P. 925; Neusner J. The Conversion of Adiabene to Christianity // Numen, 13. 1966. P. 144–150.*

⁵⁶ Памятник был открыт только в самом начале XX в. Первым издателем и переводчиком его был А. Миньяна (*Mignana A. Sources syriaques. I. Mossoul, 1907*), перевод на немецкий язык осуществил Э. Захай (*Sachau E. Die Chronik von Arbela. Ein Beitrag zur Kenntnis des ältesten Christentums im Orient // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaft, Jahrgang 1915. Phil.-Hist Klasse. № 6. S. 12–17*). На высокую ценность этого источника указывал такой выдающийся специалист как М. Харнак (См. *Harnack M.A. von Die Mission und Ausbreitung des Christentums. 4 Aufl. T. II, Leipzig, 1924. S. 683–691*). В дальнейшем историческая ценность «Хроники» была подвергнута резкой критике (*Peeters P. Le «passion-*

епископом в Арбеле был Пекида (примерно 104–106 гг.)⁵⁷, которого лично рукоположил апостол Аддай⁵⁸. Однако после его смерти Адиабена оставалась в течение шести лет без епископа, и только позднее епископ Забдикены Мазра рукоположил дьякона Шемшона⁵⁹, после мученической смерти которого во главе христиан этого региона встал (после разрыва в 12 лет) епископ Исаак. Характерно, что только в связи с последним говорится о многочисленности христиан в Адиабене⁶⁰. Таким образом, история христианства в Эдессе и Адиабене оказываются связанными хронологически и персонально, поскольку апостол Аддай рукоположил первого епископа Арбелы.

Наличие христианского населения в Нисибине во II в. подтверждается и документально – на некрополе малоазийского города Иераполь была найдена надгробная надпись (датируемая концом этого века) епископа Аберкия, в которой сообщается о том, что он побывал на полях Месопотамии и встречал там «наших братьев», даже в Нисибине⁶¹. В его «Житии» упоминается

naires d'Adiabène» // *Analecta Bollandiana*. Т. XLIII, 1925. P. 261–304). В результате, ряд современных исследователей полностью отказывают ей в достоверности (*Fiey J.-M. Auteur et date de la Chronique de l'Arbèles // L'Orient syrien*, XII, 1967. P. 265–302). Однако, переведивший произведение на латинский язык П. Зорелли (*Chronica Ecclesiae Arbelensis ex idiomate Syriaco in Latinum vertit // Orientalia christiana*. Т. VIII fasc. 4. № 31. Roma, 1927) и Каверу, осуществивший новый перевод на немецкий и детальное исследование текста (*Die Chronik von Arbela...*), склонны отвергать взгляды Пеетерса, как гиперкритические. Критические замечания Фиеа на это издание (*RHE* 81, 1986. P. 544–548) не добавили ничего принципиально нового к дискуссии. Наиболее распространена в настоящее время точка зрения (представленная в ряде работ), согласно которой в «Хронике Арбель», несмотря на ряд анахронизмов (естественных в такого рода произведениях), присутствует заслуживающая доверия информация относительно ранней истории христианства на Востоке, в частности, в Северной Месопотамии. См. *Chamont M.-L. La christianisme de l'Empire iranien des origines aux grandes persécution du IVème siècle (CSCO, 499)*. Louvain, 1988. P. 29–38. Сходные мысли присутствуют и в работе Н.В. Пигулевой (*Пигулевская Н.В. Города Ирана в раннем средневековье*. М. – Л., 1956. С. 141–145). Точно так же Й. Асмуссен считает, что в произведении сохранена ценная «монастырская» традиция (*Asmussen J.P. Christians in Iran...* P. 925).

⁵⁷ Мы пользуемся датировками, предложенными Каверу, которые на несколько лет расходятся с датировками Э. Заху.

⁵⁸ *Die Chronik von Arbela...* S. 19; Segal J.B. Edessa... P. 65.

⁵⁹ *Ibid...* S. 21.

⁶⁰ *Ibid...* S. 24.

⁶¹ *Duchesne L. L'épithaphe d'Abercius // Mélanges d'archéologie et d'histoire*. XV, 1895; *Ramsay W.M. The Sites and Bishoprics of Phrigia*. Vol. II. Oxford, 1897. P. 709–715; *idem Studies in History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire*. Vol. II. L., 1906. P. 656; *Abel A. Étude sur l'inscription d'Abercius // Byzantion*, III, 1926; *Segal J.B. Edessa...* P. 69; *Snyder G.F. Ante Pacem...* P. 138–140;

встреча с Бардесаном – факт, который, видимо, является исторически достоверным⁶². Начало христианизации города Карка де Бет Солок относится, согласно местной хронике, по крайней мере к 171 г.⁶³ К концу парфянского периода в этом регионе насчитывалось, согласно «Хронике Арбелы», примерно двадцать отдельных общин во главе со своими епископами⁶⁴.

Во II в., согласно «Хронике Арбелы», христианство проникает и в Месену, где к 222 г. уже появляется свой епископ. Хотя иногда высказываются сомнения в достоверности этого свидетельства⁶⁵, серьезных оснований для этого нет. Месена сыграла выдающуюся роль в распространении христианства по всему Востоку⁶⁶.

С Аддаем и его учеником Аггаи связан и св. Мари, которому, согласно восточно-христианской традиции, принадлежит заслуга распространения христианства в центральной части Междуречья. Мари в этой традиции считается учеником Аддая. Согласно «Деяниям св. Мари апостола»⁶⁷, он совместно с Аггаи проник сначала в область, расположенную между Тигром и Малым Забом, которая имеет своим центром Арбелу; затем он спустился по дороге, которая шла по предгорьям Иранского плато, пересек Бейт Гармай, оттуда спустился между Диалой и Адхемом, основал епископскую кафедру в Кашкаре, в Нижней Месопотамии, откуда отправился в Сузиану и стал проповедовать христианское вероучение в столице Селевкии-Ктесифоне (куда сначала он не смог проникнуть), основав здесь епископскую кафедру, добирался до Персидского залива. Умер он в Дора де Кони⁶⁸, перед смертью на-

Беллев Л.А. Указ. соч. С. 113–114. Высказывавшиеся иногда сомнения в христианской принадлежности документа (*Ранович А.Б.* О раннем христианстве. М., 1959. С. 149) объясняются излишним рвением в атеистической пропаганде. Даже самые резкие критики христианской традиции (*Каждан А.П.* От Христа к Константину. М., 1965. С. 53) сейчас не отвергают христианской принадлежности лица, оставившего эту надгробную надпись.

⁶² *Drijvers H.J.W.* Bardaisan... P. 170–171; *Asmussen J.P.* Christians in Iran... P. 927.

⁶³ *Fiey J.M.* Ver la réhabilitation de l'Histoire de Karka d'bét Slök // *Analecta Bollandiana*. Т. 82, 1964. P. 190–191.

⁶⁴ *Mignana A.* The Early Spread of Christianity in Central Asia and Far East: A new Document // *Bulletin of the John Rylands Library*. Vol. 9, № 2, 1925. P. 298–299.

⁶⁵ *Lieu S.N.C.* Manichaeism in Mesopotamia and Roman East. Leiden-N.Y.-Köln, 1994. P. 5–6.

⁶⁶ *Chaumont M.-L.* La christianisme... P. 11, 21–22.

⁶⁷ *Abbeloos J.-B.* Acta Sancta Maris, Assyriae, Babyloniae, ac Persidis secula I Apostoli // *Analecta Bollandiana*. Т. IV, 1885. P. 43–138. О значении этого источника см. *Kawerau P.* Ostkirchengeschichte... S. 9–10.

⁶⁸ О местонахождении этого пункта см. *Kollaparambil J.* The Native Place of Thomas Kinayi // V Symposium Syriacum. 1988. Katholieke Universiteit, Leuven, 29–31 août 1988. Roma, 1990. P. 383–391; *idem.* The Babylonian Origin of the Southist among the St. Thomas Christians. Roma, 1992. P. 1–2.

значив преемником своего ученика Папа. Эта информация очень часто полностью отвергается как не имеющая исторической достоверности и сочиненная только для того, чтобы доказать древность ряда упомянутых в сочинении церквей, находившихся в последующее время под юрисдикцией католиков Церкви Востока. При этом одним из основных аргументов является то обстоятельство, что имя Папа появляется в списке, представленном Мари, Амром и Шлибой, только во второй половине III и начале IV в. н.э.⁶⁹

Эти авторы⁷⁰ дают иной список епископов Селевкии-Ктесифона: после Мари следуют Абрес (90–107 гг.), Авраам (130–152 гг.), его сын Иаков (172–190 гг.), Ахадабухи (205–220 гг.), наконец, Шахлупа (220–227 гг.). При этом описание деятельности Мари, в основном, совпадает с тем, что приписывается ему в «Деяниях». В поздней сирийской традиции сохранялась и информация о первых епископах Селевкии-Ктесифона, практически полностью совпадающая с приведенной⁷¹. Хотя начало рукописи очень пострадало, но все же текст позволяет утверждать, что автор связывает начало миссии с апостолом Фомой; упоминается Абрес, который во времена Симона, епископа Иерусалима, был послан на Восток. Присутствует также Авраам, который якобы излечил царицу от какой-то душевной болезни. Относительно Иакова сообщается, что он получил в один день все священные чины и т.д.

Ряд исследователей считают, что в период между 79 и 116 гг. в Селевкии-Ктесифоне была основана первая церковь, ставшая позднее патриаршей⁷². При этом важнейшим доказательством историчности миссии апостола Мари является тот факт, что рас-

⁶⁹ См., например, *Tisserant E. L'Église nestorienne...* P. 144.

⁷⁰ Список патриархов несторианской церкви с характеристикой каждого из них (вплоть до середины XII в.) был дан Мари ибн Сулейманом в составе его книги «Башня». Амр ибн Маатай написал двумя веками позднее книгу под тем же названием, включив в нее (правда, в сокращенном виде) труд своего предшественника, но одновременно он в некоторых местах ее расширил, доведя до 1329 г. Эту работу почти немедленно несколько переработал житель Мосула Шлиба ибн Яханна. Текст был издан с латинским переводом в конце XIX в. См. *Maris Amri et Slibae De patriarchis nestorionorum commentaria. Ex codicibus vaticanis editis et latine redditis H. Gismondi. Pars altera. Amri et Slibae textus. Versio latina. Romae, 1897.*

⁷¹ *La chronographie d'Élie Bar-Šinaya, métropolitain de Nisibe. Traduit pour la première fois d'après le Manuscrit Add. 7197 du Musée Britannique par L.-J. Delaporte. Paris, 1910.*

⁷² *Fiey J.M. Les communautés syriaques en Iran des premières siècles à 1552 // Commemoration Cyrus. Actes du Congrès de Shiraz 1971. Hommage universel, III (Acta Iranica). Téhéran-Liège, 1974. P. 280.*

сказ о его пребывании в этом районе полностью согласуется с исторической географией – в период между 79 и 116 гг. течение реки Тигр изменилось – обстоятельство, которое не могли «изобрести» более поздние авторы⁷³. Особое внимание необходимо обратить на значительные хронологические лакуны, разделяющие некоторые из периодов епископств.

Однако, у некоторых исследователей подлинность этого списка вызывает сомнения, особенно в отношении первых трех имен⁷⁴. Иногда считают, что подлинными являются имена Абреса, Ахадабухи и Шахлупа, поскольку первое из них – явно персидское, остальные – сирийские. Имена же Авраама и Иакова нужно из списка убрать, поскольку это обычные, постоянно встречающиеся имена⁷⁵. Действительно, на всем протяжении истории Церкви Востока и среди клириков, и среди мирян библейские имена были очень популярны, но почему этот факт должен свидетельствовать против подлинности информации, остается неясным. Й. Асмуссен, к примеру, напротив, считает, что еврейские имена преемников Пекиды, первого апостола Арбелы, являются ярким доказательством аутентичности традиции⁷⁶.

Таким образом, с определенной долей уверенности можно утверждать, что начало проникновения христианства в Месопотамию и Вавилонию началось достаточно рано, в 50-е годы I в. н.э.: в это время возникли отдельные общины, еще достаточно слабые и разрозненные. Важный этап в распространении христианства – конец века и начало следующего. События этого периода нашли отражение в ряде письменных источников, напрямую не связанных друг с другом, и это придает определенную достоверность традиции. Особая роль в этом процессе принадлежит Адиабене и Забдикене. Но в это же время, вероятно, возникает и христианская община в столице Парфянского царства. II век н.э. – время широкого распространения христианства во многих районах за Евфратом⁷⁷, особенно в Эдессе и Осроене. Появляются свои теологи, и происходит общая «интеллектуализация» христианской среды в этих регионах. Необходимо отметить, что Бардесан в книге «Законов стран» (изданной его учеником Филиппом)

⁷³ Fiey J.M. Topographie chrétienne de Mahozé // L'Orient Syrien. XII, 1967. P. 402–403.

⁷⁴ Tisserant E. L'Église nestorienne... P. 144.

⁷⁵ Labourt J. Le christianisme dans l'empire perse sous la dynastie sassanide (224–632). P., 1904. P. 17.

⁷⁶ Asmussen J.P. Christians in Iran... P. 925.

⁷⁷ См., например, Ploeg J.P.M. van der Le christianisme en Perse sassanide // Persica, 1975–1978. № VII. P. 137; Asmussen J.P. Op. cit. P. 928.

перечисляет те страны, где представлены «наши братья»⁷⁸. В этот список входят (на Востоке): Парфия, страна Гелов, Персия, страна Кушан, Мидия, Эдесса, Хатра⁷⁹. Вряд ли можно сомневаться в достоверности этой информации.

Соответственно, вполне закономерно предполагать, что подобно многим другим городам этого региона, расположенным как к северу, так и к югу, небольшая группа христиан появилась в Дура-Европос значительно ранее времени строительства здесь дома христианской общины. Для того, чтобы возникла потребность в таком строительстве, нужен был значительный рост общины и появление достаточно обеспеченных людей, которые смогли бы приобрести дом, перестроить его в соответствии с потребностями общины и украсить баптистерий живописью.

Первые приверженцы христианского учения в этом регионе, естественно, рекрутировались среди еврейского населения. Оно здесь было многочисленно, достаточно активно и поддерживало постоянные связи с Палестиной. Об этом однозначно свидетельствуют многочисленные источники⁸⁰. Хорошо известно, что уже в начале I в. н.э. царская династия в Адиабене приняла иудаизм⁸¹. Этим, видимо, объясняется и то, что первоначальный значительный успех христианская миссия имела именно в этом районе⁸². Однако главной твердыней иудаизма в Северной Месопотамии

⁷⁸ Bardesane l'astrologue Le livre des lois des pays. Texte syriaque et traduction française avec introduction et de nombreuses notes par F. Nau. P., 1899. P. 55–56; *Drijvers H.J.W.* The Book of Laws of Countries. Dialogue on Fate of Bardesan of Edessa. Assen, 1965.

⁷⁹ Подтверждением достоверности информации Бардесана служит то обстоятельство, что в предшествующей части его книги приводится много более длинный список народов со своими своеобразными законами. Однако, когда автор говорит о том, как изменились нравы после принятия христианства, он дает сокращенный список – тот, который мы привели. Конечно, нельзя думать, что Бардесан говорит о полной христианизации этих стран, поскольку он подчеркнуто использует выражение «наши братья» в этих странах. Это означает, по-видимому, сохранение остальным населением традиционных верований.

⁸⁰ *Segal J.F.* The Jews of North Mesopotamia before the Rise of Islam // *Studies in the Bible presented to M.H. Segal.* Jerusalem, 1964. P. 32–63; *Neusner J.A.* History of the Jews in Babylonia. Vol. I–II. Leiden, 1965–1966; *Neusner J.* Jews in Iran // *The Cambridge History of Iran.* Vol. III (2). Cambridge, 1983. P. 909–923; *Гафни И.* Евреи Вавилонии в Талмудическую эпоху. Иерусалим–М., 2003.

⁸¹ *Neusner J.* The Conversion of Adiabene to Judaism // *Journal of Biblical Literature* LXXXIII, 1964. P. 60 ff.; *Neusner J.* Jews in Iran... P. 912. Известно, что наиболее активную роль в распространении иудаизма сыграла мать правящего монарха – Елена. Поздняя христианская легенда об обретении Креста императрицей Еленой, матерью императора Константина в значительной степени строилась по этой «модели». См. *Segal J.B.* Edessa... 1970. P. 41.

⁸² *Asmussen J.P.* Christians in Iran... P. 925.

был Нисибин – город с многочисленным и активным еврейским населением⁸³. В Эдессе синагога находилась в самом престижном районе города, недалеко от дворца⁸⁴. Не подлежит сомнению, что первые христиане в Эдессе рекрутировались среди еврейского населения города⁸⁵. Очень показательно, что во время Парфянской войны Траяна еврейское население Эдессы, Нисибина и Адиабены с оружием в руках сражалось против римлян⁸⁶. Очень многочисленным и влиятельным было иудейское население Месены⁸⁷. Именно в Спасину-Хараксе принял иудейство, согласно Иосифу Флавию (Ant. XX, 34–35), правитель Адиабены Изат⁸⁸. Мы оставляем без подробного рассмотрения еще один источник, который позволяет говорить о иудео-христианстве в северо-месопотамском регионе (включая Эдессу). Речь идет об «Одах Соломона», которые могут быть датированы концом I или началом II в. н.э.⁸⁹ Проблемы, связанные с их интерпретацией, слишком сложны, чтобы их касаться кратко. Важно, что их иудео-христианский характер признается практически всеми исследователями.

Первые христианские миссионеры, как и на Западе, проповедовали в синагогах⁹⁰. Если мы приходим к выводу о раннем начале Миссии, то подобная ситуация вполне естественна, так как на раннем этапе христиане этого региона не воспринимали себя как

⁸³ Segal J.B. Edessa... P. 41.

⁸⁴ Idem. P. 41.

⁸⁵ Drijvers H.J.W. Jews and Christians in Edessa // Journal of Jewish Studies, 36. 1985. P. 88–102; Moffett S.H. A History... P. 51–52.

⁸⁶ Neusner J. Jews in Iran... P. 912.

⁸⁷ Oppenheimer A. Babylonia Juda (Tübinger Atlas des Vorderen Orients). Wiesbaden, 1983. P. 252–254.

⁸⁸ Lieu S.N.C. Manichaeism... P. 8.

⁸⁹ Это произведение было открыто только в 1909 г. (см. Harris J.R. The Odes and Psalms of Solomon: Now First Published from the Syriac Version. Cambridge, 1909), хотя отдельные стихи были известны еще с 1812 г. Они входили в состав т.н. Pistis Sophia (см. Braun F.M. L'Enigme des Odes de Salomon // Revue de theologie et des questions religieuses. 57. 1957. P. 597 sq.). Первоначальный язык этого произведения – сирийский, наиболее вероятная дата создания – примерно 80–100 гг. (см. Abbott E.A. Light on the Gospel from an Ancient Poet // Diatessarica, 9. Cambridge, 1912; Testuz M. Papyrus Bodmer X-XII. Cologny-Geneve, 1959. P. 58; Charlesworth J.H. The Odes of Solomon. The Syriac Textes Edited with Translation and Notes. Oxford, 1971; Chadwick B. Some Reflections on the Character and Theology of the Odes of Solomon // Kyriakon. Vol. I. Munster, 1971). Другая возможная дата – II в., точнее его первая половина (см. Klijn A.F.J. Edessa. Die Stadt des Apostels Thomas: Das Alteste Christentum in Syrien. Giessen, 1965. S. 42). Имеется только одно предположение о III в., как времени создания произведения, при этом оно рассматривается как пример литературы анти-маркионитского характера (см. Drijvers H.J.W. Studies in Gnosticism and Hellenistic Religion // Quispel Festschrift. Leiden, 1981). Подробнее о вопросе в целом см.: Moffett S.H. A History... P. 51–57.

⁹⁰ Duval R. Histoire... P. 107–108; Segal J.B. Edessa... P. 42.

нечто принципиально отличное от иудейства, точно так же, как иудеи воспринимали христиан как одно из ответвлений иудаизма, может быть слишком крайнее, но все-таки находящееся в пределах общей парадигмы⁹¹.

О роли евреев в этом процессе сообщают и христианские источники. Так, в «Учении Аддаи» говорится о том, что когда Аддаи прибыл в Эдессу, он остановился в доме еврея Товия, сына Товии⁹², позднее среди уверовавших в Христа специально упоминаются еврей-торговцы шелком⁹³; о многочисленности евреев в Адиабене говорит «Хроника Арбелы»⁹⁴, даже в Индии царская служанка-флейтистка, первой понявшая, кем является апостол Фома, была еврейкой⁹⁵.

В связи с этим кажется вполне логичным вывод ряда авторов (хотя и расходящихся в деталях) относительно иудео-христианского характера первых общин Северной Месопотамии⁹⁶. Двумя веками позднее именно в этих иудео-христианских (баптистских) общинах вызревает манихейское учение⁹⁷. Претензии манихеев

⁹¹ О иудео-христианстве и последующем резком размежевании см.: *Шиффман Л.* От текста к традиции. История иудаизма в эпоху второго храма и период Мишны и Талмуда. М., 2000. С. 144–150. Характерно, что защитником последователей Христа в Синедрионе выступил общепризнанный глава фарисеев Раббан Гамлиэль. См.: *Штерн М.* Период Второго храма // История еврейского народа / Иерусалим-М., 2002. С. 136.

⁹² Учение Аддая апостола... С. 80.

⁹³ Там же. С. 99.

⁹⁴ Die Chronik von Arbela ... S. 32.

⁹⁵ Деяния Иуды Фомы апостола... С. 158.

⁹⁶ *Daniélou J.* Théologie du judéo-christianisme. Tournai, 1958 (второе издание: P., 1991); См. также *Daniélou J.* Les msniscrits de la Mer Morte et les origines du christianisme. P., 1957. P. 110–114; *Daniélou J.* Nouvelle histoire de l'Église. P., 1963. P. 79–81; *Gibson C.L.* From Qumran to Edessa or Aramaic Speaking Church before and after 70 A.D. // Annual Leads University Oriental Society. V. 1963–1965. P. 24–39; *Bernard L.W.* The Origins and Emergence of the Church in Edessa during the First Two Centuries A.D. // *Vigilia Christianae*, 22. 1968. P. 161–175; *Drijvers H.J.W.* Edessa und jüdische Christentum // *VC*. 24. 1970. P. 3–33; *Quispel G.* L'Évangile selon Thomas et les origines de l'ascèse chrétienne // *Aspects du judéo-christianisme. Colloque de Strasbourg 23–25 avril 1964.* P., 1965. P. 35–52; *Quispel G.* The Discussion of Judaic Christianity // *VC*. 22. 1968. P. 81–93; *Klijn A.F.J.* The Influence of Jewish Theology on the Odes of Solomon and the Acts of Thomas // *Aspects du judeo-christianisme. Colloque de Strasbourg 23–25 avril 1964.* P., 1965. P. 167–179. Попытки опровергнуть эти концепции (см. *Mimouni S.C.* Le judéo-christianisme syriaque: mythe ou réalité historique? // *VI Symposium Syriacum.* 1992. University of Cambridge, Faculty of Divinity. 30 August – 2 September 1992 / R. Lavenant. Roma, 1994. P. 269–279) совершенно не убедительны.

⁹⁷ *Luttikhuisen G.* The Revelation of Elchasai. Investigations into the Evidence of a Mesopotamian Jewish Apocalypse of the Second Century and its Reception by a Judeo-Christian Propagandists // *Texte und Untersuchungen zum Antiken Judentum.* 8. Tübingen, 1985; *Lieu S.N.C.* Manichaeism in Mesopotamia... P. 8–15, 25.

на то, что они наследуют и развивают учение Христа⁹⁸ привели и к тому, что они стали связывать раннюю христианскую миссию с историей своей секты, и в описаниях деяний манихейских миссионеров появились имена Фомы и Аддая⁹⁹.

Вопрос о том, из какой среды происходили первые христиане в Дура-Европос, однако, не может быть решен однозначно. Поскольку среди имен, процарапанных на стенах дома христианской общины, нет типично еврейских, высказывалось предположение, что первые христиане в городе были из числа солдат римского гарнизона. Вексилляции прибыли в Дура из тех мест Сирии и Палестины, где христианство укрепилось очень рано и поэтому вполне резонно предполагать, что среди этих солдат могли быть и христиане. Однако и эта гипотеза кажется сомнительной, поскольку ни одно из имен, процарапанных на стенах, не сопровождается указанием на воинский ранг, что было обычным для римских военных. Таким образом, наиболее естественным решением в данном случае является предположение о том, что членами христианской общины в Дура-Европос были обычные рядовые граждане города.

Зданием христианской общины не ограничивались памятники, свидетельствующие о распространении этой религии в городе. Новые подтверждения заметной роли христианства в жизни жителей Дура-Европос пришли в шестом сезоне раскопок¹⁰⁰. Тогда был найден фрагмент пергамента, который первоначально определили как часть текста Евангелия от Матфея. Однако более внимательное прочтение его привело к иному выводу, о котором

⁹⁸ Для многих современных исследователей несомненным представляется зависимость многих манихейских концепций (в теодицее, сотериологии и антропологии) от христианских, выраженных в Новом Завете. См. Böhlig A. *The New Testament and the Concept of the Manichaean Myth // The New Testament and Gnosis. Essays in Honor of R. McL. Wilson / A.H.B. Logan and A.J.M. Weddeburn. Edinburgh, 1983. P. 90–104.*

⁹⁹ Lieu S.N.C. *Manichaeism... P. 33.* Хотя иногда рисуется обратная картина: христиане делают манихейских миссионеров героями своих легенд, чтобы противопоставить их натиску манихеев (см., например, *Drijvers H.J.W. Cults... P. 195–196; idem Addai and Mani. Christentum und Manichäismus in dritten Jahrhundert in Syrien // Orientalia Christiana Analecta, 201, 1983. P. 171–185*), это совершенно не верно, так как весь процесс ставится в обратную хронологическую перспективу. Наоборот, манихеи пытались присвоить себе популярных героев ранней истории христианства в Месопотамии. См. *Lieu S.N.C. Manichaeism in Mesopotamia... P. 40–44.* Авторы, отстаивающие приоритет манихеев, забывают о прямом свидетельстве Бл. Августина, который писал о том, что манихеи используют «Деяния Фомы» (*Augustin. De serm. dom. in mont. I, 20, 65; Contra adiant. 17; c. Faust. XIV, XXII, 79.* Подробнее см. *Klijn A.F.J. The Acts of Thomas. Introduction, Texte, Commentary. Leiden, 1962. P. 20–21.*

¹⁰⁰ Об этом сезоне см. *Hopkins C. The Discovery... P. 119* сл.

М.И. Ростовцев сообщает К. Хопкинсу в письме от 28 апреля 1933 г.: «... я показал фрагмент Евангелия от Марка профессору Торри¹⁰¹, и, как я и подумал при первом взгляде на изготовленную Вами копию, это оказался не Марк, но «Диатессарон» Татиана. Мы располагаем только арабским переводом этого заменителя Евангелия, использовавшегося в Месопотамии, и, таким образом, фрагмент греческой рукописи труда Татиана оказался в наших руках впервые. Татиан написал его около 170 г., так что наша рукопись почти современна появлению этого труда»¹⁰².

Открытие фрагмента «Диатессарона» Татиана было действительно выдающимся открытием¹⁰³. Все исследователи сейчас согласны с тем, что данный пергаментный отрывок является именно фрагментом «Диатессарона»¹⁰⁴. Татиан был выдающимся деятелем – одним из создателей сирийской культуры¹⁰⁵. Написанный около 175–180 гг. «Диатессарон» представлял собой последовательное изложение жизни Иисуса Христа, сделанное на основе четырех Евангелий (τὸ διὰ τεσσάρων εὐαγγελίων)¹⁰⁶. Татиан убрал все противоречия и повторения, согласовал разнородные свидетельства и создал целостное произведение, которое долго использовалось в кругах христиан, говорящих на сирийском языке¹⁰⁷.

¹⁰¹ *Torri Ч.К.* (Ch.C. Torry, 1863–1924) – американский ученый, семитолог, профессор и глава департамента семитских языков Йельского университета в 1920–1932 гг.; занимался изданием семитоязычных надписей.

¹⁰² Парфянский выстрел... С. 141.

¹⁰³ Первая публикация: *Kraeling C.H.* A Greek Fragment of Tatian's. Diatessaron from Dura // *Studies and Documents*. 5. L., 1935.

¹⁰⁴ *Welles C.B., Fink R.O., Guillian J.F.* The Parchments and Papyri. (The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report V, Pt. I.) New Haven, 1959. № 10. P. 73–74.

¹⁰⁵ Время жизни его – примерно 110–180 гг. Он родился в северной части Месопотамии (откуда и происходит его прозвище «Ассириец») в языческой семье. Около 150 г. он прибывает в Рим, где примыкает к христианской общине, крестится и становится учеником выдающегося церковного деятеля того времени Юстина (позднее названного Юстином Мучеником). Для нашей темы особенно важно то обстоятельство, что Юстин был первым из христиан, который утверждал, что для церкви «вспоминания апостолов» столь же важны, как и писания «Ветхого Завета». После мученической кончины Юстина (около 165 г. н.э.) Татиан открывает свою собственную школу, но в 172 г. он покидает Рим и возвращается на родину. См. *Moffett S.H.* A History... P. 72–75.

¹⁰⁶ *Baumstark A.* Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922. S. 19; *Пигулевская Н.В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979. С. 116–117.

¹⁰⁷ За основу Татиан взял Евангелие от Иоанна, дополнив его материалами из остальных трех. Он опустил генеалогию Иисуса Христа, а также почти все эпизоды, связанные с его рождением и детскими годами, начав основное изложение с первой проповеди.

Впервые о нем упоминает Евсевий Кесарийский¹⁰⁸. Фрагменты его были найдены и в Китайском Туркестане. Важность этого произведения трудно переоценить¹⁰⁹. Широкую популярность «Диатессарона» доказывает тот факт, что с ним был знаком Мани (он знал Евангелие Фомы)¹¹⁰. Около 200 г. Паллут ввел в употребление сирийский перевод четырех Евангелий, однако они не смогли заменить «Диатессарон». В V в. н.э. была предпринята еще одна попытка вытеснить «Диатессарон» новым пересмотренным вариантом перевода четырех Евангелий, выполненных епископом Раввулой. Сообщается, что Феодорит обнаружил более 200 экземпляров «Диатессарона», которые им были сожжены¹¹¹.

Справедливо отмечалось, что появление «Диатессарона» является доказательством того, что на Востоке ощущалась потребность в такого рода произведении и существовала аудитория для него¹¹². Такая аудитория, видимо, была и в Дура-Европос. Тот факт, что текст был найден не в помещении христианской общины, доказывает, что и в домах христиан-жителей города имелись если не личные библиотеки, то хотя бы отдельные книги христианского содержания.

Открытие фрагмента «Диатессарона» поставило перед учеными несколько сложных проблем, в частности, давно уже вызывавший горячие дискуссии вопрос о языке оригинала. Существуют две точки зрения: согласно одной, это – греческий язык, согласно другой, – сирийский. К. Крелинг предполагал, что фрагмент из Дура подтверждает первую гипотезу (его аргументы были, в общем, приняты большинством исследователей¹¹³).

Существование у христианской общины своего здания в Дура-Европос, естественно, ставит вопрос об отношении к ней римских властей. Хотя вход в здание и находился в переулке, нельзя думать, что жители города не знали о его предназначении. Христианская община в то время, когда город принадлежал парфянам (если она существовала тогда), вряд ли испытывала какие-либо сложности в отношениях с властями, поскольку парфянское правительство проводило политику веротерпимости. Ситуация не-

¹⁰⁸ Hist. Eccl. IV. 29,6, а также Ep. Ad Carpiamum. О нем говорится и в «Учении апостола Аддая».

¹⁰⁹ См. *Petersen W.L.* Tatian's Diatessaron. Its Creation, Dissemination, Significance, and History of Scholarship. Leiden-N. Y.-Köln, 1994 (Supplementum to Vigiliae Christianae, Vol. XXV).

¹¹⁰ См. *Hammerschmidt E.* Das Thomas evangelium und die Manichäer // *Oriens christianus*. 46. 1962. S. 120–123.

¹¹¹ Подробнее см.: *Ранович А.Б.* Указ. соч. С. 342.

¹¹² *Asmussen J.P.* Christians in Iran... P. 927.

¹¹³ *Welles C.B., Fink R.O., Guillam J.F.* The Parchments and Papyri... P. 74.

сколько изменилась с момента перехода Дура-Европос под римский контроль.

В Римской империи взаимоотношения между христианскими общинами и властью на протяжении времени менялись достаточно радикально. Первоначально взаимоотношения носили, в основном, мирный характер, поскольку, с одной стороны, христиане представляли собой незначительное меньшинство населения, а с другой, никакая из религий не запрещалась римскими законами¹¹⁴. Гонения на христиан порождались частными причинами, например, желанием сделать их ответственными за пожар Рима при императоре Нероне. Некоторые свидетельства о преследовании христиан имеются в переписке Плиния Младшего, занимавшего пост наместника в Вифании в 112–113 гг.¹¹⁵

Позиция римского правительства в отношении христианства вплоть до середины III в. н.э. была двойственной: оно не запрещалось, но и не разрешалось. Политика веротерпимости сочеталась с отдельными актами преследований. Местные гонения на христиан до III в. н.э. возникали не по распоряжению центральной власти, а по инициативе отдельных магистратов, обычно под влиянием агитации врагов христианства, которых было немало¹¹⁶. Во II в. н.э. наиболее сильные гонения (около 176 г.) имели место только на Западе: в Лионе и Вьенне. Сведения о них содержатся в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (Hist. Eccl. V, 1). В Риме при императоре Марке Аврелии был казнен апологет Юстин с группой единомышленников¹¹⁷. Первый императорский указ, направленный против христиан, относится к 202 г. (SHA. Sever. 17), хотя он был направлен прежде всего против иудеев. Правда, сам указ не запрещал саму религию, но он развязал руки тем представителям власти, которые или сами были настроены антихристиански, либо поддались влиянию антихристианских слоев населения¹¹⁸. Первые массовые гонения на христиан по инициативе самой императорской власти происходят при власти Деция и Валериана, буквально за несколько лет до гибели Дура-Европос.

Сказанное выше ясно свидетельствует о том, что христианская община города возникла и развивалась вне серьезного давления со стороны властей.

Архитектура здания христианской общины достаточно хорошо согласуется со сделанными выводами. С одной стороны, зда-

¹¹⁴ Ранович А.Б. Указ. соч. С. 327.

¹¹⁵ Подробнее см. Там же. С. 331 сл.

¹¹⁶ Там же. С. 332.

¹¹⁷ Там же. С. 335.

¹¹⁸ Там же. С. 347.

ние внешне выглядит как рядовое жилище, не бросается в глаза, в отличие от обычных храмов города. Даже вход в него находился в переулке, а не вел с улицы. С другой стороны, это здание отнюдь не являлось «конспиративной квартирой». Двойственность положения христиан отражается и в двойственности характера здания.

Здание находилось в западной части города¹¹⁹. Хорошая сохранность его объяснялась тем, что (подобно митреуму и синагоге) во время последней осады города жители создали мощный вал, прикрывавший тыл городской стены. Этот вал перекрыл остатки строений, находившихся рядом со стеной, обеспечив их бóльшую сохранность по сравнению с остальными строениями города.

Первоначально здание для христианской общины было перестроено из жилища, некоторые его функциональные особенности были сохранены и при перестройке. Вход вел в помещение вестибюля, при этом выход из вестибюля в центральный дворик был устроен таким образом, чтобы с улицы нельзя было видеть то, что происходило в здании. Как и во всех жилищах Дура-Европос, центром здания являлся внутренний дворик¹²⁰. В нем верующие собирались до и после богослужений. На восточной стороне двора имелся открытый портик (помещение 2) с двумя колоннами. Такие портики имелись практически во всех жилищах Дура-Европос. С южной стороны внутреннего дворика располагались два помещения. Одно из них (в него вели две ступеньки) – продолговатое (помещение 4). Считается, что именно здесь происходили молитвенные собрания членов общины. У его восточной стены имелось возвышение, видимо, предназначенное для кресла руководителя общины – священника или епископа. По подсчетам исследователей, в помещении могли располагаться примерно 70 верующих. Рядом с возвышением находилась дверь в маленькую комнату (помещение 3). В отличие от всех остальных комнат этого здания, она не сообщалась с двориком. Единственный вход в нее вел из зала молитвенных собраний, что заставляет думать о том, что эта комната могла служить для хранения предметов культа и богослужебных книг. Продолговатая комната (помещение 5), расположенная с западной стороны дворика, также предварялась небольшой лестницей, ведущей к дверям в комнату. Она

¹¹⁹ Об архитектуре см. Preliminary Report. 5 Season. P. 238–258; *Kraeling C.H. The Christian Building...* P. 1–58, 141–201; *Ростовцев М.И.* Дура-Европос и начало... С. 261 сл.

¹²⁰ *Кошелев Г.А.* Архитектура жилища греческих городов Парфии // Антический город. М., 1963.

служила либо для совместных трапез, либо в качестве школьного помещения, где проходили обучение дети и новообращенные. Северо-западный угол занимало еще одно прямоугольное помещение (помещение б), имевшее два входа: из внутреннего двора и из комнаты 5. В западной стороне его располагался неглубокий бассейн, перекрывавшийся «балдахин», опиравшимся на две колонны, и два небольших пилястра у задней стены. Стены помещения и «балдахин» были украшены росписями. Нет никаких сомнений в том, что это помещение служило баптистерием. Наконец, между вестибюлем и баптистерием находилось маленькая комната, в которой располагалась лестница, ведущая на второй этаж. Невозможно сказать, находились ли комнаты второго этажа над всем пространством нижнего или только над частью его – над баптистерием.

Во времена существования христианской общины Дура, насколько можно судить, во многих городах существовали специальные здания, в которых собирались христиане, совершались религиозные обряды, обучались дети и новообращенные. Для определения этих зданий не существует клише, наоборот, они описываются различными терминами: *ἱερός οἶκος*, *domus dei*, *dominica*, наконец, *domus ecclesiae*. В этом сказывается, в частности, отличие от того, что было характерно для середины I в., когда, согласно «Деяниям апостолов», христиане собирались в частных домах. Возможно, терминологические различия отражают различия в устройстве и размерах христианских богослужебных зданий. Во всяком случае, мы знаем (см. выше) о том, что разрушенная в 201 г. н.э. церковь в Эдессе имела свое специфическое обозначение. Более вероятным представляется, однако, иное решение – в это время еще не сформировалась адекватная терминология, поскольку и сами здания не приобрели каких-либо специфических черт. Здание в Дура-Европос – приспособленное, перестроенное из жилого дома, как и те немногие аналогичные сооружения, остатки которых были зафиксированы в других местах.

К. Крелинг внимательно проанализировал все археологические свидетельства, включая римские, и пришел к весьма неутешительному выводу: большинство памятников, которые определяются как остатки церквей, существовавших до реформ Константина, либо должны быть датированы значительно более поздним временем, либо остатки первоначального устройства их столь незначительны, что составить по ним представление о характере ранних христианских церквей невозможно¹²¹. Таким образом, здание христианской общины остается единственным, кото-

¹²¹ *Kraeling C.H. The Christian Building... P. 128–141.*

рое дает более или менее адекватное представление о сооружениях христианского культа доконстантиновского времени. Хотя этот вывод был сделан более 30 лет тому назад, он и сейчас остается справедливым¹²².

Другая проблема, которая, естественно, встает в связи с изучением архитектуры дома христианской общины в Дура-Европос, – происхождение церковной архитектуры в период после Константина. Совершенно ясно, что у базиликальных церквей (тип, господствующий в поздне-античной и ранне-византийской архитектуре) был иной прототип, нежели дуранское здание. Видимо, это сооружение является свидетельством резкого разрыва традиции в христианской архитектуре, который фиксируется в период перехода к легальному существованию христианской церкви. Важно отметить, что базиликальный тип стал господствующим в ранней христианской архитектуре и в Месопотамии, находившейся под персидским контролем. Причины этого явления не ясны и вряд ли на современном уровне изученности могут быть решены. В «Хронике Сеерта» имеется чрезвычайно любопытный эпизод, подтверждающий сложность проблемы. В связи с рассказом о деятельности Бар Шабы сообщается о том, что бывшая царица, ставшая женой марзбана Мерва и обращенная в христианство Бар Шабой, решила построить в Мерве церковь. Однако никто не знал, каково должно быть ее устройство, и поэтому образцом для церкви послужил сасанидский дворец в Ктесифоне¹²³. Это свидетельство особенно важно, так как в нем описывается ситуация второй половины III в.¹²⁴, время немного более позднее, нежели время существования здания христианской общины в Дура.

Особое значение в этом христианском сооружении Дура-Европос принадлежит баптистерию. Первоначально помещение воспринималось некоторыми исследователями как мартириум, то есть место захоронения мощей какого-то местного святого мученика¹²⁵. Однако затем возобладало мнение о том, что данное по-

¹²² Беляев Л.А. Указ. соч. С. 98–99.

¹²³ Scher M.A., *Dib. P. Histoire nestorienne (Chronique de Seert)*. 1 Partie, fasc. 2 // *Patrologia Orientalis*. Т. 5. P., 1910. P. 252–257.

¹²⁴ См. Bader A.N., Gaibov V.A., Koshelenko G.A. *The Beginnings of Christianity in Merv // Iranica Antiqua*. Vol. XXX. 1995. P. 55–70; Бадер А.Н., Гаюбов В.А., Кошеленко Г.А. Мервская митрополия // *Традиции и наследие Христианского Востока. Материалы международной конференции*. М., 1996. С. 85–94; Кошеленко Г.А., Гаюбов В.А. О достоверности предания о Бар Шабе // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Т. XII. М. – Магнитогорск, 2002. С. 441–445.

¹²⁵ См. Baur P.V.C. *Les peintures de la chapelle...* P. 66–67; *idem*. *The Christian Chapel at Dura...* P. 377; *idem*. *The Painting in the Christian Chapel // Preliminary Report*. 5 Season... P. 254–255.

мещение представляет собой баптистерий¹²⁶. В последнее время в пользу этого были высказаны дополнительные аргументы. Отмечалось, в частности, что в декоре баптистериев обычно присутствуют несколько сюжетов, в которых присутствует вода¹²⁷, что наблюдается и в дуранском баптистерии. В нем сохранился сюжет с «хождением по водам».

Только в помещении, где находилась часовня для крещения, имелись на стенах росписи, главная задача которых, по словам М.И. Ростовцева, состояла в том, чтобы «укрепить их в великих основных истинах христианской веры»¹²⁸. Баптистерий, обнаруженный в Дура-Европос, действительно, древнейший среди аналогичных памятников христианского мира¹²⁹.

Крещение представляло собой важнейший ритуал в ранней христианской церкви. Оно воспринималось, как таинство перерождения: существовавший ранее человек как бы умирает и заново рождается для духовной жизни. Об этом таинстве неоднократно упоминается уже в апостольское время: в послании апостола Павла к римлянам (6, 5–7)¹³⁰, к колоссянам (2, 12)¹³¹, к галатам (3, 27)¹³².

Позднее таинство крещения воплощалось в достаточно сложном ритуале, соединяясь с обрядом отречения от Сатаны перед моментом крещения и с таинством миропомазания после его завершения. Само таинство достаточно детально регламентировалось. Если обряд крещения самых первых христиан, видимо, проводился в открытых водоемах (реках и ручьях), то позднее он осуществлялся в специально оборудованных сооружениях. Само крещение осуществлялось обнаженным, путем троекратного погру-

¹²⁶ См. *Hopkins C.* The Christian Church // Preliminary Report. 5 Season... P. 249; *Rostovtzeff M.I.* Dura-Europos and its Art. Oxford, 1938. P. 100–101. Подобное решение отстает и в «Окончательном отчете».

¹²⁷ *Bisconti F.* Introduzioni // Temi di iconografia paleocristiana / *F. Bisconti.* Citta del vaticano, 2000. P. 28–30; *Ghilardi M.* «La trouvaille la plus sensationnelle». M.I. Rostovtzeff, la domus ecclesiae di Dura Europos e la nascita dell'arte Christiana // Mediterraneo antico. Economie, societa, culture. Anno V, fasc. 2. 2002. P. 605.

¹²⁸ *Ростовцев М.И.* Дура-Европос и начало... С. 262.

¹²⁹ *Khatchatrian A.* Les baptisteries paléochrétiens. P., 1962; *idem.* Origine et typologie des baptisteries paléochrétiens. Mulhouse, 1982; *Ristow S.* Frühristliche Baptisterien // Jahrbuch für Antike und Christentum. Ergänzungsband. B. 27. 1998.

¹³⁰ «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть его крестились? Итак, мы погребались с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить обновленной жизнью. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения».

¹³¹ «Быв погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли верою в силу Бога».

¹³² «Все вы во Христа крестившиеся, во Христа облеклись».

жения в воду¹³³. Именно такой способ в ранней церкви считался каноническим¹³⁴. Он регламентировался 7-м правилом Второго Вселенского собора, его упоминали несколько церковных авторитетов: Кирилл Иерусалимский, Феодор Мопсуестский, Иоанн Златоуст¹³⁵. К сожалению, детали развития обряда и, соответственно, характера сооружения на ранних этапах не совсем ясны. Особенностью, характерной для раннего обряда крещения, является то, что верующий, проходящий обряд крещения, стоял лицом к востоку. Именно так устроен баптистерий в Дуре.

Важно отметить, что дуранский баптистерий нашел свое продолжение в ряде баптистериев, особенно сирийских. К числу таких особенностей можно отнести его «балдахин», который позднее развился в купол, перекрывавший здание баптистерия. Кроме того, расположение баптистерия в едином комплексе с церковью, а не в отдельном здании, также более характерно для сирийского христианства, чем для других районов христианского мира.

Однако самой характерной и важной особенностью дуранского баптистерия является наличие живописи на его стенах. Внутренняя поверхность балдахина была покрыта синей краской; там же имелось несколько изображений звезд. Этим имитировалось небо. На самом почетном месте – внутри пространства крещальни, на фасовой стене имелось изображение Доброго Пастыря.

Темы, представленные в сценах, изображенных в баптистерии, заимствованы как из Ветхого, так и из Нового Завета. Представлены следующие сюжеты: Адам и Ева, Давид и Голиаф, Добрый пастырь, чудо исцеления паралитика (расслабленного), чудо на озере, добрая самаритянка (?) у источника, святые жены у могилы Христа, сцена в саду (в Раю?).

Живопись дома христианской общины в Дуре-Европос возглавляет список древнейших произведений христианского искус-

¹³³ В это время крестились, как правило, взрослые люди. Позднее, после победы христианства, правилом стало крещение младенцев. В связи с этим при росте размеров самих баптистериев, уменьшались размеры купелей.

¹³⁴ Крещение путем обливания допускалось только в исключительных случаях: болезнь, нахождение в тюрьме, отсутствие (недостаток) воды. *Ладинский А.* Церковная археология. СПб., 1873. С. 87; *Алмазов А.* История чинопоследования крещения и миропомазания. Казань, 1884. С. 308.

¹³⁵ *Долоцкий В.И.* Чин оглашения в древней христианской церкви // Христианское чтение. СПб., 1849. Часть 1. С. 439; *Ладинский А.* Указ. соч. С. 87; *Алмазов А.* Указ. соч. С. 308; *Ermoni V.* L'histoire du baptême depuis l'édite de Milan (313) jusqu'au concile de Trullo (692) // *Revue des questions historiques.* T. 64. 1898. P. 315; *Lassus J.* Sanctuaires chrétiennes de Syrie. P., 1947. P. 224; *Dufay B.* À propos du baptême: l'évêque, la ville et la campagne. La cas de la Syrie // Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21–28 septembre 1986). T. I. Roma, 1989. P. 642.

ства. Она, по всей видимости, появилась раньше, чем знаменитые росписи римских катакомб: Капелла в катакомбе св. Калликста, галерея Флавиана в катакомбе Домициллы, греческая капелла в катакомбе Присциллы¹³⁶.

М.И. Ростовцев справедливо отмечал, что открытие христианских памятников в Дура-Европос с особой остротой поставило вопрос о том, в какой части античного мира происходило становление христианского искусства. На протяжении многих десятилетий эта проблема вызывала ожесточенные споры. Эти споры подогревались конфессиональными пристрастиями. «Римская школа» христианской археологии упорно настаивала на римском происхождении раннехристианского искусства¹³⁷. Открытие в Дура-Европос очень сильно подрывало позиции «римской школы»¹³⁸. Именно этим объясняются и те особенности реакции на доклад М.И. Ростовцева в Папской академии в Ватикане, о котором он сообщал в своем письме Ф. Кюмону.

При анализе проблем возникновения раннехристианского искусства исследователи, как правило, сосредотачиваются на самом художественном творении, не уделяя достаточного внимания тому духовному полю, в котором оно рождается и существует. Такой подход особенно не применим к художественным памятникам раннего христианства – искусству в высшей степени «идеологизированному». Короче говоря, исследователи не уделяют достаточного внимания эстетическим концепциям, существовавшим в раннехристианское время. Принято считать, что христианская эстетическая теория, воплотившаяся в византийском искусстве, ведет свое начало от Бл. Августина, приспособившего к христианским воззрениям эстетические построения неоплатонизма, сформулированные Плотинем¹³⁹. Эта концепция, поддерживаемая и развиваемая виднейшими авторитетами, считает возможным видеть в неоплатонизме единственный источник христианской эстетики. Ограниченность этой концепции заключается, как нам кажется, в недооценке собственно христианской традиции, предшествовавшей Августину.

Анализ этой традиции начинать, видимо, необходимо с круга памятников апологетической литературы II в. При всем разнооб-

¹³⁶ Snyder G.F. Ante Pacem... P. 32–33.

¹³⁷ Подробнее см. *Беляев Л.А.* Указ. соч. С. 157–186.

¹³⁸ *Ростовцев М.И.* Указ. соч. С. 260; *Беляев Л.А.* Указ. соч. С. 96–101.

¹³⁹ *Bayer R.* Histoire de l'esthétique. P., 1961. P. 71 sq.; *Bruyne E. de.* L'esthétique du Moyene age. Louvaine, 1947. P. 412 sq.; *Grabar A.* Plotin et les origines de l'esthétique médiévale // *Cahiers archéologiques*. I. 1945. P. 15 sq.; *idem.* La peinture byzantine. Genève, 1953; *Michaelis P.A.* Neo-Platonic Philosophy and Byzantine Art // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. XI. 1952. № 1; *idem.* An Aesthetic Approach to Byzantine Art. L., 1955. P. 104 ff.

разии произведений, охватываемых этим понятием, есть целый ряд общих для них черт. Большинство авторов, называемых апологетами, до принятия христианства были риториками-философами, хорошо знакомыми с современными им течениями античной мысли (в том числе и эстетической), и в своих произведениях большое место уделяли вопросам искусства. Конечно, цельной эстетической концепции от них ожидать не приходится: основное внимание они уделяют критике ходячих представлений о христианстве и объяснению основных принципов своего вероучения. Именно поэтому истоки формирования христианской эстетической мысли почти не привлекали внимания ученых. В лучшем случае, освещалась их критика античного искусства¹⁴⁰, между тем позитивную эстетическую программу вполне возможно восстановить, хотя она нигде не представлена целостно.

Исходным пунктом этой программы было полное отрицание современного ей античного искусства. Христианство первых веков н.э. рассматривало себя как силу, призванную целиком изменить мир, а античное искусство было одной из форм проявления этого мира. Античное искусство было сакральным, порожденное античной религией, а полное отвержение ее требовало столь же категорического отвержения служившего ей искусства. Критика практики античного мира с его поклонением изображению божества основывалась на самом основном постулате христианства: божество трансцендентно и лишено атрибутов (Theophil. Ad Autol. I, 3), поэтому его изображение невозможно, соответственно, наиболее яростная критика апологетов была направлена против антропоморфизма в изображении божества. Так, Руфин (II, 24) называет изображение Сераписа в Александрии «самой головой идолатрии» (caput ipsum idolatriae)¹⁴¹. Феофил еще более ядовит: «Смешным кажется мне то, что каменотесы, ваятели, живописцы

¹⁴⁰ Реверсов И.П. Защитники христианства (апологеты). СПб., 1898; Спасский А. Эллинизм и христианство. Сергиев посад, 1914; Мироносицкий П.И. Афинагор, христианский апологет. Казань, 1914; Aubé M.B. Saint Justin, philosophe et martyre. Étude critique sur l'apologetique chrétienne au II siècle. P., 1875; Kühn R. Der Octavius des Minucius Felix. Eine heidenische-philosophische Auffassung vom Christentum. Leipzig, 1882; Thomas C. Melito von Sardes. Eine Kirchengeschichtliche Studie. Osnabrück, 1893; Puech A. Recherches sur le Discours aux grecs de Tatian (Université de Paris. Bibliothèque de la Faculté de Lettres, XVII). P., 1903; Chamonard L. Étude sur le Περὶ ἀναστάσεως d'Athenagore. Lyon, 1905; Rivière J. Saint Justin et les apologistes du second siècle. P., 1907; Puech A. Les apologistes grecs au II siècle de notre ère. P., 1912; Puech A. Histoire de la littérature grecque chrétienne. II. (Les II et III siècles). P., 1928.

¹⁴¹ Недаром при разгроме Серапеума в 391 г. н.э. первый удар по статуе нанес патриарх Феофил. См. Cumont F. Religions orientales dans le paganisme romain. P., 1909. P. 127.

или плавильщики делают, пишут, вытесывают, отливают и изговаривают богов, которые после того, как были отделаны художниками, ни во что не ставятся ими, когда же их купят и поставят в так называемый храм или какой-либо дом, то не только купившие приносят им жертвы, но и те, которые их сделали и продали, приходят с почтением и запасом жертв и возлияний поклоняться им и почитают их за богов, забывая, что эти боги те же, что были в их руках – камень, медь, дерево, краска или какое-нибудь другое вещество» (Theophil. Ad Autolic. II, 2)¹⁴². Феофил здесь решительно выступает против идеи почитания изображения божества, как своего рода эманации самого божества.

Такого рода представления отвергались и рядом античных философов, в частности, многими платониками и стоиками¹⁴³, но были широко распространены среди народных масс. Так, Лукиан в произведении «О жертвоприношениях» писал о статуе Зевса Олимпийского: «Пришедшие в храм полагают, что они видят не слоновую кость из Индии или золото, добытое во Фракии, но самого сына Кроноса и Реи, переселенного Фидием на землю» (Lucian, 11). Распространенность этого представления заставляла ряд философов в той или иной степени примиряться с ним. Максим Тирский писал: «Если бы дело шло о создании новой породы людей, то им лучше было бы дать совет не поклоняться изображениям, но если уж изображения существуют, то все равно их надо сохранить. Боги в них не нуждаются, но люди не могут без них обойтись вследствие слабости ума и беззаботности относительно богов» (Dissert. VIII, 9). Плотин же подводит под почитание изображений богов теоретическое обоснование, которое в самом кратком изложении выглядит следующим образом: в силу начала симпатии божественные силы легче войдут в общение с людьми посредством статуй, потому что форма последних соответствует идее той силы или того божества, которое они изображают (Ennead. IV, 3, 11). Таким образом, критика идолатрии, в которой помимо Феофила, естественно, участвовали и другие апологеты¹⁴⁴, была направлена

¹⁴² Подобные представления не были уделом одного Феофила, но были широко распространены среди христиан. Об этом, в частности, говорит и антихристианская литература: «Они потому не верят в богов, созданных руками людей, что нелепо допустить, чтобы творения самых презренных и злонаправленных ремесленников, изготовленные иной раз и людьми нечестивыми, были богами» (Orig. Contr. Cels. I, 5).

¹⁴³ См., например, Plut. De Iside et Osiride II; Lact. Div. Institut. 22 (изложение взглядов Сенеки).

¹⁴⁴ Юстин, автор псевдоюстиновского послания к Диогнету, Минуций Феликс, Мелитон Сардийский. См. подробнее Кошеленко Г.А. Из истории становления эстетических воззрений раннего христианства // Вестник древней истории, 1964. № 3. С. 41.

влена против представлений, которые были широко распространены в это время. Она свидетельствует о резком расхождении ранних христиан с обычными нормами жизни античного общества. О глубине этого разрыва свидетельствует признание в христианской среде греха идолослужения самым тяжелым. Художники, ставившиеся христианами, должны были обязательно оставлять свою прежнюю профессию¹⁴⁵.

Вторая линия критики античного искусства (впрочем, тесно связанная с первой) – противопоставление духа и материи¹⁴⁶. Божество – чуждо материи и поэтому попытка изобразить его не только греховна, но и невозможна. Божество, как идеал всего сущего, как сама воплощенная красота, находится за пределами возможностей искусства (Theophil. Ad Autol. I, 3).

Полное отрицание античного искусства, однако, не означало отвержение искусства вообще. Оно существует, и у него должна быть свойственная ему цель (Athenag. De ressurec., 24). Основная характерная черта раннехристианских эстетических концепций – их тесная связь и зависимость от этических концепций, которые могут быть определены, как представления «маленького человека», стремящегося замкнуться в узком мире своей общины, закрытой от сил враждебного ему внешнего мира и ожидающего посмертного воздаяния за страдания в этом мире¹⁴⁷.

Естественным выводом из этого было отвержение античных эстетических идеалов, в частности, пронесенного сквозь века идеала человека *καλός καί ἀγαθός*, синтезирующего как внешнюю красоту, красоту тела, порожденную атлетическими упражнениями, так и образование, жизненную энергию, славу, богатство¹⁴⁸. Наиболее полное художественное выражение античная калокагия находит в классической скульптуре, которая и в первые века н.э. оставалась нормой и образцом для художников¹⁴⁹. Именно на этот идеал обрушивалась критика христианских апологетов. Татиан с горечью писал: «По учению Аристотеля, не могут быть счастливыми те, которые не имеют ни красоты, ни богатства, ни здоровья телесного, ни знатности. И такие-то люди называются философами...» (Orat. 2). Он, в частности, резко выступает и про-

¹⁴⁵ Невзоров Н. Отношение христиан первых шести веков к современному языческому искусству. СПб., 1874. С. 7.

¹⁴⁶ Это представление буквально пронизывает всю апологетическую литературу. См. Кошеленко Г.А. Из истории... С. 42.

¹⁴⁷ Там же. С. 42–43.

¹⁴⁸ Подробнее см. Лосев А.Ф. Классическая калокагия и ее типы // Вопросы эстетики. Вып. 3. 1960. С. 411–473.

¹⁴⁹ Там же. С. 471.

тив спортивных состязаний, входивших непременно элементом в систему античного воспитания.

Античному пониманию эстетического идеала противостоит положительная программа апологетов. Наиболее отчетливо она выражена у Юстина: «Итак, мы совершенно уверены, что всякий удаляющийся от того, что кажется красивым, и стремящийся к тому, что почитается трудным и странным, получит блаженство» (Apol. II, 11). И даже более того: «Самый вождь наш – Слово божье, которое постоянно предводительствует нами, ищет не телесного здоровья, не внешней красоты, не знатности происхождения, но чистоты души» (Oratio 5). Таким образом, положительный эстетический идеал в апологетической литературе совершенно не связывается с красотой в ее античном понимании. Для христианина важна только красота духовная, материальная же не имеет значения, более того, материя называется безобразной (Justin. Apol. I, 10). Данная эстетическая установка означала отказ от реалистического изображения и явное тяготение к символическому искусству, поскольку прекрасное не имеет материального выражения и материальными средствами не может быть достигнуто¹⁵⁰. Кроме того, в сущности, для апологетов не было нужды в техническом совершенстве в искусстве. Апологеты разрывают с самым кардинальным понятием античной эстетики – мимесисом, которое одновременно требует и следования природе и технического совершенства в этом¹⁵¹.

Естественно, что эстетические концепции христианства привлекли внимание их оппонентов. Резкую критику, кажется, можно видеть у Каллистрата в связи с описанием статуи Эскулапа: «Если мы допускаем, что божественный дух воплощается в телах человеческих, оскверненных страстями, почему не поверим, что он сочетается с тем, в чем нет никакого порока? И то, что я вижу, мне кажется не смутным отображением, но выражением самой истины. Смотри: как это произведение искусства не только дает характерный облик – создавши подлинный образ, само становится как будто живым божеством. Будучи мертвой материей, оно излучает божественный разум; создание рук мастера, оно дает то, чего нет ни в одном мастерстве, приводя доказательства живущей в нем души и проявляя их таинственным образом» (Callistr. Description. In Aescilapii statuam, 2). Каллистрат, тем самым, стремится доказать, что божество непосредственно вдохновляет художника, и от-

¹⁵⁰ Таким образом, тенденция к символизму в раннехристианском искусстве имеет более глубокие причины, нежели простая боязнь идолопоклонства, как это иногда утверждается (Core G. Symbolism in the Bible and the Church. N.-Y., 1959. P. 44).

¹⁵¹ Кошеленко Г.А. Из истории... С. 45–46.

блеск божественной субстанции одухотворяет творение рук мастера. Столь же решительно выступал против христианских концепций Цельс, который защищал всю античную культуру, в том числе и искусство, от нападок христиан, которых он считал самыми непримиримыми врагами ее. Очень едким аргументом в его критике представлений ранних христиан об искусстве является известный пассаж (см. Origen. Contr. Cels. VII, 62), где он осмеивает положение о невозможности изображения божества в антропоморфном облике. Ссылаясь на известный библейский текст о том, что Бог создал человека по своему образу и подобию, он указывал на внутреннюю противоречивость данной концепции¹⁵².

Таким образом, можно утверждать, что апологетическая христианская литература создала «первичную» христианскую эстетическую теорию – достаточно простую, но внутренне целостную, построенную на полном отрицании античного искусства и античных эстетических концепций.

Дальнейшее развитие христианской эстетической теории приходится на конец II и первую половину III в. н.э. Не останавливаясь на тех особенностях развития, которые были характерны для этого времени, отметим только то, что касается исследуемой нами темы¹⁵³.

Достаточно горячая идеологическая борьба включала в себя и полемику относительно искусства. Вот характерный рассказ Тертуллиана: «Недавно в нашем городе представлен был наш бог в новом виде. Некто из нанимающихся бороться со зверями, выставил картину со следующей надписью: Бог христиан, потомков ослиных. На ней он был изображен с ослиными ушами, стоял на ноге с копытом, держа в руке книгу и имея на плечах тогу» (Tertull. Apol. XVI, 12). Не подлежит сомнению, что описанная здесь своеобразная карикатура не была единичным явлением. Так, в частности, при археологическом исследовании Палатина было найдено процарапанное на стене изображение, почти полностью отвечающее описанию Тертуллиана¹⁵⁴. Изображения подобного рода явно были средствами антихристианской пропаганды.

¹⁵² Менее удачен второй его критический пассаж: «Раз в теле (Иисуса) был дух божий, то оно должно было бы резко отличаться от других ростом, красотой, силой, голосом, способностью поражать или убеждать; ведь невозможно, чтобы нечто, в чем заключено больше божественного, ничем не отличалось от другого, и, как говорят, не выделялось ни ростом, ни красотой, ни стройностью» (Origen. Contr. Cels. VI, 75). Аргументы Цельза были ориентированы на чисто античную аудиторию и не имеют никакой ценности для христиан.

¹⁵³ Подробнее см. Кошеленко Г.А. Развитие христианской эстетической теории в конце II–III в. н.э. // Вестник древней истории, 1970, № 3.

¹⁵⁴ Romanelli P. La Palatin. Roma, 1958. Pl. 63; Nordenfalk C. An Illustrated Diatessaron // The Art Bulletin, 50, № 2, 1968. Fig. 33.

С другой стороны, христиане, хотя и очень медленно, начинают осознавать важность пропагандистского фактора в распространении своей религии. Очень показательны в этом отношении тексты Климента Александрийского. В «Строматах» он бросает такое замечание: «А что добрые примеры древних праведников поставлены перед нами в качестве как бы картин, которыми мы должны возбуждаться к преобразованию нашей жизни, это объясняет нам апостол» (Clem. Alex. Strom. IV, 5). Здесь имеются в виду либо устные рассказы, либо чтение каких-то произведений типа «Деяний мучеников», повествующих о мужестве христианских исповедников, которые должны были давать яркое образное представление о происшедших событиях. Несомненно, свидетельство Климента показывает, что оставался только один шаг до признания возможности использования изобразительных искусств в христианской проповеди.

Первыми этот шаг сделали гностики. По словам Иринея Лионского, карпократиане «имеют частью нарисованные, частью из другого материала изготовленные изображения, говоря, что образ Христа был сделан Пилатом в то время, когда он жил с людьми. И они украшают их венцами и выставляют вместе с изображениями Пифагора, Платона, Аристотеля и прочих и оказывают им другие знаки почтения, так же как язычники» (Contra haer. I, 26, 6). Нет никаких оснований сомневаться в свидетельстве Иринея. Гностики, более тесно связанные с античной традицией, раньше других пришли к пониманию необходимости сакрального христианского искусства и решились даже на то, что в это время не решались делать другие – попытаться изобразить Иисуса¹⁵⁵.

Однако вскоре такого рода попытки появились и во вполне ортодоксальных кругах. Об одном таком случае рассказывает Евсевий, причем, судя по контексту, памятник был создан задолго до него. Он сообщает о красивой бронзовой статуе Иисуса, поставленной в Кесарее Финикийской (Hist. Eccl. VII, 18). Рядом с Иисусом изображена была женщина, излеченная им. Местные жители полагали, что эта скульптурная группа помогает излечиваться больным. Данный пример – не единичен. Тертуллиан в одном из своих монтанистских трактатов (De pudic. 10) решительно осуждает вошедшее к этому времени в широкое употребление изображение «добрého пастыря», говоря, что это – идолатрия¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Подробнее см. Кошеленко Г.А. Развитие... С. 87–88.

¹⁵⁶ Подробнее см. Guigneberg Ch. Tertullien. Étude sur ses sentiments à l'égard de l'empire et la société civile. P., 1901. P. 457. Особое неприятие Тертуллиана вызывал именно этот сюжет, который им воспринимался как своего рода символ «падших христиан», к которым он, ставши монтанистом, был непримирим.

В этой связи необходимо сказать о портрете Христа, который выполнил Ханнанан, согласно «Учению Аддая апостола». Сам этот портрет (который царь поместил во дворец) в сюжете особого места не занимает¹⁵⁷. Для нас важно то, что для сирийских христиан в III в. идея портрета Спасителя выглядела достаточно обыденной. Данный эпизод напоминает о другом портрете Христа во дворце. Мы имеем в виду сообщение Элия Лампридия об Александре Севере: «...он совершал утром священнодействие в своем помещении для ларов, где у него стояли изображения и обоженных государей, только самых лучших, избранных, и некоторых особенно праведных людей, среди которых был и Аполлоний, а также, как рассказывает историк его времени, – Христос, Авраам, Орфей и другие подобные им» (SHA, Alexand. Sever. XXIX, 1–3). Нет оснований сомневаться, как это иногда делается, в достоверности этого сообщения.

Таким образом, литературные свидетельства говорят о начавшемся использовании произведений искусства христианами (а также и в околохристианских кругах), но, с другой стороны, и о наличии резкой оппозиции этому. Стоит отметить, что и гораздо позднее – в IV в. н.э. – имелись ревнители аниконизма, решительно боровшиеся с изображениями Христа и другими сакральными изображениями¹⁵⁸.

В этих обстоятельствах, естественно, обсуждение проблем искусства и его совместимости с христианской религией приобрели большее значение, чем ранее. Эти проблемы находили отражение в трудах всех христианских писателей этого времени: Тертуллиана, Климента Александрийского, Киприана, Оригена, Ипполита, Ириней.

При анализе их воззрений бросается в глаза огромное сходство с тем, что писалось и до них. Поскольку характер античного искусства не изменился, оно по-прежнему служило античной религии, то естественным было и сохранение принципиальной позиции его критиков, тем более, что авторы, о которых мы говорили, прекрасно сознавали роль искусства в сохранении античных верований (см., например, Tertull. De idol. I, Clem. Alex. Protr. 56).

¹⁵⁷ Меццерская Е.Н. Указ. соч. С. 49.

¹⁵⁸ Об одном таком эпизоде рассказывает Епифаний в своем письме. Он, путешествуя по Палестине, встретил в одной из деревенских церквей изображение Христа или какого-то святого. Епифаний настолько возмущился, что не только добился уничтожения изображения, но и написал специальный трактат против тех, кто пытается делать εἰκόνας, воспроизводящие Христа, Богородицу, святых, ангелов или пророков. См. Mass P. Die Ikonoklastische Episode in dem Brief des Epiphanius // BZ, XXX, 1929–1930. S. 279–286; Baynes N.H. Idolatry and the Early Church // Baynes N.H. Byzantine Studies and other Essays. L., 1955. P. 127–128.

С их точки зрения, почитание изображений античных божеств – это тяжкий грех, идолатрия. Одним из самых горячих борцов был Тертуллиан: «Идолопоклонство – величайшее оскорбление божества» (Tertull. De spec. II); «Величайшее злодеяние рода человеческого, злодеяние, заключающее в себе все другие злодеяния, составляющее причину осуждения человека – идолопоклонство» (Tertull. De idol. I). Столь же решительно выступает против почитания изображений божеств и Климент Александрийский. Он говорит о греках: «Да, поистине из дерева и камней, то есть из статуй и идолов, они построили лживость язычества» (Clem. Alex. Protr. 1). Ту же мысль повторяет и Киприан (Ad. Demetr.). Вместе с тем мы наблюдаем знаменательные перемены. Если ранее считалось, что грех идолатрии не может никогда быть прощен, то примерно с 250 г. н.э. распространилось убеждение, что и этот грех может быть прощен¹⁵⁹.

Христианские авторы этого времени гораздо основательнее разрабатывали концепцию божества как трансцендентного существа, которое не может быть представлено и, тем более, изображено. Климент Александрийский утверждал: «Это не правда, что величие божье потеряет в своем блеске, если божество не будет представлено обыденным искусством. Напротив, поклоняться существу бестелесному, познаваемому лишь душевным взором, но изображать его в форме чувственной – это значит только унижать его» (Strom. V, 5). С позиции излюбленной им темы о соотношении единого и множества, он замечал: «Идолослужение состоит в разделении божественного единства на множество богов» (Strom. III, 12). В другом своем произведении он еще более решительно обвинял эллинов в том, что они посредством произведений искусства поклоняются материи, а не божеству: «Статуи же ваши неподвижны, праздно, бесчувственны, привязаны, гвоздями приколочены, клиньями прикреплены; представляют собой сплав металла, пилою выпилены, вырезаны, выструганы, изваяны. Изготовители кумиров насилуют неодушевленную материю, уродуют ее природу, и искусством завлекают к поклонению ей. Таким образом они соблазняют поклоняться материи и своему искусству, представленному статуями богов, а не богу или демонам...» (Protr. 4). Климент Александрийский здесь почти дословно повторяет Феофила Антиохийского (см. выше). Аналогичные идеи мы видим и у Тертуллиана и Оригена¹⁶⁰.

¹⁵⁹ Гарнак А. Религиозно-нравственные основы христианства. Харьков, 1907. С. 179–180. Однако этот грех продолжал считаться одним из самых тяжелых, как об этом свидетельствует Киприан: «Кроме того, необходимо показать, что Бог неохотно прощает идолопоклонство» (Epist. Ad Fortun.).

¹⁶⁰ Кошеленко Г.А. Развитие... С. 90–91.

Суммируя высказывания христианских писателей этого времени, можно следующим образом представить их возражения против изображений богов (в первую очередь скульптурных):

1. Осуждается антропоморфизм, присутствующий в идолатрии; давать богам форму людей – безумие, поскольку эта форма не имеет ничего общего с божеством.

2. Эти изображения бездушны (ἄψυχα) и мертвы (νεκρά).

3. Изображения богов делаются из того же самого материала, что и самые постыдные вещи.

4. Эти священные изображения изготавливаются ремесленниками, то есть людьми часто совершенно низкими.

5. Богатство статуй часто служит только приманкой для воров, и стражники охраняют их так, как будто боги не могут сами себя охранить.

В целом, эта система взглядов не отличается от того, что писали христианские писатели предшествующего времени, хотя, конечно, она разработана более детально¹⁶¹. В частности, христианские авторы разрабатывают собственную схему происхождения искусства. Она основывалась на принципах эвгемеризма. При этом иногда само искусство становилось причиной рождения языческой религии (Tertull. Apol. X, 2–11; XIII, 8; De idol. III; XV; Clem. Alex. 2; 4; Сурр. De van idol.)¹⁶². Но вопрос в том, существовало ли у христианских писателей этого времени понятие искусства вообще, в частности, языческого искусства и христианского искусства? Тем более, что ранее в христианской литературе язычество и искусство отождествлялись.

Для Тертуллиана вопрос решается очень просто. Он отвергает всякое изобразительное искусство: «Всякое изображение, большое или малое, надобно называть идолом. Стало быть всякий труд, всякая услуга в пользу идола есть служение ему, то есть идолопоклонство» (Tertull. De idol. IV). На том же основании он отвергает и все сценические искусства (Tertull. Apol. XXXIII). Исключения он делает только для литературы и музыки, естественно, в их христианском преломлении (Tertull. De spect. XXIX). Позиция Тертуллиана обосновывается, главным образом, ссылками на Ветхий Завет¹⁶³.

Позиция Климента Александрийского несколько иная. Для него искусство имеет объективную ценность (Clem. Alex. Protrep. 4).

¹⁶¹ В этой связи важно отметить, что из всех христианских писателей этого времени только Тертуллиан создал практическую программу для ремесленников, изготовлявших языческие сакральные предметы, если они хотят стать христианами. Подробнее см. Там же. С. 91–92.

¹⁶² Подробнее см.: Там же. С. 93–94.

¹⁶³ Подробнее см.: O'Malley T.P. Tertullian and Bible. Nijmegen-Utrecht, 1967.

Климент признает возможность высокого совершенства произведений искусства, вне зависимости от его конфессиональной принадлежности. Создается впечатление, что Александрийский философ вполне готов допустить существование произведений искусства, если они не будут объектами поклонения: «Какого бы совершенства искусство не достигло в своих созданиях, материя всегда остается верной бездушности своей природы. Произведение искусства, каково бы оно не было, никогда по сему не могут быть священными и божественными» (Strom. VII, 5). В отличие от Тертуллиана, членившего искусство по видам и в зависимости от этого решавшего их судьбу, Климент делит произведения искусства по их объективной ценности: «Без сомнения никто не затруднится отличить живопись истинно художественную от вульгарной и пошлой» (Strom. VI, 17). При такой постановке проблемы немедленно встает вопрос о критериях, и Климент тут же отвечает на него: «Все, что содержится хорошего в искусствах, – это поскольку искусство исходит от Бога. Художественное выполнение какого-либо произведения зависит от теории искусства» (там же).

Отношение Климента к искусству напоминает его отношение к философии. Доказывая, что божественное откровение содержится не только в библейских книгах, но также и в философских сочинениях, он выступает сторонником всемерного использования классического духовного наследия¹⁶⁴.

Таким образом, в III в. н.э. наметился некий водораздел в отношениях христианских мыслителей к искусству. Эти различия касались достаточно существенных пунктов: о природе искусства вообще и о совместимости искусства с христианской религией. Особенно заметна разница подходов при «проецировании» роли искусства в будущее. Тертуллиан, скрепя сердце допуская существование искусства в настоящий момент, когда оно используется для защиты и пропаганды христианства, но не в будущем, после победы христианства. Климент Александрийский же считал, что и в будущем, после полной победы христианства, искусство будет существовать, как неотъемлемая часть жизни людей.

Изменения в отношении к искусству в значительной мере определяются изменениями, происшедшими в отношении к вещному миру. В литературе наряду со старыми клише («мир сам по себе есть истинная темница» – Tertull. Ad martyr. II) появляются совершенно новые идеи. Они присутствуют даже у строгого ригори-

¹⁶⁴ Подробнее см.: *Daniélou J. Message évangélique et culture hellénistique aux II et III siècles. Toumai, 1960. P. 281. См.: также Osborn E.F. The Philosophy of Clement of Alexandria. Cambridge, 1957; The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy / Ed. A.H. Armstrong. Cambridge, 1967.*

ста Тертуллиана («не посредством ли плоти душа наслаждается благами природы, богатством мира и прелестью стихий» – De ressur. VII), но много более ярко и сильно представлены в творчестве других авторов (см., например, Iren. Contra Haer. II, 25, 2). Окружающий мир, природа переставали восприниматься как имманентно враждебное окружение человеческой души, материя перестала пониматься как субстанция, чуждая и враждебная духовной. Все эти изменения были результатом процесса эволюции христианства, размежеванием с гностицизмом, преодолением горячего эсхатологического настроения, столь характерного для самой ранней поры существования религии¹⁶⁵.

Соответственно с новым взглядом на природу изменилось и отношение к человеческому телу. Хотя в произведениях христианских писателей еще проскальзывают старые концепции, типа «тело – гробница души» (Tertull. Apol. XVII, 4; Clem. Alex. Strom. IV, 4), то все-таки начинают преобладать новые идеи, «реабилитирующие» человеческую плоть, которая прекрасна потому, что создана «по божьему образу и подобию» (Tertull. De ressur. IX; De bapt. V; De pudit. I; Clem. Alex. Protrep. 10; Strom. IV, 4; Orig. Contr. Cels. III, 42; Cyr. Epist. II; XXVI; XLVIII). Особое значение этим изменениям придавали развернувшиеся в это время дискуссии о природе Христа как Богочеловека. Отвергая гностические концепции¹⁶⁶, рождающаяся ортодоксия исходила из того, что Иисус Христос – Бог, воплотившийся в человеке. Но божественная природа не могла соединиться с чем-то, имеющим низменную природу. Следовательно, человеческая природа также имеет возвышенный характер. У Климента Александрийского нет никаких сомнений в том, что человеческая красота теснейшим образом связана с божественной идеей (Strom. IV, 18), а Иринеи доходит до утверждения, что человеческая плоть, в принципе, та же самая, что и плоть Иисуса Христа (Contr. haer. IV, 14, 1–4).

Решив вопрос о человеческой плоти, придя к выводу, что она может быть прекрасной, теоретики должны были поставить вопрос об источнике красоты. Им, естественно, становился Бог, который представлял собой совершенную красоту¹⁶⁷, посредствующим звеном между Богом и человеком является Иисус Христос, ставший зримым идеалом для людей. Следующим вопросом, который естественно вытекает из предыдущего, – вопрос о достижимости идеала или о приближении к нему. Однако ответ на этот вопрос дается не на основе эстетических, но этических критериев.

¹⁶⁵ См.: Кошеленко Г.А. Развитие... С. 98–100.

¹⁶⁶ Там же. С. 100.

¹⁶⁷ Там же. С. 101.

Наши наблюдения можно резюмировать следующим образом. Возникновение христианства было огромной важности духовным переворотом. Важнейшей особенностью самой ранней стадии его эволюции было практически полное отвержение всего мира античной культуры, в том числе и искусства. Античное искусство слишком тесно было связано с античной религией, и поэтому теоретиками раннего христианства отвергалось полностью. Сам термин идолатрия указывал на неразрывную связь античной религии и античного искусства. Грех идолатрии воспринимался первоначально как грех совершенно непрощаемый. Позитивная программа у христиан практически отсутствовала, поскольку тезис «прекрасно то, что безобразно» вряд ли мог кого-либо привлечь. Теоретическое обоснование негативного отношения к искусству объяснялось тем, что произведения искусства материальны, истинную же ценность могут иметь только духовные вещи. Такова была позиция христианских писателей конца I – первой половины II в. н.э.

Во второй половине II – начале III в., то есть в то время, когда складывалась христианская община в Дура-Европос и начала активно функционировать, создавая и украшая свой *domus ecclesiae*, ситуация начала меняться. Хотя очень сильны были старые представления, но постепенно рождалось новое отношение к миру и, в частности, к искусству. Окружающий мир перестал восприниматься только негативно. Обостренная эсхатология стала уходить в прошлое. Искусство приобрело у некоторых представителей христианской интеллектуальной элиты самоценность. Источником красоты в мире стало считаться божество, через посредство Богочеловека оно принесло эстетический идеал в мир. Человек может быть прекрасен, если он подражает Христу.

Таким образом, на этом этапе построения христианской эстетической теории происходит «сбой» – эстетические критерии замещаются этическими. Замена критериев означает, что искусство утрачивает примат принципа изобразительности. Этические идеалы могут быть переданы как художественно-изобразительными средствами, так и (с не меньшим успехом) чисто символическими. Тот принцип «мимесиса», который несколько столетий был основополагающим в искусстве, отныне отходит на задний план. Телесная красота при передаче образов людей также стала совсем не обязательным атрибутом.

При рассмотрении этих вопросов необходимо учесть еще один момент. То, что мы описали выше, – концепции элиты. Мысли рядовых членов христианских общин часто не совпадали с тем, что думали теоретики, тем более что последние отнюдь не были в этом едины. Рядовые христиане, не ожидая окончания

разработки теоретических проблем, стали создавать, как мы указывали выше, произведения искусства. Если судить по упоминаниям в литературе, наиболее популярны были два сюжета: «добрый пастырь» и Христос-чудотворец, излечивающий больных.

Обратимся теперь к анализу живописи, украшавшей дом христианской общины, а также к сопоставлению с приблизительно одновременными произведениями раннехристианского искусства из других районов античного мира, то есть с произведениями искусства из римских катакомб¹⁶⁸.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что живопись украшает только помещение баптистерия, что придает ему особое значение. Видимо, с точки зрения членов дуранской христианской общины, это помещение представляло собой самую сакрально значимую часть здания. Можно предполагать, что обряд крещения, то есть окончательного вхождения нового члена в общину, считался более важным, чем остальные обряды, совершавшиеся в церкви, для чего имелись определенные основания. Именно в течение этого века христианство из небольшой маргинальной секты превратилось в мощную силу. Количественный рост общин, активная миссионерская деятельность были в это время в центре внимания христианской церкви.

Нельзя забывать при этом, что сохранилась только часть фресок; значительная часть их погибла. Поэтому мы лишены возможности сопоставлять комплекс фресок данного баптистерия с другими. Отметим только, что баптистерий церкви S. Giovanni in Fonte (Неаполь), датируемый примерно 400 г. н.э., украшен мозаиками, набор сюжетов которых близок сюжетам росписей баптистерия Дура¹⁶⁹. Фиксируются следующие общие темы: изображение неба со звездами (хотя звезды переданы по-иному), Добрый пастырь, самаритянка, хождение по водам, женщины у могилы. Необходимо также отметить, что некоторые из этих тем присутствуют и в других западных баптистериях.

Из этого можно было бы сделать вывод, что в раннехристианском искусстве существовала определенная достаточно твердо

¹⁶⁸ Литература, посвященная данному сюжету, огромна, начиная с Росси, положившего начало научному изучению катакомб (*Rossi G.B. D Roma sotterranea cristiana descritta ed illustrata. Vol. I–III. Roma, 1864–1867*). См.: *Marucchi O. Le catacombe romane. Roma, 1903*; *Styger P. Die romischen Katakomben. Berlin, 1933*; *Diehl Ch. L'art chrétien primitif et l'art byzantine. P., 1928*; *Bock E., Goebel R. Die Katakomben. Bilder aus der Welt des frühen Christentums. Stuttgart, 1961*. См. также литературу, указанную в примечании 150.

¹⁶⁹ *Bruyne E. de Le décoration des baptistères paléochrétiens // Actes du V-me congrès international d'archéologie chrétienne. Vatican, 1957. P. 341–369*; *Stern H. Le décor des pavements et des cuves dans les baptisteres paléochrétiens // ibidem. P. 281–390*.

установленная схема для декора баптистериев, но поскольку и в данном баптистерии сохранилась только часть картин, этот вывод можно считать только предположительным. В случае положительного решения этого вопроса остается не ясным ответ на другой – более важный вопрос: где, когда и каким образом произошла эта унификация набора сюжетов.

Необходимо подчеркнуть, что картины, представленные в баптистерии Дура-Европос, делятся на две группы: основная масса их находится на стенах баптистерия, а одна картина – в пределах собственно крещальни, на задней стене ее. Это место – явно самое значимое, оно – идейный и художественный центр всей системы декора. Именно здесь находилось изображение Христа, как «доброго пастыря». Таким образом, сам обряд крещения происходил под его непосредственным «патронажем». Показательно, что Спаситель представлен символически, а остальные сцены – нарративные. Здесь один из первых примеров символической интерпретации, притом – самого важного из элементов росписей. Попытки увидеть здесь лишь нарративные элементы¹⁷⁰ вряд ли убедительны.

Данный сюжет – один из наиболее популярных в раннехристианском искусстве, независимо от места создания произведения, но его языческие прототипы не имеют никаких сакральных коннотаций. Они присутствуют в больших живописных или мозаичных полотнах только как один из элементов пасторального пейзажа. Поэтому, «придя» в христианское искусство, этот сюжет приобрел символическое значение. Уже М.И. Ростовцев и К. Хопкинс справедливо указывали на отличие иконографии данной картины от обычного на Западе (в частности, в живописи катакомб) способа изображения «Доброго пастыря»: в Дура он изображен у левого края картины, в то время как в Риме всегда – в центре¹⁷¹.

Уже отмечалось, что в наборе сюжетов баптистерия присутствуют как сюжеты из Ветхого, так и из Нового Завета¹⁷². Первым (с точки зрения библейской хронологии) представлен сюжет с Адамом и Евой у дерева познания добра и зла. Сцена была ограничена двумя пилястрами, которые должны были изображать стены Эдема. В центре композиции – дерево с круглыми плодами,

¹⁷⁰ *Kraeling C.H. The Christian Building... P. 214.*

¹⁷¹ *Rostovtzeff M., Hopkins C. La dernière campagne... P. 327–328.*

¹⁷² Помимо описания в «Окончательном отчете» (*Kraeling C.H. The Christian Building... P. 40–88, 206–232*) см. также: *idem. La dernière campagne... P. 324 sq.; idem. The Christian Chapel... P. 488 f.; Baur P. The Painting in the Christian Chapel // Preliminary Report. 5 Season... P. 254–283.*

Адам изображен налево, Ева – направо от этого дерева. Они изображены обнаженными, прикрывающими нижние части своих тел листьями. На земле представлен очень длинный змей, ползущий налево. Необходимо отметить строгую фронтальность изображения Адама и Евы. Хотя сюжет с ними достаточно часто встречается в памятниках раннехристианского искусства на Западе, пока нет ни одного примера, когда они были бы представлены строго фронтально¹⁷³.

Вторая ветхозаветная сцена – Давид и Голиаф: юноша с поднятым мечом в правой руке стоит перед мужской фигурой, распростертой на земле. (Участники сцены определены с помощью греческих надписей.) По форме сюжет нарративный, в нем представлен один из эпизодов ветхозаветной истории, связанный с подвигом будущего царя Израиля Давида, убившего филистимлянина Голиафа с помощью пращи, а затем обезглавившего его. Смысл появления этой картины в христианской церкви состоит не в простом воспоминании об этом событии, а в его символическом значении. Картина символизировала надежду маленькой христианской общины на победу над огромным враждебным ей окружающим миром.

Новозаветные сюжеты включают в себя несколько сцен. На одной из них – изображение известного чуда исцеления паралитика («чудо о расслабленном»). Об этом факте земной жизни Иисуса сообщают Матфей, Марк и Лука¹⁷⁴. Можно думать, что в данном случае для художника основным источником послужил рассказ Матфея, так как у Луки и Марка есть очень важная деталь, которая не отражена в дуранской картине – родственники паралитика разбирают крышу, через которую они спускают его ложе в комнату, где находился Иисус Христос. Этот вариант иконографической схемы становится популярным в ранневизантийское время¹⁷⁵. Для более раннего времени характерны два других варианта иконографической схемы, бесспорно основанные на рассказе Матфея, представленные в живописи катакомб и римских саркофагов¹⁷⁶. Однако вариант, представленный в баптистерии Дура-Европос, не имеет прямой связи ни с одним из римских

¹⁷³ Rostovtzeff M., Hopkins C. La dernière campagne... P. 327–328.

¹⁷⁴ Сообщение Иоанна об аналогичном событии поставлено в иной конкретный временной и пространственный контекст.

¹⁷⁵ Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М., 2001. С. 321.

¹⁷⁶ Wilpert J. Die Malereien der Katakomben Roms. Freiburg, 1903. S. 218–220; Smith E.B. Early Christian Iconography. Princeton, 1938. P. 102–108; Gerke F. Die christlichen Sarkophage der vorkonstantinischen Zeit. Berlin, 1940. S. 216–218; Kraeling C.H. The Christian Building... P. 208–210.

(хотя он также основан на том же источнике). Основная особенность его – подчеркнута нарративный характер сцены: вверху изображен фронтально стоящий Иисус, внизу – паралитик, лежащий на ложе, и рядом – он же, несущий свое ложе на спине. Христос как бы присутствует в двух сценах: той, где он велит паралитику встать и нести свое ложе, и той, где паралитик уже выполняет его приказ. Подобная передача сюжета имеет мало общего с западными схемами: там никогда не изображались в едином комплексе две сцены, а только одна: либо паралитик в постели, либо уже несущий свое ложе¹⁷⁷.

Можно говорить о значительном различии в передаче данного сюжета в искусстве Запада (в первую очередь Рима) и Дура-Европос. И это различие не только в технике: очень неумелый рисунок в Дура-Европос; особенно заметна эта неумелость при передаче движения. Гораздо важнее другие особенности: фронтально стоящая фигура Иисуса, никак не включенная в действие, отсутствие логики в построении двух последовательных сцен: с точки зрения нормального развития рассказа, представленного в картине; сцены нужно было бы поменять местами.

Римские образцы, особенно саркофаг из катакомб Люцины, неизмеримо более тесно связаны с художественным стилем собственно античного искусства. Хотя иногда отмечается, что в произведениях из катакомб с данным сюжетом присутствует символическое значение, но этот вывод вряд ли может быть принят. Характер изображения показывает, что оно является просто иллюстрацией известного книжного текста, имеет «исторический» характер¹⁷⁸. Выраженная условность дуранского сюжета заставляет думать, что здесь на первое место выходит символическое значение.

Еще одна сцена новозаветного цикла – хождение Иисуса по морю («по водам»). Она находилась рядом с ранее описанной. Этот эпизод присутствует в трех Евангелиях: от Марка (VI, 47–51), от Матфея (XIV, 14–32) и от Иоанна (VI, 16–21). Однако сцена, представленная в живописи Дура-Европос, отвечает описанию эпизода Матфеем. Только у последнего апостол Петр идет также по водам, но затем его охватывает неверие, и он начинает тонуть. Иисус Христос спасает его. Основные особенности сцены: большой корабль, фигуры Петра и Иисуса – ниже корабля, Петр погружается в воду. К сожалению, значительная часть фрески не сохранилась. В частности, отсутствует кормовая часть судна и голова у изображения Христа.

¹⁷⁷ *Rostovtzeff M., Hopkins C. La dernière campagne... P. 327–328.*

¹⁷⁸ *Покровский Н.В. Евангелие... С. 320.*

Необходимо обратить внимание на то, что апостолы, находящиеся на судне, изображены фронтально. Лицо Петра также обращено к зрителям, хотя сам он представлен в профиль. Попытка индивидуализации апостолов достигается разным цветом их одежд. Очевидна техническая неумелость художника, особенно в передаче движений.

Данная картина имеет два пласта осмыслений. С одной стороны, это иллюстрация рассказа апостола Матфея, но при этом, вопреки реальности, нарисован морской корабль, а не рыбацкий баркас. Это было сделано, очевидно, потому, что в тексте Евангелия в данном месте несколько раз упоминалось море: «лодка была уже на середине моря» (μέσον τῆς θαλάσσης); «пошел к ним Иисус, идя по морю» (περιπατῶν ἐπὶ τῆς θαλάσσης); «и ученики, увидевши его, идущего по морю» (ἐπὶ τὴν θάλασσαν περιπατοῦντα). Художник стремился к буквальному воспроизведению эпизода, прочитанного им в Евангелии, и поэтому этот сюжет можно в известной мере, назвать историческим. Но, с другой стороны, на переднем плане Петр и Иисус. Петр – тонет, Иисус спасает его. Смысл эпизода объясняется в словах Иисуса, который сказал, что Петр начал тонуть потому, что усомнился на время в Христе. Таким образом, второй смысл картины – символический, указание на то, что утрата веры в Христа приводит к гибели, и в этом случае только помощь самого Иисуса может спасти человека.

Данный сюжет, кажется, не пользовался популярностью в раннехристианском искусстве Запада. К тому же большинство памятников, о коих известно, что на них был представлен этот сюжет, уже погибли¹⁷⁹, включая знаменитую ониксовую печать, которую Н.В. Покровский считал древнейшим его примером¹⁸⁰.

Особое значение имеет еще одна сцена – три женщины у гроба Господня. Эта сцена занимает самый нижний регистр росписей. Значимость ее состоит в том, что она не имеет аналогов на Западе, по крайней мере, вплоть до V в. н.э.¹⁸¹ К тому же, когда этот сюжет начинает здесь использоваться, иконографические схемы совершенно отличны от того, что мы видим в Дура. Второе обстоятельство состоит в том, что среди всех христианских росписей Дура эта картина наиболее точно отражает основные принципы местного искусства. Женщины расположились в ряд, они изображены строго фронтально, их лица обращены к зрителям. Рядом с ними изображен саркофаг, но они не смотрят на него, что было бы естественным для античного искусства.

¹⁷⁹ Kraeling C.H. The Christian Building... P. 208.

¹⁸⁰ Покровский Н.В. Указ. соч. С. 328.

¹⁸¹ Kraeling C.H. The Christian Building... P. 213.

Помимо рассмотренных в росписях баптистерия имелись две не очень хорошо сохранившиеся сцены: сцена в саду (возможно, в Раю) и, кажется, женщина у источника (самаритянка). Однако сохранный их такова, что пытаться делать какие-либо сопоставления, бесперспективно.

Можно с достаточной определенностью утверждать, что христианская живопись в Дура-Европос тесно связана с местными художественными традициями; картины явно исполняли местные художники, хотя и не очень высокого уровня¹⁸². Большинство сцен из росписей синагоги (одновременной со зданием христианской общины) или храма пальмирских богов выполнены более мастерски¹⁸³. Несомненно, что в живописи баптистерия отсутствует какое-либо западное влияние, она порождена местными художественными концепциями¹⁸⁴.

С другой стороны, вполне возможным кажется предположение П. Баура, что живописные сцены баптистерия не являются полностью оригинальным творчеством, что они воспроизводят уже ранее разработанные иконографические схемы, рождение которых должно быть отнесено ко времени более раннему, чем 200 г. н.э.¹⁸⁵.

Таким образом, христианская живопись Дура-Европос может рассматриваться как самостоятельная ветвь раннехристианского искусства, корни которой восходят к периоду несколько более раннему, чем 200 г. н.э. При бесспорном христианском содержании оно с точки зрения формы повторяет в известной мере местное искусство. Вместе с тем, наличие нарративных сюжетов показывает, что живопись баптистерия не могла быть выполнена художником, который расписывал языческие храмы города. Этот метод передачи сцен чужд обычной живописи Дура-Европос. В отношении этого вопроса возможны два решения: либо – это художники, которые расписывали синагогу, где присутствует большое количество подобных сюжетов, либо мастера из какого-либо близкого центра, где основные художественные принципы такие же, как в Дура-Европос, но помимо этого уже освоены иконографические схемы, необходимые для здания христианского

¹⁸² *Rostovtzeff M.I. Dura-Europos and its Art...* P. 132; *Baur P.V.C. The Painting in the Christian Chapel...* P. 282. М.И. Ростовцев думал, что вся живопись выполнена одним художником (*Rostovtzeff M.I. Dura-Europos and its Art...* P. 133), но П. Баур полагал, что работало несколько мастеров (*Baur P.V.C. The Painting in the Christian Chapel...* P. 281; *idem. The Christian Chapel...* P. 380). Он высказывал предположение о работе пяти художников.

¹⁸³ *Baur P.V.C. The Painting in the Christian Chapel...* P. 281.

¹⁸⁴ *Baur P.V.C. (Ibid. P. 282; idem. The Christian Chapel...* P. 380).

¹⁸⁵ *Baur P.V.C. The Painting in the Christian Chapel...* P. 282.

назначения. Второе решение кажется более предпочтительным, так как технический уровень живописи синагоги – много выше. Возможно, художники для росписи баптистерия в Дура пришли из какого-либо крупного восточносирийского центра, искусство которого было аналогичным дуранскому, и где христианская община возникла раньше. Таким центром вполне могла быть Эдесса¹⁸⁶.

Сопоставление живописи Дура-Европос с другими раннехристианскими памятниками позволяет сделать несколько достаточно надежных выводов. В частности, на данном этапе исследования нет оснований говорить о каком-либо едином центре, где рождалось это искусство. С высказывавшимся ранее мнением о Риме, как единственном центре рождения христианского искусства, сейчас надо расстаться. Но, с другой стороны, предположения о сильном влиянии Востока на Рим¹⁸⁷ для первых трех веков также несостоятельны. Римская живопись катакомб и рельефы саркофагов развивают самостоятельную художественную традицию.

На самом первом этапе развития христианского вероучения одной из главных составных частей его было полное отвержение идолатрии, то есть характерного для античности поклонения божествам, имеющим антропоморфный облик. Это отвержение (в силу «пронизанности» античного искусства религиозным содержанием) распространялось на все искусство в целом. В силу этого, думается, бесполезно искать памятники христианского искусства, датируемые I и, видимо, первой половиной II в. н.э. Ситуация начинает меняться во второй половине этого века и, особенно, в III в. н.э. С одной стороны, стихийно в отдельных общинах начинают создавать произведения искусства христианского содержания. С другой стороны, теоретики начинают более терпимо относиться к идее использования произведений искусства для пропаганды веры, хотя еще достаточно сильны позиции принципиальных сторонников аниконизма.

На этой стадии отчетливо видно, что рождающееся христианское искусство целиком зависит от местных художественных традиций. Живописные сцены в баптистерии Дура-Европос выполнены в соответствии с теми принципами, которые были общими в своих главных чертах для всего искусства Дура-Европос: языческого, иудейского и христианского. Это те особенности, которые

¹⁸⁶ О характерных чертах искусства Эдессы этого времени см.: Кошленко Г.А. Мозаики Эдессы // Археология Старого и Нового света. М., 1966. С. 180–186. М.И. Ростовцев думал об Антиохии или Александрии. См. *Rostovtzeff M.I. Dura-Europos and its Art...* P. 132–133.

¹⁸⁷ *The Painting in the Christian Chapel...* P. 282.

определил еще М.И. Ростовцев: линейность, фронтальность, иератизм, этнографический реализм. В то же время искусство римских катакомб неизмеримо более тесно связано с современным ему античным искусством, для которого характерным был иллюзионизм, отражающий основную концепцию античной эстетики – мимесис.

При этом необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство: христианская теория, разрабатывавшаяся именно в это время, не смогла создать свою законченную эстетическую схему. На месте эстетического идеала оказался идеал этический. Именно поэтому концепции античного реализма оказались невостребованными в новой ситуации. И в Дура-Европос, и в Риме, несмотря на различие конкретных художественных форм, сами основные идеи, представленные в произведениях искусства, имели чисто символическое значение. Конкретный факт, представленный в картине, имел второй план – символическое значение. Символизм в связи с этим был основным содержанием, стоявшим за спиной конкретного факта, переданного художником. В процессе долгого развития реализм все более и более отмирал, а на смену ему приходило то искусство, которое было характерно для ранней Византии. Это искусство более сходно с дуранским, чем с римским III в. н.э. В дальнейшем на развитие христианского искусства влияние Востока, в частности сирийского Востока, становилось все более сильным. Результатом этого стало рождение византийского искусства.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В ФАНАГОРИИ*

Г.М. Бонгард-Левин, Г.А. Кошеленко, В.Д. Кузнецов

Одним из самых значимых явлений в истории европейской цивилизации была так называемая «великая греческая колонизация» – так обычно определяют процесс расселения древних греков по берегам Средиземноморского бассейна на протяжении VIII–VI вв. до н.э. Процесс, приведший, в конечном счете, к созданию определенного единства культуры на обширных пространствах в прибрежной зоне трех материков (Европы, Азии и Африки), стал первым шагом на пути формирования этой цивилизации. Он, естественно, захватил и северное побережье Черного моря, где протянулась длинная цепочка греческих колоний, самыми известными из которых были Тира, Ольвия, Херсонес, Феодосия, Пантикапей, Танаис, Фанагория, Гермонасса.

Наибольшая концентрация греческих городов фиксируется по обе стороны Керченского пролива, который греки называли Боспором Киммерийским. Они считали, что именно по Керченскому проливу, Азовскому морю и реке Дон проходила граница между Европой и Азией: Керченский полуостров – Европа, а противолежащий ему Таманский – уже Азия. Освоение территорий по обоим берегам пролива было последним этапом великой греческой колонизации.

Первые греческие колонии здесь появились в начале VI в. до н.э.¹ Колонисты отправлялись из греческих городов Малой Азии, организатором же колонизационного движения был Милет, который представлял собой крупнейший и важнейший греческий город в этом регионе. На новой родине самым крупным центром греков стал Пантикапей – современный город Керчь.

Вторая волна колонизации приходится, примерно, на середину этого же века. Главной причиной стало наступление персов, которые, сокрушив Лидийское царство, стремились поставить под свой контроль греческие города малоазиатского побережья. В результате этих событий возникла и Фанагория на Таманском

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 06-06-80395.

¹ См. Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 6–28; Koshelenko G., Kuznetsov V. Greek colonisation of the Bosphorus // The Greek colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart, 1998. P. 249–264.

полуострове, основателями которой стали жители города Теос, бежавшие с родины из-за угрозы порабощения².

В V в. до н.э. города, расположенные по обоим берегам пролива, объединились в единое государство (его называли Боспорским царством) и Фанагория стала второй столицей этого государства³. Именно так определяет статус Фанагории Страбон. Противопоставляя две части Боспора, он указывает, что столицей европейского Боспора является Пантикапей, а азиатского – Фанагория (Strab. XI, 2, 10). Географ при всей краткости своего изложения ситуации в этом регионе несколько раз еще упоминает Фанагорию. Он называет ее «значительным городом» (Φαναγόρειά ἐστὶ πόλις ἀξιόλογος); упоминает о находящемся в городе знаменитом святилище Афродиты Апатуры (ἔστι δὲ καὶ ἐν τῇ Φαναγορείᾳ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐπίσημον τῆς Ἀλατοῦρου) и даже кратко сообщает местный вариант мифа о гибели гигантов, видимо, являвшегося важнейшим элементом в системе религиозных воззрений жителей Азиатского Боспора⁴. Наконец, Страбон особо подчеркивает роль города как центра торговли: он снова противопоставляет Пантикапей и Фанагорию. Если первый представлял собой боспорский эмпорий (официально признанный порт для международной торговли) для товаров, приходящих в государство морем, то Фанагория является эмпорием «для товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей варварской страны» (τῶν μὲν ἐκ τῆς Μαιώτιδος καὶ τῆς ὑπερκειμένης βαρβάρου κατακομιζομένων ἐμπόριον εἶναι τῇ Φαναγορείᾳ). Таким образом, из этого свидетельства ясно следует, что вся боспорская торговля с народами, жившими по берегам Азовского моря и вверх по реке Кубань, имела своим основным центром Фанагорию⁵.

Античные авторы указывают на выдающуюся роль Фанагории в событиях, которые ознаменовали собой конец долгой и кровавой борьбы Рима с царем Понта Митридатом VI. Именно Фанагория первая восстала против власти Митридата, за ней последовали другие города: «Херсонес, Феодосия, Нимфей и все другие по берегу Понта, очень удобные в военном отношении»

² О проблемах основания Фанагории см. Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // Древности Боспора. 4. М., 2001. С. 227–236.

³ Когда, каким образом и на каких условиях состоялось вхождение Фанагории в состав Боспорского царства, не известно. Это один из тех вопросов, которые вызывают оживленную дискуссию среди специалистов.

⁴ См. Кошеленко Г.А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // Древности Боспора. Вып. 2. М., 1999. С. 147–160.

⁵ Об организации боспорской торговли см. Koshelenko G.A., Marinovitch L.P. Tree Emporia of the Kimmerian Bosphorus // *Periplus. Papers on Classical Art and Archaeology presented to Sir John Boardman.* L., 2000. P. 171–178.

(App. Mithr. 108). В дальнейшем город даже получил определенные привилегии от римлян.

В отличие от большинства городов Боспора, погибших на рубеже античной и средневековой эпох, Фанагория просуществовала вплоть до X в. н.э.⁶

Город надежно локализуется на южном берегу Таманского залива, в 1 км к западу от поселка (ранее почтовой станции) Сенной. Попытки «перенести» Фанагорию на новое место, предпринятая недавно⁷, абсолютно несостоятельна⁸.

В орбиту внимания русских ученых Фанагория попала сразу же после присоединения Таманского полуострова к России в конце XVIII в. Уже в это время были произведены первые раскопки на фанагорийском некрополе⁹. Однако в XIX в. эти раскопки носили ненаучный, часто и варварский характер¹⁰.

В течение первой половины XIX в. раскопки производились археологами из Керчи и были сосредоточены на некрополе: их главной целью были поиски ювелирных украшений и других памятников античного искусства для пополнения коллекций Императорского Эрмитажа. В большинстве случаев такие раскопки осуществлялись без какой-либо фиксации находимых объектов и предметов. В результате оказались варварски уничтоженными многие десятки курганов. Некоторые из них дали выдающиеся произведения античного искусства (например, вещи из кургана Большая Близница). Эта тенденция сохранялась и во второй половине XIX в.

⁶ *Плетнева С.А.* Фанагория // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века (сер.: Археология). М., 2003. С. 180.

⁷ См. *Зубарев В.Г.* Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным письменной традиции // Древности Боспора. Т. 2. М., 1999. С. 129–130. В.Г. Зубарев предложил локализовать Фанагорию на северном берегу Таманского залива.

⁸ *Кузнецов В.Д.* Метрополия Фанагории // Древности Боспора. Т. 4. М., 2001. С. 227–228.

⁹ Подробнее об истории археологических исследований в Фанагории см.: *Герц К.К.* Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. Преимущественно по неизданным источникам // Древности. Т. 6. Вып. 1. М., 1875. С. 5–37 (переиздана: *Герц К.К.* Собрание сочинений. Вып. 2. СПб., 1898; *Кобылина М.М.* Фанагория // Фанагория (Материалы и исследования по археологии СССР. № 57). М., 1956. С. 5–12; *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 558–582; *Kuznetsov V.D.* Kerçi – Phanagoria – Taganrog // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Vol. II. Thessaloniki, 2003. P. 902–908.

¹⁰ Оценку этих работ см. *Блаватский В.Д.* Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // Вестник древней истории. № 3–4. 1940. С. 288.

Начиная с 1936 г., Фанагория становится объектом исследования специальной экспедиции Института археологии АН СССР. С тех пор работы ведутся здесь практически непрерывно (исключая годы Великой Отечественной войны). С недавнего времени крайне важную не только финансовую, но и моральную поддержку этим исследованиям оказывает Благотворительный фонд «Вольное Дело»¹¹.

Однако, несмотря на достаточно длительную историю изучения Фанагории, этот важнейший памятник остается малоисследованным. Во многом такое положение обязано тому обстоятельству, что археологические изыскания здесь, как правило, не носили масштабного характера: начиная с 1936 г. и до сего времени, исследовано всего лишь около 1,5% от всей площади городища.

Территория городища Фанагории находится между двумя поселками и остается до сегодняшнего дня совершенно незастроенной современными постройками. Размеры города на суше равны примерно 1000 × 400 м. Кроме того, значительная часть города затоплена водами Таманского залива. В целом, общая площадь города превышает 60 га. Для сравнения напомним, что площадь самого большого в Западном Средиземноморье города, Массалии, равна примерно 50 га. С трех сторон Фанагория окружена огромным некрополем (около 300 га) – самым большим античным некрополем на территории России.

Экспедиция осуществляет свои исследования по трем основным направлениям: раскопки на территории города, его некрополя и затопленной части памятника. В последнее время обозначилось и четвертое направление – исследование сельскохозяйственной территории (хоры), принадлежащей Фанагории, с помощью методов дистанционного зондирования и с последующей верификацией полученных результатов посредством наземных исследований¹².

За почти 16-вековую историю города отложился мощный культурный слой толщиной 6–7 м. В нем, как в слоеном пироге, хранится огромное количество материальных остатков античного города. В связи с этим отметим отличие Фанагории и других греческих городов Таманского полуострова от большинства

¹¹ В 2004 г. был создан Совет по историко-археологическому изучению Фанагории, в состав которого вошли: Президент Благотворительного фонда «Вольное Дело» Т.Д. Румянцева, академик Г.М. Бонгард-Левин, член-корреспондент РАН Г.А. Кошеленко, член-корреспондент РАН Р.М. Мунчаев, д.и.н. В.Д. Кузнецов, к.и.н. В.А. Гаилов.

¹² См. *Гарбузов Г.П.* Признаки древнего землеустройства в районе Центральной гряды Таманского полуострова // *Древности Боспора*. Вып. 8. М., 2005. С. 98–121.

городов Средиземноморья. Оно состоит в том, что материковым грунтом на Тамани служит не скала, а песок или глина (лёсс). Поэтому на протяжении всей истории жители этих городов не срывали полностью слои предыдущих периодов в поисках твердого основания для фундаментов своих зданий, как это часто бывало в других случаях¹³.

Фанагорийский культурный слой содержит остатки всех периодов своей истории, от эпохи архаики до времени гибели города. Принимая во внимание то обстоятельство, что на территории Фанагории отсутствуют современные строения, можно говорить об уникальности этого города для осуществления на нем археологических проектов.

В последние годы внимание специалистов, работающих в Фанагории, привлекает весьма важный вопрос о самом раннем периоде истории города. Следует отметить, что материальная культура понтийских городов архаического периода изучена далеко не полно. Это во многом связано с тем, что слои соответствующего времени крайне плохо сохранились и труднодоступны.

В литературе по вопросу о местоположении ранней Фанагории со времени В.Д. Блаватского утвердилось мнение, что самые древние кварталы находились в прибрежной части городища¹⁴. Однако оно не подтверждается новыми археологическими материалами: наиболее древние находки здесь датируются не серединой VI в. до н.э., а более поздним временем¹⁵.

В 1975 г. в центральной части городища, на краю верхнего плато был впервые заложен небольшой раскоп, который получил название «Верхний город». Работы на нем показали, что город был основан на холме, хорошо укрепленном природой¹⁶.

В течение нескольких лет на вершине холма был исследован участок городского квартала (около 300 м²) архаического времени (вторая половина VI – начало V в. до н.э.). Были открыты нижние части 11 жилых домов, построенных из сырцовых кирпичей. Между ними пролегли улицы шириной 2,5 м и узкие (около 0,5 м) переулки, мощенные камнем и черепками. Один из этих домов,

¹³ Так было, например, в Херсонесе Таврическом: здесь на материковой скале лежат остатки средневекового города, тогда как кварталы греческого города в значительной степени уничтожены более поздними перепланировочными работами.

¹⁴ *Блаватский В.Д.* Раскопки в Фанагории... С. 297–298; *Кобылина М.М.* Фанагория... С. 14.

¹⁵ *Кузнецов В.Д.* Метрополия... С. 233; см. также: *Долгоруков В.С.* Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1990. № 197. С. 30–37.

¹⁶ *Kuznetsov V.D.* Кери – Phanagoria – Taganrog... P. 906 и сл.

погибший в сильном пожаре, имеет неплохую сохранность (дом № 6): от него осталось полуподвальное помещение, над которым находился жилой этаж площадью 12,5 м². Общая высота дома составляла около 5 м. В непосредственной близости от него были обнаружены остатки бронзолитейной мастерской. От нее сохранилась нижняя часть печи. В печи найдены бронзовый шлак, обломки глиняных тиглей, изделий из бронзы, а также слитки бронзы. Важной находкой является фрагмент глиняной обмазки с отпечатком пальцев рук¹⁷. Она свидетельствует о том, что в мастерской была отлита бронзовая статуя в полный человеческий рост. Весьма интересно, что некоторые из этих фрагментов были найдены на ступеньках дома 6. Это даст основание полагать, что мастерская принадлежала хозяину дома. Более того, из полуподвального помещения дома 6 происходят два фрагмента от мраморных статуй (косы коры) небольшого размера. Все это позволяет говорить о том, что дом и мастерская принадлежали скульптору, который продолжил занятия своим ремеслом после бегства со своей родины – Теоса¹⁸.

В 1995 г. на холме «Верхний город», с целью продолжения исследований ранних напластований, был заложен новый раскоп общей площадью 900 м². В течение 10 полевых сезонов (1995–2004 гг.) на нем было вскрыто около 5 м культурного слоя (при общей мощности слоя на данном участке более 6 м). Самый верхний слой датируется VII–VIII вв. н.э. К исходу сезона 2004 г. на подошве большей части раскопа были открыты слои V–IV в. до н.э. Однако вдоль северного борта раскопа на материковом песке был обнаружен слой второй половины VI в. до н.э.

В позднеэллинистическое время, в римский и средневековый периоды здесь располагались жилые кварталы Фанагории. К сожалению, строительные остатки сохранились крайне плохо, что объясняется отсутствием на полуострове месторождений камня, в результате чего на протяжении веков жители разбирали сооружения предыдущего времени для нового строительства. Как правило, от того или иного здания сохраняются один-два фрагмента стен. Вследствие этого далеко не всегда можно восстановить планы и размеры жилых домов. Дома в Фанагории в греческий и римский периоды ее истории строились из камня и из сырцовых кирпичей. Причем наиболее распространенной техникой в клас-

¹⁷ Долгоруков В.С. Литейная форма из Фанагории // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 145–149.

¹⁸ Кузнецов В.Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // Боспорский сборник. Вып. 6. М., 1995. С. 99–125; *Kuznetsov Kerpi – Phanagoria – Taganrog ...* P. 897–921.

сическую и эллинистическую эпохи было строительство стен из сырцовых кирпичей, положенных на каменный фундамент. Дома из сырцового кирпича отнюдь не были эфемерными сооружениями. Построенный из сырца дом, обмазанный несколькими слоями водоотталкивающего раствора, секрет которого утерян¹⁹, мог стоять десятилетиями. В зимний холод сырцовый кирпич сохранял в доме тепло, а в летний зной в помещении было прохладно.

Редкими находками являются остатки домов из сырцовых кирпичей, которые относятся к первоначальному периоду истории города. Они были простыми по конструкции и небольшими по размерам: квадратными или прямоугольными в плане и занимали площадь около 15–20 м². Фанагорийские дома были разделены улицами и переулками. Первые имели ширину около 2,5 м, тогда как вторые были гораздо уже – около 0,5 м. Естественно полагать, что это было связано с недостатком места, поскольку площадь холма, на котором располагался ранний город, была небольшой.

На протяжении всего времени жизни на исследуемом участке (с середины VI в. до н.э. до VIII в. н.э.) городские кварталы сохраняли ориентацию по сторонам света²⁰. Как показали исследования предыдущих лет, на участке «Верхний город» такая ориентация была характерна и для архаической эпохи. Более того, новые сооружения строились, по преимуществу, на месте более ранних. Это дает основание предполагать, что регулярная планировка Фанагории была заложена если не во время основания города, то, во всяком случае, еще в архаическую эпоху²¹.

В процессе раскопок на городище было обнаружено значительное количество разнообразных археологических материалов. Они свидетельствуют о различных сторонах жизни города, показывая, что в античный период своей истории Фанагория была типичным греческим городом. Это обстоятельство необходимо специально подчеркнуть, потому что в литературе широко

¹⁹ См.: *Hellmann M.-Ch. Recherches sur le vocabulaire de l'architecture grecque d'après les inscriptions de Délos*. P., 1992. P. 37–42.

²⁰ Такая же картина фиксируется раскопками предыдущих лет: *Кобылина М.М. Культура Фанагории досарматского периода // Античный город*. М., 1963. С. 88.

²¹ В литературе по греческой архитектуре и урбанизму господствует точка зрения, в соответствии с которой регулярная планировка греческих городов зародилась в колониальном мире и стала следствием демократических начал в политической структуре апойкий: все колонисты при переселении на новую родину были равны, что проявлялось в равнозначности земельных участков, выделенных под жилое строительство (а также под сельские наделы). См.: *Owens E.J. The City in the Greek and Roman World*. L. – N.Y., 1991. P. 30–49.

распространено мнение о Боспорском царстве как о греко-варварском государстве²². В подтверждение этой точки зрения исследователи приводят разнообразные аргументы: от наличия на территории некрополей боспорских городов негреческих погребений и скифских курганов, до существования так называемого «греко-скифского искусства». Однако до сего времени не было предпринято попытки системного обоснования упомянутой точки зрения, хотя имеется немало возражений против мнения о том, что культура боспорских городов носила смешанный, греко-варварский характер²³.

Об этом, прежде всего, свидетельствуют конкретные археологические материалы. Исследование слоев архаического, классического и эллинистического времени в Фанагории дает основание уверенно говорить о материальной культуре города как о чисто эллинской. Предполагаемое наличие в городе выходцев из местной причерноморской среды не могло качественно повлиять на структуру его политического устройства.

В греческое время Фанагория имела широкие связи с средиземноморским миром. Об этом свидетельствуют многочисленные импортные предметы, находимые в процессе раскопок. Особое значение для определения торговых партнеров при изучении античного мира, как известно, имеют амфоры. Важную роль для экономики Боспора вообще, и для Фанагории, в частности, играли центры, находившиеся в бассейне Эгейского (Хиос, Клазомены, Фасос, Менда и северозгейский регион в целом, Родос, Кос и некоторые другие) и Черного морей (Гераклея, Синопа). Как известно из письменных источников классического времени, в обмен на вино, оливковое масло и другие товары боспорские города

²² Возможно, психологической основой для такой точки зрения можно считать прежде всего географический фактор: Боспор находился на окраине греческой ойкумены, в окружении многочисленных варварских племен. Например, В.Ф. Гайдукевич так писал в своей фундаментальной работе: Боспорское царство «очень рано приняло характер этнически смешанного греко-варварского государства, в котором с особенной яркостью нашло свое проявление взаимодействие античных греческих и местных элементов как в социально-экономической, так и в культурной жизни». *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М. – Л., 1949. С. 4.

²³ Например, соображение общего порядка: греческий полис имел замкнутый характер, был, по сути дела, закрыт для не-граждан; наличие в нем чужеземцев, в том числе не-эллинов, варваров, не вносило структурных изменений в полис как систему. Так, в эталонном греческом полисе, Афинах, чужеземцев, в том числе рабов-варваров, было многократно больше, чем граждан (см. *Hansen M.H.* *Demography and Democracy. The Number of Athenian Citizens in the Fourth Century B.C.* *Heming, 1985.* P. 30 ff.). Однако было бы неверно говорить о культуре Афин как о симбиозе культур эллинской и варварской.

поставляли в Средиземноморье в качестве основного предмета экспорта зерно. Письменные свидетельства классической эпохи относительно того, что в Афинах примерно половина потребляемого зерна поступала с Боспора, видимо, отражают реальную ситуацию²⁴.

Принимая во внимание плодородие почв на Таманском полуострове, можно полагать, что именно здесь выращивалась основная масса боспорского хлеба²⁵. Мы не знаем размеров хоры поляса, но, исходя из местоположения соседних городов, можно полагать, что она равнялась нескольким десяткам квадратных километров. Как бы то ни было, совершенно очевидным является то, что Фанагория была одним из основных поставщиков хлеба, который через Пантикапей поступал в Афины и другие центры Средиземноморья в течение IV – начала III в. до н.э. Именно этим фактом объясняется большее по сравнению с предыдущими и последующими столетиями количество амфорной тары и других импортных вещей, находимых в слое IV в. до н.э.

В это время Фанагория была важнейшим торговым пунктом, через который осуществлялся обмен товарами с районами, прилегающими к азиатской части Боспорского государства, о чем для более позднего времени писал Страбон (XI, 2,10). Можно также думать, что через Фанагорию на Боспор поступал хлеб и от меотских племен, обитавших на берегах Кубани, которые взамен получали продукты боспорского ремесла.

Одной из самых ярких находок на территории города стало открытие клада серебряных монет архаического времени. Первые монеты на территории будущего Боспорского царства появились в середине – третьей четверти VI в. до н.э.²⁶ Они чеканились в Пантикапее. На лицевой стороне помещалось изображение морды льва, на оборотной – *quadratum incusum*. Пантикапейских монет VI в. до н.э. известно крайне мало, особенно редки драхмы (пока известен один экземпляр). Фанагорийский клад находился в небольшом ионийском кувшинчике, спрятанном в стене из сырцовых кирпичей жилого дома. Всего в кувшинчике находилось 162 монеты, причем 8 из них драхмы. Таким образом, одновременно в Фанагории найдено монет VI в. больше, чем до этого их

²⁴ *Маринович Л.П.* Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена») // Проблемы истории, филологии, культуры. Т. VI. М.-Магнитогорск, 1998. С. 4–30.

²⁵ *Кузнецов В.Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // Российская археология. № 1. 2000. С. 107–120.

²⁶ *Frolova N.A.* Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. V. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin, 2004. S. 3.

было известно вообще. Это открытие имеет более общее значение не только для Боспора, но и всего античного мира в целом. Современные исследования показывают, что представления о слабом развитии денежного обращения в архаическую эпоху не верны. Эти идеи имели два основания: 1) теоретические концепции М. Финли, примитивизировавшего античную экономику; 2) конкретную основу в виде относительно небольшого числа находимых при раскопках монет. Однако концепции М. Финли в настоящее время решительно отвергаются подавляющим большинством исследователей²⁷; что же касается малого количества монет, находимых при раскопках, то в современных условиях этот тезис утратил свое значение. Современные раскопки памятников архаического времени дают очень большое число монет. Дело в том, что основная часть ранних монет имела маленькие размеры, и, в силу этого, обычно они не замечались археологами. Сейчас же при широком использовании в ходе раскопок металлоискателей находки монет мелких номиналов резко увеличились, и представление о редкости таких монет в архаическую эпоху полностью опровергнуто²⁸. Фанагорийский клад убедительно «вписывается» в эту картину и доказывает, что уже в очень раннее время здесь были широко развиты товарно-денежные отношения.

В рамках небольшой статьи невозможно подробно рассказать о работах на некрополе Фанагории, который отличается разнообразием типов погребальных сооружений²⁹. Остановимся лишь на редкой находке, сделанной в одном из курганов. В его центре было обнаружено сооружение, которое являлось круглым каменным склепом с уступчатым перекрытием. Склеп имел высоту 2,87 м, его диаметр 2,45 м. Дромос, который вел в погребальную камеру с северной стороны, представляет собой коридор, выкопанный в земле и перекрытый сверху толстыми бревнами. Вход в склеп был закрыт каменными блоками. Склеп при вскрытии оказался пустым. В верхнем левом углу входа, заложеного блоками, недоставало трех камней. Через это отверстие в склеп и проникли грабители. Не было обнаружено практически никаких следов погребения. Исключение составляют следы дерева на полу, кото-

²⁷ См. *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Древнегреческая экономика: сто лет дискуссий // Проблемы истории, филологии, культуры. Т. IV, часть 1 (история). М.-Магнитогорск, 1997. С. 57–72.

²⁸ См. ряд статей в сборнике: *Money and its Uses in the Ancient Greek World.* Oxford, 2001.

²⁹ *Паромов Я.М.* Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика) // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. Часть 1. СПб. 2004. С. 287–292; *он же.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998. С. 219, 225 рис. 2.

рые свидетельствуют о том, что в камере стоял деревянный саркофаг. Изнутри погребальная камера была полностью покрыта побелкой. На полу склепа был найден всего лишь один предмет: пантикапейская бронзовая монета, датирующаяся IV в. до н.э.³⁰

В своем подавляющем большинстве склепы с уступчатыми перекрытиями были открыты в Крыму³¹. Все они имеют в плане квадратную или прямоугольную форму. Фанагорийский открывает собой новый тип склепов – с круглой камерой и лежащим на ее стенах круглым же куполом. Склепы с уступчатыми перекрытиями являются феноменом, характерным для боспорской погребальной архитектуры. Уже многие годы исследователи пытаются определить истоки происхождения этих склепов. Одни считают, что боспорские склепы имеют своим прообразом знаменитые толосы микенского времени, другие же ищут параллели в местных скифских и меотских погребальных сооружениях³². Однако естественными выглядят сомнения в возможности заимствования боспорскими архитекторами идей, заложенных в сооружения, построенные – и скрытые от человеческих глаз – примерно за многие сотни лет до них³³. Правомерно задать себе такой вопрос: почему обязательно надо искать причину появления уступчатых склепов в Микенах бронзового века или в скифских степях, а не на самом Боспоре? На каком основании надо отказывать Боспору в способности создать оригинальные архитектурные сооружения?

Важнейшими вопросами для понимания причин появления уступчатых склепов являются следующие: почему они возникли именно на Боспоре и почему – в IV в. до н.э.? Аналогичные сооружения в других причерноморских полисах не известны. Ответ на эти вопросы почти очевиден: начиная с конца V в. до н.э. на берегах Керченского пролива происходит процесс становления государства, объединившего в своем составе независимые до этого полисы европейского и азиатского Боспора. Это позволило правящей в Боспорском государстве династии Спартокидов сосредоточить в своих руках не только большую власть, но и значительные материальные ресурсы. IV в. до н.э. становится вре-

³⁰ См.: *Зограф А.Н.* Античные монеты (Материалы и исследования по археологии СССР. № 16). М.-Л., 1951. Табл. XL,19; *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. Табл. V, 56.

³¹ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л., 1981. С. 6–54.

³² *Блаватский В.Д.* О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // Советская археология. Т. XXIV. 1955. С. 29–53; *Он же.* Античная археология... С. 146–150.

³³ *Dinsmoor W.B.* The Architecture of Ancient Greece. N.-Y., 1975. P. 28f.

менем расцвета государства, что прослеживается археологически в: тотальной реструктуризации сельскохозяйственной территории (вся территория покрывается сетью заново основанных сельских поселений), огромном количестве импортных товаров, которое во многом покрывалось экспортом боспорского хлеба в Грецию именно в это время, чеканке собственной золотой монеты, расцвете архитектуры городов и сельских вилл и т.д. Величие и власть боспорского царя неизбежно должны были проявляться во внешних признаках, в том числе, и в погребальной архитектуре. Монументальные сооружения – склепы Золотого и Царского курганов под Пантикапеем были бесспорно созданы по заказу правящей династии. Такого рода заказ мог осуществить местный или приглашенный архитектор, которому была поставлена задача создания необычного погребального комплекса. С течением времени склепы с уступчатыми перекрытиями, более скромные по характеру, стали сооружать для себя представители правящей элиты. Важно отметить, что в III в. до н.э. уступчатые склепы прекращают свое существование. В это же время прекращается боспорская хлебная торговля, а также чеканка пантикапейской золотой монеты, происходят другие негативные события в истории Боспора. Все они самым тесным образом связаны с кризисом на Боспоре, последовавшем в результате каких-то военных событий.

Фанагория представляет собой благодатный объект для проведения подводных археологических исследований. Значительная часть памятника, примерно его треть, затоплена водами Таманского залива. Важным фактором является то, что глубина моря в акватории затопленной части не превышает 3 м. В прибрежной части можно видеть не только многочисленные обломки античной и средневековой керамики, но и остатки сооружений, построенных из камня. Исследование находящихся под водой культурных напластований Фанагорийского городища важно не только само по себе. Датировка этих слоев, а также строительных объектов даст возможность внести значительный вклад в решение проблемы евстатических колебаний уровня Черного моря.

Подводные исследования в Фанагории впервые были проведены в 1958 г.³⁴ В 1999 г. они были возобновлены экспедицией Института археологии РАН. В начале работ было осуществлено гидроакустическое обследование морского дна с целью составления батиметрической карты. Затем был заложен шурф под водой для определения мощности культурного слоя и его сохранности,

³⁴ Блаватский В.Д. Античная археология... С. 167–173, 221–227; Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А. Открытие затонувшего мира. М., 1963. С. 76–85.

определения характера влияния моря на этот слой в течение многих веков³⁵. Батиметрическая карта показала, что затопленной частью Фанагории можно считать полосу, закрашенную разными оттенками желтого цвета, шириной с юга на север от 200 м до 270 м. Длина этой полосы с востока на запад равна примерно 1 км. Отсюда следует, что размеры затопленной части Фанагории колеблются в пределах между 22 и 25 га. На основе подводных исследований в Фанагории сейчас можно говорить о том, что поднятие уровня моря не превышало отметку в 3 м.

Морское дно в затопленной части Фанагории покрыто слоем песка и ила, толщина которого колеблется от 30 до 70 см. Обследование дна в акватории затопленной части городища в 2004 г. привело к важным результатам. Неподалеку от западной границы памятника на расстоянии около 120 м от берега был обнаружен угол мраморного блока, который давал надежду на открытие необычного объекта. Дно в этом месте покрыто слоем песка и небольшим количеством водорослей. В результате расчистки грунтососом небольшого участка общей площадью 100 м² обнаружилась следующая картина: под слоем песка находилось скопление камней, которые представляли собой строительные блоки, архитектурные детали, обломки мраморных статуй; большинство из них было вложено в деревянную конструкцию, построенную из крупных бревен³⁶.

Среди найденных объектов наибольший интерес представляют четыре надписи: о восстановлении портика, посвящение царя Аспурга, постамент под статую царя Савромата II и надгробие жены Митридата VI Евпатора.

1. Надпись Аспурга³⁷.

Надпись вырезана на большом строительном блоке, установленном в стене здания, которое было полностью построено из мрамора.

Βασιλεὺς Ἀσποῦργος, φιλορῶμαιος,
βασιλεὺς Ἀσανδρόχου υἱός,
τὸν Ἐρωτα Ἀφροδείτη Οὐ-
ρανίαι Ἀλατούρου μεδέου-
σηι χαριστήριον

³⁵ Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О. Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // Древности Боспора. Вып. 6. М., 2003. С. 153–175.

³⁶ Об этих конструкциях см. Кузнецов В.Д., Латарцев А.Б., Колесников А.Б. Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории // Древности Боспора. Вып. 9. М., 2006. С. 260–280.

³⁷ Подробнее см. Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // Вестник древней истории. 2006. № 1. С. 155–172.

Рис. 5. Подъем надписи с морского дна на поверхность

«Царь Аспург, друг римлян, сын царя Асандроха, (посвятил статую) Эрота Афродите Урании, владычице Апатура, в качестве благодарственного дара».

Надпись важна для уточнения династической истории Боспора. Хронология боспорских царей после гибели Фарнака, сына Митридата Евпатора, не совсем ясна. В период противостояния Фарнака Юлию Цезарю царь оставил в Пантикапее для контроля ситуации на Боспоре *эпитрона* по имени Асандр. Воспользовавшись тяжелым положением Фарнака Асандр захватил власть на Боспоре. Для легализации своих претензий на престол он женился на дочери Фарнака и внучке Митридата Евпатора – Динамии. После его смерти около 20 г. до н.э. Динамия правила в течение ряда лет, после чего период с 8 г. до н.э. по 14 г. н.э. не освещен письменными источниками. Соответственно мы не знаем точно, кто правил Боспором в этот промежуток времени. Только нумизматика частично помогает оценить ситуацию на Боспоре. Однако монеты в это время несут на себе не полное имя царя, а лишь монограммы. Поэтому единственным твердо зафиксированным фактом считается то, что в 14 г. н.э. Аспург официально был признан Римом царем Боспора. Об этом свидетельствует чеканка им золотых статеров, несущих на себе монограмму

Рис. 6. Работа водолаза грунтососом

(BAP), которая расшифровывается как βασιλέως Ἀσπούργου (царя Аспурга)³⁸. Также на основании чеканившихся Аспургом монет известна дата его смерти – 37 г.

До находки этого документа было известно 7 надписей, в которых упоминается имя Аспурга. Для нашей темы особый интерес представляют четыре надписи. Две из них – посвятельные надписи, а две другие – письма Аспурга жителям города Горгииппии. Посвятельные надписи важны для датировки нового документа (КБН № 39, 40). В первой из них, которая сохранилась фрагментарно, дана дата – 23 г. Вторая надпись, хотя и содержит даты, очень близка к первой как по шрифту, так и по титулатуре царя, в которой перечисляются племена, входившие в состав Боспора, и сообщается о победе царя над скифами и таврами (КБН № 40). Можно согласиться с большинством специалистов, что оба документа практически одновременны. В последнем из них говорится, что Аспург «происходит от Асандроха» (τὸν ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου). Эта фраза породила целую дискуссию в научной

³⁸ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Часть I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. – 210/211 г. н.э. М., 1997. С. 64.

литературе о происхождении Аспурга. Во-первых, некоторые исследователи идентифицируют Асандроха с боспорским царем Асандром, другие же видят в нем варвара сарматского происхождения³⁹. В зависимости от этого в Аспурге видели приемного сына Асандра, мужа, сына и даже внука Динамии⁴⁰. Недавно Ю.Г. Виноградов на основании фразы τὸν ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου выдвинул гипотезу, в соответствии с которой Аспург был приемным сыном Асандра. Аспург был родом из сарматского племени, о чем говорит и его имя, имеющее иранские корни. Отсюда ученый делает заключение, что Аспург не был законным наследником боспорского престола, а захватил власть силой, основав, таким образом, новую династию, сарматскую по своему происхождению⁴¹.

Надпись из Фанагории ставит точку в этих дискуссиях. В ней прямо говорится, что Аспург был сыном Асандроха, который, по всей видимости, идентичен боспорскому царю Асандру. Соответственно, Аспург, будучи через свою мать Динамию потомком Митридата Евпатора, имел все права на боспорский престол.

Теперь о датировке надписи. Единственную возможность уточнить её датировку дает, как кажется, титул φιλορώμιος («любящий римлян»), который в ней присутствует. В трех боспорских надписях, манумиссии из Фанагории (КБН № 985) и двух письмах жителям Горгиппии⁴², которые датируются 16 г., Аспург носит только один титул – φιλορώμιος. При этом в одном из писем Аспург сообщает, что он совершил поездку к императору в Рим. О цели поездки ничего не говорится. Датированные золотые статеры с монограммой Аспурга позволяют говорить о том, что признание боспорским царем произошло в 14 г., возможно, еще императором Августом незадолго до его смерти. В таком случае можно полагать, что царь ездил к новому императору Тиберию для подтверждения своих полномочий на боспорский престол.

Надпись из Пантикапея, в которой сообщается о победе царя над скифами и таврами (КБН № 40) и которая очень близка по времени другой, датированной 23 г., использует необычную титулатуру: Βασιλέα μέγαν Ἀσποῦργον φιλορώμιον, τὸν ἐκ βασιλέως

³⁹ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 13–134.

⁴⁰ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Т. 25. М., 1916. С. 17.

⁴¹ Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // Вестник древней истории. № 2. 1994. С. 151–170.

⁴² Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // Советская археология. № 2. 1965. С. 197–208; Heinen H. Zwei Briefe des bosporianischen Königs Aspurgos // ZPE. 124. 1999. S. 133–142.

ἸΑΣανδρόχου, φιλοκαίσαρα καὶ φιλωρῳμαῖον κτλ. Как видим, здесь впервые появляется титул *φιλοκαίσαρ* («любящий цезаря»), а слово *φιλωρῳμαῖος* употреблено два раза: первый до имени отца, что само по себе уникально в боспорских надписях, а второй – после. Как это можно объяснить? Считается, что термин *φιλοκαίσαρ* в «проримской» титулатуре напрямую связан с культом императора. Его использование кем-либо свидетельствует об исполнении этим человеком жреческих функций в императорском культе⁴³. Если это так, можно допустить, что Аспург стал жрецом императорского культа не позднее примерно 23 г.

Двойное употребление термина *φιλωρῳμαῖος* вряд ли следует объяснять ошибкой резчика, как считают некоторые исследователи, поскольку речь идет об официальной титулатуре царя. Скорее всего, это сделано намеренно. Возможно для того, чтобы показать, что Аспург носил титул «друга римского народа» добровольно еще до того, как его права на престол были признаны императором, и при этом ставил его перед именем отца. Теперь же, после такого признания, он его оставил на прежнем месте, добавив после патронимикона обычную формулу.

Таким образом, вновь найденная надпись может быть датирована временем между 16 и примерно 23 гг.

Царь Аспург совершил благодарственный дар Афродите по поводу неизвестного нам события. Почему он был посвящен именно этой богине? Афродита была с самого начала колонизации этого региона главной богиней греческих переселенцев. Культ Афродиты Урании, владычицы Апатура, был распространен исключительно на Боспоре. Многие исследователи согласны в том, что он произошел от слияния культов Афродиты и местной скифо-сарматской богини Аргимпасы⁴⁴, что кажется несколько сомнительным⁴⁵. Страбон упоминает Апатур – святилище Афродиты, когда перечисляет города Азиатского Боспора, а также о знаменитом святилище этой богини в самом городе Фанагория (Strab. XI, 2. 10) Таким образом, боспорский царь посвятил статую

⁴³ Pleket H.W. The Greeks Inscriptions in the «Rijksmuseum van Oudheden» at Leiden. Leiden, 1958. P. 6; Dumant Ch., Pouilloux J. Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos. II. De 196 avant J.-C. jusqu'à la fin de l'Antiquité. P., 1958. P. 121; Buraselis K. Kos between Hellenism and Rome. Studies on the Political, Institutional and Social History of Kos from the Middle Second Century B.C. until Late Antiquity. Philadelphia, 2000. P. 102; SEG XLIX (1999), N 1417.

⁴⁴ Ustinova Y. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden-Boston-Köln, 1999. P. 41–42, 173.

⁴⁵ Аргимпаса входила в состав скифского пантеона, ближайшими же соседями Фанагории были меоты и синды, и поэтому более вероятным кажется не греко-скифский синкретизм, а греко-синдо-меотский.

Эрота в качестве благодарственного дара в один из важнейших храмов государства. Принимая во внимание то обстоятельство, что Афродита Урания была покровительницей боспорских царей и всего государства⁴⁶, можно полагать, что посвящение последовало после какого-то важного для Аспурга события.

2. Постамент под статую боспорского царя Савромата II.

Самой крупной по размерам находкой оказался мраморный постамент под статую⁴⁷. Его высота 1,47 м. На верхней площадке постаamenta сделаны углубления для ног. Фигура стояла, опершись на прямую левую ногу, тогда как правая была согнута и отставлена назад. Правой рукой человек опирался на какой-то предмет типа посоха, для которого в переднем левом углу поверхности постаamenta было сделано небольшое углубление. В верхней части лицевой стороны постаamenta сделана десятистрочная надпись:

Ἄγαθῆ τύχῃ
τὸν ἐκ προγόνων βασιλέων βασι-
λέα μέγαν Τιβ(έριον) Ἰούλιον Σαυρο-
μάτην, υἱὸν βασιλέως Ῥοιμη-
5 τάλκου, φιλοκαίσαρα καὶ φιλωρώμεον,
εὐσεβῆν, φιλόπατριν, ἀρχιερέα τῶν
Σεβαστῶν διὰ βίου καὶ εὐεργέτην
τῆς πατρίδος τὸν καὶ κτίστην, Ἰούλιος Μενέ-
στρατος, ἀρχικοιτωνεΐτης τὸν ἴδιον θεὸν
10 καὶ δεσπότην τιμῆς χάριν.

«В добрый час. Происходящего от предков царей, великого царя Тиб(ерия) Юлия Савромата (*его стацию*), сына царя Реметалка, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, любящего свое отечество, пожизненного первосвященника августов, благодетеля отечества и основателя, Юлий Менестрат, архигойтонит, своего бога и владыку почета ради (*поставил*)».

Под надписью в довольно высоком рельефе – изображение быка. Разъяренный бык привязан веревкой к кольцу, его туловище обвязано лавровым венком. Очевидно, бык был приготовлен для жертвоприношения⁴⁸.

Итак, надпись сообщает, что статуя, стоявшая на постаменте, была посвящена боспорскому царю Савромату II. В надписи использована самая полная титулатура, известная для боспорских

⁴⁶ Ustinova Y. The Supreme Gods... P. 41–42.

⁴⁷ Подробнее см. Кузнецов В.Д. Новые надписи... С. 161–170.

⁴⁸ См. близкую аналогию (правый бык): Robert L. Hellenica. Vol. X. P., 1955. 43–46 Pl. IX, 2; X.

Рис. 7. Расчистка надгробия на некрополе

царей. Прежде всего подчеркивается его прямая связь с царственными предками. В соответствии с принятой во времена Митридата VI Евпатора традицией царь называется великим (*μέγας*). Затем используется типичная для Боспора титулатура, показывающая лояльность царя по отношению к Риму – *φιλόκαισαρ καὶ φιλόρωμιοσ*. Практически все боспорские цари, начиная с середины I в. н.э., были пожизненными первосвященниками культа римских императоров – *ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου*. Английский исследователь Ф. Миллар отмечает, что в этом отношении боспорские правители были уникальны среди зависимых царей, из поколения в поколения публично демонстрируя таким образом свою преданность императорам⁴⁹. Далее перечислены титулы царя, которые свидетельствуют о его патриотизме.

Надпись датируется временем царствования Тиберия Юлия Савромата II, который правил на Боспоре с 173/4 по 210/11 гг. н.э. Обратимся к титулатуре боспорского царя. В надписи использованы два широко распространенных на территории империи (особенно в ее восточных регионах) титула, которые свидетельствуют

⁴⁹ Millar F. *Emperors, Kings and Subjects: The Politics of Two-Level Sovereignty* // *Scripta Classica Israelica*. XV. 1996. P. 170–171.

о его лояльности по отношению к Риму – *филокайсар* и *филоромайос*. Уже в течение многих десятилетий ученые пытаются уточнить их содержание. В русскоязычной литературе господствует мнение о том, что рассматриваемые титулы соответствовали латинскому выражению *amicus imperatoris populi que Romani*. Тем более, что в одной из боспорских надписей, выбитых на латинском языке и посвященных предку Савромата II – Савромату I, использовано именно это выражение (КБН № 46). Эти титулы цари могли носить только после подписания соответствующего договора с Римом, который свидетельствовал об определенной зависимости Боспора. Причем такой договор не был наследственным, и каждый царь должен был подписывать его заново. Однако некоторые исследователи скептически относятся к тому, что боспорские цари юридически оформляли свою зависимость от Рима. Например, Б. Функ считал, что если латинская формула *amicus imperatoris populi que Romani* представляет собой твердо установившуюся составную часть официальной титулатуры, то ее греческий вариант является более описательным и применяется не всегда последовательно. Нередки случаи, когда в греческом варианте этой формулы присутствует только один элемент. Отсюда следует заключение, что греческий вариант не представляет собой строгой юридической нормы и отражает латинскую формулу лишь приблизительно и скорее внешне. Появление титулов *филокайсар* и *филоромайос* в титулатуре боспорских царей не следует, по мнению ученого, переоценивать в смысле юридически оформленного акта, который представлял бы собой итог дипломатических отношений⁵⁰.

Вопрос о том, подписывал каждый новый царь Боспора договор с Римом и был ли обязан носить титулы *филокайсар* и *филоромайос* или делал это добровольно, решить однозначно трудно. В послемитридатовскую эпоху новые правители Боспора, начиная с Фарнака, пытались отстоять в течение какого-то времени независимость своего царства и даже расширить его границы. Однако вскоре стало ясно, что противостоять могуществу Рима практически невозможно. В русской историографии утвердилось мнение, что именно поэтому сложился определенный паритет в отношениях между ними. С одной стороны, Рим не смог превратить Боспор в свою провинцию, поскольку эти территории слишком удалены от Средиземноморья и трудны для контролирования. Поэтому Рим был, очевидно, согласен пойти на определен-

⁵⁰ Функ Б. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 77 и сл.

ные уступки и допускает относительную независимость Боспора, при условии контролирования им передвижений варварских племен вдоль северного побережья Понта. Более того, начиная с середины II в. н.э., боспорские цари получали от римской администрации ежегодные субсидии на эти цели⁵¹.

Варварская же угроза была, по всей видимости, велика: на протяжении I–II вв. боспорские надписи сообщают о ряде побед над скифами и другими варварами (КБН № 32, 33, 39, 40, 1237). Поэтому не случайно Боспор стал едва ли не единственным среди восточных царств, который так никогда и не вошел в состав какой-либо провинции⁵². С другой стороны, над Боспорским царством всегда висел «дамоклов меч» римского вторжения в случае, если бы императора что-то не устроило в политике царя. По этой причине Боспор должен был признать свою вассальную зависимость. Соответственно, боспорские цари должны были демонстрировать свою лояльность по отношению к Риму и императору, что нашло отражение как в использовании царями «проримской» титулатуры, широко распространенной по всей империи, принятии ими имен римских императоров Тиберий и Юлий, так и в пожизненном выполнении обязанностей первосвященников культа императоров. По всей видимости, в столице государства, Пантикапее был построен храм, где отправлялся этот культ. Как бы то ни было, существование такого храма (*καισάρειον*) зафиксировано надписью первой половиной II в. н.э. в Фанагории (КБН № 1050). Надписи не дают определенной информации о подписании специальных договоров об *amicitia* между Римом и Боспором. Хотя у нас имеется, по крайней мере, одно документальное свидетельство о поездке Аспурга в Рим (о чем речь шла выше), но в любом случае, является совершенно очевидным тот факт, что, хотя Боспор и не вошел в состав какой-либо провинции, он находился в полном подчинении Рима⁵³.

3. Строительная надпись. 517 г. боспорской эры = 220 г. н.э.

Одна из поднятых со дна моря надписей оказалась строительной. Это одна из немногих надписей такого рода, найденных в Фанагории. В ней говорится:

Ἀγαθῆ τύχη.
Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου
Ῥησκουπόριδος υἱοῦ μεγάλου βασιλέως Σαυ-
ρομάτου, φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρωμαίου, εὖσε-

⁵¹ Millar E. *Emperors, Kings and Subjects...* P. 164.

⁵² *Ibid.* P. 163 f.

⁵³ Heinen H. *Rome et le Bosphore: note épigraphique* // *Cahiers du Centre Gustave-Glotz*. VII. 1996. P. 85–95.

5 βοῦς, τὴν στοὰν πολέμῳ καταφθαρεῖσαν
 ἀνασχευάσας ἐκ θεμελίων Βεΐβιος Ἄχαι-
 μένους τοῦ Βεΐβιου, λοχαγός, ἐκ τῶν ἰδίων
 ἀλεκατέστησεν τῇ πατρίδι ἐπὶ νησάρχη
 Ποπλίῳ Ἀντιμάχου τοῦ Δημητρίου δι' ἐπι-
 10 μελείᾳ Ἡλίου Μηνᾶ ἐν τῷ
 ζιφ' ἔτει καὶ μηνὶ Λῶφ α'.

«В добрый час! В царствование царя Тиберия Юлия Рескупорида, сына великого царя Савромата, друга цезаря и друга римского народа, благочестивого, выстроив от основания разрушенную войной стую, Бейбий, сын Ахемена, внук Бейбия, лохаг, восстановил ее из своих средств для отечества при *несархе* Публии, сыне Антимаха, внуке Деметрия, попечением Гелия, сына Мена, в 517 году в месяце Лое первого числа».

Имя Бейбия встречается на Боспоре впервые. Оно имеет фракийское происхождение и встречается в различных частях греческого мира в римское время⁵⁴. Интерес вызывает восьмая строка надписи, в которой мы встречаем слово ΝΗΣΣΑΡΧΗΝΙ. Оно стоит в дательном падеже с предлогом ἐλί, что позволяет его перевести как «при начальнике острова», «в то время, когда начальником острова» был Публий, сын Антимаха. Известно, что на Боспоре была должность, которая называлась ὁ ἐπὶ τῆς νήσου (КБН № 40, 697, 982, 1000). Предполагается, что здесь слово «остров» обозначало азиатскую часть Боспорского государства (Таманский полуостров), которой руководил специальный наместник царя⁵⁵. Его резиденция, по всей видимости, находилась в столице азиатской половины царства, в Фанагории. Новый термин встречается впервые не только в боспорских надписях, но и вообще в греческой эпиграфике. Использование двух сигм вместо одной в слове νησάρχης не должно считаться ошибкой, поскольку удвоение сигмы – и специально в слове νῆσος – зафиксировано в ряде эпиграфических документов⁵⁶.

⁵⁴ Beševliev V. Untersuchungen über die Personennamen bei den Thrakern. Amsterdam, 1970. S. 40. Оно встречается в различных частях греческого мира эпохи римского господства: IGBulg. II. № 519; Mócsy A. Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. Amsterdam, 1970. S. 155; McLean B.H. Greek and Latin Inscriptions in the Konya Archaeological Museum. L., 2002. P. 89; Traill J.S. Persons of Ancient Athens. Vol. 4. Auxanon to Gypsiniis. Toronto, 1995. N 264515; SEG XXIX (1979). N 165, SEG XLVIII (1998). N 465; Engellmann H., Knibbe D., Merkelbach R. Die Inschriften von Ephesos. Teil IV. Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Band 14. Bonn, 1980. N 1037.

⁵⁵ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство... С. 343.

⁵⁶ Gignac F.Th. A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods. Vol. I. Phonology. Milan, 1976. P. 159–160; Brixhe C. Essai sur le grec anatolien au debut de notre ere. Nancy, 1984. P. 31–33; Smith M.F. ΝΗΣΣΟΣ at Oinoanda in Lycia – Misspelling or Genuine Variant? // ZPE. 130. 2000. P. 127–130.

Теперь вопрос заключается в том, является ли новый термин для обозначения наместника боспорского царя на Таманском полуострове синонимом прежнего термина или нет. Мы склоняемся к первой возможности: по всей видимости, ὁ ἐπί τῆς νήσου мог параллельно называться и νησάρχης.

Еще один важный вопрос, который возникает при чтении новой надписи: о какой войне, результатом которой стало разрушение стои в Фанагории, может идти речь? Боспорское государство в первые века нашей эры неоднократно вело войны с окружающими племенами скифов, тавров, сарматов, о чем говорится в ряде боспорских надписей (КБН № 32, 33, 39, 40, 1237). Эпиграфические документы второй половины II – начала III в. н.э. свидетельствуют о многочисленных ремонтных работах оборонительных сооружений в пограничном с варварами Танаисе⁵⁷. Не исключено, что незадолго до 220 г. н.э. во время одного из своих набегов варварские племена смогли захватить какие-то боспорские города, в том числе и Фанагорию. В результате этой войны городу был причинен определенный ущерб, о чем мы знаем только по разрушению стои.

4. Надгробная надпись. 63 г. до н.э.

Особенно интересной является надпись, вырезанная на мраморном постаменте под статую. Постамент состоял из двух частей, из которых найдена только верхняя. По всей видимости, постамент был высоким, о чем говорят большие размеры букв (3,5–4 см), чтобы они могли читаться с довольно большого расстояния.

[Υ]ψίκρατες γύναϊ
βασιλέως Μιθραδάτο[υ]
Εὐπάτορος Διονύσου,
χαῖρε

«Гипсикрат, жена царя Митридата Евпатора Диониса, прощай».

Из текста следует, что постамент со статуей был надгробием жены понтийского царя Митридата VI Евпатора. Однако совершенно неожиданным является то, что женой царя назван мужчина по имени Гипсикрат! Как можно интерпретировать этот совершенно неординарный факт? Разгадку мы находим у Плутарха, в биографии Помпея: «Сам Митридат в начале сражения [с римской армией Помпея] вместе с отрядом из восьмисот всадников прорвался сквозь ряды римлян, однако этот быстро рассеялся и царь остался всего лишь с тремя спутниками. Среди них находи-

⁵⁷ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство... С. 336–338.

лась его наложница (παλλακίς) Гипсикратия, всегда проявлявшая мужество и смелость, так что царь называл ее Гипсикратом. Наложница была одета в мужскую персидскую одежду и ехала верхом; она не уставала ухаживать за царем и его конем... (Plut. Rom. XXXII).

Отсюда становится ясным, что надгробие принадлежало жене царя Гипсикратии, которую Плутарх «понижил в ранге», назвав ее наложницей Митридата VI Евпатора. Таким образом, надпись подтверждает свидетельство Плутарха о том, что Митридат называл свою жену или наложницу мужским именем. Этот факт был известен тем, кто установил надгробие в Фанагории.

Но почему же Гипсикратия была похоронена в Фанагории? За ответом нужно обратиться к Аппиану и Орозию (App. Mitr. 108; Oros. VI,5,2). Аппиан рассказывает, что Фанагория подняла против Митридата восстание, в результате которого царский гарнизон в городе был разбит, а пятеро детей Митридата были захвачены в плен⁵⁸. Для спасения своих детей царь послал из Пантикапея корабли. Гипсикратия либо находилась в Фанагории вместе с детьми Митридата, либо прибыла туда из столицы для их спасения. Очевидно, что она погибла во время восстания жителей Фанагории.

Естественно, что в данной статье приведены только самые сенсационные результаты исследований последних лет. Археологические материалы, полученные в результате раскопок, изучаются не только сотрудниками Института археологии РАН, но и преподавателями нескольких российских университетов, которые стали полноправными участниками фанагорийского проекта. Студенты же этих университетов проходят настоящую археологическую практику.

В следующем сезоне раскопки на Фанагории будут продолжены, и мы надеемся, что они принесут новые блестящие находки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КБН – Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.
IGBulg – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia.
SEG – Supplementum epigraphicum graecum. Amsterdam.
ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

⁵⁸ Панов А.Р. Восстание Кастора в Фанагории: интерпретация источников // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 41–45.

ПРОБЛЕМА ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ «МАЛЫХ» ЯЗЫКОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА*

А.Е. Кибрик

С точки зрения неискушенного человека, говорящего на престижном «большом» языке, проблема, рассматриваемая в данной статье, не представляет особого интереса. Существование на земном шаре большого количества языков обычно кажется ему излишней роскошью, если не практической помехой, для беспрепятственного распространения информации в современном мире. Это положение вещей, кажется ему, находится в конфликте с жизненными интересами человечества, и его необходимо изменить. Действительно, такой процесс идет стремительными темпами, вызывая серьезную обеспокоенность у лингвистического сообщества.

1. ЖИВЫЕ, «БОЛЬНЫЕ», «УМИРАЮЩИЕ» И МЕРТВЫЕ ЯЗЫКИ: КАКОВЫ НАУЧНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

1.1. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ: НА ГРАНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

За время существования *homo loquens* для науки безвозвратно утеряно огромное количество материальных свидетельств о существовавших ранее языках. Во-первых, это умершие языки, не оставившие потомства, во-вторых, это предшествующие состояния («предки») современных языков.

Не дожившие до настоящего времени бесписьменные языки никогда уже не будут доступны лингвистическому анализу. Предки современных языков (праязыки) могут быть до известной степени реконструированы по данным современных языков и/или по сохранившимся письменным памятникам. Реконструкция предшествующих состояний языков является главной целью сравнительно-исторического метода.

В настоящее время на земном шаре продолжает существовать достаточно много языков. Точную цифру никто не может указать, но по разным подсчетам количество современных языков колеблется от 6000 до 7000. Будем исходить из меньшей цифры – 6000¹.

* Работа выполнена при частичной поддержке гранта РФФИ № 05-06-80351а и NSF 0553546.

¹ См.: Kibrik A.E. The problem of endangered languages in the USSR // *Endangered languages*. Oxford – N.-Y., 1991. P. 257–273; Кибрик А.Е. Проблема исчезающих языков в бывшем СССР // Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 67–79. Почти полная неизученность многих

Распределение языков по числу говорящих

Численность говорящих	Число языков	Доля от всех языков
> 150 миллионов	7	0,1%
> 50 миллионов	20	0,3%
> 1 миллиона	138	2,3%
> 100 тысяч	258	4%
> 10 тысяч	597	10%
< 10 тысяч	5400	90%

Языки очень неравномерно распределены по числу говорящих (см. таблицу).

Языков, на которых говорит более 150 миллионов, всего семь, если добавить к ним языки с числом говорящих более 50 миллионов, то число таких языков увеличится до двадцати. Всего у 138 языков число говорящих более миллиона. Далее численность говорящих быстро падает. 258 языков имеют численность говорящих более 100 тысяч, 597 языков имеют численность говорящих более 10 тысяч. Это всего 10% от общего числа языков. Подавляющее большинство языков (около 5400) имеют ничтожное количество говорящих – менее десяти тысяч человек.

Итак, доля «крупных» языков (более 100 тысяч говорящих) составляет всего 4%, а доля «малых» языков (менее десяти тысяч говорящих) – 90% (доля языков промежуточной зоны – от 10 до 100 тысяч – 6%). Малые языки составляют на земном шаре подавляющее большинство.

Очевидно, что численность говорящих является одним из важнейших факторов, влияющих на сохранение языка в обозримом будущем. Очевидно также, что малые языки находятся в смертельно опасной зоне с точки зрения угрозы их исчезновения. Прогнозы лингвистов на ближайшее столетие выглядят устрашающе. По пессимистическому сценарию Мишеля Крауса², через

языков, сведения о которых зачастую добываются из косвенных источников, приводит, в частности, к расхождениям в оценке числа языков. В авторитетном издании *Ethnologue* от издания к изданию число языков постепенно изменяется. Около 7000 языков зафиксировано в 1996 году (см. *Grimes B.F. et al. Ethnologue. Dallas, 1996*), в 1988 году в нем значилось 6170 языков. В последней, компьютерной версии 2005 года – (www.ethnologue.com) – 6912 языков.

² Krauss M. 1992. The world's languages in crisis // *Language* 68 (1). 1992. P. 4–10.

сто лет исчезнет 95% ныне существующих языков. По оптимистическому сценарию, сформулированному лингвистами, сотрудничающими с Volkswagen Foundation³, к концу XXI века умрет 60–70% языков. В обоих случаях к здоровым языкам, существование которых в течение ближайшего столетия гарантировано, может быть причислено сравнительно малое количество языков, а подавляющее большинство языков относится к «больным» или «умирающим» языкам.

Проблема надвигающегося массового вымирания языков усугубляется крайне неравномерной их изученностью. Из всего мирового лингвистического сообщества 90–98% исследователей занимается горсткой наиболее престижных языков с национальной традицией изучения. Это, как правило, языки, имеющие статус государственного или регионального языка и поддерживаемые на государственном и образовательном уровне. Количество лингвистов, занимающихся тысячами бесписьменных и младописьменных языков, составляет малую величину. А количество тех, кто занимается умирающими языками, – вообще исчезающе малая величина. Иными словами, почти все исследовательские человеческие ресурсы сконцентрированы на тех языках, существованию которых ничто не грозит, а теми языками, что могут в ближайшее время умереть, лингвисты практически не занимаются.

По личным, возможно слишком оптимистичным, оценкам М. Нуна⁴ только 500 языков имеют полное грамматическое описание, словари, большое количество текстов, то есть являются полностью документированными, порядка 2000 языков имеют краткие грамматические очерки и словари, как правило, неудовлетворительного качества, а документация всех прочих языков весьма рудиментарна или вовсе отсутствует.

1.2. МАЛЫЕ ЯЗЫКИ И ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИКИ⁵

Такое положение вещей, оставленное современной описательной лингвистике в наследство от предшествующего лингвистического опыта, не является случайным. В Европе развитие лингвистики шло от греко-латинской грамматической традиции,

³ Noonan M. Grammar writing for a grammar-reading audience // Perspectives on grammar writing. Special issue of *Studies in language*. Vol. 30. N 2. 2006. P. 351–365.

⁴ Noonan M. Op. cit. P. 352.

⁵ Подчеркну, что нижеследующее краткое изложение основного вектора развития лингвистики крайне упрощено, не оговариваются многочисленные факты научных прозрений и фрагментарных попыток выйти за пределы доминирующей парадигмы.

погруженной в классические древности, к расширению эмпирической базы и вовлечению живых современных национальных языков. До начала XX века лингвистика не осознавалась как единая мировая научная дисциплина, она развивалась в рамках отдельных национальных традиций, объединяемых своими национальными языками.

Следствием этого в европейских странах доминировала почти исключительная концентрация исследований в области своих национальных языков. Для России это был, естественно, русский язык, для Франции – французский, для Англии – английский и т.д.

Развитие общей лингвистической теории (то, что принято называть общим языкознанием) также базировалось, прежде всего, на языковых данных, извлеченных из родного языка исследователей. Можно говорить об англоцентризме для англоязычных стран, о франкоцентризме для Франции, о русоцентризме для России.

Поскольку национальные языки основных государств Европы, которые могли себе позволить роскошь развивать лингвистическое знание, являются родственными и входят в одну большую семью индоевропейских языков, общая лингвистическая теория, обобщающая эмпирическое языковое разнообразие на ограниченном материале достаточно близких по базовой структуре и лексикону языков, также может быть характеризована как страдающая евроцентризмом. Многим лингвистам казалось, а зачастую и сегодня кажется, что все существенные свойства человеческого языка можно обнаружить в своем родном языке плюс, при особой образованности, в тех иностранных языках, что входят в стандартный образовательный набор.

Несмотря на огромные изменения, потрясавшие лингвистику в XX веке, мало что изменилось в понимании фундаментального значения эмпирической языковой базы во всем ее разнообразии. Достаточно сказать, что основные презумпции наиболее популярной в США теории – теории порождающей грамматики – унаследовали все тот же англоцентризм, и лишь под внешним давлением стали вовлекаться данные прочих языков, часто поверхностно и неполно, и лишь в той степени, в какой они не колеблют основных догматов этой теории. Что касается русской лингвистической традиции, то в ней интерес к языкам России был довольно устойчивым, хотя даже беглое ознакомление с традиционными грамматиками и словарями этих языков показывает, что за точку отсчета принимается, как правило, русский язык и традиционная нормативная грамматика русского языка.

Такова вкратце беглая характеристика основного направления лингвистической мысли, расставляющая приоритеты в описа-

тельной и теоретической лингвистике. Малым языкам в этой парадигме действительно нет места. Их изучают энтузиасты-одиночки, сознательно выбирая свое непрестижное экзотическое занятие. И в основном благодаря их усилиям мы имеем то немногое, что все-таки имеем. В России в XIX веке такова была деятельность барона П.К. Услара, посвятившего себя изучению языков Кавказа и значительно опередившего существовавшую в его время теорию, и политического ссыльного В.Г. Богораза, оставившего нам блестящее описание и словарь чукотского языка. В XX веке изучение языков СССР было поставлено на академическую основу, что способствовало значительному прогрессу в инвентаризации и исследовании языков народов Севера, Сибири, Памира и Кавказа. Можно назвать немало достойных упоминания имен, но это увело бы нас слишком далеко в сторону от целей данной работы. Важно, что языковых «белых пятен» на нынешнем постсоветском пространстве практически не осталось (чего нельзя сказать о многих регионах земного шара, заселенных тысячами языков, куда не ступала нога лингвиста), хотя степень изученности большинства языков имеет скорее ознакомительный, а не документирующий характер. И даже этот эмпирический материал почти не востребован лингвистической теорией, с ним знакомы, по тем или иным причинам, лишь лингвисты-одиночки.

Прогнозируемый процесс исчезновения языков не является чем-то неслыханным, он сопровождал всю историю существования человека говорящего. Как правило, языки исчезали вместе с исчезновением говорящих на них этносов в результате истребительных войн или естественных причин – эпидемий и природных катаклизмов. Еще свежа память о великих географических открытиях, повлекших за собой бесчеловечную индустрию уничтожения коренного населения новых для европейцев земель. Так, в начальный период захвата европейцами американского и австралийского континентов были полностью истреблены или вытеснены в места, мало пригодные для выживания, многие племена аборигенов. Удивительно не количество уничтоженных тогда языков, а то, сколько сотен языков выжило и сохранилось до наших дней. Нередко языки уничтожались насильственно, когда завоеватели принуждали побежденных переходить на язык завоевателей. Миллионы африканцев, проданных в рабство в Америку, утратили свои родные языки. Никто не интересовался, какие этнические группы были полностью переселены на американский континент и на каких языках они говорили.

Особенность вымирания языков в новейшее время состоит в том, что носители малых языков добровольно делают выбор в пользу более престижного и перспективного для будущей карье-

ры языка. Этот процесс идет быстрее при соответствующей языковой политике государства, однако и готовность государства поддерживать сохранение языка различными способами, включая введение его в школьную образовательную программу, не всегда приводит к желаемому результату. Когда носителей языка мало, потеря каждого из них ощутимо сказывается на судьбе языка в целом.

1.3. НУЖНО ЛИ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ УМИРАНИЮ ЯЗЫКОВ?

Как говорилось в начале статьи, для рядового обывателя тенденция умирания языков естественна и даже желательна, для него неочевиден исторический драматизм этого процесса. Поэтому следует остановиться на этом вопросе подробнее.

1.3.1. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ

Прежде всего, отношение общества к исчезновению языков является производным от его отношения к экологии среды обитания и сохранению ее *status quo* на земном шаре, к сохранению существующего на нашей планете разнообразия форм жизни во всех ее проявлениях. Многовековая практика следования сиюминутной практической выгоде и варварскому отношению к природе принесла уже достаточно много горьких плодов и невосполнимых утрат. Все более громкими и авторитетными становятся голоса тех, кто призывает к осмотрительности и осторожности в сферах человеческой деятельности, которые могут изменить сложившийся баланс в среде обитания человека. Во многих странах принимаются законодательные меры по защите исчезающих животных и растений, внесенных в «Красную книгу», учреждаются государственные заповедники и национальные парки. Безрассудная эйфория по поводу проектов типа поворота сибирских рек, осушения болот и глобального изменения климата осталась в прошлом.

Это о природе. А как быть с этническим разнообразием человека, с уходящими в глубь веков традициями его материальной и духовной культуры? Хотя эти вопросы относятся к миру самого человека, ответы на них пока менее однозначны. По-прежнему безнаказанно уничтожаются архитектурные памятники (как это происходит и в наше время в Москве, Санкт-Петербурге, Казани), бесценные коллекции культур древних цивилизаций (что было сделано во время последней антииракской военной кампании для защиты от разграбления багдадского музея с его древнейшими

коллекциями вавилонской цивилизации?), палеолитические стоянки древних обитателей нашей земли. Культурное наследие человечества защищается зачастую лишь декларативно и фрагментарно, и то в основном благодаря настойчивости незначительной прослойки общества, осознающей ответственность за прошлое и будущее человека.

Но наиболее сокровенна связь человека с его родным языком. Каждый язык является уникальным продуктом многовековой деятельности человеческого интеллекта, отражением и хранилищем его опыта, нерукотворным памятником нескончаемой цепочки поколений, использовавших язык и адаптировавших его к полному спектру своих нужд. Каждый идиоэтнический язык является ценнейшим культурным достоянием и своего этноса, и человечества в целом.

Таков культурологический подход к проблеме исчезновения языков, рассматривающий гибель каждого языка как этнокультурную катастрофу и призывающий прилагать все средства для ее предотвращения.

1.3.2. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ

Но обратимся к лингвистике как к науке, для которой человеческие языки являются ее объектом. В последнюю четверть прошлого века лингвистика, наконец, вплотную подошла к пониманию того, что ей необходимы не только языковые данные особо престижных языков, но *максимально* полная и подробная информация о *максимально* большем количестве языков, особенно тех, которые далеко отстоят от средневропейского стандарта. Я имею в виду два недавно сформировавшихся научных направления – лингвистическую типологию и когнитивную лингвистику.

Т и п о л о г и я как особый лингвистический взгляд на классификацию языков возникла достаточно давно. Еще в первой половине XIX века Ф. Шлегелем и В. фон Гумбольдтом была сформулирована морфологическая классификация языков, впоследствии многократно уточнявшаяся и изменявшаяся. Ядром этой классификации является противопоставление *изоляции* (например, китайский язык), *агглютинации* (например, тюркские языки) и *флективности* (например, славянские языки) как основных способов организации структуры слова.

В XIX же веке зародилась синтаксическая классификация языков, основанием которой было ознакомление с шокирующими данными эскимосского языка и языков Кавказа. В отличие от привычных европейских языков с противопоставлением субъек-

та и объекта эти языки использовали как бы противоположную конструкцию, противопоставляя, пользуясь привычными терминами, субъект переходного глагола субъекту непереходного и объекту переходного глагола. Синтаксическая классификация долгое время выделяла два типа языков, так называемые языки *номинативного* (корректнее *аккузативного*) и *эргативного* строя. Впоследствии обнаружилось, что эта оппозиция не бинарна, и возможных конструкций несколько больше.

Опыт применения типологических классификаций обнаруживал их недостаточность, слабую применимость к данным реальных языков. Языки, как правило, не вменялись в выделенные классы. Все попытки усовершенствования классификаций не приводили к желаемым результатам. Причина неудач крылась не во внутренних изъянах этих классификаций, а в том, что сама типологическая задача формулировалась неверно. Задача типологии состоит не в классификации языков в целом (что непродуктивно), а в определении пространства возможностей языкового варьирования, ограничивающего типологически правдоподобные, возможные свойства языков от типологически невозможных. Отсюда следует, что классифицироваться должны не языки в целом, а отдельные типологически релевантные параметры языковой структуры, каждый из которых может принимать множество различных значений, реализуемых или могущих реализоваться в конкретных языках. Выбор языком того или иного значения не является автономным, а зависит от многих других выборов, образующих систему; и в конечном счете, каждый язык является уникальной целостной системой, неповторимой конфигурацией значений параметров, образуемой по определенным довольно стандартным правилам. Поэтому такое понятие, как строй языка, связываемый лишь с одним из многих параметров, имплицативные связи между которыми не установлены, очень далеко от реальности. Подобное понимание предмета типологии сформировалось сравнительно недавно и стало общепринятым в последние 20–30 лет.

В типологии накоплен достаточно большой опыт выявления и описания различных параметров варьирования языков. Весьма качественным было трехтомное издание по типологии синтаксических конструкций⁶, уже более десяти лет готовится его второе расширенное и уточненное издание. Можно указать на обобщающее международное двухтомное энциклопедическое издание по типологии, содержащее огромное количество информации по ти-

⁶ *Shopen Th.* (ed.) *Language typology and syntactic description*. In 3 volumes. Cambridge 1985.

пологическим параметрам⁷. Почти тридцать лет назад был издан грамматический вопросник в помощь исследователю малого языка, сыгравший свою положительную роль⁸. Издание мыслилось как стандартный формат для произвольной грамматики, в нем зафиксированы основные вопросы, на которые должно ответить грамматическое описание. В соответствии с этим форматом вышла серия грамматик различных языков. Однако оказалось, что единый обобщенный формат – не лучший образец для грамматического нарратива. При такой структуре грамматики утрачивается информация о том, что является специфическим и в то же время типологически значимым в данном языке. Вопросник такого типа есть скорее меню возможностей, а исследователь должен выбрать из этого меню все, что релевантно для его языка.

Можно сказать, что центр интересов лингвистической теории переместился в настоящее время из области общего языкознания в область типологии, вооруженной исследовательским методом выявления сходств и различий между языками. Типология стала основным инструментом проверки истинности положений общего языкознания как науки о Языке⁹. Неотъемлемым методом типологии является межязыковое сравнение. Поэтому типология остро нуждается в языковых данных как можно большего количества языков. Основным источником этих данных служат грамматические описания языков самых различных языковых семей. Между тем нынешняя эмпирическая база для лингвистической типологии такого типа совершенно недостаточна, а зачастую и недостоверна.

К о г н и т и в н а я л и н г в и с т и к а формировалась совершенно независимо от типологии на базе интердисциплинарного направления, получившего на Западе название *Cognitive science* (когнитивная наука). Объектом исследований данного направления является когнитивная (мыслительная) способность человека, ее материальный и идеальный аспекты. Когнитивная наука включает в себя, кроме лингвистики, экспериментальную психологию, нейрофизиологию, искусственный интеллект и робототехнику, философию, математику.

Что касается Языка, то он является основным средством организации и символического оформления мыслительной деятельности. Язык и мышление – две стороны одного речемыслительного процесса. Проблема Языка и мышления долгое время являлась объектом умозрительных философских рассуждений, во многом верных, но тривиальных. В последнее время возникла надежда

⁷ Haspelmath M., König E., Oesterreicher W. Language typology and language universals. 2 volumes. Berlin – N.-Y., 2001.

⁸ Comrie B., Smith N. Lingua descriptive studies: questionnaire // Lingua N 1. 1977.

⁹ Здесь и ниже, когда подчеркивается, что речь идет о языке вообще, Язык пишется с прописной буквы.

замкнуть цепочку от акустического сигнала через языковые структуры к структуре мысли и ее материальному нейронному субстрату. Такая задача требует радикального изменения взгляда на Язык, так как Язык не является некой вещью в себе и существующей для себя, а естественно формирующейся и совершенствующейся символической упаковкой когнитивной (мыслительной) структуры.

Поскольку когнитивная структура не дана в непосредственном наблюдении, доступ к ней может быть получен через языковые данные. Предполагается, что когнитивная (надъязыковая) структура является базовой, первичной по отношению к Языку, и конкретные языки – это всевозможные идиоэтнические вариации способов упаковки единой (или почти единой) человеческой когнитивной структуры. Поскольку различные языки по-разному упаковывают когнитивную структуру, различные компоненты этих упаковок в разных языках в различной степени приближаются к когнитивной структуре, в идеале кодируя ее *иконически*. Нахождение такой иконичности во фрагментах различных естественных языков – наиболее достоверный способ реконструкции когнитивной структуры. Поэтому грандиозная задача реконструкции ненаблюдаемой когнитивной структуры по наблюдаемым данным естественных языков нуждается в соответствующей эмпирической базе. Заранее нельзя предсказать, какой язык окажется наиболее удобным и доказательным в реконструкции того или иного компонента когнитивной структуры.

1.3.3. ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ

Итак, до недавнего времени малые языки не были в центре внимания лингвистики. Однако постепенно мировое лингвистическое сообщество начинает осознавать угрозу, нависшую над теми бесценными россыпями языковых данных, которые, в исторической перспективе, почти мгновенно могут быть безвозвратно потеряны. Знаменательным в этом отношении был XI международный съезд лингвистов, официально провозгласивший в 1991 году документирование языков, находящихся на грани исчезновения (*endangered languages*), первоочередной задачей лингвистики XXI века. К этому конгрессу был подготовлен коллективный труд экспертов по всем языковым ареалам мира, характеризующий степень опасности исчезновения населяющих эти ареалы языков¹⁰.

¹⁰ См. главу, посвященную языкам СССР, и ее русский перевод. *Kibrik A.E.* The problem of endangered languages in the USSR // *Endangered languages*. Oxford – N.-Y., 1991. P. 257–273. *Кибрик А.Е.* Малые языки на постсоветском пространстве // *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 67–79.

В последующие годы прошло немало международных форумов, посвященных проблеме исчезающих языков. Например, мне довелось участвовать в симпозиуме, организованном Volkswagen Foundation (Bonn, 2000), на котором проводилась глобальная экспертная инвентаризация малых языков мира и разрабатывалась система критериев определения их предрасположенности к исчезновению, а также в международной Киотской конференции (Япония, Киото, 2000), собравшей представительное сообщество наиболее авторитетных специалистов по малым языкам мира, [см. фото], на которой проблема языков, находящихся в опасности, обсуждалась с самых разных точек зрения. Эта конференция продемонстрировала готовность лингвистического сообщества осознанно встретить брошенный ей вызов и сделать все возможное для сохранения и, при определенных условиях, ревитализации максимально большого количества умирающих языков, а также для максимально полного их документирования¹¹.

В последующие годы разрабатываются стандарты первичного и продвинутого документирования, инновационные технологии электронной фиксации языков и языковой деятельности. Эта экспертная работа чрезвычайно актуальна. Обычно исследователь малого языка разрабатывает формат исследования и документации с чистого листа, решая массу организационных и технических проблем самостоятельно. Не существует двух независимо созданных грамматик, сопоставимых по структуре, глубине и охвату описания, по системе презентации языковых данных, по лежащей в основе лингвистической теории.

Совсем недавно появились сборники работ, специально посвященные различным аспектам документации¹².

Возникают различные научные программы и фонды поддержки такого рода исследований. В России главным источником финансовой поддержки является РГНФ.

Есть все основания полагать, что документирование малых языков действительно в скором времени станет общепризнанным

¹¹ См. Kazakevich O. and Kibrik A. Language endangerment in CIS // M. Brenzinger (ed.) Language diversity endangered. Berlin–New York, 2007. P. 233–262. Русский вариант статьи: Казакевич О.А., Кибрик А.Е. Малые языки на постсоветском пространстве // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. М., 2005. С. 13–39. Обобщение высказанных на этой конференции идей и результатов представлено в: Miyooka O., Sakiyama O. and Krauss M. The vanishing languages of the Pacific Rim. Oxford, 2007.

¹² Например, Payne Th.E., Weber D.J. Perspectives on grammar writing. Special issue of // Studies in language. Vol. 30. N 2. 2006; Gippert J., Himmelmann N.P. Essentials of language documentation / The Hague: Mouton de Gruyter, 2006.

Участники Международной Киотской конференции 2000

важнейшим направлением лингвистики XXI века. Под документированием имеется в виду создание стратегического банка данных для лингвистической теории ближайшего и отдаленного будущего.

2. ПРАКТИКА ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ: ОБОБЩЕНИЕ ЛИЧНОГО ОПЫТА

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛЕВОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Я начинал свою полевую деятельность в конце 60-х годов. С самого начала целью полевых исследований было поставить эксперимент: можно ли выработать эффективные методы лингвистического анализа неизвестного исследователю языка? Сама постановка такой задачи не всеми признавалась научной. Неоднократно высказывалось мнение, что качественно описать можно только такой язык, которым исследователь свободно владеет. В этом мнении доля здравого смысла есть: конечно, легче записывать иноязычную речь, контролировать правильность записи и ее содержательной интерпретации, когда исследователь практически может говорить на данном языке и понимать речь, которую он слышит. Но далеко не всегда такие предварительные комфортные условия у исследователя имеются. Интересно было на личном опыте выяснить, какие методы должны быть разработаны и применены, чтобы эффективное изучение языка происходило независимо от знания языка или параллельно с его практическим усвоением. Из литературы, в основном зарубежной, было известно, что многие «экзотические» языки исследовались в таких экстремальных условиях. Существовали также некоторые рекомендации по процедурам извлечения лингвистической информации в полевой работе. Хотя в нашей стране тоже имелась многолетняя традиция полевого описания малых бесписьменных языков, в отечественной литературе удивительным образом исследовательская «кухня» такой работы не фиксировалась и в публикациях всегда оставалась «за кадром».

В 1967 году был проведен первый полевой эксперимент. Он сочетал научные и образовательные цели: познакомить студентов отделения теоретической и прикладной лингвистики филфака МГУ с практикой полевой работы и продемонстрировать им, какие приобретенные ими общелингвистические знания могут быть полезны в ходе столь необычной лингвистической работы. Такое сочетание научных и образовательных целей стало традицией, и более 300 студентов отделения прошли через этот увлекательный тренинг.

Задним числом можно сказать, что моя многолетняя практика полевой работы доказала несостоятельность моих оппонентов. Методология такой работы была выработана, многократно апробирована и доказала свою пригодность для массового обучения¹³.

2.2. ВЫБОР ЯЗЫКА

Практически сразу после окончания первой экспедиции стало очевидно, что продукт полевой работы может иметь и реальную научную ценность, а методология полевой работы – необходимый, но не главный её результат. Этим продуктом является описание изучаемого языка или его фрагмента. Образовательная ценность подобных экспедиций несомненна: студенты не только учатся извлекать правдоподобные языковые данные, но и участвуют в реальном научном проекте.

При такой установке прежде всего встал вопрос о том, на каком языке (каких языках) сделать выбор. Выбор языка, подвергающегося изучению, зависит от многих обстоятельств. Но круг кандидатов, прежде всего, определялся факторами: численность носителей, бесписьменный статус, уровень исследованности.

В целом на земном шаре таких языков огромное большинство, и поэтому в последнее время предпринимаются попытки определить, в какой последовательности следует отбирать языки для документирования. На Западе важнейшим параметром первостепенности документирования служит максимально высокая вероятность умирания языка в ближайшем будущем. Действительно, в этом случае лингвисты выступают в роли бригады скорой помощи, когда пациенту угрожает летальный исход. Если язык практически не изучен и вот-вот умрут последние его носители, необходимо предпринять авральные усилия, чтобы зафиксировать то немногое, что осталось от данного языка. Вместе с тем надо осознавать, что на последней стадии умирания язык уже не функционирует как повседневное средство общения, последние его носители зачастую давно уже на нем не говорят, но в их языковой памяти сохранились некоторые базовые элементы: наиболее важные слова, основные морфологические средства словоизменения, простейшие синтаксические конструкции. Они в состоянии понять записанный ранее текст и с большим или меньшим успехом перевести его, но рассказать какую-либо историю, самостоятельно построить связный текст они уже не могут.

¹³ См.: Кибрик А.Е. Методология полевых исследований (к постановке проблемы). М., 1972.

Поэтому в такой логике эшелонирования документации кроется опасность всегда опаздывать, начиная документировать тогда, когда документировать уже практически нечего. Если ориентироваться на цели, которые выдвигают типология и когнитивная лингвистика, круг потенциальных объектов документирования значительно шире. Он включает в себя малые языки, не имеющие письменности. Наличие письменности открывает доступ к неограниченно большому количеству текстов на данном языке, которые могут быть продуктивно использованы для последующего описания. Они рассматриваются как полноценное повседневное средство общения в быту компактно проживающей этнической группой. Однако этим письменным источникам потенциально угрожает перспектива деградации и умирания.

В полевой практике мы обращались преимущественно к малым языкам, продолжавшим выполнять свою коммуникативную функцию. Их носители активно ими пользуются в повседневной жизни. Это обеспечивало возможность извлекать данные любой степени сложности и проводить лингвистическое исследование в полном объеме. Среди них были представлены как так называемые «одноаульные» языки (языки одного селения), так и языки, на которых говорят в нескольких селениях, компактно расположенных на ограниченной территории.

2.3. ФОРМАТ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ

Существовавшие к концу 1960-х годов описания малых языков, выполненные полевым методом, не претендовали на полноту информации. Большинство описаний ограничивалось разделами грамматики, посвященными фонетике и морфологии. Недостаточность такой документации была очевидна. Во-первых, многие важные вопросы вообще не освещались, во-вторых, у читателя не было возможности самостоятельно проверить правильность и полноту описания даже тех компонентов, что были включены в описание. Обобщая личный опыт полевой работы, можно утверждать: целостное описание языка предполагает два тесно связанных компонента:

- **Языковой материал** – образцы языковой деятельности (тексты всевозможных жанров) и лексика.

- **Грамматическое описание** – максимально полная информация о всех уровнях языковой структуры (фонетика, морфология, синтаксис, дискурс, грамматическая семантика), согласованная с текстами и словарем.

Специфика документации малых бесписьменных языков состоит в том, что ее потребитель этого языка не знает, в связи с чем весь языковой материал требует адекватного перевода, обеспечивающего любому пользователю легкий доступ к оригиналу. Под адекватным переводом понимается не просто идиоматичный перевод, точно передающий значение исходного текста средствами переводного языка, а специальный *метаязык* (формализованный научный язык, построенный на базе переводного языка), отражающий значение всех элементов текста. Как минимум, потребитель должен легко устанавливать значения всех слов, входящих в исходное высказывание. Этой цели может служить буквальный пословный перевод, если позволяет переводной язык. Так, русский язык со свободным порядком слов в значительной степени может быть использован для такого пословного перевода. Этот способ применен в презентации текстов арчинского языка¹⁴. Однако и русский язык не всегда справляется с требованиями пословного перевода. Например, в арчинском языке русским предлогам соответствуют послелого, и пословный перевод послеложных групп дает неприемлемое в русском языке выражение: вместо выражения *в лесу* пословный перевод требовал бы перевода *лесу в*. В таких случаях используется нумерация переводных слов, указывающая реальный порядок слов в оригинале: *2) в 1) лесу*. Если переводным языком является английский с его строгим порядком слов, пословный перевод невозможен. Видимо, поэтому в англоязычных грамматиках к пословному переводу в качестве метаязыка не прибегают, за исключением особых локальных случаев.

При переводе оригинала однозначного соотнесения входящих в него слов со словами буквального перевода недостаточно. Не менее важно эксплицитно представлять внутреннюю морфемную структуру исходного выражения и значения всех морфем. Такого рода информацию с помощью буквального перевода выразить невозможно. Поэтому с конца 70-х годов в практику описаний редких языков постепенно входит специальный метаязык перевода и представления оригинала. А именно, все слова оригинала членятся на морфемы, а под каждым словом стоят значения морфем в том же порядке, что в оригинале. Элементы такого перевода обычно называются *гlossами*, а процесс перевода – *аннотацией* или *гlossированием*. В наших изданиях принято значения лексических основ переводить по-русски, а значения грамматических морфем – стандартными гlossами в латин-

¹⁴ Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. Арчинский язык. Тексты и словари. М., 1977.

ской графике. Это обусловлено стремлением к следованию международным стандартам.

В качестве примера ниже приводится предложение на арчинском языке с поморфемным переводом (*строкой глоссирования*) и литературным переводом на русский язык:

ʕejb	a-r-digi,	lo-bur	xom,
вина(4).NOM	[4.SG]делать-IPFV-PRH	ребенок(HPL)-PL.NOM	женщины(HPL).NOM
ž₀en,	zon	eImm-u-li	bo-na.
вы(NPL).ERG	я.NOM	плакать-PF-EVID	говорить.PF-CVB

Вы, дети (и) женщины, не вините (меня), говоря, что я плакала.

При *первом слове* «вина» после словарного значения в круглых скобках указывается, что это слово относится к 4-му согласовательному классу (роду). Кроме того, через точку указывается, что само слово стоит в номинативе, который не имеет специального показателя и совпадает с основой.

Второе слово содержит три морфемы, разделенные дефисами. Первая морфема – корневая. Стоящий перед переводом в квадратных скобках показатель 4.SG означает, что этот глагол согласуется по [4] классу ед. числа со словом в номинативе «вина», но согласователь в данном случае не имеет материального выражения. Вторая морфема (*r*) имеет видовое значение имперфектива, а третья указывает на показатель склонения – прохитива (*digi*). Первые два слова являются составным глаголом, состоящим из имени «вина» в номинативе и глагола «делать», то есть по-арчински «винить» буквально значит «делать вину».

Третье слово относится к классу личных (human) имен мн. числа (HPL) и состоит из основы и показателя мн. числа (*bur*), а номинатив не имеет материального показателя.

Четвертое слово переводится как «женщины», поскольку оно всегда имеет значение мн. числа, а ед. число имеет совершенно особый корень (*ʔonnol*), то есть множественное число образуется супплетивно. Это слово также относится к классу личных имен мн. числа и в номинативе не имеет материального показателя. Третье и четвертое слова являются обращением, поэтому они выделены запятыми. Отмечу, что обращения стоят в номинативе. Следующее слово, местоимение «вы» стоит в эргативе, см. ниже.

Пятое слово относится к классу личных местоимений 1–2-го лица мн. числа (локуторов). Локуторы во мн. числе противопоставлены прочим личным именам: они требуют такого же показателя согласования, как неличные имена мн. числа (NPL) и стоят в эргативе. В арчинском языке местоимения 1–2 лица мн. числа формально не различают номинатив и эргатив (поэтому спе-

циальный показатель отсутствует), но глагол «говорить» требует постановки имени этого участника в эргативе.

Шестое слово «я» (zon) может означать как мужчину, так и женщину, но в данном контексте это женщина, т.е. слово 2-го класса. Глагол «плакать» не имеет позиций для согласования, поэтому сохраняется формальная неоднозначность. Это слово также стоит в номинативе. Наличие запятой перед данным словом указывает, что начинается новое предложение (деепричастный оборот).

Седьмое слово «плакать» содержит основу, показатель перфектива (*и*) и эвиденциальности (заглазности) *li*. Показатель заглазности означает, что «вы» не видели, как «я» плакала.

Восьмое слово «говорить» состоит из основы перфектива (*bo*) и показателя конверба *na*.

Как легко видеть, идиоматичный перевод существенно отличается от глоссированного буквального перевода. Неглоссированный пословный буквальный перевод мог бы звучать так: «Вину не делайте, дети-женщины, вы, что я плакала, говоря». Отмечу, что в идиоматичном переводе имеются два слова в круглых скобках: (*и*) и (*меня*). Это не случайно. Скобки в данном случае указывают, что в русском переводе эти слова необходимы в главном предложении, а в арчинском оригинале их физически нет.

Этот небольшой пример показывает, насколько в такого типа переводе объемна информация о структуре данного предложения. Любой читатель, знакомый с правилами глоссирования, может составить достаточно полное представление о данном предложении, почти ничего не зная об арчинском языке. Этот пример также показывает, как много должен знать об арчинском языке исследователь, делающий перевод, и насколько трудоемок процесс создания такого перевода.

Собрание глоссированных текстов является особой разновидностью базы данных, позволяющей осуществлять автоматический компьютерный поиск примеров на употребление грамматических форм. Таким образом, любой пользователь может самостоятельно исследовать язык, тестируя правильность грамматического описания и получая ответы на вопросы, которые отсутствуют в грамматическом описании. В самые последние годы для престижных языков начинают создаваться компьютерные корпуса текстов с грамматической разметкой, в том числе Национальный корпус русского языка¹⁵. Объемы таких корпусов огромны по сравнению с корпусами, которые можно создать для малых письменных языков, но этот способ представления текстовых данных очень перспективен.

¹⁵ См.: Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2006.

В докомпьютерную эпоху 60–80-х годов технология глоссирования текстов еще не была разработана. Поэтому в грамматических описаниях *хиналугского*¹⁶ и *арчинского*¹⁷ языков использовалась техника буквального пословного перевода, дополняемого отдельным литературным переводом. В то время это было новшеством в практике грамматических описаний. Последующие грамматики *годоберинского*, *цахурского*, *алюторского* и *багвалинского* языков содержат коллекции текстов со строкой глоссирования¹⁸.

2.3.2. ЛЕКСИКА

Вторая разновидность языкового материала – лексика. Традиционным способом представления лексики являются двуязычные словари. Обычно словари малых языков – по существу словники, где каждому слову исследуемого языка сопоставляется его перевод на переводном языке. Изредка имеется также и обратный словник, в котором входами служат слова переводного языка.

В нашей лексикографической практике мы исходили из желания максимально приблизить словари малых языков к переводным словарям больших языков, содержащих, кроме переводов, различную грамматическую информацию и зону примеров употребления. К грамматической информации относится указание на исходную форму слова, часть речи, грамматический класс слова (особенно в языках с именными классами), морфологические сведения о типе словоизменения и неправильных формах. Обычно эта информация подается в виде основных, не выводимых из исходной формы или друг из друга форм (в качестве аналога можно вспомнить способ представления глагола в латинских словарях с четырьмя основными формами типа: «победить» *vinco – vici – victum – vincere*). Существенным новшеством было последовательное введение в наши словари информации о модели управления предикатных слов. Такая информация обычно систематически не дается даже в переводных словарях больших языков, в то время как она играет фундаментальную роль для построения

¹⁶ Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.

¹⁷ Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2: Таксономическая грамматика. Т. 3: Динамическая грамматика. М., 1977; Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С. Арчинский язык. Тексты и словари. М., 1977.

¹⁸ Kibrik A.E. (ed.). *Godoberi // Lincom Studies in Caucasian Linguistics* 02. Munchen-Newcastle, 1996; Кибрик А.Е. (ред.). Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999; Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьёва И.А. Язык и фольклор алюторцев. М., 2000; Кибрик А.Е. (ред.). Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари. М., 2001.

грамматических высказываний, содержащих соответствующие предикатные слова. В зоне примеров используются высказывания из корпуса текстов, из грамматического описания, а также специально собранные примеры.

Все, кто когда-либо занимались словарем, знают, сколь кропотливой это работа. С одной стороны, любая словарная статья – это небольшое отдельное эссе о мире данного слова, с другой стороны, она тесно связана с грамматикой и текстами. Все контекстные варианты значения слова, встречающиеся в тексте грамматики, должны быть отмечены в словарной статье, и наоборот, каждое слово в грамматике должно соответствовать тому, что о нем написано в словарной статье. Я уже не говорю о тождественности фонетических оболочек слова во всех случаях его появления в грамматике, что для бесписьменного языка представляет собой отдельную задачу.

2.3.3. ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Я подробно остановился на фиксации языкового материала, который составляет эмпирическую базу документации языка. Это, так сказать, его внешний портрет. Грамматическое описание – результат теоретического моделирования языка. Оно зависит от теоретической подготовки и научных предпочтений исследователя, а также от уровня общелингвистических знаний в области Языка. Почти за сорок лет моей полевой практики лингвистическая теория претерпела радикальные изменения, и объем информации, которая должна содержаться в хорошем описании, также существенно увеличился, а способ изложения, терминология, уровень понимания механизмов языка во многом изменились. Традиционно грамматические описания редких языков значительно отстают от текущей лингвистической теории и поэтому стареют, едва появившись на свет.

Давно известно, что обычно находят то, что ищут. Случайные, не зависящие от воли человека находки – редкая удача, подарок судьбы. Если я не знаю, что такое относительное предложение и какие оно может принимать формы поверхностного выражения, и если я не включил эту конструкцию в формат описания и не собирал соответствующий эмпирический материал, мало надежды, что оно будет описано полно и удовлетворит читателя, интересующегося этой конструкцией в описываемом языке.

Какой тактики должен придерживаться исследователь, стремящийся избежать архаичности своего описания и, насколько возможно продлить срок его жизни? Личный опыт показывает, что, с одной стороны, полевой лингвист должен иметь широкую

эрудицию в общей лингвистической теории, быть, так сказать, на переднем крае науки, владеть сегодняшней информацией в тех областях языковой структуры, которыми он непосредственно занимается. С другой стороны, само описание не должно быть ориентировано на текущую новомодную теорию, чья жизнеспособность еще не проверена временем. Описание не должно быть заложником этой теории. В противном случае оно может оказаться бесполезным для последующих поколений читателей, как только эта теория изменится до неузнаваемости или выйдет из лингвистической моды. Иными словами, существующие на момент работы теории должны входить в инструментарий самого исследовательского процесса, служить ориентиром и проверочным тестом на его правильность, но находиться за кулисами, а не на сцене, где разворачивается грамматический нарратив.

В качестве примера из личного опыта позволю себе рассказать о процессе работы над описанием арчинского языка, имевшем место в 1968–1977 годах. В то время наиболее популярной теорией, претендовавшей на интегральную модель языка, была модель «Смысл – Текст» И.А. Мельчука, и в ней ощущалась большая объяснительная сила. Теория представляла Язык как многоуровневую иерархическую структуру, с достаточно разработанным формальным аппаратом представления структуры каждого уровня и правил перехода с уровня на уровень. В идеале предполагалось, что по внешней фонетической форме предложения, переходя с уровня на уровень, можно построить соответствующий ей смысл, и наоборот, заданный смысл можно, двигаясь по уровням в обратном направлении, преобразовать в фонетическую цепочку. Эта теория была вершиной структурного подхода к Языку, ее формат требовал достаточно строгого и эксплицитного описания, не просто фиксирующего встретившиеся языковые явления, но исчисляющего их.

Например, рассматривая словоизменительные средства языка, надо было проверить существование всех допустимых в языке комбинаций значений грамматических категорий. Арчинский язык имеет много глагольных грамматических категорий, каждая из которых принимает много частных значений. Кроме того, возможны различные регулярные отглагольные деривации, образующие отглагольные имена, атрибуты (причастия) и наречия (деепричастия). При этом деривационный процесс является циклическим. Каждая из производных частей речи также имеет свою словоизменительную парадигму, увеличивая количество форм от одного глагольного корня. Некоторые комбинации значений очень частотны, и мимо них невозможно пройти, но большинство комбинаций являются редкими, и в записанных текстах их можно просто не встретить. Модель «Смысл – Текст» предписывает экс-

плицировать, какие формы возможны, а какие нет. Для этого нужно специальное исследование. Оказалось, что потенциально от одного глагольного корня можно получить более миллиона (sic!) словоформ. Этот нетривиальный результат невозможно было бы получить, не следуя формализму данной теории.

Однако вставал вопрос, какой формат грамматического описания выбрать: более традиционный, понятный читателю, ничего не знающему о данной модели, или авангардный, в духе формализмов модели Мельчука. Я избрал компромиссный вариант, а именно, описание в двух вариантах. Так называемая таксономическая грамматика, не использующая терминологии и формализмов модели «Смысл – Текст», была опубликована в одном томе, а динамическая грамматика, написанная в духе этой модели – в другом. В то время, будучи поклонником модели «Смысл – Текст», я верил, что в последующем динамическая грамматика станет основным способом грамматического описания арчинского языка, а таксономическая устареет и будет иметь не более как историческую ценность. Однако в действительности использовалась и продолжает использоваться таксономическая грамматика (насколько я знаю, включая И.А. Мельчука), а к динамической грамматике, как полагаю, кроме меня никто не обращается. Хочу подчеркнуть, что эти две грамматики содержательно эквивалентны, но читателю удобнее работать с более привычным и не требующим специальных усилий форматом.

2.4. КАК ДОКУМЕНТИРОВАТЬ?

Остановимся теперь еще на одном вопросе – о практической процедуре документирования. Существует множество различных подходов к процедуре документирования, и нельзя сказать, что один из них лучше другого. Так, имеется семидесятилетний опыт американского Летнего лингвистического института (Summer Institute of Linguistics, сокращенно SIL), основанного Кеннетом Пайком, известным специалистом по переводу Библии на языки мира, создателем так называемой тагменной теории, одним из крупнейших теоретиков и практиков полевой лингвистики. Мне довелось в 1991 году, во время пребывания в SIL в качестве приглашенного профессора присутствовать на публичной демонстрации проведения сеанса первого знакомства с неизвестным Пайку языком монолингвальным методом. Пайк показывал, как вступить в речевой контакт с носителем языка, не используя никакого языка-посредника. Он демонстрировал, что можно узнать о языке за полчаса такого «общения». В качестве языка-посредника Пайк использовал «язык тела» (body lan-

guage) и несколько предметов, знакомых всякому человеку, независимо от его культурного опыта. Этот сеанс показал, что кое-что можно действительно узнать, например, часть звукового инвентаря, по которому можно построить предварительную фонологическую систему, и несколько предметных слов. Самым важным для меня был основной пафос такой демонстрации: можно начинать изучать язык, ничего о нем предварительно не зная и даже не имея возможности использовать язык-посредник. Я в своей практике так далеко не заходил, но сама идея была понятна и близка.

Летний лингвистический институт имеет большое количество проектов изучения малых языков и рассылает лингвистов во все уголки земного шара. Преследуется двуединая цель: перевести Евангелие на малые бесписьменные языки, совсем или почти не изученные, для чего надо предварительно изучить эти языки и создать письменность. Молодые исследователи проходят лингвистическую подготовку в институте в летних школах, а затем едут в поле. Это исследователи-одиночки или семейные пары, поскольку программа изучения рассчитана на много лет, может быть, на всю жизнь.

Мне представляется, что эффективность процедуры полевого исследования в наибольшей степени зависит от личности исследователя и его профессионального соответствия стоящей перед ним задаче. Из собственной практики могу сказать, что мне понадобилось поработать с различными языками в течение ряда лет, прежде чем в полевой работе я стал руководствоваться не методом проб и ошибок, а накопленным опытом. Меня, правда, никто не учил, но полевая работа в известной мере такой вид деятельности, которой нельзя научиться теоретически.

Я постепенно понял, что есть простые, более сложные и сверхсложные операции, и учиться осваивать их надо от простого к сложному. Простые операции может достаточно быстро освоить неопытный (в нашем случае – студент младших курсов, впервые участвующий в экспедиции), более сложные требуют определенного экспедиционного и лингвистического опыта, а со сверхсложными вообще не всякий может успешно справиться.

Исследовательская полевая деятельность состоит из очень разнообразных, часто рутинных элементарных умений, которыми нужно овладеть. Рамки данной статьи не дают возможности их даже перечислить. Но главное умение, необходимое в такой работе, – это чувство ответственности за результат и скрупулезность во всех мельчайших этапах работы. Основное требование – не делать ошибок в презентации языкового материала, многократно перепроверя каждую букву, каждый перевод на точность и аде-

кватность. Для этого существует множество методов верификации данных. Незнание языка не освобождает исследователя от ответственности за фактические ошибки. Наличие фактических ошибок в конечном описании подрывает доверие и к качеству теоретического анализа данных.

Под профессиональным соответствием я имею в виду не только наличие навыков работы с носителем языка, но и лингвистическую подготовку. В идеале исследователь должен быть компетентным во всех областях современной лингвистической теории, включая все компоненты языковой структуры от фонетики до дискурса, а также накопленные наукой типологические знания о варьировании языковой структуры. Это, конечно, идеальные требования. Однако целостное описание языка не оставляет места для лакун, по крайней мере, таких, про которые в лингвистике имеются знания.

В нашей экспедиционной практике разработан и успешно применяется метод коллективной полевой работы, когда имеется разделение научного труда, и за отдельные разделы описания отвечают разные исследователи, более полно владеющие конкретной лингвистической информацией. Коллективный метод работы не только дает возможность усилить профессионализм при написании грамматики, но и выполнять проект в весьма короткие сроки без снижения его качества¹⁹.

В качестве примера можно привести краткие сведения об одном из последних описаний, созданных таким методом²⁰. Речь идет о грамматике цахурского языка. В этом проекте участвовало 14 человек. В целом работа длилась пять лет, с 1995 по 1999 год, из них большую часть времени заняла подготовка монографии к печати. Собственно работа с носителями состояла из четырех сессий:

- Экспедиция в сел. Мишлеш, 1995, 3 недели.
- Экспедиция в сел. Мишлеш, 1996, 2 недели.
- Проверка данных с носителем в Москве, 1997, 3 недели.
- Уточнение данных в сел. Мишлеш, 1998, 1 неделя.

В 1999 году вышла монография «Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении» объемом 944 стр. (76 печ. л.). В названии подчеркивается неполнота охвата языка и рассмотрение грамматических явлений через призму типологии.

¹⁹ См. подробнее в: *Kibrik A.E. Collective field work: advantages or disadvantages? // Perspectives on grammar writing. Special issue of Studies in language. Vol. 30. N 2. 2006. P. 259–279; Он же. Методы коллективной полевой работы: Школа филфака МГУ // Вестник МГУ. № 6. 2004. С. 24–43.*

²⁰ *Кибрик А.Е. (ред.). Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.*

В этом описании имеются следующие разделы, раскрывающие ее содержание:

1. Фонетика	30 стр.
2. Морфология	150 стр.
3. Грамматические категории глагола	90 стр.
4. Порядок слов и структура составляющих	40 стр.
5. Важнейшие морфосинтаксические средства	70 стр.
6. Простое предложение	35 стр.
7. Сложное предложение	100 стр.
8. Сравнительные конструкции	30 стр.
9. Средства организации дискурса	170 стр.
10. Тексты	95 стр.
11. Словари	35 стр.

Это описание не претендует на полноту. Так, явно неполон словарь. Он включает в себя все слова, встречающиеся в грамматике и текстах, а также другие слова базовой лексики. Особое внимание посвящено в грамматике синтаксису (синтаксическая проблематика отражена в пяти главах). Пионерской в этом описании можно считать достаточно большую главу, касающуюся дискурсивных элементов. Такой раздел обычно в описаниях отсутствует.

В подготовке текста участвовали следующие авторы, восемь из которых во время написания монографии были студентами отделения теоретической и прикладной лингвистики филфака МГУ:

Бонч-Осмоловская А.А., студ.	Майсак Т.А., студ.
Добрушина Н.Р.	Сосенская Т.Б.
Казенин К.И., студ.	Строкин Г.С., студ.
Калинина Е.Ю., студ.	Татевосов С.Г., студ.
Кибрик А.Е.	Тестелец Я.Г.
Кодзасов С.В.	Толдова С.Ю.
Лютикова Е.А., студ.	Чумакина М.Э., студ.

В последующие годы семеро из бывших студентов стали кандидатами наук и перспективными лингвистами, а многие из них в настоящее время самостоятельно проводят экспедиционную работу и руководят студентами.

3. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

СОСТОЯНИЕ В ОБЛАСТИ ДОКУМЕНТАЦИИ НА 2006 ГОД

В целом по России после распада СССР в области работы с малыми языками произошел серьезный спад.

Многие первоклассные специалисты среднего поколения нашли более престижную работу за рубежом, отсутствие государст-

венного финансирования не способствовало проведению этих работ в академических институтах.

Одним из редких исключений был научный коллектив на филологическом факультете МГУ, где традиция экспедиций не прерывалась. Частично финансирование обеспечивалось за счет бюджетной статьи по летней студенческой практике, частично за счет внебюджетных средств факультета. В 90-е годы шла интенсивная работа над дагестанскими языками: годоберинским, цахурским, багвалинским, была подготовлена монография по алюторскому языку, материал по которому был собран еще в 70-е годы. С 1996 по 2001 год издано четыре монографических описания малых языков. Монография по годоберинскому языку издана на английском языке в Германии, издание описаний цахурского и багвалинского было поддержано РГНФ, грамматика алюторского языка была поддержана РФФИ²¹ и в 2004 году переведена на английский язык при поддержке японского проекта *Endangered languages of the Pacific Rim A2-042*²².

В начале нынешнего века наблюдается существенный подъем в области изучения малых языков. Подросло новое поколение лингвистов, имеющих интерес к этой проблеме. В Москве основными вузами по подготовке таких кадров являются МГУ и РГГУ. В последние годы РГГУ также организует студенческие экспедиции, формат которых в значительной мере совпадает с принципами полевой работы в МГУ. В штате Института языкознания РАН появились молодые исследователи, увлеченные полевой работой.

В 2004 году в Институте мировой культуры при МГУ был создан отдел лингвокультурной экологии, которым я был приглашен руководить. Целью этого отдела является неформальная координация исследований в области документации малых языков, сбор и распространение информации о существующих в России и за рубежом программах по изучению языков, находящихся в опасности, отслеживание новых технологий и стандартов по их документации. С 2006 года началась работа по международному гранту NSF (National Science Foundation) совместно с Colgate University, США «Five languages of Eurasia: Field work, analysis and digital archiving». Этот проект предусматривает электронную документацию языков с аудио- и видеофиксацией речи в соответствии с новейшими технологиями и стандартами. Можно надеяться, что участие в таком проекте позволит на практике приобщиться к международным

²¹ Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алюторцев. М., 2000.

²² Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Muravyova I.A. Language and folklore of the Alutor people. Suita., 2004.

компьютерным стандартам документации и будет способствовать распространению этой технологии в нашей стране. С 2004 года Институт мировой культуры совместно с Институтом языкознания РАН проводит семинар «Вести с полей», знакомящий научную общественность с последними полевыми исследованиями.

Наблюдаются позитивные перемены и в филиалах РАН, например, в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала РАН. Здесь тоже активизируется работа по дагестанским языкам. Существенно, что сотрудники института исследуют свои родные языки или языки ближайшего родства, поэтому их участие в программах документации дает им большие преимущества. Главнейшей является проблема новых кадров, способных овладеть современными методами и современной лингвистической теорией. Наиболее перспективным было бы тесное сотрудничество с имеющимися в Москве лингвистическими центрами, в частности, с МГУ.

Я не владею всей полнотой информации по проводившимся в минувшем году полевым работам, но тем не менее нижеследующий список экспедиций 2005 года является впечатляющим:

1	Водский язык	ИЯЗ РАН	Т.Б. Агранат, Ф.И. Рожанский и др.
2	Бесермянский язык	филфак МГУ	Е.Ю. Калинина, А.И. Кузнецова и др.
3	Селькупский язык	НИВЦ МГУ, филфак МГУ	О.А. Казакевич, А.И. Кузнецова и др.
4	Балкарский язык	филфак МГУ	С.Г. Татевосов, Е.Ю. Лютикова и др.
5	Черкесский язык	филфак МГУ	К.И. Казенин и др.
6	Адыгский язык	РГГУ, филфак МГУ	Н.Р. Сумбатова, Я.Г. Тестелец, Е.Ю. Калинина и др.
7	Удинский, агульский языки	ИЯ РАН, ИС РАН	Т.А. Майсак, Д.С. Ганенков, Ю.А. Ландер и др.
8	Арчинский язык	МГУ, Surrey Univ. UK	М.Э. Чумакина, Е.Ю. Калинина, М.А. Даниэль и др.
9	Ненецкий язык	филфак МГУ	С.Г. Татевосов, Е.Ю. Лютикова и др.
10	Нганасанский язык	ИЯЗ РАН, ИМК МГУ	В.Ю. Гусев, М.А. Даниэль и др.
11	Энецкий язык	филфак МГУ	О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский
12	Нанайский, ороцкий языки	филфак МГУ, РГГУ, ИЯЗ РАН	Е.Ю. Калинина, С.Ю. Толдова, Н.Р. Сумбатова, В.И. Гусев и др.
13	Тазский язык	ИЯЗ РАН	И.В. Самарина и др.
14	Языки манде	ИЭА РАН СПб, филфак МГУ	В.М. Выдрин, Д. Паперно

Практически все экспедиции финансировались за счет грантов. Экспедиции в языки арчинский, энецкий, нанайский и орчский, в языки манде были поддержаны зарубежными грантами. Полагаю, это свидетельствует о существовании реальных международных научных связей и о высоком рейтинге отечественных исследователей.

Можно констатировать, что *de facto* в настоящее время российская наука включена в международную программу по документированию малых языков. О важности программы говорилось выше. Явный подъем в этой области достигнут в основном за счет того, что в России сформировалось молодое поколение лингвистов, с энтузиазмом посвящающих себя очень нелегкому занятию, требующему особых знаний и умений, затраты огромных сил и энергии. Этому способствовало также появление некоторых новых гибких форм финансирования исследований (правда, нужно заметить, что финансируются только экспедиционные, хотя и немалые, расходы, а финансирование научной работы, проводимой в стационарных условиях, остается заботой самих исследователей).

Нужно закрепить этот процесс, оказывать всем, кто в нем участвует, максимальную поддержку во всех отношениях. Нужна также официальная академическая легализация этого направления исследований, придание ему приоритетного научного статуса.

В России первые серьезные попытки составления конфессиональных карт были предприняты в 70-е годы XIX века. Речь идет о картах известного российского картографа А.Ф. Риттиха, добившегося больших успехов и в составлении карт расселения народов России. Он же составил конфессиональные карты, приложенные к подготовленной им серии под названием «Материалы для этнографии России».

В качестве примера рассмотрим конфессиональную карту, приложенную вместе с этническими картами Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний к изданной в 1873 г. в Санкт-Петербурге книге «Прибалтийский край» (одной из книг серии «Материалы для этнографии России»). Эта «Карта Прибалтийского края по вероисповеданиям» показывает распространение четырех основных конфессий региона: православных (вместе со старообрядцами), католиков, протестантов и евреев. Карта выполнена методом качественного фона, она основана главным образом на сведениях, имеющихся в церковных приходах, и в целом дает правильное представление о конфессиональной ситуации в Прибалтийском крае. Ареалы, занимаемые указанными конфессиями, показаны на карте довольно точно. Для работ Риттиха характерно значительное внимание к корреляции, существующей между многими этносами и конфессиями. В то же время Риттих хорошо представлял себе, что корреляция эта не носит абсолютного характера. Так, в Прибалтийском крае, где большинство латышей и эстонцев были лютеранами, имелись также и представители этих народов, исповедовавшие православие, а среди латышей – также и католицизм.

Несмотря на то, что вероисповедная карта, составленная А.Ф. Риттихом, довольно точна и информативна, она имеет и ряд недостатков. Не вполне понятно, почему автор, выделяя на карте конфессиональные общности, не придерживается того же принципа и в отношении евреев, которые выделены на карте не как конфессиональная общность (иудеи), а как общность этническая. Вероятно, стоило выделить и старообрядцев отдельно от православных, тем более, что они в некоторых местах составляли компактные массивы. Лучше также было бы указать старообрядцев не в целом, а по отдельным согласиям (поморскому, федосеевскому). То же самое можно сказать и относительно протестантов. Наряду с лютеранами желательным было бы отметить реформаторов и последователей других существующих в крае конфессий.

Неудачно показан конфессиональный состав населения городов, хотя за это можно было бы при желании критиковать и любую сегодняшнюю конфессиональную или этническую карту, так как удовлетворительный способ показа поликонфессиональности и полиэтничности населения городов пока не найден. На карте А.Ф. Риттиха города, где две крупнейшие конфессии близки по численности, окружены небольшим ареалом, территория которого заходит в примыкающие сельские районы (что, конечно, искажает истинную картину) и который окрашен пополам в цвета обеих этих конфессий (чаще всего это цвета, присвоенные протестантам и православным).

В целом можно сказать, что авторы первых российских конфессиональных карт во многом заимствовали при их составлении те способы, которые практиковались другими европейскими картографами, и прежде всего немецкими. В то же время следует подчеркнуть, что немецкие карты были в своем большинстве более точными и детальными, что во многом обусловлено тем, что приходские книги в Германии велись более тщательно, чем в России.

Из конфессиональных карт, составленных в Российской империи, хочется отметить еще карту такого рода, помещенную в «Атласе Азиатской России», подготовленном Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия и изданном в 1914 г. в Санкт-Петербурге хорошо известным издательством «А.Ф. Маркс». «Карта распределения населения Азиатской России по вероисповеданиям» выполнена в масштабе 1: 12 600 000 методом качественного фона. Основными источниками при составлении карты послужили, по-видимому, данные о вероисповедании Всероссийской переписи населения 1897 г., а также сведения, имеющиеся у Православной духовной миссии, проводившей активную прозелитическую работу в этой части страны. Разными цветами показано распространение христианства, мусульманства, буддизма и шаманизма.

Достоинством карты является попытка выделить в ней смешанные по конфессиональному составу населения районы. Эта карта представляет большой интерес в связи с тем, что, будучи составленной незадолго до прихода к власти большевиков, она зафиксировала конфессиональную ситуацию перед началом не имеющей аналога в мировой истории антирелигиозной кампании. Удивительным является тот факт, что, несмотря на длившиеся семь десятилетий преследования религии, причем в условиях, когда аборигенные народы Сибири и Дальнего Востока лишь сравнительно недавно приняли православную веру, религиозная картина, сложившаяся к октябрю 1917 г., претерпела к настоящему времени не такие уж большие изменения.

Основным недостатком этой ценной карты является то, что в ней христианская религия не подразделена на свои основные направления (православие, католицизм, протестантизм) и течения внутри этих направлений, а показана в целом. Это сильно упрощает конфессиональную ситуацию, так как в регионе имеются небольшие, но порой достаточно компактные районы проживания старообрядцев разных согласий (бывшие беглопоповцы, ныне образовавшие Древлеправославную патриархию Московскую и всея Руси, сторонники Белокриницкой иерархии, часовенные (как чувственные, так и духовные), поморцы, бегуны и др.) и протестантов разных конфессий (лютеране, меннониты и др.).

Таким образом, в досоветский период истории России конфессиональная картография в нашей стране достигла определенных, хотя и достаточно скромных успехов. Эти успехи были, к сожалению, перечеркнуты продолжавшимися несколько десятилетий гонениями на религию. Гонения привели не только к беспрецедентным преследованиям верующих, расстрелам десятков тысяч священников, но и к фактическому запрещению издания карт, раскрывающих конфессиональный состав населения СССР. Особенно жестко запрет соблюдался, когда речь шла о конфессиональной ситуации в нашей стране, но и карты, показывающие религиозную структуру населения зарубежных стран, не одобрялись.

Некоторый прорыв в этом направлении произошел в 1968 г., когда автору этой статьи официальным Издательством политической литературы было предложено подготовить для предполагаемой к изданию «Настольной книги атеиста» карты религиозного состава населения частей света, а также справочный материал о конфессиональной принадлежности населения всех стран мира. Трудно догадаться, что подвигло завзятых атеистов в Политиздате несколько изменить свою позицию в отношении демонстрации конфессиональной ситуации в зарубежных странах. Скорее всего, это было следствием невежества партийно-государственных чиновников в отношении конфессиональной ситуации в зарубежных странах, приведшее к крупным дипломатическим скандалам (посылка в мусульманские страны консервов из свинины и т.д.). Вместе с тем мне было категорически указано, что показывать конфессиональную ситуацию в СССР на картах не следует, а сами карты назвать не картами религий, а картами религиозного состава *верующего* населения. Несмотря на свою антипатию к готовившемуся явно тенденциозному справочнику, я все же решил согласиться с предложением Политиздата, желая таким путем донести до небезразличных к религии людей, что в подавляющем большинстве стран отношение к религиозной вере

иное, чем в нашей стране. Карты религиозного состава издавались вместе с «Настольной книгой атеиста» 9 раз (последнее издание вышло в 1987 г.).

С этими картами был связан небезынтересный эпизод. Они очень понравились прибывшему в СССР и посетившему Институт этнографии АН СССР крупному английскому религиоведу Дэвиду Б. Барретту, заявившему, что столь подробных и точных карт он нигде не видел. Барретт прислал мне вскоре после своего отъезда из СССР письмо, в котором просил разрешить включить эти карты в фундаментальное справочное издание «Мировая христианская энциклопедия» («World Christian Encyclopedia»), редактором которой он являлся. В случае моего согласия он обещал сделать меня соредактором этого труда и, в частности, предоставить возможность отредактировать в нем статьи, посвященные СССР и социалистическим странам. При этом он подчеркивал, что планируемое издание будет носить объективный, внеполитический характер. Я пошел с этим письмом к тогдашнему директору нашего института академику Ю.В. Бромлею и сказал ему, что было бы целесообразно принять предложение Барретта. Бромлей ответил, что в принципе он придерживается такого же мнения, но вопрос этот надо решать на уровне ЦК, и обещал выяснить мнение этой могущественной организации. К сожалению, ЦК не разрешил мне и Институту сотрудничество с Дэвидом Б. Барреттом. Барретт, правда, оказался очень деликатным человеком, и, хотя мое участие в готовившейся к изданию энциклопедии было не особенно большим (ряд замечаний по его характеру и некоторым конкретным вопросам), он включил мою фамилию как в первом, так и во втором издании «Мировой христианской энциклопедии» в число лиц, участвовавших в ее подготовке.

Смена политического режима в нашей стране открыла перед отечественной конфессиональной картографией гораздо более широкие перспективы. В 1994 г. в энциклопедии «Народы России» вышла составленная мною первая в послеоктябрьский период карта религий народов России. Она была выполнена в довольно мелком масштабе (1: 25 000 000). На карте показано распространение 34 наиболее значительных конфессий страны: православия, 9 основных согласий и толков старообрядчества, 8 сект, выделившихся из недр православия, католицизма, 7 протестантских конфессий, армяно-григорианского вероисповедания, суннитского ислама, бахаизма, буддизма-ламаизма, иудаизма, кришнаизма, бурханизма, традиционных верований. Особо были выделены территории со смешанным религиозным составом.

В 1997 и 1998 гг. в «Географическом атласе России» была опубликована составленная мной карта религий России в масштабе 1: 15 000 000, на которой было показано распространение по территории страны 37 конфессий. Сходная карта была помещена и в «Национальном атласе России».

В 2004 г. вышла в свет составленная под моим руководством уникальная, не имеющая аналогов настенная карта «Религии Российской Федерации» (масштаб 1: 9 000 000). На этой карте показаны 89 конфессий – практически все религиозные группы России, имеющие хоть сколько-нибудь существенное число последователей. Это православные, сторонники 15 старообрядческих согласий и толков, представители 6 групп духовных христиан и 9 групп других сектантов, отколовшихся от православия, последователи двух нехалкидонских церквей (армяно-григориане и несториане), католики (латинского, византийского и армянского обрядов), протестанты 19 разных конфессий, маргинальные христиане (то есть приверженцы конфессий, включивших в свое вероучение наряду с некоторыми элементами христианства, ряд положений, выходящих за рамки христианской религии) 8 конфессий, мусульмане-сунниты 3-х богословско-правовых школ, мусульмане-шииты (имамиты и исмаилиты-низариты), буддисты-ламаисты 4-х школ, буддисты-махаянисты 2-х течений, буддисты-тхеравадины, приверженцы 2-х метабуддийских сект, аденты других религий (иудаисты, бахаисты, езиды и др.).

В 2000 г. в форме буклета мною была издана карта «Религии мира» (масштаб 1: 50 000 000). Несмотря на небольшой формат, карта эта отличается большой точностью и подробностью. На ней удалось показать распространение по разным регионам мира 53 конфессий: 25 христианских, 10 мусульманских, 3 буддийских и 15 прочих. Любые другие близкие по сюжету карты не выдерживают с этой картой никакого сравнения. Так, карта религий мира, включенная в весьма престижную вебстеровскую «Энциклопедию религий» («Encyclopedia of Religions»), выглядит примитивной картосхемой.

Собранный при подготовке карты-буклета материал использован при составлении первой в мире учебной настенной карты религий мира (масштаб 1: 20 000 000). В 2004 г. эта карта также была отпечатана.

Все большая потребность в конфессиональных картах ставит перед исследователями задачу обратить серьезное внимание на совершенствование методов конфессионального картографирования. Сейчас при составлении карт религий чаще всего используются три способа: качественного фона, точечный и картограммы. Наиболее популярен из них способ качественного фона.

Пути применения этого метода при составлении конфессиональных карт во многом сходны с практикой его использования в процессе составления карт народов. Как и при составлении этнических карт при подготовке конфессиональных карт с помощью цветовой гаммы показывается генетическая близость картографируемых общностей. Например, разные христианские конфессии часто даются в одной гамме, мусульманские – в другой, буддийские – в третьей и т.д. Нередко при этом выбираются цвета, ставшие своего рода символами той или иной религии. Так, мусульмане чаще всего показываются в цветах традиционной для них зеленой гаммы, буддисты – в цветах желтой гаммы.

Некоторые конфессиональные карты составляются с помощью точечного метода, который позволяет дать не только качественную, но и количественную оценку религиозной структуры населения, так как каждой точке присвоен обычно определенный «вес» – столько-то тысяч, десятков тысяч, сотен тысяч последователей данной конфессии. Правда, в районах с очень пестрым конфессиональным составом этот метод применять затруднительно: большое число точек разных цветов на карте плохо читается.

Что касается использования при составлении конфессиональных карт способа картограммы, то он может применяться при картографировании сравнительно небольшой территории, где преимущественно распространены одна или две конфессии. Такой метод плодотворно применен при составлении национальных атласов Германии, Швейцарии, Австрии, Нидерландов. Карты, составленные методом картограммы, основываются на материалах переписи и обычно отличаются высокой точностью. К сожалению, этот метод нельзя применить при составлении мировых карт, так как далеко не все страны обеспечены надежными статистическими данными.

Важное значение при работе над конфессиональными картами придается сбору и критическому анализу источников. Ценнейшим источником являются статистические материалы по региону, на который составляется данная карта, но нередко такого материала недостаточно или он вообще отсутствует, поскольку вопрос о конфессиональной принадлежности в переписях многих стран мира не ставится. Иногда этот недостаток смягчается тем обстоятельством, что значительное число этносов в основном моноконфессионально, и религиозную принадлежность можно косвенно определить по принадлежности этнической.

Впрочем, и статистическому материалу о религиозной принадлежности безоговорочно доверять нельзя, так как он не всегда бывает надежным и нуждается в тщательной проверке.

Требует критического анализа и используемая для определения религиозного состава населения местности церковная статистика. Это связано с тем, что статистический материал по отдельным приходам иногда обнаруживает тенденциозность, а также с тем, что критерий, положенный в основу определения числа приверженцев, существенно различается по разным конфессиональным организациям. Если католическая и православные церкви учитывают всех членов своей деноминации, то некоторые протестантские конфессии определяют лишь число так называемых «полных членов», под которыми подразумеваются лица, достигшие определенного возраста и выполнившие предусмотренные обряды. В результате данные о численности представителей разных конфессий порой бывают несопоставимыми и требуют предварительной обработки. Следует также отметить, что некоторые религии (например, ислам, буддизм) вообще не склонны скрупулезно определять численность своих последователей.

Помимо государственного и церковного статистического материала для картографирования конфессиональной структуры населения используются ранее составленные карты, хотя их достоверность также должна тщательно проверяться. При составлении конфессиональных карт иногда используются и этнические карты, конечно, лишь в том случае, если мы имеем дело с моноэтническими религиями и моноконфессиональными этносами. В картосоставительской работе используются и литературные источники (в частности, работы по географии и истории религий). К литературным источникам чаще всего прибегают для выяснения локализации небольших религиозных общностей, о которых не сообщают ни статистические, ни картографические источники.

Одной из трудностей, встречающейся у составителя конфессиональной карты, является отражение на ней присущего религиям свойства иерархичности. Дело заключается в том, что религиозное сознание может иметь несколько уровней. Так, человек может одновременно осознавать себя и христианином (высший уровень), и протестантом (средний уровень), и баптистом (низший уровень), причем затруднится ответить, кем же он все-таки считает себя в первую очередь. В результате такого обстоятельства, например, при составлении религиозной карты Европы, нужно, с одной стороны, показать количественное соотношение в общей массе населения этой части света трех основных направлений христианства (православия, католицизма и протестантизма), с другой – продемонстрировать, как численно соотносятся между собой разные течения внутри протестантизма

(прежде всего лютеранство, кальвинизм и англиканство). Если присвоить каждому течению протестантизма особый цвет (пусть даже в одной цветовой гамме), то этим нарушится представление о протестантизме как о течении, таксономически равноценном католицизму и православию, и в результате доля в населении Европы двух последних конфессий будет казаться на карте намного больше, чем она есть в действительности. Если же не показывать на карте отдельные протестантские течения, то создается ошибочное впечатление о протестантизме, как о едином целом, чего в действительности нет. Кроме того, это сильно обеднит карту, которая не сможет дать своему потребителю детальную информацию. Для разрешения возникшего противоречия между необходимостью показа главных направлений христианства в их целостности и желательностью в одновременном отражении факта разделения протестантизма на несколько течений можно прибегнуть к сочетанию на карте двух приемов картографического изображения: цветной заливки и штриховки. Основные направления христианства (православие, католицизм, протестантизм) в этом случае следует показать различными цветами в единой красно-розовой или красно-оранжевой гамме, течения же протестантизма обозначить разным рисунком штриховки.

Важное место в составлении конфессиональной карты занимает разработка ее легенды. Легенда должна хорошо отражать современные представления о степени близости разных конфессий и их классификации, в ней должно быть достаточно ясно показано отмеченное выше свойство иерархичности конфессиональных общностей.

В 2001 г. по заказу тогдашнего заместителя представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе В.Ю. Зорина (позже министра РФ) наш авторский коллектив при участии самого В.Ю. Зорина подготовил и опубликовал карту религий этого округа. Это была первая конфессиональная карта, посвященная одному из федеральных округов России. На карте, выполненной в масштабе 1: 1 500 000 способом качественного фона в сочетании со значковым методом, было показано 58 конфессий, распространенных в Приволжском округе.

Значительный опыт в составлении конфессиональных (а также этнических) карт, накопленный картографическим подразделением Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, позволил ему выполнить большую работу по подготовке «Атласа населения Российской Федерации», включающего этнические, конфессиональные, демографические и другие карты. Конфессиональных карт в Атласе – шесть, одна из них

показывает религиозный состав населения всей страны; другая, более подробно – конфессиональную структуру населения Европейской части России; третья еще детальней характеризует религиозный состав населения самых сложных в конфессиональном отношении регионов страны – Среднего Поволжья и Южного Урала. Все эти карты составлены методом качественного фона в сочетании с методом значков. Еще несколько карт, выполненных точечным способом, показывают дисперсное распространение таких конфессий, как разные согласия и толки старообрядчества, баптизм, свидетели Иеговы и др. Данный атлас полностью готов к изданию, но, к сожалению, к настоящему времени еще не удалось изыскать средства, которые позволили бы опубликовать эту фундаментальную, не имеющую аналогов работу.

**ЗНАЧЕНИЕ ЭТИМОЛОГИИ
ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ДРЕВНЕПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ**
(на примере еврейской Библии и Нового Завета)*

А.Ю. Милитарев

Данная статья – слово в защиту этимологии и классического сравнительно-исторического метода в языкознании, разработанного младограмматической школой еще в конце XIX века на материале индоевропейских языков и обогащенного в XX веке огромным корпусом данных по другим языковым семьям, а в его последние десятилетия – также новыми подходами и дополнительными методиками.

Может показаться, что защищать этимологию и лингвистическую компаративистику в целом, доказывать их ценность не только в узкоспециализированном, но и в общекультурологическом плане значит ломиться в открытую дверь. Конечно, встречается немало людей науки, с должным уважением относящихся к этой области языкознания и готовых пользоваться ее достижениями; хорошо известен и живой интерес широкой публики в разных странах к происхождению слов родного, а иногда и чужого языка¹. Однако где-то с середины прошлого века в мировой науке начало преобладать отношение к языковому родству как к мало значимому для лингвистики фактору, а к этимологии – как к забавной, но маргинальной вспомогательной области языкознания с крайне гипотетическими, если не гадательными выводами (некоторое исключение делается лишь для индоевропеистики, сохранившей свой статус более или менее солидной позитивистской дисциплины), на чьи данные можно мимоходом сослаться, но от которой немного пользы как при описании отдельных языков, так и при интерпретации древних памятников. Прибегать к срав-

* Настоящая статья написана при поддержке грантов РФФИ № 99-06-80349 и РГНФ № 99-0400177.

¹ Из-за объективной трудности восприятия этимологических штудий (и невозможности для неспециалиста оценить качество каждой конкретной этимологии), больше похожих на трактаты по математике или химии, чем на обычно более доступные культурному читателю исследования по другим областям гуманитарного знания, этот общественный интерес нередко эксплуатируется некомпетентными и безответственными авторами, не являющимися профессиональными этимологами и компаративистами – а, значит, почти стопроцентно бьющими мимо цели – но с энтузиазмом производящими псевдоэтимологии (их можно классифицировать как авторские «народные этимологии»), подсказанные, по выражению И.М. Дьяконова, «сиреной созвучия».

нению с родственными языками приходится разве что для дешифровки и прочтения текстов на малоизученных мертвых языках, что, собственно, главным образом и оправдывает существование традиционной сравнительной методики.

Если говорить о языковой области, в которой работает автор (хотя, видимо, это касается и других языковых семей за некоторым исключением все той же индоевропейской), то в упрочении такой позиции определенную роль играет тот факт, что почти во всех словарях древнеписьменных семитских языков, содержащих этимологическую часть, она по качеству гораздо ниже филологической составляющей словарных статей². Дело в том, что в большинстве своем авторы словарей отдельных древних языков – филологи-текстологи, специализирующиеся в какой-либо одной из частных областей семитологии (ассириологии, гебраистике, арабистике и др.). Для того же, чтобы профессионально освоить любую из этих областей, требуются многие годы, а то и десятилетия. Не меньше времени и усилий отнимает овладение методикой сравнительно-исторического языкознания, приобретение опыта этимологической работы, умения оперировать данными большого количества языков – родственных и неродственных, древних и современных. Сочетать глубокие филологические познания в древних языках с профессионализмом в этимологической работе почти невозможно³.

Общее падение престижа сравнительно-исторического языкознания во второй половине XX века⁴ и распространившееся от-

² Исключение, подтверждающее правило, – этимологический словарь древнеэфиопского языка геэз выдающегося семитолога Вольфа Леслау, где этимологическая составляющая находится на самом высоком для этой области и своего времени уровне, а филологическая – весьма поверхностна и малоинформативна (как правило, нет ссылок на памятники, где встречается этимологизируемая лексема, она приводится вне контекстов и т.п.). См.: Leslau W. *Comparative dictionary of Gèzez (Classical Ethiopic)*. Wiesbaden, 1987. Далее в тексте – LGz.

³ «Почти» – потому, что редчайшие исключения из этого правила в семитологии случаются, причем автор ни в коем случае не имеет в виду себя, являясь чистым типом этимолога-компаративиста.

⁴ В Европе этому способствовало бурное развитие таких новых направлений, как структурализм и семиотика. Следует заметить, однако, что стоявший у истоков этих направлений Фердинанд де Соссюр был квалифицированным компаративистом-индоевропейцем, и пафос его состоял не в небрежении диахронией, языковой историей, а в методически корректном разделении ее с синхронным описанием языка.

В США нарождающееся историческое языкознание, давшее несколько фигур мирового класса, было почти сведено на нет – и, увы, так и не оправилось до сих пор – повальным увлечением теориями Наума Хомского (Чомски), усиленным модой в университетской среде на его левые политические эскапады.

ношение к нему со стороны специалистов по отдельным языкам и культурам⁵ как к устаревшей науке XIX века привело к резкому сокращению числа профессиональных компаративистов (и это на фоне роста в геометрической прогрессии первичных материалов по сотням, если не тысячам языков, требующих обработки

При этом процесс прошел вполне по-американски – в меру гуманно, экономически целесообразно и с «промывкой мозгов», свободно выбираемой для себя каждым отдельным индивидуумом. Мне не раз приходилось слышать от знакомых лингвистов душераздирающие истории про то, как их любовь к компаративистике была попрана тем обстоятельством, что студенты просто не записывались на объявленные ими курсы: никто ничего не запрещал – боже упаси! – но это было по карману. А так как заниматься наукой на чистом энтузиазме в цивилизованном обществе не очень принято, пришлось податься в хомскианство, хоть душа к нему и не лежала (вспомним, однако, как наш Александр Александрович Реформатский, не будучи компаративистом, не боялся и в самые опасные годы включать этот раздел в свои университетские курсы по общему языкознанию).

В СССР сходную роль в удушении компаративистики – после генетики и кибернетики третьей по соблазнительности продажной девки империализма – на одно-два поколения раньше мягкой «американской трагедии» сыграл марризм. У нас, правда, операцию провели по-большевистски – с человеческими жертвоприношениями и изуродованными судьбами. Но со второй половины 50-х годов неожиданно началось возрождение этой науки, возможно, как историческая случайность.

Так случилось, что несколько блестящих молодых и не очень молодых ученых (среди них Вяч. Вс. Иванов, В.М. Иллич-Свитыч, А.Б. Долгопольский, В.А. Дыбо в Москве; И.М. Дьяконов в Ленинграде) занялись языковым родством, в том числе дальним, а за ними в 70-е годы потянулась молодежь. Объяснить это можно тем, что в науке этой явственней, чем в любой другой, виделось счастливое совмещение высоких гуманитарных целей и строгого формализованного метода (судьбоносное для выбора профессии разрешение горячих со времен оттепели споров между «лириками» и «физиками»). Существенным фактором был и глоток свободы: идеологическому и академическому начальству, зорко следящему за такими, находящимися на передней линии борьбы с капиталистическим окружением науками, как философия, история, литературоведение или искусствознание, не хватило бдительности на компаративистику. Из той молодежи и сложилась к концу 80-х «группа Старостина» – небольшая, но сделавшая Москву центром мировой компаративистики, как минимум в области дальнего языкового родства.

⁵ Вопреки логике развития науки внутри самой компаративистики до сих пор сохраняется недоверие специалистов (не всех, конечно) по «близкому» родству языков к правомерности выявления родства дальнего (например, среди тюркологов к алтайской гипотезе, среди индоевропейцев – к ностратической и т.п.). При этом, естественно, всегда имелось – и в последние годы все увеличивается – число историков, археологов, этнологов, а сейчас и генетиков, с большим интересом относящихся к лингвистическим реконструкциям, особенно в области макросемей, открытых для сопоставления с их данными. Свидетельство тому – серия междисциплинарных форумов последних лет, объединяющих лингвистов-компаративистов, археологов и генетиков

сравнительно-историческим методом), что, в свою очередь, повлекло за собой заметное снижение уровня сравнительных и этимологических исследований, преобладание псевдокомпаративистских опусов и появление такого «альтернативного подхода», как метод массового сравнения Дж. Гринберга⁶.

Результатом всего этого стало отношение даже самих авторов почти всех словарей отдельных семитских языков к этимологической их части как к чему-то необязательному и второстепенному, непонимание ими многих принципов сравнительно-исторического исследования – в частности, невозможности построения качественной этимологии без привлечения полных данных о лексемах, претендующих на родство с этимологизируемым словом/корнем, из всех родственных языков, а при подозрении в заимствованности – еще и из неродственных языков, входящих в тот же культурно-исторический и географический ареал. Отсутствие усердия и интереса к крайне трудоемкой этимологической работе иногда даже приводит к тому, что вместо тщательного поиска новых параллелей во всех имеющихся источниках по сравниваемым языкам авторами словарей просто копируются устаревшие этимологии своих предшественников со всеми их лакунами и ошибками. Читатель сможет проверить справедливость наших оценок по приводимым ниже этимологическим комментариям двух наиболее авторитетных и новейших сводов библейской лексики – английского издания 1994–2000 гг. «Еврейского и арамей-

(в т.ч. организуемых Кембриджским институтом археологии и его директором, лордом Колином Ренфрю, ныне почетным членом РАН, или Институтом Санта Фе под патронажем нобелевского лауреата по физике Мюррея Гелл-Манна в рамках американо-российского проекта «Эволюция человеческих языков», руководимого членом-корреспондентом РАН Сергеем Анатольевичем Старостиным вплоть до его безвременной кончины). У истока этого процесса стоят две московские конференции – одна всесоюзная (1984 г.), другая международная (1989 г.) – под названием «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока».

⁶ Недавно ушедший из жизни в почтенном возрасте выдающийся американский лингвист Джозеф Гринберг (один из создателей лингвистической типологии, пионер в изучении совместимости корневых фонем и многого другого) ввел этот метод как способ «малой кровью» – без установления звуковых соответствий и реконструкции праязыковых состояний – наметить предварительную и приблизительную генетическую классификацию плохо разработанных в сравнительном плане языковых макросемей с огромным количеством языков. Обладая замечательной интуицией, Гринберг значительно продвинулся на этом пути, чего нельзя сказать о его немногочисленных последователях, в руках которых метод массового сравнения, отличаясь от гораздо более трудоемкого классического сравнительно-исторического метода (его твердо держится московская школа) как работа дровосека от работы ювелира, скорее компрометирует саму идею дальнего родства в глазах скептиков.

ского лексикона Ветхого Завета» Л. Кёлера и В. Баумгартнера⁷ и начавшего выходить с 1974 многотомника «Теологического словаря Ветхого Завета»⁸, а также по этимологическим комментариям крупного библеиста и хурритолога Эфраима Спайзера в главе, посвященной библейским терминам *gōu* и *ʿam*, из его книги «Исследования по востоковедению и библеистике»⁹.

Чтобы проиллюстрировать достаточно характерное «отстраненное» отношение многих современных исследователей, в том числе даже филологов, к материальной, звуковой природе слова, к его происхождению, приведу пример, правда, не из словарной или этимологической, а из текстологической литературы¹⁰ (справедливости ради замечу, что ошибки, подобные тем, о которых пойдет речь, и в этой литературе случай не частый). В одной из статей, содержащей вполне полезный анализ сравнительного употребления и распределения в еврейской Библии терминов *gōu* и *ʿam* 'народ', первый ошибочно передается как *gou*, с кратким гласным вместо долгого, а последний как *ʿam* (в упомянутой работе Спайзера – другая ошибка: *ʿām* с долгим *a* вместо краткого) – при том, что в еврейском *ō* и *o* разные гласные, а *ʿ* и *ʔ* такие же разные согласные, как русские *б* и *в*. Подобные написания можно было бы принять за тривиальные опечатки или типографские ошибки, если бы они не встречались во всех (!) случаях цитирования этих терминов на протяжении всей работы и если бы не аналогичная ошибка в еврейском слове *ləʿōm* 'народ', переданном как *le-om* (там же. 21; учитывая, что дефис в принятой в гебраистике транслитерации отделяет морфемы и энклитические частицы, трудно понять, что имеется в виду – предлог *lə* 'к' с невозможным в еврейском языке существительным *om*?).

Рискнем предположить, что дело тут не в недостаточной компетентности авторов в древнееврейском языке, а в модном отношении к слову как к чистому знаку, который надо рассматривать только в синхронной плоскости. Авторы упоминаемой работы ссылаются на тезис Х. Рабина из его статьи «Как разрабатывать

⁷ Koehler L. and Baumgartner W. The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. I–III. Leiden-N.Y.-Köln, 1994–1996; IV–V. Leiden-Boston-Köln, 1999–2000 (Revised by W. Baumgartner and J.J. Stamm.). Далее в тексте – HALOT.

⁸ Theological Dictionary of the Old Testament // Ed. G. Botterweck et al. Vol. I. Grand Rapids, 1974-. Далее в тексте – TD.

⁹ Speiser E. Oriental and Biblical Studies. Philadelphia, 1967. Далее в тексте – Speiser.

¹⁰ Fishman D., Mayerfeld R. and Fishman J. *ʿAm* and *Goy* as Designations for Ethnicity in Selected Books of the Old Testament. Fishman J. et al. The Rise and Fall of the Ethnic Revival: Perspective on Language and Ethnicity. Berlin-N.Y.-Amsterdam, 1986.

семантическое поле в библейском еврейском» о том, что каждое слово «приобретает свое значение в оппозиции к другим словам в языке и особенно к другим словам, которые используются, когда речь идет о том же круге предметов или представлений» [там же, 16]. Действительно, в строго синхронном плане слова можно анализировать как условные, одноплановые, алгебраические знаки содержания, «бестелесные» семемы или пучки семем, существующие, «значащие» только в оппозиции к другим таким же знакам, как если бы их звуковое «тело» не имело своего конкретного генезиса и индивидуальной истории, т.е. своей этимологии. Однако это не онтологическая характеристика слова, а эпистемологический прием – абстрагирование при работе на одном уровне исследования от других уровней, прием не только допустимый, но в определенном смысле еще и вынужденный на современном этапе развития науки и уровне подготовки узких специалистов¹¹.

Возвращаясь к слову: да, это правда, что содержательная сторона слова как знака, его значение, выявляется в оппозиции (заметим, и в других видах связи) к другим словам. В то же время, библеистам должна быть хорошо знакома ситуация редких и неясных из контекста слов, для которых нет оппозиции ни в данном контексте, ни во всем корпусе контекстов, сохранившихся на данном языке. Единственная возможность что-то (иногда достаточно много) про них узнать – найти этим словам надежные параллели в родственных языках или источник заимствования, т.е. установить их этимологию.

Однако и вне этой ситуации формальная, материальная сторона любого слова, его индивидуальное «тело», связано с другими словами как генетически – через общий корень, этимологическое родство, так и ассоциативно – через сходство в звучании. Такое сходство может быть неслучайным, основанным на реальном родстве (выявляемым «правильным», научным этимологическим анализом), а может быть и случайным (полная или частичная омонимия) – для языкового сознания, коллективного и индивидуального, в котором образуются ассоциативные связи, это не имеет значения. Но именно ассоциативные связи между словами иг-

¹¹ Аналогичным образом практическая медицина, занимаясь «синхронной» диагностикой и лечением болезней, обычно не вникает всерьез в генетическую историю пациента (я не имею в виду вопросы типа «чем болела ваша мама?»), и это правильно, иначе, пока бы она это делала – так, как сегодня в состоянии делать, – пациента бы не стало; тем не менее, будущее медицины невозможно представить себе без высокопрофессионального и практического взаимодействия с генетикой.

рают существенную, глубинную, с большим трудом выявляемую роль во многих видах сознательного и стихийного словотворчества – от мифотворчества и поэзии до изменений семантики слов и образования новых слов и корней (явление языковой аналогии, или контаминации).

Я не хочу быть заподозренным в недооценке синхронного описания языков и контекстуального анализа (на эти операции приходится львиная доля лингвистической и текстологической работы), а также в апологии лингвистической диахронии и этимологического способа интерпретации древних памятников¹². Но несостоятельно и предубеждение против этимологии, сравнительно-исторического языкознания, достаточно точной по своим методам науки (она представляется наиболее точной из гуманитарных наук), обладающей мощным информационным потенциалом. Предубеждение это, естественно, возникло не на пустом месте. Лингвисты и филологи, широко черпающие из родственных языков объяснения слов во вновь открытых мертвых языках и древних текстах, при всех своих успехах нередко способствовали падению авторитета сравнительно-исторического метода бездоказательными сравнениями и – даже в случае сравнений корректных – неумением или нежеланием комментировать и обосновывать свои решения. Яркий пример, подсказанный мне Л.Е. Коганом, – «Сабейский словарь»¹³, плод большой и серьезной аналитической работы нескольких авторов и их предшественников, причем работы в значительной степени именно этимологической. Хорошо известно, что сабейские надписи в основном прочитаны с арабским словарем в руках, а значения сабейских слов установлены по параллелям из других семитских языков, в первую очередь, арабского. Тем не менее, в словаре отсутствуют не только этимологические комментарии, но и вообще какие-либо семитские параллели, даже арабские; не нашлось в нем места и для актуальнейше необходимых контекстов. Зато – из соображений политкорректности, странно выглядящих в узко специальной научной работе, – даются арабские переводы сабейских слов (М. Гуль, один из авторов словаря и большой знаток сабейских надписей, – араб), нужные для их понимания не более, чем приводимые тут

¹² Продолжая медицинскую аналогию: речь идет о том, что даже в случае механической травмы позвоночника избыточная, на первый взгляд, генетическая информация о пациенте может оказаться полезной: что если его хрупкие кости – результат генетических процессов, и этот факт должен повлиять на выбор способа лечения?

¹³ *Beeston A., Ghul M., Müller W. and Ryckmans J. Sabaic Dictionary (English-French-Arabic). Louvain-la-Neuve, 1982. Далее в тексте – SD.*

же еще и французские переводы, зачем-то дублирующие английские. В результате пользователи вынуждены принимать авторские интерпретации, совсем не всегда бесспорные, на веру как шаманское камлание.

Мой личный опыт семитолога-компаративиста, в т.ч. совместный с Л.Е. Коганом опыт работы над этимологическим словарем семитских языков¹⁴, включающим как один из компонентов древнееврейскую лексику, внушает определенный оптимизм относительно интерпретационных возможностей этимологии. В рамках других наших проектов («Компьютерный словарь новых толкований спорных библейских терминов и контекстов в свете семитских этимологических данных» и «Электронный словарь библейских этимологий») уже собрано немало случаев, когда сравнительный семитский материал, этимология древнееврейских слов проливают дополнительный свет на значение даже хорошо известных терминов, обогащают их понимание, а для редко встречающихся слов являются единственным источником их толкования. Этимологический ракурс при анализе контекстов помогает также вскрыть недооцененную и, похоже, исключительную роль в создании представлений, эпизодов повествований, даже концепций, а возможно и целых мифов, такого малоизученного явления, как «народная этимология», или, как, различая с последней, я предлагаю называть его, «этимопоэтика». Задача уточнить, дополнить, обогатить, а в ряде случаев исправить принятые интерпретации и толкования требует выборки и регистрации соответствующих спорных слов и контекстов Библии, учета принятых интерпретаций, оценки их достоверности, анализа существующих этимологий и разработки новых в случае их перспективности с точки зрения интерпретационных возможностей. Особое внимание следует уделять недостаточно учитываемым в сравнительной семитологии материалам живых семитских языков, в первую очередь, таких, как современные южноаравийские и эфиопские. При необходимости – и по возможности – надо привлекать и данные несемитских афразийских языков, подкрепляющие или обогащающие ту или иную этимологию и указывающие на большую хронологическую глубину соответствующего представления.

Здесь надо отметить, что распространенное мнение об этимологии как области субъективных, волюнтаристских или равновозможных альтернативных решений, ошибочно. У каждого

¹⁴ Militarev A. and Kogan L. Semitic Etymological Dictionary. Vol. 1. *Anatomy of Man and Animals*. Münster, 2000. Vol. II. *Animal Names*. Münster, 2005. Далее в тексте – SED.

слова имеется одно происхождение, одна этимология, столь же безусловная, как наличие у каждого человека только одной матери (мы здесь отвлекаемся от таких очевидных случаев, как, например, сложные слова, состоящие из двух основ, а значит имеющие две этимологии, или от такого гораздо более тонкого и требующего глубокого анализа явления, как контаминация, которое этого правила не отменяет, но, продолжая нашу аналогию, кроме «матери», подразумевает еще и наличие «донора», т.е. лексемы, оказавшей влияние на этимологизируемое слово и вызвавшей нерегулярные, необычные изменения в его значении или форме). Другое дело, что в любом языке немало слов (тем больше, чем меньше данный язык и группа родственных ему языков изучены в сравнительно-историческом плане), для которых существует выбор из разных сравнений. В итоге возникают спорные и альтернативные этимологии. Но истинная этимология – одна, хотя мы далеко не всегда знаем, какая именно. Объективными причинами нашего незнания могут быть: изолированность языка, не имеющего надежно установленного родства (вроде шумерского или баскского); система письма, на котором до нас дошли созданные на этом языке тексты, скрывающая существенные фонетические различия (как в шумерском); утрата языком или группой языков в ходе своего развития многих фонетических или морфологических различий (как в ряде языков Юго-Восточной Азии); лексические заимствования из бесследно исчезнувших языков и т.п.¹⁵ Часто действуют и субъективные факторы – низкий уровень освоенности данной языковой семьи или языкового ареала сравнительно-историческим методом и недостаточный профессионализм авторов этимологий. Однако, надо иметь в виду, что стопроцентно «безнадежных» этимологий нет: теоретически всегда есть шанс на выявление (с прогрессом описательного языкознания), неизвестных ранее сравнительных материалов и установление (с прогрессом сравнительно-исторического языкознания) дальнего родства языков, что имеет большую перспективу для этимологизации.

Для уяснения интерпретационных возможностей этимологии имеет смысл ввести понятие «этимологическое значение» слова (или спектр значений). Оно устанавливается путем сравнения с родственными формами в том же или в других языках и может полностью или частично совпадать или же существенно

¹⁵ Точно также может быть юридически спорной идентификации ребенка-подкидыша, и даже генетический анализ бессилён, если его родителей нет среди подвергшихся такому анализу, хотя вряд ли кто-то возьмётся оспаривать факт его рождения от одной-единственной матери.

расходиться с семантикой данного слова, выявляемой из контекстов. Для нас здесь особенно интересен тот случай, когда этимологическое значение слова данного языка основано на сравнении с другими языками и не полностью совпадает с его засвидетельствованной семантикой. Важно подчеркнуть, что в этом случае этимологическое значение реконструируется для периода, когда данный язык (или предшествующее ему праязыковое состояние, общее для группы близкородственных языков) еще не отделился от генетически наиболее близкого к нему языка этой группы (или предшествующего ему праязыкового состояния), сравнение с которым помогает эти дополнительные значения выявить. Исходное, «исконное», гипотетически устанавливаемое с помощью этимологии значение может в реально засвидетельствованном письменными источниками языке – в нашем случае в библейском иврите – удержаться и подтвердить все или одну из предлагаемых на основании контекстного употребления спорных интерпретаций либо привести к уточнению старого или даже принципиально новому толкованию, обогащающему или полностью изменяющему наше понимание данного термина.

Так, можно предположить, что этимологическое значение евр. *gōu* (подробнее см. ниже), помимо прямо явствующих из библейских контекстов значений ‘народ, люди, общность, совокупность живых существ’, приводимых в новейших словарях древнееврейского (см. HALOT. 182–183), включает в себя семантический компонент территориальности – ‘община, общее поселение; группа людей, совместно проживающая на какой-то территории; (местное) население’. Этот компонент гипотетически постулируется на основании сравнения с такими содержащими его родственными формами в других языках (насколько нам известно, ранее к сравнению не привлекавшимися), как сир. *gawwā* ‘здание монашеского общежития’, араб. *ḡawwāyīn* – ‘палаточный военный лагерь’, геэз *ge* (<**gay*) ‘территория’ и параллелями из несемитских афразийских языков. Из этих семитских языков генетически более близок древнееврейскому сирийский (еще ближе финикийский, входящий в общую с еврейским ханаанейскую языковую группу, но родственный финикийский термин *gw* отражен в сохранившихся финикийских текстах только в значении ‘община’ – ‘community’ и никакой новой информации в данном случае не несет). Исходя из этого, можно реконструировать значение с компонентом территориальности для праформы, из которой впоследствии развилось евр. *gōu*, и отнести ее к тому периоду, когда ближайший предок еврейского, общеханаанейский праязык, отделился от ближайшего предка сирийского, общеарамейского пра-

языка (этот период датируется мною с помощью глоттохронологического метода С.А. Старостина¹⁶ примерно XVIII в. до н.э.). Весь вопрос в том, сохраняется ли данный семантический компонент, предполагаемый этимологией слова *gōu*, в исторически засвидетельствованный период древнееврейского языка, т.е. в тексте Библии. Оказывается, что отнюдь не очевидное значение 'территориальная общность', существенное для понимания данного термина в его историческом и идеологическом развитии, подтверждается и углубленным анализом библейских контекстов (ср., напр., Speiser).

Еще один пример из другого семантического поля. В разных библейских текстах неоднократно упоминается *шеол* (*šəʔōl*) 'преисподняя' [HALOT. 1368] как место, куда уходят умершие, однако сколько-нибудь внятное описание его отсутствует: складывается впечатление, что за ним стоит не фундаментальное представление о загробной жизни, а скорее мрачный поэтический образ, расхожая, но «стертая» метафора, сохранившаяся от других времен или заимствованная из других культур – так, частое упоминание черта в европейской или русской речи вряд ли вызывает у современного человека глубокие религиозные ассоциации. В приведенной [там же. 1371] этимологии этого термина, связывающей его с глаголом *šāʔal* 'спрашивать, вопрошать', как будто просвечивает некий архаический пласт представлений о загробном мире, связанных с гаданием, общением с духами умерших и т.п.; это типичный случай явления, которое можно назвать «научообразной народной этимологией», предложенной комментаторами за неимением лучшей. Наиболее вероятное этимологическое значение евр. *šəʔōl*, не сохранившееся в самом библейском иврите, – 'пропасть, котловина, русло потока', ср. араб. *sāll*-, мн.ч. *sallān*- и *sawāll*- 'котловина с крутыми скатами, дно долины, русло потока'¹⁷ [ВК. 2. 1117], *sayl*- 'поток', *syl* 'течь (о воде), уносить (о потоке); попасть в беду' [там же. 1177]; энд. *səwel*, соддо *siyol* 'пучина, бездна, пропасть'¹⁸ (менее надежна, но не исключена связь с акк. *šalû* (*salû*) 'погрузиться, уйти под воду (особенно при «испытании водой»)'¹⁹ [CAD, šl. 273] и джб. *sēl* 'стекать (в реку), идти

¹⁶ Starostin S. Comparative-historical linguistics and lexicostatistics // Time Depth in Historical Linguistics. Vol. 1. P. 223–265. Cambridge, 2000. Далее в тексте – Star.

¹⁷ Biberstein-Kazimirski A. de. Dictionnaire arabe-français. Vol. 1–2. P., 1860. Далее в тексте – ВК.

¹⁸ Leslau W. Etymological Dictionary of Gurage (Ethiopic). Vol. III. Wiesbaden, 1979. P. 568. Далее в тексте – LGur.

¹⁹ The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute, the University of Chicago. Chicago, 1956-. Далее в тексте – CAD.

(о дожде)²⁰); сем. праформа *šVy/ʔul- восходит к афраз., имея параллели в чад. – зап.: мангас *salà*, гурунтум *sál* ‘река’, вост.: мокилко *sêlò* ‘водоем’²¹. Эта этимология косвенно подтверждается другим еврейским словом – *bôr*, библейским параллелизмом к *шеолу*, переводимым как ‘ад’, ‘преисподняя’ и ‘могила’: «Но в ад (*šəʔōl*) ты низвергнут, в глубины преисподней (*bôr*)» (Ис 14,15); другое его значение – ‘резервуар с водой (часто – углубление в скальной породе, где скапливается дождевая вода)’ [HALOT. 116] (в других семитских языках родственный корень имеет значение ‘яма, резервуар с водой, колодец’ и ‘могила’, возможно и ‘преисподняя’, в других афразийских – ‘ров, канава, яма’, ‘могила’ и ‘копать’ и ‘хоронить’).

С точки зрения возможностей этимологии в интерпретации слов, в том числе и при исследовании библейских текстов, можно выделить несколько основных ситуаций (исключая случаи, для которых не найдено правдоподобной или просто никакой этимологии):

I. Слово часто встречается, его значение (или спектр значений) достаточно очевидно и не подразумевает особых смысловых тонкостей и сложных культурных ассоциаций или же они, напротив, имеются, но хорошо раскрываются в соответствующих контекстах в то время, как параллели из других языков ничего нового в семантическом плане не добавляют (скажем, евр. *yād* ‘рука’ из общесем. **yad*-/**ʔid*- ‘рука’ или евр. *šēm* ‘имя’ из общесем. **šim*- ‘имя’). Этимология, существенная сама по себе, для интерпретации семантики не нужна.

II. Значение слова неясно (чаще всего это редкий термин, так называемый *hapax legomenon*, или слово, встречающееся только в однотипных контекстах), при этом у него обнаруживаются надежные, единственно возможные и семантически недвусмысленные параллели в родственных языках или же находится надежный источник заимствования в родственном или неродственном языке. Этимология необходима.

III. Слово не вполне понятно, имеет спорные толкования, найденные параллели могут уточнить или прояснить его значение или хотя бы сузить спектр возможных интерпретаций. Этимология полезна.

IV. Слово хорошо известно, при этом сопоставление с родственными (или неродственными, но похожими по звучанию и повлиявшими на семантику обсуждаемого слова по линии этимопо-

²⁰ Johnstone T. *Jibbāli Lexicon*. Oxford, 1981. P. 233. Далее в тексте – JJ.

²¹ Afrasian Data Base (база данных по афразийским языкам). Далее в тексте – ADB (доступна на сайтах <http://starling.rinet.ru> и <http://ehl.santafe.edu>).

этики) словами из того же и других языков раскрывает в нем дополнительные нюансы, придает ему бóльшую «стереоскопическую» глубину, бросает свет на его исходное этимологическое значение. Результат в данной ситуации менее надежен, чем в ситуации под номером 1, что увеличивает риск искусственных интерпретаций, исследовательского фантома и, следовательно, требует гораздо более трудоемкой аргументации как в сравнительно-историческом, так и в филологическом аспекте. Исчерпывающая этимология (или выявление этимопоэтических связей) может оказаться исключительно плодотворной, особенно, если анализируемое слово – или группа слов – относится к концептуальной сфере.

Так как ситуации I и II общеизвестны и достаточно тривиальны, приведем примеры ситуаций III и IV²².

Пример ситуации III (еще один пример – евр. *шеол*, см. выше).

1. Это – случай, когда этимология может бросить свет на неясные, но ключевые в многовековых теологических и философских дискуссиях термины *тоху* и *боху* из второго стиха первой главы Книги Бытия: «*wə-hā'ārāš hāytā tōhū wa-bōhū wə-ḥōšāk 'al-rānē tēhōm*» (Быт 1, 2). Не утруждая читателя анализом соответствующих мест из ранних изводов Библии – греческой Септуагинты, латинской Вульгаты или сирийской Пешитты, можно продемонстрировать, как традиционно понимаются эти термины на примере переводов на церковно-славянский («Земля же бе невидима и неустроена, и тма верху бездны...»), русский («Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...») или английский («Now the earth was formless and empty, darkness was over the surface of the deep»²³. А вот как их сочетание комментируется в HALOT. 1689: «it signifies the terrible, eerie, deserted wilderness, and this is a

²² В рассматриваемых ниже примерах сначала дается библейский термин со ссылкой на значение и этимологии, которые приводятся в новейшем и наиболее полном словаре древнееврейского (HALOT), затем со ссылкой на соответствующие слова следуют параллели к этому термину из других семитских языков, расположенные по степени генетической близости того или иного языка к еврейскому – от финикийского до аккадского и современных южноаравийских (см. ниже схему предлагаемой генетической классификации семитских языков; следует учесть, что она в первую очередь основана на методе лексико-статистики/глотохронологии, разработанном М. Свадешем и радикально усовершенствованном С.А. Старостиным [Star], и в ряде существенных пунктов отличается от общепринятой). В конце этимологической статьи приводятся реконструированная общесемитская праформа и ее значение, а при необходимости и параллели из других афразийских (семито-хамитских) языков с общеафразийской праформой. Переводы с древнееврейского на русский даются в версии автора.

²³ *Zondervan NIV (New International Version) Study Bible*. Grand Rapids, Michigan, 2002.

primary idea that functions in creation». Каково же этимологическое значение этих терминов?

1а. Евр. *tōhū* переводится как 'wilderness, wasteland, emptiness'; в качестве параллелей закономерно приводятся угар. *thw* 'степь, пустыня' и араб. *fih*- 'wilderness' [там же]²⁴. Этимологическое значение – 'пустыня' (а точнее 'пустыня, в которой можно заблудиться, в которую страшно ходить' – см. примеч. 24).

1б. Евр. *bōhū* переводится как 'emptiness, wasteness' [HALOT. 111] и (со знаком вопроса) выводится из глагола *bhy* 'удивляться', представленного в постбиб. евр., который, по необъяснимой семантической ассоциации автора данной словарной статьи, в свою очередь сравнивается с араб. *bhy* 'быть пустым' [там же]. Конечно, не евр. глагол 'удивляться', а евр. *bōhū* можно сравнивать с араб. глаголом *bhy* 'быть пустым (о доме без мебели)' и именами *bāh-in* 'пустой', *bahw*- 'равнина; грудная полость' [ВК. 1. 174], а также с иуд. арам. глаголом в каузативе *h-bhy* 'to clear (the field, thickets)'²⁵

²⁴ а также не имеющий к этому отношения постбиб. евр. глагол *tāhā* 'to be rigid'. Затем следует глубокомысленный комментарий: «A verbal form, together with a verbal form relevant to the derivation of *bōhū*, is found in Egyptian by Görg ZAW 92 (1980) 431–34: Egyptian *th?* 'to deviate, miss', Eg. *bh?* 'to flee in panic'; [Kilian [VT] 16 (1966). 433f: through Egyptian there is a connection with Chaos, or rather interminableness, that is characteristic of the primeval deities». На самом деле, егип. *bh*, 'убегать в страхе', этимологически никак не связано с евр. *bōhū* (см. ниже), и, тем самым, вся претенциозная идея Килиана о связи библейского образа «через египетский (!) с Хаосом – а पुше с Бесконечностным, – что характерно для первозданных божеств» ничего не стоит; егип. *thi* (в другой транслитерации *thy*, но не *th?*!) переводится как 'to go astray, transgress, eeg, overstep' [Faulkner R. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford, 1962. P. 300. Далее, в тексте – Faul] и восходит к общеафраз. глаголу **thwly* '(бояться) потеряться, заблудиться (в пустыне), погибнуть': сем. (помимо существительных со значением 'пустыня' – см. выше): сир. *twh* 'быть встревоженным, путаться', араб. *twh* 'заблудиться, переходя через пустыню, погибнуть, быть растерянным' [ВК. 1. 211], *tyh* блуждать наугад, заблудиться [там же. 213], геэз *tauuāhi* 'испуганный', тгр. *tāwhā* 'блуждать' [Littmann E. and Höffner M. Wörterbuch der Tigre Sprache. Tigre-deutsch-englisch. Wiesbaden. 1956. P. 318. Далее, в тексте LH] (возможно, арабизм); зап. чад.: хауса *tawai*, *tawaiwai* 'растерянность, колебания перед выбором пути на развилке дорог' [Bargery G. A Hausa-English dictionary and English-Hausa vocabulary. L., 1934. P. 1010. Далее в тексте Barg], болева *tāw* 'заблудиться' [Diakonoff I, Belova A., Militarev A., Porkhomovsky V. and Stolbova O. Historical-Comparative Vocabulary of Afrasian // St. Petersburg Journal of African Studies. 2, 1994. С. 5–28; 3, 1994. С. 5–26; 4, 1995. С. 7–38; 5, 1995. С. 4–32; 6, 1997. С. 12–35. St. Petersburg. Далее в тексте CHVA]; вост. куш.: дирайта *taw-ad-* 'потеряться, погибнуть' [Lamberti M. Die Chinassha-Sprache. Materialien zum Boro. Heidelberg. 1993. P. 514. Далее в тексте – Lamb]; сев. омот.: волане *to??-* 'погаснуть (об огне), прийти к концу', йемса *ti-šš* (каузатив) 'прийти к концу, потеряться, погибнуть' и т.п. [там же].

²⁵ Jastrow M. A Dictionary of the Targumim, the Tamud Babil and Yerushalmi, and the Midrashic Literature. N.Y., 1996. P. 142. Далее, в тексте – Ja.

(т.е. ‘расчищать, создавать пустое пространство’). Этимологическое значение евр. *bōhū* (хотя и не столь очевидное, как в случае с *tōhū*) – ‘пустое пространство’. Выводимое из приведенных форм довольно плохо сохранившееся сем. **bahw-* с тем же значением подкреплено кушитской параллелью **bowh-* ~ **bohwh-*: в.: оромо *bowwā*, дараса *bōwoʔā* ‘пропасть, бездна’ [ADB], ю. **bohoo-ngw* ‘яма, долина’²⁶.

Таким образом, исходя из этимологических значений и учитывая параллелизм *tōhu wā-bōhū*, можно предложить следующий перевод Быт 1, 2: «Земля же была пустынна и пуста (или “пустыня и пустота”), и тьма над водной бездной/океаном»; или же, более или менее следуя ритмике оригинала:

-- / -- / / -- / -- / -- / -- / -- / -- / «А земля была пуста и пустынна, над водной же бездной тьма».

Примеры ситуации IV.

2а. Евр. *ʕam* (*ʕamm-* с местоим. суффиксами) ‘народ; жители, обитатели; стадо животных; (чужеродное, нееврейское) население’, мн.ч. *ʕammīm* ‘народы’ [HALOT. 837–839]. Там же приводятся параллели из финикийского, арамейских и акк. *ammim-* ‘народ (?)’ (ст.-вав.)²⁷, которое оценивается как ханаанеизм, и *ammāni* (вероятно, ошибочно вместо ст.-вав. *immāni* ‘толпа, войско, рабочая бригада’ [AHw. 1413]), которое скорее происходит из другого прасем. корня **ʕumm-at-/ʕumm-ān-*. В [Speiser. 165-166] термин называется общезападносемитским (имеется в виду ханаанейско-арамейский, или, по нашей классификации, южноlevantийский) с указанием на то, что в арабском он сохраняет еще свою изначальную коннотацию ‘дядя по отцу’, хотя это значение, как и значение однокоренного существительного женского рода – ‘тетка по отцу’, – общесемитское (см. ниже). Арабская и сабейская параллели, не говоря уже о менее надежных эфиопских, не отмечены. Приведем все параллели: постбиб. евр. *ʕam* ‘сборище, толпа, народ’ [Ja. 1086], *ʕāmām* ‘народ’, мн.ч. *ʕāmāmīm*, *ʕāmāmīn* ‘неевреи; семь народов, населяющих Ханаан’ [там же. 1089]; фин. *ʕm* ‘народ; община, группа людей; служки в храме’²⁸; ст.-арам. *ʕm?* ‘народ’²⁹; имп. *ʕmm?* то же [там же]; наб. *ʕmh* то же [там же]; иуд. *ʕam*, *ʕamm-* ‘сборище, толпа, народ’ [Ja. 1086],

²⁶ *Kiessling R. and Mous M. The Lexical Reconstruction of West-Rift Southern Cushitic. Köln, 2003. P. 74. Далее, в тексте – КМ.*

²⁷ *Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1965–1981. P. 44. Далее – АНw.*

²⁸ *Tombak R. A Comparative Semitic Lexicon of the Phoenician and Punic Languages. Ann Arbor, 1978. P. 248. Далее в тексте – Tomb.*

²⁹ *Jean C. and Hofijzer J. Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'ouest. Leiden, 1965. P. 216. Далее в тексте – JH.*

ʕātām- ‘народ’ (gōu ʕātām ‘нееврей’) [там же. 1089]; сир. ʕam-, мн.ч. ʕamət- ‘народ; христиане; homo indoctus’, ʕamətāu- ‘плебс, некультурные люди, простонародье’³⁰; саб. ʕmt ‘основное население, простонародье’ [SD. 17]; араб. ʕamm- ‘большая толпа’, ʕamat- ‘множество людей; (простой) народ, население’ [ВК. 2. 358], ʕmt ‘распространяться повсюду, быть всеобщим, общим для всех’ [там же. 357]; геэз ʕamata ‘быть многочисленным’ (LGz. 63; по Леслау, возможно из араб. ʕmt); амх. ʕamtāmā ‘быть многочисленным’ (по Леслау, из геэза) [там же]. Прази-сем. *ʕamm- ‘народ; совокупность, объединение, множество людей; общее население; простонародье’. Первоначальное, этимологическое значение, по-видимому, ‘совокупность людей, объединенных общим родством/предком (по отцовской линии)’. Такое значение восстанавливается на том основании, что обсуждаемый термин с высокой степенью вероятности происходит из полностью совпадающего с ним по форме прасем. *ʕamm- ‘дядя, дед, родня/предок (по отцовской линии)’, *ʕamm-at- (жен. род) ‘тетка по отцу’³¹.

26. Евр. ʕam (1) ‘брат отца’ (в именах собственных), ‘родство/родня по отцовской линии’ [HALOT. 837]; сир. ʕammətā ‘тетка’ [там же]; угар. ʕm ‘основание рода; предки’³²; саб. ʕm ‘дядя; родственник по мужской линии’ [SD. 16]; араб. ʕamm- ‘брат отца’, ʕamat- ‘тетка по отцу’ [ВК. 2. 358]; тгр. ʕämmät ‘тетка по отцу’ [LH. 455] (возможно, арабизм); джб. ʕom ‘предок, дед’ [JJ. 19], мхр. ʕōm то же, ʕāmēt ‘бабка, тетка’³³ и др.

Вернемся к древнееврейскому ʕam в значении ‘народ’ в тех контекстах, где этот термин относится к народу Израиля. То, что мы предлагаем называть «этимологическим значением», можно описать для этого термина как ‘народ, совокупность людей, изначально объединенных общим родством по отцовской линии’ (ср. также [HALOT. 837]). Вопрос в том, сохранялся ли семантический компонент ‘общего родства’ в языковом сознании говорящего коллектива (или авторов соответствующих текстов) на протяжении периода формирования этих текстов – от их устного бытования, если оно было, до письменной фиксации. Иначе говоря, ощущалась ли в языковом сознании связь между ʕam в значении ‘народ’ и ʕam в значении ‘дядя, родня по отцовской линии’? Судя

³⁰ Brockelmann C. *Lexicon Syriacum*. Halle, 1928. P. 529. Далее в тексте – Brock.

³¹ Diakonoff I. and Kogan L. *Semitic Terms of Kinship and Social Sphere // Von Aegypten zum Tschadsee. Festschrift für Herrmann Jungraithmayr zum 65 Geburtstag*. Würzburg, 2001. P. 149. Далее в тексте – DK.

³² Olmo Lete G. *Del and Sanmartín J. Diccionario de la lengua ugarítica*. Vol. I–II. Barcelona, 1996–2000. P. 79–80. Далее в тексте – DLU.

³³ Johnstone T. *Mehri Lexicon*. L., 1987. P. 36. Далее в тексте – JM.

по полному совпадению в звучании этих двух слов и эмоционально-стилистической окрашенности *ʕam* в значении 'народ' (о Израиле), ответ на эти вопросы должен быть скорее положительным; см. анализ контекстуального спектра значений этого термина у Спейзера («*ʕām* есть нечто субъективное и личное» [Speiser. 162–163]; «*ʕām* по сути был термином, обозначающим тесные семейные связи, а уже вторично – расширенную семью, т.е. народ в значении более крупной, но в основе своей кровнородственной общности» [там же. 163]).

Данная точка зрения разделяется и в более поздних работах: «Для индивидуума в Израиле личная, правовая и религиозная идентичность была связана с его кланом. В ранний период она определено не была связана с понятием народа (*nation*). Индивидуум идентифицировал себя не с соотечественниками; его 'народ' (*ʕam*) – это члены его клана»³⁴. отождествляя *ʕam* с кланом в ранний период библейской истории, тот же автор склонен идентифицировать *mišpāhā* в иерархии внутриплеменных объединений, выводимых из Нав 7,14–18, как линидж (вне отсылки к этому контексту он расценивает *mišpāhā* как клан; об этимологии данного слова см. ниже), указывая на то, что в современной антропологической литературе этот термин обозначает группу взаимосвязанных, но автономных семей, объединенных происхождением от общего предка по отцовской линии [там же. 200]. Если линидж продолжает существовать в течение достаточно длительного периода времени и приобретает устойчивость, он классифицируется как клан [там же]. Хотя Торн и отмечает, что по принятым в антропологии представлениям клан объединяется скорее на основе декларируемой, чем доказательной общности происхождения входящих в него групп, он, ссылаясь на Гальперна, определяющего *ʕam* как кровнородственную общность (*consanguineous unit*), утверждает, что принадлежность к *ʕam* в целом ряде библейских контекстов (2 Цар 4, 13; 1 Сам 9, 12; Лев 21, 14) указывает на самоотождествление соответствующих персонажей не с «народом», а со своим кланом [там же. 201].

3. Евр. *gōy* 'народ; нация; язычники; люди; стадо, стая' [HALOT. 182–183], *gēw* 'община' [там же. 182], постбиб. *gauyūt* 'принадлежность к неевреям, «нееврейство» [Ja. 236]. Обычно приводятся параллели из ЭЮА [HALOT] или утверждается, что их «практически нет» [Speiser. 166]. Удивительно, что не упоминаются не только арабская и эфиосемитские параллели (родство кото-

³⁴ Toorn K. van der. Family Religion in Babylonia, Syria and Israel. Continuity and Change in the Forms of Religious Life // Studies in the History and Culture of the Ancient Near East. Vol. VII. Leiden-N.Y.-Köln, 1996. P. 203. Далее в тексте – Toorn.

рых с еврейским словом из-за семантических отличий не очевидно), но и несомненно родственные финикийская и арамейские формы. Все источники (ср. [HALOT], [Speiser], [TD. II. 426]) упоминают акк. (Мари) *gā(?)w/yu* [HALOT] 'народ' (так в [АНw. 284]) или 'группа людей, бригада работников' (так в [CAD g. 58]) в качестве западносемитского заимствования. Приведем все параллели: фин. *gw* 'община' [Тomb. 63]; иуд. *gauyūt-* 'принадлежность к неевреям, «нееврейство»' [Ja. 236] (скорее всего, из постбиб. евр. *gauyūt-* то же), *gētā* 'стадо' [там же. 243]; сир. *gaww-* 'общность, объединение; здание монашеского общежития' [Brock. 107]; мнд. *giuiat-* 'конгрегация, компания, общность людей'³⁵; саб. *gw-m, gwu* 'группа людей, составляющая общину' [SD. 51], *gwu* 'союз племен; религиозно-культурная община'³⁶; мин. кат. *gw* (<**gwu*) то же³⁷; араб. *ǰāwāyīn-* 'палаточный военный лагерь' [BK. 1. 360] («ломаное» мн.ч.; ед.ч. не засвидетельствовано); геэз *ge* 'территория' [LGz. 172] (<**gay*); амх., арг. *ge* 'страна, город' [LGur. 254]; хар. *gē* 'город (и название города Харара)'³⁸, вол. *ge*, сел. *gē* 'страна, земля, деревня' [LGur. 254]. Зап.-сем. **gaw(V)-* 'община, общее поселение; группа людей, проживающая на какой-то территории; общее место проживания'³⁹. У этого корня имеются афразийские параллели⁴⁰.

³⁵ *Drower E. and Macuch R. A Mandaic Dictionary. Oxford, 1963. P. 89.* Далее в тексте – DM.

³⁶ *Biella J. Dictionary of Old South Arabic. Sabaeen Dialect. Chicago, 1982. P. 67.* Далее, в тексте – Biella.

³⁷ *Arbach M. Lexique maḍābīen. Aix-de-Provence, 1993. P. 37* (Далее в тексте – LM). *Ricks S. Lexicon of Inscriptional Qatabanian. Roma, 1989. P. 36* (Далее в тексте – Ricks).

³⁸ *Leslau W. Etymological Dictionary of Harari. Berkeley–Los Angeles, 1963. P. 66.* Далее в тексте – LHar.

³⁹ Ср. *Cohen D. Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées dans les langues sémitiques. La Haye, 1970-. P. 107* (Далее в тексте – DRS) и [DK. 149] с отличающимся выбором примеров и другой интерпретацией. Эфиосемитские термины некоторые авторы (см. в [LGz. 174], [DRS. 107]) неубедительно связывают с сем. **gay/wV?* 'долина, низменность, вади, заболоченная местность' (т.е. местность, скорее, не приспособленная для жилья): евр. *gay(?)* 'долина' [HALOT. 188]; иуд. *gayu-* 'узкая горная долина, пересыхающее речное русло, вади' [Ja. 233]; араб. *ǰaww-* 'понижение местности, дно долины; поле, равнина' [BK. 1. 348]; *ǰiwā?* (<*ǰiw*) 'долина, пересеченная местность', *ǰawīyu-* 'стоячая вода; местность, не пригодная для жилья', *ǰīyuat-* 'застойная вода, болото' [там же. 360]; мин. *gw?* 'песчаный карьер' [LM. 37].

⁴⁰ Берб.: кабилский *gguggi* (<**guuyi*) 'толпиться, сбегаться, бросаться толпой' [*Dallet. J.-M. Dictionnaire kabyle-français. Parler des At Mangellat (Algérie). P., 1982. P. 281.* Далее в тексте – Dallet], тимимун *gaw* 'собираться' [*Boudot-Lamotte A. Notes ethnographiques et linguistique sur le parler berbère de Timimoun // Journal Asiatique. T. 252, fasc. 4. 1964. P. 537*]; чад.: (1) **gay-* 'взаимопомощь': з.: хауса *gayya* 'совместная трудовая деятельность; люди, собравшиеся вместе для взаимопомощи' [Barg. 375], нгизим *gāya* 'помогать' [*Skinner N. Hausa Compara-*

Этимологическое значение евр. *gōu* – ‘народ, население; люди, объединенные общей территорией’ (ср. у Спайзера: «*šām* сотни раз употребляется с притяжательными местоименными суффиксами, тогда как *gōu* – только семь раз, и всегда в связи с землей» [Speiser. 162]; там же в сноске б он еще раз указывает на «связь *gōu* с землей/территорией»; ср. также: «...в понятии *gōu* нет ничего личного. Это существительное обозначает крупные

tive Dictionary. Köln, 1996, 82. Далее в тексте – Skin]; в.: бидия *dē* ‘товарищ’, дангла *gi-* ‘спутник, компаньон’ [там же. P. 169], *gāu* ‘помощь’ [там же. P. 82], (2) *(*la-n*)-*gaway* ‘поселение, жилище’: з.: гвандара *angwa* ‘городской квартал’, варджи *ngəwai* ‘часть поселка (компаунда)’ [там же. 278], гера *gəwə* [Kraft Ch. Chadic Wordlists. I-III. Berlin, 1981. 1. P. 73. Далее, в тексте – Kraft], дера *gawī* [там же. 132] ‘хижина, барак’; ц.: фали (кирья) *yāu* [там же. II. 183], зегвана *yāya* [там же. III. 112] ‘огороженная территория, поселок (компаунд)’, будума *ŋgi* ‘место, местность, дом’; в.: леле *tu-gi* ‘деревня’ [Skin. 278]; куш.: (1) **gaw/y-* ‘помещение, дом’: с.: беджа *gaw* усадьба, хутор, дом, семья’ [L. Reinisch. Wörterbuch der Beḏaue-Sprache. Wien, 1895. P. 104. Далее в тексте – Beḏ]; в.: хадия *goyya* ‘основное помещение (то, в котором живут люди), дом’ [LGur. 303], камбатта *geeyuuta* ‘хижина’ [Hudson R. Highland East Cushitic Dictionary. Hamburg, 1989. P. 82. Далее в тексте – Huds], (2) в. **gVw-*: харсо *iko* ‘племя’ [Amborn H., Günter M. and Sasse H.-J. Das Dullay. Materialien zu einer ostkuschitischen Sprachgruppe. Kölner Beiträge zur Afrikanistik, 1980. Bd. 6. P. 271. Далее, в тексте – Amborn et al.] (-*k*- может происходить из *-*g*-), сомали *giuto* ‘толпа людей’ [Abraham R. Somali-English Dictionary. 1962. 99. Далее в тексте – Abr], ‘группа, отряд’ [Dizionario Somalo-Italiano. Roma, 1985. P. 284. Далее, в тексте – Som-It]; с. омот. **giy/w-*: бворо *giyá*, шеко *giyo*, кафа *giyo*, *giwo* ‘сосед’ [Lamb. 319]. Афраз. **gaw(V)y-* ‘община, племя, группа людей (проживающих вместе, на общей территории); совместное поселение, место проживания’. Альтернативным, но менее убедительным решением была бы реконструкция двух афразийских корней – одного со значением ‘община, племя, группа объединенных людей’, состоящего из евр., фин., мнд., ЭЮА, берберского, чадского (1) и кушитского (2), и другого со значением ‘жилище, поселение, территория проживания’, состоящего из эфиосем., чад. (2) и кушитского (1); в этом случае затруднительно было бы выбрать, куда отнести «промежуточные» по семантике примеры из сир., араб., беджа и омот.

Большой интерес представляет предложенное С.А. Старостиным сопоставление афразийского **gaw(V)y-* с прасинокавказским корнем **ywaʔi* ‘(взаим)помощь, общинная (трудовая) деятельность’: в дагестанском этот корень означает ‘помощь’ и специфически ‘взаимопомощь, совместная работа, завершающаяся общей выпивкой’, в китайском – ‘друг’ и ‘помощь’ и в качинском – ‘друг’; ср. тот же спектр значений в чад. (1). Афразийско-синокавказская параллель может быть результатом заимствования из одного праязыка в другой, но, скорее, восходит к общему праафразийско-синокавказскому корню (высказанная Дж. Гринбергом и независимо от него начавшая основательно разрабатываться С.А. Старостиным гипотеза о евразийском единстве четырех крупнейших макросемей Старого Света – афразийской, ностратической, синокавказской и австрической – представляется вполне вероятной), указывающему на глубокую древность соответствующего представления: учитывая предположительное время разделения праафразийского (10 тыс. до н.э.) и прасинокавказского (8 тыс.) языков и степень их различия, евразийское единство следует датировать периодом не позднее, чем 13–14 тысячелетиями, т.е. эпохой позднего палеолита.

конгломераты, объединенные, так сказать, внешней, а не внутренней связью» [там же. 163]).

4а. Евр. *šēbāt* ‘племя’ [HALOT. 1388–1390]. Приводятся только арамейские параллели, арабская отсутствует. Приведем все родственные слова: биб.-арам. **šbaṭ* ‘племя’ [HALOT. 1390]; иуд. *šbaṭ* то же [Ja. 1513]; сир. *šabt-* ‘род, племя, колено (израилено)’ [Brock. 751]; араб. *sibt-* ‘племя (особ. о коленах израилевых); семья; племянники, внуки’ [BK. 2. 1044]. Если в арамейских примерах и в арабском ‘племя’ заимствование еврейского термина или его влияние довольно очевидно, то остальные значения араб. *sibt-* скорее указывают на исконный термин, родственный еврейскому. Зап.-сем. **šibt-* ‘род, потомство’ с наиболее вероятным происхождением через ‘поросль, отпрыск, потомство, род’ из **šVbVt-* ‘палка, ветвь, прут’ (см. ниже) с тем же развитием значения, что и в примере № 5⁴¹.

4б. Евр. *šēbāt* ‘прут, розга, (пастуший) посох, трость; жезл, скипетр’ [HALOT. 1388–1389]. Из параллелей приводятся арамейские, аккадская и сабейская. Не отмечены арабская, эфиосемитские и СЮА. Вот все параллели: иуд. *šbaṭ*, *šibt-* ‘прут, посох, жезл’ [Ja. 1513], *šbaṭ* ‘бить, пороть розгами’ [там же. 1512]; сир. *šabt-* ‘палка, посох; жезл, скипетр; удар (в т.ч. молнии); наказание’ [Brock. 751]; саб. *sḫt* ‘разбивать, поражать (врагов)’ [SD. 123], ‘бить, побивать; сражаться’, *sḫtm* ‘удары кнута или палки’ [Biella. 325]; араб. *sabaṭānat-* ‘полая трость, трубка для стрельбы в птиц’ [BK. 2. 1044], ср. также *sabaṭ-*, *subāt-* ‘густое (о дереве)’ [там же] (от ‘ветвистое?’); геэз *səbt* ‘заостренный прут’ [LGz. 485]; энн. энд. гье. *samt*, чх. эжа *sonṭ* ‘тонкая ветка, розга, используемая как кнут и для порки’ [LGur. 549] (*-m/nṭ* по ассимиляции из **-bṭ?*); акк. *šabbītu* ‘жезл, скипетр’ (ст. вав.) [CAD. §1. 10], [АНw. 1119], *šabātu* ‘поражать (о демонах, болезни); дуть (о ветре)’ [CAD. §1. 8] (от ‘бить’); мхр. *səbūt* ‘бить (палкой)’ [JM. 340]; джб. *səṭ* то же [JJ. 222]. Прасем. **šVbVt-* ‘палка, ветвь, прут’, **šbt* ‘бить’⁴² (н.-егип. *šbd* ‘племя’ заимствовано из сем.⁴³).

⁴¹ Ср. также мин. *sḫt-t* ‘выкидывать (о беременной женщине)’, *sḫt* ‘роженца’ [LM. 81] и араб. *shṭ* ‘выкидывать (о беременной женщине, самке животного)’ [BK. 2. 1043] (не исключено заимствование из одного из этих языков в другой) с возможным развитием значения: ‘потомство’ > ‘рожать’ > ‘выкидывать’.

⁴² Менее убедительна этимология, приводимая в [HALOT. 1388]: «...основное *šēbāt* в общесемитском – палка, жезл, скипетр. Это существительное затем развивается в ‘скипетр как символ власти’ и означает группу людей, объединенных кровным родством, под предводительством того, кто ‘держит скипетр’». Из приводимых ниже примеров явствует, что основное значение существительного *šēbāt* в общесемитском – ‘палка, ветка, прут’ (с производным от него глаголом **šbt* ‘бить’), а ‘жезл, скипетр’ – вторичное значение.

⁴³ Erman A. and Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. I–VII. Berlin, 1961–1963. IV. S. 442. Далее в тексте – EG.

Предполагаемое этимологическое значение евр. *šēbāṭ* – ‘ветвь, ответвление племени’ (подтверждается ли оно контекстами, судить библеистам).

5а. Евр. *maṭṭā* ‘племя’ [HALOT. 573] (объединено в один корень с *maṭṭā* ‘шест, ветвь, посох, жезл’), [TD. VIII. 241–245]. С высокой степенью вероятности из прасем. ‘прут, розга, ветвь, палка’ (см. ниже) с распространенным во многих языках мира развитием значения ‘ветвь, ответвление, побег, росток’ в ‘поросль, отпрыск, потомство’, аналогичным примеру № 4, и далее в ‘племя’⁴⁴.

5б. Евр. *maṭṭā* ‘шест, ветвь, посох, жезл’ [HALOT. 573], [TD. VIII. 241–245]. В обоих источниках из параллелей дается только угаритская, а во втором – еще и эблаитская. Ни в одном не приводится даже аккадская параллель, не говоря уже о не столь явных арабской, эфиосемитских и мехрийской – это при том, что в [HALOT] евр. *maṭṭā* ‘шест и др.’ объединено с таким важным термином, как ‘племя’, что предполагает развитие второго из первого, но явно нуждается в семантическом обосновании. В [TD] допускается возможность происхождения этого существительного от несохранившегося глагола **nṭu* с префиксом *m-* (формально приемлемая: префикс имени инструмента *ma-* и ассимиляция *-n-* перед *-t*, вызвавшая удвоение последнего), в связи с чем приводится акк. *naṭū* ‘бить’, т.е. подразумевается развитие из глагола ‘бить’, сохранившегося только в аккадском, в ‘палку’ как орудие битья, представленную, как мы видим, на прасемитском уровне, что делает данное объяснение менее вероятным. В обоих источниках приводится утверждение Янссена о заимствовании из егип. *mdw* ‘палка, посох, жезл’, однако по хронологическим причинам это египетское слово вряд ли могло заимствоваться на прасемитском

⁴⁴ Еврейский пример считается изолированным. Можно предложить следующие несколько рискованные параллели с различными, но в принципе сопоставимыми значениями: араб. *miṭw-* ‘друг, спутник, компаньон’, *miw* ‘присоединяться к к.-л. в качестве спутника, компаньона’ [BK. 2. 1124] (первоначально ‘младший?’); сел. *māṭa* ‘младший брат’, *māṭēt* ‘младшая сестра’ [LGur. 437] (по мнению Леслау, из в. куш.: оромо *māṭa* ‘младший’, что мало вероятно в свете сравнительных семитских данных), чх. эжа энг. гье. *m^wṭa*, мух. гог. сел. *miṭa*, энд. *miṭā* ‘ребенок, детеныш животного; незрелый (человек, дерево)’; сок *miṭ* ‘созревать’, *meṭeṭe*, *meṭiṭa*, *mōṭéṭa* ‘молодой, сильный, серьезный’, ж.р. *miṭōḥ* ‘молодая, достигшая совершеннолетия’ [Leslau W. Lexique Soqotri (Sudarabique moderne) avec comparaisons et explications étymologiques. P., 1938. P. 241. Далее в тексте – LS]. Из этих форм реконструируется гипотетическое прасем. **malitt* (вариантная основа – араб. *miṭw-*) ‘младший, созревающий, растущий’, что предполагает в еврейском вероятное этимологическое значение ‘отпрыски, молодежь племени, младшая возрастная группа’ (ср. постоянное употребление термина *maṭṭā* с *bənē* ‘сыновья’, за которым следует название одного из колен израилевых, в Нав – см. [TD. VIII. 246]).

уровне, поэтому его следует интерпретировать как родственное сем. **ma/iṭt-* (см. ниже). Вот все родственные слова: угар. *mṭ* ‘палка, прут, посох’ [DLU. 307]; араб. *maṭw-*, *miṭw-* ‘пальмовая ветвь, разделенная вдоль пополам и используемая как веревка’ [ВК. 2. 1124]; тгр. *məṭ ʔabälä* ‘бить розгами’ [ЛН. 143]; чх. эжа энн. гье. *mʷəṭa*, мух. гог. сел. *miṭa*, энд. *miṭä* ‘молодое растение, росток’ (по Леслау, из в. куш.: хадия *muta* ‘росток дерева’, что не объясняет переход *t > ṭ*) [LGur. 437]; акк. *miṭtu* ‘дубина, булава’ (ст.-вав.) [CAD m. 147], [АНw. 664]; эбл. *ma-ṭi-um* = *giṣgu-RUurudu* и *giṣgu-RU-kakurudu* (ссылки в [TD. VIII. 241–245]); мхр. *mütayn* (<*myṭ*) ‘дерево с твердой и тяжелой древесиной, из которого делают палки и дубинки’ [JM. 276]. Прасем. **ma/iṭ(t/w)-* ~ **mVyṭ-* ‘ветвь, прут, палка’⁴⁵.

6. Евр. *mišpāhā* ‘расширенная семья, клан (группа людей, еще ощущающих кровное родство); подразделение *šēbāṭ, ʕam, maṭtā*’ [HALOT. 651]; *šiphā* ‘рабыня’ [там же 1620–1621]. К *mišpāhā* в [HALOT. 651] и [TD. IX. 79] приводятся параллели из финикийско-пунического и угаритского, а в последнем источнике – также из ЭЮА. Что касается *šiphā*, то связь этого термина с *mišpāhā* с тем же консонантным корнем *šph*, обычно ставится под сомнение. В [HALOT. 1620–1621] справедливо отвергается как устаревшая точка зрения о происхождении евр. *šiphā* ‘рабыня’ из не засвидетельствованного в еврейском глагола **šph* ‘лить’ с искусственно приписываемой этому разряду рабынь функцией поливать воду на руки хозяину. Напротив, в [TD] со ссылкой на араб. *sḫ* (<**šph*) утверждается, что *mišpāhā* с наибольшей вероятностью происходит от корня *šph* ‘выливать’ (напомним – в еврейском его нет); так как в данной связи упоминается ‘семя’, имеется в виду, очевидно, значение араб. глагола ‘иметь внебрачную связь, прелюбодействовать с к.-л.’ с интерпретацией его как ‘проливать семя’ от ‘лить’ (то же предполагается и в [DK]); с нашей точки зрения, значения ‘лить’ и ‘прелюбодействовать’ в арабском принадлежат двум разным омонимичным глаголам – см. ниже). Так как напрямую вывести евр. ‘семья’ (а также фин. ‘клан’ и угар. ‘семья’

⁴⁵ Из афраз. **ma/iṭ(t/w)-* ~ **mayṭ-* ‘палка, ветвь (пальмы?)’: (?) чад.: ц. **mVyṭ-* ‘баобаб’; в.: мокилко *moote* ‘вид дерева’ [Orel V. and Stolbova O. Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a Reconstruction. Leiden-N.Y.-Köln, 1995. No. 1750. Далее, в тексте – HSED] (рефлексы *-t* неясны); егип. *mdw* ‘палка, посох, жезл’ (ст. цар.) [EG. II. 178] (*d* <**t*); куш. в. **mayṭ-* ‘пальма’: оромо *meṭṭii* [Gragg G. Oromo Dictionary. East Lansing, 1982. P. 284. Далее, в тексте – Gragg], бурджи *maṭṭe*, гелеба *meṭṭe* [Huds. 110]; омот. с. **mi(n)t-*: кафа, моча *miṭo*, гофа *miṭṣa*, зайсе *miṭṣa* и др. ‘дерево’ – ср. [Долгопольский А.Б. Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. М., 1973. С. 250. Далее в тексте – СИФКЯ], [Lamb 472–473].

и др.) из глагола ‘лить, проливать’ затруднительно, такая этимология подразумевает, по-видимому, семантический переход ‘лить’ > > ‘проливать семя’ > ‘семя, потомство’ > ‘семья’; непонятно, правда, как этот ряд связать с приводимым в качестве параллели саб. ‘созывать’⁴⁶. Вот все предположительные параллели: фин. *šph* ‘клан’ [Tomb. 320]; саб. *sfh* ‘созывать, вызывать для выполнения приказа’ [SD. 124], ‘приказывать’ [Biella 341]; мин. *sjfh* ‘неотчуждаемая общинная земля (?)’ [LM. 81]; кат. *sfh* ‘издавать декрет, отдавать распоряжение, объявлять’, (порода *-t-*) *ys_itfhwn* ‘быть связанным обязательствами’ [Ricks. 161]; угар. *šph* ‘семья, клан, родовая линия, потомство’ [DLU. 448]; араб. *sfh* II ‘работать задаром, бесприбыльно, без вознаграждения’, III ‘иметь внебрачную связь, прелюбодействовать с к.-л.’ [BK. 1. 1097]; сод., гог. *šuff balä* ‘сидеть, собираться толпой, собираться в группу’ [LGur. 573]. Все приведенные семитские примеры соответствуют друг другу фонетически, но показывают большое разнообразие значений, на первый взгляд мало связанных между собой. Однако можно предположить, что все эти примеры, кроме тех, что связаны с омонимичным глаголом ‘лить’, восходят к одному общесемитскому корню. Этот корень в своей именной основе **šiph-* соответствует социально-родственному термину, обозначающему клан, расширенную семью, включающую в себя и неполноправных членов, не связанных кровными узами с ее «ядром» (рабов, детей от рабынь, вольноотпущенников, «клиентов»), а в своей глагольной основе **šph* означает ‘держат/быть в зависимости, подчинении, услужении’, т.е. в конечном счете ‘входить в **šiph-*, быть его членом (полноправным или зависимым)’ (ср. [DK. 157] с другой интерпретацией). Интересно, что дальнейшее развитие значений обоих терминов, и именного, и глагольного, в части языков-потомков, похоже, определялось тем, на кого сделан «семантиче-

⁴⁶ Для сравнения приведу этот омонимичный семитский корень **šph* (или **spḥ*: в араб., и геззе рефлексы **š* и **ṣ* слились, а в акк., который их различает, представлены оба варианта) ‘проливать, рассыпать, рассеивать, разбрасывать’: акк. *sarāḥi*, *šarāḥi* ‘разбрасывать, рассеивать, разгонять; расточать, проматывать; разливать, рассыпать’ [CAD. s. 151], [АНw. 1024] (в акк. *ḥ* нередко передает сем. **ḥ* – см. Коган Л.Е. О нерегулярных рефлексах протосемитских ларингалов в аккадском языке. Вестник древней истории. 1995. № 5. С. 156–162); араб. *sfh* ‘разливать, проливать (воду, кровь); лить (слезы)’ [BK. 1. 1096–1097]; возможно, гезз *sufāḥe* ‘жертвоприношение’, если оно ‘восходит к значению ‘возлияние’ [LGz. 488] и, наконец, проблематичное СЮА – мхр. *šfēḥ* ‘питаться отбросами, досесть остатки пищи’ [JM. 392], джб. *ešfāḥ* ‘оставлять объедки’, *šofh* ‘недоеденные остатки пищи, объедки’ [JJ. 260] (с возможным развитием значения «отбросы» из «бросать»; если СЮА примеры относятся к этому корню, его следует восстанавливать как **šph*, т.е. он полностью омонимичен анализируемому здесь корню; см., однако, ниже).

ский акцент» – на весь *šiph-, на его полноправного или на его зависимого члена; в ряде случаев, как в катабанском и арабском, это различие могло передаваться чисто морфологическим способом с помощью системы производных глагольных основ. Так, общесемитский именной термин, по семантике совпадающий с саб. *byt* ‘дом, расширенная семья’ (по информации сабеиста А.В. Коротаяева) и латинским *familia* ‘семья, (вся) родня, дом (как совокупность всех домочадцев, включая слуг)’⁴⁷, засвидетельствован в финикийском и угаритском в контекстах, хотя и не дающих почвы для более детальных умозаключений, но указывающих на весь *šiph-, а глагольный корень сузился до простого значения ‘собирать(ся)’ в современных южноэфиопских. В древнееврейском прасемитский именной корень развился в существительное *šiphā* ‘рабыня’ (акцент на зависимого члена *šiph-), тогда как глагольный корень сохранился только в виде существительного *mišpāhā*, формально производного от незасвидетельствованного в еврейском глагола *šph ‘входить в *šiph-, быть его членом’ (*mišpāhā* естественно объяснить как отглагольную форму), а семантически воспроизводящего общесемитский именной корень *šiph- со значением ‘весь *šiph-’. Этимологическое значение *mišpāhā* как ‘расширенная семья, включающая в себя и ее зависимых членов’, выводимое из предлагаемых мною несколько рискованных сопоставлений с другими семитскими языками и реконструируемого на этой основе прасемитского значения, подкрепляется как весьма вероятным родством с *šiphā* ‘рабыня’, так и современными интерпретациями в библеистике – ср. [Тоом. 202]⁴⁸.

В других языках изначальная семантика развивалась иными путями. В ЭЮА – сабейском и катабанском – можно без особых затруднений предположить развитие общесемитского глагольного корня в ‘приказывать, распоряжаться’ (в катабанском в пас-

⁴⁷ Дворецкий И. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 415.

⁴⁸ Об употреблении в Библии термина *mišpāhā* и его значении см. также [Rogerson J.W. Anthropology and the Old Testament. Atlanta, 1979 и Thiel W. Die soziale Entwicklung Israels in vorstaatlicher Zeit. Neukirchen-Vluyn, 1985]. В пользу приведенной интерпретации можно привести контекстуальный аргумент. В Нав 6, 23 «вся семья» блудницы Рахав (*kōl mišpāhōtāhā* «вся семья ее») включает в себя «и отца ее, и мать ее, и братьев ее, и всех, кто у нее» (*kōl ʾāšār-lāh*; ср. [TD. IX. 79]). На «всех, кто у нее», а не на «все, что у нее», т.е. имущество, указывает параллелизм в стихе 25: «Рахав же, блудницу, и дом отца ее, и всех, кто у нее (*kōl ʾāšār-lāh*) оставил в живых Иегошуа (Иисус)» (ср. также Нав 2, 13). Определение *kōl ʾāšār-lāh* можно интерпретировать и как «все, принадлежащие ей», имея в виду рабов, и как «все, относящиеся к ней», имея в виду родственников; в пользу первой интерпретации говорит то, что родственники в Нав 6, 25 уже включены, как представляется, в «дом отца ее», а добавление «и всех, кто у нее» скорее должно относиться к рабам.

сивной породе логично давшего значение ‘быть связанным обязательствами’, ‘быть подчиненным’); в минейском предположительное значение ‘неотчуждаемая общинная земля’, при всей ненадежности такого прочтения, в принципе могло быть продолжением общесемитского термина – как земля, принадлежащая *šiph-. В арабском общесемитский глагольный корень ‘держат/быть в подчинении, услужении’ мог развиваться в двух направлениях: *sfh* во второй породе (интенсивное действие) со значением ‘работать задаром, бесприбыльно, без вознаграждения’ подразумевает в качестве субъекта интенсивного действия раба, а в третьей породе (действие, направленное на к.-л.) означает ‘иметь внебрачную связь, прелюбодействовать с к.-л.’, очевидно подразумевая в качестве субъекта хозяина, члена кровнородственной семьи, а в качестве объекта – рабыню; вспомним в этой связи рабыню (*šiphā*) Сары Агарь (Хагар), родившую Аврааму Измаила (Ишмаэля), и двух рабынь (*šəpāhōt*), родивших сыновей Иакову (Быт 16 и 30).

Все перечисленные примеры составляют один празападносемитский корень, с которым соблазнительно сопоставить корни с «социальной» семантикой в двух других ветвях семитской семьи – аккадской и южной (СЮА), хотя и с гораздо большей степенью гипотетичности. Значения акк. глагола *sapāhu/šapāhu* ‘рассеивать, разгонять (войско, отряды), упразднять, уничтожать (организации, социальные группы), разорять, лишать средств’ [CAD. s. 151], [АНw. 1024] могут естественным образом восходить к ‘разбрасывать, рассеивать, разгонять; расточать, проматывать; разливать, рассыпать’, но нельзя исключить и альтернативную возможность развития из сем. *šph ‘держат в подчинении’ (или контаминации с этим глаголом), учитывая, что данный аккадский глагол фактически передает все основные способы пополнения зависимой части *šiph-, т.е. превращения побежденных врагов, групп с упраздненным свободным статусом и разоренных слоев населения в подчиненные социальные категории.

Наконец, значения в мхр. *šfēh* ‘питаться отбросами, доедать остатки пищи’, джб. *ešfāh* ‘оставлять объедки’ могли развиваться как из ‘разбрасывать, бросать’ > ‘отбросы’ (хотя, заметим, в отличие от обсуждаемых глаголов в аккадском и арабском в СЮА нет значений ‘проливать, рассыпать, рассеивать, разбрасывать’), так и из *šph ‘держат/быть в зависимости, подчинении, услужении’ (или контаминировать с последним), трансформировавшись в значения, указывающие на способ пропитания рабов или слуг.

7. Евр. *ʾādām* ‘Адам, человек, люди, человеческий род’ [HALOT. 14] (приводятся параллели с теми же значениями из

фин., угар., иуд., араб. и тгр., а также ЭЮА с неточным значением 'раб'), [TD. I. 75] (параллели только из фин., угар. и араб.). Приведем все возможные параллели: фин. *ʔdm* 'человек' [Tomb. 4]; иуд. *ʔādām* 'человек, Адам' [Ja. 17] (вероятно, из евр.); сир. *ʔādāmāy-* 'происходящий от Адама, человеческий' [Brock. 6] (явно из евр.); мнд. *adam* 'Адам' [DM. 7] (из евр.); саб. *ʔdm, ʔdwm̄t, ʔdym* (колл.) 'зависимые лица, подданные; слуги, адепты (какого-лб. божества)' [SD. 2] (т.е. чьи-л. «люди»); мин. *ʔdm* 'зависимые лица, подданные; слуги; адепты какого-л. божества' [LM. 1]; кат. *ʔdm* 'люди, подданные (правителя, etc.)' [Ricks. 5]; угр. *adm* 'человек; человечество' (*ab adm* 'отец человечества' – о боге Илу) [DLU. 8]; араб. *ʔādam-* 'Адам, прародитель рода человеческого' [BK. 1. 20], *ʔadamiyy-* 'человек («человеческий»)' [там же] (из евр. или под влиянием евр.); араб. диалекты: хадр. *ʔawādim* 'люди, человеческий род'⁴⁹, дасина *ʔawādim* 'человек'⁵⁰ (оба – *pluralia tantum* из не засвидетельствованной в этих диалектах формы ед.ч. **ʔādam-*; могут быть продолжением общесемитского корня, так как не очень похожи на заимствования ни из классического арабского, где в качестве мн.ч. используется словосочетание *banū ʔādam* 'сыновья Адама, люди', ни из приведенных форм в ЭЮА, имеющих другие значения, ни из еврейского *ʔādām*); геэз *ʔaddām* 'Адам', *ʔaddāmāwi* 'человеческий' [LGz. 7] (из евр., сир. или араб.), ср. также *dom* 'раб' [LGz. 133] (родственный корень без **ʔa-*? Ср. семантику в ЭЮА); тгр. *ʔaddam* (колл.) 'люди', мн.ч. *ʔaddamatat* 'толпы людей', *ʔaddemay* 'маленький человек, человечек' [LH. 384] (вряд ли арабизм); (?) акк. *adnātu* 'мир с населяющими его людьми; человеческий род' (н.-вав.) [CAD a1. 128–129], [AHw. 12] (<**admātu* при прогрессивной ассимиляции *-*m* в *-*n* после *d-*? Ср. аналогичный случай в акк. *adamatu* и *adanatu* 'темная кровь' [CAD, a1. 94]; ср. также *eṣemtu* и *eṣentu* 'кость' [CAD e. 341], [AHw. 251], *eṣem/nṣēru* 'спинной хребет' [CAD e. 343], [AHw. 251] с аналогичным развитием *-m* в *-n* при регрессивной ассимиляции). Прасем. (если включать аккадский) или зап.-сем. **ʔadam-* 'человек (колл.), люди, человеческий род'.

Этот особо интересный случай заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробно. Идея единого человечества, человеческого рода в явно выраженном виде впервые, по-видимому, фиксируется в древности, по крайней мере на Ближнем Востоке, в первых главах Книги Бытия (ей соответствует и далеко не тривиальная идея изначально единого языка – ср. «И был на всей

⁴⁹ Landberg C., *conte de. Etudes sur les dialectes de l'Arabie méridionale. Premier volume. Hadramout. Leiden, 1901. P. 521. Далее, в тексте – Land.*

⁵⁰ Landberg C. *Glossaire Daïnois. Leiden, 1920–42. P. 73. Далее, в тексте – GD.*

земле один и тот же язык и одни и те же слова» Быт. 11, 1 и «И сказал Яхве: вот один народ и один язык...» там же. 11, 6). Бог создает человека-человечество *ʔādām*; имя это в древнееврейском, несомненно, имеет собирательный оттенок: формально оно стоит в единственном числе, но может согласовываться с множественным числом глагола и заменяться местоимениями во множественном числе: «И сказал Элохим: сделаю человека (*naʔāšā ʔādām*)...и да владычествуют они (*wə-yirdū*)...» (там же 1, 26). Семантика собирательности, человечества как совокупности людей в еврейском *ʔādām* унаследована из более раннего состояния. На это указывают значения данного слова и в тех семитских языках, в которых нет оснований видеть древнееврейское заимствование или влияние – в южноаравийских эпиграфических, тигре, тем более в угаритском и аккадском (если верно наше предположение о происхождении *adnatu* из *admatu*).

Представляется, что библейская идеологема человечества складывается из пяти основных понятий/концептов, все из которых передавались практически полностью совпадающими или очень близкими по звучанию словами (или могли с такими словами ассоциироваться): о человеке как особом, отдельном существе, отличном и от высших существ, обитающих в горнем мире, и от животных, населяющих мир дольный; о совокупности всех людей; об их общем происхождении; об общей миссии заселения земли; об «образе и подобию» Бога, по которому был сотворен Адам. Рассмотрим все пять понятий.

7.1. Человек. Это центральное представление, выраженное евр. *ʔādām* (и *bān ʔādām*) из прасем. (или зап-сем.) **ʔadam* ‘человек, люди, человеческий род’ (см. выше).

7.2. Совокупность всех людей. Общесемитская семантика собирательности, коллективности, как было упомянуто, уже заложена в древнееврейском термине *ʔādām*. Можно предположить, что такая семантика развилась уже в прасемитском под влиянием другого прасемитского глагольного корня **ʔdm* ‘участвовать, присоединять(ся), входить в общность, составлять целое’, омонимичного по составу согласных корня, ср.: акк. *adāmu* (ст.-асс.) ‘иметь долю в общем фонде, участвовать в общем деле’ [CAD. a1. 95], *admūtu* (или *atmūtu*) ‘участие, доля в общем деле’ [там же. 128]; араб. *ʔdm* ‘присоединяться; вводить к.-л. в свой клан, семью; мирить’, *ʔadīm* ‘все целиком’ [ВК. 1. 19]; геэз *ʔadamdama* ‘двигаться всем вместе, целиком (о войске)’ [LGz. 133] (редупл. основа). Этот семитский глагол с лексикализованным, «вросшим» в корень префиксом **ʔV-* (см. ниже) имеет параллели в других афразийских языках примерно с теми же значениями: з. чад.: хауса *doma* ‘подбить кого-л. на участие в нехорошем деле’ [Barg. 265],

тангале *domi* ‘собирать, помещать вместе’, дира *ya dōmī*, польчи *zumi*, богхом *dume* ‘собирать(ся)’⁵¹; егип. *dmu* ‘присоединиться к к.-л., примкнуть, принять ч.-л. сторону’ (ср. цар.), ‘присоединиться, разделить с к.-л. (радость, урожай)’ (н.-егип.) [EG. V. 454], *s-dmu* ‘быть привязанным (к своей семье)’ (ср. цар.) [там же. IV. 370]; куш.: ц.: хамир *edem, iedem* ‘приглашать на праздник’⁵²; в.: хадия *dumt-* ‘собираться вместе (о людях)’ [Huds. 69], *dumt-ičča* ‘собрание старейшин’ [там же. 22]. Из афраз. **(?)dm* ‘присоединяться, собираться вместе’.

7.3. Общее происхождение. Фундаментальный принцип библейской идеи человечества – его единство, дважды подтвержденная (в «первопаре» – Адаме и Еве – и в Ное с его потомством) общность происхождения всех людей, т.е. родство. В каком анатомическом понятии для древнего еврея воплощается родство? В отличие от индоевропейца, для которого это – кровь (‘кровное родство’, ‘единокровный брат’ и т.п.), родство для него – это, в первую очередь, плоть. «И рука наша не будет на нем, – говорит Иуда братьям о Иосифе, – ибо он брат наш, плоть наша (*bašārēnū*)» (Быт 37, 27). То же значение у другого синонимичного термина для плоти: «Наготы сестры отца твоего не открывай: она единокровная (*šəʔēr*, букв. плоть) отцу твоему» (Лев 18, 12). Однако, с идеей родства связана в Библии и кровь – ср., например, выражение *gōʔēl ha-ddām* ‘мститель за убитого родственника’ [HALOT. 15–16], букв. ‘выкупающий кровь’ (2 Сам 14, 11 и др.). То же в финикийском: *dm* ‘кровь’ и ‘родство’⁵³, *ʔdm*-у ‘его родня, его кровь’ [там же. 60]. Не только с плотью, но и с кровью ассоциируется родство в аккадском – *damu* ‘кровь’ употребляется в значении ‘родство, родня’, ср.: «Я брат твой, плоть (*šī-ir* – то же, что евр. *šəʔēr*, см. выше) твоя и кровь (*da-mu*) твоя» или «Царь...родственников (*da-mu*, букв. ‘кровь’) слуг своих не оставит» [CAD d. 79]. На древнееврейском ‘кровь’ – *dām*, при этом во Втор 32, 43, похоже, засвидетельствован и редкий вариант **ʔādāmā* (в форме *ʔadmātō*; см. [HALOT. 15–16]); это отражает общесемитскую ситуацию: **dam-* ‘кровь’ и производная от этого корня (и значительно более редкая в каждом из языков, где она встречается) форма **ʔadam-* ‘кровь’ с префиксом **ʔa-*. Ср.: фин. *ʔdm*-у ‘его родня, его кровь’ [Estrañol. 60], пун. *edom*

⁵¹ Stolbova O. Studies in Chadic Comparative Phonology. M., 1996. P. 37. Далее в тексте – Stolb.

⁵² Conti Rossini C. La langue des kemant en Abyssinie. Wien, 1912, 159. Далее в тексте – Con Ros.

⁵³ Estrañol M.-J. F. Vocabulario fenicio. Biblioteca fenicia. Vol. 1. Barcelona, 1980. P. 102. Далее в тексте – Estrañol.

‘кровь’ (Августин: *punice edom sanguis dicitur*) [HALOT. 15], (в [J-N 58] начальный ?- объясняется, в соответствии с распространенной точкой зрения на подобные случаи, как протетический; см. иную точку зрения в [SED I, CXLII-CXLIII]); иуд. *ʾādām*, *ʾadm-*, *ʾidm-* [Ja. 17]; мнд. *adm-* [DM. 8] ‘кровь’; араб. *ʾudmat-* ‘кровные узы’ [DRS. 9] (нет в [BK]), *ʾadīm-* ‘происхождение’ [BK. 1. 19]; акк. *adamatu* (*adanatu*) ‘темная кровь’ [CAD a1. 94], *adamu* ‘кровь’ (в хеттских аккадограммах) [там же. 95]. Восстанавливаемое на основе приведенного материала прасем. **ʾadam-* (снова отметим полное сходство этих терминов с евр. *ʾādām* и прасем. **ʾadam-* ‘человек, человеческий род’) является производной формой с префиксом **ʾa-* от прасем. **dam-* ‘кровь’ из афраз. **dam-* ‘кровь’: берб. *(i-)dam-ən (мн.ч.)⁵⁴; з. чад. **dam-* [HSED. № 639]; егип. *dm*, (мед.) глагол, относящийся к крови в сердце (напр., к болезненному состоянию крови) [EG. V. 453]; с. омот.: кафа *damō*⁵⁵, моча *damo*⁵⁶ (Леслау считает эти слова заимствованиями из амхарского).

7.4. Земля (общая миссия заселения). «Плодитесь и размножайтесь, – говорит Элохим человеку, – и наполняйте землю» (Быт 1, 28). То же говорит он Ною и его сыновьям. Сотворенное в Адаме и Еве и обновленное в Ное и его потомстве человечество призвано заселить всю землю, заполнить ее. ‘Земля’ в этом значении по-еврейски преимущественно *ʾārāṣ*, но также и *ʾādāmā*, ср.: «Но пар поднимался с земли (*min-hā-ʾārāṣ*) и орошал всю поверхность земли (*kol pānē hā-ʾādāmā*)» (там же. 1, 6) или «Ибо все те дни, пока сын Иесеея будет жив на земле (*ʾal hā-ʾādāmā*)...» (1 Сам 20, 31). Термин *ʾādāmā* переводится как ‘earth, arable ground with water and plants’ [HALOT. 15], [TD. I. 88]. Формально *ʾādāmā* ‘земля’ отличается от *ʾādām* ‘человек’ только суффиксом женского рода *-ā*, хотя в нескольких библейских контекстах встречается и вариант *ʾādām* ‘земля’ [HALOT. 14–15], полностью совпадающий с *ʾādām* ‘человек’. Человек *ʾādām* связан с землей *ʾādāmā* еще одной – внутренней – связью: он из нее сделан. Точнее, Творец создал (*yiṣār* – буквально ‘вылепил’) из земли животных, а человека – из *ʾāpār min-hā-ʾādāmā* ‘пыли земной’ (Быт 1, 7). Евр. *ʾādāmā* ‘земля’ [HALOT. 15] (вариант *ʾādām* ‘земля’ [там же. 14–15]), [TD. I. 88]. Из параллелей в обоих источ-

⁵⁴ Айхенвальд А.Ю., Милитарев А.Ю. Ливийско-гуанчские языки. Языки Азии и Африки. IV. Книга 2. М., 1991. С. 253. Далее в тексте – Айх-Мил.

⁵⁵ Cerulli E. Studi etiopici IV. La lingua caffina. Roma, 1951. P. 429. Далее в тексте – Cer Caf.

⁵⁶ Lestau W. A Dictionary of Moča (Southwestern Ethiopia). Berkeley – Los Angeles, 1959. P. 27. Далее в тексте – LMč.

никах приводятся только сир., наб. *ʔdmth* (имя собств.) и араб. *ʔadamat* (без перевода, нет в [ВК]). Приведем полный набор: фин.-пун. *ʔdmt* ‘земля, страна’ [Estañol. 60], ‘страна’ [J-H. 5]; иуд. *ʔadamt-* ‘земля’ [Ja. 17]; сир. *ʔadamət-* ‘земля; пыль; крахмал’ [Brock. 6]; (?) угар. *udm* ‘мифический город царя Pbl’ [DLU. 9]⁵⁷; араб. *ʔādīm-* ‘земля; все обозреваемое пространство на земле и на небе’ [ВК. 1. 20], *ʔīdāmat-* ‘твердая почва; земная поверхность’ [там же. 20]. Из зап.-сем. **ʔadam(-at)-* (с вариантными основами в арабском) ‘земля, земная поверхность’. По всей видимости, родственно сем. формам без **ʔa-*: араб. *daymūm-*, *daymūmat-* ‘обширная безводная пустыня’ [там же. 729]; геэз *ʔadyām* ‘местность, район, провинция’ [LGz. 146] (скорее не форма с префиксом *ʔa-*, а мн.ч. от незасвидетельствованного **daym*); акк. *dadmū* ‘обитаемый мир (поселения и обитатели)’ (ст.-вав.) [CAD. d. 18], ‘обитаемая местность, населенный пункт’ [АНв. 149] (*pluralia tantum*). По довольно необычной арабской основе *daymūm(-at)-* и геэзской производной форме условно восстанавливается общая форма **daym(-um)-*; столь же необычную основу *dadmū* в аккадском трудно объяснить иначе, как тем, что в конечном счете она восходит к редупл. **damdam-*. Реконструируемая по этим примерам варьирующая прасемитская основа **daym(-ūm)-* ~ **damdam-* ~ **ʔadam(-at)-* ‘(вся) земля, земная поверхность, (обитаемая) местность’ имеет параллели с тем же консонантным корнем **dm* и близкими значениями в других афразийских: чад.: з.: тангале *təm* ‘место’; ц.: тера *dam* ‘поле’, нгвахи *dama* ‘место’; в.: мокилко *doome* ‘поле’ (<**dVHVm-*); все из прачад. **daʔam-* ‘поле; место, пространство’ (с метатезой из **ʔadam-?* Ср. [HSED. № 16]); егип. *dmy* ‘местность’ (пир.) [EG. V. 455], ‘обитаемая местность, поселение, город, район, помещение, жилище’ [Faul. 313]; куш. **wVdmaʔ-* (метатеза из **ʔa-dawm-?*) ‘пустынная местность’: ц.: авия *wudani* ‘необработываемая местность, пастбище’ [LGur. 643] (*-n* <**-m*), кемант *wīdīmā* ‘пустынная местность, пустыня’ [Con Ros. 264]; в.: оромо *iduma* [LGur. 643], камбатта *idmaʔa* ‘пустыня’ [Huds. 49]. Для всех этих вариантных и трудно реконструируемых основ с префиксальным **ʔa-* в части семитских примеров, без **ʔa-* в остальных семитских и египетском и с его возможными следами в кушитских и мокилко (с метатезой) можно предложить в афразийском праформе **ʔa-day/wm-* с тем же спектром значений, что и в прасемитском.

⁵⁷ Возможно, первоначально ‘земля’: город *udm* – дар Бога, отца человечества *ab adm*, см. *Pope M. Adam, Edom and Holocaust. Boundaries of the Near Eastern World. A Tribute to Cyrus H. Gordon.* Sheffield, 1998. P. 201, *passim*. Далее в тексте – *Pope*.

7.5. Создание по подобию Бога. «...сотворил Элохим/Бог Адама/человека, по подобию Элохима/Бога сделал его» (Быт 5, 1; также Быт 1, 26); ‘подобие’ здесь передает евр. *dāmūt*, которое описывается как ‘подобие, сходство, внешность, изображение, образец, очертание, форма’ [HALOT. 226], [TD. III. 257] (последний источник склоняется к мнению о заимствовании евр. термина из араб., что для нас в данном контексте несущественно) от глагола *dāmā* ‘быть похожим, подобным’ [HALOT. 225], [TD. III. 250] с корнем *dmu* того же состава «твердых» согласных – *dm*, что и все рассматриваемые здесь примеры, связанные с *ʔādām*. Ср. в других семитских (в [HALOT] даются параллели из араб., араб. *dumyat* и тгр., в [TD] – только из араб.): имп. *dmwt* ‘равенство, одинаковость’ [J-Н. 58], имп., пальм. *dmʔ* ‘быть похожим’ [там же]; иуд. *dmʔ/y* ‘быть похожим’ [Ja. 312], *dūmāy-* ‘сходство, подобие, аналогия’ [там же. 286]; сир. *dāmā* ‘быть похожим’, *dāmūt-* ‘подобие, изображение’, *dūmāy-* ‘сходство, изображение, вид, внешние очертания, образ’ [Вгоск. 156]; мнд. *DMA* ‘быть похожим, подобным’, *dmu*, *dmūt-* ‘сходство, подобие, изображение и т.п.’ [DM. 111], *b-admu* ‘подобный кому-л., представляющий кого-л.’ [там же. 8]; араб. *ʔadm-* ‘пример, образец для подражания’ [BK. 1. 19] (*dumyat-* ‘фигура, мраморное изваяние, идол’ [BK. 1. 736], возможно, арамеизм); тгр. *dumat* ‘неясные очертания человеческой фигуры или предмета’ [ЛН. 516] (не исключено, что арабизм); акк. *damtu* (*dattu*) ‘(человеческая) фигура, образ, изображение’ (лекс. список; чтение ненадежно) [CAD. d. 74]. Реконструируется ханаанейско-арамейский (по нашей терминологии, южнолевантийский) глагол **dmu/ʔ* ‘быть похожим, подобным’ и, вместе с арабским *ʔadm-*, зап. сем. существительное **ʔa-dVm(-Vt)-* ‘подобие, сходство, изображение, образ, образец’. Если пример из тигре не арабизм, а аккадский пример реален, то этот корень имеет общесемитский статус. К нему есть довольно вероятная параллель в виде берб. **Hul/i/a-dam* ‘лицо, внешность, облик’⁵⁸ (ср. еще адрар ифогха *ǎ-datum* ‘идол’ [там же. 341]), что дает основания реконструировать афраз. (сем.-берб.) **(ʔa)dam(-at)-* ‘внешность, облик, лицо, изображение’.

Итак, на общесемитском уровне реконструируются пять очень близких по звучанию слов, в совокупности составляющих некое представление в библейском тексте: **ʔadam-* ‘человек, люди, человеческий род’, **ʔdm* ‘участвовать, присоединять(ся), входить в общность, составлять целое’, **ʔadam-/ʔdam-* ‘кровь’, **ʔadāʔim(-at)-* ‘земля’ и **ʔa-dVm(-ut)-* ‘сходство, подобие’ с раз-

⁵⁸ *Nait-Zerrad K. Dictionnaire des racines berbères. P. Louvain. I – 1998. II – 1999, III – 2002. P. 334–336. Далее, в тексте – DRB.*

ными значениями⁵⁹. Из этих слов в самом древнееврейском засвидетельствованы четыре (*ʾādām* ‘человек, человеческий род’, *ʾādāmā* ‘земля’, *dām* с возможным вариантом **ʾādāmā* ‘кровь’ и *dāmūt* ‘подобие’). Все пять семитских корней следует считать омонимами по крайней мере на прасемитском, а те четыре из них, у которых имеются афразийские параллели, и на праафразийском уровне, так как у каждого есть надежная, причем совершенно отдельная, этимология (анализ гипотез об этимологических связях между некоторыми из этих корней и возможности таких связей на более глубоком уровне см. ниже).

Напрашивается вопрос: случайно ли слова, связанные между собой содержательно – как компоненты, составляющие библейскую идеологию «рода человеческого», сходны и формально, по звучанию? Напрашивающийся ответ – вряд ли, слишком много совпадений. Однако, если эти слова омонимы, т.е. не происходят один из другого, и четыре из них оказались сосуществующими в одном и том же древнееврейском языке по не зависящим друг от друга причинам, то ответ должен быть – да, случайно. Единственным логическим, хотя и парадоксальным, разрешением этого противоречия представляется следующее: идею, компонентами которой явились понятия, выражаемые рассматриваемыми словами, породило именно случайное фонетическое сходство (омонимия) этих слов. Как подобное могло произойти в реальности? Попробуем найти ответ.

Он заключается в одной из фундаментальнейших и почти не исследованных особенностей мировосприятия, мышления, культуры древнего человека, которую можно очень условно назвать игрой со словом, причем неясно, была ли эта особенность всеобщей, присущей в той или иной степени ментальности «среднего человека» или характерной только для «культурной элиты» – жрецов, властителей и их окружения, создателей и воспроизводителей мифопоэтических и фольклорных текстов, писцов и т.п. В слове, в ассоциациях между похожими по звучанию словами древнему сознанию виделась некая заложенная туда высшими силами «свернутая» реальность, которую надлежит оттуда извлекать, «развертывать» и каким-то образом, с помощью особых магических и ритуальных действий, инкорпорировать в реальность предлежащую, видимую. Особенно завораживала древнего человека «тайна имени». Как пишет И.М. Дьяконов: «Хорошо известно, что на древнем Востоке именование было существен-

⁵⁹ Ср. также о толковании имени Адам с помощью фонетически схожих слов в *Garsiel M. Biblical Names: A Literary Study of Midrashic Derivations and Puns. Ramat-Gan, 1991. P. 99–100, 138–139, 199–200.*

ной частью акта творения; пока живому существу не было присвоено имя, пока этого имени не существовало – не было, не существовало и этого существа (ср. пролог к *Enūma eliš*)»⁶⁰. У древних евреев, как и у других семитских народов, интерес к омонимичным и просто похожим корням был особенно велик еще и в силу специфической структуры семитского корня, дающей большой простор для подобных ассоциаций. Вникание в такое сходство должно было осознаваться как проникновение в тайны слова – слова, которым высшие силы сотворили (или продолжают творить) мир. Извлечение этой тайны, скрытой в языке, ее разворачивание в произносимый и слушаемый текст, разрастание в миф, кристаллизация в представление переживались древними авторами и их аудиторией как некое магическое или сакральное действие (впервые, насколько мне известно, подобные идеи были разработаны С.С. Майзелем в его неопубликованной статье «Семитская мифология в свете аллотезы и метатезы»⁶¹). Это явление я предлагаю называть «этимопоэтика», т.е. «изобретение этимологии», букв. «создание, искусство сотворения подлинного смысла» (от греч. *etymon* 'подлинный смысл (слова)' из *etymos* 'настоящий, подлинный' и *poiētikē* 'искусство творения' от *poieo* 'делаю, создаю'); менее удачно его описывает широкий и расплывчатый термин «народная этимология», больше подходящий к народным представлениям типа «на Власа волосы растут». В еврейской Библии этимопоэтические приемы широко распространены и нередко используются, чтобы объяснить подлинный смысл имени того или иного персонажа⁶². Постепенно собирается

⁶⁰ *Diakonoff I. Father Adam // Archiv für Orientforschung* 19, 1982. P. 18. Далее в тексте – Diak.

⁶¹ Эта работа была вначале главой в написанной вчерне докторской диссертации (прерванной смертью С.С. Майзеля в 1952 г. и изданной более 30 лет спустя автором настоящей статьи с предисловием, дополнениями и исправлениями – см. *С.С. Майзель. Пути развития корневого фонда семитских языков*. М. 1983), но потом изъята Майзелем и из машинописного варианта диссертации, и из оглавления; возможно, он считал эту главу незавершенной и собирался делать из нее отдельную статью.

⁶² Вот несколько общеизвестных примеров: «И нарек Адам имя жене своей Ева (*Ḥawwā*), ибо она была матерью всех живущих (*ḥāy*)» (Быт 3, 20); «После этого вышел брат его, держась рукой своей за пятку (*ba-ṣāḳḳēḥ*) Исава, и наречено было имя ему Иаков (*Yaʿāqōḇ*)» (там же 25, 26). На самом же деле, как показывает специальный анализ, обычно все обстоит как раз наоборот: собственное имя – первично, оно попало в тот или иной текст из какого-то более раннего устного предания, а стремление создателя (автора, редактора) текста это имя объяснить толкает его к изобретению объясняющих обстоятельств; сам автор конечно не относился к тому, что он делает, как к выдумке и фантазиям «на заданную тему» – для него это и есть вдохновенное выявление тайн слова, нечто вроде дешифровки сокровенных смыслов. Так, есть основания полагать,

материал, подтверждающий эту пока еще очень общую гипотезу, явно заслуживающую большего внимания со стороны мифологов, историков древности и первобытности, филологов, занимающихся ранними памятниками, и т.д.⁶³. Еврейское *ʿādām* ‘человек, человеческий род, совокупность людей, человечество’ является весьма вероятным случаем этимопоэтического создания мифологемы/идеологемы.

Итак, вернемся к вопросу: как описанное выше совпадение могло произойти в реальности? Достаточно естественно, учитывая этимопоэтический интерес древних евреев к похожим корням и словам. Следующий закономерный вопрос: а как мог оказаться компонент постулируемой идеологемы тот корень (**ʾdm* ‘участвовать, присоединять(ся), входить в общность, составлять целое’), который в древнееврейском не засвидетельствован и не должен был быть известным создателям библейского текста? Можно, конечно, повторить, что семантика собира-

что во втором из приведенных примеров имена Исав (*ʿĪśāw*) и Иаков (*Yaʿāqōb*) восходят к более архаическим текстам (ср. замеченное С.С. Майзелем удивительное сходство с этими «парными» именами названий двух перепелок в арабском – *yaʿsūb* и *yaʿkūb*), а весь эпизод с держанием за пятку придуман, чтобы объяснить имя Иаков. О соотношении научной этимологии и библейской «этимопоэтической» интерпретации имен Израиль и Иаков см. (Коган Л. К этимологии этнонима ‘Израиль’ (южносемитские элементы в аморейской ономастике) / Библия. Литературные и лингвистические исследования. Вып. 1. М., 1998. С. 179–186). На сюжет с двойным обманом Исав Иаковом, получившим и первородство, и отцовское благословение, создателей текста, по мнению С.С. Майзеля, мог навести глагольный корень *ʿākab* ‘предавать, обманывать’ [HALOT. 872] с тем же составом согласных (ср. еще *ʿāqōb* ‘лживый, хитрый, коварный’ [там же. 873]): «И сказал (Исав): не оттого ли назвали его именем Иаков, что обманул меня (*wa-yuʿāqəbē-nī*) дважды” (Быт 27, 36); ср. также евр. глагол с метатезой – другой последовательностью тех же корневых согласных – *kbʿ* ‘красть’ или ‘предавать’ (см. дискуссию в [HALOT. 1062]; ср. также еще одну метатезу в араб. *bākiʿat* – ‘умный, хитрый, коварный человек’ [БК. 1. 150]).

⁶³ Крайне существенным при этом представляется чисто методологический момент – как и в случае с «правильными» научными этимологиями, собственно лингвистический анализ «этимопоэтики» должен делаться только профессиональными этимологами, работающими именно с данными языками; иначе разработка подобной темы неизбежно ведет к созданию новой, теперь уже псевдонаучной, мифологии. Дело в том, что каждый случай, в котором можно заподозрить феномен или акт этимопоэтики, способствовавший возникновению нового элемента мифа, ритуала, обычая, предсказания – вообще представления о мире, определяется с большим трудом, высокой степенью гипотетичности и значительным риском ошибки. Как правило, такие случаи совершенно не очевидны и их выявление требует очень широкого, по возможности полного, научного контекста (установления всех возможных генетических и ассоциативных связей сопоставляемых слов, всего диапазона возможных источников заимствования и т.п.), позволяющего оценить любые альтернативные интерпретации или их исключить.

тельности, человечества как совокупности людей, в еврейском *ʾādām* унаследована из доеврейского состояния, т.е. уже как бы инкорпорирована в его значение (ср. замечание Спайзера: «... *ʾādām* – само по себе изначально коллективное имя, название множества, почему и не может образовать множественного числа» [Speiser. 164]). Хотелось бы, однако, воспользоваться поводом и остановиться еще на одном спорном моменте, заслуживающем изучения.

Судя по некоторым примерам, можно предположить, что этимопоэтический процесс, т.е. сочинение эпизодов и обстоятельств, объясняющих имена персонажей, стимулируется созвучием слов не только в языке, родном для создателя этих текстов, но и в других родственных языках. Вот несколько случаев ассоциаций похожих слов в древнееврейском и арабском из приводимых С.С. Майзелем. Имени убитого своим братом Каином библейского Авеля (*Häbäl* [HALOT. 237]) полностью соответствует арабский глагол *hbl* ‘потерять сына (о матери)’ [ВК. 2. 1382–1383]. По составу консонантного корня с библейским именем Иаков совпадает араб. *ʾakūb-* ‘достойный наследник’ [ВК. 2. 310]. Ср. еще араб. глагол *ʾabiqa* ‘пропахнуть чем-л.’ и ‘распространять благоухание’ [ВК. 2. 157] с метатезой по отношению к имени Иаков. Оба эти корня напоминают о библейской истории про Иакова, который стал законным наследником отца, заметившего при этом: «вот запах сына моего, как запах поля, которое благословил Господь» (Быт 27, 27). И, наконец, удивительным образом перекликаются с историей о пестром скоте, отнятом Иаковом у Лавана с помощью некой странной зоотехники, такие арабские слова, как *miʾqab-* (с корнем *ʾqb*) ‘искусный пастух, скотовод’ [ВК. 2. 310] и *baqaʿ* (с метатезой) ‘пестрота, черно-белый окрас (шерсти и др.)’ [ВК. 1. 150] (ср. Быт 30, 32–42). Но если все эти параллели не случайны, если создатель текста черпал из арабского лексикона ассоциации для своих сюжетов, значит он этот язык знал! Приводимые Майзелем примеры подобных параллелей из арамейских языков наводят на мысль о знакомстве создателя текста и с ними. Однако, если в знакомстве с генетически более близкими к еврейскому и, возможно, еще сохранившими с ним взаимопонимание арамейскими диалектами (к середине первого тысячелетия до н.э. – предположительному времени записи библейских текстов – их отделяло от общего с еврейским языка-предка, т.е. «праюжнолевантийского», веков двенадцать), одним из которых к тому же евреи в этот период могли владеть в силу культурных контактов, нет ничего удивительного, то гипотеза о полиглоте – знатоке арабского, который к этому времени уже довольно далеко разошелся с древнееврейским, выглядит

слишком смелой. Альтернативным и несколько менее рискованным объяснением представляется более раннее датирование периода, когда сложились подобные тексты. В тот период эти языки должны были быть еще достаточно близкими взаимопонимаемыми диалектами; тексты, о которых идет речь, естественно, могли быть только устными. По глоттохронологии общий язык-предок древнееврейского и арабского (празападносемитский, по нашей классификации) разделился где-то к середине третьего тысячелетия. Это означает, что таким периодом должно было быть время не позднее середины – конца второго тысячелетия до н.э., когда эти два языка отделяло не больше полутора тысяч лет независимого развития (т.е. примерно столько же, сколько отделяет различные славянские языки, такие как русский, польский и сербский, от прославянского, а романские языки от их общего предка – народной латыни конца Римской империи; за этими временными рамками взаимопонимание между родственными языками обычно утрачивается – как, например, у русского с литовским или латышским с расстоянием более двух тысяч лет от общего для них прабалтославянского).

Наконец остановимся на проблеме происхождения евр. *ʾādām* ‘человеческий род, совокупность людей, человечество’ и, соответственно, сем. **ʾadam-* ‘человек, люди, человеческий род’ как объекта уже не выявления этимопоэтического анализа, а научной этимологии, поиска хронологически более глубоких генетических связей, чем те, которые устанавливаются на прасемитском или западносемитском уровне. На этот счет имеются разные мнения. Так как формальное, фонетическое сходство между еврейским *dām* (с вариантом **ʾādāmā*) ‘кровь’ – *ʾādām* ‘человек/человечество’ и *ʾādāmā* (с вариантом *ʾādām*) ‘земля’ очевидно, такое сходство не могло пройти мимо еврейской комментаторской и европейской этимологической традиций и не быть обыгранным разными авторами. Тесная содержательно-ассоциативная связь всех трех слов в библейских текстах предоставляет несколько возможностей для умозаключений, особенно учитывая сходство этих слов, как формальное, так и содержательное, еще с одним еврейским термином – *ʾādōm* ‘темно-красный, бурый (о крови, виноградном соке, коже и др.)’ [HALOT. 15] (ср. еще *ʾādāmdām* ‘ярко-красный, красноватый’ с редупликацией [там же]), имеющим общесемитское распространение: угар. *idm* ‘красное пламя? красный напиток?’ [DLU. 9]; *ʾadmānu* ‘красная (о земле)’⁶⁴; араб. *dmn* ‘красить в красный цвет’ [BK. 1. 728]; геэз *ʾaddāmāwi* ‘крас-

⁶⁴ Huehnergard J. Ugaritic Vocabulary in Syllabic Transcription. Atlanta, 1987. P. 104.

ный' [LGz 8]; амх. *dama* 'темнокрасный'⁶⁵; хар. *dāma* 'коричневый, темнокожий' [LHar. 56]; гураге (все диалекты) *dama* 'карей масти, красноватый' [LGur. 207], мск. *dāmyū* 'красный', чх., мух. *dāmyāt* 'красный, красноватый' [там же. 210] (по Леслау, все ю. эфиосемитские формы заимствованы из в. куш.); акк. *adamu* (*adamtu*, *adumu*) 'красная одежда' (ст.-акк.) [CAD. a1. 95]. У прасем. *(?)*dm* 'быть красным' имеются афразийские параллели (ср. [HSED. № 686]): берб.: кабилский *ddəmdəm* 'быть фиолетовым' [Dallet. 141], шильх *adəmmāni*, тамазигхт *adəmmaṅ* 'коричневый, бронзового цвета' [DRB. 343] (с суффиксом *-an*); егип. *idmy* 'красное льняное полотно' (пир.) [EG. I. 153]; куш.: в. **duumo* 'красный' (гелеба, сидамо, оромо) [Huds. 121]; ю.: квадза *dimayito* же⁶⁶. Связь афраз. *(?)*dm* 'быть красным' и **dam-* 'кровь' трудно доказать, не выходя за пределы праафразийского, но она весьма вероятна, причем первична здесь скорее 'кровь'.

Вот некоторые из распространенных в литературе интерпретаций взаимоотношения обсуждаемых здесь терминов: кровь естественным образом связана с красным цветом, от названия которого слово «кровь» и произошло (возможно, и наоборот – «красный» от «крови»); красновато-буроватая земля происходит, очевидно, от названия цвета («*orig. the red tilled soil*» [HALOT. 15]). Происхождение имени «Адам, человек» из слова «земля» обусловлено его сотворением из этого материала (мотив создания человека из глины/земли в разных мифологиях мира достаточно известен; ср. также такую параллель, как латинское *homo* 'человек' – *humus* 'земля' – см. [Майзель. 196]); другое возможное объяснение имени Адам – непосредственно из «красный» (ср. [HALOT. 14] со ссылкой на Педерсена), что тоже можно подтвердить развитием целого ряда древних этнонимов из названий цвета, в том числе и красного (например, самоназвание египтян *km-t* [EG V 126] от *km* 'черный' [там же. 122 и след.]; самоназвание берберов **i-maziṅ-ən*, ед. ч. **a-maziṅ* из **a-ma-zwiṅ* 'красный' из **-zway* 'быть красным'⁶⁷).

Наименее вероятной представляется еще одна гипотеза, высказанная Бауэром (см. [HALOT. 14]) и поддержанная И.М. Дьяконовым [Diak. 17] – о происхождении имени Адам (а, значит, сем. **ʔadam-* 'человек, люди') из араб. *ʔadam-* 'человечья кожа'

⁶⁵ Kane T. Amharic-English Dictionary. Wiesbaden, 1990. P. 1720. Далее в тексте – KAmh.

⁶⁶ Ehret C. The Historical Reconstruction of Southern Cushitic Phonology and Vocabulary. Berlin, 1980. P. 388.

⁶⁷ Милутарев А. Глазами лингвиста: Гарамантида в контексте североафриканской истории (вместо послесловия) // Гарамантида. М., 1994. С. 139.

[ВК. 1. 19]. Арабское слово изолировано (в других семитских таковой 'кожи' нет; амх. *adim* 'красная кожа' [KAmh. 1300] скорее восходит к сем. *(?)*dm* 'быть красным') и вряд ли может быть источником общесемитского термина. В нескольких работах к араб. *ʿadam*- 'кожа' приводятся афразийские параллели, но большинство из них неубедительно и надежный афразийский корень не реконструируется (ср. [HSED. № 17] и [СИФКЯ. 237], где из всех примеров только мн.ч. *idmo* от *idin* 'дубленая кожа' в сомали, по-видимому, указывает на в. куш. **ʿidm*-; сюда, возможно, относится еще берб.: ахаггар *tə-ddumman* 'кусочек кожи'⁶⁸ с суффиксом *-an*). Цитируемое из работы в работу сравнение араб. *ʿadam*- 'кожа' с егип. *inm* 'кожа'⁶⁹ ошибочно: егип. *inm* 'кожа' (пир.) [EG. I. 96] происходит, по всей видимости, из **ʿilm*-, сопоставимым с берб. **ilm* 'кожа' [ADB] при том, что копт. (бох.) *anot* 'кожа'⁷⁰, скорее всего, отражает ассимиляцию *l* > *n* перед *m* (соответствия египетского *n*, как и *l*, семитскому **d* не существует).

С нашей точки зрения, отличающейся от опубликованной ранее⁷¹, где предполагалось происхождение сем. **ʿadam*- 'человек, люди, человеческий род' из прасем. глагольного корня **ʿdm* 'участвовать, присоединять(ся), входить в общность, составлять целое', ни для одной из предложенных выше этимологий нет достаточных доказательств. Это как раз тот случай, когда любая в принципе возможна (правильна в конечном счете только одна из них); при этом семантическую контаминацию, влияние на значение других фонетически сходных корней тоже нельзя сбрасывать со счетов. Надежным решением здесь были бы афразийские параллели со значением «человек, люди», (или «родственники», «соплеменники» и т.п.), но их пока обнаружить не удалось. Поэтому, на наш взгляд, следует считать, что научная этимология этого слова установлена на прасемитском (считая вместе с аккадским) или западносемитском уровне (если аккадскую параллель не принимать), а более глубокие его связи неясны.

Приведем еще два примера предположительной роли этимопоэтического фактора не только в складывании отдельных эпизодов и деталей повествования древних памятников, но и в

⁶⁸ Foucauld. *Le père Ch. de* // Dictionnaire touareg-français. Vol. 1–4. P., 1951–1952. P. 201.

⁶⁹ Calice F. *Grundlagen der ägyptisch – semitischen Wortvergleichung*. Wien, 1936. № 237; Cohen M. *Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique*. P. 1947, № 15; СИФКЯ. 237; Diak. 17.

⁷⁰ Vucichl W. *Dictionnaire étymologique de la langue copte*. Leuven, 1983. P. 12.

⁷¹ См.: Милитарев А. К прообразу идеи человечества в Книге Бытия // От Бытия к Исходу. Сборник статей. М., 1999. С. 11–20.

оформлении или даже возникновении фундаментальных мифологических, религиозных и культурных идей и представлений, на этот раз не из еврейской Библии – христианского Ветхого Завета, как все предыдущие примеры, а из Нового Завета.

Насколько мне известно⁷², никем окончательно не доказано, но и не опровергнуто предположение, что за каноническими греческими евангелиями – или, по меньшей мере, за отдельными их частями – можно разглядеть некий семитоязычный текст или несколько таких текстов. Считается, что об этом свидетельствуют отдельные словосочетания и обороты, не обычные или не вполне обычные для греческого койнэ своего времени и объясняющиеся как семитизмы – кальки с арамейского или древнееврейского. В пользу семитоязычного «прототекста» говорят и приводимые ниже примеры 8, 9 и 10. Их значение становится боолее ясным при сопоставлении с принятым определением евангелия: «Евангелие... есть *«благая весть»* о спасении, дарованном миру через воплотившегося Сына Божия»⁷³ (курсив мой – А.М.) Проконментируем слова, выделенные курсивом.

8. Глагол «воплотиться», естественно, происходит от «плоти» («И Слово стало плотию» Ин 1. 14). В древнееврейском один из двух терминов для плоти (более распространенный, чем *šəlēr*) – *bāšār* со значениями в разных контекстах ‘плоть’, ‘кожа’, ‘тело’, ‘мясо’, ‘единокровные родственники’, ‘люди, человечество, человек’, ‘люди и животные, живые существа’ [HALOT. 164]; в библейском арамейском это – *bāšar* ‘плоть’ и ‘человечество’ [там же. 1840], в иудейско-арамейском – *bəsar* и *bisr-* ‘плоть, мясо, тело’ [Ja. 199]. И еврейское, и арамейские слова происходят из сем. **bišr-/*bašar-* ‘плоть (вместе с кожей)’ со вторичным метафорическим значением ‘люди, человечество, «мир»’ (в евр., биб.-арам., араб. и мин.)⁷⁴, вероятно развившимся из промежуточного значения ‘родня по крови («по плоти»)» [SED. I. № 41].

Другое ключевое слово – благая весть (греч. *euangelion*). В еврейском у него единственный эквивалент – *bəšōrā* ‘(хорошие) новости, вести’, соответствующий глаголу *biššar* (pi.) ‘сообщать, извещать; приносить хорошие новости, благовествовать’ [HALOT. 163], из арамейских диалектов – и глагол, и существительное за-свидетельствованы в иудейском и христианско-палестинском.

⁷² со скидкой на то, что я – не специалист по раннему христианству и не в состоянии уследить за морем литературы по этому предмету.

⁷³ Ключ к пониманию Св. Писания, изд-во «Жизнь с Богом». Брюссель. 1982. С. 284.

⁷⁴ Ср. употребление этого понятия в приведенном выше определении евангелия.

И евр., и араб. слова восходят к сем. глаголу *bšr ‘приносить (хорошие) вести’ (акк. *bussuru*, угар. *bšr*, араб. *baššara* и др.) [там же. 199] и существительному *bušr-at-/*biš(š)ur-at- ‘(хорошие) новости, (благая) весть’.

Самое интересное здесь – полная корневая омонимия еврейско-арамейских терминов для плоти и для благой вести, восходящих к двум не связанным между собой общесемитским корням⁷⁵. Как и в случае с Адамом (см. пример 7), возникает вопрос: может ли быть случайным такое двойное совпадение (в отличие от примера с Адамом здесь совпали только два корня) – материальное, звуковое сходство терминов⁷⁶ и их содержательная связь в качестве компонентов одного из главнейших представлений христианства? И не следует ли рассматривать само представление как еще один случай этимопоэтического толкования такого совпадения создателями этого представления?

9. Греч. *Iēsous* ‘Иисус’ передает евр. *Yēšūʿ* – имя собственное [HALOT. 446], полностью совпадающее с существительным *ušūlā* ‘помощь’ (почти во всех контекстах – божественная помощь), ‘спасение’ [там же. 446]⁷⁷ от каузатива глагола ‘спасать, помогать’ с корнем *uš* [там же. 448]⁷⁸. Данный пример – еще

⁷⁵ Можно, конечно, с известной долей фантазии предположить изначальную связь этих понятий в радостном кличе «мясо, мясо!» после удачной охоты, но вряд ли это будет серьезным объяснением. Надежных афразийских параллелей ни к одному из двух семитских корней пока найти не удалось.

⁷⁶ в данном случае, правда, не на греческом – языке, на котором дошли до нас соответствующие тексты, а на языке предполагаемого «прототекста»; существенно здесь, что для главных действующих лиц евангелий разговорным языком должен был быть арамейский, а языком культурной традиции – древнееврейский, т.е. характерным для них было не греческое, а семитское «языковое мышление».

⁷⁷ и, возможно, из него и происходящее, хотя для этимопоэтического приема это не имеет значения – важно, чтобы слова были похожи настолько, что могут ассоциироваться в языковом сознании; конечно, возникает каверзный вопрос: как современному исследователю определить, какая степень и форма сходства годились для этого древнему языковому сознанию, но в данном случае сходство совершенно очевидно.

⁷⁸ Здесь, как и в других подобных случаях, возникает вопрос о том, как это сходство интерпретировать. Я вижу на него три мыслимых ответа – «скептический»: оно случайно (на мой вкус, случайных совпадений что-то многовато); «теологический»: Иисус получил имя, предвосхищающее его миссию («и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» Мф 1, 21 – здесь и далее цит. по Юбилейному изданию Московской патриархии М., 1988); «этимопоэтический»: на сoterиологический мотив в новозаветном учении повлияло сходство слова *ušūlā* ‘спасение’ и имени *Yēšūʿ*, доставшегося при рождении историческому (или легендарному) персонажу обычным образом – вне мистической связи с его будущей судьбой (имя *Yēšūʿ* встречается в Книгах Хроник,

одно однозначное указание на семитоязычную ассоциацию. Ценность его еще и в том, что, в отличие от примеров с «плотью» и «благой вестью», где лексемы с этими значениями фонетически сходны и в еврейском, и в арамейском, он указывает на ассоциацию именно в древнееврейском – в арамейских диалектах нет слов с корнем $yš$ и значениями ‘спасать’, ‘помогать’⁷⁹.

Отметим еще одно любопытное совпадение: в еврейском имеется причастная форма $mōšīʿ$ ‘спаситель’ [там же. 562] от каузатива того же глагола $yš$, схожая по звучанию с другим причастием – $māšīʿh$ ⁸⁰ ‘Мессия, помазанник’ (греч. *Christos* – калька с еврейского, встречающаяся уже в Септуагинте), ‘царь Израиля (Саул, Давид и его наследники)’ [там же. 645] от глагола $māšah$ ‘мазать, помазывать (на царство, священство)’ [там же. 643].

Можно ли посчитать и это фонетическое и содержательное сходство случайным?

10. Наконец, последний пример того, как целый ряд деталей повествования может объясняться этимопоэтически – ассоциациями, вызванными «заданным» именем собственным, на этот раз топонимом, с полностью или частично омонимичными по составу корня словами. Речь идет о топониме Назарет (евр. *Nāṣ̄rat*, *Nāṣ̄rāt*, первая письменная фиксация в нехристианском источнике относится к III–IV вв. [Краткая еврейская энциклопедия, т. 5. С. 585]; араб. *Nāṣ̄ira(t-)* [БК. 2. 1272]), связь Иисуса с которым подчеркивается в Новом Завете многократно – недаром именно термин «назарянин» (евр. *Nōṣ̄arī*, сир. *Nāṣ̄arāy-*, араб. *Naṣ̄rān-*) изна-

Нехемии и Эзры – см. HALOT. 446). Выбор между вторым и третьим ответами (первый я бы отбросил, как маловероятный) ставит нас в типичную ситуацию извечного спора между «религиозным» и «научным» типами сознания. Стараясь придерживаться последнего и одновременно будучи агностиком, я ясно осознаю, что эта партия – в шахматных терминах – обречена на ничью. Хотя некоторым из фактов, как кажется, нет другого *рационального* объяснения, кроме этимопоэтического, второй ответ и есть тот ход соперника, носителя религиозного сознания, та «жертва ферзя» – признание неслучайности совпадений и их этимопоэтического объяснения, – которая создает патовую ситуацию: да, эти совпадения существуют, но они не плод воображения автора обсуждаемых текстов, а вскрытые им связи, заложенные в язык свыше и отражающие глубокие онтологические реалии.

⁷⁹ В греческом, очевидно, нет никакой звуковой ассоциации между именем *Iēsous* и формой *sōtēr* ‘спаситель’ из *sōzein* ‘спасать’ (см. The American Heritage Dictionary of the English Language), хотя некоторое сходство с *saos* ‘невредимый, сохранный’, от которого этот глагол образован, при желании усмотреть можно.

⁸⁰ У этих двух форм разные первые гласные (что для семитского языкового восприятия не существенно) и последние согласные корня: $ʿ$ и h – близкие фарингальные фонемы, различающиеся только признаком звонкости-глухости, что никак не препятствует этимопоэтическим ассоциациям.

начально использовался на Ближнем Востоке в значении «христианин»⁸¹. Самая очевидная ассоциация обыгрывается – совершенно в духе еврейской Библии – в Евангелии от Матфея: «И, придя, поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное чрез пророков, что Он Назореем наречется» [Мф 2, 23]. В греческой передаче «Назарет» (*Nazarat*) и «назорей» (*Nazarēnos*) различаются только окончанием. В действительности, это разнокоренные слова: евр. *nāzīr*, араб. *naḏīr* ‘посвященный Богу’ («назорей») происходят из сем. **ndr* ‘клясть(ся)’: акк. *nazāru* ‘богохульствовать, клясть, оскрблять’ [CAD. n2. 139], угар. *ndr* (с вариантом *ndr*) ‘давать обет, обещание’ [DLU. 318–319], джб. *endēr* ‘давать обет, клятву; угрожать’ [JJ. 181] и т.д. Таким образом, игра слов в греческом отражает типичную семитскую – в данном случае еврейскую – ассоциацию слов со сходным составом корня, различающихся одним близким согласным (*ṣ* и *z* принадлежат к одному ряду). Тот факт, что Иисус, по этой ассоциации, назван «назореем», да и то всего лишь в одном контексте, вряд ли относится к существенным моментам нового учения, но зато наглядно демонстрирует этимопоэтическую модель в действии.

У топонима Назарет – *Nāṣ̣ərat* (или *Nāṣ̣ārāt*) имеются и другие заслуживающие внимания ассоциации, возможно, сказавшиеся на формировании (в частности, на выборе отсылок к старому канону) новозаветных текстов. Одна из них – с полностью совпадающим по корневому составу евр. *nēṣ̣ār* ‘отросток, побег, ветвь’⁸² – ср. «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь (*nēṣ̣ār*) произойдет от корня его; и почиет на нем Дух Господень...» [Ис 11. 1] и «Исаия также говорит: будет корень Иессеев, на Него язычники надеяться будут» [Рим 15, 12].

Условные символы: * предвеляет реконструированную форму; *V* в реконструкциях – первая буква от *vowel* – указывает на неопределенный гласный; *H* в реконструкциях – такой же неопределенный ларингальный или фарингальный согласный; / ме-

⁸¹ Здесь любопытно сопоставление с мандейским *naṣ̣uraia* того же корня, что *Nāṣ̣ərat* – Назарет (но не производным от этого топонима – так в DM. 285), обозначающим некую группу людей, искусных в тайном знании, носителей эзотерического учения, «но не последователей [Иоанна] Крестителя» [там же]. При этом утверждается, что «манд, термин, очевидно, старше, чем сир. *nāṣ̣ārāy* и араб. *naṣ̣ārā*», а также, со ссылкой на Циммерна, что он происходит из акк. *nāṣ̣ir pīristi* ‘хранитель тайн’ [там же], хотя, если говорить об акк. источнике заимствования, здесь, возможно, больше подходит *niṣ̣irtu* ‘тайна, секрет, тайное (знание, место)’ [CAD. n2. 276].

⁸² Неудачно отождествлено в [HALOT. 718] с не имеющим к нему никакого отношения араб. *naḏīrat* – ‘цветение’ – существительным, образованным от глагола ‘сиять, блистать, процветать’ [BK. 2. 1280]. На самом деле, из сем. **nVṣ̣(a)r-*: иуд.-арам. *niṣ̣r-* ‘росток, побег’, сир. *nāṣ̣arat* – ‘сук, отросток’ [Brock. 443].

мин. – минейский, мнд. – мандейский, мск. – маскан, мух. – мухер, мхр. – мехри, н. – ново/ый, наб. – набатейский, омот. – омотский, пир. – тексты пирамид, постбиб. – постбиблейский еврейский, прасем. – прасемитский, пун. – пунический, саб. – сабейский, саид. – саидский, с./сев. – северно/ый, сел. – селти, сем. – семитский, сир. – сирийский, сок. – сокотри, ср. цар. – Среднее Царство, ст. – старо-, ст. цар. – Старое Царство, СЮА – современные южноаравийские, тгр. – тигре, тня. – тигринья (тиграй), угар. – угаритский, фин. – финикийский, хадр. – хадрамаутский, хар. – харари, хр.-пал. – христианско-палестинский, хрс. – харсуси, ц. – центрально/ый, чад. – чадский, чх. – чаха, эбл. – эблаитский, энд. – эндегенъ, энн. – эннемор, эфиосем. – эфиосемитские, ЭЮА – эпиграфические южноаравийские, ю. – южно/ый.

СЮЖЕТИКА ТЕКСТА И АКЦИОНАЛЬНАЯ СЮЖЕТИКА РУССКИХ ЗАГОВОРОВ «ОТ ПОРЧИ»*

В.Л. Кляус

Понятие сюжета, проблемы сюжетообразования, разрабатываемые в отечественной науке о фольклоре, пока еще не получили своего окончательного и однозначного решения. Как верно замечено Т.В. Зуевой, ряд исследователей – В.Я. Пропп, А.Ф. Лосев, Б.Н. Путилов, В.П. Аникин «пришли к близким выводам о закономерности построения *сложных* (курсив наш – В.К.) фольклорных сюжетов»¹. Но в данном случае речь идет о крупных жанровых формах, таких как сказка, эпическая поэзия и проч., а проблемы сюжета малых фольклорных образований, к каким относятся и заговоры, в теоретических исследованиях по сюжетике фольклора почти не затрагиваются.

Наши исследования заговорно-заклинательных текстов позволили прийти к выводу о том, что под **заговорным сюжетом** может пониматься присутствие в тексте **нескольких групп взаимосвязанных между собой элементов повествования – персонажа, его действия, места действия и объекта действия**. При этом в том случае, если в тексте присутствует лишь **одна группа** указанных элементов, то здесь имеет место **заговорная сюжетная ситуация**. Любая же **пара повествовательных элементов** в заговорном тексте может, на наш взгляд, считаться **заговорным мотивом**².

Исходя из данного понимания заговорной сюжетики, нами была сделана попытка ее систематизации, результатом которой стал «Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян». «Указатель», изданный в 1997 году, в определенной степени резюмирует и объединяет почти все тексты восточнославянской и южнославянской традиции, которые были известны фольклористике до 1990-х годов³. Это более 3000 заговоров, в первую очередь русских и белорусских, составляющие 2/3 от общего числа, остальные – украинские и южнославянские (сербские, болгарские, македонские). На их ос-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ – проект № 07-04-121336. «Обряды лечения от порчи: мультимедийный атлас».

¹ Зуева Т.В. Восточнославянская волшебная сказка в аспекте исторического развития. М., 1995.

² Кляус В.Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы. М., 2000.

³ Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.

нове было выделено порядка тысячи заговорных сюжетов, а если быть точнее, то – 981 сюжет в 1804 версиях и 3545 редакциях.

После 1997 года появилось много новых сборников, в том числе и по западнославянским традициям, но эти публикации внесли лишь определенную вариативность в уже известную нам сюжеттику. Кардинально новых сюжетов в новоизданных текстах мало. Заметим при этом, что немногочисленный западнославянский материал позволил выявить общую сюжеттику славянских заговорных текстов⁴.

Предметом настоящей статьи является сюжетика русских заговоров «от порчи», т.е. таких болезней, которые в народе называют *порча, сглаз, урок*. По «Указателю» можно определить, что в русской заговорной традиции тексты данной функциональной направленности представлены 66 сюжетами. Но это не означает, что они не присутствуют в иных функциональных группах, в других лечебных, социальных или хозяйственных заговорах, что отражает одну из особенностей заговорной сюжеттики в плане соотношения с функциональной направленностью текстов. С одной стороны, видимо, любой сюжет может присутствовать в текстах нескольких функциональных групп. С другой стороны, заговоры одной направленности могут быть построены на различных сюжетах.

Из 66 сюжетов «от порчи» 12 являются наиболее распространенными, что определяется числом фиксаций (не менее двух-трех) и полирегиональностью. Приведем их все. Далее в квадратных скобках дается порядковый номер, число фиксаций сюжета и условное название, в котором подчеркивается так называемое «основное сюжетное действие». Сложный номер (типа 4/XI.3.2/A1.) перед описанием содержания конкретного воплощения сюжетов в конкретных текстах соответствует номеру в «Указателе» и обозначает место в систематической структуре, версию и вариант.

СЮЖЕТЫ «ОТ ПОРЧИ»

[№ 1. Мифологические персонажи снимают болезнь. 3 фиксации]

4/XI.3.2/A1. *Заговаривающий* встает благословясь, идет в поле, там престол, на нем Богородица. * Она снимает с человека болезни, пускает их по полю и по реке. (*Виноградов 1915: 396, № 16 б, Ирк. губ., от «уроков».*)

⁴ Кляус В.Л. Сюжетика заговорных текстов... С. 109–130.

- 8/XI.3.2/A1. *Заговаривающий* встает благословясь, идет в восточную сторону, там церковь, в ней на камне Богородица. *Заговаривающий* обращается к ней. * Она помогает свалить болезни с человека. (*Виноградов 1915: 398, № 22 в, Ирк. губ., от сглаза*)
- 9/XI.3.2/A1. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит в восточную сторону. Там престол, на нем Богородица. *Заговаривающий* кланяется ей. * Она сокращает с человека болезни. (*Иванова 1994: 26, № 121, Арх. обл., от сглаза.*)

[№ 2. Вода смывает болезнь. 8 фиксации]

- 2/II.1.1/A3. Водица-девица оmyвает берега и др. * Она смывает с человека болезни. (*Ефименко 1878: 216, № 89, Арх. губ., от сглаза; Толмачев, 1912: 152, № 5, Заб. обл., от «уроков».*)
- Вода ключевая оmyвает дубы, берега и др. * Она смывает с человека болезни. (*Логиновский 1903: 62–63, № 3, Заб. обл., от «урока».*)
- 4/II.1.1/A3. Водица-царица смывает коренья. * Болезни идут на «пустое место». (*Логиновский 1903: 59–60, № 2, ркп., Заб. обл., от сглаза.*)
- 8/II.1.1/A3. Вода оmyвает, уносит пески. * Человек очищается, смывается от болезней. (*Попов 1903. № 34, Вол. губ., от испуга.*)
- 6/II.1.2/A3. * Матушка [река] «Соломия» катится в море, оmyвает берега. Она смывает болезни с человека. (*Материалы 1891: 38, № 9, Енис. губ., от «уроков».*)
- 1/II.1.3/A3. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит в поле. Там бежит Ока, обmyвает берега, травы, пески, камешки. Она обmyвает с человека болезни. (*Майков 1869. № 231, Новг. губ., от «уроков».*)
- 1/II.1.6/A3. Водица-девица бежит с речки на речку, уmyвает пни и коренья. * Она уmyвает с человека болезни и уносит их. (*Овчинников 1914: 99–100, Ирк. губ., от «уроков».*)

[№ 3. Птица выклеывает болезнь. 3 фиксации]

- 1/VI.1.2/A4. *Заговаривающий* встает благословясь, идет на море. Там плавает орел, щиплет перья. * Он выщипывает болезни из человека. (*Толмачев 1912: 152, № 3, ркп., Заб. обл., от «уроков».*)
- 3/VI.1.4/A4. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит на гору. Там дуб, на нем три птицы, они бьют дуб. *Заговаривающий* обращается к ним. * Птицы сбивают с человека болезни, переносят их за реки. (*Попов 1903. № 27, Вол. губ., от «уроков».*)

5/VI.1.2/A4. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит в восточную сторону. Там сосна, на ней жар-птица. Она выклеывает болезни. (Иванова 1994: 30, № 138, Арх. обл., от сглаза.)

[№ 4. Щука поедает болезнь. 9 фиксаций]

2/XX.1.1/A4. Щука с моря хватается пену, поедает. * С человека поедаются все болезни. (Майков 1869. № 211, Перм. губ., от «уроков».)

1/XX.1.2/A4. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит на море. Там камень, под ним щука. Она выходит из моря к человеку, схватывает с него болезни и уносит под камень. (Толмачев 1911: 69–70, Заб. обл., от порчи)

2/XX.1.2/A4. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит на море. Там ходит щука. *Заговаривающий* обращается к ней. * Она снимает с человека болезни. (Савельев 1990. № 3, Енис. губ., от «уроков».)

4/XX.1.2/A4. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит в поле. Там береза, под березой камень, под ним щука. * Она снимает с человека болезни. (Арефьев 1902: 132–133, № 1, Енис. губ., от «уроков».)

6/XX.1.2/A4. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит на море. Там под камнем щука, поедает с камня мох и траву. * Она поедает с человека болезни. (Иванова 1994: 31, № 140, 141, Арх. обл., от сглаза.)

8/XX.1.2/A4. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит на море. Там щука ест рыбу. * Она загрызает у человека болезни, кидает их под камень. (Ефименко 1878: 217, № 93, Арх. губ., от сглаза.)

10/XX.1.2/A4. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит в поле. Там [на море] серый камень, под ним щука. * Она съедает с человека болезни. (Адоньева, Овчинникова 1993. № 344, Арх. обл., от детских недугов, от порчи.)

11/XX.1.2/A4. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит на восточную сторону. Там море, в нем камень. У камня щука. Она приходит к человеку, уносит болезни. (Иванова 1994: 32, № 143, Арх. обл., от сглаза.)

12/XX.1.2/A4. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит в поле. Там море, в нем щука. Она уносит с человека болезни старому хозяину «Кокомо-Кокомоху» на «пяты». (Иванова 1994: 31–32, № 142, Арх. обл., от сглаза.)

**[№ 5. Мифологический персонаж вырезает болезнь
ножницами, ножом. 6 фиксации]**

- 1/VII.1.1/A5. * Богородица с блюдом, на котором ножницы, встает с престола, садится на берег, отстригает от человека болезни, несет их в западную сторону, кидает на «пустое место». (*Логоиновский 1903: 62, № 2, ркп., Заб. обл., от «уроков».*)
- 1/VII.1.2/A5. *Заговаривающий* встает благословясь, идет на море. Там остров, на острове церковь, в ней на престоле на блюде семьдесят семь ножей, рядом Богородица, Христос и др. * Они выкалывают из человека болезни. (*Материалы 1891: 35–36, № 2, Енис. губ., от «уроков».*)
- 2/VII.1.2/A5. *Заговаривающий* встает благословясь, идет на море. Там камень, на камне церковь, в ней на стуле Богородица, рядом таз с водой, ножницы и венчик. *Заговаривающий* обращается к ней. * Она приходит к человеку, ополаскивает его водой, отрезает ножницами болезни. (*Попов 1903. № 28, Вол. губ., от «уроков».*)
- 3/VII.1.2/A5. *Заговаривающий* встает благословясь, идет на море. Там камень, на камне стул, на нем сидит св. Мария, держит ножницы. Она срезает с человека болезни, относит их в леса, кладет по гнилым колодам, говорит: «Колодам зеленым не быть». (*Виноградов 1908. Т. 1. № 31, ркп., от порчи.*)
- 4/VII.1.2/A5. *Заговаривающий* умывается св. водой, утирается полотенцем, выходит к морю. Там камень, на нем церковь. *Заговаривающий* заходит в нее. Там престол, за ним Мария, она держит ножницы. * Мария спасает от болезней. (*Иванова 1959. № 500, Киров. обл., от «уроков».*)
- 5/VII.1.2/A5. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит к морю. Там камень, на нем блюдо, на блюде ножницы. Приходит Богородица, берет ножницы, состригает с человека болезни. (*Иванова 1989. № 374, Киров. обл., от «родимца», испуга.*)
- 6/VII.1.2/A5. *Заговаривающий* встает благословясь, идет в поле, на море. Там престол, на нем Богородица. *Заговаривающий* обращается к ней. * Она берет ножницы, вырезает из человека болезни. (*Макаренко 1897: 386, № 1, Енис. губ., от «уроков».*)

**[№ 6. Мифологический персонаж отстреливает болезнь
стрелами из лука. 5 фиксации]**

- 1/I.5.1/A6. Егорий сходит с небес по лестнице, сносит луки и стрелы. Он отстреливает у человека болезни, отдает их медведю на хребет, чтобы он отнес в леса, затоптал в болото. (*Ефименко*

1878: 217, № 92 (Майков 1869. № 215), Арх. губ., от «уроков».) Егорий спускается с небес по лестнице, несет триста зорь, триста «тетив» отстреливать болезни. Кладет [болезни] на медведя. * Он стряхивает, топчет «черну грязь» с человека. (Иванова 1994: 27, № 123, Арх. обл., от сглаза.)

2/І.5.1/А6. Егорий сходит с небес по лестнице, сносит луки, отстреливает у человека болезни. (Логиновский 1903: 61, № 5, Заб. обл., от сглаза.)

3/І.5.1/А6. Христос услышал молитву *Заговаривающего*, спускается с небес, с ним ангелы спускают луки и стрелы. Они стреляют и отстреливают от человека болезни. (Ефименко, 1878: 218, № 99, Арх. губ., от «уроков».)

1/І.6.1/А6. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит на море. Там камень, на камне Георгий Храбрый, у него два молодца. Они ходят с луком, стреляют по дубу. * Молодцы стреляют по ранам, отстреливают от человека болезни. (Майков 1869. № 214, Арх. губ., от «уроков».)

2/І.6.1/А6. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит на море. Там остров, на острове камень, на нем св. Илия с ангелами. *Заговаривающий* обращается к св. Илия. * Он посылает ангелов с луками и стрелами отстреливать от человека болезни. (Майков 1869. № 210, Tobol. губ., от «уроков».)

[№ 7. Мифологический персонаж выводит болезнь из тела. 2 фиксации]

1/XXI.1.2/А6. Арх. Михаил, арх. Гавриил, Кузьма, Демьян выводят из человека болезни в поле, на болото. Там их ждут на игрища. (Майков 1869. № 222, Новг. губ., от «уроков».) См. І.1.6/В2.

4/XXI.1.2/А6. * Богородица, Иоанн Богослов, «Лазури-зарницы» помогают младенцу от болезней. Болезнь выходит из его тела. (Попов 1903. № 21, Орл. губ., от сглаза.)

[№ 8. На птице не держится вода. 7 фиксации]

3/VI.1.1/А15. С гоголя катится вода. (Ефименко 1878: 218, № 99, Арх. губ., от «уроков»; Логиновский. С. 61, № 3, Заб. обл., свадебный обег.)

1/VI.1.2/А15. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит на море. Там в заводи плавает гоголь, на нем не держится вода. (Майков 1869. № 230 (Ефименко 1878: 217, № 94), Арх. губ., от «уроков».)

Заговаривающий встает благословясь, выходит на восточную сторону. Там море, в нем плавает гоголь. На гоголе не держится вода. (Иванова 1994: 30–31, № 139, Арх. обл., от сглаза.)

3/**VI.1.2/A15.** *Заговаривающий* встает благословясь, выходит в поле. Там дуб, на нем соловей. На соловье не держится ни слякоть, ни вода. (Иванова 1994. № 502, Киров. обл., от «урока».)

[№ 9. Мифологический персонаж ставит тын, запирают замки, ключи в море. 2 фиксации]

2/**XIII.1.1/B6.** Егорий Храбрый находится на горе, он ставит вокруг *Заговаривающего* тын, Богородица запирает замки, бросает ключи в море, их никому не достать. (Толмачев 1912. № 3, с. 150–151, ркп., Заб. обл., от «уроков».)

1/**XIII.1.4/B6.** *Заговаривающий* молится Христу, Богородице, арх. Михаилу, Гавриилу, Григорию Храброму. * Они ставят тын, берут острые штыки, кидают за огород. *Заговаривающий* запирает тын, ключ опускает в море. (Виноградов 1908. Т. 1. № 73, ркп., Вол. губ., от порчи.)

[№ 10. Заговаривающий запирает замки, ключи в море. 4 фиксации]

4/**XIV.1.1/B6.** *Заговаривающий* бросает ключ в море. Шука подходит, подхватывает, в глубину уносит. (Майков 1869. № 226, Tobol. губ., от «уроков».)

1/**XIV.1.2/B6.** *Заговаривающий* запирается от колдуна замком, опускает ключ в море. Когда колдун сделает невыполнимое, он испортит. (Виноградов 1908. Т. 1. № 34, ркп., от порчи.)

2/**XIV.1.2/B6.** *Заговаривающий* замыкается от колдунов, бросает ключ в море, их никому не достать. (Майков 1869. № 223 (Ефименко 1878: 221, № 109 а, ркп., от «уроков».)

[№ 11. Мифологический персонаж ставит тын. 2 фиксации]

2/**XXVI.2.3/B6.** *Заговаривающий* встает благословясь, выходит на море. Там камень, на нем церковь, в церкви на престоле Христос, арх. Михаил, Гавриил и др. *Заговаривающий* обращается к ним. * Они ставят вокруг *Заговаривающего* тын, пропускают огненную реку. (Майков 1869. № 221 (Ефименко 1878: 220, № 105), ркп., Саратов. губ., от «уроков».)

2/**XXVI.2.5/B6.** *Заговаривающий* молится Спасу, святым. * Они ставят вокруг человека железный тын. (Майков 1869. № 209, Перм. губ., от «уроков».)

[№ 12. Мифологический персонаж сжигает болезни. 2 фиксации]

1/**IV.4.1/B12.** Царь Огонь жжет в поле травы, у дуба коренья. * Он жжет с человека болезни. (Майков 1869. № 239, Tobol. губ., от «уроков».)

1/IV.4.2/B12. *Заговаривающий* встает благословясь, выходит на море. Там престол, на нем царь Огонь, он жжет и палит реки, моря и др. * Он спасает человека от болезней. (*Овчинников 1914: 108, Ирк. губ., от «уроков».*)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Адоньева, Овчинникова 1993 – Традиционная русская магия в записях конца XX века. (Сост. А.Б. Адоньева, О.А. Овчинникова.) СПб., 1993.

Арефьев 1902 – *Арефьев В.С.* Материалы по этнографии Енисейской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела РГО. Иркутск, 1902. Т. 32. № 1–2. С. 65–140.

Виноградов 1908 – *Виноградов Н.Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы // Живая старина. Вып. 1–4. 1908 (СПб., 1909. Т. 1, 2).

Виноградов 1915 – *Виноградов Г.С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожильческого населения Сибири (материалы по народной медицине и ветеринарии) // Живая старина. 1915. Вып. 4. С. 325–432.

Ефименко 1878 – *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1878. Т. 5. Вып. 1–2. С. 139–222.

Иванова 1989 – Вятский фольклор. Заговорное искусство. (Сост. И.В. Иванова). Котельнич, 1989.

Иванова 1994 – Заговоры и заклинания Пинежья. (Сост. И.В. Иванова.) Карпоголы, 1994.

Логиновский 1903 – *Логиновский К.Д.* Материалы к этнографии Забайкальских казаков // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО, 1903. Т. 9. Вып. 1. С. 1–135.

Майков 1869 – *Майков Л.Н.* Великорусские заклинания // Записки РГО по отделению этнографии, СПб., 1869. Т. 2. С. 419–580.

Макаренко 1897 – *Макаренко А.А.* Материалы по народной медицине, Ужурской волости Ачинского округа Енисейской губ. (с приложением сборника народно-медицинских средств той же волости) // Живая старина. 1897. Вып. 4. С. 381–439.

Материалы 1891 – Материалы к изучению способов народного врачевания в Восточной Сибири // Отчет общества врачей Енисейской губ. за 1890–1891 год с приложением трудов общества. Красноярск, 1891. С. 20–51.

Овчинников 1914 – *Овчинников М.П.* Заговоры // Труды Иркутской ученой архивной комиссии, 1914. № 2. С. 99–108.

Попов 1903 – *Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903.

Савельев 1990 – *Савельев А.А.* Лечебные наговоры Приангарского края. (Сост. В.Л. Кляус.) М., 1990. СБНУ – Сборник за народни умотворения и народопис.

Толмачев 1911 – *Толмачев П.М.* Заговоры и поверья в Забайкалье // Сибирский архив. 1911. № 2. С. 63–75.

Толмачев 1912 – *Толмачев П.М.* Заговоры и поверья в Забайкалье // Сибирский архив. 1912. № 3. С. 136–152.

Сразу возникает вопрос – насколько данная сюжетика русских заговоров «от порчи» соотносится с сюжетикой других славянских народов. Анализ «Указателя» показывает, что отдельные сюжеты встречаются в родственных традициях. К примеру, сюжет № 2, где основным персонажем является вода, смывающая болезни, имеет большое количество аналогий у восточных славян. Сюжет № 10 «Заговаривающий запирает замки, ключи в море» и № 11 известны у белорусов⁵. Сюжет № 1 «Мифологические персонажи снимают болезнь» известен у сербов⁶ № 3 «Птица выклеывает болезнь» – у белорусов и македонцев⁷. При этом необходимо обратить внимание на то, что в других традициях они также используются в заговорных текстах «от порчи». Совпадение сюжетов и функциональной направленности явно указывает на архаичность сюжетики этих текстов.

Бытование остальных сюжетов в заговорах «от порчи» у других славян нам пока не известно. Данное обстоятельство может говорить о том, что они либо являются новообразованиями, либо представляют собой уникальную фиксацию – только русская традиция донесла до нас какой-либо архаичный славянский сюжет. Таковыми могут быть сюжеты № 7 «Мифологический персонаж выводит болезнь из тела» и № 12 «Мифологический персонаж сжигает болезни», так как в иных славянских традициях они имеют достаточно близкие аналогии⁸.

Проведенные исследования заговорной поэзии в определенной степени привели нас к неудовлетворенности имеющимся материалом. Только в начале своего пути, во второй половине

⁵ См. *Романов Е.Р.* Белорусский сб. Киев, 1891. Вып. 5. С. 140, № 12, Замо-вы (Уклад. *Бортаншэвіч Г.А.*) Минск, 1992. № 69; *Романов Е.Р.* Указ. соч. С. 140. № 11, то же. *Бортаншэвіч Г.А.* Указ. соч. № 70.

⁶ Раденковић Љ. Народне басме и бајања. Ниш-Приштина-Крагујевац, 1982. № 541, от «уроков».

⁷ *Замовы.* № 977. Сборник за народни умотворения и народопис. Т. 1. С. 92–93. № 1; то же. *Цепенков М.* Македонски народни умотворби. Т. 9. Народни ведувоња. Детски игри. Скопје, 1972. С. 285–286. № 53.

⁸ См.: *Кляус В.Л.* Указатель сюжетов. С. 155–161; 345–346.

XIX века, фольклористика изучала сказки, песни, былины и т.д., записанные по пересказам или по литературно отредактированным публикациям. Поразительно, но относительно заговоров такая ситуация существует до сих пор – практически почти все известные тексты заговоров представляют собой или пересказы, которые носители традиций специально делают для собирателей, или перепечатку рукописных сборников. К сожалению, по умолчанию это считается материалом, отражающим реальное бытование заговоров, хотя для отечественной науки уже в начале XX века стало аксиомой изучение фольклорного текста в его аутентичном исполнении.

Да, действительно, очень сложно сделать аудио или видеозапись во время произнесения заговорного текста в обрядовом акте, который проводит настоящая знахарка для конкретного пациента, так как и текст и обряд имеют сакральный характер в глазах носителей традиции и их окружения. Но именно в этом случае мы и получаем наиболее полную картину бытования текстов данного жанра.

Использование видеотехнологий в собирании и изучении заговорных традиций имеет свою специфику. Исследователю нередко приходится выступать в качестве участника обрядового акта. Когда, к примеру, у него что-то действительно болит (зуб, горло и т.д.) или существует какая-то проблема, то достаточно легко, не вводя в заблуждение знахарку⁹, просить ее о проведении «магического» обрядового акта. Но подобное случается редко, и именно поэтому нам чаще всего приходилось просить «знающих людей» полечить от такой болезни как «порча», основные признаки которой – неуверенность в себе, плохое настроение, неудачи в делах, общее недомогание и т.д. Оказалось, что особенности «этиологии» *сглаза, урока, порчи* наиболее приемлемы для того, чтобы убедить носителя традиции в том, что какой-либо человек действительно чувствует себя плохо по данной причине. Интересно, что ситуация экспедиции только помогает в этом: мы находимся в селе, в деревне и контактируем с большим числом самых разных людей. И знахарки, зная это, говорят: «Да, вы же много общаетесь, встречаетесь, и точно вас могли сглазить!».

В настоящее время в нашем распоряжении находится более 40 видеосюжетов с лечением *сглаза, урока, порчи*, большинство

⁹ Очень важно, чтобы у исполнителя было полное доверие к собирателю. В некоторых случаях нам приходилось вести видеозапись скрытой камерой. Здесь мы несем полную этическую ответственность за эти материалы и их дальнейшее использование.

которых сделаны нами в различных регионах России и за ее пределами – в Забайкалье, в Удмуртии, на Алтае, в Калужской и Тульской областях, на Украине, в Белоруссии и в Литве, а также – нашими коллегами в Калининградской, Смоленской, Архангельской областях и в Литве.

Эти материалы показывают, что, как и в случае с заговорными текстами, существуют определенные типы последовательности действий знахарки и ее пациента, также представляющих собой «тексты» с «сюжетами» взаимоотношений и действий данных «персонажей». На наш взгляд, речь может идти об *акциональной* сюжетике заговорно-заклинательных актов. Она не столь разнообразна, как в словесных текстах, но все же, видимо, и в ней также можно выделить разные акциональные сюжеты, отличающиеся друг от друга предметным рядом, набором и последовательностью действий знахаря и пациента, совершаемых в определенном пространстве.

Говоря о сюжетике словесных текстов, в качестве основы ее систематики мы предлагали использовать так называемое «основное сюжетное действие» (см. [Кляус 2000: 6–24])¹⁰. Для систематизации акциональной сюжетики оно не подходит. Необходим, видимо, другой признак. Возможно, им может быть «предмет», с помощью которого проводится лечение. Нередко, знахарки используют в своей практике достаточно много предметов – крест, нож, ножницы и т.д., но среди них можно выделить какой-то один-два, который можно назвать «основным». Наиболее распространенным по нашим материалам им является вода, хотя известны и другие заговорно-заклинательные акты, где вода совершенно не используется, и в качестве «основного предмета» выступает огонь. Соответственно в них совершенно иная акциональная сюжетика.

Анализируя видеозаписи, где знахарка наговаривает на воду, которая затем используется как главное средство лечения «от порчи», вначале мы пришли к выводу, что в разных регионах, где проживают русские, существует как бы две акциональные сюжетные формы данного обрядового акта. Одна из них была условно нами названа, как «сложная», когда знахарка использует целый ряд предметов – соль, уголь, нож, ложки и др., и когда существует очень четкая организация поведения участников обряда в пространстве в дома, где совершается магическое действие. Сложная форма состоит из следующих действий:

¹⁰ Сюжетика заговорных текстов... С. 6–24.

- Знахарка наливает воду в посуду
- Знахарка берет соль и крестообразно солит воду
- Знахарка молится на иконы и крестится
- Знахарка произносит на воду заговорный текст
- Знахарка набирает воду в рот и брызгает на пациента
- Знахарка поит пациента водой
- Знахарка ведет пациента к дверному порогу (подполу, за печку и др.)

• Знахарка льет воду на руки пациента (в некоторых случаях «пропуская» через дверную ручку), чтобы пациент умылся

• Знахарка произносит при умывании пациента заговорный текст

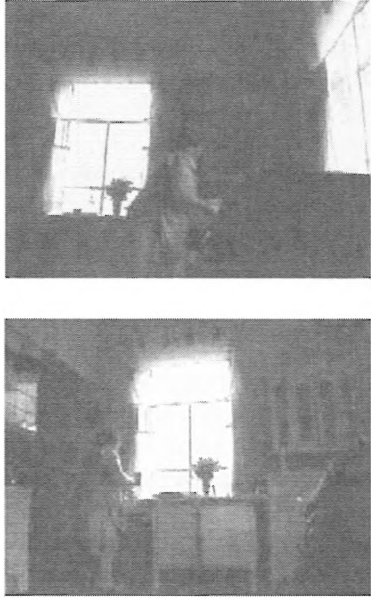

Другая может быть названа «простой», без использования иных предметов: есть только вода и больше ничего:

- Знахарка наливает воду в посуду
- Знахарка молится на иконы и крестится
- Знахарка, близко придвинув к губам сосуд с водой, произносит заговорный текст, обратившись лицом к иконам
- Во время произнесения заговорного текста знахарка может дуть на воду, встряхивать ее
- Знахарка отдает наговоренную воду пациенту
- Пациент уносит воду, чтобы умываться ею

Мы действительно столкнулись с такой огромной разницей, что они могут пониматься как две совершенно разные формы¹¹. Но можно говорить и о том, что существует как бы единое заговорно-заклинательное акциональное пространство, на одном полюсе которого представлена «развернутая» форма (см., к примеру, ниже покадровая расшифровка видеозаписи, колонка 1), а на другом – «стяженная» (колонка 2). Между ними существуют разные градации, которые отличаются включением и варьированием в заговорно-заклинательных актах инструментальных элементов (использование соли, угля, ножа, креста, медных иконок, ручек дверей, косы и т.д.), акциональных элементов (когда или пациент моется сам, или знахарка брызгает на него и проч.) и пространственных элементов (то или иное действие совершается возле подпола, порога, печки, иконостаса, в хозяйственных постройках и т.д.).

¹¹ Кляус В.Л. К проблеме видеofиксации фольклора // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Т. 2. М., 2006. С. 87–91.

ВИДЕОЗАПИСЬ ЗАГОВОРА «ОТ ПОРЧИ»

	<p>Читинская обл., Красночикийский р-н, д. Укыр, 2000 г. Семейские – старообрядцы</p>	<p>Калужская обл., Козельский р-н, д. Алешня, 2003 г. Русское православное население</p>
	<p>1</p>	<p>2</p>
<p>1. Знахарка берет из шкафа банку и наливает в нее воду из ведра с помощью ковша</p>		<p><i>См. 3 строку</i></p>
<p>2. Знахарка достает из шкафа солонку</p>		<p>Знахарка достает из печки угольки</p>

(продолжение)

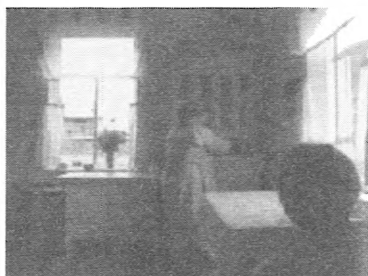
<p>3. <i>См. 1 строку</i></p>	<p>Пациент приносит воду с веранды в кружке по просьбе знахарки</p>
<p>4. <i>См. 7 строку</i></p>	<p>Знахарка становится перед иконами</p>
<p>5. Знахарка посыпает солью воду в банке</p> 	<p>Знахарка кладет три уголька в кружку с водой</p>

(продолжение)

<p>6. <i>Отсутствует</i></p>	<p>Знахарка берет иконку</p>
<p>7. Знахарка становится лицом к иконам</p> 	<p><i>См. 4 строку</i></p>
<p>8.</p>	<p>Знахарка молится на иконы, крестится</p>

(продолжение)

9. Знахарка **говорит заговор**, по окончании **крестится** и три раза **сплевывает** вниз в левую сторону

Знахарка **говорит заговор**, **перекрещивает** воду медной иконкой, смотрит на воду – как она скатывается с иконки, **дует** на воду

10. *Отсутствует*

Знахарка с кружкой и иконой идет к двери

(продолжение)

11. *Отсутствует*

**Знахарка над тремя разными
дверными ручками сливает воду
с иконки и говорит заговор**

(продолжение)

12. <i>Отсутствует</i>	<p>Знахарка берет в рот воду и брызгает на пациента*</p>
13. <i>Отсутствует</i>	<p>Знахарка передает пациенту кружку с водой, которую он пьет</p>
<p>* Пациентом была участница экспедиции О.Б. Христофорова.</p>	

14. Знахарка ставит банку на стол, закрывает ее крышкой, дает пациенту** советы, чтобы он пил воду, умывался ею

Пациентка наливает воду в бутылку, чтобы унести с собой, закрывает ее. Знахарка дает ей советы, как нужно пить воду и умываться ею

** Пациентом была участница экспедиции М. Маккилвери.

Возникает, конечно, вопрос о соотношении текста и действия – насколько та сюжетика, которая выделена нами на уровне текста в заговорах «от порчи», соотносится с акциональной сюжетикой заговорно-заклинательных актов лечения «порчи» в целом и в приведенных двух конкретных случаях?

Относительно первой части этого вопроса мы еще не можем дать точного ответа по причине отсутствия необходимого количества видеофиксаций, в том числе и с иной акциональной сюжетикой. А два приведенных здесь примера показывают следующее:

Знахарка из д. Укыр Читинской области заговор произносила совсем неслышно. Но это была повторная видеофиксация, и в первом случае (в 1998 г.) условия были более благоприятные для записи звука, что позволило нам частично расшифровать произносимый ею текст, поэтому мы имеем представление, какого

характера был заговор и в 2000 г. В записи 1998 г. он выглядел следующим образом:

[Действия: 1-я колонка, Строка 9] Госпади Исусе ... [неразборч.] Володю ... [неразборч.] ат всякай ... [неразборч.] ат женскай крови ... [неразборч.] ат девичьева глазу, ат женскава глазу ... [неразборч.] пенья каренья смывала, такжа ... [неразборч.] прикачнися ангилы, архангилы все небесныи силы. Ныне и причне и во веки веков, аминь. Спаси и памилуй наговорав ат маих [?] ... [неразборч.] глазу, ат мужескава, ат женскава ... [неразборч.] ат девичья глазу, ат женскава ... [неразборч.] прабигала ... [неразборч.] пенья, каренья смывала ... [неразборч.] вся худаба, прикачнися ангилы, архангилы, Госпади Исусе ... [неразборч.] Спаси и памилуй ... [неразборч.] ат сиксав, ат криксав, будёных, палудёных ата всяких... [неразборч.], бурятскава глазу, еврейскава, девичьява глаза, младенскава глаза. Вадица-сестрица [?] бегала, прабигала, пенья каренья смывала. Такжа аткачнись вся худаба, прикачнись ангели-архангели, все нябесныи силы, ныне и присна и во веки веков, аминь.

Этот заговорный текст построен на сюжете под № 2 «Вода смывает болезнь», что говорит об определенном совпадении между сюжетикой текста и акциональной сюжетикой в данном заговорно-заклинательном акте – и в том и в другом случае главным персонажем текста и основным предметом обряда является вода.

Знахарка из д. Алешня Калужской области произнесла следующий текст:

[Действия: 2-я колонка, Строки 8–9] Господи, Отче наш еси на небеси да придется имя твое, да придет царствие твое, да придет воля твоя яко на небеси, тако и на земли, хлеб насущный дай днесь [неразборч.] твоей, не введи нас во искушение, и избавь нас от лукавова. Господи, помилуй, прости, Господи, спаси, Господи, сохрани ее и очисти, Господи, от всех лукавых от всех [неразборч.]. (...) Господи, помилуй, Господи, спаси, Господи, помилуй, сохрани [неразборч.] и очисти [неразборч.] Господи, помилуй, Господи, спаси, Господи, очисти ее, Господи, от всех лукавых, от всех [неразборч.] Сына нашего, Господи, помилуй, Господи, спаси, Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, спаси, сохрани [неразборч.] от всех лукавых, от всех [неразборч.] Господи, избави ее, Господи, Казанская [неразборч.], Скорбящей [неразборч.], Калужской [неразборч.] Иисус Христос спаситель, Николай, Господи.

[Действия: 2-я колонка, Строка 11] Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, спаси, сохрани [неразборч.] Ольгу [неразборч.] от всех лукавых от [неразборч.], Господи, помилуй, Господи, Иисус Христос спаситель, Николай Угодник, спаси ее, сохрани ее [неразборч.] Господи, спаси и очисти ее от всех. (...) Отче наш иже еси на небесех, да придется имя твое, да придет царствие твое, та при-

дет воля твоя яко на небеси и на земли, хлеб насущный дай днесь, не оставляй должникам нашим [неразборч.], и не введи нас во искушение, избавь нас от лукавава.

Как видим, здесь вода даже не упоминается. Собственно говоря, заговор заменен молитвенным текстом, что осознает и сама исполнительница, которая неоднократно говорила нам, что она «молитвой лечит».

В заключение постараемся охарактеризовать наиболее яркие отличия сюжетики текста и акциональной сюжетики:

Во-первых, как правило, сюжетика заговора строится на действиях мифологических персонажей (Богородица, Иисус Христос, святые, вода, птицы и т.д.). При этом действия самого заговаривающего и пациента, которому должен помочь заговорный текст, стоят как бы на периферии, если вообще они упоминаются. В текстах русской заговорной традиции активные действия заговаривающего описываются, как известно, лишь в достаточно позднем по происхождению и типичном эпическом вступлении «Встану благословясь, выйду перекрестясь...». Основа же акциональной сюжетики – действия знахарки, которая готовит воду (крестит ее, наговаривает и т.д.), и пациента, который или использует воду здесь же (пьет, умывается), или уносит с собой домой.

Во-вторых, исследователями заговоров отмечено, что в этих текстах большое значение имеет некий центр мифологического пространства и движение происходит от периферии к центру – к примеру, заговаривающий выходит из дома в поле, видит церковь, там сидит Богородица и т.д.¹² В акциональной сюжетике все несколько иначе. Здесь нет мифологического пространства, лишь обыденное пространство дома и хозяйства, а главное – само движение осуществляется от центра дома к его периферии: как правило, знахарка произносит заговорный текст на воду в красном углу, возле икон или у печки, а лечение проходит на периферии – у порога, подпола и даже за пределами дома.

В целом же можно сказать, изучение сюжетики текста и акциональной сюжетики заговорно-заклинательных обрядовых актов как «от порчи», так и других функциональных групп во многом еще только начинается. И если относительно текстовой сюжетики сделано уже достаточно много, то для полного понимания сюжетики действий обрядов у нас еще недостаточно материала, и мы находимся в начале пути.

¹² См. напр.: Шиндин С.Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балтославянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 108–127.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИЗДАНИЯ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ
ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

(Алексей Ремизов. Собрание сочинений в 10-ти т.)*

А.М. Грачева

После исторических катаклизмов начала XX в. ряд писателей, чье творчество определяло характер и направление литературного процесса в России, по разным причинам покинули родину, стали эмигрантами. Среди них были И. Бунин, А. Куприн, Б. Зайцев, И. Шмелев, А. Ремизов, З. Гиппиус, Д. Мережковский и многие другие. В советский период по внелитературным причинам их творчество было либо вообще выведено из круга чтения массового читателя, либо разрешалось к чтению в ограниченном и препарированном виде.

В период перестройки начался издательский бум, публикация ранее недоступных и запрещенных текстов, куда автоматически вошли и произведения писателей-эмигрантов первой волны. К сожалению, большая часть этих изданий – плоды лихорадочных судорог непрофессионалов, стремящихся «успеть первыми», опубликовать неведомый шедевр.

В настоящее время этот «девятый вал» не схлынул, но приобрел иные формы. Ныне мы имеем дело с мутным потоком столь же недоброкачественных изданий собраний сочинений писателей-эмигрантов, по праву включенных в список классиков ушедшего XX века. Приведем несколько анекдотических, и в то же время печальных примеров.

Собрание сочинений Б. Зайцева (составление и комментарий Тимофея Прокопова), том 2 (М., 1999). Комментарий к рассказу «Бездомный» (с. 115): «... *лиможские эмали в Клюни*. – (комментарий:) Во французском городе-музее Клюни богато представлены изделия из меди с росписью непрозрачной эмалью, изготовлявшиеся в Лиможе».

Собрание сочинений З. Гиппиус (составление и комментарии того же Тимофея Прокопова), т. 1 (2002). Комментарий к роману «Без талисмана» (с. 533): «*Васильевский остров* – (комментарий:) самый большой остров в дельте Невы, где расположены многие историко-культурные центры Петербурга: Академия художеств, университет, Кунсткамера, Биржа, Ростральные колонны». Даль-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 04-04-00186а.

нейшие комментарии к подобным комментариям, как говорится, излишни. Полно издательских ошибок, искажений и в самих текстах публикуемых произведений.

К сожалению, в настоящее время изданий собраний сочинений подобного пошиба (иначе не скажешь) печется во все большем количестве.

Один из столпов русской текстологии XX в. Борис Викторович Томашевский отмечал: «Проблема издания есть цель текстологии. (И далее продолжал:) Возникает вопрос о типах издания <...> Академическое издание адресуется к исследователю. <...> У него задача изучения. Академическое издание – это подготовка популярного издания. [Последнее] обращено к читателю. <...> Это – истинное издание»¹.

Да, классическая последовательность такой и остается: популярное следует за академическим. Но в применении к современному положению дел с изданием собраний сочинений писателей-эмигрантов данный тезис из догмата превращается лишь в чаемый постулат.

Какие основные текстологические проблемы встают при обращении к изданию сочинений писателей-эмигрантов первой волны? Назовем лишь некоторые из них, сразу же отметив, что в каждом конкретном случае имеется своя дополнительная специфика.

Первая и основная – это проблема изучения допечатной и печатной истории текста.

Архивы писателей-эмигрантов в основном рассредоточены между несколькими странами. В лучшем случае целостный комплекс архивных материалов, находящихся в России, относится только к дореволюционному периоду творчества литератора. Возвращение на родину архивов писателя-эмигранта – явление крайне редкое. На настоящий момент в России крупнейшим хранилищем архивных фондов писателей-эмигрантов первой волны является РГАЛИ.

Названная проблема тесно связана со второй – с проблемой полноты издания. Применительно к наследию писателей-эмигрантов, в большинстве случаев отсутствуют полные библиографии регистрационного типа, еще хуже дело обстоит с персоналиями писателей.

Однако в современных условиях академическая наука не должна отстраняться от издания сочинений писателей-эмигрантов, классиков XX в., лишь на том основании, что нет достаточной базы для создания собрания сочинений академического типа, и целиком отдать наследие этих писателей на откуп дилетантам и

¹ Томашевский Б.В. Писатель и книга. М., 1959. С. 218.

халтурщикам. Представляется, что в данной ситуации надо идти по пути, обратному указанному Томашевским: не от академического к популярному, а (пользуясь терминологией ученого), от популярного к академическому.

В издании, относящемся к типу, условно названному Томашевским «популярным», должны публиковаться точно выверенные авторские тексты в редакции, имеющей наибольшую значимость с точки зрения истории литературного процесса. Эти тексты сопровождаются научными, близкими к академическим комментариями, текстологическими историями и информационными сведениями о печатных и рукописных источниках. Думается, что в современных условиях подготовка собраний сочинений такого типа должна стать одним из направлений работы академических учреждений литературоведческого профиля. Параллельно с этим надо продолжать работу над изданиями академического типа, которые ориентированы на более узкую, специализированную аудиторию, и соответственно, должны иметь иные тиражи и финансироваться как фундаментальные научные проекты.

Реализацию идеи издания, предваряющего собой академическое и представляет собой осуществленное в период с 2000 по 2003 год в Пушкинском Доме 10-томное Собрание сочинений одного из мастеров русского авангарда XX в. Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957). Собрание издано государственным издательством «Русская книга» при финансовой поддержке «Федеральной программы книгоиздательства России».

Как главный редактор и один из основных исполнителей осуществленного издания, опираясь на опыт, полученный в ходе его подготовки, попытаюсь определить некоторые ключевые вопросы, связанные с текстологическими проблемами издания собрания сочинений писателей первой волны русской эмиграции.

Несколько слов об организационных принципах формирования и функционирования научного коллектива, принципах, обеспечивших эффективность научной работы. В него вошли высококвалифицированные специалисты по творчеству А. Ремизова из ИРЛИ, а также привлеченные к участию в этом проекте ученые-ремизоведы из США (Университет Бэркли), Италии (Университет Салерно) и Эстонии (Тартуский университет). Всего 8 участников проекта, включая одного технического сотрудника. Издание осуществлялось в тесном контакте с наследниками части эмигрантского архива Ремизова во Франции и кураторами его архива в США (сотрудниками Центра Русской культуры Амхерст-колледжа, Бахметевского архива). Подготовка каждого тома поручалась в основном одному, максимум трем сотрудникам, что обеспечивало высокую степень личной ответственности за дове-

ренное дело. В издании были максимально задействованы современные возможности электронной связи, обеспечившие быструю передачу текстов для редактирования и сверки.

Подготовленное в ИРЛИ Собрание сочинений А. Ремизова является первым посмертным собранием сочинений писателя. Единственным прижизненным было его Собрание сочинений в 8-ми томах 1910–1912 гг. Эдиционные принципы той публикации были выработаны самим писателем. Они состояли в сочетании жанрово-хронологического принципа с системным подходом – сохранением циклизации текстов. Эдиционные принципы нового издания по возможности максимально учитывали авторскую волю. Целью нашего издания было представить свод основных художественных произведений писателя. Как известно, в связи со спецификой эмигрантской издательской практики ремизовские законченные произведения большой эпической формы («Подстриженными глазами», «В розовом блеске», «Плачужная канава», «Иверень», «Учитель музыки», «Петербургский буерак») в основном печатались в периодике лишь главами и отрывками. Из шести произведений пять так и не были целиком опубликованы при жизни писателя. В их научном издании заключалась одна из главных научно-практических целей проекта.

Решение текстологических проблем издания крупных неопубликованных произведений Ремизова осложнялось рядом факторов, носящих как собственно текстологический характер, так и связанных с историей творческого наследия писателя.

Личный архив Ремизова оказался раздроблен не только между общественными хранилищами (университетами, библиотеками, научными институтами) и частными собраниями, но и между разными странами. Основная масса архивных материалов сосредоточена в России, Франции и США.

Текстологические трудности были связаны с многоплановостью авторских методов создания наборной рукописи целостного произведения крупной прозаической формы.

Один из методов представлял собой *движение от большого к малому*.

Финансовые, а также идейные обстоятельства творческой работы А. Ремизова – не только необходимость, но и последовательное стремление самого писателя зарабатывать на жизнь исключительно литературным трудом – привели к возникновению парадоксальной ситуации – рождению критического, а затем и литературоведческого мифа о А. Ремизове, как мастере малых форм, в дальнейшем собиравшихся в циклы и книги. Этот миф основывался на том, что писатель, создавая большое прозаическое произведение, был вынужден по ходу работы над ним, а также и

после завершения целостного текста, брать из него отдельные главы, разделы, части, придавать им форму автономных законченных произведений и публиковать их в периодике. Таким образом, в ряде случаев путь создания произведения проходил не в движении от малой формы к большой, как виделось на основе анализа только печатных источников, но был диаметрально противоположным – заключался в дроблении значительного по объему художественно законченного текста на автономные тексты, представляющие собой целостные структуры произведений малых жанров. Такова была, например, литературная история его «каторжной идиллии», стоголавой повести «Учитель музыки».

Другой метод работы А. Ремизова над текстом был противоположен первому – то было движение от малого к большому.

Зачастую работа писателя над произведением крупной прозаической формы шла методом монтажа. Сам А. Ремизов для обозначения одной из микроформ художественной структуры своих макроформ использовал кинематографический термин «*cut-montage*», подчеркивая тем самым монтажный принцип, как одну из основ своей поэтики. В ряде случаев формирование автором наборной рукописи объемного произведения шло методом синтеза разнообразных по характеру источников текста: белых и черновых автографов; авторизованной машинописи; вырезок печатных публикаций изначально автономных произведений с добавлением авторских исправлений; а также (это характерно для последнего периода его творчества) добавление в наборную рукопись чистых листов с авторской пометой, что те или другие главы надо взять из такой-то ранней книги. Результатом подобного метода работы писателя является, к примеру, создание произведения большой экспериментальной формы – «Петербургского буерака».

Наконец, надо учитывать ремизовские взгляды на историю бытования своих текстов. Представление писателя о процессе художественного воплощения того или иного сюжета не соответствовало идее однонаправленного «прогрессивного» движения от прошлого к будущему, как от худшего к лучшему. В применении к его творчеству определение редакций, основанное на хронологическом принципе (1, 2, 3 и т.д.) – условно. Оно фиксирует лишь временную последовательность создания текстов. Но она не равнозначна движению от первоначального варианта к основному тексту (в классическом понимании этого термина – как к наиболее полному, «лучшему» и законченному отражению творческого замысла). Для Ремизова каждая редакция была эстетически равноценной. В художественном сознании писателя отсутствовало понятие «окончательный текст» в традиционном понимании

этого термина, поскольку это означало бы подведение черты под «жизнью» произведения. Поэтому до конца своего бытия Ремизов создавал все новые и новые редакции своих «старых», уже опубликованных произведений. Характерный пример – история редакций романа «Пруд». Написанный в 1904 г. роман был столь необычным, что был отвергнут Э. Гиппиус и Д. Мережковским как произведение, «чересчур декадентское» и опасное для литературной репутации журнала «Новый Путь». В 1911 г. Ремизов по настоянию издателей переделал текст, создав редакцию, близкую к традиционному жанровому типу «идейного романа». В 1925 г. он вернулся к «Пруд», коренным образом переделав первую редакцию 1904 г., еще более отдалил произведение от канонов традиционного романа, и сопроводил текст предисловием, имеющим характер одного из манифестов русского авангарда. Наконец, одним из последних, оборванных смертью замыслов Ремизова 1950-х гг. было создание очередной новой редакции «Пруда».

Аналогично он поступал и с неопубликованными текстами большой формы. В связи с этим в разных архивохранилищах существует ряд равнозначных для автора, разновременных, а иногда и одновременных редакций наборных рукописей неопубликованных произведений.

При существовании вышеуказанных текстологических трудностей издания ремизовских произведений крупной формы, с учетом специфики представления писателя о «жизни» своих текстов, можно обозначить следующие пути решения существующих текстологических проблем, пути, по которым и следовали участники издания:

Во-первых: сличение всего круга авторизованных изданий отдельных глав, частей произведений, и их автографов.

Во-вторых: анализ косвенных источников (писем, воспоминаний и т.п.), в которых могла содержаться необходимая информация для реконструкции истории текста – для выяснения последовательности формирования и изменения состава произведения.

В-третьих: (это особенно актуально для произведений позднего периода творчества Ремизова) при наличии нескольких одновременных вариантов наборных рукописей монтажного типа, проведение критики текста и выбор варианта, состоящего из максимального количества авторизованных текстов. В нашем издании именно этот вариант брался для публикации, хотя при создании собрания сочинений академического типа необходимо будет печатать полностью все редакции произведений, зачастую кардинально текстологически и концептуально расходящиеся друг с другом.

В Собрании сочинений М. Ремизова фактически впервые опубликованы точно выверенные авторские варианты таких

произведений, как «Плачужная канава», «Иверень», «Учитель музыки», «Петербургский буерак».

Участники проекта считают целью данной публикации введение в научное и читательское сознание представления о Ремизове как об одном из значимых русских писателей XX века – мастере крупной прозаической формы.

Осуществленные в Собрании публикации текстов, сопровождаемые подробным комментарием, текстологическими историями и сводками печатных и рукописных источников, являются базой для дальнейших исследований и последующих изданий ремизовских произведений.

К сожалению, общий объем издания (десять томов) был априори задан издательством, обеспечивавшим финансовую поддержку проекта. Поэтому, несмотря на максимальное использование допустимого объема предустановленных томов, ряд важных художественных произведений Ремизова не вошел в его состав.

В заключение отметим, что в настоящее время научное издание собраний сочинений писателей первой волны русской эмиграции, литераторов, чьи архивы в большинстве находятся и в России, и за ее пределами, реально осуществимо только при соединенных усилиях ученых российских академических институтов и архивистов, а также специалистов и архивистов из других стран. Только дорога научной интеграции ведет к важному «духовному деланию» – сохранению для современников и потомков наследия русской культуры XX века.

Часть 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В XIII–XV вв.: ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А.А. Горский

В XII столетии на месте прежнего единого государства Русь сложилась система политических образований, именуемых в источниках «землями». В большинстве земель – Волынской, Галицкой, Муромской, Пинской, Полоцкой, Рязанской, Смоленской, Суздальской, Черниговской – правили определенные ветви княжеского рода Рюриковичей: столы внутри каждой из этих земель распределялись между представителями соответствующей ветви. Исключение составляли: Киевское княжество – на киевский стол, сохранявший (вплоть до монгольского нашествия) значение «старейшего» на всей Руси, могли претендовать князья разных ветвей; Переяславское (Переяславля Южного) княжество – там в XII в. правили потомки Владимира Мономаха, но принадлежавшие к разным ветвям; Новгородская земля – здесь местное боярство присвоило себе право приглашать князей по своему усмотрению и ни одной из княжеских ветвей в Новгороде закрепиться не удалось. В начале XIII столетия, после прекращения местной ветви в Галицкой земле, объектом борьбы князей разных ветвей стал также галицкий стол. Пределы «земель» были в XII – начале XIII в. относительно стабильны; во всяком случае, переходы стольных городов той или иной земли (кроме четырех названных выше, чей статус был особым) под власть князей «чужой» ветви были явлением исключительным и кратковременным. Княжеские усобицы были борьбой не за захват «чужих» земель, а либо за «общерусские» столы (Киев, Новгород, в XIII в. – Галич), либо за перераспределение княжений внутри земли (т.е. между князьями одной ветви)¹.

¹ См.: *Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития.* М., 1996. С. 6–27.

Такие территориально-политические реалии существовали на Руси к моменту монгольского нашествия. Два с половиной века спустя, в конце XV столетия, после развала ордынского государства и ликвидации остатков зависимости русских земель от Орды, на восточнославянских территориях наблюдается совершенно иной политический пейзаж. Господствуют два крупных государственных образования: одно из них в исторической литературе принято именовать Великим княжеством Литовским (в русских источниках оно чаще всего фигурирует как «великое княжение Литовское»; при наличии неславянского, литовского территориального ядра примерно на 9/10 состояло из русских земель), другое – Великим княжеством Московским (в источниках, как правило, именуется «великим княжением», без территориального уточнения). В качестве рудиментов старой структуры сохраняются только две земли – Псковская (выделившаяся из Новгородской к XIV в.) и Рязанская (обе в сильной зависимости от Москвы).

Таким образом, в течение периода со второй половины XIII-го по конец XV в., в Восточной Европе имел место грандиозный территориально-политический передел, произошел полный демонтаж прежней территориальной структуры. Стабильность пределов «земель» сошла на нет, происходили масштабные присоединения владений одних политических образований другими, результатом чего стало в конце концов сохранение на политической арене всего двух реальных сил. Причем в основных чертах эта двухполюсная система сформировалась еще к концу XIV – началу XV столетия – уже тогда Великое княжество Литовское и Великое княжество Московское намного превосходили по могуществу другие политические образования (Тверское, Рязанское, Ярославское княжества, Новгородскую и Псковскую земли).

В исторической науке о присоединениях «чужих» территорий во второй половине XIII–XV вв. («примыслах», по тогдашней терминологии) написано немало, но крайне неравномерно. Лучше всего изучен рост владений московских князей (хотя и здесь есть свои пробелы – почти не исследовано приращение ими территорий вне Северо-Восточной Руси – «Суздальской земли»)². Получил освещение рост территории Великого княжества

² См.: Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918; Любавский М.К. Формирование основной государственной территории великорусской народности. Заселение центра. Л., 1929; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984.

Литовского³. «Примыслы» же князей других политических образований фактически не изучались, хотя факты такого рода имели место.

Кроме того, рост владений Москвы и Литвы исследовался в рамках темы «централизации русских земель». Независимо от того, оценивалась Литва как объединительный центр или как центр экспансии на русские земли, всегда присутствовала презумпция: наличие на восточнославянской территории множества государственных образований («раздробленность») – явление отрицательное, следовательно, переход их под власть единого центра есть возвращение к «нормальному» положению дел. В результате, в тени остались механизмы, способы присоединений. Их неизученность не позволила до сих пор даже поставить вопрос: почему вообще стало возможным овладевать территориями, подвластными другим княжеским династиям? Почему произошел «демонтаж» системы «земель», существовавшей в домонгольский период?

Учет всех случаев «примыслов» при должном внимании к их способам (там, разумеется, где их удастся выявить по источникам) позволяет сделать ряд наблюдений, существенно меняющих традиционные представления, в первую очередь по поводу московской экспансии.

Во-первых, «примыслы» оказываются свойственны не только московским и литовским князьям. Присоединения «чужих» территорий осуществляли также князья рязанские и смоленские, а в пределах Северо-Восточной Руси – переяславские (в качестве великих князей владимирских), ростовские, ярославские, суздальские и тверские. Во-вторых, в Северо-Восточной Руси начало присоединениям «чужих» княжеств положила не Москва. Здесь, в «земле Суздальской», после Батыева нашествия сложилась политическая система, включавшая более десятка княжеств, управлявшихся разными ветвями потомков Всеволода Большое Гнездо, и «главное» княжество – великое Владимирское, стол в котором занимал по ханскому ярлыку правитель одного из «удельных» княжеств. В 70–90-е гг. XIII в. фиксируется несколько случаев присоединения одних княжеств к другим. Происходило это с выморочными княжествами (Костромским и Углицким), и присоединения осуществлялись на основе либо права ближайшего родства, либо права Великого князя Владимирского (в случае с Угличем права родственников и великого князя столкнулись, что вызвало длительную борьбу за Углицкое

³ См.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1905. Т. 2, 3; Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987; Русіна О. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998.

княжение)⁴. В 1290-е гг. имела место попытка Великого князя Владимирского овладеть Переяславским (Переяславля-Залесского) княжеством, причем при наличии живого наследника переяславского стола⁵. В те же 1290-е гг. осуществился (по-видимому, по инициативе Орды) переход сильнейшего княжества Черниговской земли – Брянского под власть смоленских князей⁶.

Московские «примыслы» берут начало с самого конца XIII века. Механизмы их были весьма разнообразны. Можно выделить одиннадцать способов.

1. Получение территории в качестве платы за поддержку одних князей (не из Северо-Восточной Руси) против других – Коломна (1300 г.), Калуга (кон. 60-х гг. XIV в.), возможно, Можайск (ок. 1300 г.) и рязанские владения на левобережье Оки, по рр. Протве и Луже (40-е гг. XIV в.)⁷.

2. Наследование выморочного княжества по праву близкого родства – Переяславское (1302 г.) и Нижегородское (ок. 1310 г.) княжества⁸.

3. Получение по ярлыку с непосредственным присоединением половины или всей территории княжества – половина Ростовского (кон. 20-х или нач. 30-х гг. XIV в.), Дмитровское (30-е гг. XIV в.) и Муромское (1392 г.) княжества⁹.

4. «Купля» (у местных князей) – Галицкое (Галича Мерского), Углицкое и Белозерское княжества (30-е гг. XIV в.), Мещера (70-е гг. XIV в.), массив рязанских владений на правобережье Оки (кон. 50-х или нач. 60-х гг. XV в.), Ярославское княжество (1463 г.)¹⁰.

⁴ См.: *Кучкин В.А.* Формирование... С. 104–124; *Горский А.А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой // *Отечественная история.* 1996. № 3. С. 76–79.

⁵ См.: *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 24–27.

⁶ См.: *Горский А.А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // *Средневековая Русь.* Вып. 1. М., 1996. С. 76–79; *Он же.* Ногай и Русь // *Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие.* М., 2002. С. 149.

⁷ См.: *Кучкин В.А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // *Куликовская битва.* М., 1980. С. 50–51 (примеч. 135), 78; *Горский А.А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси // *Средневековая Русь.* Вып. 5. М., 2004. С. 122–130, 134–138, 150.

⁸ См.: *Кучкин В.А.* Формирование... С. 127–139, 209–211.

⁹ См.: Там же. С. 264–282; *Горский А.А.* Москва и Орда. С. 62–63; *Он же.* Московские «примыслы»... С. 177–179.

¹⁰ См.: *Назаров В.Д.* О включении Ярославского княжества в состав Российского централизованного государства // *Россия в IX–XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения.* М., 1999; *Горский А.А.* Московские «примыслы»... С. 130–132, 170–175; *Он же.* Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 238–240.

5. Включение в состав Великого княжества Владимирского (возглавляемого московским князем) выморочного княжества (с санкции Орды) – Юрьевское княжество (ок. 1347 г.)¹¹.

6. Получение в Орде ярлыка на княжество с последующим превращением местных князей в служебных при оставлении за ними части территории – вторая половина Ростовского княжества (скорее всего, середина 60-х гг. XIV в.), княжества Стародубское (вероятнее всего, середина 60-х гг. XIV в.), Нижегородско-Суздальское (1392 г.), Тарусское (1392 г.), Козельское (начало XV в.)¹².

7. Захват у Литвы – Ржевское княжество (1368 г.)¹³.

8. Захват у Орды – Тула, «места татарские и мордовские» (70-е гг. XIV в.), Елец и «Меча» (70-е гг. XV в.)¹⁴.

9. Получение по ярлыку в наследственное владение – Великое княжество Владимирское (1383 г.)¹⁵.

10. Обмен с митрополитом – Алексин (нач. 90-х гг. XIV в.)¹⁶.

11. Силовое присоединение русских земель – Новгородская земля (1478 г.) и Тверское княжество (1485 г.)¹⁷.

В «примыслах» других русских князей прослеживаются следующие способы.

¹¹ См.: Горский А.А. Москва и Орда. С. 72–73.

¹² См.: Горский А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004; *Он же*. Московские «примыслы»... С. 153–162; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 74; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 243–327.

¹³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 87.

¹⁴ См.: Горский А.А. Московские «примыслы»... С. 162–170.

¹⁵ См.: Горский А.А. Москва и Орда. С. 117–118; *Он же*. Русь... С. 271–273.

¹⁶ См.: Кучкин В.А. Формирование... С. 273–274; Горский А.А. Московские «примыслы»... С. 175–177.

¹⁷ См.: Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства... С. 855–874, 887–895. Следует отметить, что московские князья нередко теряли присоединенные территории и их приходилось затем присоединять снова. Так было с Переяславлем (утрачен в 1305 г., вновь присоединен с великим княжеством Владимирским), Нижним Новгородом (с 1320 г. в составе Великого княжества Владимирского, с 1341 по 1392 – столица Нижегородско-Суздальского княжества, в 1408–1414, середине 20-х и середине 40-х гг. XV в. временно уходил из под московской власти), Галичем, Белоозером, Ростовом (выходили из-под московской власти в начале 1360-х гг.), Козельском (был под литовской властью с 1408 по начало 1430-х гг. и с 1448 по начало 90-х гг. XV в.), Ржевом (в 1372–1381 в составе Литвы, в 1399–1401 – Тверского княжества, в 1448–1449 ненадолго оказывался под властью и Литвы, и Твери), Тулой (с 80-х гг. XIV в. вошла в состав Рязанского княжества, возвращена в середине XV в.) и «местами татарскими и мордовскими» (после 1382 г. вернулись под ордынскую власть, отошли вновь к Москве только после ликвидации зависимости от Орды).

1. Включение в состав Великого княжества Владимирского выморочного княжества (с санкции Орды) – Костромское (1277 г.), Углицкое (нач. 90-х гг. XIII в.), Переяславское (1305 г.), Нижегородское (1320 г.) княжества¹⁸.

2. Наследование выморочного княжества по праву близкого родства (с санкции Орды) – Углицкое княжество (80-е гг. XIII в., сначала отошло к ростовским, затем к ярославским князьям)¹⁹.

3. Передача княжества Ордой, невзирая на наличие мужских наследников – Брянское княжество (середина 90-х гг. XIII в., передано смоленским князьям)²⁰.

4. Выделение Ордой княжества из состава великого княжества Владимирского с передачей удельному князю – Нижегородское княжество (1341 г., пожаловано суздальскому князю)²¹.

5. Восстановление самостоятельного княжества Ордой – Ростовское, Галицкое и Белозерское княжества в 1360–1362 гг., Нижегородское княжество в 1408 г., середине 20-х и середине 40-х гг. XV в.²².

6. Уступка по междукняжескому договору – Ржева в 1399 и 1448 гг. (передавалась ненадолго московскими князьями тверским)²³.

В отношении способов присоединений русских территорий литовскими князьями сведения источников более скудны. Можно отметить использование свойства: Витебское княжество (начало XIV в.) и Волынь (середина XIV в.) – и прямой силы: Северская часть Черниговской земли (60-е гг. XIV в.) и Смоленское княжество (кон. XIV – нач. XV в.)²⁴. При этом переход под власть Литвы русских земель, обязанных ордынской данью, осуществлялся по договоренности литовских князей с Ордой²⁵.

¹⁸ См. примеч. 4, 8.

¹⁹ См.: Горский А.А. Политическая борьба... С. 76–79.

²⁰ См. примеч. 6.

²¹ См.: Кучкин В.А. Формирование... С. 218.

²² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 69–74; Горский А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств... С. 153–156, 160–166.

²³ См.: Кучкин В.А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XVвв) // История СССР. 1984. № 6. С. 152–157. Остается неизвестным способ присоединения рязанскими князьями территорий Черниговской земли на левобережье средней Оки (конец XIII или начало XIV в.); неясно также, как осуществилась передача Тулы от Москвы Рязани в 80-е гг. XIV в. – по воле Орды или по договоренности между московским и рязанским князьями.

²⁴ См.: Шабульдо Ф.М. Указ. соч. С. 24–25, 33–50; Горский А.А. Русские земли... С. 40–41; Он же. Брянское княжество... С. 90–91.

²⁵ Русина О. Указ. соч. С. 58–61.

Таким образом, «примыслы» чужих территорий во второй половине XIII–XV в. не были чертой исключительно московской и литовской политики. Это было явление, характерное для политического развития восточнославянских земель в «ордынский период» в целом. Территориальные приобретения делали, помимо литовских и московских князей, князья смоленские, рязанские, переяславские, ростовские, ярославские, тверские, суздальские. Спецификой московской экспансии было большое разнообразие способов и распространение примыслов за пределы Северо-Восточной Руси (на территории Рязанской, Смоленской и Черниговской земель). «Лидерство» московских князей в процессе территориального передела определилось только к середине XIV столетия. В свете традиционного представления об «агрессивности» московской политики может показаться неожиданным тот факт, что «примыслы» московскими князьями русских территорий до 1478 г. ни в одном случае не осуществлялись путем прямого силового захвата: силой отнимались только территории, принадлежавшие Литве и Орде, русские же города и волости присоединялись с использованием тех или иных «правовых», с точки зрения представлений того времени, оснований. В то же время в литовской политике, традиционно считающейся более «мягкой», силовой захват занимал заметное место.

Особо следует сказать о роли Орды в рассмотренных процессах. Прямые или косвенные данные об ордынской санкции имеются по поводу примерно половины «примыслов», но вероятно, что в реальности таких случаев было больше. Можно утверждать, что до начала XV столетия почти все территориально-политические перемены на русских землях были в той или иной форме санкционированы Ордой. При этом прямая инициатива Орды в изменении территориально-политической структуры была редкостью (она вероятна при передаче Брянского княжества смоленским князьям в 90-е гг. XIII в. и воссоздании Нижегородского княжества в 1341 г.). В большинстве случаев инициатива исходила от русских князей, Орда только поддерживала ее и пользовалась ею; поэтому говорить о намеренной ломке Ордой политической структуры на русских землях вряд ли было бы справедливо. Но само появление в середине XIII столетия центра верховной власти в Восточной Европе вне русских земель создало возможность такой ломки. Хан мог в принципе принять любое решение по поводу любого княжеского стола, оставалось только подыскать «правовое основание» для присвоения той или иной территории и добиться расположения ордынских правителей.

Русские (и литовские) князья стали активно пользоваться этими возможностями.

В результате, если в первой половине XIII в. намечалась тенденция к присоединению «общерусских», не закрепленных ни за одной княжеской ветвью столов (Киева, Новгорода, Галича) к соседним сильным землям (соответственно – Черниговской, Суздальской и Волынской), то в «ордынский период» верх взяла другая тенденция: территориально-политические перемены внутри земель и на их границах (вплоть до присоединения одних земель другими в целом). Лучше других использовали появившиеся возможности литовские и московские князья, в силу чего на карте Восточной Европы место десятка с лишним «земель» заняли два «великих княжения».

ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА И СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ

Н.С. Борисов

Создание Московского государства в XIV–XV вв. было сложным и многогранным процессом. В отечественной исторической науке основное внимание уделяется его экономическим и политическим аспектам. Исследовалось и отражение объединительного процесса в памятниках литературы и искусства. Однако практически не уделяется внимания тому, что в новейшей истории нашей страны названо «человеческим фактором». А между тем, от поведения человека, от его настроения, социального оптимизма или пессимизма, во многом зависит исход любого противостояния.

В свою очередь, сама эта установка формируется под воздействием многих факторов. Учитывая «общинный» характер сознания русского средневекового человека, важнейшим из них, влиявшим на его поведение, следует признать статус и самооценку той социальной группы, к которой он принадлежал. В данном случае нас интересуют следующие общности – московский княжеский дом, московская посадская община, «московская земля». Можно предположить, что какая-то часть их статусных характеристик имеет общие черты: военно-политические успехи московских князей должны были вызывать чувства гордости, уверенности в себе и как у них самих, так и у простых москвичей, у всех жителей московского княжества.

Однако авторитет Москвы (а вместе с ним и оптимизм москвичей) прирастал не столько военными победами (которых до эпохи Дмитрия Донского было не так уж и много), сколько ростом самого города, его богатством, безопасностью и благоустройством. Понятие «благоустройство» в данном случае мы трактуем предельно широко: как обеспечение Москвы всеми атрибутами «стольного города». В их числе – каменные соборы с колокольнями и многоцветными росписями, патрональные святые, городские и пригородные монастыри и т.д. «Стольный город» имеет мощные укрепления. Его правитель устанавливает справедливые законы и сурово карает преступников, борется с ересями и лично подает пример благочестия.

И по мере того, как Москва усилиями потомков Даниила Александровича превращалась в более или менее отвечающий идеалу «стольный город», росло и самоуважение москвичей. Они научи-

лись преодолевать «страх ордынский»¹. Они ощутили себя жителями великого города, столицы могущественной земли. И с этой уверенностью они твердой стопой шагнули на Куликово поле...

Этот незаметный, на первый взгляд, аспект исторического процесса проницательно отметил В.О. Ключевский в своей известной речи, посвященной преподобному Сергию Радонежскому. Однако плодотворная мысль историка по разным причинам не получила дальнейшего развития. В данном докладе мы хотели бы осветить некоторые стороны этого духовного «благоустройства» Москвы в XIV столетии.

Известно, что ранняя Москва выглядела весьма скромно. По определению автора первой редакции Жития митрополита Петра, это был «град честен кротостью»². Источники позволяют несколько конкретизировать это определение. Летопись сообщает, что в 1343 году «погоре град Москва весь, и церквей 18 згоре»³. Таким образом, на весь город, включая посад, приходилось 18 церквей. Сколько же прихожан имели эти храмы? Косвенным ответом на этот вопрос может послужить летописное известие о пожаре в Угличе в 1491 году. «Того же лета июня згоре град Углич весь, и на посаде погоре, и за Волгою, дворов болши пятисот, а церквей згоре 15»⁴. По характеру застройки Москва первой половины XIV в. едва ли сильно отличалась от Углича времен Ивана III. На одну церковь в Угличе приходилось 35–40 дворов. Соответственно в Москве в 1343 году было 600–700 дворов. Даже если предположить, что в одном дворе проживало в среднем по 10 человек, то и тогда население Москвы в 1343 г. не превысит 7–8 тысяч человек.

Маленький город с большими амбициями, Москва в первую очередь должна была позаботиться об улучшении своего внешнего вида, о создании, хотя бы и в миниатюре, всех компонентов большого города. Именно эту цель и преследовало интенсивное строительство в московском Кремле в первой половине XIV в. Стремясь создать новый образ Москвы, сделать ее достойной пребывания митрополита Киевского и Всея Руси, Иван Калита за короткий срок, с 1326 по 1333 год, выстроил в Кремле четыре каменных храма – Успенский и Архангельский соборы, церковь Иоанна Лествичника и собор Спасского монастыря. Тогда же

¹ Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 66.

² Седова Р.А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993. С. 25.

³ ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 215.

⁴ ПСРЛ. Т. XXXIX. М., 1994. С. 165.

был построен и придел апостола Петра в виде небольшого каменного храма, примыкавшего к северной стене Успенского собора.

В средневековой Руси архитектура была наиболее социально значимым видом искусства. Каменные храмы служили символами определенных религиозно-политических идей. Московские правители стремились максимально усилить идейное значение постройки каждого из кремлевских храмов. Тщательно продуманным было в первую очередь их посвящение. Успенский собор напоминал об Успенском соборе во Владимире – древней столице Северо-Восточной Руси. Архангельский собор приобщал Москву к общерусскому княжескому культу предводителя небесного воинства Архангела Михаила. Спасский собор был данью центральному образу христианства. Два других храма имели патрональное значение. Иоанн Лествичник был небесным покровителем самого Ивана Калиты. Уникальное посвящение придела Успенского собора Спадению вериг (то есть оков) с апостола Петра прямо указывало на митрополита Петра, который был погребен возле этого придела⁵. Благодаря поддержке московских князей Петр в свое время был избавлен от «вериг», — оправдан от тяжких обвинений, возведенных на него тверским князем Михаилом.

Таким образом, уже само посвящение храмов при Иване Калите поднимало Москву на уровень общерусской православной традиции. Храмовый ансамбль московского Кремля, элементы которого отличались эффектным архитектурным решением, становится впечатляющим символом города⁶. Знаком новгородского патриотизма была святая София, тверской патриотизм исходил «от Спаса святого златоверхаго»⁷. Московский патриотизм получил своё воплощение в образе «дома пречистой Богородицы».

Религиозно-политической символикой были обусловлены и сохранные летописью дни закладки и освящения кремлевских храмов.

Успенский собор был заложен 4 августа 1326 года. На этот день приходилось празднование «семи спящих отроков эфесских». Легенда о семи отроках-христианах из Эфеса, чудесным образом уснувших во время гонений на христианство и пробудив-

⁵ Это название праздника, более точно раскрывающее его смысл, встречается в русских месяцесловах XIV–XV вв. (*Шапов Я.Н.* Календарь в псковских рукописях XV–XVI вв. // ГОДРЛ. Т. 37. Л., 1983. С. 171). Другое, более распространенное название праздника и придела – Поклонение веригам апостола Петра.

⁶ *Кавельмахер В.В., Панова Т.Д.* Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади московского Кремля // Культура средневековой Москвы. XIV–XVII вв. М., 1995. С. 74.

⁷ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 444.

шихся лишь несколько веков спустя, была известна еще в домонгольской Руси. Изображение «семи отроков» занимало одно из главных мест в рельефах Георгиевского собора в Юрьеве Польском (1234 г.) История «семи отроков» наглядно символизировала торжество христианства, завершение тяжких времен гонений. Этот образ вполне мог служить символическим выражением того религиозного пафоса, которым отмечена была деятельность Ивана Калиты.

Освящение Успенского собора состоялось 14 августа 1327 года, в канун престольного праздника – Успения Божьей Матери. Тем самым вновь утверждалась идея преемственности Москвы от Владимира. Успенский собор во Владимире был освящен Всеволодом Большое Гнездо в тот же самый день – 14 августа 1189 года⁸.

Освящение нового храма накануне престольного праздника создавало атмосферу сугубой торжественности. Два события сливались в одно – в торжественное прославление Божьей Матери как небесной покровительницы Северо-Восточной Руси. С постройкой «дома пресвятой Богородицы» (как часто именовали Успенский собор) Москва становилась как бы новым престолом Богородицы в Русской земле.

Не менее символична и дата начала постройки церкви Иоанна Лествичника – необычного по форме храма-колокольни. Он был заложен 21 мая 1329 года, в день памяти святых Константина и Елены. Имена императора Константина Великого и его матери Елены символизировали благочестие правителей, единение духовной и светской власти. Наиболее отличившихся на поприще благочестия князей (например, Владимира Святого) книжники сравнивали с Константином Великим. Этого сравнения в знаменитой приписке к Сийскому евангелию (1340 г.) удостоился и Иван Калита.

Освящение храма Иоанна Лествичника, выстроенного «в одно лето», было приурочено к 1 сентября 1329 года, ко дню памяти преподобного Симеона Столпника – небесного покровителя старшего сына Калиты Семена Гордого.

В 1329 году при Успенском соборе был устроен и храм-предел в честь Спадения вериг с апостола Петра. Этот символический памятник первому московскому митрополиту был заложен 13 августа, в день памяти Максима исповедника, святого патрона предшественника Петра – митрополита Максима, перенесшего свою резиденцию из Киева во Владимир-на-Клязьме. Авторитетом византийца Максима освящалась сама идея переноса ка-

⁸ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 34. В Тверской летописи – под 1188 годом (ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 278).

федры из Киева на новое место. Перебравшись из Владимира в Москву, Петр лишь сделал еще один шаг по пути, проложенному Максимом.

Освящение придела состоялось 14 октября 1329 года, в день памяти Протасия – святого, соименного московскому тысяцкому Протасию Вельяминову. Душеприказчик митрополита Петра и второй человек в Москве после князя, Протасий, очевидно, руководил кремлевским строительством. Известно, что после смерти Калиты он достраивал собор Богоявленского монастыря. Избран для освящения придела день святого Протасия, Калита тем самым почтил своего тысяцкого и в его лице – всю московскую знать.

Летописи сохранили еще одну важную дату строительства Ивана Калиты – 10 мая 1330 года, день закладки собора придворного Спасского монастыря в московском Кремле. Этот день был кануном большого праздника византийской церкви – дня основания Константинополя. Этот праздник был хорошо известен и русским книжникам, называвшим его «бытие Царьграда». Согласно древней традиции считалось, что Константин Великий освятил отстроенный им Константинополь 11 мая 330 года. Таким образом, 11 мая 1330 года отмечалось 1000-летие Константинополя. Понятно, что противоречивость тогдашних календарных расчетов размывала юбилейные даты. Однако несомненно, что, приурочив основание своего монастыря к «бытию Царьграда», Иван Калита сделал еще один почтительный жест в сторону выходца из Византии митрополита Феогноста, возглавлявшего тогда Русскую церковь. Есть основания полагать, что Феогност находился в эти дни в Москве и мог в полной мере оценить благочестие и «грекофильство» московского князя. Религиозная символика, как и в других случаях, служила здесь средством выражения политических притязаний. Для Ивана Калиты было крайне важно заручиться дружбой митрополита и убедить его последовать примеру Петра и основать в Москве свою постоянную резиденцию.

В 1333 году в московском Кремле была выстроена княжеская усыпальница – собор Михаила Архангела. Дата закладки собора неизвестна. Освящен он был митрополитом Феогностом 20 сентября 1333 г. Выбор этого дня глубоко символичен. В этот день праздновалась память святого князя Михаила Черниговского, казненного в Орде в 1246 году за отказ поклониться тамошним святыням. Имя этого князя символизировало преданность христианству, жертвенный подвиг за веру. Культ Михаила Черниговского был распространен как в Чернигово-Брянской, так и в Ростовской земле. Почтив этого святого, Иван Калита выразил свою приверженность религиозно-патриотическим ценностям. Вероят-

но, эти настроения разделял и грек Феогност, только что побывавший в Орде.

В символике этой даты прослеживается и отпечаток московско-тверского соперничества. День освящения Архангельского собора приобщал Москву к традиции прославления той святой жертвенности, которая для тверичей была связана с именем их князя Михаила Ярославича, казненного в Орде в 1318 году. Почитание первого князя-мученика Михаила Черниговского как бы отодвигало на второй план тверской культ, который претендовал на то, чтобы стать общерусским.

Глубокой религиозно-политической символикой проникнуты и даты строительства новой московской крепости зимой 1339–1340 гг. Летопись сообщает, что торжество по случаю начала работ состоялось 25 ноября. Это был канун «осеннего Юрьева дня» – дня памяти святого Георгия Победоносца. Как и в случае с освящением Успенского собора, создавалась сугубо праздничная атмосфера. Новая московская крепость, а вместе с ней и сама Москва, как бы передавалась под покровительство небесного воина – святого Георгия. Его главный подвиг – победа над змием – был известен каждому. Он был запечатлен во множестве икон и фресок и служил наиболее ярким символом победы под знаменем христианского благочестия.

Источники не называют точной даты окончания строительства кремля Ивана Калиты. Сообщается лишь, что это произошло «тое же зимы на весну, в великое говение». В високосном 1340 году Великий пост начинался с понедельника 28 февраля. Таким образом, «зимы» как таковой оставался всего один день – 29 февраля. Очевидно, что для торжественного освящения новой крепости был избран нерабочий день – воскресенье. Наиболее подходящим для торжества было бы Соборное воскресенье – 5 марта 1340 года. К этому дню (первое воскресенье Великого поста) приурочивался ежегодный съезд духовенства к епархиальному архиерею. Можно думать, что в связи с этим в Москве находился тогда и митрополит Феогност: Москва была крупнейшим городом митрополичьей епархии. Наконец, день 5 марта имел для Ивана Калиты и личное, семейное значение. Это был день кончины (а значит и день памяти) его отца – первого московского князя Даниила.

Закончив строительство Кремля и тем самым как бы подведя черту под своими трудами правителя, Иван Калита тогда же удалился в придворный Спасский монастырь, где принял постриг с именем Анании и через несколько недель скончался.

За строительством храмов и колокольной последовало их украшение фресками в 1342–1344 гг., а также оснащение всеми необходимыми атрибутами, первым из которых был колокол.

И если городской собор был средоточием религиозной жизни города, а соборная площадь — его общественной жизни, то колокол становился своего рода «душой» города. Горожане относились к колоколу как к живому существу, давали ему имя. Они верили, что звон колокола отгонял злые силы. Колокол собирал людей и на молитву, и на борьбу с общей бедой — пожаром, наводнением, нашествием врагов. В богатых городах имелось несколько колоколов, звонивших каждый по своему назначению.

Известно, что победитель в знак своего торжества часто возил из завоеванного города колокол. В 1066 году князь Всеслав Полоцкий, захватив Новгород, снял колокола у Софийского собора. «О, велика бяше беда в час тыи!» — воскликнул по этому поводу новгородский летописец⁹. Снимал колокол у владимирского Успенского собора и князь Александр Васильевич Суздальский. Получив от хана в 1328 году ярлык на великое княжение, он решил увезти владимирский колокол к себе в Суздаль. Этим символическим жестом князь хотел утвердить за Суздалем статус новой столицы Северо-Восточной Руси.

Иван Калита, добившись ханской расправы с тверскими князьями, осенью 1339 года вывез в Москву тверской соборный колокол. Этот удар должен был сломить гордость тверичей, заставить их смириться со своей участью побежденных. Похоже, что в этом Калита достиг своей цели. Летопись сообщает, что после этих событий княжение тверское «до конца опусте»¹⁰.

А полтора века спустя Иван III отметит свою победу над Новгородом тем же самым символическим жестом — вывозом колокола.

Но если вывоз колокола символизировал крайнее унижение города, то отливка новых колоколов, напротив, знаменовала его процветание. Летописи отмечают, что одним из важных деяний молодого московского князя Семена Гордого стала отливка колоколов для кремлевских соборов. В 1346 году «на Москве князь велики Семион Иванович и з братьею своею Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем сляша три колоколы болших, а два меньших, и лил их мастер Борис Римлянин»¹¹.

Примечательно, что больших колоколов было столько же, сколько и братьев Ивановичей. Вероятно, каждый оплачивал свой колокол. При этом колокола различались по величине и предназначались соответственно для Успенского, Архангельского и Спасского соборов. Два «меньших» колокола могли служить для особых целей, — например, как набатный и «завонный».

⁹ НПЛ. С. 17.

¹⁰ ПСРЛ. Т. X. С. 210.

¹¹ ПСРЛ. Т. X. С. 217.

«Благоустройство» Москвы выражалось не только в храмоводательстве. Основой его была отмеченная летописцами «великая тишина», — безопасность, отсутствие татарских погромов, достигнутое гибкой политикой московских Даниловичей. Кроме этого, в источниках есть указания на то, что Иван Калита искоренил ереси, утвердил справедливый суд, очистил свое княжество «от татей, от разбоиник, ото всякого мятежа»¹². При всей условности этих книжных комплиментов в них есть зерно истины. К середине XIV века москвичи имели основание гордиться своим городом. Более чем какой-либо другой город Северо-Восточной Руси Москва соответствовала представлению о «стольном городе». Это наполняло ее жителей энергией и оптимизмом, способствовало развитию патриотического чувства. Так создавалась духовная составляющая процесса возвышения Москвы.

¹² НПЛ. С. 561.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НАЧАЛЕ РУССКОЙ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ В XIV в.

П.Г. Гайдуков

Тысячелетняя история отечественного монетного чекана в своем развитии пережила несколько этапов. Можно выделить шесть главных периодов существования русской денежной системы.

В первый (IX – начало XII в.) происходит формирование древнейшей денежной системы, базирующейся преимущественно на использовании иноземной серебряной монеты (сначала серебряных дирхемов арабских государств Передней и Центральной Азии, а позже серебряных денариев стран Западной Европы), на приспособлении этой монеты к денежному обращению Руси. Именно к этому периоду относится кратковременное изготовление в конце X – начале XI в. древнейших русских монет из золота и серебра.

Второй период, известный как «безмонетный», начался в начале XII в. в связи с прекращением потока западных монет на Русь и продолжался до середины XIV в. В крупных расчетах и платежах, а также для накопления, пользовались сначала весовым серебром, а затем серебряными гривнами-слитками разных форм. Мелких денежных знаков в этот период Русь не знала.

Третий, «удельный» период русской нумизматики, датируется второй половиной XIV в. – 1533 г. Он характеризуется возвышением роли денег в связи с развитием внутреннего рынка, началом массовой ручной чеканки собственно русской монеты, первоначально выпускавшейся отдельными княжествами, по мере объединения которых вокруг Москвы постепенно складывалась общерусская денежная система.

В четвертый – «царский» период (с 1533 г. по конец XVII в.) – возникла единая монетная система Русского государства, ознаменовавшая завершение длительного процесса централизации разрозненных княжеств. До конца XVII в. в денежном обращении находились мелкие серебряные монеты трех номиналов, которые лишь в начале XVIII в. были заменены монетами европейского образца машинной чеканки из золота, серебра и меди.

В пятый и шестой этапы объединяются монеты «императорского» и «советского» периодов XVIII–XX вв.¹

¹ *Спаский И.Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л., 1970; *Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С.* Деньги в России: История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000.

«Удельный» период русской нумизматики – один из наиболее важных и наименее изученных. В это время зарождаются и взаимодействуют местные денежные системы, и происходит процесс их слияния в общерусскую денежную систему. Источниковая база русской нумизматики конца XIV – первой трети XVI в. очень внушительна. По предварительным подсчетам в музейных и частных собраниях хранится не менее 80 тысяч монет этого времени. Отечественными исследователями за более чем 150 лет развития русской нумизматики как науки в области изучения монет княжеств Центральной и Северо-Восточной Руси, а также Новгорода и Пскова, сделано многое. Несмотря на это, отдельные составляющие части этого периода изучены лишь выборочно, и пока нет условий для создания общей картины становления и взаимодействия местных денежных систем конца XIV – первой половины XV в. Очень далеки отечественные нумизматы и от создания полного свода русских монет «удельного» периода.

Во второй половине XIV в. в некоторых русских княжествах создались условия для чеканки собственной монеты. Первые серебряные именные денги изготавливаются в начале 1380-х гг. в Великом княжестве Московском при князе Дмитрие Ивановиче Донском. Почти одновременно с Москвой начинается выпуск монет и в других великих княжествах – Рязанском и Нижегородском, после 1400 г. – в Тверском. В 20-е годы XV в. чеканка собственных денег была налажена в Великом Новгороде и Пскове. Начиная с конца XIV в. изготовление монет широко распространилось и во многих других княжествах. Насчитывается не менее 25 городов, в которых в первой половине XV в. существовало денежное производство, и около 50 правителей, от имени которых чеканились монеты.

Денежное обращение Руси в конце XIV – первой трети XVI в. обслуживалось небольшим набором монетных знаков. За исключением денежных слитков, это были лишь серебряные денга и полуденга, а в Новгороде и Пскове – денга и четверетца (то есть четверть денги). В отдельных княжествах (особенно в Тверском и Московском), кроме серебряных, изготавливались и медные монеты (пула) минимального достоинства.

В задачи нумизматики входит всестороннее изучение денежных систем и денежных знаков, выпускавшихся от имени конкретных правителей, городов или государственных образований. Эта специальная историческая дисциплина, с ее специфическими источниками и методами исследования, позволяет рассматривать многие стороны жизни древних обществ, выпадающих из поля зрения других документов прошлого. Для истории отечественного средневековья монеты являются незаменимыми свидетелями

финансовых и экономических сторон жизни государства, а также отдельных черт его политической и династийной истории.

До недавнего времени представление обо всей совокупности монет, обслуживавших русское денежное хозяйство в XIV–XVII вв. относилось к числу очень слабо изученных вопросов. Функциональное назначение младших денежных номиналов и их место в системе денежного счета и монетной метрологии были неясны, а сами монеты были представлены в изданиях лишь отдельными случайно выбранными монетными типами. Поставив перед собой задачу систематизации, каталогизации и всестороннего изучения самых мелких разменных монет средневековой русской денежной системы – медных пул, а также серебряных полуденег и четверетц – автору удалось подготовить и издать два нумизматических труда, включивших в себя сведения о 30 тысячах монет, разбросанных по десяткам государственных и частных собраний². В них впервые проведено исследование всех известных нумизматических и письменных источников и сформулированы общие заключения по различным вопросам существования монет минимального достоинства, которые в течение трех веков являлись составной частью денежной системы Руси. Выяснилось, что национальная денежная система была, на самом деле, не такой примитивной, как это представлялась раньше.

Кроме исследования монетного материала, в книгах имеются подробные каталоги, в которых содержатся описания всех типов и вариантов монет, их издания, фотографии и графические прорисовки. Такой способ публикации нумизматических источников дает возможность практического использования этих книг не только профессиональными нумизматами и историками, но и музейными работниками.

В последние годы в рамках подготовки к изданию «Свода монет Великого княжества Московского второй половины XIV – первой четверти XV в.» автор проводит систематизацию монет великого князя Дмитрия Ивановича, а также его сына и преемника Василия Дмитриевича. Изучаемая тема может стать ключевой для понимания раннего русского денежного чекана, поскольку это княжество в конце XIV в. было экономически и финансово наиболее развитым, и именно Москва «задавала тон» всему денежному делу Руси.

Изучение ранних монет Москвы поднимает целый ряд новых вопросов. В настоящей работе рассматривается лишь один: когда начинается на Руси монетная чеканка.

² *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI в. М., 1993; Он же. Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М., 2006.

В отечественной нумизматической литературе считается общепризнанным, что первые серебряные денги начали изготавливать в Великом княжестве Московском при Дмитрие Ивановиче Донском (1359–1389 гг.). Почти одновременно с Москвой монетное производство начинает Дмитрий Константинович Нижегородский (1355–1383 гг.) и Олег Иванович Рязанский (1350–1402 гг.).

О времени начала изготовления денег в Москве существуют разные, но хронологически близкие точки зрения. Начиная с трудов А.В. Орешникова и И.И. Толстого, все исследователи рубежом для московской монетной чеканки считают 1380 год, то есть начало производства русских денег связывают со временем сразу же после или незадолго до Куликовской битвы. Г.А. Фёдоров-Давыдов, к примеру, писал: «Близкий ... вес (ок. 1,0–1,1 г) имеют ранние выпуски Дмитрия Донского и Дмитрия Константиновича, чеканенные в начале 80-х, а может быть, и в конце 70-х годов XIV в.»³

В музейных и частных коллекциях зарегистрировано всего ок. 200 денег Дмитрия Ивановича: 140 анонимных и 60 именных. Монет Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.), насчитывается ок. 2000 экз. Денег же последующего правителя – Василия Васильевича Тёмного (1425–1462 гг.), – княжившего 37 лет, то есть почти столько же что и отец, известно не менее 20 000–22 000 экз.

200 денег Дмитрия Ивановича разделяются на четыре типа именных и не менее трех типов анонимных (*Рис. 1, 2*). От эпохи Василия Дмитриевича дошло в 10 раз больше монет. Значительно увеличилось и количество монетных типов: их насчитывается уже более 50 (*Рис. 2, 3*). Монет же Василия Тёмного даже по самым скромным подсчетам известно в 10 раз больше, чем Василия Дмитриевича, а монетных типов этого князя насчитывается более 200. Процентное отношение монет разных правителей следующее: 0,8% относится к Дмитрию, 8,2% – к Василию I и 91% – к Василию II. Такое распределение заставляет задуматься: почему до Василия II монет сохранилось так мало?

В Москве к концу XIV в. сложилась следующая система счета. Серебряный слиток (рубль) весом около 200 г последовательно подразделялся на две полтины, 10 гривен, 33 1/3 алтына, 200 денег и 400 полуденег. При этом гривна и алтын не были реальными денежными знаками, а лишь счетными единицами. В это

³ Фёдоров-Давыдов Г.А. Монеты Нижегородского княжества. М., 1989. С. 153–154.

время уже чеканились и медные монеты – пула, но об их количественном отношении к серебряным монетам нет никаких данных.

В целом можно согласиться с датировкой древнейших московских денег временем после Куликовской битвы, но с одной оговоркой: не Дмитрий Донской был инициатором русской монетной чеканки. Ко времени начала его княжения денежное производство на Руси уже существовало. Великий князь Дмитрий Иванович первым начал лишь выпуск монет русских типов: сначала безымянных, а позже и именных. Как до него, так и в первый период его правления русская чеканка существовала в виде двусторонних подражаний татарским монетам. Об этом свидетельствуют клады конца XIV – начала XV в., где, как правило, такие монеты представлены.

Нумизматы уже давно обратили внимание на двусторонние подражания золотоордынским дирхемам и высказали предположение, что именно они являются первыми русскими деньгами.

В «Предисловии» к публикации Дроздовского клада, в состав которого входят 14 таких монет, С.И. Чижов специально останавливался на этом вопросе: «Наряду с русско-татарскими встречаются русские деньги чисто татарского типа, то есть обе стороны которых носят подражание татарским легендам. Подобные деньги встретились и в настоящем кладе. Интересно отметить, что средний вес этих денег определяется в 21,18 долей (0,940 г – П.Г.), а русско-татарского типа только в 19,74 долей (0,876 г – П.Г.). Вес этот отчасти указывает на то, что деньги татарского типа чеканились раньше денег русско-татарских. Это, впрочем, так и должно было быть. В XIII и XIV вв., за неимением своей собственной монеты, на Руси обращались, главным образом, татарские деньги. Население их хорошо знало и к ним привыкло, а потому ничего не было удивительного, что при введении собственной монеты, на первых порах рисунок ее представлял полную копию татарских денег, а потом уже, со временем, появился тип русско-татарских монет, продержавшийся ... всю первую четверть XV века».

Рассмотрев многочисленные двусторонние подражания и установив, что по весу они делятся на разные группы, историк так подытожил свои наблюдения: «Все сказанное также приводит меня к убеждению, что первые русские монеты представляли собою копии татарских денег, никаких русских надписей не имели и чеканились ... с весом в 32 доли (1,42 г – П.Г.) каждая»⁴. Исследователь считал, что подражания с таким весом выпускались в период правления Дмитрия Ивановича.

⁴ Чижов С.И. Дроздовский клад русских денег времени вел. кн. Василия Дмитриевича Московского. Пг., 1922. С. 14.

Справедливость версии С.И. Чижова была подтверждена по отношению к монетам Великого княжества Рязанского В.Л. и С.А. Янинскими. Ими установлено, что в Рязанской земле вскоре после начала надчеканивания обращавшихся там дирхемов Золотой Орды русскими буквами было налажено изготовление подражаний, которые также надчеканивались, вначале буквами, а с конца 80-х годов XIV в. – «тамгой» рязанских князей. Типологическая и стилистическая близость подвергавшихся надчеканке подражаний, наличие многочисленных штемпельных связей между их разновидностями подтверждали «местное происхождение» самих подражаний и указывали на то, что «изготовление подражаний и снабжение их надчеканкой были двумя этапами единого технического процесса изготовления монеты»⁵ (Рис. 4).

Наиболее подробное исследование двусторонних подражаний провел Г.А. Фёдоров-Давыдов при изучении Тихомировского и Саранского кладов. Тихомировский клад (Чувашия) золотоордынских дирхемов датируется концом 1370-х годов. Он состоит из 489 монет, в числе которых насчитывается 112 двусторонних подражаний весом 1,0–1,1 г. Они выбиты 17 штемпелями и объединены в 25 типов⁶ (Рис. 5).

Саранский клад (Мордовия) русских и золотоордынских монет датируется 1409 г. Он состоит из ок. 3547 монет (ок. 3378 русских и ок. 169 золотоордынских), в числе которых насчитывается ок. 490 двусторонних подражаний⁷. Анализируя эти подражания, исследователь признал их русскими и разделил на три весовые группы: I группа – свыше 1,00 г, II группа – 0,91–0,95 г, III группа – 0,80–0,88 г⁸. Благодаря наличию наиболее тяжелых подражаний в кладах джучидских дирхемов, историку удалось выяснить, что такие монеты появляются еще в 1360-е годы, а массовый характер их выпуск приобретает в 1370-е годы. Исследователь высказал предположение, что они чеканились в суздальско-нижегородских землях и представляют собой, таким образом, первые русские монеты 70-х годов XIV в.⁹ Параллели с весом монет Суздаля и Нижнего Новгорода привели его к предположению, что подражания II группы следует датировать 80–90-ми годами XIV в., а подражания III группы – рубежом XIV–XV вв. Г.А. Фё-

⁵ Янин В.Л., Янина С.А. Начальный период рязанской монетной чеканки // Нумизматический сборник. Ч. 1. М., 1955. С. 120 (Труды ГИМ. Вып. № 25).

⁶ Фёдоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. 1963. Т. IV. С. 174–181.

⁷ Гайдуков П.Г., Гришин И.В. Саранский клад русских монет XIV – начала XV в. // Двенадцатая ВНК: Москва, 19–24 апреля 2004 г. М., 2004. С. 138–140.

⁸ Фёдоров-Давыдов Г.А. Монеты Нижегородского княжества. С. 152.

⁹ Он же. Находки джучидских монет. С. 174–181.

доров-Давыдов полагает, что местом изготовления подражаний II и III весовых групп следует считать суздальско-нижегородские или соседние с ними земли (Стародубское княжество)¹⁰.

Интересную группу из 17 русских подражаний монетам Золотой Орды весом 1,30–1,40 г издал И.В. Волков. Автор датирует выпуск этих монет последним десятилетием XIV в. и относит к рязанским землям¹¹.

Итак, на Руси в денежном обращении конца XIV – начала XV в., наряду с именными и анонимными денгами русских княжеств, находились двусторонние подражания различных весовых норм. Выпуски таких монет были многочисленны, поскольку они присутствуют во многих кладах того времени, составляя от 6 до 33%¹². В этих подражаниях я, вслед за С.И. Чижевым, В.Л. и С.А. Янинными и Г.А. Фёдоровым-Давыдовым, вижу русские монеты. Они чеканились, вероятно, в разных регионах, но в первую очередь, в крупнейших княжествах. До 1380 г. в денежном обращении эти подражательные монеты были единственным номиналом русской монетной системы. Саранский клад сохранил в своем составе восемь таких монет весом 1,02–1,18 г (Рис. 6). С введением анонимных и именных денег русского облика Дмитрием Донским чеканка подражаний не прекращается. Меняется лишь их весовая норма, которая была, вероятно, единой с другими деньгами. Именных и анонимных монет Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича, по сравнению с монетами Василия Тёмного, сохранилось в 10 раз меньше. Трудно себе представить, что население экономически наиболее развитого русского княжества в конце XIV – начале XV в. обходилось только ими. Для повседневных товарно-денежных отношений их было явно недостаточно. Должны были быть и другие типы монет и ими, на мой взгляд, являлись двусторонние подражания.

Подражательные монеты Саранского клада разделяются на три разные по весу группы. Судя по самым легким, они могли чеканиться даже в начале XV в. Процесс изготовления денег русского облика и двусторонних подражаний в Московском, Нижегородском и других княжествах в 1380–1390-х годах и в начале XV в. осуществлялся, по всей вероятности, синхронно. В настоящее время самой насущной задачей осмысления ранней русской че-

¹⁰ Фёдоров-Давыдов Г.А. Монеты Нижегородского княжества. С. 153.

¹¹ Волков И.В. Новая группа русских подражательных монет конца XIV в. // Нумизматика. М., 2005. Март. № 7. С. 27–29.

¹² Чижев С.И. Указ. соч. С. 10, 62–64. № 143–155; Фёдоров-Давыдов Г.А. Монеты Нижегородского княжества. С. 21–22; Сотникова М.П., Спасский И.Г. Русские клады слитков и монет // Русская нумизматика XI–XX вв. Л., 1979. С. 48–49.

канки, на мой взгляд, является обстоятельное изучение подражаний и выявление общих штемпелей в разных потоках денежного производства. Такие штемпели будут служить надежными связующими «мостиками» между подражаниями и монетами русско-татарского облика. Единичные случаи употребления общих штемпелей уже известны.

Говорить конкретно о начале чеканки на Руси двусторонних подражаний сложно. К этому нет пока никаких надежных датированных материалов. Можно лишь предполагать, что в 1350-х годах такая чеканка уже существовала, поскольку есть значительное число монет, копирующих дирхемы хана Джанибека¹³.

Кроме кладов надежных данных об использовании до 1380 г. в русском денежном обращении двусторонних подражаний практически нет. Большим событием для излагаемой проблемы стало открытие, сделанное Новоторжской археологической экспедицией под руководством П.Д. Малыгина и Н.А. Сарафановой на Верхнем городище Торжка. Летом 2005 г. там исследованы остатки подпольной части сооружения. Постройка погибла в пожаре, который археологи связывают с разорением Торжка в 1372 г. тверским князем Михаилом Александровичем. Здесь найдены 52 вислые свинцовые печати от сгоревших грамот. Судя по ним, эта постройка служила канцелярией новоторжских наместников новгородских архиепископов (владык) 30-х–70-х годов XIV в. В комплексе находок есть единственная монета – серебряное двустороннее подражание дирхему Джанибека весом 1,16 г (*Рис. 7*). Она подтверждает обращение таких монет в центральных русских землях в начале 1370-х годов.

Еще одним подтверждением начала русской монетной чеканки до Дмитрия Донского служит уникальная монета из собрания Эрмитажа (ГЭ, № 2960; вес 0,62 г). Она опубликована С. Шодуаром в «Обзрении русских денег и иностранных монет» в разделе тверских денег и отнесена к великому князю Ивану Ивановичу (1485–1490 гг.) (*Рис. 8*). На ее лицевой стороне помещена пятистрочная надпись (КНЯЗ/. ВЕЛИ/КОГО ИВ/.НА ИВАН./ВЧА), а на оборотной стороне – подражание арабской надписи, в которой однозначно опознается легенда дирхемов ханов Бердибека или Кульны 760 г. х. (1358–1359 г.) (*Рис. 9*).

¹³ *Сузин М.В.*, Ожгибовский монетный клад XIV в. // Краткие сообщения ИИМК. Вып. XXIX. 1949. С. 112, 113; *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Находки джучинских монет. С. 176–181; *Мухаметшин Д.Г.* О подражаниях из Каратунского клада // Двенадцатая ВНК: Москва, 19–24 апреля 2004 г. М., 2004. С. 90–91; *Хромов К.К.* К вопросу о начале монетной чеканки на территории Киевского княжества в XIV в. (о «киевских» подражаниях монетам Джанибека) // Двенадцатая ВНК: Москва, 19–24 апреля 2004 г. М., 2004. С. 87–88.

Монета не вызывает никаких сомнений в подлинности. Заподозрить в ней фальшивку 30-х годов XIX в. невозможно еще и по той причине, что она происходит из коллекции Я.В. Брюса, собранной в первой трети XVIII в. В ту пору интерес к старинным русским деньгам был у весьма ограниченного круга лиц, и фабриковать их имитации было совершенно бессмысленно. Такой промысел возник лишь через 100 лет на волне повышенного интереса к нумизматическим древностям после издания каталога монетного собрания А. Д. Черткова¹⁴. Образцы антикварных подделок того времени хорошо известны¹⁵. Рисунок именно этой монеты есть в рукописном каталоге коллекции Брюса, где она с неправильно прочитанной легендой (КНЯЗЬ ВЕЛИКОГО НОВАГРАДА) помещена среди новгородских денег периода независимости¹⁶. В 1777 г. изображение этой монеты в числе других рисунков из каталога Брюса издано в книге Х. Шмидта¹⁷ (*Рис. 10*).

Итак, это пролежавшая в коллекциях почти 300 лет и оставшаяся без должного внимания нумизматов монета великого князя Ивана Ивановича Красного (1353–1355 гг.), отчеканенная незадолго до его кончины. Обратная ее сторона подражает, вероятно, гюлистанскому дирхему хана Бердибека (1357–1360 гг.) 760 г. х.¹⁸. Относить прототип рассматриваемой монеты к гюлистанскому дирхему хана Кульны (1359–1360 гг.) 760 г. х. было бы неверно, поскольку он правил всего пять месяцев и был убит вскоре после смерти Ивана Ивановича, 13 ноября 1359 г.¹⁹ (*Рис. 11*).

Сравнение надписи монеты с вислыми печатями Ивана Ивановича дает близкую палеографию букв и практически идентич-

¹⁴ Чертков А.Д. Описание древних русских монет. М., 1834.

¹⁵ Гагарин Ф.Г. О подделке русских монет // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. Т. 1. СПб., 1849. С. 146–180.

¹⁶ Russ. antique monetae (Muenzkatalog) // Herzog August Bibliothek Wolfenbuettel. Handschriftensammlung. Cod. Guelf. 281.1 Extrav. [Каталог монетного собрания Я.В. Брюса]. Рукопись. Л. 21, 44. № 21, 52.

¹⁷ Schmidt Ch. 1777 – Schmidt Christoph, von. Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Keisers Peter des Grossen. Erster Theil: 1725–1730. Mit Muenzen. Riga, 1777. Подробнее см.: Гайдуков П.Г. Русские полуденги. С. 11–12.

¹⁸ Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа. СПб., 1832. С. 14. № 114. Табл. IV, ХСVII; Фёдоров-Давыдов Г.А. Находки джучийских монет. С. 186. № 183. Табл. XIII, 183.

¹⁹ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 80; Френ Х.М. Указ. соч. С. 14. № 117. Табл. IV, С.; Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 187. № 188. Табл. XIII, 188.

ную композицию расположения легенд²⁰. На свинцовой новгородской печати № 413 помещена шестистрочная надпись: «КНЯЗЯ ВЕЛИКАГО ПЕЧАТЬ ИВАНА ИВАНОВИЧА». На позолоченном аргировуле, сохранившемся при первой духовной грамоте Ивана Ивановича (датируется ок. 1358 г.), значится пятистрочная легенда: «ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ИВАНА ИВАНОВИЧА» (см. вклейку. Рис. 12).

Значение новой атрибуции, обнаруженной в собрании Эрмитажа монеты отца Дмитрия Ивановича Донского, очень велико, поскольку позволяет отодвинуть дату начала выпуска именных русских денег более чем на 20 лет.

Таким образом, можно говорить о том, что монетная чеканка в виде двусторонних подражаний джучидским дирхемам существовала на Руси с середины XIV в. Тяжелые двусторонние подражания, в небольшом количестве сохранившиеся в Саранском кладе, а также монета из раскопок в Торжке свидетельствуют, что весовая норма первых русских денег могла быть около 1,20 г. Если это так, то именную монету великого князя Ивана Ивановича, весящую 0,62 г, можно называть первой русской полуденгой.

Приведенного материала слишком мало для окончательных выводов и высказанные соображения о начале денежной чеканки на Руси в середине XIV в. останутся предположениями до появления новых нумизматических фактов. Подобные сведения могут заключаться в первую очередь в кладах с русскими монетами, захороненными до 1380 г. и вскоре после этого времени. Картографирование новых находок на русских землях, как дирхемов Золотой Орды, так и их подражаний, в будущем позволит конкретизировать ситуацию, которую сейчас можно наметить лишь в самых общих чертах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.

ОН ГИМ – Отдел нумизматики Государственного исторического музея

ОН ГЭ – Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа

НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.

²⁰ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. С. 168–169. № 413–416а; Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991. С. 148. № 8.

СМУТА НАЧАЛА XVII ВЕКА В РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ

И.О. Тюменцев

Смута в России в начале XVII ст. круто изменила исторические судьбы народов нашей страны и навсегда осталась в памяти потомков как время «всенародной беды». Неслучайно новые повороты отечественной истории часто сравнивают с пережитым Россией в начале XVII в.

События тех лет изучены крайне неравномерно и с разной степенью глубины, т.к. в советское время Смута не рассматривалась как единый комплекс событий: отдельно исследовались восстание И.И. Болотникова и иностранная интервенция¹. Из поля зрения ученых явно выпал кульминационный тушинский период Смуты – 1607–1610 гг., который рассматривался как время перерастания социальной борьбы в «национально-освободительную» или «освободительную»².

В основе современных представлений о Смуте лежат труды акад. С.Ф. Платонова, который построил свое исследование на блестящем критическом анализе древнерусских сказаний и повестей о смутном времени³. Для проверки показаний русских литературных и летописных источников, как правило, использовались сочинения польских и других европейских мемуаристов. Сохранившиеся документальные источники обычно привлекались как дополнительный, конкретизирующий отдельные события и факты материал. Между тем до нас дошло несколько крупных документальных комплексов начала XVII в.: архивы Соликамской⁴, Смоленской приказных изб⁵, Новгородский оккупационный архив⁶, а также материалы переписки тушинских наемников

¹ *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 7.

² *Шенелев И.С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957.

³ *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888.

⁴ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (АСПБ ИИ РАН). К. 122, 174.

⁵ АСПБ ИИ РАН. К. 124, 174; Stockholm. Riksarkivet. Skuklostersamlingen. Ryska brev.

⁶ *Лёфstrand Э.* Новгородский оккупационный архив: презентация // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 119–126.

1608–1611 гг.⁷ Комплексный анализ этих материалов открывает возможность получить массивы первоклассной достоверной информации, которая была зафиксирована по горячим следам событий.

Наибольший интерес среди этих собраний представляет архив Я. Сапеги – полковника, а затем гетмана Лжедмитрия II, который в 1608–1611 гг. находился в самой гуще событий. Архив образовался в походной канцелярии его войска из переписки с Московскими, Краковскими, Тушинскими властями, писем офицеров-наемников, отписок воевод, челобитных русских людей. После смерти Я. Сапеги архив был вывезен в Речь Посполитую, где его разделили наследники. В последствии документы архива различными путями попали в виде коллекций в различные архивы России, Украины, Польши, Швеции. В результате более чем двадцатилетних разысканий нам удалось собрать несколько списков дневника Я. Сапеги, восстановить его текст, и сделать около 420 копий документов. Используя дневник Я. Сапеги как своеобразную архивную опись, мы смогли реконструировать и провести комплексный анализ архивного собрания⁸. Одновременно мы систематизировали материалы Соликамского архива, в котором сохранилась переписка между городами Поморья, поддерживавшими царя Василия Шуйского⁹. Сопоставление материалов обоих собраний, вышедших из разных политических лагерей, открыло возможность с большой точностью восстановить ход событий 1608–1610 гг. и проверить показания литературных, летописных и мемуарных источников. В результате было проведено специальное исследование, посвященное движению Лжедмитрия II 1607–1610 гг., которое помогло получить дополнительную информацию, важную для осмысления феномена Смуты¹⁰.

Движения Лжедмитриев, I и II, по-разному оценивались в историографии. В русской литературе XVIII – первой половины

⁷ Stockholm. Riksarkivet. Skuklostersamlingen. Polska brev; Biblioteka Polskiej Akademii Umiejetności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie (BPAU PAN). № 345, 360; Отдел рукописей Львовской научной библиотеки Национальной академии наук Украины (ОР ЛНБ НАНУ). Ф. 5, 103 и др.

⁸ Тюменцев И.О., Тушикова Н.А., Тюменцева Н.Е., Мирский С.В., Рыбалко Н.В. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Волгоград, 2005.

⁹ Тюменцев И.О. Материалы архива соликамского уездного суда смутного времени начала XVII в. // Исторический опыт русского народа и современность. СПб., 1994.

¹⁰ Тюменцев И.О. Очерки истории обороны Троице-Сергиевой лавры 1608–1610 гг. Волгоград, 1995; *Его же*. Смута в России в начале XVII ст.: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

XIX вв. и советской литературе 30–50 гг. XX в. господствовало представление, что эти движения являлись скрытой интервенцией Речи Посполитой против России¹¹. Мнения польских историков на сей счет разделились. В конце XVIII в. К. Когновицкий, а вслед за ним во второй половине XIX в. А. Гиршберг пришли к выводу, что скрытое вооруженное вмешательство Речи Посполитой в русские дела началось только летом 1608 г., когда на службу к самозванцу прибыл отряд Я. Сапеги¹². В 60–90-е годы XX вв., после выхода в свет труда польского историка Я. Мацишевского, эта точка зрения стала господствующей как в польской¹³, так и советской литературе¹⁴. Между тем еще в начале XIX в. польские историки Ю. Немцевич и А. Нарушевич отметили, что иноземные солдаты, воевавшие под знаменами самозванцев, были наемниками. О вооруженном вмешательстве Речи Посполитой в русские дела можно говорить только с сентября 1609 г., когда началось вторжение королевской армии в Россию¹⁵. Это мнение в рус-

¹¹ *Щербатов М.М.* История Российская с древнейших времен. СПб. 1791. Т. 7. Ч. 2. С. 147, 180–186, 205, 207, 238, 295–356; *Карамзин Н.М.* История государства российского. СПб., 1989. Кн. 3. Т. XII. Стб. 35–36, 43–130; *Бутурлин Д.* История смутного времени. СПб., 1841. Ч. 2. Кн. 3. С. 116, 144–180, 201; *Савич А.А.* Польская интервенция начала XVII в. в оценке М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939. Т. 1.; *Его же.* Борьба русского народа с польской интервенцией начала XVII в. М., 1939; *Генкин Л.Б.* Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Ярославль, 1939. С.76, 134; *Козаченко А.И.* Борьба русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII в. М., 1939; *Покровский Н.И.* Начало народной войны в Московском государстве в 1608–1609 гг. // УЗ Ростовского на Дону Гос.ун-та. 1945. Т. 6. В. 3. С. 3–45; *Бибиков Г.* Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // Исторические записки. 1946. Т. 19; *Рубинштейн Н.Л.* Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. // Труды ГИМ. 1948. В. XX. С.47–58; *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1950; *Смирнов И.И.* Восстание И.И. Болотникова. С. 493–513; *Шенелев И.С.* Указ. соч. С. 521.

¹² *Kogonicki.* Zycie Sapiehow. Wilna 1791. T.II S. 150–158. *Гиршберг А.* Марина Мнишек. СПб., 1906; С.53–54, 66, 86–88, 110–114, 119, 127–129; *Idem.* Dla czego polacy popierali drugiego Dymitra Samoawanca // Статьи по славяноведению. СПб., 1904. В. 1. С.30–40.

¹³ *Maciszewski J.* Polska a Moskwa 1603–1618. Warszawa, 1968. *Czerska D.* Boris Godunov. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988; *Andrusiewicz A.* Dzieje Dymitriad 1602–1614. Warszawa, 1990; *Idem.* Dymitr I Samozwaniec. Triumf i upadek. Łódź, 1993; *Czerska D.* Dymitr Samozwaniec. Wrocław, 1995; *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyzna. Polityka Rzeczpospolitey wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995.

¹⁴ *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России в XVI–XVII вв.: проблемы, поиски, решения. М. 1974.

¹⁵ *Naruszewicz A.* Zywot. J.K. Chodkiewicza. Warszawa, 1805. Т. II. S. 248–255; *Niemcewicz J.U.* Dzieje panowania Zygmundta III. Warszawa, 1819. Т. 2. S. 327–412.

ской историографии разделял В.О. Ключевский¹⁶. Обращение к материалам переписки иноземных солдат и офицеров войска самозванца с польским королем, сенаторами и частными лицами позволило установить, что правящие круги Речи Посполитой не были причастны к подготовке похода Лжедмитрия II, а служившие под его знаменами иноземные солдаты, включая сапежинцев, были наемниками, которые действовали исключительно из корыстных побуждений, на свой страх и риск. Сказку о том, что солдаты будто бы воевали в России в интересах Речи Посполитой, придумали сами наемники, чтобы переложить долги самозванца на польскую казну. В правящих кругах Речи Посполитой, как показал в серии монографий, особенно в новой Б.Н. Флоря¹⁷, к 1607–1610 гг. не было и тени единства и сколько-нибудь продуманной программы действий относительно Москвы. Гипотеза о скрытой интервенции Речи Посполитой, по нашему мнению, должна быть отклонена. Польская интервенция началась сразу в открытой форме в 1609 г.

Анализ обстоятельств возрождения самозванческой интриги после гибели Лжедмитрия I и появления Лжедмитрия II показал, что по началу инициаторами и организаторами «нового воровства» являлись любимцы Лжедмитрия I: М.А. Молчанов, Б. Сутупов, Г.И. Микулин, кн. Г.П. Шаховский, И. Михнеев и Заболоцкий. Агитационная деятельность заговорщиков не ввела в заблуждение москвичей, слишком хорошо знавших Григория Отрепьева на различных этапах его головокружительной карьеры. Больших успехов они добились в провинции, но отнюдь не везде. Дали себя обмануть только те, из русских людей, кто ранее принимал участие в движении Лжедмитрия I, сильно пострадал от карательных операций правительственных войск 1604–1605 г. и теперь лишился значительных льгот. Они восстали за «своего царя» отнюдь не под влиянием «монархических иллюзий», а преследовали прежде всего свои социальные интересы. Провинциальные дворяне, служилые люди по прибору, казаки и беглые холопы Северщины и других южных степных уездов России надеялись с помощью «царя Дмитрия» и его «племянников» вернуть и преумножить утраченные завоевания повстанческого движения 1604–1606 гг. М. Молчанов, вопреки сложившимся представлениям, жаждал и тщательно готовился сыграть роль «чудом спасшегося царя Дмитрия», но угроза неминуемого разоблачения заставила его отказаться от

¹⁶ Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории // Соч. в 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 46–56.

¹⁷ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 370–371.

первоначального замысла и исчезнуть из Самборского замка. После этого инициатива организации самозванческой интриги полностью перешла к И.И. Болотникову, казакам Лжепетра и атаману И.М. Заруцкому, которые с помощью белорусских шляхтичей-ветеранов похода Лжедмитрия I на Москву подготовили Лжедмитрия II и разыграли спектакль в Стародубе. Новая самозванческая интрига как две капли воды походила на то, что происходило в казачьих городках на Тереке, Волге и Дону. Шкловского, бродягу, как и других «казацких царевичей», заставили играть роль «царя Дмитрия». Русским повстанцам и их приятелям нужен был не вождь движения, а символ, который бы служил своеобразным оправданием их действий¹⁸.

В свое время С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров указали, что под знаменами самозванца воевали сплошь «поляки и казаки». Они будто бы «перевернули Россию вверх дном»¹⁹. В историографии второй половины XX в. утвердился взгляд на казаков как своеобразную «организирующую» и «направляющую» силу – авангард повстанческого движения²⁰. Однако, формирующиеся на Дону, Днепре, Тереке и Яике вольные казачьи войска поддержали Лжедмитрия I в самый последний момент, а в восстании И.И. Болотникова и Лжедмитрия II официально не участвовали²¹. Вместе с тем, немногие сохранившиеся данные о выступлениях казачьих лжецаревичей и Лжедмитрия II свидетельствуют, что это звенья одной цепи – движения казачьих низов, направленного против политики «огосударствления» вольного казачества. В конечном счете, вольные казаки так же, как служилые люди в России, пытались решить свои социальные проблемы с помощью обновления традиционной российской государственной системы, а не путем ее разрушения²².

¹⁸ Тюменцев И.О. Российские самозванцы 1606–1607 гг. и народная религиозность // Средневековое Православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1998. С. 212–267.

¹⁹ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII в. Исторические монографии и исследования. СПб., 1904. Кн. 2. С. 280, 637–638.

²⁰ Назаров В.Д. О некоторых особенностях крестьянской войны начала XVII в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 120, 126.

²¹ Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 235–234; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 29.

²² Тюменцев И.О. Российские самозванцы 1606–1607 гг. и народная религиозность // Средневековое Православие от прихода до патриархата. С. 212–267.

А.Л. Станиславский установил, что в 1607–1610 гг., в следствие показачивания населения, на территории России образовалось многочисленное казачье войско. Исследователь полагал, что влияние казаков на дела в Тушине было не велико, так как казаки не составляли единой организованной силы²³. Действительно, пятигорцы и погребинские казаки входили в состав наемных полков самозванца. Полки запорожцев подчинялись гетману Р. Ружинскому, а полк А. Лисовского – гетману Я. Сапеге. Не было в Тушине и традиционного высшего органа самоуправления вольных казаков – войскового круга²⁴. Но его и не могло быть, так как официально всеми казачьими делами ведал глава специально созданного в Тушине Казачьего приказа – «боярин» И.М. Заруцкий²⁵. Казачество, таким образом, все же имело в Тушинском лагере свою организацию, но это были структуры служилого, а не вольного казачьего войска, которое быстро росло, набирало силу и со временем стало осознавать свои интересы. В 1611–1612 гг. российские казаки как тушинские, так и воевавшие на стороне В. Шуйского приняли широкое участие в движении земских ополчений²⁶. В отсутствие царя, Боярской думы и Освященного собора они пошли на создание Войскового круга и других структур вольного казачьего войска, которые, наряду с Советом всей земли сыграли, исключительно важную роль в разгроме иноземных войск и избрании на царство Михаила Романова.

Документальные источники свидетельствуют, что иноземные и российские современники часто называли всех русских в стане самозванца «казаками». При этом вкладывали в этот термин иной смысл, нежели современные исследователи. В числе казаков они называли не только служилых людей и бывших холопов, но и дворян, и даже бояр, выбывших из московской службы, оказавшихся вне закона и потому лишившихся государева земельного и денежного жалования. К примеру, хорошо известен факт кровавой расправы, учиненный кн. Р. Ружинским и И. Заруцким, над казачьим войском, направившимся из Тушина в Калугу в начале 1610 г.²⁷ Из письма С. Мнишка следует, что «казаками» командовали глава «воровской» думы кн. Д.Т. Трубецкой, а также

²³ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 26, 30.

²⁴ Rejestr wojska polskiego, ktore jest przy Caru na Moskwie // ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 5998/III Уа. Л. 323–324.; *Sapieha J.* Op. cit. S. 188.

²⁵ Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 6 (16) декабря 1609 г. с приказом «бечерь» донских казаков // СХ. № 12.70. С. 76–77.

²⁶ Долинин Н.П. Подмосковные полки («казацкие таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958.

²⁷ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613 гг. М.; Л., 1961. С. 163; *Marchocki M.* Historia wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 64.

«бояре» М.И. Колодкин-Плещеев и кн. Засекин²⁸. В Калугу, как видно из прямого указания документа, отправились члены «воровской» думы, двора и войска, которые решили связать свою судьбу с самозванцем, а не только казаки.

«Показавшиеся» представители московской знати сформировали в Тушине, а затем в Калуге весьма представительную Воровскую Боярскую думу во главе с кн. Д.Т. Трубецким и Государев двор. Костяк этой думы и двора составили члены оппозиционных царю В. Шуйскому кружков бояр Романовых и потомков опричников. Освященный собор самозванца возглавлял «нареченный патриарх» Филарет Романов. В тушинских приказах и на воеводствах сидели бояре, дворяне и дьяки связанные либо с кружком Романовых, либо с потомками опричников. Причем Романовский кружок явно занимал ведущее положение в Тушине²⁹. Отмечая факт появления бояр в окружении самозванца, Р.Г. Скрынников оценил это как явный признак «перерождения» повстанческого движения³⁰. На наш взгляд, о перерождении можно было бы говорить, если на начальных этапах движения выдвигался план радикального переустройства существующего строя. К примеру, создания на территории России казачьей республики. Но этого не было. Повстанцы стремились «расказачиться», создав государственные структуры по образу и подобию московских, чтобы в случае успеха заменить ими столичные. Не случайно в период наибольшей радикализации повстанческого движения воины повстанческого войска (в недавнем прошлом боевые холопы из разорившихся служилых людей) добились от самозванца права захватывать вотчины и поместья «изменников» дворян и детей боярских и присваивать себе их служебный статус³¹.

В результате отъездов в Тушино членов Государева двора в 1608 г. в России сложилась ситуация, аналогичная 60–80-м годам XVI в., когда в стране было две Боярские думы (земская и дворовая), два двора, параллельные приказы, которые управляли разными территориями России³². Разница заключалась в том, что во

²⁸ List S. Mniszecza do S. Domoradskiego 8 (18) lutego 1610 г. // Отдел рукописей Львовской научной библиотеки Национальной академии наук Украины. Ф. 5. № 5998/Ш. Л. 383–387.

²⁹ Тюменцев И.О. Смута в России. С. 269–324, 542–579.

³⁰ Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII ст. Иван Болотников. Л., 1988. С. 157.

³¹ Буссов К. Указ. Соч. С. 149–150; Казанское сказание // Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России в XVII в. М., 1969. С. 224.

³² Тюменцев И.О. Органы государственного управления в Тушине в 1608–1610 гг. // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 403–424.

времена Ивана Грозного был один царь, который, проводя политику «разделяй и властвуй», мог диктовать элитам свою волю. В 1608–1610 гг. сложилась иная ситуация. Воюющие друг с другом служилые элиты играли царем и цариком «яко детищами», используя их для достижения нового служебного статуса! Таким образом, раскол в русском обществе в 1608–1610 гг. пролегал не в горизонтальной плоскости (между различными сословиями или стратами служилого сословия), как это было во время восстания И.И. Болотникова, а в вертикальной (между различными группами людей внутри каждого страта служилого сословия). Недопускаемый к карьерному росту, оттесненный от власти оппозиционно настроенный низ каждой страты служилого сословия объединился вокруг блеклой фигуры Лжедмитрия II и с помощью иноземных солдат попытался силой вернуть себе утраченные позиции и обеспечить себе будущее. Отличительной особенностью тушинского режима являлось то, что «воровская» администрация работала под полным контролем наемников.

В литературе высказывались разные мнения о причинах фатальных неудач правительственных войск в сражениях с тушинцами у Болхова, на Ходынке, у Рахманцева и в Ростове весной – осенью 1608 г., вследствие чего значительная часть страны оказалась под властью тушинцев. Польские историки XVIII–XIX вв. объясняли победы приверженцев самозванца преимуществами, которыми обладала польская конница³³. И.С. Шепелев пришел к выводу, что главной причиной тушинских побед была классовая борьба в городах и селах Замосковья и Поморья. Низы посада и крестьяне, по мнению исследователя, полагали, что с воцарением «царя Дмитрия» в стране будет восстановлена социальная справедливость и активно поддержали приверженцев самозванца³⁴. Документы соликамского и сапежинского архивов, написанные по горячим следам событий, не содержат каких-либо данных о классовой борьбе в городах и селах Замосковного края в период наступления тушинцев. Причины поражений заключались в том, что ослабленные многолетней гражданской войной правительственные силы, прежде всего дворяне и дети боярские, не смогли противостоять отрядам Лжедмитрия II и потерпели военное поражение. Документы архива Я. Сапеги и соликамской приказной палаты позволяют с большой точностью проследить как переходили на сторону самозванца Переяславль Залесский, Владимир, Суздаль, Ярославль, Вологда. Источники свидетельствуют, что в местных дворянских корпорациях произошел раскол. Верхи дво-

³³ *Narucusziewicz A.* Op. cit. S.247–253; *Niemcewicz J.U.* Op. cit. S. 327–412.

³⁴ *Шепелев И.С.* Указ. соч. С. 520–521.

рянства и купечества, поддерживавшие В. Шуйского, потерпели поражение и были вынуждены уступить руководство местным миром представителям разоряющихся низов дворянства. Эти, зачастую деклассированные элементы, использовали ситуацию для восстановления своих позиций в обществе и обогащения. В большинстве же случаев местные миры – дворяне, посадские и крестьяне, присягая самозванцу, пытались таким образом спасти свои жизни и имущество от разграбления³⁵.

В 1609 – начале 1610 года блестящие успехи тушинцев сменились неудачами и, в конце концов, закончились разгромом тушинцев в Замосковье и распадом тушинского лагеря. Польские историки конца XVIII–XIX вв. связывали причины этих неудач с падением дисциплины в наемном войске самозванца из-за раздоров и соперничества между командирами, а распад Тушинского лагеря – с началом вторжения коронных войск в Россию³⁶. Шведские историки говорили об исключительной роли шведского экспедиционного корпуса Я. Делагарди, который смог успешно противостоять польской коннице и помог союзникам разгромить врага³⁷. В отечественной литературе конца XVIII–XIX вв. исключительно важная роль отводилась кн. М.В. Скопину-Шуйскому, который, будучи отправлен царем в Новгород Великий в тяжелейших условиях смог собрать правительственные силы в один кулак, заручился поддержкой шведов и разгромил тушинцев. Д. Бутурлин, а вслед за ним Н.И. Костомаров и С.М. Соловьев первыми обратили внимание на восстание народа против тушинцев в Замосковье, Поморье и Новгородской земле и пришли к выводу, что оно сыграло важную роль в событиях 1608–1610 гг.³⁸ С.Ф. Платонов отметил, что отряды восставших против тушинцев в основном состояли из посадских и чернососных крестьян. Однако в своей борьбе они опирались на широкую поддержку нижегородцев, устюжан, царских воевод М.В. Скопина-Шуйского, Ф.И. Шереметева³⁹. П.Г. Любомиров склонялся к мысли, что непосредственным поводом для вооруженного сопротивления земцев Замосковья и Поморья тушинцам стали победы над «воровскими» отрядами нижегородцев⁴⁰. В советской и польской литературе второй половины

³⁵ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII ст. С. 219–268.

³⁶ *Nagysziewicz A.* Op. cit. S. 354; *Niemcewicz J.U.* Op. cit. S. 360–363.

³⁷ *Almkvist H.* Sverige och Rysland Forbundet mot Polen, 1595–1611. Upsala, 1907. S. 141.

³⁸ Бутурлин Д. Указ. соч. С. 201–204; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 354–361; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 503–515.

³⁹ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 253–263.

⁴⁰ Любомиров П.Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 35–36.

прошлого века народное восстание против тушинцев в Замосковье и Поморье обычно оценивалось как национально-освободительное, или освободительное, а использование шведского экспедиционного корпуса признавалось ошибкой, которая спровоцировала шведскую интервенцию в Россию⁴¹. Документы сапежинского и соликамского архивов свидетельствуют, что, вопреки мнению С.Ф. Платонова и П.Г. Любомирова, народное восстание вспыхнуло в Замосковье и Поморье стихийно, в ответ на произвол и грабежи наемников. В результате выступления народа был предотвращен полный разгром правительственных сил, освобождена значительная часть Новгородской земли, Замосковья и Поморья. Только после снятия осады Новгорода Великого, М.В. Скопин-Шуйский получил возможность воссоздать правительственную армию. Грабежи и насилия, чинимые тушинцами в захваченных ими уездах, привели к падению дисциплины в отрядах самозванца, а победы правительственных войск породили глубокий кризис и распад Тушинского лагеря. Вторжение королевских войск сыграло роль своеобразного катализатора этого процесса⁴².

Неоднозначной оказалась роль шведского экспедиционного корпуса. Шведское руководство стремилось оказать реальную военную помощь своему союзнику – Василию Шуйскому, так как считало, что победа тушинцев даст Сигизмунду III большие преимущества в борьбе с Карлом IX за отчий престол. Планы аннексии русских земель в этой ситуации играли второстепенную роль. Проблема состояла в ином: в составе экспедиционного корпуса преобладали западноевропейские наемники: англичане, шотландцы, французы и т.д. Их, так же, как и наемников из Восточной Европы интересовала только звонкая монета. При первой же задержке жалования после сражения у Твери они покинули М.В. Скопина-Шуйского и ушли к границе, по пути грабя местное население. Примерно половина из них покинула страну, другая часть осталась вместе с Я. Делагарди на Валдае, где они как и тушинцы, собирали с податного населения продовольствие и фураж до тех пор, пока воевода не рассчитается с ними. Без их участия были освобождены многие города и уезды Замосковского края и одержаны победы у Калязина и Александровой слободы. Вместе с тем, небольшой шведский отряд под командованием Х. Зомме

⁴¹ Козаченко А.И. Борьба русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII в. М., 1939; *Замытин Г.А.* Походы шведов в Поморье в начале XVII в. // УЗ Молоотовского государственного педагогического института. 1941. Вып. 2; *Шаскольский И.П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

⁴² Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII ст. С. 386–486.

сыграл исключительно важную роль в подготовке из разрозненных отрядов ополчения новой правительственной армии в Калязинском монастыре и в Александровой слободе летом-осенью 1609 г. В последствии, эти отряды в 1611–1612 гг. составили костяк ополчений Замосковных и Поморских городов, вошедших в первое и особенно во второе общерусские земские ополчения, которые спасли страну от распада⁴³.

Важное значение для понимания процессов, протекавших в Тушине в 1608–1610 гг., имеет калужский период движения Лжедмитрия II. После бегства самозванца из-под Москвы в декабре 1609 г. в Калуге в начале 1610 г. образовались Боярская дума, Государев двор, были проведены воеводские назначения в города. «Воровские» бояре и члены государева двора, главным образом, из Романовского кружка, перешедшие на службу королевичу Владиславу, были объявлены изменниками. Правда, сам тушинский патриарх Филарет, попавший в Москву, считался пленником, и с ним поддерживались тайные сношения. В июле 1610 г. самозванец и бояре приняли на службу Я. Сапегу и большую часть бывшего наемного войска. Парадокс заключался в том, что в первой половине 1608 г. наемники привели бояр в Тушино, тогда как теперь бояре пригласили иноземных солдат. Однако калужские бояре учли печальный опыт и не допустили захвата власти в стане самозванца иноземными солдатами. Анализ состава калужской думы и государева двора показал, что к руководству движением самозванца пришли представители боярских и дворянских родов, игравших видную роль в опричнине: Плещеевы, Засекины и др. Видимо, не случайно на заключительном этапе движения калужские власти широко применяли как средство борьбы с противниками массовый террор, пытаясь восстановить опричные порядки. В конце концов, репрессии лишили приверженцев поддержки народа даже в тех уездах, которые являлись базой повстанческого движения, а сам самозванец погиб в декабре 1610 г.⁴⁴

Обескровленная братоубийственной войной, российская служилая элита не смогла создать в земских ополчениях Боярскую думу, созвать Земский собор правильного состава и избрать царя. Функции высшего органа государственной власти был вынужден взять на себя Совет всей земли, составленный из выборных представителей русских земель (в обычное время нижняя часть Земского собора). Высшим органом власти земского казачьего

⁴³ Там же. С. 436–487.

⁴⁴ Тюменцев И.О. К истории калужского периода движения Лжедмитрия II // Россия XV–XVIII ст. Волгоград-СПб., 2001. С. 93–136.

войска стал Большой круг. Текущие дела Совет всей земли поручил сначала «боярам» – бывшим предводителям повстанческого движения: кн. Д.Т. Трубецкому, И.М. Заруцкому, П.П. Ляпунову, затем представителям обеих элит – повстанческой и земской: кн. Д.Т. Трубецкому, кн. Д.М. Пожарскому и К. Минину. Приказы в ополчениях также поначалу состояли из бывших тушинских приказных, но затем пополнились земскими дьяками и подьячими⁴⁵. Полностью восстановить единую структуру государственного управления в стране смогли только с освобождением Москвы, когда, после покаяния московских бояр-изменников, удалось собрать Земский собор правильного состава и избрать нового царя. Им, благодаря стараниям бывших тушинцев средней руки, оказался сын тушинского патриарха Филарета Михаил Романов⁴⁶. Выдвижение после этого на первые роли лиц Романовского кружка, многие из которых ранее служили в Тушине привело к возрождению при М.Ф. Романове некоторых тушинских новаций в государственном управлении – создание Патриаршего, Казачьего приказов. Истоки Романовской России явно лежали в Тушине.

Особую роль на заключительных этапах Смуты сыграли наемники. Попытки как тушинских в 1608–1610 гг., так и московских властей в 1610–1612 гг. использовать иноземных солдат (за самозванца воевали восточно-европейские, а за В. Шуйского западноевропейские наемники) для разгрома противника привели к одинаковым результатам. Иноземные солдаты как в Тушине, так и в Москве неизменно захватывали власть, создавали параллельные структуры, которые полностью контролировали деятельность традиционных российских государственных структур, а при любой задержке жалования – восставали. В ожидании задержанного жалования полки и роты иноземцев и казаков разбирали уезды и волости России «в приставства», где собирали себе «на корм» все, что хотели, абсолютно ни с кем не считаясь. Они буквально выкачивали из податного населения России и служилых людей все средства через традиционную систему налогообложения, приставства и открытый грабеж⁴⁷. Как только им удалось сорвать последний куш – разграбить царскую казну и сокровищницу в Москве, большинство наемников потеряло всякий ин-

⁴⁵ Любимиров П.Г. Указ. соч.; Долинин Н.П. Подмосковные полки («казацкие таборы» в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958; Станиславский А.Л. Указ. соч.

⁴⁶ Тюменцев И.О. Из истории избирательного земского собора 1613 г. // Дом Романовых в истории России. СПб., 1996. С. 74–82.

⁴⁷ Тюменцев И.О. Смута в России... С. 325–385, 436–486.

терес к службе в России и в 1611 ушло из страны, чтобы принять участие в Тридцатилетней войне.

В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, Д.П. Бутурлин, оценивая события Смуты, видели в них прежде всего стихийный бунт, безумный и беспощадный, но по-разному трактовали его причины. В.Н. Татищев, а также Г.Ф. Миллер полагали, что Смута была порождена внутренними причинами, тогда как М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин и Д.П. Бутурлин были склонны объяснять происходящее происками иноземцев⁴⁸ С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов пришли к выводу, что Смута являлась социальным конфликтом, который был порожден внутренними причинами и осложнен вмешательством иноземцев⁴⁹ Советские историки М.Н. Покровский, И.И. Смирнов, И.С. Шепелев, А.А. Зимин, В.И. Корецкий пришли к заключению, что в начале XVII ст. имела место первая крестьянская война в России, которая с лета 1608 г. была осложнена скрытой, а с осени 1609 г. открытой польской интервенцией⁵⁰. Р.Г. Скрынников оспорил этот вывод, показав, что Смута была социальным конфликтом, основное содержание которого составляла гражданская война, порожденная прежде всего расколом внутри служилого сословия, а не антагонизма-

⁴⁸ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т.6. С. 301–303, 308, 314–318, 323, 326, 367; *Sammlung Russischer Geschichte.* St.-Peterburg, 1761; *Миллер Г.Ф.* О новейшей истории России // Ежемесячные сочинения пользе и увеселению служащие. 1761. Ч. 1. С. 3–64; *Щербатов М.М.* Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774; *Его же.* История Российская. Т. 7. Ч. 2. С. 147, 180–186, 205, 207, 238, 295–356; *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Стб. 1–20, 35–36, 43–130; *Бутурлин Д.* Указ. соч. С. 116, 144–180, 201.

⁴⁹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. IV. Т. 8. С. 37–377, 379–380, 380, 393, 443–447, 464–466, 470, 478, 508–527; *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Исторические монографии и исследования. СПб., 1904. Кн. II. С. 327, 329, 336, 339, 357, 525, 637–638. *Ключевский В.О.* Курс лекций по русской истории. Т. 3. С. 46–56; *Платонов С.Ф.* Очерки истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 291, 412, 430, 475–476.

⁵⁰ *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1923. С. 50–52, 66; *Смирнов И.И.* Восстание И.И. Болотникова 1606–1607 гг. М.; Л., 1951. С. 493–513; *Шепелев И.С.* Указ. соч.; *Зимин А.А.* Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории (далее – ВИ). 1958. № 3. С.99; *Его же.* О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве XVII века // ВИ. 1958. № 12. С. 204–208; *Смирнов И.И.* О некоторых вопросах борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. // ВИ. 1958. № 12. С. 116–131; *Корецкий В.И.* Из истории крестьянской войны в России начала XVII в. // ВИ. 1959. № 3; *Его же.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

ми между дворянами и крестьянами⁵¹. Недавно американские историки Э. Кинанн Ч. Даннинг, подвергли критике «социальные концепции» русских историков и пришли к выводу, что предпосылки Смуты следует искать в общеевропейском кризисе конца XVI–XVII в., а причины – не в социальной, а в политической и культурно-исторической плоскостях⁵².

Проведенное исследование дает основание присоединиться к мнению тех историков, которые полагают, что Смута в России начала XVII в. была гражданской войной. Страна погрузалась в пучину братоубийственной войны постепенно. Русское общество сначала оказалось расколотым по вертикали (против верхов служилого сословия восстали разорившиеся служилые люди (боевые холопы и казаки) и разоряющиеся нижние слои (городовые дети боярские и служилые казаки юга страны), а затем – вертикально (каждая страта служилого сословия поставила кадры «воровскому» двору. С 1608 г. гражданская война была осложнена вмешательством иноземных наемников, а с 1609–1611 гг. интервенцией Речи Посполитой и Швеции. Смута в России стала важным этапом общеевропейского кризиса конца XVI–XVII вв.

⁵¹ *Скрынников Р.Г.* Минин и Пожарский. М., 1981; *Он же.* Россия накануне «Смутного времени». Л., 1985; *Он же.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985; *Он же.* Самозванцы в России в начале XVII ст. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1986; *Он же.* Смута в России в начале XVII ст.: Иван Болотников. Л., 1988; *Он же.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988; *Он же.* Спорные проблемы восстания Болотникова // История СССР. 1989. № 5. С. 92–110; *Он же.* Василий Шуйский. М., 2002.

⁵² *Dunning Ch. R.G. Skrynnikov.* The Time of Troubles, and the 'First Peasant War' in Russia // *Russian Review* 50. № 1 (1991). P. 71–81; *Idem* Cossaks and the Southern Frontier in the Time of Troubles // *Russian History* 19, nos. 1–4 (1992). P. 57–74; *Idem.* Crisis, Conjecture, and the Causes of the Time of Troubles // *Harvard Ukrainian studies Essays* presented to Edward L. Keenan on his sixteenth Birthday by his Colleagues and students. Cambridge, 1995. Vol. XIX. P. 97–98; *Даннинг Ч.* Была ли в России в начале XVII в. крестьянская война? // *ВИ.* 1994. № 9. С. 21–33.

РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ
(Теория конституционных циклов)

А.Н. Медушевский

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие конституционализма – одна из принципиально важных сторон исторического процесса Нового и Новейшего времени. В современной литературе понятие конституционализма трактуется в трех смыслах: во-первых, как Основной закон государства и система публично-правовых актов, принятых в его развитие; во-вторых, система политических и публично-правовых институтов, формирование которых обеспечивает реализацию конституционных норм (верховенство права, народный суверенитет, разделение властей, парламент, независимый суд, контроль конституционности законов); в третьих, определенный уровень правовой культуры: социальное движение, имеющее целью создание гражданского общества, правового государства и закрепление этих принципов в основном законе государства и практике функционирования его институтов. Последнее понимание термина особенно актуально для стран, где (как в России) демократические учреждения находятся на стадии формирования¹.

Начав исследование абсолютизма, я занялся сравнительно-историческими сопоставлениями переходов от абсолютизма к конституционным монархиям, конституционализму, проблемой его периодичности, что привело к постановке вопроса о динамике конституционализма в сравнительной перспективе. Сравнительный анализ абсолютизма, конституционных революций и конституционных реформ Нового и Новейшего времени позволил обратиться к анализу российской специфики².

Была систематически рассмотрена проблема Старого порядка и революции в России, определена специфика российских форм абсолютизма, выявлена логика трансформации сословного строя и цикличности перехода к конституционной демократии³. В данной статье излагаются основные результаты нашей исследовательской работы.

¹ Конституционализм // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века*. Энциклопедия. М., 2005. С. 220–223.

² *Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование*. М., 1994.

³ *Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе*. М., 1998.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В отечественной исторической науке серьезное обращение к теме конституционализма стало возможным лишь в последнее десятилетие. В дореволюционной историографии, в том числе историко-правового направления, обсуждение проблемы в академической литературе было затруднено не столько в силу ограничений, накладываемых официальной монархической идеологией, сколько по причине отсутствия самого объекта изучения – действующей конституции. Представители либеральной юридической школы начала XX в., разрабатывали по преимуществу теоретические аспекты конституционализма, ориентируясь на политическую практику того времени⁴. В Советский период объективный анализ проблемы конституционализма, оказался совершенно невозможным, вследствие установления тоталитарного режима и создания системы номинального конституционализма, фактически представлявшего собой отрицание конституции в общепринятом смысле слова. В результате образовалась историографическая лакуна, которая ныне мешает двигаться вперед как в научных исследованиях конституционализма, так и в его практической реализации. До сих пор сохраняются (в том числе в академических исследованиях) архаичные представления о суррогатном советском «конституционализме» и «парламентаризме», ведутся поиски особого российского пути к правовому государству, имеет место апология правового нигилизма или авторитарных тенденций российской государственности. Следствием этого становится терминологическая неопределенность, трудности классификации, а также определения хронологических рамок явления российского конституционализма. Такое положение вещей сделало насущным проведение систематического анализа российского конституционализма по трем направлениям: в сравнительной перспективе (сопоставление с классическими европейскими моделями и с переходными типами нестабильных демократий); по исторической длительности (от зарождения и ограничения абсолютизма, появления конституционных проектов, до развитых форм); и в контексте механизмов и технологий реализации.

⁴ Труды российских конституционалистов: Конституционное государство. СПб., 1905; *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России. СПб., 1906; *Ковалевский М.М.* Общее конституционное право. СПб., 1908; *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908; *Косошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912; *Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг., 1917. Подробнее: *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М., 1993.

Корпус источников, на котором базируются наши исследования, включает следующие их виды: законодательство (прежде всего основные законы – конституции, кодексы, нормативно-правовые акты, регулирующие отношения собственности, власти, структуру и функции важнейших государственных институтов); материалы (в том числе делопроизводство) основных институтов, принимавших конституционные законы (Учредительное Собрание, Государственная Дума, Государственный Совет, Совет Федерации), занимавшихся законодательным проектированием (Уложенные комиссии XVIII в. и Законодательные комиссии XIX в., материалы Юридического совещания при Временном правительстве или Главный Земельный Комитет, материалы Конституционного совещания, разрабатывавшего Конституцию 1993 г., а также современные центры законодательного проектирования); документы, отражающие содержание и направления судебного толкования основного законодательства и правоприменительную практику (напр., разъяснения верховной власти, Сената, Конституционного Суда); авторитетные мнения крупных теоретиков права (представленные, в частности, в трудах представителей юридической или государственной школы); политические и конституционные проекты, разрабатывавшиеся партиями, политическими институтами, группами лиц и отдельными индивидами, выражающие альтернативные концепции государственного устройства (причем независимо от того, оказали ли они реальное воздействие на позитивное право); наконец, та часть документов личного происхождения, которая отражает сравнительную конституционную проблематику, в частности, переписка деятелей и ученых (напр., Б.Н. Чичерина и А. Тьера; С.А. Муромцева и Р. фон Иеринга; Б.А. Кистяковского и М. Вебера; Ф.Ф. Кокошкина и деятелей III Французской республики)⁵. Реконструкция и последующий историко-социологический анализ аграрных проектов позволил раскрыть эволюцию отношений собственности, государственного регулирования поземельных отношений, позиции социальных групп и административных институтов в ходе радикальных конституционных реформ⁶.

В целом, нами была осуществлена реконструкция отношений общества и государства в рамках такого явления как российский конституционализм: определение этапов его формально-юридического выражения; соотношение конституирующей и конституционной власти на разных этапах; определение социальных носи-

⁵ Конституционные проекты в России XVIII–XX вв. М., 2000.

⁶ Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII–XXI века. М., Наука, 2005.

телей конституционной идеологии – политических партий и элитных групп; авторов проектов и мыслителей, определивших направление дискуссий по данной теме.

МЕТОД И СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦИКЛОВ

В основу нашего аналитического подхода был положен метод цикличности. Метод цикличности широко представлен в естественных, общественных и гуманитарных науках⁷. Однако, по нашему мнению он недостаточно используется в исторических и историко-правовых исследованиях.

В нашей интерпретации конституционный цикл есть движение системы от одной фазы стабильности к другой через ряд промежуточных стадий, которые характеризуются неполной стабильностью, либо ее утратой. Конституционный цикл – хронологический период, в течение которого в обществе происходит смена основных состояний конституционного регулирования – от утраты старой конституции (Основного закона) – к принятию новой, с последующей ее трансформацией под воздействием социально-исторической реальности. Определяющую роль здесь играет социально-психологический компонент – укорененность в общественной мысли определенных представлений и их последовательная динамика, обусловленная логикой политического процесса. Движущей силой является конфликт правосознания общества и позитивного права. Типология циклов, предложенная нами на основе их сопоставления по разным странам, позволяет выделить циклы – большие и малые, полные и неполные, правильной формы и деформированные.

Механизм цикличности выражается в смене трех фаз – отказа от старого Основного закона (деконституционализация); принятие нового (конституционализация); и процесс изменения новой конституции под воздействием изменившейся социальной реальности (реконституционализация).

Россия представляет не линейную, но именно циклическую модель исторического развития конституционализма. Каждый цикл включает в себя фазу деконституционализации – подъем конституционализма нового типа (фаза завышенных политических ожиданий), фазу конституционализации или практической реализации конституционных принципов и выяснения их степени конфликтности с реальностью (начало политического разочаро-

⁷ См.: Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993; Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве. М., 2004.

вания), и наконец, фазу перехода к реконституционализации – ограниченной демократии, а затем и к авторитаризму (при полной политической апатии общества), после чего циклы возобновляются вновь через известный промежуток времени⁸.

Российская модель конституционализма, столь многим объяснимая французской, также может интерпретироваться как циклическая, изучение ее специфики важно для объяснения перспектив развития конституционного процесса в нашей стране. С одной стороны, конституционные циклы в России представляли собой объективное следствие движения российского общества к демократии, и в этом смысле они были отнюдь не эфемерны. Как и в других странах, конфликт права (как нормативной системы) и правоприменительной практики, определяющей их социальную эффективность, составлял основу и определял содержание конституционной цикличности. С другой – общие особенности российского конституционализма не могли не сказаться на конфигурации российских циклов, продолжительности их отдельных фаз, а также интенсивности соответствующих изменений.

Эти особенности российского конституционализма понятны в широкой сравнительной перспективе: отсутствие социальных предпосылок для существования конституционализма в виде развитого гражданского общества и правового государства, с одной стороны, и наличие серьезных препятствий для него: традиционное сословное общество и система бюрократизированного государства – с другой; конфликт общества и государства, социального и правового типов модернизации – постоянное принесение правовой модернизации в жертву социальной; конституционная отсталость страны; конституционная модернизация в качестве основного способа ее преодоления; радикальная конституционная революция как основной (и единственный) способ принятия новых конституций, присущий всем конституционным циклам.

Выраженная цикличность российской модели конституционного развития является отражением слабой структурированности и нестабильности правовой системы. Эта нестабильность проявляется в последовательной смене периодов деконституционализации, конституционализации и реконституционализации, причем каждый раз на основании новых идеологических принципов и заимствованных у других стран моделей. Эти конституционные революции, радикально отвергающие предшествующую модель

⁸ Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.

(а часто и всю историческую традицию), не содержат конструктивных элементов обеспечения политико-правовой преемственности, что делает их достижения непрочными. В результате не возникает стабильной конституционной традиции, которая обеспечивает преемственность и легитимность провозглашаемых прав и обязанностей, а также фундаментальных отношений собственности и власти, что в свою очередь тормозит конституционную модернизацию. Угроза новых конституционных кризисов и последующих реконституционализаций остается постоянным фактором исторического существования российского общества, периодически приводя в действие механизм завершения очередного цикла авторитарной фазой.

Особенность российских циклов XVII–XX вв. состоит в том, что, совпадая по формальным признакам (фазам развития), каждый из циклов стремится в то же время радикально отрицать предыдущий.

ТРИ БОЛЬШИХ ЦИКЛА РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

В истории России можно выделить три больших конституционных цикла: цикл эпохи Смутного времени (начало XVII в.); цикл начала XX в. (1905–1918 гг.); цикл конца XX в. (1989–2006). Интерес для нас представляют именно большие конституционные циклы, а не малые (в принципе, они вписываются в так называемый «закон маятника», представленный в российском контексте чередованием реформ и контрреформ на пути модернизации). Малые конституционные циклы отражают, скорее, формы саморегуляции политической системы, которые могут иметь внешнее сходство при различном качественном наполнении. Большие – напротив, гораздо более информативны для раскрытия содержательных, качественных параметров конституционализма. Большой конституционный цикл может охватывать различный хронологический период, но непременно включает три основные фазы (некоторые из них могут быть только обозначены, в то время как другие реализуются в гипертрофированной форме)⁹.

Первый конституционный цикл, эпохи Смутного времени (начало XVII в.) – отражает процесс генезиса конституционных форм и определяется понятием протоконституционализма (в виде

⁹ Медушевский А.Н. Конституция Российской Федерации 1993 года и большие циклы российского конституционализма // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 4 (45).

так называемого «аристократического конституционализма» известного также странам Западной Европы). Однако в нем, тем не менее, уже можно различить три основных фазы. Первая фаза: кризис легитимности политической системы, связанный с прекращением династии (самозванчество как проявление этой тенденции). Политическим содержанием кризиса является конфликт феодальной аристократии с царской властью, восходящий к началу процесса централизации власти и установлению самодержавия в России. Теоретическим выражением спора о форме правления становится осуждение боярством тирании Ивана Грозного, причем аргументы сторон напоминают те, которые выдвигались монархонахмами в Западной Европе периода религиозных войн. Борис Годунов стал царем через избрание его Земским собором, но не пошел на ограничение своей власти (не дал боярам ограничительной записи). По нашему мнению, в этом – источник конфликта с боярством и основная социально-политическая причина начала Смуты. Вторая фаза: попытки ограничения монархической власти договором в пользу Земского Собора и Боярской Думы (договор бояр с В. Шуйским 1606 г. и с королевичем Владиславом в 1610 г.). «Впервые в Московском государстве появляется проект (договор) ограничения царской власти» – констатировал В.О. Ключевский¹⁰. Третья фаза (реконституционализация): Земский Собор 1613 г., выборы нового царя и утверждение новой династии, развитие политической системы от сословно-представительской монархии в сторону абсолютизма и его окончательное утверждение в ходе преобразований государственного строя Петром Великим в первой четверти XVIII в.

Второй из российских больших конституционных циклов (пик которого приходится на 1905–1918 гг.) связан с переходом от абсолютизма к демократии, от монархии к республике. Он включает фактически два больших периода (которые также могут быть интерпретированы как циклы), первый из которых определяется переходом от самодержавия к конституционной монархии дуалистического типа, а второй – от данного политического режима, установившегося в результате событий 1905–1907 г. (который можно определить как мнимый конституционализм) к демократической республике с последующим установлением режима номинального конституционализма (однопартийной диктатуры). Рассматривая данный (второй) конституционный цикл как единое целое, можно четко выделить три его основных фазы. Первая фаза (деконституционализации) определяется кризисом

¹⁰ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1906. С. 105.

легитимности абсолютной монархии (самодержавия). Необходимость перехода от абсолютизма к правовому государству стала осознаваться еще в XVIII (проекты верховников 1730 г.) и особенно, в XIX и начале XX вв. (в проектах политических и конституционных преобразований, в частности, – проектах Основных законов, разработанных либерально-конституционным движением в 1904 г.), но реально эта проблема была поставлена лишь на переломном этапе Первой русской революции. В результате конституционной революции 1905–1907 гг. начался переход от абсолютизма к дуалистической монархии¹¹. Вторая фаза (конституционализации) – связана с поиском оптимальной формы правления в условиях нарастающего системного кризиса: она включает непоследовательное правовое оформление конституционной монархии дуалистического типа (Манифест 17 октября 1905 г. и Основные законы Российской империи в редакции 1906 г.), быстро трансформировавшейся в режим мнимого конституционализма, а затем (в результате Февральской революции 1917 г.) к республике, поиск юридического оформления которой должен был завершиться с созывом Конституанты (Учредительного собрания) для принятия Основного закона (1917 – начало 1918 гг.)¹². Третья фаза (реконституционализация) – представляет собой отказ (с насильственным роспуском Учредительного собрания) от предшествующей модели конституционализма, узурпацию власти и установление режима номинального конституционализма (1918–1989 гг.). На этой, третьей, фазе (которая продолжалась фактически весь период существования советского номинального конституционализма) конфликт либерального конституционного права и социальной эффективности был снят: право было принесено в жертву абстрактным утопическим принципам фактического равенства и социальной справедливости (они рассматривались массами как гарантии социальной значимости и эффективности правовых норм). Все это достигалось с помощью искусной подмены реального рационального конституционного права номинальным, единственной подлинной социальной функцией которого становилось камуфлирование политической реальности (советские конституции 1918, 1924, 1936 и 1977 годов). Кроме того, третья фаза второго конституционного цикла может быть определена как «реконституционализация» лишь с большой долей условности, поскольку возвращала ситуацию к доконституционным порядкам, реально восстанавливая социальные институты и практику российского традиционного общества (систему

¹¹ Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг. СПб., 1907.

¹² Учредительное Собрание. Стенографический отчет. Пг., 1918.

принудительного труда, сословности и неограниченного государственного контроля).

Третий конституционный цикл (1989–2006 гг.) начался с возрастающим осознанием бесперспективности модели номинального конституционализма и однопартийной диктатуры, особенно в период так называемого «застоя», зарождением альтернативной политической культуры (правозащитное движение). Он начал реально развиваться с конца 1980-х годов и завершается в настоящее время. Особенность данного (третьего) конституционного цикла состояла в том, что он (как и два предшествующих) был деформирован распадом государства. В этом цикле также прослеживаются три основные фазы: деконституционализация – кризис легитимности советской модели номинального конституционализма в союзном масштабе в 1989–1991 годах, а затем в российском – в 1991–1993 годах¹³; конституционализация – принятие новой Конституции 12 декабря 1993 года в результате конституционной революции¹⁴, а в настоящее время, особенно после 2000 года, стали проявляться признаки третьей фазы – реконституционализации. На этой фазе мы стали свидетелями трудного поиска соотношения новых конституционных норм (отчасти заимствованных извне, отчасти соответствующих предшествующим российским традициям) и изменившейся социальной реальности. Поэтому сохраняет актуальность вопрос: что представляет собой третья фаза современного конституционного цикла, может ли он, как и предшествующие, закончиться воссозданием авторитарной модели в одной из возможных многочисленных модификаций? Некоторые тенденции развития российской политической системы новейшего времени делают такое завершение третьего конституционного цикла весьма вероятным.

МЕХАНИЗМЫ ДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКИХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦИКЛОВ

Сравнение трех конституционных революций – XVII, начала и конца XX в. позволяет констатировать их структурное сходство.

Аналогичны их побудительные мотивы и по ряду признаков возникновения. В основе всех трех кризисов лежал конфликт легитимности и законности (существующее конституционное устройство отбрасывается в связи с изменившимися представлениями общества, или его части, о социальной справедливости).

¹³ Конституция (Основной закон) СССР. С изменениями и дополнениями. М., 1991.

¹⁴ Конституция Российской Федерации. М., 1993.

Содержание конфликта в первом случае определялось поиском легитимного носителя власти; во втором – стремлением либерализма противопоставить прежней легитимности самодержавия (принцип монархического суверенитета) новую (принцип народного суверенитета), а ключевым предметом споров стала интерпретация прерогатив монарха в Основных законах в редакции 1906 г. и модель конституционного устройства, выносимая на Учредительное собрание. В третьем случае конфликт легитимности и законности выразился в противопоставлении утратившей легитимность советской правовой системы и новой, основанной на демократической легитимности (ключевой предмет споров – судьба ст. 6 Конституции 1977 г. о руководящей роли КПСС, наследовавшей в этом смысле самодержавию, и прерогативы президента как гаранта конституции).

Однотипна логика разворачивания конституционных циклов: все они проходят три фазы и завершаются (возможно, за исключением последнего из циклов) не менее радикальной реконституционализацией, возвращающей ситуацию к доконституционным порядкам (что закладывает основу для следующего разрушительного цикла). В ходе трех конституционных революций данный переход имел не линейный, но циклический характер, включая отказ от существующей правовой системы, введение новой (демократической) конституции, наконец, последующее согласование ее с социально-политической реальностью, которое во многом вело к восстановлению дореволюционных порядков (если не формально-юридически, то фактически).

Российские конституционные циклы сходны по формам политического выражения (не конституционная реформа, а конституционная революция, т.е. такое изменение действующего Основного закона, которое не опирается на его нормы, в результате чего каждый раз происходит разрыв правовой преемственности).

Обращает на себя внимание сходство общей динамики конституционных кризисов в России XVII–XX вв. В первом случае речь шла о переходе от одной концепции самодержавия – к другой (от тирании к легитимной монархии). В двух других случаях речь шла о переходе от системы абсолютизма (монархического в первом случае и однопартийного во втором) к политической демократии в ее современном понимании (система, признающая верховенство прав человека, правовое государство, разделение властей).

На пике всех больших конституционных циклов ставится под вопрос сохранение единства государства (распад и восстановление во всех трех случаях). Ослабление политической власти ведет к усилению центробежных тенденций. В ходе конфликта дебаты-

руются различные модели соотношения центра и регионов – конфедерации, федерации, автономизации, различных вариантов деволюции и местного самоуправления. Однако в конечном счете доминирующей оказывается такая модель, которая позволяет восстановить реальный контроль центра (в виде возвращения к унитаризму, квазифедерализму или выстраивания единой властной вертикали). Специфика процессов децентрализации: в первых двух случаях они сопровождались внешней интервенцией, в последнем – имели спонтанный характер¹⁵.

Существует сходство институциональных параметров конфликта: он включает противостояние между законодательной и исполнительной властью, так называемое двоевластие (непрочный баланс сил) и последующее разрешение в пользу одной из ветвей власти (всегда – исполнительной). Достаточно проанализировать с этой точки зрения разворачивание конституционного кризиса 1993 г. Сразу после ликвидации однопартийной системы и провозглашения конституционных принципов демократии, прав человека и разделения властей, начинает формироваться двоевластие, происходит кристаллизация двух полярных центров власти – Верховного Совета и Президента. Конституционная легитимность (опора на действующее позитивное право) являлась серьезным аргументом противников усиления президентской власти и основанием требований ее ограничения. В этих условиях сформировался конфликт двух типов легитимности – парламентской и президентской. Он типологически сходен с конфликтом между легитимным Временным правительством и большевиками, опиравшимися на суррогатные органы представительства (Советы), а еще ранее – Думы и монарха в начале XX в. Это наблюдение может быть продолжено указанием на сходство роспуска Верховного Совета президентом в 1993 г., роспуска Учредительного собрания большевиками и роспуска Государственной Думы П.А. Столыпиным (так называемый «Третьеиюньский государственный переворот 1907 г.») с последующим изменением структуры основного законодательства в пользу исполнительной власти. В период Смуты двоевластие было представлено конфликтом монарха и боярской аристократии (стремившейся ограничить его власть с помощью Боярской Думы). В результате подобных конфликтов двоевластие разрешается в конечном счете в пользу исполнительной власти – монарха, диктатора, президента.

Можно усмотреть определенное типологическое сходство переходных политических режимов, возникавших в ходе трех кон-

¹⁵ Административно-территориальное устройство России IX–XX века. История и современность. М., 2003.

ституционных революций и их идеологии. В первом случае это сословно-представительная монархия, эволюционирующая в абсолютизм. Во втором – дуалистический режим в форме конституционной монархии, тяготеющий к юридическому и реальному перевесу исполнительной власти над законодательной. Эта неустойчивая форма при переходе к республике быстро уступает место тоталитарному режиму, являющемуся по базовым признакам реставрацией абсолютизма. В третьем – это формально также дуалистический режим с уникальной формой правления (прямых аналогов которой не существует) с выраженным перевесом президентской власти. Современная модель сверхпрезидентской республики типологически выступает как историческое продолжение предшествующих форм абсолютизма, сословно-представительной монархии и, особенно, монархического конституционализма, возникших в результате предшествующих конституционных революций. В обоих случаях (1905 г. и 1993 г.) глава государства является гарантом конституции, наделен не только исполнительной, но и существенной законодательной властью (указы с силой закона). В обоих случаях существует сфера конституционной неопределенности, позволяющая интерпретировать так называемые «спящие полномочия» главы государства в пользу широкой трактовки административных прерогатив исполнительной власти. Наконец, в обоих случаях конструкция разделения властей не исключает ее трактовки в направлении мнимого конституционализма¹⁶.

На эмпирическом уровне можно констатировать поразительное сходство по продолжительности развития российских конституционных циклов (10–15 лет в активной форме).

Каждый из циклов имеет свою телеологию, задаваемую всем предшествующим развитием и логикой конституционного кризиса, породившего его к жизни. Первый цикл имел целью противопоставить нелегитимной монархии – легитимную; второй – противопоставить абсолютизму конституционное государство – народное представительство в форме конституционной монархии или республики. Он заключался в стремлении преодолеть дуализм права и правосознания путем создания демократических институтов, но завершился введением номинального конституционализма (который фиксировал элементы правосознания архаичных крестьянских масс, но сделал конституционализм фикцией). Третий определялся стремлением к переходу от номинального советского конституционализма к реальному. Таким образом, по

¹⁶ Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002.

своим объективным задачам третий конституционный цикл ближе к либеральному этапу конституционной трансформации, чем к этапу завершения второго цикла, отрицанием которого изначально являлся. Сходство всех предшествующих циклов усиливается благодаря тому, что все они развивались совершенно спонтанно, осуществлялись с разрывом правовой преемственности и имели сходство на завершающей стадии реконституционализации – авторитарный режим и конституционный застой, в недрах которого готовилась конституционная революция, открывавшая следующий цикл.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ

Представленная концепция конституционных циклов раскрывает соотношение позитивного конституционного (государственного) права с меняющимися правовыми ожиданиями общества. Особенно актуально ее применение при изучении движения от авторитаризма и тоталитаризма к демократии в обществах переходного типа. Конституционализм обеспечивает ресурсы, позволяющие переходным обществам двигаться к демократии, сохраняя при этом параметры социальной и политической стабильности. Однако эволюционистские и линейные концепции такого перехода не отражают в полной мере его трудностей, возможности разрывов (подчас длительных), отклонений и прямого регресса (в виде мнимого и номинального конституционализма).

Рассмотренный подход позволяет, во-первых, на доказательном уровне реализовать компаративистские методики, в частности, определить, в какой степени классическая модель западной демократии и конституционализма может быть эффективно реализована в других регионах мира. Предлагаемая концепция позволяет выделить различные подходы к конституционализму в политической мысли и на практике, в разные периоды, показывать, как смещался баланс между авторитаризмом и либерализмом. Этим она открывает возможности стадияльных асинхронных сравнений по разным странам.

Анализ российского конституционализма на всем протяжении его исторического существования предоставляет возможность понять динамику конституционализма, объективные трудности его реализации, причины повторяемости основных моделей и способов их реализации. В частности, решить, в какой степени новые институты эффективны при решении проблемы традиционного общества; каковы возможности практического использования объективных различий между формально-правовой и

реальной (социологической) характеристикой традиционных институтов; определить, в какой мере целесообразно сохранить разделение социальных и технологических (или инструментальных) параметров реформы.

Появляется возможность раскрыть механизмы цикличности и, соответственно, предложить стратегии конституционных реформ на разных стадиях процесса. Речь идет о создании такой конституционной инженерии, которая включала бы ряд рассмотренных констант – историческая традиция (историческая справедливость, легитимность новых установлений); позитивное право (как выражение конфликтной динамики преобразований); технологии реализации законодательства. В частности, удастся показать связь конституционализма с разработкой стратегии и осуществлением принципиальных реформ на современном этапе – конституционной, федеративной, земельной, административной, судебной¹⁷.

Прогностическая функция концепции представляется актуальной, поскольку дает возможность избежать ошибок прошлого и реализовать систему социальных амортизаторов, смягчающих деструктивные последствия будущих конституционных циклов. Например, констатированное сходство заключительной фазы ряда предшествующих конституционных циклов, ставит проблему альтернативы – демократия или авторитаризм, в более широкий сравнительно-исторический контекст¹⁸.

Наконец, выясняется значение данного исследовательского направления для современной историографии. В центре его – сравнительно-исторический анализ основных европейских и российских моделей политических систем при переходе от абсолютизма к различным типам конституционных монархий (XVIII–XX вв.) и от них к основным формам современного демократического государства в форме парламентских и президентских республик.

¹⁷ См. наши статьи по этим вопросам: Власть и собственность в современной России: принятие Земельного кодекса Российской Федерации // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38); Реформа государства // Отечественные записки, 2004. № 2.

¹⁸ Медушевский А.Н. Бонапартистская модель власти для России // Вестник Европы 2001. Т. 1.

ПУШКИН И КНЯЗЬ ГОРЧАКОВ:
СВИДАНИЕ ССЫЛЬНОГО ПОЭТА И ДИПЛОМАТА
ОСЕНЬЮ 1825 г.

С.О. Шмидт

...И ныне здесь, в забытой сей глуши...
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я...

...Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей...

А.С. Пушкин. 19 октября.

Вынесенные в эпиграф слова из стихотворения «19 октября», датированного 10–20 октября 1825 г.¹, – характеристика и взаимоотношений Пушкина с Горчаковым, и личности князя Александра Михайловича, и основное впечатление от встреч с ним ссыльного поэта месяц назад в Лямоново, имении дяди дипломата, и в Михайловском. Именно это стихотворение содержит и поэтическое кредо Пушкина – «Служенье муз не терпит суеты...».

Пушкин посвятил Горчакову два стихотворения в лицейские годы (в 1814 и 1817 гг.) и позднее – в 1819 г.: дополнение к этим стихам, вероятнее всего, относится к осени 1825 г. По окончании лицея Пушкин посвящал стихи еще только двоим лицеистам – поэту Антону Антоновичу Дельвигу и декабристу Ивану Ивановичу Пущину, по общему признанию пушкинистов, наиболее близким друзьям поэта. Это – именно те трое, которые «обняли» его в год ссылки в Михайловское. Дружба двух самых знаменитых лицеистов первого выпуска – Пушкина и Горчакова (а именно им установили бюсты в здании Царскосельского Лицея в 1867 г., к 50-летнему юбилею выпуска) представлялась самоочевидной и в численно все возрастающей пушкиниане, и в литературе по истории Царскосельского лицея.

Но 1907 г. комментарии к изданию сочинений Пушкина в «Библиотеке великих писателей» под редакцией С.А. Венгерова включили статью П.Е. Щеголева «Кн. А.М. Горчаков и Пушкин»², отлучавшую Горчакова от «дружбы» Пушкина. «Заметка» эта

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 17 томах. М., 1998. Т. 2. Ч. 2. С. 375.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1907. С. 230–238.

(так ее охарактеризовали сами редакторы), основанная на тенденциозно отобранном печатном материале, переиздавалась и в советские годы. Ее позиция отражена в научно-популярных трудах В.В. Вересаева, Г.И. Чулкова и др. в 1920-х гг. Позже, с 1930-х гг. особенно последовательным приверженцем этой точки зрения был Б.С. Мейлах³. Стало принятым изображать встречи ссыльного поэта с лицеистами в 1825 г. разными красками: взаимопонимание и «сладкая отрада» в общении с Пушковым и Дельвигом и сдержанность, холодность при свиданиях с Горчаковым, объясняемые различием их общественно-политических воззрений или даже несовершенством карьерного дипломата.

В 1998 г. широко и торжественно отмечалось 200-летие со дня рождения Горчакова, – в пантеоне российской славы ему было определено место великого дипломата. От бытовавшего десятилетия преуменьшения заслуг Горчакова в сфере внешней политики России его времени сочли необходимым публично отмежеваться⁴.

На юбилейных заседаниях и в печатных публикациях⁵ неоднократно упоминалось о том, что Горчаков – блистательный питомец Царскосельского лицея и именно первого «пушкинского» выпуска. Но вопрос о его отношениях с Пушкиным не затрагивался. Это выглядело бы не выигрышным для прославляемого дипломата.

Должно учитывать и то, что еще в ранний период развития пушкиноведения Горчаков тоже стал знаковой фигурой, но в плане государственно-политической истории. Оценки фигуры Горчакова формировались на основании отношения к результатам его дипломатии уже после кончины Пушкина. Но они переносились (быть может, и невольно) и на Горчакова пушкинских времен. Чем более идеологизировались и политизировались официозные представления о Пушкине, особенно об его общественно-политических взглядах, чем старательнее приписывали ему революционные воззрения, тем более субъективным становился подход и к характеристике взаимоотношений дипломата и поэта, даже в лицейские годы. Рассуждения на тему «Пушкин и Горчаков» в биографической литературе о Пушкине на протяжении последнего столетия следует воспринимать скорее в контексте общественно-политической обстановки эпохи их создания, а не пушкин-

³ Мейлах Б. Пушкин и его эпоха. М., 1958 (см. именной указатель).

⁴ См.: Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. Сб. статей. М., 1998. С. 11.

⁵ Литература указана при справке об А.М. Горчакове в кн.: Шолов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. 2-е изд. СПб., 2002. С. 208.

ской. Это и показатель истичниковедческой добросовестности и нравственного облика авторов, ибо источниковедение – сфера не только научного знания и его методики, но и нравственности.

В заметке Щеголева это отчетливо видно. Ей предшествует следующая редакционный текст: «Высокое положение, которое занимал Горчаков, немало повлияло на освещение взаимных отношений между двумя знаменитыми лицеистами первого выпуска. Автор нижеследующей заметки делает попытку взглянуть на эти отношения без обычного “умиления”». Стилистика абзаца допускает предположение, что это написано самим «автором заметки». Щеголев убежден в том, что «Пушкин был необычайно щедр, раздавая свою “дружбу”» и тем, которых «как-то неловко называть рядом с именем Пушкина. Горчаков был одним из таких друзей, совершенно не оценивших поэта. Даже к памяти его он не был признателен».

По мнению Щеголева, Горчаков – прежде всего тщеславный карьерист, и Пушкин в лицее «являлся чуть ли не полной противоположностью Горчакову». Лицейские послания «могут свидетельствовать о хороших товарищеских отношениях в Лицее – и только». При этом отмечено, что поэт «где-то в глубине своей души все время осторожно сравнивает себя с избранником счастья», а в послании 1819 г. он наносит «большой удар» «честолюбю» удачливого дипломата. Свидание в ссылке «не доставило радости Пушкину», Горчаков «был до прозрачности ясен Пушкину»; к тому же в «момент свидания» «чувствовал себя гораздо выше и значительнее ссыльного поэта». Утверждение обосновывается препарированной цитатой письма Пушкина Вяземскому и, соответственно, заявлением о недоверии к «тому, что болтал в позднейшие годы сам князь». А то, что в стихотворении «19 октября» Пушкин «посвятил ему прекрасную строфу» (которую и пришлось привести), объясняется тем, что «поэт был великодушен и щедр».

В «заметке» Щеголева утверждается, будто «в известных нам сочинениях и письмах Пушкина мы не находим больше упоминаний о Горчакове». Однако Щеголев не мог не знать, что в восьмистрочном стихотворении «19 октября» 1827 г., начинающемся строкой «Бог помочь вам, друзья мои, где не назван поименно никто из лицеистов, имеется упоминание не только о лицеистах-декабристах «в мрачных пропастьях земли», и о Ф. Матюшкине «в пустынном море», но и о тех, кто «в краю чужом» (в первоначальном варианте – «в стране чужой»⁶), т.е. о дипломатах Горчакове и С.Г. Ломоносове; и потому-то в именном указателе семнадцатитомного Полного соб-

⁶ Найдич Э.Э. Стихотворение «19 октября 1827» // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1951. Вып. 3. С. 13–23.

рания сочинений Пушкина даются отсылки к фамилии и Горчакова (и в опубликованном тексте, и в вариантах его)⁷.

В изданных при жизни трудах Щеголев не дополнил «заметку» какими-либо соображениями, но обозначил содержащуюся в ней трактовку как якобы общепринятую. Комментируя опубликованную в герценовском «Колоколе» записку князя П.В. Долгорукова, опротестовавшего обвинение его в отправлении Пушкину пасквиля о рогоносце, в книге «Дуэль и смерть Пушкина» он писал: «Из числа друзей Пушкина, поименованных Долгоруковым, исключим князя А.М. Горчакова – недружелюбие его к лицейскому товарищу *засвидетельствовано* (выделено мною – С.Ш.)»⁸. Фраза эта показательна для источниковедческих и историографических приемов Щеголева!

Свое мнение Щеголев повторил в предисловии к публикации поэмы «Монах» в 1928 г.⁹ и в сноске при переиздании статьи 1907 г. в сборнике своих работ о Пушкине (1931): «...Прошло 11 лет великой русской революции, которая смела без остатка хозяев Горчаковых; и вдруг в 1928 г. о Горчакове вспомнили и заговорили» (в связи с обнаружением пушкинских материалов в его архиве). Далее следует ироническая концовка: «Наконец, и Горчаков оказался пушкинистам полезен: сохранил свежее и яркое произведение юной музы Пушкина»¹⁰.

В 1907 г. статья входившего в моду историка и литературоведа была рассчитана на относительно широкого читателя – представителя среднего класса, кокетничающего своей оппозиционностью, но в то же время в патриотическом настрое не склонного прощать Горчакову слабость его позиции на Берлинском конгрессе. В конце 1920-х гг. она соответствовала в духе «школы М.Н. Покровского» оценкам деятельности сановных «слуг царизма». Щеголева отличало умение использовать конъюнктуру и общественно-политическую, и на литературном рынке (иногда с целью обретения не только научно-политического, но и денежного капитала – его подозревают в изготовлении мистифицированного «Дневника» фрейлины Вырубовой)¹¹. Характеристика Щеголе-

⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 1322.

⁸ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. М., 1987. С. 424.

⁹ Он же. Первенцы русской свободы. М., 1987. С. 306, 307 (ст. «Поэма «Монах»»).

¹⁰ Он же. Пушкин: Исследования, статьи и материалы. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 17.

¹¹ Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001. С. 48 (очерк «Литературное изнасилование А.А. Вырубовой»); Кочетов А. Предисловие // «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. Репринт. М., 1990. С. 5.

ва – и его научных достижений, и приемов работы, и малопривлекательной манеры поведения – имеется в незавершенных мемуарах виднейшего пушкиниста М.А. Цявловского¹².

Тенденциозность позиции Щеголева в отношении Горчакова, вероятно ощущалась пушкинистами конца 1920-х гг., когда в коллективном труде справочно-рекомендательного типа «Путеводитель по Пушкину», изданном в год кончины Щеголева, в 1931 г., автором статьи о Горчакове выступает не он, а М.А. Цявловский. Там Горчаков отнесен по существу к «друзьям» поэта: «...Не будучи задушевым другом Пушкина, Горчаков был из всех товарищей поэта самым прилежным переписчиком произведений его лицейской музыки»¹³. Позднее Цявловский, публикуя в 1937 г. лицейские письма Горчакова близким ему родственникам, Пещуровым, дает более развернутую (и в тоже время более точную) характеристику его взаимоотношений с Пушкиным: «...Горчаков не принадлежал к кругу ближайших товарищей Пушкина, но из лицейстов вне этого круга он был поэту, пожалуй, ближе, чем кто-либо другой. Незаурядные способности, неизменная удачливость, умение нравиться, чувство собственного достоинства Горчакова не могли не импонировать Пушкину...»¹⁴. Горчакова признает другом поэта и другой выдающийся исследователь жизни и творчества Пушкина Б.В. Томашевский в первом томе пространной биографии Пушкина¹⁵, а В.М. Жирмунский в статье 1937 г. обращенное к Горчакову стихотворение Пушкина 1819 г. характеризует как «ДРУЖЕСКОЕ послание»¹⁶ (подч. мною – *С.Ш.*). Дружескими изображены отношения Пушкина и Горчакова и в романе Ю.Н. Тынянова «Пушкин» – автор знаменитых исторических романов о Грибоедове, Кюхельбекере, Пушкине был видным филологом и замечательным знатоком источников по истории России времени Александра I и Николая I.

Иную позицию занимал молодой тогда литературовед Б.С. Мейлах, отличавшийся особой энергией во внедрении «партийности» в пушкиноведение. В его статье 1937 г. с обязывающе-претенциозным заголовком «Об очередных задачах пушкиноведения» отмечались «отставание пушкиноведения от выдвигаемых всей литературной наукой задач», «изоляция его от

¹² Цявловский М.А. Записки пушкиниста // Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 63–65.

¹³ Путеводитель по Пушкину. Л., 1931. С. 110.

¹⁴ Лицейские письма Горчакова А.М. (1814–1816 гг.) // Красный архив. 1937. С. 175.

¹⁵ Томашевский Б.В. Пушкин. Книга первая (1813–1824). М.; Л., 1956.

¹⁶ Жирмунский В.М. Пушкин и западные литературы // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 3. М.; Л., 1937. С. 69.

марксистско-ленинской методологии»¹⁷. Все более выявляется и пагубная роль Мейлаха в принятии во властных структурах решения об отказе от пространного комментирования в готовящемся академическом издании Полного собрания сочинений А.С. Пушкина (в середине 1930-х гг. после выхода «пробного» тома VII «Драматические сочинения») ¹⁸. Даже в предисловии к опубликованному в 1999 г. списку трудов Мейлаха по пушкиноведению нельзя было не отметить, что пушкиноведческие его работы несли «на себе печать несколько прямолинейного социологизма», и «эстетические явления без достаточных оснований осмыслились непосредственно в социально-исторических категориях»¹⁹.

По мнению Мейлаха, взгляды Горчакова с юных лет – воплощение монархического консерватизма, а Пушкина – революционной оппозиционности. Мейлах ссылается в трудах 1930-х и даже 1950-х гг. на суждения Щеголева, который «прояснил» вопрос о взаимоотношениях Горчакова и Пушкина. Однако, – пишет Мейлах – «совершенно неправильным является его утверждение, будто у Горчакова с Пушкиным были «хорошие, товарищеские отношения». Их взаимный интерес друг к другу – это «интерес не друзей, а антагонистов, которые совершенно по-разному глядели на мир». Мейлах – сторонник той точки зрения, согласно которой «из всех лицеистов Горчаков был человек, наиболее чуждый, наиболее противоположный Пушкину»²⁰. Эта формулировка встречается и в статье ученика Мейлаха по Ленинградскому университету Э.В. Барштака, напечатанной в 1939 г. Барштак был участником студенческого Пушкинского семинара на филологическом факультете, руководимом Мейлахом²¹. Показательно заключение этой статьи, имеющей заголовок «Пушкин и А.М. Горчаков»: «Подводя итоги всему вышесказанному о взаимоотношениях Пушкина и Горчакова, мы видим, что еще в лицейские годы явно ощущалось столкновение двух противоположных мировоззрений. В дальнейшем Горчаков оказался придворным карьеристом и видным дипломатом царского правительства. Пушкин – великим народным поэтом, всем своим

¹⁷ Мейлах Б.С. Об очередных задачах пушкиноведения // Пушкинский временник. Вып. 3. М.; Л., 1937. С. 317–318.

¹⁸ Шмидт С.О. Г.О. Винокур и академическое издание пушкинского «Бориса Годунова» // Винокур Г.О. Собрание трудов. Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. М., 1999. С. 27–30.

¹⁹ Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIV. СПб., 1991. С.

²⁰ Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха. С. 127–128.

²¹ Пушкинский семинар Ленинградского государственного университета // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М.; Л., 1941. С. 548.

творчеством выразившим протест против того строя, верным слугою которого был Горчаков»²².

Близость оценочных суждений о характере отношений Горчакова и Пушкина видных ученых разных поколений и разного стиля сочинительства (Щеголев – историк и литератор со склонностью к психологическим характеристикам; Мейлах – рационалист, придерживающийся жестких социологических схем) объясняется, видимо, и существенными чертами сходства в образе их научного мышления. Щеголев и Мейлах – даровитые исследователи, первооткрыватели исторических источников были из категории тех людей, у которых обнаруживается манера сначала создавать конструкцию явления (а также нередко и его развития и оценки), а затем, обращаясь уже к более детальному исследованию фактологического материала, рассматривать его прежде всего в контексте изначального построения, опуская при этом (подчас и не намеренно) то, что не укладывается в рамки первичной конструкции. Такой подход вообще характерен для творчества некоторых видных ученых-гуманитариев – из историков XX века – М.В. Нечкиной, Б.А. Рыбакова, А.А. Зимина.

То, что щеголево-мейлаховская версия взаимоотношений Горчакова и Пушкина удерживается в пушкиноведческой литературе (и в той или иной мере отражена в ряде объемных биографий Пушкина) обусловлено и тем, что не выветрились еще из сознания десятилетиями внушавшиеся представления будто дружеские отношения обуславливаются обязательно общностью прежде всего общественно-политических взглядов.

Ныне непродвзятый анализ материалов Пушкина и о Пушкине в горчаковском архиве, издание полного собрания сочинений Пушкина с включением адресованных ему писем, огромное богатство, накопленное пушкинианой за почти сто лет издания документальных публикаций и исследований дают возможность проследить взаимоотношения Пушкина и Горчакова детально, в более широком контексте и обнаружить источниковедческую несостоятельность и нарочитую тенденциозность построений Щеголева и, тем более, Мейлаха.

Очевидность этого становится все заметнее при знакомстве с изданиями по теме, вышедшими в последние десятилетия. Еще в 1970-е гг. вышли в свет работы Н.Я. Эйдельмана, позднее печатавшиеся в его книгах «Прекрасен наш союз...» (О Царскосельском лицее), «Что наши? Что друзья» (о взаимоотношениях Пушкина, Пущина и Горчакова), и другие, где приведены несомненные

²² Баритак Э.В. Пушкин и А.М.Горчаков // Ученые Записки ЛГУ. Вып. 47. Л., 1939. С. 96.

данные о близости этих троих лицейстов; там читаем и о сохранившемся у декабриста Пушкина дружеском расположении к вельможному дипломату до конца своих дней. Другом Пушкина выглядит Горчаков в биографическом очерке В.Д. Соколова в книге 1998 г. «Рядом с Пушкиным». О «юношеской дружбе» Пушкина и Горчакова убедительно пишет и биограф Горчакова В.А. Лопатников, указывая на то, что она «была преисполнена созидательного смысла, несла в себе начало-состязательность»²³. Еще ранее эти соображения приведены были в интересной для нашей темы статье «Поэзия и публицистика в судьбе канцлера Горчакова»²⁴.

* * *

Рассмотрение в хронологической последовательности всех данных о взаимоотношениях Пушкина и Горчакова и об их отражении в сочинениях поэта позволяет прийти к некоторым заключениям и источниковедческого, и собственно исторического (или историко-литературоведческого) планов.

Сохраненные Горчаковым материалы лицейских лет и периода до его отъезда на дипломатическую службу за рубеж являются первостепенной важности источниками как для изучения жизни и творчества юного Пушкина, так и взаимоотношений владельца архива и поэта. В переписке с Пещуровыми много подробностей совместной лицейской жизни, отражающих литературные интересы лицейстов, даты написания и первых публикаций сочинений лицейстов (особенно, конечно, Пушкина), оценок лицейстами творчества Пушкина, неизменно восхищавшего Горчакова. Как отмечает современный биограф Горчакова: «Пушкин – единственный из лицейстов, о ком Горчаков говорит в дошедших до нас письмах той поры довольно подробно»²⁵. Четко прослеживается и преклонение перед Карамзиным, и нарастание сближения лицейста Пушкина с семьей Карамзиных. Особенно примечательна фраза из письма от 20 сентября 1816 г.: «Пушкин свободное время свое во все лето проводил у Карамзина, так что ему стихи на ум не приходили, но так как Карамзин сегодня уезжает совсем, то есть надежда, что в скором времени мы услышим приятный и знакомый голос домашней лиры»²⁶.

²³ Лопатников В.А. Горчаков (Пьедестал: время и служение канцлера Горчакова). М., 2003 (в серии «Жизнь замечательных людей»). С. 35.

²⁴ Лопатников В.А. Поэзия и публицистика в судьбе канцлера Горчакова // Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты. СПб., 2001. С. 173–187.

²⁵ Лопатников В.А. Горчаков. С. 30.

²⁶ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В 4-х томах. Т. 1 (сост. М.А. Цявловский). М., 1999. (далее – Летопись). С. 86.

В письмах с обеих сторон информация о прочитанном и о стремлении познакомиться с новейшими сочинениями (получить издания или списки ненапечатанного), а сам Горчаков копирует для родственников новейшие сочинения, в том числе и Пушкина. Письма 1816–1817 гг. – любопытные свидетельства возрастающей известности Александра Пушкина как поэта и надежд, возлагаемых на него в образованном обществе. Ведь именно осенью 1816 г. будущий декабрист М.С. Лунин скажет в разговоре с французом – спутником И. Оже о подъеме российской литературы: «...Наше восходящее светило – юноша Пушкин»²⁷.

Можно полагать, что Горчаков и Пушкин знакомили друг друга не только с оказавшимися в их распоряжении литературными новинками, но и с информацией о них, получаемой каждым в письмах от родни. (О том, что письма, адресованные родственниками лицеистам, читали и их товарищи по Лицею, свидетельствует восторженный отзыв Дельвига о подлинно русском языке, как-им написаны письма Пушкину от его бабушки, Марии Алексеевны Ганнибал). Письма Пещуровых Горчакову могли дать Пушкину представления о культурной жизни богатых сельских усадеб, их библиотеках.

Не помогло ли это поэту позже при сочинении глав «Евгения Онегина» в изображении жизни Лариных и их окружения? Ведь Пушкин до времени написания этих глав проводил в деревне только летние месяцы мальчиком в подмосковном имении бабушки Захарово и немного более месяца (с середины июля до 20-х чисел августа) в 1817 г. (сразу по окончании Лицея) прожил в Михайловском, где сблизился, часто бывая в соседнем Тригорском, с семьей П.А. Осиповой (по первому мужу Вульф). Впечатления визуального общения с просвещенными помещиками Псковской губернии, возможно, наложились на воспринятое ранее в письмах Пещуровых из Лямоново юному Горчакову (сами письма не опубликованы, но, судя по ответным письмам лицеиста, в них немало говорится и о круге чтения помещиков того же Опочецкого уезда, где находилось и имение Пушкиных). Не повлияло ли это на выбор поэтом местоположения имения Лариных именно в северо-западной губернии и недалеко от столицы (что было особенно удобно не только Онегину, но, вероятно, и его соседу Ленскому?). И не стал ли в какой-то степени прообразом сцены на балу в имении Лариных вызов на дуэль самим поэтом его родственника, С.И. Ганнибала, во время танцев из-за «девицы Лошаковой»²⁸?

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 107.

Известно, что сам Пушкин уже в первые лицейские годы почувствовал себя поэтом и вспоминал, что именно «в садах Лицея» ему стала «являться муза»²⁹. Горчаков оказался для него тогда особенно интересным и привлекательным, ибо среди лицейстов лишь они двое и, пожалуй, Сергей Ломоносов (тоже будущий савонный дипломат, прославленный искусством блистательных разговоров на светских раутах) были так осведомлены в современной российской литературе и с жадностью знакомились с новейшими ее произведениями. Горчаков привык их копировать (еще в долицейские годы, в столице, близ тоже увлеченной этим любимой тетушки, ставшей затем его лямоновской корреспонденткой). Сошлись и их литературные пристрастия: Горчаков тоже был убежденным поклонником «карамзинистов». И не случайно самый ранний из выявленных автографов поэта – запись в альбоме лицеиста Горчакова (зимы 1811–1812 гг.) прозаического перевода с французского из мадригала времени Людовика XIV (“Вы пишете токмо для вашего удовольствия, а я, который вас искренне люблю, пишу, чтоб вам сие сказать») написанная поверх подскобленного текста стихотворения Карамзина³⁰.

Немудрено, что именно Горчаков – первый ученик, к тому же старший почти на год, был более других подготовлен к тому, чтобы Пушкин избрал его слушателем и критиком своих стихов. Обоих лицейстов сближали и сходство литературных пристрастий, и импонировавшее самолюбивому стихотворцу несомненное внимание образцового по успехам лицеиста к его поэтическому творчеству, хотя он сильно отставал в учении от большинства своих товарищей. Горчаков рано понял исключительность литературного дарования Пушкина, его увлеченность стихотворством, отвлекавшую от занятий учебными предметами. Следует иметь в виду и то, что положение литератора-аристократа тогда весьма ценилось в обществе. Темой их совместных размышлений, видимо, были и тексты лекций – Пушкин лекций не записывал и, вероятно, мог пользоваться записями «первого писца лицейского» (как называли Горчакова «товарищи» по учению); показательно, что последнее поэтическое обращение Пушкина накануне выпуска именно так и озаглавлено: «Товарищам»).

Вероятно, сближали юношей и рано развившиеся эротические интересы (что прослеживается в лицейских стихах). Для Пушкина, изначально гордившегося древностью своего рода и историческими заслугами предков, могло казаться важным и выде-

²⁹ Евгений Онегин. Гл. 8, строфа 1 // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 165.

³⁰ *Летопись*. Т. 1. С. 18.

ление его среди других князем-рюриковичем. Высоко развитое у обоих и ценимое друг в друге чувство собственного достоинства опиралось еще в отроческие годы и на осознание глубины своих генеалогических корней. При этом имело значение, можно полагать, и то, что оба происходили из обедневшей аристократии: отец будущего дипломата – генерал-майор с четырьмя дочерьми на выданье, а приданного сестрам-красавицам у него не доставало. (Начав дипломатическую службу, бывший лицеист откажется затем в их пользу от своей части наследственных имений).

Будущий советский нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, выросший в аристократическом кругу, тесно связанном с дипломатической службой, в начале XX века, как служащий МИД, занимался написанием истории этого министерства и оставил тонкие наблюдения о формировании дипломатического искусства будущего канцлера. В этом неопубликованном при жизни и ставшем известным лишь с 1960–1970-х гг. труде, Чичерин отмечал литературное мастерство дипломатических нот, составленных Горчаковым (стилистика их восхищала и классиков нашей литературы Тютчева и Герцена). Чичерин писал: «Кн. Горчаков с ранней молодости оказался в центре русского литературного движения. Всю жизнь он сохранял литературные наклонности и тонкий вкус; можно почти сказать, что он остался литератором в душе; он с любовью отделял отдельные свои депеши, как истый беллетрист, ценящий красоту человеческого слова и любующийся изящными его оборотами: среди французов он обнаруживал основательное знание французской литературы, принимая горячо к сердцу ее судьбы, был знатоком и почитателем, старался сохранить связи с литературными критиками. Итак, литературное воздействие лицейской среды было одним из важнейших явлений его молодости»³¹. «Литературное воздействие лицейской среды» – это, конечно же, прежде всего Пушкин и воспринимаемое через него воздействие традиций Карамзина и «арзамасцев». Чичерин также писал о «тесной дружбе» в лице Горчакова и Пушкина.

Показательно, что А.А. Стурдза в мемуарах о событиях литературного мира 1818 г., опубликованных при жизни автора в числе некоторых из поминаемых им лиц, отмечает: «...из Царско-сельского лицея выступили на поприще общественной жизни князь Горчаков, Дельвиг, Ломоносов и Пушкин. Юное поколение уже теснило нас и готовилось сменить собою прежних тружени-

³¹ Г.В. Чичерин о А.С. Пушкине и А.М. Горчакове / Подг. публ. И.Ф. Ковалев // Советские архивы. 1974. № 5. С. 87; См. также: *Лопатников В.А. Поэзия и публицистика в судьбе канцлера Горчакова...*

ков русской словесности и самовидцев всемирной борьбы»³². Здесь дипломаты Горчаков и Ломоносов объединены в один ряд с теми, кто известен был только как литераторы.

Горчаков по своей эгоцентричности и строго организованному расписанию занятий не был и не мог быть тем, кого принято называть закадычным другом, с которым можно поделиться своими переживаниями, даже мелкими тайнами. Таким другом для Пушкина был, видимо, его сосед Большой Жанно – Пуцзин; с ним велись душевные разговоры и ночью через перегородку.

Однако, Пушкин и Горчаков – юноши редкой одаренности – рано ощутили исключительность друг друга, но в то же время и несхожесть натур и различие устремлений, планов на будущее. В их отношениях просматривается честолюбивое состязание, но без соперничества и какой-либо конкуренции. Обоим в высшей степени присуще было славолубие. Однако они осознавали и свою избранность и различие их жизненных путей; а Пушкин понимал еще и неопределенность общественного положения поэта, непредсказуемость ожидающей его доли. Потому-то в стихах, обращенных *только* к Горчакову, заметны постоянный диалог и сравнение их судеб, их будущего. Это – отнюдь не свидетельство антагонизма (как примитивно – и в то же время вульгарно-социологически – объясняет Мейлах) или представления каждого о превосходстве своих «идеалов и стремлений»³³. Показательно, что именно Горчакову поэт посвятил стихи с важнейшими для него итоговыми сообщениями накануне окончания Лицея и об ожидаемом ими грядущем («...Мой милый друг, мы входим в новый свет...»).

Диалог характерен и для обращенного к Горчакову Послания от января 1819 г. В нем беспощадно характеризуется петербургский высший свет. Очевидно, это – следствие их разговора (один на один или «в чаду большого света»), когда князь призывал остепениться друга-поэта, полностью отдававшегося тогда светским удовольствиям и одновременно сочинявшего резко антиправительственные стихотворения и такой же направленности эпиграммы и каламбуры:

«...Ты мне велишь оставить мирный круг,
Где, красоты беспечный обожатель,
Я провожу незнаемый досуг...»

Здесь же язвительно-беспощадная (и в то же время доверительная) характеристика «большого света», явно рассчитанная на то, что ее сумеет оценить «обычаев блестящий наблюдатель».

³² «Арзамас». Сборник в двух книгах. Кн. первая. М., 1994. С. 52.

³³ Мейлах Б. Жизнь Александра Пушкина. Л., 1974. С. 71–72.

(В какой-то мере это уже и заготовка к «петербургским» – первой и восьмой – главам «Евгения Онегина».) Очевидно и то, что Горчаков – «питомец мод, Большого света друг», показался поэту «прежним» («...По-прежнему остряк небогомольный, По-прежнему философ и шалун»). И Пушкин, в свою очередь, обращается к нему с приглашением отступить от его образа жизни («на миг оставь своих вельмож») и умножить пушкинский «тесный круг друзей» (тогда это был круг лиц из общества «Зеленая лампа»).

Безусловно Пушкин и Горчаков нередко виделись в петербургские послелицейские годы: оба они были служащими Коллегии иностранных дел, встречались на балах, в гостиных, в театре, вероятно, и в литературных салонах, что удалось выявить при подготовке «Летописи жизни и творчества Александра Пушкина». О других встречах бывших лицеистов можно догадываться, зная их образ жизни и круг общих знакомых.

Вероятно, Горчаков, приближенный к министру И. Каподистриа и нередко бывавший при дворе, был достаточно осведомлен о сгущавшихся над дерзким поэтом тучах, о возрастающем недовольстве императора Александра I популярностью его стихов и его общественным поведением. И потому-то он предупреждал друга о грозящей опасности (недовольство отвлечением Пушкина от поэтического творчества выражали тогда же и такие близкие ему доброжелатели, как Жуковский и Пущин), а затем мог даже соответствующим образом настроить Каподистриа, тем более, что тот был другом покровительствующего Пушкину Карамзина. Не подсказал ли Горчаков и избрание местом ссылки именно Кишинев – там обитала его сестра Елена Михайловна Кантакузина, супруга одного из вождей гетерии, частым посетителем дома которого стал Пушкин, оказавшись в Кишиневе?

Пещурова Елизавета Христофоровна тоже из знатнейшего греческого рода Комнинов. Все это усиливало связи министра-грекофила и продвигаемого им по карьерной лестнице молодого дипломата. О заинтересованном отношении Каподистриа к симпатичным ему молодым людям и демократизме его общения узнаем из воспоминаний Д.Н. Свербеева, сблизившегося с этим выдающимся человеком, когда молодой Свербеев был на дипломатической службе в Швейцарии, а Каподистриа уже обитал в Женеве (в середине 1820-х гг.)³⁴.

Горчакову были интересны известия о Пушкине и во время пребывания за границей. 28 ноября 1820 г., когда он состоял в свите императора на конгрессе Священного союза в Троппау,

³⁴ Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826). Т. I. М., 1899.

директор Лицея Е.А. Энгельгардт писал дипломату о ссыльном Пушкине: «...Пушкин в Бессарабии и творит там то, что творил всегда: прелестные стихи и глупости и непростительные безумства. Посылаю при этом одну из его последних пьес, которая доставила мне безграничное удовольствие; в ней есть нечто вроде взгляда в себя...»³⁵. Можно предполагать, что «пьеса» эта – стихотворение «Погасло дневное светило», напечатанное в журнале «Сын отечества» в 1820 г. без подписи с пометой «Черное море. 1820 сентябрь».

Очень вероятно, что информация о лицейском друге Пушкина содержалась и в письмах от других лиц, адресованных дипломату в годы ссылки Пушкина, в частности, от родственников князя из Кишинева (от старшей сестры). Она познакомилась с ним, когда посетила брата в Лицее в апреле 1814 г. (Пушин был убежден, что именно ей посвящено стихотворение того же года «Красавице, которая нюхала табак»). Во время ссылки в Михайловское сведения о нем могли поступать от Пещуровых. Отвечая на расспросы о его взаимоотношениях с Пушкиным и о том как он оценивает общеизвестные факты из жизни и творчества поэта, канцлер вспоминал, что к нему, высланному из Одессы в Михайловское, «был приставлен полицейский чиновник с специальной обязанностью наблюдать, чтобы Пушкин ничего не писал предосудительного» и это, понятно, «раздражало» его. И Пещуров ходатайствовал перед рижским генерал-губернатором о снятии надзора и передаче Пушкина ему на поруки, «и после того» «Пушкин вздохнул свободнее». Горчаков говорил, что сделано это «из любви к нему»³⁶ на самом деле, скорее «из любви» не к Пушкину, а к просившему о том племяннику. Теперь известны и пушкинские характеристики действий Пещурова («бесстыдство»; в черновике: «глупость», «наглость»), предложившего отцу поэта распечатывать переписку сына, «быть ...шпионом» (письмо Жуковскому от 31 октября 1824 г.)³⁷. И знаем о том, как понравилась Пушкину характеристика, данная Пещурову владелицей соседнего Тригорского П.А. Осиповой – «лукавый ходатай» (*l'avocat patelin*)³⁸. Это письмо Осиповой от 11 августа 1825 г. отправлено совсем незадолго до свидания с Горчаковым в имении Пещурова.

Пещуров берет на себя надзор за поведением Пушкина в декабре 1824 г.³⁹ А 24 января 1825 г. Горчаков пишет из Парижа

³⁵ Летопись. С. 214.

³⁶ Пушкин в воспоминаниях современников (далее – Воспоминания). Т. 1. СПб., 1998. С. 377.

³⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 116.

³⁸ Там же. Т. 13. С. 205, 543.

³⁹ Летопись. С. 461.

благодарственное письмо, явно рассчитанное на ознакомление и других: т.е. с соответствующими формулировками: «С живым интересом прочел я все подробности, которые Вы сообщаете мне насчет Пушкина. Считаю своим долгом принести Вам свою благодарность за те заботы, которые вы на себя взяли по этому щекотливому делу. К тому же я беспокоюсь, как бы вы не понесли ответственности за это. Несмотря на противоположность наших убеждений, я не могу не испытывать к Пушкину большой симпатии, основанной на воспоминаниях молодости и на восхищении, которое во мне всегда вызывал его поэтический талант. Его поведение было, впрочем, всегда нелепым, и надо признаться, что одна лишь ангельская доброта Государя могла не утомиться обращаться с ним с той снисходительностью, которой он не всегда заслуживал»⁴⁰.

Показательно, что когда после посещения его в Михайловском Пушциным в январе 1825 г. Пушкин стал набрасывать посвященное ему стихотворение, начинавшееся словами: «Мой первый друг, мой друг бесценный», в вариантах упоминается имя еще одного лицеиста – Горчакова. Стихотворение напечатано было в кратком варианте (в десять строк), сочиненном к первой годовщине восстания декабристов. Но в вариантах 1825 г. (не позднее августа) есть еще несколько строф со сравнением лицейских и нынешних годов:

«...Скажи куда девались годы,
Скажи что наши? Где друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где Горч[аков]? Где ты? Где я?»

В другом (вероятно более позднем) варианте имени уже нет:

«...Скажи куда девались годы,
Скажи что наши? Где друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где ж молодость? Где ты? Где я?»⁴¹

И, конечно, не случайно Пушкин, думая о лицейской юности, вспомнил тоже элегического настроения важнейшее по мысли стихотворение весны 1817 г. «Князю А.М.Горчакову», начинавшееся как раз изображением впечатления от прогулок «рука с рукою» в лицейских парках:

«Встречаюсь я с осьмнадцатой весной.
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравный,
Над озером иду рука с рукою.

⁴⁰ Там же. С. 471.

⁴¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 582.

Где вы, лета беспечности недавней?
С надеждами во цвете юных лет,
Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след...»⁴²

Можно полагать, что характеристике и Горчакова и его взаимоотношений с Пушкиным нашлось место и в записях мемуарного жанра, которые Пушкин составлял в первой половине 1820-х гг. В начале 1830-х гг. Пушкин писал: «Несколько раз принимался я за ежедневные записки, и всегда отступался от лености; в 1821 году начал я свою биографию, и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь свои записки. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, кот[орые] после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства...»⁴³

В послании Пуцину ассоциация «лицейских друзей» с именем Горчакова, возможно, объясняется и тем, что Пушкин наблюдал особую близость его с Пуциным. Вероятно даже, что они – Пушкин, Пуцин, Горчаков – в какой-то мере составляли триумvirат в общих разговорах обитателей «студенческой кельи» № 30 (Горчакова) с соседями по комнатам 13 и 14 Пуциным и Пушкиным, совместно заходившими к нему. (Комната Горчакова была между комнатами не близких ему лицейстов Данзаса и Броглио.)

С мнением Пуцина о «товарищах» по Лицею считались все лицеисты, ибо он, как отмечал даже злоязычный М.А. Корф (решаясь так характеризовать осужденного декабриста и в 1839 г.) – «один из тех, которые наиболее любимы товарищами, со светлым умом, с чистой душой»⁴⁴. Горчаков доказал свою верность дружбе с Пуциным, явившись к нему, рискуя карьерой, сразу после восстания декабристов. По сообщению сына декабриста И.Д. Якушкина, основанному на рассказе Пуцина, дипломат предложил другу обеспечить его заграничным паспортом и устроить пассажиром уходящего из Кронштадта иностранного корабля⁴⁵.

Автору недавно вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» и богатой ценной информацией биографии Горчакова

⁴² Там же. Т. 1. С. 195.

⁴³ Там же. Т. 12. С. 310.

⁴⁴ Корф М.А. Записки. М., 2002. С. 659.

⁴⁵ Якушкин Е.И. Воспоминания об И.И. Пуцине // Записки И.И. Пуцина о Пушкине. СПб., 1907. С. 92; Эйдельман Н. Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы. СПб., 2001. С. 106–207.

В.А. Лопатникову это свидетельство представляется «явной небылицей», так как для получения заграничного паспорта Горчаков должен был «совершить ряд должностных подлогов»⁴⁶. Но В.А. Лопатников безосновательно переносит представления о современных условиях получения загранпаспорта на то далекое время: ведь еще в начале XX века, когда уже серьезно была организована слежка за революционерами, получить такой паспорт можно было едва ли не в тот же день. И – главное – не в стиле неизменно благородного поведения Пуштина была бы выдумка – рисовка об его отказе от предложения выехать за рубеж, чтобы разделить судьбу других декабристов.

Понятно, что допустимое в устном рассказе, нельзя было при жизни самого Горчакова писать (даже близким людям); потому в написанном в самом благоприятном для Горчакова тоне письме к декабристу И.И. Свистуну от 13 мая 1856 г. об этом не следовало бы упоминать. Но само письмо выразительно показывает представление Пуштина и о самом Горчакове и о своих взаимоотношениях с ним: «...Вы меня спрашиваете об Александре Горчакове. Я с ним виделся на другой день 14-го декабря. Он приезжал повидаться со мной после нашей катастрофы. Это уже доказывает чувства его. Потом всегда, когда из-за границы приезжал в Петербург, всегда навещал моих и пересылал мне дружеские приветы... Теперь он министр, я уверен, что если б случилось встретиться, мы были бы как во время оно»⁴⁷.

Не менее показательно (и важно в плане нашего исследования) отношение к Горчакову другого ближайшего друга Пушкина – Дельвига. Дельвиг не только посвящал ему стихи, но и поведал о своем отношении к князю и невесте – дочери «арзамасца» С.М. Салтыкова. Именно в канун последней встречи Пушкина с Горчаковым, 2 сентября 1825 г. она писала подруге в Оренбург, рекомендуя ей бывшего лицеиста В.Д. Вольховского: «Прошу тебя, дорогой друг, смотреть на этого молодого человека, как на брата Антоши, так как он смотрит, как на братьев, на всех своих товарищей по Лицею, в особенности на хороших (как Пушкин, Горчаков, Вольховский и пр.)» (подч. мною. – С.Ш.)⁴⁸. Как вспоминал граф В.А. Соллогуб, по выпуске из Лицея Дельвиг «часто сопровождал» Горчакова в столичном обществе⁴⁹.

⁴⁶ Лопатников В.А. Горчаков. С. 43–44.

⁴⁷ Пуштин И.И. Сочинения и письма. Т. 2. М., 2001. С. 186.

⁴⁸ Летопись. С. 541–542.

⁴⁹ Соллогуб В.А. Воспоминания. М., 1998. С. 85.

Известно и о неизменной симпатии к Горчакову лицеиста-декабриста В.К. Кюхельбекера: в письме от 5 апреля 1832 г. матери и сестрам находившийся тогда еще в Свеаборгской крепости декабрист, осведомляясь о лицейских товарищах, просит: «не забудьте также узнать о Горчакове»; а дочь Кюхельбекера Ю.В. Косова в записке об отце, опубликованной в 1875 г. (т.е. при жизни канцлера) сообщает: «В лицее он подружился со многими из своих товарищей и остался с ними в сношениях до самой смерти, не смотря на различие их политической судьбы; короче всех сошелся он с Пушкиным, Дельвигом, Горчаковым, Яковлевым»⁵⁰.

В 1825 г., вслед за свиданиями с приехавшими к ссылке Пушкину в Михайловское Пуцциным (в январе) и Дельвигом (в апреле) состоялась в сентябре его встреча и с Горчаковым 14 или 15 сентября.

Это событие по-разному трактуется в литературе, но чаще всего не в пользу Горчакова. При этом привлекаются лишь свидетельства самих встречавшихся – письма Пушкина П.А. Вяземскому (тех дней), его стихотворение «19 октября» и рассказы уже 1870–1880-х гг. Горчакова, отвечавшего тем, кто спрашивал его о встрече с поэтом в 1825 г.

Саму встречу нередко рассматривают как огорчившую поэта, даже унижительную для него прискакавшего сразу же по вызову в имение Пещуровых, где остановился их племянник. Для преуспевающего дипломата Пушкин уже в 1819 г. (когда написано третье послание к Горчакову) был, как выразился Мейлах, «человек иного лагеря»⁵¹, особенно в канун выступления декабристов. Горчаков, мол, вел себя недемократично и самонадеянно, делая Пушкину замечания по поводу стилистики «Бориса Годунова». Встреча показала, что они уже явственно «разошлись».

В последующем изложении предпринята попытка рассмотреть этот вопрос в контексте с другими обстоятельствами именно того времени, т.е. второй половины 1825 г.

Формально Горчаков приехал в имение дяди Лямонова не для встречи с Пушкиным, а возвращаясь в Петербург с заграничного курорта, но внезапно заболел, задержался там и сообщил Пушкину о своем приезде.

Можно предполагать, что именно в связи с этим было сочинено добавление к посланию Горчакову 1819 г., выдержанное в элегическом духе, и послания Горчакову 1817 г. и начатого пред тем но незавершенного послания Пушкина Пуццину (о чем речь шла

⁵⁰ Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 255–256 (Статья «Пушкин и Кюхельбекер»)

⁵¹ Мейлах Б.С. Пушкин и его время. С. 129.

ранее). Это добавление является по существу отдельным стихотворением, как полагают и некоторые пушкиноведы датируя его 1825 годом⁵²:

«Но я не тот: мои золотые годы,
Безумства жар, веселость, острота,
Любовь стихов, любовь моей свободы,
Проходит все, как легкая мечта.
Так иногда за чашей ликования
Найдешь меня, объятаго тоской,
Задумчива, с поникшею главою,
И ты поймешь души моей страданья».

Здесь напоминание о выраженном в более ранних стихотворениях предчувствии несходства послелицейских судеб его и Горчакова и отражение особо доверительного отношения, запечатленного в обращенных к Горчакову стихах еще лицейских лет.

Пушкин, надо полагать, либо был предупрежден о приезде князя, либо приглашен посетить его в имении дяди. Расстояние более 80 километров с заездом в Опочку, да еще, вероятно по не слишком хорошей дороге (насмешливые и возмущенные оценки Пушкиным русских дорог хорошо известны) было непростым путешествием. В ожидании встречи он захватил с собой рукопись с фрагментами «Бориса Годунова». Письмо Вяземскому, видимо, буквально передает ситуацию: «От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии» (так Пушкин сам именуется свою драму – *С.Ш.*)⁵³. Горчаков в 1871 г. рассказывал, что «Пушкин целый день провел у Пещурова, сидя на постеле вновь захворавшего князя»⁵⁴.

Не сказался ли Горчаков нездоровым и потому нуждающимся в лечении (и это после курорта!?) в дядином имении, чтобы повидаться с Пушкиным? Болезнь Горчакова кажется еще более подозрительной, чем настойчивая рекламация Пушкиным тогда же своей болезни для получения разрешения на приезд в столицы или даже, и прежде всего, за рубеж (подробности о чем приведены в книге Ю.И. Дружникова «Узник России: по следам неизвестного Пушкина»).

Сохранилось свидетельство о том, что именно свидание с Пушкиным было целью заезда в имение соседей поэта. Князь П.В. Долгоруков писал об этом (вероятно, со слов самого Горчакова) в «Петербургских очерках», напечатанных в 1860 г. при жизни Горчакова: «В 1825 г. князь Горчаков взял отпуск в Россию

⁵² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 1010–1012.

⁵³ Там же. Т. 13. С. 231.

⁵⁴ Воспоминания. Т. 1. С. 337.

на несколько месяцев; проезжая через Псковскую губернию, он свернул с дороги, чтобы посетить опального товарища своей юности знаменитого Пушкина, в то время сосланного в деревню отца своего село Михайловское и там жившего под надзором местной полиции. Со стороны двадцативосьмилетнего дипломата, ехавшего в Петербург, в аракчеевскую эпоху поездки в деревню для посещения опального друга была весьма благородным поступком. Пушкин оценил это, и всем известны стихи его к лицейской годовщине 1825 года: «Ты, Горчаков, счастливцев с прежних дней» и проч.⁵⁵. (Из авторов биографических очерков о Пушкине и лицах его окружения, кажется только В.Д. Соколов так же охарактеризовал и оценил поступок Горчакова: «Нет, не побоялся блестящий дипломат встретиться с опальным другом»)⁵⁶.

Сообщить о намерении посетить Пушкина более или менее широкому кругу лиц, тем более начальству, было небезопасно для князя подвигающегося к высотам дипломатической карьеры. Хотя П.А. Вяземский, возможно, был предупрежден об этом (следовательно, до отъезда Горчакова на курорт состоялся какой-то разговор с ним о Пушкине и его взаимоотношениях с властями) – в приписке от 15 сентября к письму Вяземскому от 13 сентября, т.е. под непосредственным впечатлением от встречи с Горчаковым Пушкин выражает недовольство: «*Ты вбил ему в голову, что я объедаюсь гонением*» (выделено мною. – С.Ш.)⁵⁷.

По воспоминаниям И.И. Пущина, даже близкие Пушкину люди полагали, что такое свидание может компрометировать пушкинского гостя, и Пущина, тогда уже не офицера, а судью в Москве, т.е. чиновника не слишком высокого карьерного ранга, пугали последствиями поездки к ссыльному поэту. Перед отъездом Пущин спросил у приехавшего ненадолго в Москву А.И. Тургенева, давнего знакомого Пушкина и его семьи, «не имеет ли он каких-нибудь поручений к Пушкину», у которого он собирается побывать в январе 1825 г. Тургенев отреагировал так: «Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором – и полицейским и духовным?» – «Все это знаю; но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении, особенно когда буду от него с небольшим в ста верстах. Если не пустят к нему, уеду назад». – «Не советовал бы, впрочем, делайте, как знаете» – прибавил

⁵⁵ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 160–161.

⁵⁶ Соколов В. Рядом с Пушкиным: Портреты кистью и пером. Ч. 1. М., 1998. С. 244.

⁵⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 227.

Тургенев. Почти те же предостережения выслушал Пущин и от дяди поэта В.Л.Пушкина...»⁵⁸.

Пущин сам учитывал эти обстоятельства; и потому искал ситуацию, не наводящую на подозрение о его желании повидаться с Пушкиным. В воспоминаниях он пишет о подготовке встречи с другом в такой последовательности и взаимосвязи: «В 1824 г. в Москве узнали о ссылке Пушкина в деревню отца под надзор местной власти; надзор этот был поручен Пещурову, тогдашнему предводителю дворянства Опочковского уезда» (об этом можно было узнать и из писем Пушкина, и от Горчакова). «С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, во мне зародилась мысль непременно навестить его. Собираясь на Рождество в Петербург для свидания с родными, я предложил съездить и в Псков к сестре Набоковой: муж ее командовал тогда дивизией, которая там стояла, а оттуда рукой подать в Михайловское. Вследствие этой программы я подал отпуск на 28 дней в Петербургскую и Псковскую губернии»⁵⁹. Пущин тем более не должен был дать повод жандармам для наблюдения, что стал уже видным членом тайного общества и собирался в столице встречаться со своими единомышленниками.

Не потому ли о встрече бывших лицейцев в сентябре 1825 г. в современных событиям документах мы узнаем только из писем Пушкина, а из воспоминаний – лишь от самого князя Горчакова. Горчаков опасался разговоров об этом, а друзья Пушкина Вяземский (получавший письма из Михайловского) и Жуковский (тоже, вероятнее всего, уведомленный об этом как, возможно, и супруги Е.А. и Н.М. Карамзины), не желая подвести Горчакова, никому не говорили об их свидании – тем более после выступления декабристов. И Пещуровы, опасаясь за племянника, друга и Пушкина и лицейцев-декабристов, и к тому же нелюбимого завистливым министром Нессельроде, должны были утаивать то, что могло неблагоприятно повлиять на карьеру молодого дипломата.

Пушкин же, видимо, не был информирован о подобных обстоятельствах и потому настойчиво обращался к Вяземскому (в двух письмах), чтобы тот удержал Горчакова от рассказов о написанных уже «сценах» «Бориса Годунова», «попросил его не говорить об них, не то об ней (драме Пушкина – *С.Ш.*) заговорят, а она мне опротивит, как мои Цыганы, которых я не мог докончить по сей причине».

Известия о работе Пушкина над этой драмой просачивались в общество из его же писем друзьям; и Вяземский советовал ему

⁵⁸ Воспоминания. Т. 1. С. 91.

⁵⁹ Там же. С. 95–96.

«прислать план трагедии Жуковскому для показания Карамзину»⁶⁰. Жуковский призывал «Бейрона Сергеевича» (в те годы так писали фамилию Байрона – С.Ш.): «Дух же твой нужен мне для своего Годунова...»⁶¹.

О восприятии Пушкиным встречи с Горчаковым часто судят лишь по письмам поэта, точнее даже по отдельным фразам из них. Из письма Вяземскому от 15 сентября: «Гор[чаков] мне живо напомнил Лицей, кажется он не переменялся во многом – хоть и созрел и, следств[енно], подсох. Ты вбил ему в голову, что я объедаюсь гонением. Ох, душа моя меня тошнит..., но предлагаемое да едят»⁶². Или из письма не позднее 24 сентября: «Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно, по крайней мере, с моей стороны. Он ужасно высох – впрочем, так и должно, зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем или гнием; первое все-таки лучше. От нечего делать я прочел ему несколько сцен моей комедии...»⁶³.

Ограничиваясь только этими цитатами, исследователи лишь изредка привлекают воспоминания престарелого уже Горчакова, обычно недоумевая по поводу утверждений светлейшего князя о его неизменной дружбе с Пушкиным. И главное – не рассматривают суждения в письмах Вяземскому в контексте всего написанного Пушкиным в те недели, событий августа-сентября 1825 г.

Пушкин тогда с вдохновением отдавался сочинению «Бориса Годунова», упоминая об этом чуть ли не в каждом письме литераторам. В то же время он считал себя (или его считали?) больным «аневризмом»; потому полагали, что следовало показаться опытным врачам. И мать поэта обратилась с просьбой к императору Александру I разрешить Пушкину для лечения приехать в Петербург, Москву или Дерпт. Император же распорядился довольствоваться переездом в губернский город Псков, и Жуковский тогда уговорил дерптского профессора хирурга И.Ф. Мойера (жена того на его племяннице) приехать в Псков и, если необходимо, прооперировать Пушкина. Об этом шла переписка в летние месяцы. Пушкин отказался. Жуковский и Вяземский убеждали его в неправильности такого решения.

Вяземский в письме от 28 августа и 6 сентября укорял Пушкина в неразумии, в неблагодарности друзьям, хлопочущим за него, в любовании своими бедами: «...тебе хочется жаловаться на судьбу, на людей, и где они тебе благоприятствуют, там ты исподтиш-

⁶⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 224.

⁶¹ Там же. С. 230.

⁶² Там же. С. 227.

⁶³ Там же. С. 231.

ка путаешь все, что они ни сделают», «Ты любишься в гонении». Здесь же и рассуждения общественно-политического характера: «Оппозиция у нас – бесплодное и пустое ремесло во всех отношениях», и – нельзя «сажать цветы, не соображаясь с климатом»⁶⁴.

Пушкин (видимо, отвечая ему) 13 сентября, так характеризует огорчившую его «милость царскую»: «Псков для меня хуже деревни, где, по крайней мере, я не под присмотром полиции». Пушкин пишет и о том, что, хотя «друзья хлопочут», ему «хуже и хуже», и «сгоряча» проклинает их, а, затем, одумавшись, благодарит «за намерения»: «Они заботятся о жизни моей; благодарю – но черт ли в эдакой жизни. Гораздо уже лучше от не-лечения умереть в Михайловском. По крайней мере, могила моя будет живым упреком, и ты бы мог написать на ней красивую и полезную эпитафию». Правда, в том же письме Пушкин делится и живыми соображениями о новейшей литературе и своими замыслами относительно «Бориса Годунова»⁶⁵.

Тогда же Пушкин составил черновое письмо императору Александру I с признанием в «необдуманных речах», «сатирических стихах», «юношеских разглагольствованиях», в нарочитых «неприличии» и «дерзости» «своих писаний и речей» в Петербурге накануне ссылки, о том, что он был тогда глубоко тронут «великодушием и мягким образом действий власти», а ныне «прибегает к... великодушию» монарха и «умоляет» «разрешить... пребывание в одной из наших столиц» или «назначить какую-нибудь местность в Европе», где можно было бы «позаботиться» о здоровье⁶⁶.

В тот момент, когда Пушкин был полон таких тревожных и малоприятных для него мыслей и склонен продолжать сопротивление уговорам друзей, пытавшихся вернуть ему милость императора, был критически настроен к этим близким к нему людям (Жуковскому, Вяземскому), и явился в Псковскую губернию Горчаков. Пушкин не забыл, конечно, еще радости встречи с Пушковым в январе 1825 г. и с Дельвигом в апреле. Пушкин вспоминал: «Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему еще не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всем проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании: им не было конца в неумолкаемой нашей болтовне»⁶⁷. Дельвигу Пушкин читал написанную им часть «Бориса Годунова», советовался с другом о предстоящем издании собрания своих стихотворений, «дорожа его мнением и вполне доверяя его вкусу»⁶⁸.

⁶⁴ Там же. С. 220–221.

⁶⁵ Там же. С. 226.

⁶⁶ Там же. С. 227, 548–549.

⁶⁷ Воспоминания. Т. 1. С. 93.

⁶⁸ Летопись С. 500–501.

Пушкин предвкушал подобную же радость от встречи с Горчаковым, заинтересован был узнать мнение своего постоянного лицейского слушателя о его новых произведениях (по воспоминаниям Горчакова, он знакомил его не только с «Борисом Годуновым»). А оказалось, что настроенный Вяземским князь Горчаков говорил с ним, как и Вяземский в письмах, о любовании положением гонимого. В этом причина недовольства, «холодности» Пушкина, а не в разногласиях, кажущихся столь очевидными накануне выступления декабристов. Разногласия выявились давно и откровенно еще накануне высылки Пушкина из Петербурга, что явствует и из послания Горчакову 1819 г. Оба они слишком ценили друг друга и дорожили своими отношениями, чтобы обострять их спорами об общественно-политических воззрениях и действиях правительства.

Да и Пушкин был уже иным в своих политологических суждениях, чем в период дерзкого и демонстративного бунтарства 1819–1820 гг. Работа над «Борисом Годуновым», углубленное знакомство в 1824–1825 гг. с Библией, размышления над страницами «Истории» Карамзина и над изображением государственно-политических страстей Шекспиром явились для него серьезнейшей школой развития и общественно-политического сознания. По своим воззрениям Пушкин уже не походил на декабристов, и ответ на вопрос императора Николая I по возвращении в Москву – скорее свидетельство его представлений об откровенности, необходимой ему внутренне во взаимоотношениях с оказывающим доверие монархом, о долге чести, обязывающем не отступаться от давних друзей, рассчитывающих на его поддержку, о чувстве и форме выражения собственного достоинства.

Существенно изменение в оценке Александра I (или в представлении о том, что должно говорить в этой связи). Ранее Пушкин бравировал публично выпадами против императора (Эти выходы припоминает, рассказывая о Пушкине, Пущин)⁶⁹. В стихотворении же 19 октября строки, могущие вызвать – как понимал поэт – и недоумение у «товарищей» по Лицею:

«Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о, други, угадайте...
Ура, наш царь! так выпьем за царя.
Он человек! Им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей...»

⁶⁹ Воспоминания. Т. 1. С. 85.

Интересно заметить, что в предпоследней строке слово «гоненье» из переписки совсем недавнего времени.

Известно, что Пушкин и позднее сочинял унижающие Александра I стихи: в уничтоженной главе «Евгения Онегина» читаем:

«Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда...»

Имеется также дневниковая запись разговора 1827 г. о намерении написать историю «Александрову пером Курбского»⁷⁰. Но известно и ставшее крылатым словом определение «дней Александровых прекрасное начало», и прославление встречи победителя Агамемнона в стихотворении к двадцатипятилетию основания Лицея: «Была пора: наш праздник молодой...», написанном Пушкиным, уже занявшимся осмыслением и написанием отечественной истории. И не следует ли понимать обращение к «Жестокой летописи князя Курбского»⁷¹ как указание не только на деспотизм царя, а и на перерождение (подобно изображению Ивана Грозного у Курбского) Александра I во вторую половину его правления, в годы аракчеевщины и «мистики придворного курляндья» (об этом – в Послании Горчакову 1819 г.).

Думается, что главные темы разговора с Горчаковым – воспоминания и рассказы о пережитом, как и с Пуцциным (а Горчаков, писал Г.В. Чичерин, «брошенный на чужбину... и там не забывал лицейских товарищей. У Энгельгардта сохранился вид могилы бывшего лицеиста Корсакова, срисованный на месте, в Италии кн. Горчаковым»⁷²); и о литературе, как с Дельвигом.

Солидарность же Горчакова с Жуковским и Вяземским, неприятие им пушкинской позиции лишали встречу желанного тепла (хотя Пушкин пробыл у него целый день); но мнение едва ли не умнейшего из близких ему сверстников (а Пушкин неизменно жарко восхищался проявлением ума собеседниками – и Пестелем, и генералом Киселевым и, конечно же, Карамзиным!), более опытного, чем сам Пушкин не только в вопросах «большой» политики, но и дворцовых противостояний, заставило его более углубленно и спокойно задуматься над тем, что ему советовали

⁷⁰ Разговоры Пушкина (Собр. С. Гессен и Б. Модзалевский). М., 1929. С. 94 (Дневниковая запись А.Н. Вульфа сентября 1827 г.)

⁷¹ Шмидт С.О. О «жестокой летописи кн. Курбского» // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания [Сб. к 70-летию Н.Н. Покровского]. Новосибирск, 2000. С. 406–415).

⁷² Советские архивы. 1974. № 5.

верные и любящие его петербургские друзья. Не это ли побудило его к написанию черновика обращения к императору?

И самое главное: Пушкин убедился, что Горчаков, к радости его, оставался «прежним». Этим определением завершается Послание 1819 г.; оно – и в письме Вяземскому под первым впечатлением встречи (15 сентября).

В стихотворении «19 октября», написанном через месяц после встречи к лицейской годовщине, есть строки:

«...Невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись».

Издатель журнала «Русский архив» и выдающийся пушкиновед П.И. Бартенев просил выяснить у Горчакова, «представляют ли эти стихи только аллегорический оборот речи или содержат указание на действительный случай в жизни Пушкина?». И зять Горчакова, князь А.И. Урусов спросил об этом канцлера 20 апреля 1871 г. Горчаков рассказал, что в 1825 г., «узнав о приезде князя Горчакова, Пушкин тотчас приехал из Михайловского в Лямоново, и здесь, на проселочной дороге, друзья действительно встретились и «братски обнялись», а после того Пушкин провел «целый день», «сидя на постеле вновь захворавшего князя Горчакова»...⁷³

Высказывалось предположение – впервые, кажется, писателем и литературоведом И.А. Новиковым⁷⁴, что Пушкин обратился к Горчакову с просьбой обеспечить ему получение заграничного паспорта, и дипломат согласился ему помочь.

Можно полагать, что была не одна встреча Горчакова и Пушкина в сентябре 1825 г., а две. Во время второй – через несколько дней после первой (не позднее 24 сентября) – было передано пушкинское письмо Вяземскому, начинающееся словами: «Горчаков доставит тебе мое письмо». Горчаков заехал за письмом; это также было ответным визитом вежливости. Родственники Горчакова вспоминают, что восьмидесятилетний светлейший князь, приехав в Москву (обычно это он делал раз в год), был в гостях у племянника Н.А. Хвоцинского и в ответ на вопрос Хвоцинского и его дочерей: «А Вы, дядя, говорят, ездили навещать Пушкина в его ссылке?» сказал: «Да, ездил, но не специально из столицы, а выбравшись из вотчины своего дядюшки Пещурова, заехал в Михайловское и навестил изгнанника. Он находился в ипохонд-

⁷³ Бартенев П.И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992. С. 414; Воспоминания. Т. 1. С. 377.

⁷⁴ Новиков И.А. Пушкин в изгнании. Л., 1985. С. 682–683; Кулешов В.И. Жизнь и творчество А.С. Пушкина. 1987. С. 155; Дружников Ю. Узник России. М., 1997. С. 239–240.

рии, которая время от времени им овладевала, и не знаю, был ли он даже доволен моему приезду. Побыл я недолго, уезжая, обняв его, сказал: «Courage, mon ami, tout vient a temps, a qui sait attendre» («Не падайте духом, мой друг. все приходит вовремя к тому, кто умеет ждать»). Он что-то хотел ответить, но махнул рукой, отвернулся и промолчал»⁷⁵.

Это – явно продолжение разговора о затянувшейся и все более тяготящей Пушкина ссылке и об отношении к стараниям петербургских друзей облегчить его участь. Тяжелое душевное состояние Пушкина («ипохондрия») в тот момент отразилось в тональности письма, написанного, видимо, наспех в самый момент визита (возможно, и неожиданного?). Потому-то там в концовке «некогда более писать»⁷⁶. Горчаков, вернее всего, заехал на обратном пути в Петербург.

В то же время это и комментарий (объяснение или оправдание?) старика Горчакова к опубликованным уже к тому времени этим письмам Пушкина к Вяземскому. Они были напечатаны в 1874 г. в «Русском архиве»⁷⁷, а Горчаков говорил в 1871 г. Урусову, что он «постоянно читает» тома «Русского архива»⁷⁸.

Можно согласиться с наблюдением Е.Л. и В.С. Уколовых, что больше не потребуют привычных поправок строки из стихотворения «19 октября»:

«Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я...»

Здесь – то есть в Михайловском⁷⁹.

Опираясь на однозначное толкование фраз из писем Пушкина Вяземскому в сентябре 1825 г., утверждали иногда, особенно в советские годы, об изменении взаимоотношений Горчакова и Пушкина в канун выступления декабристов.

Но не вернее ли следовать в оценках вслед за самим Пушкиным? Представления Пушкина отражены в стихотворении «19 октября»:

«...Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной;
Все тот же ты для чести и друзей.

⁷⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 230; Уколовы Е.Л., В.С. Пушкин глазами князя А.М. Горчакова (Неизвестные воспоминания) // Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 230.

⁷⁶ Там же. Т. 13. С. 231.

⁷⁷ Русский архив. 1874. Кн. 1. Стб. 419, 423–425; См.: Пушкин А.С. ПСС. Т. 13. С. 481, 482.

⁷⁸ Бартенева П.И. Указ. соч. С. 414.

⁷⁹ Уколовы Е.Л., В.С. Указ. соч. С. 231.

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись»

(выделено мною – С.Ш.).

Когда Горчакову предложили стать членом Пушкинского комитета, выработывавшего программы сооружения памятника Пушкину и организации по этому случаю праздничных торжеств, он отказался. В этом склонны усматривать небрежение к памяти Пушкина. Полагаю, однако, что Горчакова как лицеиста пушкинского выпуска нельзя было обойти таким предложением. А отказался он лишь оттого, что канцлеру невместно быть членом общественного комитета. И потому-то у ставших членами комитета это не вызвало никакой обиды.

Оставшись последним из лицеистов своего выпуска, Горчаков подчеркивал свое сочувствие начинаниям по увековечению памяти Пушкина и крепость своей дружбы с Пушкиным. И, как опытный составитель государственнозначимой документации, захотел и сумел в филигранных фразах создать «портрет» Пушкина для круга своих родных и потомства. Он передан со слов отца внучатой племянницей Горчакова и недавно стал общественным достоянием. Это слово Горчакова и о Пушкине молодых лет, и об отношении к князю друга-лицеиста. Вот этот текст:

«В Лицее я называл его “*regretium mobile*”, всегда порывистый, нервный, вспыльчивый. Будучи великим гением, в котором таилось столько чувств и мыслей, он не мог быть постоянным, и мрачное настроение у него быстро сменялось бурным весельем и неожиданными шутками. Он до самой смерти казался нам, его товарищам, мальчишкой, все тем же лицейским воспитанником. Никогда к нам не относился свысока, не выставлял напоказ ни своих знаний, ни работ. Всегда внимательно выслушивал всякие разговоры, даже самые пошлые, иногда вызывающие его обаятельную улыбку или меткую саркастическую реплику, но всегда добродушно, так как глубоко понимал все черты характера людей, которых как бы видел насквозь. Вся его короткая жизнь была полна противоречий и крайностей, она была кипучим ключом страстной деятельности. Он был ветреным, но порочным – нет, никогда. В одном оставался верен – в привязанности к тем, кого раз полюбил!»⁸⁰. Эту «привязанность к тем, кого раз полюбил», Горчаков испытал на себе, что отражено и в стихотворных текстах Пушкина, обращенных к другу-лицеисту.

⁸⁰ Там же. С. 232.

«Портрет» Пушкина создан Горчаковым, вероятно, на основании впечатлений не только 1810-х – первой половины 1820-х гг. Можно полагать, что они встречались и в начале 1833 г., когда приехавший из Вены дипломат проводил отпуск в Петербурге. В доме Фикельмонов, где Пушкин был завсегдатаем (посещения Горчакова отмечены в дневнике супруги австрийского посла Д.Ф. Фикельмон, 21 января, 2 и 14 февраля)⁸¹, в других салонах и кабинетах, на раутах и балах – ведь они были людьми одного круга общения, оба были и чиновниками одного ведомства (иностранных дел). Вероятно, и творчество Пушкина, и его поведение становились темой и разговоров Горчакова в столичном обществе.

Горчаков – из первых, кто осознал масштабность личности Пушкина и увидел в нем будущее российской поэзии, а Пушкин изначально понял: какое перспективное поприще государственной деятельности открывается перед Горчаковым. Они рано ощутили и значимость и различие их предназначений, и оба дорожили доверительной приязнью.

Думается, что имеется достаточно оснований для утверждения, что и Горчаков был из «друзей души» Пушкина, а выражение «Все тот же ты для чести и друзей» – не метафорическое преувеличение. В стихотворении «19 октября» Пушкин характеризовал свое представление и о четырнадцатилетних взаимоотношениях с Горчаковым, и ощущение от встречи в 1825 г. ссыльного поэта и преуспевающего дипломата. Это – и гимн верности лицейской дружбе, но и отбор особенно дорогих Пушкину имен лицейцев.

⁸¹ Летопись. Т V (Составитель Н.А. Тархова). М., 2005. С. 428, 446.

БЫЛА ЛИ ЛЕВОЭСЕРОВСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА?

В.М. Лавров

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и состоявшийся вскоре Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов сделали неизбежным раскол эсеровской партии, организационное оформление партии левых эсеров. Именно во время Чрезвычайного крестьянского съезда открылся I (Учредительный) съезд левых эсеров, в который как бы перетекли лидеры и активисты из левоэсеровской фракции чрезвычайного съезда.

Левоэсеровскому большинству Чрезвычайного съезда пришлось выработать и принимать принципиальные политические решения, которым следовало находиться в компетенции партийного, а не советского форума. В компетенции ЦК, если требовались срочные решения. Но ни ЦК, ни одного партсъезда пока не было. Однако составлять большинство и уклониться от принятия конкретных решений не представлялось возможным, не соответствовало настроению простых членов фракции. Поэтому левоэсеровскому большинству советского съезда пришлось сыграть роль руководящего органа рождающейся партии, предопределить политический курс предстоящего партийного форума. I съезд партии, заявляющей, что только она отстаивает интересы трудового крестьянства, не мог пойти против решительного курса, выработанного крестьянскими депутатами и провозглашенного от имени трудового крестьянства.

Левоэсеровские лидеры связали свои имена с курсом Чрезвычайного съезда, оказались в зависимости от радикальных настроений, революционного нетерпения и восторженности солдат и крестьян, записавшихся в левоэсеровскую фракцию съезда. А записавшиеся – новоиспеченные левые эсеры – проявили склонность к сотрудничеству с такими же простыми и решительными большевиками. И лидерам фракции пришлось умерить ревниво-осторожное недовольство действиями большевиков, подстроиться под настроение собственной фракции, довериться этому настроению съехавшихся депутатов¹.

I съезд (ноябрь 1917 г.) создал, учредил Партию левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Ее знаменами стали «самая популярная и влиятельная женщина в России,

¹ См.: *Лавров В.М.* «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М., 1996. С. 123–188.

Мария Спиридонова», по свидетельству Джона Рида², и старейший среди эсеров всех направлений М.А. Натансон. Но одного, очевидного вождя левых эсеров съезд не выявил, хотя самым активным из группы лидеров был Б.Д. Камков. И в этом левые эсеры изначально проигрывали большевикам, во главе которых стоял бесспорный основатель и организатор, идеолог и вождь партии В.И. Ленин.

На макроуровне, в Совнаркоме в целом, как бы отрекаясь от себя ради построения социализма, левым эсерам удавалось сплотиться с большевиками. Однако при отстаивании своих партийных интересов и ряда требований крестьян они натыкались на саботаж большевиков. Это противоречие и двойственность оказались более глубокими причинами, породившими дискуссии об отношении к власти большевиков, чем мир с Германией, который ускориł и без того зревший разрыв.

Большинство делегатов II левоэсеровского съезда (апрель 1918 г.) составили молодые люди от 19 до 30 лет, без законченного образования, не крестьяне, прошедшие через тюрьмы и каторгу. Особенностью состава съезда являлась непропорционально большая (по сравнению с социально-профессиональной и образовательной структурой народа) доля рабочих, студентов и лиц «без определенной профессии». С таким составом партии было трудно стать подлинно крестьянской.

Левоэсеровские лидеры не осознавали, не чувствовали, что уход образованных членов партии к эсерам (центра и правым) создал для левых не только труднопреодолимые организационно-интеллектуальные проблемы, но стал предупреждением о возможном грядущем банкротстве самих левых эсеров.

Если на I партсъезде Спиридонова была прежде всего «левоэсеровским знаменем», то на II съезде она состоялась и как страстный, откровенный и способный лидер партийного меньшинства. Более того, аргументация Марии Александровны выглядит убедительнее, чем доводы ее оппонентов. Но, как подметила А.А. Биценко, «мы друг другу ничего не можем доказать»³. Судя по выступлениям на заседаниях, отношение к ратификации Брестского договора и выходу из Совнаркома основывалось не столько на анализе степени вероятности различных вариантов развития событий, сколько – оказалось зависимым от степени личностного радикализма делегатов, их субъективных симпатий и антипатий и настроений, от того, что можно назвать политической верой и верностью идеологическим догматам. Делегаты

² Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 247.

³ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.

ощущали угрозу со стороны большевиков, сработало чувство самосохранения партии, претендующей быть единственным революционным лидером, – и партию понесло со всей смелостью и решительностью, которые свойственны искренним радикалам. При этом сама Мария Александровна подлила масла в огонь, откровенно отчитавшись о закулисном отношении большевиков к закону о социализации земли и крестьянской секции ВЦИК.

При изучении стенограмм II съезда создается ощущение не столько съезда массовой народной партии, сколько – касты и своры. Атмосфера затхлости порождена, очевидно, тем, что отсутствовала «свежая струя» снизу, нет крестьянского съезда «в паре» с партийным, как было в конце 1917 г. К тому же в середине апреля 1918 г. стало очевидным укрепление большевистской диктатуры, стремящейся подмять под себя и представительные органы крестьянства, и левоэсеровскую партию. Последняя оказалась на перепутье. Победа во внутрисъездовой дискуссии весьма радикального Б.Д. Камкова и его избрание председателем президиума ЦК партии определили вектор дальнейшего движения левых эсеров – вектор движения к 6–7 июля. В этом историческое значение состоявшегося съезда.

М.А. Спиридонова, открывая III партсъезд (28 июня–1 июля), дала понять, что перестала поддерживать сепаратный мир. Признание позиции предшествовавшего съезда связано с готовностью подчиниться «всякому вашему решению, потому что компетенция организации в обсуждении интересов дела всегда выше компетенции одного человека»⁴.

Выступления делегатов с мест показали, что в значительном большинстве представленных на III съезде губерний большевики утрачивают ранее обретенную лояльность или доверие крестьян, отношение которых к большевикам колеблется от недовольства до враждебности; их поддержка как бы перетекает от большевиков к левым эсерам. Одновременно наметилась тенденция к дальнейшему (через голову левых эсеров) перетеканию крестьянских симпатий вправо: к эсерам (центра и правым), меньшевикам и энесам, к монархистам, белогвардейцам и священникам, к Учредительному Собранию. Маятник политических симпатий мятущегося народа качнулся в обратном направлении, по сравнению с концом 1917 года. Не оправдывались завышенные крестьянские надежды, порожденные декретами о мире и о земле.

Взросшая народная поддержка и одновременно возможность ее утраты толкали левых эсеров к быстрым, решительным, воле-

⁴ См.: Спиридонова М.А. Письмо о принадлежности к партии эсеров // Лавров В.М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. М., 1996. С. 115.

вым действиям. Тем более, что несколько местных левозеровских парторганизаций находились на грани прямого, даже вооруженного столкновения с большевиками. Наконец, в столкновении оказались заинтересованы сами большевики, чтобы одолеть левозеровских конкурентов, воспользовавшись преждевременностью их выступления.

Преждевременностью и авантюристкой потому, что III съезд показал: хотя в большинстве представленных на нем губерний имеет место весьма критическое отношение к Брестскому миру, рассчитывать на поддержку левозеровского восстания можно лишь в оккупированных немцами (Украине и Белоруссии) и прифронтовых южных районах. Этого недостаточно, чтобы взять власть в России, изменить внутреннюю и внешнюю политику страны. Более того, в столице ощущалась усталость рабочих от борьбы, а в Петрограде отношение левых эсеров к большевикам было мирное.

Осознание необходимости быстрых решительных действий сочеталось с отсутствием ясного общепартийного представления о характере этих действий, вообще о ближайшей политической перспективе. В результате родилось лишь признание «необходимым, чтобы партия без промедления всей силой своего влияния и партийного аппарата выпрямила линию советской политики»⁵. Что значит «выпрямила линию»? Формулировка в резолюции В.А. Карелина – неопределенная, сродни известному русскому выражению: «пойди туда, не знаю куда». Однако внешне неясная формулировка скрывала реальные предложения, выдвинутые во внутрисъездовской дискуссии. Их диапазон простирался от намерения повести V съезд Советов за собой до ностальгической настроенности на террористический акт и организацию восстания за Советскую власть с равноправием крестьян и рабочих. Принятие резолюции перед открытием съезда Советов и требование действий «без промедления» толкали именно к такой последовательности действий. Поэтому грядущие роковые для левых эсеров события обуславливались не только радикальностью Б.Д. Камкова, П.П. Прошьяна, Д.А. Черепанова, В.Е. Трутовского и М.А. Спиридоновой, но исторически сформировавшимся характером их партии и самим развитием событий, подошедших к критическому рубежу.

При изучении стенограмм и протоколов III партсъезда не возникает ощущения касты и своры, как при исследовании II съезда; и, очевидно, потому, что было много интересных, «живых»

⁵ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.

выступлений делегатов с мест. Шла не только верхушечная борьба между лидерами (с их мнениями и амбициями) – перед нами полноценный партийный съезд делегатов от 58 тысяч членов партии; всего в партии примерно 300 тысяч человек, включая членов крупных парторганизаций на оккупированных территориях.

М.А. Спиридонова стала первым номером в официальном списке левоэсеровского ЦК, его единственным «знаменем». Она перестала быть лидером меньшинства, являлась одним из самых влиятельных партийных вождей. Она выделялась из членов ЦК еще и тем, что рассматривала несколько вариантов возможных действий. Одновременно, ее трудно назвать профессиональным политиком, Мария Александровна предстает фанатичной революционеркой и интернационалисткой, готовой ради торжества своих идей отдать Москву и Петроград на растерзание немцам⁶. Выступления Спиридоновой со всей очевидностью обнаруживают, что она являлась в первую очередь радикальной социалисткой, а уже потом – крестьянским лидером.

Партия Б.Д. Камкова, В.А. Карелина и М.А. Спиридоновой не только начала зависать над пропастью, но и отрываться от своей социальной базы. Повторяя и повторяя слово «восстание» (во всех смыслах), левые эсеры оказались замороженными им и – при известном стечении обстоятельств – вовлеченными в удивительный водоворот событий: в вооруженное выступление, в вооруженную оборону, в своеобразное и нетипичное сопротивление-восстание, что, однако, было скорее терминологической политизированной проблемой, чем проблемой конкретно-исторической. Срыв Брестского мира и попытка увлечь Совнарком за собой были бы реальны лишь при восстании, при захвате власти, а левые эсеры, вдохновленные III съездом, стремились именно к быстрому и решительному перелому политической ситуации в свою пользу. Исследование материалов этого съезда показывает, что у левоэсеровских лидеров отсутствовало не желание, не стремление низвергнуть власть большевиков, а уверенность в успехе, отсюда и ставка на террористический акт, провокацию войны, а не на наступательное восстание.

IV партсъезд (октябрь 1918 г.) по частичным данным представлял до 22663 членов партии и, безусловно, еще тысячи и тысячи левых эсеров состояли в ней. Для сравнения: в феврале 1917 г. было 23 тысячи большевиков... Костяк левоэсеровской партии сохранился, а Спиридонова даже в тюрьме осталась «левоэсеровским знаменем» и одним из лидеров. В целом партия

⁶ Там же. Л. 203.

была полуразгромлена, полузагнана в подполье, пребывала в переходном положении. Она вытеснялась из советской политической системы.

До 28% анкет делегатов свидетельствуют, что социализация земли не проводилась даже через год после утверждения Советской власти; 23% дают ответ о проведении социализации, без каких-либо оговорок; 17% о частичном и искаженном проведении из-за саботажа большевистской власти; 30% не дают ответов, но часть из них близка, перетекает и увеличивает вышеуказанные 17%. Таким оказался результат, ради достижения которого левые эсеры остались на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, способствовали расколу крупнейшей политической партии, затем входили в правительственный блок и помогли укрепиться большевистской власти и, наконец, распустили исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов.

О намерении «перекроить эсеровскую социализацию» Ленин говорил еще до принятия декрета о земле⁷. И социализация проводилась, не проводилась и корректировалась большевиками в таких соотношениях, направлениях и масштабах, что крестьяне и левые эсеры удерживались все-таки в поле притяжения происходящего социалистического переустройства.

В целом стенограммы заседаний и анкеты свидетельствуют, что после 6–7 июля 1918 г. левоэсеровская партия не дистанцировалась от своего руководства (как утверждалось в советской историографии). Раскола (сопоставимого с расколом РСДРП на большевиков и меньшевиков или расколом самих эсеров в конце 1917 г.) не было. Причем комплекс сведений стенограмм и анкет о переходах в другие партии, о численности левоэсеровских партий-организаций свидетельствует, что происходил не столько политический раскол, сколько отток в беспартийные. Отток вступивших в советскую правительственную партию приспособленцев, карьеристов и просто тех, кто не обладал достаточной отчаянностью, чтобы устоять при нараставшем давлении властей, при красном терроре. IV съезд оказался последним съездом Партии левых эсеров (интернационалистов)⁸.

Партия Ленина в принципе допускала существование другой социалистической партии, однако на заведомо второстепенной (подыгрывающей) роли. И поскольку левоэсеровская партия не соглашалась на такую роль, то победил сильнейший.

⁷ Фофанова М.В. Как рождался декрет о земле // Новый мир. 1960. № 4. С. 145.

⁸ Подробно о съездах партии левых эсеров см.: Лавров В.М. Партия Спиридоновой (Мария Спиридонова на левоэсеровских съездах). М., 2001.

Вооруженное выступление и поражение бывших союзников большевиков, последовавшее за этим принятие большевистской Конституции РСФСР знаменовали, по нашему мнению, завершение Великой российской революции 1917–1918 годов.

Материалы левоэсеровских съездов дают возможность представить русский победивший бунт, возглавленный и ведомый партией Ленина, но не являвшийся только лишь большевистским. Он – и левоэсеровский, и крестьянский... Он – народная революция, в которой проявились и сложились, взаимодействовали и взаимовлияли различные составляющие. Он потерпел бы поражение, будь только большевистским или левоэсеровским. И в этом смысле левоэсеровская альтернатива отсутствовала.

РАЗРЯДКА В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1970-х гг.

(по новым документам архивов России и США)

В.О. Печатнов

В данной статье речь пойдет о крупной проблеме сравнительно недавней истории международных отношений, изучение которой вступает сейчас в качественно новый период. Конечно, о т.н. разрядке в советско-американских отношениях 1970-х гг. писалось немало, но до сих пор это были либо мемуары участников (А.Ф. Добрынин, Г.М. Корниенко, Г. Киссинджер, Р. Никсон и др.), либо исследовательская литература, основанная на этих мемуарах, прессе и других открытых источниках и материалах. Ныне ситуация стремительно меняется буквально на глазах – появилась возможность ввести в научный оборот огромный массив рассекречиваемых внешнеполитических документов того периода, прежде всего из американских, а также германских, английских и французских архивов. В США это происходит в рамках установленного законом рассекречивания государственных документов с примерно тридцатилетним интервалом, многие из них затем публикуются в известной серии «Foreign Relations of the United States». В настоящее время готовятся первые тома этой серии, посвященные советско-американским отношениям 1970-х гг. Ориентировочно их будет 5–6 томов; одной лишь встрече в верхах 1972 г. будет посвящен отдельный том.

Однако для создания полноценной картины дипломатического взаимодействия СССР и США одних документов американской стороны, разумеется, недостаточно. В связи с этим, учитывая историческое значение уникального прорыва в советско-американских отношениях, Государственный департамент США и Министерство иностранных дел России договорились о совместной публикации документов обеих стран по периоду разрядки. В настоящее время завершается работа над первым томом, охватывающим период 1969–1972 гг. Автору выпала честь быть научным консультантом этого издания с российской стороны, и настоящая работа основана на материалах данного научного проекта, получившего условное название «канал Добрынин–Киссинджер».

Замысел его состоит в том, чтобы ввести в научный оборот новые, только что рассекреченные внешнеполитические документы, отложившиеся в архивах обеих сторон. Наиболее близкий исторический аналог этой публикации – фундаментальный сбор-

ник документов по начальному периоду российско-американских отношений, подготовленный при ведущем участии академика Н.Н. Болховитинова в конце 1970-х гг., также в сотрудничестве с Госдепартаментом США и до сих пор широко востребованный историками обеих стран¹.

Основу сборника составляют документы, связанные с функционированием уникального дипломатического канала между этими двумя выдающимися дипломатами. Он был установлен по инициативе американской стороны в феврале 1969 г. и действовал до конца 1976 г. (т.е. практически весь срок правления администраций Никсона–Форда и пребывания Киссинджера на посту помощника президента по национальной безопасности и госсекретаря). По сути канал был формой совершенно секретной связи между Белым Домом и Политбюро ЦК КПСС, действовавшей в обход госдепартамента и других государственных органов обеих стран. В США о его существовании знали только Никсон и Киссинджер, а в СССР – ведущие члены Политбюро, глава МИД А.А. Громыко, его первый заместитель В.В. Кузнецов и заведующий отделом США. Добрынин и Киссинджер обычно встречались один на один (без переводчиков) в Белом доме, реже – в советском посольстве, а с весны 1972 г. между ними была установлена секретная линия прямой телефонной связи.

Через этот канал проходил неформальный зондаж и согласование позиций обеих сторон, шел обмен наиболее конфиденциальной информацией, оперативно находились развязки самых сложных и деликатных проблем советско-американских отношений. Проблемы эти выходили далеко за рамки чисто двухсторонних отношений, поскольку взаимодействие двух сверхдержав затрагивало вопросы, возникающие в связи с региональными кризисами (Вьетнам, Ближний Восток, индо-пакистанский конфликт и др.), ограничение стратегических вооружений, отношения с Китаем, процесс европейской разрядки и многое другое. Вот почему «канал Добрынин–Киссинджер» открывает окно в политическую кухню обсуждения и урегулирования важнейших международных проблем тех лет.

Концепция проекта предопределила и подбор документов. Это прежде всего записи бесед участников этого тандема, причем данные в сопоставлении. Как хорошо знают практики и историки дипломатии, одни и те же беседы откладываются в записях сторон по-разному, в зависимости от их целей, подходов и пристрастий. Тем самым, сравнение обоих вариантов позволяет уточнить

¹ Россия и США: Становление отношений. 1765–1815. М., 1980; The United States and Russia: The Beginning of Relations. 1765–1815. Washington D.C., 1980.

специфику восприятия обсуждаемой проблемы каждой стороной и то, как результаты этих дискуссий докладывались на самый «верх»: записи Добрынина ложились в основу его телеграмм, а записи Киссинджера передавались лично президенту Никсону. Надо сказать, что по нашей, общей с американскими коллегами оценке, записи Добрынина заметно глубже, подробней и ярче, содержат больше размышлений и рекомендаций, чем очень лаконичные и сухие записи Киссинджера.

Вторая важная категория представленных документов – записи бесед и переговоров более высокого официального уровня – А.А. Громыко с Никсоном и Киссинджером, Киссинджера с советским руководством во время его секретной поездки в Москву и двухсторонние переговоры на встрече в верхах 1972 г. Эти документы также планируется опубликовать в обеих версиях, поскольку даже в официальных записях переговоров есть заметные отличия. (Здесь, напротив, американская версия подробнее нашей и фактически вплотную приближается к стенограмме заседаний.) Серьезное значение имеет и впервые публикуемая переписка лидеров обеих стран, в которой затрагивается широкий спектр проблем советско-американских отношений и мировой политики.

Еще один вид документов представляют указания Добрынину и Киссинджеру со стороны своего руководства (телеграммы Громыко и письменные директивы Никсона), а также меморандумы Киссинджера президенту.

Отдельно следует сказать о другом ценном виде источников – записях телефонных разговоров между Добрыниным и Киссинджером, и особенно – между Киссинджером и Никсоном. По степени достоверности в передаче атмосферы, настроений и мотивов собеседников он стоит выше других, так как, во-первых, исключает последующее редактирование их содержания, а во-вторых потому, что в спонтанной устной речи люди более естественны, выдают себя больше, чем при письменном общении. (Любопытно, что американские архивисты – хранители этих материалов – считают источником только сами магнитофонные пленки, а не их письменную расшифровку, поскольку в процесс такой расшифровки неизбежно включается субъективное человеческое восприятие, и здесь возможны искажения). Не случайно Киссинджер упорно отстаивал свои исключительные права на эти материалы как личные документы, и юристам госдепартамента и научной общественности стоило немалых трудов добиться их передачи в Национальный Архив США.

С нашей стороны, к сожалению, не удалось на том же уровне документировать обсуждение и принятие внешнеполитических

решений на вершине партийно-государственной вертикали – ЦК КПСС и Политбюро. Но тем не менее мы благодарны Архиву Президента РФ за другие предоставленные материалы – записи ключевых переговоров 1972 г. на высшем уровне.

Надо отдать должное американской стороне, которая подошла к этому проекту в духе большой открытости, предоставив весьма конфиденциальные материалы. Кроме упомянутых записей телефонных разговоров следует отметить отчеты Киссинджера о его переговорах в Кремле в апреле 1972 г. и инструкции к нему от Никсона, которые передавались по специальному каналу военной радиосвязи напрямую в Белый дом в обход американского посольства и Госдепартамента (посольство США в Москве не знало о предстоящем визите, и Киссинджер привез связистов с собой). Кроме того, в нескольких меморандумах Киссинджера Никсону есть ссылки на информацию, полученную путем перехвата радиотелефонных разговоров членов Политбюро, которые велись из их служебных автомобилей.

Всего для публикации в первом томе сборника, охватывающем период 1969–1972 гг., отобрано порядка 380 документов общим объемом около 60 п.л. По общему мнению наших и американских специалистов это – богатая коллекция первоклассных документов, которая обещает стать источниковой базой для новых концептуальных подходов в рамках данной проблемы. Не все выявленные и рассекреченные документы обеих сторон войдут в том, но все они, как мы договорились с американцами, будут в той или иной форме предоставлены научной общественности в соответствии с правилами каждой страны. Публикация обеих – русско-язычной и англо-язычной версий намечена на осень 2007 года. Одновременно с презентацией тома планируется проведение научных конференций в Вашингтоне и Москве с привлечением участников тех событий, включая (как мы надеемся) и самих Добрынина с Киссинджером.

* * *

Остановимся на содержательной стороне вопроса. Что нового говорят нам эти документы? Какова их значимость для научного анализа международных отношений того периода? Выскажем лишь некоторые предварительные соображения по этим вопросам, возникшие в результате ознакомления с этими источниками.

При анализе разрядки в советско-американских отношениях, как и любого другого исторического явления, прежде всего, встает вопрос о его природе и причинах возникновения. Слож-

лось так, что генезис разрядки оказался гораздо менее исследованным в историографии, чем ее закат, связанный с соперничеством сверхдержав в третьем мире, событиями в Афганистане и др. Поэтому сосредоточимся прежде всего на этой стадии, тем более, что полученные документы относятся к данному периоду. При анализе происхождения разрядки в зарубежной историографии сталкиваются две основные интерпретации: первая видит ее причины в глубоких структурных изменениях, произошедших в международных отношениях, – в соотношении сил, росте многополярности мира, меняющейся роли самой военной мощи и т.д. Сторонники второго подхода акцентируют временные, конъюнктурные факторы и склонны рассматривать генезис разрядки как явление, вызванное уникальным стечением обстоятельств и личностей, короче говоря – как аномалию в истории холодной войны.

Погружение в реальные документы этого процесса позволяет выявить его очень сложный и неоднозначный характер, чуждый такой дихотомии. Разрядка предстает крайне противоречивым, многослойным процессом, в котором объективные и субъективные, структурные и конъюнктурные факторы неразрывно переплетались друг с другом.

Рассмотрим только некоторые, наиболее существенные из них.

I. ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПАРИТЕТ

Известна традиционная в нашей историографии разрядки точка зрения, в соответствии с которой именно достижение военно-стратегического паритета, создавшее новое соотношение сил между СССР и США, стало ее важнейшей объективной предпосылкой. Логика ее состоит в том, что мы, наконец, догнали американцев в гонке вооружений, заставили их признать нас в качестве равновеликой (по крайней мере, в военном отношении) державы и начать с нами серьезный разговор по широкому кругу международных проблем.

Новые американские и наши документы подтверждают важность военно-силового фактора. Во-первых, мы теперь точно знаем, каким языком разговаривали с нами американцы во время самых ответственных переговоров. Это был язык подчеркнутого уважения, равенства, общей ответственности двух великих держав за судьбы мира. Киссинджер в ходе подготовки к своей секретной поездке в Москву (в апреле 1972 г.) и во время самих переговоров подходил вплотную к признанию американской ответственности за холодную войну, говорил Брежневу: «главное пре-

пятствие с нашей стороны, по-видимому, состояло в том, что нам казалось необходимым в отношениях с вами договариваться с позиций превосходящей силы» («бесполезная, пустая затея», – ответил на это Брежнев)². Никсон на переговорах с советским руководством 22 мая: «... Нас свело вместе то, что обе наши страны являются сильными странами, что они взаимно уважают друг друга, а также то, что каждая сторона признает, что независимо от своего желания ни та, ни другая из наших стран не может позволить другой получить над собой преимущество с точки зрения военной мощи. Временами то одна, то другая сторона выходит вперед, но оба наших народа – это сильные народы, обладающие большими производительными ресурсами, и они по велению самой судьбы должны будут в течение многих лет вести дела друг с другом на равной основе»³.

Конечно, в этой риторике равенства была изрядная доля дипломатической вежливости и лести, сознательного подыгрыша великодержавным настроениям советских руководителей. Но и в откровенных разговорах между собой, отложившихся в новых американских документах, сквозит то же признание советской мощи и необходимости считаться с ней. В своих портретах советских лидеров, составленных для Никсона накануне первой поездки того в Москву, Киссинджер пишет: «Брежнев и кампания руководят сверхдержавой, во многих отношениях равной нашей собственной. За их словами стоит вес нынешнего стратегического паритета, тогда как сила китайцев проистекает из сочетания их долгого прошлого и неизбежного будущего»⁴.

В этих разговорах и переписке Никсона с Киссинджером ощущается и другое – озабоченность тем, насколько серьезно советское руководство опасается американской мощи и верит в способность самого Никсона ее использовать. Это тревожное ощущение относительного упадка американского влияния и подъема военно-политической мощи СССР составляет общий фон восприятия тенденций мирового развития в тогдашнем Белом доме. Сейчас трудно себе представить, что такое было возможным всего одно поколение назад.

Важнейшей целью «большой стратегии» Никсона–Киссинджера как раз и было «укрощение» этой растущей советской мощи за счет ее сдерживания новыми противовесами (прежде

² Коллекция документов из Архива Президента Российской Федерации.

³ Там же.

⁴ The Soviet Leaders (Memorandum for the President from H. Kissinger). – National Archives (далее – NA), Nixon Presidential Material Staff, National Security Files, President's Trips, Box 474.

всего – Китаем), а также за счет ее «приручения» путем постепенной интеграции СССР в западное сообщество, признания его законных интересов в сфере безопасности. В этой второй части американская стратегия разрядки 1970-х гг. перекликалась со стратегией Ф. Рузвельта, который тоже пытался решить проблему взлета советской мощи на ее предыдущем витке – в годы Второй мировой войны⁵. Характерно, что Никсон и Киссинджер в переговорах с советскими лидерами не раз ссылались на этот период советско-американских отношений как образец для себя, что очень несвойственно для деятелей антирузвельтовской республиканской партии.

И это были не только слова и планы. Известно, что в годы Разрядки США и их союзники пошли гораздо дальше, чем их предшественники в практическом признании военно-стратегического паритета (Соглашение ОСВ-1 и Договор по ПРО), послевоенного статус-кво в Европе и де-факто – советской сферы влияния в Восточной Европе, урегулировании германской проблемы и даже в выработке согласованных правил поведения двух сверхдержав в виде Декларации 1972 г. «Основы взаимоотношений между СССР и США». Небольшой, но красноречивый пример из новых документов этого негласного уважения советской сферы влияния – дело доходило до испрашивания Никсоном совета и согласия Москвы на его визит в Польшу в 1972 г. Выходит, что имперские интересы «тоталитарного» или «авторитарного» Советского Союза уважались Соединенными Штатами в большей степени, чем сейчас уважаются гораздо более скромные интересы посткоммунистической России. И во многом это объясняется нынешней огромной асимметрией мощи между нашими странами.

И все же, даже в 1970-е годы паритетная модель советско-американских отношений оказалась неустойчивой, особенно для США. Если для Советского Союза, как «догоняющей» стороны в гонке вооружений, достижение паритета и разрядки в целом было почетной «ничьей» в холодной войне, ничьей, близкой к победе, то для США – многолетнего лидера в этой гонке, привыкшего к своему преобладанию в мире, такая ничья была равнозначна поражению. Отсюда – непрочность разрядки в США, стремление выйти из паритета за счет нового военно-силового рывка, которое подрывало разрядку.

⁵ Подробный сравнительный анализ этих двух периодов см. в: *Печатнов В.О.* Советско-американское сотрудничество 1941–1945 гг. как исторический прецедент разрядки в отношениях между СССР и США // *Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы.* Ч. I. М., 2003. С. 49–53.

II. «КИТАЙСКИЙ ФАКТОР»

Это второй структурный фактор разрядки, который явно прослеживается в новых документах.

Он имел структурный характер, поскольку появление КНР в качестве самостоятельного центра силы было частью общей долгосрочной тенденции к росту полицентризма внутри советской, а отчасти, и американской системы союзов. Основные контуры взаимоотношений и политики США в стратегическом треугольнике «Москва–Пекин–Вашингтон» известны в историографии. Но новые документы конкретизируют и уточняют имеющиеся представления по ряду аспектов. Кратко остановлюсь на некоторых из них.

Прежде всего, обнажаются подлинные мотивы американцев в их «китайской игре» и ее очень раннее происхождение. Уже в июле 1969 г., до установления контактов с КНР Никсон со злорадством предвкушает болезненную советскую реакцию на запланированное американо-китайское сближение – «русские, – говорит он Киссинджеру, – сойдут с ума от нашей китайской игры»⁶. Еще через полгода – уже после того, как был открыт конфиденциальный канал на уровне послов США и КНР в Польше, Никсон прямо объясняет Киссинджеру мотивы американского «открытия Китая», вспоминая уроки Аденауэра и де Голля – «если у вас двое врагов, используйте одного против другого»⁷.

Второй момент связан с использованием советских опасений в отношении Китая, которые американцы уловили с самого начала. Так, в июле 1970 года Никсон говорит Киссинджеру, что русские «не могут без тревоги взирать на огромный китайский колосс», тем более, что в случае войны с Советским Союзом китайцам «будет наплевать» на потери. Да, «они могут занять Сибирь, которая почти не заселена», – соглашается Киссинджер⁸. Американцы прекрасно понимали, что в условиях резкого обострения отношений с Китаем Советский Союз остро нуждается в стабилизации своих отношений с Западом. Киссинджер даже считал, что именно в этом кроется главный советский интерес в разрядке – «очистить свой радар» на Западе, чтобы затем сосредоточиться на Китае вплоть до «нанесения удара» по нему в 1973 г. В таком случае, отвечал ему Никсон, русские должны понимать, что «мы пойдем далеко навстречу Китаю»⁹.

⁶ Telecon: The President / Mr. Kissinger. July 18, 1969 // Transcripts of Kissinger's telephone conversations, Library of Congress Manuscript Division.

⁷ Ibid., January 19. 1970.

⁸ Ibid., July 28. 1970.

⁹ Ibid., May 14. 1972.

Этот диалог подводит к вопросу, который практически не встречается ни в американской, ни в нашей историографии (может быть, он есть в китайских документах и литературе), а именно – если в Белом доме действительно считали советский удар по КНР вероятным, то не было ли одним из мотивов США в этом быстром сближении с Китаем желания исключить или, по крайней мере, осложнить для нас такой вариант (из которого Китай вряд ли бы вышел победителем) и тем самым сохранить КНР в качестве самостоятельного центра силы. Оптимальной комбинацией для Вашингтона была ситуация регулируемой напряженности между Москвой и Пекином, на температуру которой они могли бы влиять, поддерживая и с Китаем и СССР более теплые отношения, чем были у них между собою – классическая схема баланса сил. При такой комбинации в треугольнике можно было использовать в своих интересах советские страхи перед КНР и китайские – перед СССР. Яркий пример использования этих советских опасений, который подтверждается новыми документами, это подготовка советско-американской встречи в верхах 1972 г. Советская сторона поначалу затягивала этот вопрос в надежде выжать из американцев дополнительные уступки, но сразу же после секретной поездки Киссинджера в Пекин и объявления о предстоящей поездке туда Никсона активизировался обмен по каналу Добрынин–Киссинджер, и началась конкретная подготовка ко встрече в Москве. Теперь, говорил Киссинджер Никсону в августе 1971 г., «у Вас есть полное уважение китайцев, да и русские в кармане»¹⁰.

При всем этом тонком балансировании между Москвой и Пекином политика США имела явный крен в сторону Китая. Конечно, на словах американцы всячески успокаивали советских представителей относительно своих дел с китайцами, уверяли, что все это не против СССР, что обо всем существенном с Пекином они нас информируют и т.д. Но внутренние документы Белого дома содержат жесткие инструкции Никсона Киссинджеру: ни в коем случае не раскрывать русским содержания переговоров с Мао, соблюдать предельную осторожность¹¹. Китайцам они гораздо больше говорили о своих делах с Москвой, чем – наоборот; в частности, держали их через Пакистан в курсе секретных переговоров по ОСВ-1.

Эта разница ощущается даже на уровне личного восприятия американцами советского и китайского руководства. Хотя в советско-американских переговорах гораздо больше конкретики,

¹⁰ Ibid., August 16. 1971.

¹¹ Ibid., May 14. 1973.

живости, взаимопонимания и юмора, чем в абстрактных и иноязычных дискуссиях с Мао и Чжоу Эньлаем, во внутренних американских оценках и впечатлениях предпочтение всегда отдается китайцам. Советские лидеры в них грубы, примитивны, невыдержанны, неуверены в себе; китайцы – напротив, рафинированы, сдержанны, исполнены самообладания и чувства собственного достоинства – «иметь дело с ними», пишет Киссинджер Никсону, «гораздо приятнее, чем с русскими»¹². Думается, что помимо антисоветизма американского руководства, немалое значение в создании этого «крена» сыграла хитроумная политика Пекина, который вел свою собственную игру по использованию «американской карты» против СССР.

Четвертый момент касается советского восприятия этой хитроумной китайской игры американцев – насколько хорошо ее понимали в Москве. Здесь еще много неясного, имеются обширные лакуны в наших документах о настроениях на «самом верху», но одно можно сказать с уверенностью на базе имеющихся новых документов – из нашего посольства в Вашингтоне поступала высококачественная информация с анализом этого аспекта американской политики. Один из перлов нашей подборки – депеша Добрынина от 8 марта 1972 г. с анализом итогов и последствий исторического визита Никсона в Пекин в феврале 1972 г. Здесь дается точное определение сути происшедшего: дело не в каких-то конкретных соглашениях или в американо-китайском сговоре, а в том, что «положено начало новой стратегической расстановке сил в Азии», что начинается «новая игра», дальний прицел которой – «сковывание для Советского Союза «свободы маневра» в его азиатской, да и во всей внешней политике в целом». При всей серьезности и негативности американо-китайского сближения для Советского Союза Добрынин проницательно предвидит и глубинные долгосрочные противоречия между двумя державами, свидетелями которых мы стали сегодня – противоречиях, «протекающих из фактически одинаковых подспудных устремлений американских правящих кругов и нынешнего китайского руководства к господству в Азии, а затем, по возможности, и к мировой гегемонии. Американцы осознают, что пекинские лидеры лишь в тактических антисоветских целях идут сейчас на «брак по расчету» с Америкой. И тем не менее, понимая историческую недолговечность такого сближения, Вашингтон также идет на это, считая, что их нынешний курс в отношении КНР, основанный на антисоветизме пекинских лидеров, может сослужить неплохую

¹² The Soviet Leaders (Memorandum for the President from H. Kissinger) // NA, Nixon Presidential Material Staff, National Security Files, President's Trips, Box 474.

службу интересам глобальной политики США, по крайней мере, на все 70-е годы». Здесь же, наконец, содержатся и тонкие рекомендации, как можно минимизировать негативные последствия этого визита и даже повернуть их себе на пользу: «Ныне, после «китайских походов» Никсона у него заметно также стремление оправдаться перед нами, доказывать, что в Пекине «ничего не произошло». Это психологически ставит Никсона сейчас, перед встречей в Москве, в оборонительное положение, и указанное обстоятельство нам следует использовать в полной мере»¹³.

Короче говоря, новые документы дают возможность углубленного анализа советско-американского взаимодействия в рамках данного стратегического треугольника. Уже неплохо исследован и его американско-китайский «угол» в работах историков США и КНР. Главное недостающее звено здесь – это советско-китайские отношения тех лет и документы по ним из наших архивов. Будем надеяться, что фундаментальная серия документов, выходящая под руководством академика В.С. Мясникова, скоро дойдет и до этого периода.

Ш. ВЬЕТНАМСКИЙ ФАКТОР

Это, возможно, был более преходящий по сравнению с отмеченными выше, но, пожалуй, не менее важным фактором разрядки. Традиционно считалось, что война во Вьетнаме тормозила улучшение советско-американских отношений. Реальная картина гораздо сложнее. Во-первых, увязание США во вьетнамской войне ослабляло их мировые позиции, подрывало внутреннюю поддержку военного интервенционизма, вынуждая, тем самым, Вашингтон к пересмотру традиционной политики холодной войны. Во-вторых, вьетнамский фактор увеличивал заинтересованность США в нормализации отношений с Советским Союзом, который рассматривался в Вашингтоне как возможный рычаг давления на Демократическую Республику Вьетнам – союзника СССР. Новые документы выявляют особое значение второго из этих аспектов – буквальную одержимость Никсона любой ценой избежать поражения во Вьетнаме, добиться «почетного мира» для сохранения уважения к американской мощи и своего собственного политического выживания, особенно в выборном 1972 году, когда вьетнамский вопрос был главным на выборах. И путь к этому «почетному миру» для Никсона во многом пролегал через Москву. Он по-

¹³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 59а. Оп. 7. П. 13. Д. 9. Л. 131, 132, 135.

стоянно внушает Киссинджеру, что «наша главная цель в переговорах с русскими – добиться продвижения по Вьетнаму»¹⁴ и даже, как показывают документы, был готов пожертвовать московской встречей в верхах ради демонстрации силы во Вьетнаме.

Это настойчивое давление американцев ставило советскую дипломатию перед сложной задачей балансирования между сохранением союзных отношений с Ханоем и желанием его победы – с одной стороны, и поддержанием американской заинтересованности в СССР как посреднике в отношениях с ДРВ, с другой. В целом советская дипломатия справилась с этой задачей, выдерживая при этом весьма последовательную линию принципиального осуждения агрессии США во Вьетнаме. Весьма впечатляюще, например, выглядит беседа с Никсоном в Кремле 24 мая 1972 г., в которой тройка старших членов Политбюро – Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин и Н.В. Подгорный – буквально навалилась по Вьетнаму на Никсона, который с трудом отбивался. Особенно активен был Косыгин, предлагавший Никсону войти в историю миротворцем: «... Сколько мы бы еще могли с Вами сделать в новых условиях для всего человечества, наладить сотрудничество во всех областях. Разве не стоит ради этого пожертвовать гнилью в Сайгоне?»¹⁵

В целом новые документы позволяют восстановить картину конфиденциального советско-американского взаимодействия по Вьетнаму; главное, чего не хватает для всестороннего анализа вьетнамского урегулирования, – это материалы, относящиеся к советско-вьетнамскому каналу, для чего нужны наши и, желательно, вьетнамские архивы.

IV. СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РАЗРЯДКА В ЕВРОПЕ

Это еще одна большая тема, по-новому высвечиваемая в последних документах. Они особенно содержательны для анализа отношения США к европейской разрядке того, как эта европейская проблематика использовалась в советско-американском дипломатическом диалоге для достижения целей каждой из сторон. Разрядка в отношениях с Европой, как известно, началась раньше, и США поначалу весьма настороженно относились к «восточной политике» Вилли Брандта и идее общеевропейского процесса.

¹⁴ R. Nixon to H. Kissinger, April 20. 1972 // NA, Nixon Presidential Material Staff, National Security Files, President's Trips, Box 474.

¹⁵ Запись беседы тов. Л.И. Брежнева, А.Н. Косыгина, Н.В. Подгорного. 24 мая 1972 г. // Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 789. Д. 21. Л. 13–14.

В то же время Вашингтон не мог позволить своим европейским союзникам монополизировать процесс нормализации отношений между Востоком и Западом и был готов подключиться к нему, но на определенных условиях. Американцев больше интересовали четырехсторонние переговоры по Берлину и сокращению обычных сил и вооружений в Европе. СССР, со своей стороны, был заинтересован, прежде всего, в ратификации германских договоров (ФРГ–СССР, ФРГ–ПНР) и общеевропейском процессе, где он нуждался в американском участии и поддержке. В результате, как наглядно показывают документы, возникла сложная система взаимных увязок: советская сторона связывала американскую поддержку ратификации германских договоров с московской встречей в верхах; США же увязывали эту свою поддержку с советским давлением на ДРВ, а свое согласие на СБСЕ – с началом переговоров по сокращению обычных сил и вооружений в Европе. Кстати, новые американские документы впервые показывают, что главным исходным мотивом США в этих переговорах было не снижение советского военного присутствия в Европе, как раньше считалось, а стремление предотвратить одностороннее сокращение *американского* военного присутствия на европейском континенте, которое тогда активно проталкивалось в США оппозиционной демократической партией (т.н. поправка Мэнсфилда), и Белый дом таким образом хотел выпустить пар из этого движения.

Объективная сложность этих взаимосвязанных проблем в рамках трехсторонней дипломатии (США–СССР–ФРГ) дополнялась и многоканальностью переговорного процесса, который, если брать, например, соглашение по Берлину, шел сразу на трех «шахматных досках»: официальные четырехсторонние переговоры, «боннский треугольник» (Бар–Фалин–Раш) и конфиденциальный канал Добрынин–Киссинджер. Новые документы впервые позволяют воссоздать сложный узор этой изоэшелонной дипломатической игры за исключением ее советско-германского отрезка, известного пока только по германским документам. В целом советской дипломатии удалось тогда с помощью западноевропейцев втянуть США в процесс европейской разрядки. Но здесь тоже не обходилось без коварства американской дипломатии, наглядно иллюстрируемого новыми документами. Пожалуй, самый яркий тому пример связан с позицией США по ратификации германских договоров в бундестаге весной 1972 г. Никсон и Киссинджер обещали Москве негласно помочь этой ратификации, используя свои доверительные многолетние связи с тогдашней оппозицией «восточной политике» Брандта в лице ХДС/ХСС, и советское руководство их за это благодарило. Но

оно, видимо, не знало, что в определенные ответственные моменты Белый дом пытался тайно тормозить этот процесс, чтобы сохранить данный рычаг давления на время пребывания Никсона в Москве в качестве «лучшего залога... хорошего поведения Советов» (как говорил Киссинджер своему боссу)¹⁶. 17 мая 1972 г. – накануне отъезда Никсона в Москву и перед решающим голосованием в бундестаге Киссинджер докладывает Никсону, что нашел процедурную зацепку, которая может отложить это голосование на неделю-другую с тем, чтобы у Никсона в Москве еще оставался на руках этот козырь: оказывается, достаточно, чтобы хотя бы одна из немецких земель запросила такую отсрочку и «мы сейчас, – говорит Киссинджер, – ищем такую землю (видимо, через ХДС/ХСС – авт.), которая добилась бы отсрочки голосования, а нас при этом не схватили бы за руку»¹⁷. Эти тайные усилия не увенчались успехом – договор все-таки был ратифицирован за несколько дней до прибытия Никсона в Москву.

V. КОНЪЮНКТУРНО-СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗРЯДКИ

В этих документах они прослеживаются особенно явно. Речь идет о роли внутрисполитической конъюнктуры, расстановке политических сил, личных качествах советских и американских деятелей. Остановимся лишь на трех моментах.

Первый из них связан с ролью президентских выборов 1972 г. в США. Через многие документы – телефонные разговоры Никсона, его переписку с Киссинджером – проходит одержимость президента победой на выборах, его неуверенность в ней и готовность подчинить этому все, включая внешнюю политику. Эта одержимость, с одной стороны, привязывала Никсона к московской встрече в верхах, а с другой – толкала его на демонстрацию силы, прежде всего во Вьетнаме на фоне большого весеннего наступления ДРВ, начатого в марте 1972 г. Действия Ханоя поставили в крайне трудное положение и Москву и Вашингтон. Никсон, особенно в год выборов, не мог позволить серьезного поражения своего южновьетнамского союзника, не говоря уже о полном его крахе. Но ответная эскалация войны Соединенными Штатами была чревата срывом московской встречи в верхах и осложнением новых отношений с Кремлем. Для советской стороны главной проблемой было избежать отчуждения Ханоя без большого ущерба для разрядки с США. В столицу ДРВ была направ-

¹⁶ Telecon: The President / Mr. Kissinger. May 17. 1972 // Transcripts of Kissinger's telephone conversations, Library of Congress Manuscript Division.

¹⁷ Ibid.

лена высокопоставленная делегация во главе с секретарем ЦК КПСС К.Катушевым для того, чтобы успокоить северовьетнамское руководство путем разъяснения советской политики и обещаний продолжения его поддержки.

Даже после секретной поездки Киссинджера в Москву (апрель 1972 г.), которая стала генеральной репетицией визита Никсона, судьба встречи в верхах еще висела в воздухе. Провал встречи Киссинджера с представителем Ханоя Ле Дак Тхо 2 мая в Париже в сочетании с новым успехом наступления ДРВ – взятием Куанг Три – усилил напряженность и поднял ставки для дипломатии двух сверхдержав еще выше. Новые американские документы позволяют воссоздать атмосферу и процесс принятия решений в Белом доме, где обсуждалось три возможных сценария. Первым из них (и самым благоприятным для США) была американская эскалация в виде минирования бухты Хайфона плюс мягкая советская реакция на нее, что дало бы Никсону и встречу в верхах, и «избиение» Ханоя, а значит – одобрение как «голубей», так и «ястребов» в самих США. Как сказал об этом Киссинджер в телефонном разговоре с президентом 3 мая, «Вы приехали бы в Москву, имея очень сильную позицию, и могли бы сказать им: «Ну, вот, мы наподдали вашим сукиным детям». Это был бы наилучший вариант»¹⁸.

Второй сценарий, считавшийся наиболее вероятным в Совете национальной безопасности, ЦРУ и Пентагоне, включал американскую эскалацию и в ответ на нее советскую отсрочку встречи в верхах. Такой вариант, по мнению Киссинджера, был все же приемлем для США, поскольку советская сторона вскоре бы вернулась к идее саммита.

Третий, и наихудший для Белого дома сценарий заключался в сочетании американской эскалации с отменой встречи в верхах и продолжением наступления ДРВ. Другими словами – ни саммита, ни военного успеха, и как результат – внутривластный бунт как слева, так и справа, ведущий к поражению Никсона на президентских выборах. Как говорил об этом сам президент в том же телефонном разговоре с Киссинджером от 3 мая, «... при отмене саммита и поражении во Вьетнаме победить на выборах будет очень трудно...»¹⁹.

Тем не менее Никсон пошел на этот риск, объявив 9 мая о своем решении минировать район Хайфона. Теперь слово было за Кремлем, оказавшимся перед очень сложной дилеммой. Его суть хорошо передал Киссинджер в отчете Никсону о своей

¹⁸ Ibid. May 3. 1972.

¹⁹ Ibid.

поездке в Москву от 24 апреля: «Отмена встречи сейчас, на их взгляд, приведет к Вашему поражению в ноябре ценой избияения ДРВ и провала брежневской политики в отношении Запада... Но альтернатива этому – нажим на Ханой – означает предательство социалистического союзника, потерю влияния в Ханое и отсутствие гарантии в том, что он прекратит свое наступление, а мы – свое возмездие». В итоге, заключал Киссинджер, «они (советские лидеры – авт.) должны стремиться к стабилизации ситуации во Вьетнаме, и ...есть шанс на то, что из всех имеющихся отвратительных вариантов они выберут нажим на Ханой – для помощи не нам, а себе»²⁰.

Пока у нас нет прямых документов о внутренних дебатах в Кремле по этому вопросу. Однако имеющиеся свидетельства очевидцев – помощника Брежнева по международным делам А.М. Александрова-Агентова, ответственного сотрудника Международного отдела ЦК А.С. Черняева и самого Добрынина – подтверждают наличие серьезных разногласий в высшем советском руководстве по поводу выхода из этой ситуации. Некоторые члены Политбюро (номинальный глава государства Н.В. Подгорный и глава компартии Украины П. Шелест) были резко против визита Никсона в создавшейся обстановке²¹. Даже обычно уравновешенный глава правительства А.Н. Косыгин сомневался в целесообразности проведения встречи в тот период, как видно из его телефонного разговора с Брежневым, записанного помощниками последнего²². Тем не менее Брежневу и его единомышленникам удалось настоять на проведении встречи в намеченные сроки. За неделю до ее начала Никсон спросил своего помощника, почему он, вместе с ЦРУ, госдепартаментом и Пентагоном, ошибся в прогнозе советской реакции. Ответ Киссинджера был весьма выразителен: «Мы недооценили, насколько сильно они хотят саммита, а в этом разведка нам вряд ли могла помочь»²³.

За этим «хотением» стояли вполне весомые причины. Отмена и даже отсрочка встречи была чревата утратой не только уже просматривавшихся плодов сближения с США (договоров по ОСВ и ПРО, соглашений по торговле и другим сферам сотрудни-

²⁰ Memorandum for the President from H. Kissinger (My Trip to Moscow). April. 24.1972 // NA. Nixon Presidential Material Stuff.

²¹ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата. М., 1994. С. 223–224; Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М., 1997. С. 233–234.

²² Черняев А.С. На Старой площади. Из дневниковых записей. Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 118–119.

²³ Telecon: The President / Mr. Kissinger. May 13 and 14 1972 // Transcripts of Kissinger's telephone conversations.

чества), но и сердцевины европейской разрядки – Московского договора с ФРГ и переговоров по СБСЕ. Но при этом сказывался и личностный фактор советского руководства, прежде всего – Л.И. Брежнева. Вообще, для широкого читателя возможно самой большой неожиданностью этой публикации будет именно Брежнев, который на переговорах с Никсоном и Киссинджером являет собой разительный контраст той сенильной беспомощной развалине, какой он запечатлелся в массовом сознании. Брежнев образца 1972 г. хорошо подготовлен, выглядит ничуть не слабее, а то и сильнее своих матерых американских партнеров, компетентен (особенно в вопросах ограничения вооружений), с хорошей реакцией, грубоватым, но очень живым юмором. Чего стоит, например, одна его длинная дискуссия с Киссинджером о технических характеристиках МБР и их шахтных установок.

Другой момент – личная заинтересованность Брежнева в разрядке, которую американцы хорошо ощущали и использовали. Из данных разведки и радиоперехвата они знали о разногласиях в Политбюро по этим вопросам и считали, что Брежнев поставил на карту свой политический авторитет, связав его с судьбой германских договоров и разрядки с США. Похоже, так оно и было на самом деле, хотя мы еще мало знаем достоверного о тогдашних разногласиях в советском руководстве.

Третий момент – американский руководящий тандем Никсон–Киссинджер. Чем больше изучаешь их политику и взаимоотношения, тем яснее становится уникальность этой пары в истории внешней политики США. Ее отличало, во-первых, наличие четкой продуманной внешнеполитической стратегии, какой в Вашингтоне не было ни до, ни после них. Во-вторых, никсоновский Белый дом располагал необычно высокой свободой рук в ее реализации: сама репутация Никсона как яркого консерватора-антикоммуниста давала ему большую свободу маневра в улучшении отношений с СССР и КНР. Не менее важным фактором была крайняя централизация принятия внешнеполитических решений в руках этого тандема, который действовал в обход конгресса, госдепартамента, Пентагона, не говоря уже о других государственных структурах. Добрынин не раз приватно говорил Киссинджеру – вам хорошо, договорились с президентом и все, а у нас – коллективное руководство, межведомственные согласования и т.д. Действительно, процесс принятия решений в Политбюро был гораздо более коллегиальным, чем в США; и это тоже подтверждают документы.

В-третьих, необычным был и стиль никсоновско-киссинджерской дипломатии: сугубый прагматизм, цинизм, полное отсутствие обычного для американцев морализаторства, нравочений

о демократии и правах человека. Такой меттерниховский стиль, безусловно, импонировал Кремлю и заметно облегчал двусторонние договоренности. Наконец, это была очень способная и сыгранная дипломатическая пара, хорошо разбиравшаяся в психологии своих партнеров и умело использовавшая ее для достижения своих целей. Особенно выделяется переговорное искусство Киссинджера. А.Ф. Добрынин рассказывал автору данной статьи почти курьезный, но подлинный штрих к одному из его приемов. Хорошо изучив отношения в советском руководстве и психологию его лидеров, Киссинджер умело ранжировал и распределял свои уступки с тем, чтобы максимизировать их отдачу. Он прямо говорил Добрынину, вот это я могу уступить только Громыко, а это – только самому Брежневу. И вот приезжал Громыко и ворчал: «что же Вы, Анатолий Федорович, не могли до конца решить этот вопрос». «Андрей Андреевич, вопрос почти решен. Киссинджер уже подготовлен, но только Вы можете его додавить». Громыко «додавливал» и был этим очень доволен. Потом та же история повторялась с Брежневым, которому уже Громыко говорил – «тут требуется только Ваше личное участие». И потом уже на Политбюро Брежнев с удовольствием рассказывал: «Взял я этого Киссинджера за жабры, ну, ему и деваться некуда»²⁴.

Сочетание всех этих уникальных качеств во многом помогло Никсону и Киссинджеру осуществить резкий поворот политики США на китайском и, особенно, на советском направлении в 1971–1972 гг. Другое дело, что этот верхушечный характер никсоновской разрядки не создавал ей достаточно широкой опоры в обществе и политической элите США, что впоследствии резко осложнило ее дальнейшее развитие.

В заключение – несколько слов о **значимости и актуальности** этой новой документальной базы для нашей исторической науки. По ходу изложения уже говорилось о некоторых новых возможностях и остающихся лакунах в исследовании данной проблематики. Поэтому я просто перечислю те проблемы, которые встают теперь в повестку дня исторических исследований на основе новых документов:

- история переговоров об ограничении стратегических вооружений (Соглашение ОСВ-1 и Договор по ПРО);
- двухсторонние отношения СССР–США;
- проблемы урегулирования региональных кризисов (война во Вьетнаме, арабо-израильский конфликт, индо-пакистанский конфликт 1971 г.);

²⁴ Запись беседы автора с А.Ф. Добрыниным от 24 июля 1997 г.

- отношения в стратегическом треугольнике СССР–США–КНР;
- СССР, США и общеевропейский процесс;
- советско-американские отношения и германское урегулирование в 1970–1972 гг.

Дело не ограничивается чисто научной значимостью этих направлений. Проблематика разрядки составляет важнейший актив внешней политики нашей страны, ее самые большие достижения за весь послевоенный период. Между тем, та новая международная история разрядки, которая уже начинает разрабатываться мировой исторической наукой, пока пишется при очень малом участии наших ученых и наших документов. В результате мы можем оказаться представлены в ней в отраженном, а то и в искаженном свете. Главная проблема не столько в нехватке высококвалифицированных научных кадров в этой области, сколько в медленном рассекречивании наших внешнеполитических документов. Академики А.О. Чубарьян и В.С. Мясников ставили вопрос об этом на коллегии МИДа. Руководство министерства и историко-документального департамента относятся к его решению с пониманием, но у них слишком много текущих дел и слишком мало ресурсов; поэтому трудно ожидать от них инициативы. Она должна исходить от сообщества историков, нужны крупные исследовательские проекты типа описанного в докладе, чтобы привести в движение мидовский и другие архивы.

Часть 4

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.С. ШОЛОХОВА

«ТИХИЙ ДОН»: НАРОДНЫЙ ЭПОС XX ВЕКА

Ф.Ф. Кузнецов

«Тихий Дон» – великая книга XX века. Она как никакая другая с поразительной глубиной и правдой выразила подвиг и трагедию, заключенные в самом крупном историческом событии XX века – русской революции.

Но «Тихий Дон» трагичен не только по своей художественной сути и историческому пафосу. Трагична судьба самого романа и его автора.

Дважды, в конце 20-х и на переломе 70-х, было поставлено под вопрос само авторство Михаила Шолохова.

Откуда выросла эта клевета? И выросла таким могучим черным деревом, которое в 80–90-е годы для значительной части читателей заслоняло горизонт? Ответ на этот вопрос не прост.

Вдумайтесь: мальчишкой в возрасте 20 лет Шолохов начал писать свой роман. Мальчишкой, родившимся в хате под соломенной крышей, получившим образование на уровне церковной школы и трех классов гимназии. По своему естественному жизненному опыту молодой Шолохов был, казалось бы, предельно далек от тех могучих, бурных шекспировских страстей любовного, социального, политического плана, которые переживали его герои. Как мог этот юноша написать роман такой эпической силы и размаха, да еще с поразительной быстротой и мощью?

А.И. Солженицын в предисловии к книге Д^к «Стремя “Тихого Дона”», названном им «Невырванная тайна», с необыкновенной остротой поставил этот вопрос: «Книга удалась такой художественной силы, которая достижима лишь после многих проб опытного мастера, – но лучший 1-й том, начатый в 1926 году, подан готовым в редакцию в 1927-м; через год же за 1-м был готов и

великолепный 2-й, и далее менее года за 2-м подан и 3-й, и только пролетарской цензурой задержан этот ошеломительный ход. Тогда – несравненный гений?»

Поверить в это А.И. Солженицын никак не мог. Еще и потому, что, как он утверждал, не сохранилось рукописей, черновики романа, которые могли открыть «невывернутую тайну» авторства «Тихого Дона».

В 1999 году рукопись первых двух книг романа «Тихий Дон» после долгих наших поисков и мытарств была обнаружена и выкуплена Институтом мировой литературы РАН. Доскональный анализ этой рукописи, объем которой составляет более тысячи страниц, включая черновики, вставки, дополнения и переписанные беловики, свидетельствует: тайна авторства «Тихого Дона» бесповоротно раскрыта, вырвана у истории. Впрочем, помогла этому не только обнаруженная, наконец, и доступная для анализа шолоховская рукопись, но и всестороннее, тщательное исследование истории создания романа и биографии его автора. Исследованию рукописи «Тихого Дона», истории создания романа и биографии автора под углом зрения авторства «Тихого Дона» и посвящена моя книга «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа», только что вышедшая в ИМЛИ.

Комплексное исследование рукописи «Тихого Дона», истории его создания и биографии Шолохова свидетельствуют, что на Руси, во глубине России, в казачьем курене сто лет назад и в самом деле родился и вошел в литературу непревзойденный, несравненный гений. Поверить в это было трудно не только Солженицыну в 1970-е годы, но и тем друзьям-товарищам, точнее, друзьям-врагам Шолохова по литературе 20-х годов, которые входили в основном в ультрареволюционный РАПП, Российскую Ассоциацию пролетарских писателей. Этим людям в большинстве своем – вчерашним «комиссарам в пыльных шлемах», для которых само казачество было символом проклятого самодержавия, «Тихий Дон» – трагическая сага о казачестве – был изначально чужд.

И когда, к примеру, малоталантливый прозаик Березовский, редактировавший ранние рассказы Шолохова, посвященные, в основном, красному казачеству, прочитал в журнале «Октябрь» первые части «Тихого Дона», он не поверил, что эту казачью сагу написал Михаил Шолохов. Слишком она отличалась и по масштабу таланта и по позиции, по объективности взгляда на казачество от первых рассказов молодого автора. Сомнения обуревали и некоторых руководителей РАППа, особенно, когда они прочитали третью книгу романа, где автор вышел на такой больной нерв в истории революции и гражданской войны, как вешенское казачье восстание. Казачество выводилось в романе совершенно

другим, в корне отличным от общепринятого в ту пору взгляда. Казачество выступало в романе как подлинный русский народ, русское крестьянство, со всем его противоречивым отношением к революции и большевикам. Противники Шолохова не могли поверить, что такого рода роман, с таким взглядом на революцию, на вешенское восстание мог принадлежать человеку, который вроде бы был в продотряде, был чоновцем, комсомольцем, а потом – коммунистом.

Такова удивительная загадка гения: как мог в ультрареволюционные двадцатые годы появиться роман, изображающий гражданскую войну как национальную трагедию, как братоубийственный катаклизм эпохи?! Роман, пронизанный симпатией к конечным идеалам социальной справедливости, но и глубочайшей болью и сочувствием как «белым», так и «красным», к обоим, столкнувшимся в братоубийственной схватке лагерям. И такой роман, противоречащий всем канонам времени, могущественной силой художественной правды проломил стену предубеждения и вошел, в конечном итоге, в качестве главной книги советской литературы в общественное сознание, в отечественный и в мировой литературный процесс.

Это глубинное внутреннее противоречие романа «Тихий Дон» и практически всего в творчестве Шолохова, начиная, кстати, с первых рассказов, эта тайна творчества Шолохова ставила многих в тупик.

Возникали удивительные коллизии. С одной стороны все белое казачество, вся русская казачья эмиграция с восторгом приняли «Тихий Дон». Главным и первым защитником Шолохова от клеветы выступила именно русская эмиграция. Одним из самых высоких ценителей творчества Шолохова был атаман Краснов, руководитель белоказачьего движения. А с другой стороны, этот роман поддержал Сталин, благодаря которому третья книга романа, задержанная в журнале «Октябрь», увидела свет. Сталин сказал: «третью книгу печатать будем».

Сталин посвятил встречам с молодым Шолоховым такое количество времени, какое не отводил ни одному военачальнику, ученому или деятелю культуры. В журнале посещений Кремля довоенной поры имя Шолохова фигурирует 12 раз. В действительности встреч было больше. Удивительна переписка писателя со Сталиным о трагедии крестьянства, казачества в коллективизацию: горькие, страстные письма Шолохова о бедах деревни Сталину, как и скупая, но определенная реакция Сталина на эти письма. Уж Сталин-то через ОГПУ, как мало кто другой, знал истинную правду об авторстве «Тихого Дона». И если бы существовала хоть какая-то достоверная информация, что роман не при-

надлежит Шолохову, Сталин вел бы себя с Шолоховым по-другому. Это, конечно, аргумент относительный, но аргумент, который не может не заставить задуматься, понять или попытаться понять тайну Шолохова.

Парадоксально и отношение к роману Горького. Как известно, Горький не принимал крестьянство. Об этом говорит хотя бы его очерк «О русском крестьянстве». Он не принимал и казачество, и, тем не менее, сделал все, чтобы спасти третью книгу романа, устроив у себя встречу Шолохова и Сталина. Всю жизнь Горький говорил о Шолохове как о величайшем русском писателе.

Сегодня становится до обнаженности очевидным это внутреннее противоречие между официальным, глянцевым обликом М.А. Шолохова, как знаковой фигуры социалистического реализма, и реальным содержанием его творчества, отмеченным неуступчивостью и бескомпромиссностью жизненной правды. Эта загадка гения, сумевшего в тяжелейших, сложнейших для творчества условиях, на столетие опередить свое время и осмыслить революцию как трагический разлом эпохи, долгие годы не давала мне покоя.

После внимательного изучения практически всех доступных на сегодня биографических и иных источников, я пришел к выводу, что Шолохов был предельно «закрытой книгой», предельно закрытым человеком. До конца Шолохова не знал практически никто. Он таил себя от всех, чтобы иметь возможность выявить себя в художественном слове. Старая коммунистка Левицкая, его редактор, которую он называл второй матерью, специально поехала на Дон, чтобы, как она писала, «разгадать Шолохова». Ей самой хотелось посмотреть его в обычной житейской обстановке, попробовать понять этого своеобразного, необычного человека, сумевшего в свои двадцать с небольшим лет дать такие глубокие, тонкие по психологическому анализу страницы «Тихого Дона». «Загадкой все это было для меня, – пишет Левицкая. – Загадкой осталось и после пребывания в Вешенской. За семью замками, да еще за одним держит он свое нутро, только изредка и всегда совершенно неожиданно блеснет какой-то луч и снова потухнет». А нутро Шолохова было нутром глубинного и глубокого патриота своего Отечества, сына своего народа, убежденного государственника. Тайна его коренится в том, что он выразил в своем романе «Тихий Дон» не узко партийную, но глубинно народную точку зрения на революцию и гражданскую войну. В условиях 20-х гг., когда официальной идеологией был интернационализм с его идеей мировой революции, Шолохов, конечно же, позволял проявлять себя до конца только в художественном творчестве. Противоречия в его творчестве фактически были глубин-

ными противоречиями самого Шолохова, который принимал революционные идеалы, но не принимал во многом практики революции, особенно в ее троцкистском воплощении. «Антишолоховеды», которые, в отличие от официального шолоховедения, ощутили и обнажили это противоречие «Тихого Дона», пытались разрешить его чисто механически, примитивно отдав красный цвет в романе Шолохову, а белый – некоему «соавтору», придуманному «белому офицеру». «Антишолоховеды» не поняли, что величие «Тихого Дона» в том и состоит, что русская революция осмыслена здесь в ее глубочайшем историческом противоречии как великий подвиг народа и одновременно – как его величайшая, страшная трагедия.

Спор с «антишолоховедями» был затруднен по одной простой причине: практически не осталось архива Шолохова. Архив погиб в годы Великой Отечественной войны. Запечатанный в огромный сундук, который в 1941 году был сдан писателем на хранение в вешенское НКВД, он исчез. Остатки его погибли в шолоховском доме, который разбомбила немецкая авиация, и на глазах Шолохова погибла его мать. Еще раньше, в 27-м году, обороняясь от клеветы, Шолохов привез в Москву чемодан рукописей, представив все это созданной под руководством Серафимовича комиссии. Итогом ее работы явилась публикация в «Правде» и «Рабочей газете», официального заключения Комиссии, опровергавшая клевету. Но Шолохов побоялся вернуть в Вешки черновики «Тихого Дона». Он оставил архив в Москве, у своего близкого друга, крестьянского паренька, заведовавшего отделом литературы в журнале крестьянской молодежи, Василия Кудашева. Он боялся возвращать архив к себе на родину, потому что все эти годы, с самого начала работы над романом о вешенском восстании, находился под постоянным «колпаком» спецслужб.

Но Кудашев в 41-м добровольцем ушел на фронт в составе писательской роты, попал в плен и погиб во Франции в 45-м году. В августе 41-го года он дважды писал жене, чтобы Шолохов вызвал его в Москву (а воевал Кудашев под Москвой), чтобы вернуть ему рукопись «Тихого Дона». Эти письма были опубликованы в книге «Строка, оборванная пулей», выпущенной издательством «Молодая гвардия». Но когда шолоховеды приходили к Кудашевой, она заявляла, что рукописи нет, так как утеряна при переезде с квартиры на квартиру. Точно так же отвечала она и наследникам М.А. Шолохова – сыну Михаилу Михайловичу, дочери Марии Михайловне, которые просили вернуть рукопись, когда в 1970-е годы начались нападки на Шолохова.

Вдова Кудашева доверилась лишь одному человеку – журналисту Льву Колодному. В 1984 году, перед смертью М.А. Шоло-

хова, она показала Колодному рукопись, разрешила ксерокопировать ряд ее страниц, но категорически запретила говорить, у кого она хранится. С согласия наследников М.А. Шолохова Российская академия наук выкупила рукопись первых двух книг «Тихого Дона» у племянницы вдовы Кудашева, вдова к этому времени умерла. Обстоятельства, связанные с поиском и покупкой рукописи, на пятнадцать лет задержали предъявление рукописи «Тихого Дона» общественности, как главного аргумента авторства Шолохова, включение ее в научный оборот, что было особенно важно тогда, когда в средствах массовой информации развернулось столь широкая атака на доброе имя М.А. Шолохова.

Лично у меня никогда не было ни тени сомнения, кто автор «Тихого Дона». И наличие рукописи – далеко не единственный тому аргумент. «Тихий Дон» – это реальный исторический документ об обстоятельствах Вешенского восстания, очевидцем которого в отроческие годы был Михаил Шолохов. Вешенское восстание, его героика, его драма были самыми сильными впечатлениями юного Шолохова, наложившими неизгладимую печать на всю жизнь. Роман «Тихий Дон» насыщен личными воспоминаниями Шолохова и такими характерами, которые не просто имели прототипов, но часто являли собой реальные исторические личности, которых Шолохов знал лично. Сохранились не только имена, но и фотографии многих прототипов и реальных действующих лиц романа, фотографии домов, в которых они жили и т.д. Полное соответствие топонимики, реалий действительности в романе и жизни, всего того, что было атмосферой мест, где в отрочестве жил Шолохов, где начиналось и проходило Вешенское восстание, поражает.

Во главе Вешенского восстания стояли два человека: Павел Кудинов и Харлампий Ермаков. Кудинов руководил восстанием, а Ермаков, близкий друг и земляк, был его правой рукой. Оба они были полными Георгиевскими кавалерами, имели четыре Георгиевских креста и называли себя казачьими офицерами из народа. Их слава гремела среди восставших.

Харлампий Ермаков – главный прототип Григория Мелехова. Практически Харлампий Ермаков был своего рода соавтором «Тихого Дона». По свидетельству дочери, учительницы Пелагеи Ермаковой, Харлампий Ермаков был дружен с отцом Шолохова, многие часы проводил в разговорах с Михаилом Шолоховым. Его рассказы, его биография легли в основу многих страниц «Тихого Дона».

Мне удалось разыскать три тома следственного дела ОГПУ, посвященные Харлампию Ермакову, и два тома следственного дела СМЕРШ'а о Павле Кудинове. Это уникальные документы.

Они раскрывают судьбу, весь «служивский» путь Ермакова. Он один к одному совпадает с жизненным и «служивским» путем Григория Мелехова. Из рукописи романа следует, что Шолохов начинал писать свой роман в 1925-м году. Сохранились две главы самого первого начала романа. Главным героем там был Абрам Ермаков, наделенный всеми чертами Григория Мелехова. В «Деле» хранится личное письмо Шолохова Харлампию Ермакову из Москвы от 6 апреля 1926 года с просьбой о встрече для выяснения некоторых вопросов, но 15 июня 1927 года по личному распоряжению Ягоды Харлампий Ермаков был расстрелян.

Не менее драматична судьба и другого героя «Тихого Дона» – Павла Кудинова. Некоторые шолоховеды сначала полагали, что это вымышленный герой. В действительности, это абсолютно реальная, причем – уникальная личность. Оказавшись в Болгарии, в эмиграции, бывший руководитель Вешенского восстания стал работать на советскую разведку, а в 1945 году был арестован СМЕРШ'ем и попал в наши лагеря, где провел двенадцать лет.

Роман «Тихий Дон» – один из величайших трагических эпосов в мировой литературе. Первая книга романа рассказывает нам о полной, как чаша, кипящей страстями, счастливой жизни казачества. А лучшая, на мой взгляд, четвертая книга романа приводит нас на пепелище. Расколот, разломлен надвое некогда такой счастливый и плодородный народный, казачий мир, и в этом тектоническом разломе один за другим гибнут почти все так полюбившиеся нам герои: Петр Мелехов, его непутевая Дарья, жена Григория Наталья, его отец Пантелей Прокофьевич, мать Ильинична и, наконец, в завершении романа, Аксинья. Эта дорога смерти пролегла через жизнь и душу Григория Мелехова. Потери – одна горше другой – близких ему людей написаны в романе с огромной силой. Они являются прелюдией к финалу романа, завершению судьбы Григория Мелехова.

Десять лет бился Шолохов над этим финалом. Вспомним, с какой стремительностью – за 3–4 года – написал он первые три книги. И десять лет писал четвертую. Именно четвертая книга, которую, даже по чисто техническим причинам его недоброжелатели не могли приписать никому, кроме Шолохова, была самым тяжелым испытанием для автора «Тихого Дона». И критика, и читатели той революционной поры, и общественность, и лично Сталин требовали от писателя одного: чтобы он привел Григория Мелехова в стан революции, сделал его большевиком.

Но безусловное и полное чувство исторической правды, собственное гениальному художнику, сделало свое дело: Шолохов вывел финал «Тихого Дона» на уровень высочайшей трагедии.

«...Вот и сбылось то небольшое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Такой финал романа «Тихий Дон» привел к тому, что на заседании Комитета по Сталинским премиям, а они были учреждены Сталиным как раз в 1941 году и присуждались впервые, Фадеев, Алексей Толстой и другие крупнейшие советские писатели выступали с глубочайшими сомнениями по поводу присуждения премии Шолохову, – из-за того, именно, что он не сделал Григория Мелехова большевиком. Однако Шолохов получил и Сталинскую, а позже – и Нобелевскую премии, завоевал общенародное и мировое признание.

И здесь я коснусь еще одной величайшей загадки гения.

Выразив всесокрушающий размах русской революции, всю глубину и беспощадность исторической и человеческой трагедии, пережитой в XX веке русским народом, роман «Тихий Дон» не погружает читателя в пучину мрака, но оставляет чувство надежды и света. И – другой аспект той же проблемы: при всей глубине осознания трагедийности русской революции роман «Тихий Дон» не вызывает ощущения ее исторической бесперспективности, случайности, бессмысленности. Более того: трагедийный эпос о русской революции написан человеком, который принял революцию и был верен идеям социальной справедливости до конца. На его взгляд, ни беды и жестокости революции и гражданской войны, ни испытания трагических 30-х годов не смогли вытравить в народе стремление к справедливости, принизить значение русской революции, изменившей судьбы не только России, но и всего мира, предопределившей нашу победу в Великой Отечественной войне, поставившей нашу страну в центр мировых исторических событий.

Иногда спрашивают, но почему в последующем Шолохов не создал произведений на уровне «Тихого Дона»? Почему, начав так стремительно и мощно, он после войны молчал годами и даже десятилетиями? Что вовлекало его, как Фадеева или Твардовского, в тяжкую чисто русскую болезнь?

Ради справедливости скажем, что и таких немногих произведений как «Поднятая целина», «Они сражались за Родину» или «Судьба человека» достаточно, чтобы художнику остаться в веках. А с другой стороны: разве Гёте за свою долгую жизнь создал второго «Фауста»? Сервантес – «Дон Кихота»?.. И все-таки, почему же именно «Тихий Дон», т.е. первое эпическое произведение молодого в ту пору писателя, явилось вершиной его творчества?

На мой-то взгляд, как это ни парадоксально, именно крайняя молодость Шолохова, неумудренность годами, помноженные на гениальность его творческого ума, когда художник творил, не задумываясь о каких бы то ни было рамках, и помогли Шолохову на полную мощь выплеснуть из души столь глубоко пережитую им в отрочестве трагическую правду времени.

Но чем дальше, – все уже становились допустимые рамки свободы самовыражения художника; с накоплением жизненного и житейского опыта начинал действовать и внутренний редактор, крепла цензура, в том числе и высочайшая, на уровне Политбюро. Художник утрачивал возможность писать в полную силу своего понимания правды времени.

«Поднятая целина» – великолепная книга, особенно – ее первый том. Но соотнесите «Поднятую целину» с тем сгустком боли и отчаяния, которые звучат в письмах Шолохова Сталину времени коллективизации, – и вы поймете, что в «Поднятой целине» Шолоховым была сказана далеко не вся правда. Эта переписка Шолохова со Сталиным – по бесстрашию и боли за народ, по беспощадности правды – нравственно стоит на одном уровне с «Тихим Доном», но написать на этом уровне правды роман о коллективизации ему было не дано.

По той же причине – невозможности высказать всю правду до конца о Великой Отечественной войне Шолохов, думается, не смог закончить и роман «Они сражались за Родину».

И хотя Михаил Шолохов всегда был не только гордостью народа, но, казалось бы, и любимцем властей, в течение всей своей жизни он находился во все возрастающем внутреннем противоречии с теснившими его политическими обстоятельствами времени, что выражалось в его вешенском отшельничестве и продолжительном творческом молчании. Гений не укладывался во все более заскорузлые, искусственно зауженные рамки жизни. А к этому прибавилась, вдобавок, еще и несправедливая черная клевета, которую он переживал молча, с огромным человеческим достоинством, и которая свела его раньше времени в могилу.

Трагична судьба великих писателей на Руси! Но бессмертен их подвиг. Бессмертен и подвиг автора «Тихого Дона», сумевшего возвать Россию, сквозь бурю, раскол и натиск революционных годов, к национальному единению.

«ФАКТ» И ОБРАЗ В ПОЭТИКЕ ШОЛОХОВСКОГО ТЕКСТА

Н.В. Корниенко

Ближайшее (после 100-летнего юбилея) десятилетие покажет, будет ли преодолен труднейший перевал в изучении Шолохова и пойдет ли филологическая наука по пути поиска ответов на сложнейшие вопросы текстологии шолоховского текста. Текстологическая аксиома гласит: историю текста без творческой истории и выработанной идеологии историко-литературного комментария реконструировать нельзя. Взаимосвязанность данных направлений предполагает разработку историко-литературного контекста вглубь и вширь, с постоянным возвращением и выверкой общих тенденций и деталей, как они запечатлелись в языке произведения. Насущным видится подготовка выпусков «Шолохов и его современники», с темами не только по русской, но и зарубежной литературе XX века, к которой, кажется, Шолохов-художник, судя по его признаниям в письмах, испытывал бóльший интерес, чем к текущей советской литературе. Реально-го комментария требуют критика «Тихого Дона» и письма читателей 1920–1930-х г., конвой которых сопровождал работу над 3-й и 4-й книгами романа. Эти материалы, во-первых, входят в творческую историю «Тихого Дона», во-вторых, проявятся в поэтике романа (сюжете, деталях, мотивах, формулах героев), а также в выборе повествовательной стратегии для других произведений, в-третьих, отразятся в истории прижизненных изданий романа, в-четвертых, скажутся в отношениях автора с современным ему политическим и литературным контекстом, и т.п.

Осознание шолоховского текста как филологической проблемы высокого уровня пока недостаточно. Шолоховский текст – уникальная энциклопедия XX века, источник знаний об эпохе, эстетических наблюдений, теоретических суждений и философских интуиций. Модернистская изощренность структурной организации шолоховского текста как реалистического. Шолоховский текст и внетекстовая реальность – их взаимное отражение. Текст – в контексте идей эпохи – не только политических, но и мельчайших подробностей быта, включая литературный и общекультурный. Какой художественной цели подчинены «мелочи» быта: детальное описание свадьбы Мелехова, тексты песен – казачьи, колыбельные, частушки, «Интернационал»?.. Шолоховский текст изобилует литературными аллюзиями, реминисценциями, цитатами, а также самоцитациями; иногда источник

назван, чаще всего – нет. Не менее интригующими являются вопросы, имеющие прямое отношение к научному изданию «Донских рассказов». Здесь мы апеллируем в основном к двум внетекстовым реалиям – советской издательской политике и отношению самого Шолохова к «Донским рассказам». Общеизвестно, что Шолохов относился к ним весьма критично, считал их «слабыми», отказывался от их переиздания в 1930–1940-е годы, однако вынужден был включить сначала в первое (1956), а затем и в последующие собрания сочинений. Почти уверена: найти подтверждение, что Шолохов самолично готовил эти рассказы к переизданию в пятидесятые-шестидесятые годы, нам не удастся никогда. Апеллирую к одному авторитетному источнику – последовательной авторской деконструкции в «Тихом Доне», «Поднятой целине», «Судьбе человека», «Они сражались за Родину» ключевых сюжетов и мотивов «Донских рассказов». Анализ того, что стоит за этим отрицанием, – еще предстоит, и, кажется, ответ будет весьма непростой...

Шолоховедение или будет ставить вопросы, на которые пока не получены выдерживающие критику ответы, или – вернется к интерпретационно-имманентному анализу текста, обсуждению вечной и доходной темы «авторства» Шолохова¹, а сам шолоховский текст будет выступать поводом для партийно-политических перебранок о русской истории XX века.

Можно сказать (не преуменьшая, но и не преувеличивая наших достижений), что в изучении Шолохова делаются первые подступы к осмыслению природы его художественного дара, богатство которого открывают сохранившиеся рукописи и прижизненные издания – открытой демонстрацией разноплановости и противоречий, жесткие самооценки (не только собственных рассказов), сам факт уничтожения писателем своих рукописей. Столь желаемую свободу (и не только творческую) Шолохов продемонстрировал в письмах Сталину, составив основанную на фактах *реальную* хронику жизни Вешенского района 1929–1940-х годов. Свободу от литературной жизни он демонстрировал в 1960-е годы полным молчанием о своих поступках в то время, как его современники стали сочинять собственные легендарные био-

¹ Примечательно, что в работах об «авторстве» Шолохова присутствует один объединяющий «ниспровергателей» и «охранителей» пробел, он относится к историко-литературному контексту: 1) в 1929 г. кроме Шолохова в плагиате публично обвиняются О. Мандельштам и Вс. Иванов; 2) пик темы «авторства» Шекспира приходится на 1920-е гг.: в литературных кругах популярной становится книга Ф. Шипулянского «Шекспир-Ретленд. Трехвековая конспиративная тайна истории» (М., б/д), в которой доказывалось, что «граф Роджер-Ретленд и Шекспир одно и то же лицо» (указ. изд. С. 71).

графии о борьбе со сталинизмом, которые зачастую не выдерживают испытания реальным комментарием.

Здесь мы имеем базовый узел проблематики шолоховского текста, которые можно определить как тему «Литературная личность Шолохова и биография писателя». В литературной личности Шолохова мы имеем великого созерцателя, биография писателя демонстрирует деятеля. Сложнейшие отношения между этими гранями личности прежде всего – через текст и как тип творчества. Шолохову-художнику чуждо обличительное, в основе своей всегда тенденциозное начало. Напрашивается историко-литературная параллель не с Достоевским и Толстым, главными фигурами в исканиях русской литературы первых десятилетий XX века, а скорее – с Гончаровым; в плане же поэтики – сравнение с казачьей и русской народной песней. То же, что и у Гончарова, преобладание живописного изображения, положительного над отрицательным, те же, что в песне, трагические коллизии и контрасты, но не опровержение истории, а скорее ее оправдание по преимуществу и исцеление через образ. Художник-обличитель из факта делает обобщение. В шолоховском тексте исторический «факт» остается фактом, хроникальные части (как в «Тихом Доне», так и в «Поднятой целине») не беллетризуются, а даются языком исторической хроники («Тихий Дон») или газетной («Поднятая целина»). Замечу, что главным образом за этот повествовательный принцип законодатели колхозной темы в советской литературе не приняли «Поднятую целину». Примечательный диалог состоялся на московском творческом вечере Шолохова в 1933 году. Через все выступления (П. Орешин, С. Буданцев, Г. Никифоров) прошла одна мысль: Шолохов-реалист работает над формой, но его романы являют радикальное опровержение идей формалистов-беспочвенников. Только Е. Пермитин намекнул, что в работе с материалом Шолохову ближе лефовские теории, чем пролетарско-колхозная проза: «Такому мастеру как Шолохов я не могу простить огромных кусков сырого газетного материала, какие часто встречаются в “Поднятой целине”». Эстету Пермитину Шолохов оппонировал не без раздражения: «Я сознательно употребил этот метод. Надо погуще замесить, нельзя период сплошной коллективизации описывать в лирических тонах. Я сознательно употребил газетный язык и излагал события, происшедшие за 1–2 недели, вводя читателя в курс дела. Я не думаю, чтобы это было вредно для художественного произведения»² (курсив здесь и далее наш. – Н.К.).

² Шолохов М. Собр. соч. в 9 т. Т. 8. М., 2001. С. 347, 207–208. Далее цитируется по данному изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

Диалектика хроники и образа – ядро шолоховского романа. Шолохов, которого критика с 1928 года начала упрекать, что он не дает в «Тихом Доне» философию истории³, заложил еще не понятую нами до конца философию истории во взаимоотношении языка хроники и образа. Шолохов-романист последовательно и даже демонстративно уходит из общего направления романистики двадцатых-тридцатых годов, отмеченной разными формами мифологизации факта (где-то здесь, на наш взгляд, кроются причины отторжения писателем собственных рассказов 1920-х гг.). «Там меня начинает *душить история*, и соответственно с этим меняется и характер письма»⁴, – признается он в письме Е. Левицкой (июль 1928) о работе над 3-й книгой «Тихого Дона». У читателя-эстета первый абзац 3-й книги («В апреле 1918 года на Дону завершился великий раздел: казаки-фронтовики северных округов – Хоперского, Усть-Медведицкого и частично Верхне-Донского – пошли с Мироновым и отступающими частями красноармейцев; казаки низовских округов гнали их и теснили к границам области, с боями освобождая каждую пядь родной земли» – 3, 7) рождает ощущение прозаического провала: зачем так просто продолжать, уж лучше бы финальную точку в романе поставить в конце 2-й книги... Действительно, финал второго тома обладает всеми признаками эстетической завершенности. Картину братоубийственной бойни гражданской войны (реальные события гибели отряда Подтелкова) венчают два авторских образа: часовня над могилой Валета с «черной вязью славянского письма: / В годину смуты и разврата / Не осудите, братья, брата» (2, 320) и картина торжества майской природы. Повествовательное искусство финала 2-й книги открывается в авторской работе с источником строк «В годину смуты и разврата...». Источник выявлен М. Мезенцевым, автором книги «Судьба романов» (Самара, 1998), и чаще всего используется как еще одно доказательство авторства Ф. Крюкова, с одной стороны, и искажений, которые внес Шолохов в некий пратекст романа, – с другой. «Круг опять замыкается»⁵, – пишут исследователи

³ См.: «...как баталист он мало нас обогащает; ни специальной «философии войны», ни «новой» ее коллективной психологии он не знает. (...) в изображении Февральской революции и последующих этапов предоктябрьских революционных боев на фронтах и в столицах Шолохов не идет дальше мемуарной документалистики. Тут «чувствуется» больше историческая хроника, чем художественная интерпретация» (*Вальбе Б.* Новые книги // Красная газета. Вечерний выпуск. 1928. 29 дек. С. 4).

⁴ Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества. М., 2005. С. 40.

⁵ Макаров А., Макарова С. Цветок-Татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Федору Крюкову. М., 2001. С. 421.

Макаровы. Приведем источник строк – стихотворение русского поэта А. Голенищева-Кутузова:

В годину смут, унынья и разврата
Не осуждай заблудшегося брата;
Но, ополчась молитвой и крестом,
Пред гордостью – свою смири гордыню,
Пред злобою – любви познай святыню
И духа тьмы казни в себе самом.

Сравнение с источником образа позволяет заострить несколько вопросов художественной методологии Шолохова, связанных с эстетическим результатом «искажения». Как прозорливо отметили те же Макаровы в связи с текстами казачьих песен, в «Тихом Доне» песни предстают в неизвестной им редакции, отсутствующей в изданных казачьих песенниках. В архитектонике прозаического текста тексты песен – те же цитаты, авторское указание на фон, традицию. Более того – на «устную литературу», чем собственно и является фольклор (народное творчество), в том числе – песня. Именно при данной коррекции только и возможно говорить, что песни в тексте романа – это «искаженные» автором цитаты. Несколько иное отступление от источника цитирования проявляется в шолоховском отношении к стихам Голенищева-Кутузова. Это, во-первых. Во-вторых, как и песни, цитатное выражение не воспринимается в тексте Шолохова как «чужое», а его семантика ясна без обращения к источнику цитирования. Выявленный же источник прежде всего актуализирует семантический канон и его признаки, язык самой традиции и тип текста. А это школа «чистой поэзии» А. Фета, приверженцем которой являлся А. Голенищев-Кутузов, направление в русской поэзии, отличавшееся последовательной антидемократической – «реакционной», как о том неизменно писала советская критика, направленностью в отношении к «народным» певцам борьбы, освобождения народа и жертвенного страдания (П. Якубович, С. Надсон и др.).

Проведенная Шолоховым классическая редукция-сжатие текста Голенищева-Кутузова содержит, по крайней мере, два направления «нарушения»: 1) снимается слово «уныние», отмеченное очевидными психологическими и символическими коннотациями и не имеющее отношения к описываемому масштабу событий Гражданской войны, как он видится Шолохову на рубеже 1920–1930-х (в прозе 1920-х гг. «уныние» маркирует лагерь «побежденных» и одновременно эпоху «смуты»); 2) проводится переадресация текста. Форма личного, лирического обращения («Я») заменяется на форму эпического сознания («Мы»). Тем самым, Шолохов, можно сказать, возвращается к исходному для стихо-

творения Голенищева-Кутузова источнику, а также его языку, а это – Соборные послания апостолов Христа, для которых характерна форма «мы». «Братья» – архетип любого праведного человека, несущего, по словам апостолов, свое и чужое бремя: «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна; А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза» (1-е Иоанн., 2: 9-11). Эта замена в исходный текст элемент абстрагирования и символизации, превращает исполненное у Голенищева-Кутузова христианской интонации лирическое обращение в нравственный императив, адресованный *каждому и всем*.

Часовня Божией Матери воздвигается в романе во время, отмеченное пределом озверения (массовые убийства на Страстной неделе и на Святую Пасху) и началом Верхнедонского восстания, напоминая об иной жизненной правде, о языке жизни и милосердия, о живом источнике. Начало 3-й книги отменяет достигнутую образом победу – с первого предложения доминирует язык исторической хроники, которая, перефразируя шолоховское признание Левицкой, «душит» образ. Напряжение языков хроники-факта и образа в 3-й книге «Тихого Дона» экстраполируется в текст первой книги «Поднятой целины»: Шолохов, можно сказать, перепроверяет диалектику повествовательной проблемы на ином материале. В «Поднятой целине» на одной странице обнаруживается «встреча» двух языков. Первый – классическое для концептосферы русской литературы, включение природы в события: «Десятого марта над Гремячим Логом пал туман. (...) Великая благостная тишина стояла над степью» (5, 169). Следующий абзац: «В Гремячем Логу 15 марта целиком был собран семфонд» (169). В первом фрагменте дата дается прописью, во втором – цифрой, как и положено в исторической хронике.

Хроникально-историческая сторона шолоховского текста измеряется, как и любая хронология, степенью ее достоверности и полноты. Это одно из направлений комментария текста Шолохова (исторический комментарий, выявление источников, с которыми работал писатель). И здесь уже много сделано, написаны параллельные исторические хроники. Стоящему же за образом содержанию жизни повезло меньше (остается упор на прототипы вымышленных персонажей). Шолохов, при минимуме в его наследии высказываний по вопросам эстетики, их все-таки оставил. Все они отмечены последовательным отторжением литературоцентризма современной ему культуры и жесткими требованиями к образу.

1. Предисловие к рассказу «Лазоревая степь» (издание 1927 г., в поздних Собраниях сочинений было снято):

«В Москве, на Воздвиженке, в Пролеткульте, на литературном вечере МАППа, можно совершенно *неожиданно узнать* о том, что степной ковыль (и не просто ковыль, а «седой ковыль») имеет свой особый запах. Помимо этого, можно услышать о том, как в степях донских и кубанских умирали, захлебываясь напыщенными словами, красные бойцы.

Какой-нибудь не нюхавший пороха писатель очень трогательно рассказывает о гражданской войне, красноармейцах – непременно «братишках», о пахучем седом ковыле, а потрясенная аудитория – преимущественно милые девушки из школы второй ступени – щедро вознаграждают читающего восторженными аплодисментами.

*На самом деле ковыль – поганая белобрысая трава. Вредная трава, без всякого запаха. По ней не гоняются гурты овец потому, что овцы гибнут от ковыльных остьев, попадающих под кожу. Порошкие подорожником и лебедой окопы (их можно видеть на прогоне за каждой станцией), *молчаливые свидетели* недавних боев, *могли бы порассказать* о том, как безобразно просто умирали в них люди. Но в окопах, полуразрушенных непогодью и временем, с утра валяются станичные свиньи, иногда присядут возле сытые гуси, шагающие с пашни домой, а ночью, когда ущербленный месяц низенько гуляет над степью, в окопы, которые поглубже и поуютней, парни из станицы водят девок. {...}*

Ну, может ли ковыль после этого иметь какой-нибудь запах?...» (8, 338–339).

2. Статья «За честную работу писателя и критика», выступление в дискуссии 1934 г. о языке советской литературы: «Неужто в понимании Зелинского язык художественного произведения столь маловажный предмет, что писать только о языке ниже достоинства серьезного критика»; «новаторство будет шагать дальше незамысловатого переименования глав в «залпы», «звенья», «подкрылки» и т.п.» (8, 213)⁶. В этой же статье об экспрессионистических образах в романе Ф. Панферова «Бруски» («На заду лошадь сидит и жует забор») и эстетском восторге Серафимовича («На заду лошадь сидит? Да ведь этого не забудешь никогда и это жутко!»): «Жутко не это, а сам образ жуток по своей *надуманности, неправдоподобности и элементарной безграмотности*. Ведь истощенная лошадь не садится, а ложится, в сидячем положении {...} не кормится...» (8, 212–213).

⁶ «Звенья» – части в романе Ф. Панферова «Бруски»; «залп» и «крыло» – главы в разных изданиях романа А. Веселого «Россия, кровью умытая».

3. В интервью с московским журналистом Экслером (1937) Шолохов предлагает тонкое теоретическое понятие «*мертвый диалог*». В эстетической теории XX в. это понятие близко позиции М. Бахтина в его полемике с формалистами, фрейдистами и марксистами: борьба с «внутренней личностью» и «внутренней формой» языка завершится в литературе торжеством «*пустой рефлексологической фразеологии*», которая подменит собой подлинную диалогичность («Фрейдизм», 1927; «Формальный метод в литературоведении, 1928; «Марксизм и философия языка», 1929).

4. Ответ Шолохова 1964 г. на вопрос финской журналистки о его отношении к «новым течениям» в современной литературе: «...недостаточно произнести магическое слово «модерн», чтобы произведение стало художественным, и темнота – еще не доказательство глубины» (9, 35).

Каждый шолоховский текст имеет внутреннюю и внешнюю хронологию, а также хронологию, которую задает образ (песня, предание, библейский текст, сказка, плач, анекдот, быль). Найденное в одном произведении решение никогда Шолоховым не повторяется, обязательно, но перепроверяется, и только методом реального комментария можно обнаружить, сколь и здесь все взаимосвязано, как обретенные открытия во внешней хронологии одного текста могут стать фабульной точкой в другом, превратиться в мотив и наоборот. Приблизительная схема:

«**Тихий Дон**»: внешняя хронология: 1913–1922; внутренняя: 50-е гг. XIX в. – 1922.

«**Поднятая целина**»: внешняя хронология: январь–июнь 1930; внутренняя: 1914–1930.

«**Они сражались за Родину**»: внешняя хронология: лето 1942; внутренняя: 1937–1942.

«**Судьба человека**»: внешняя хронология: несколько часов мартовского дня 1946; внутренняя: 1941–1946.

1-я книга «Поднятой целины» – самое хроникальное у Шолохова повествование. Первые главы пишутся как биографии-портреты Половцева, Якова Лукича, Титка Бородина; в «коловерти» пути именно этих героев (врагов колхозного строительства) Шолоховым перебираются возможные варианты фабульного решения дальнейшего пути Григория Мелехова. Это время остановки в работе над 3-й книгой «Тихого Дона», идет давление критики, собратьев-писателей, все требуют «правильного» решения пути Мелехова (сделать героя большевиком)... Шолоховское «не буду» (в письмах) находит объяснение в первых главах «Поднятой целины». В отличие от первой, во второй книге «Поднятой целины» хроникальное повествование ослаблено, здесь как бы и коммен-

тировать нечего. Однако комментировать в этой книге придется не меньше, чем в первой, правда, главным образом – большой пласт историко-литературных и культурных аллюзий; только «козлиная песнь» деда Шукаря тянет на ряд статей реального комментария. При этом придется реконструировать не только литературно-культурный контекст конца 1920–начала 1930-х, но и времени работы над второй книгой романа.

Если финал «Тихого Дона» (возвращение Мелехова) являет нам грандиозную победу образа над хроникой, то финал «Поднятой целины» демонстрирует исходную модель повествовательной ситуации с напряженными идеологическими отношениями языков хроники и образа. Заметим, что Шолохов и в пору работы над второй книгой (1950-е гг.) так и не вышел за границы 1930 г., а финальная развязка событий (сообщение о подавлении всех очагов антиколхозных выступлений) пишется языком газетной хроники. Никак внешней хронологией не мотивирована собственно финальная сцена в «Поднятой целине» – Андрей Разметнов на могиле жены: «Он пришел туда, куда ему надо было» (6, 335). Утяжеленная фраза стягивает *Здесь* и *Теперь*, «внутреннюю личность» и «внутреннюю форму» события, нам словно бы демонстрируется мотивация поступка образом. Шолохов оставляет героя в ситуации видения горизонта мира: «За Доном бело вспыхивали зарницы, и суровые, безрадостные глаза Разметнова смотрели уже не вниз, не на обвалившийся край родной могилы, а туда, где за невидимой кромкой горизонта алым полымем озарялось сразу полнеба и, будя к жизни засыпающую природу, величаява и буйная, как в жаркую летнюю пору, шла последняя в этом году гроза» (6, 336). Реалистическая деталь «в этом году» (т.е. в 1930-м) не освобождает само описание грозы от таинственного и мистического ее содержания, а скорее его усиливает. И потому что гроза увидена «суровыми, безрадостными глазами» героя. И потому, что это пишется автором столь же реалистического, сколь и символического финала «Тихого Дона». И этот финал «Поднятой целины» открыт как в хронику событий голода 1932–1933 г., репрессий 1936–1937 г. (эти хроники составлены в письмах Сталину), так и, не побоюсь сказать, в день сегодняшний, в XXI век. Финал открывает пространство тех главных вопросов века двадцатого, которые остаются без ответа в «Судьбе человека»: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что исказнила? Нету мне ответа и не дождусь». «Сияющее» солнце в финале «Тихого Дона» – гимн не человеку, а миру – в «его сокровенном звучании» (4, 13) и его Творцу, в руках которого суд над героем и над всеми свершившимися событиями. В самом заглавии романа Шолохов утвердил эту главную истину, так трудно открываемую челове-

ком и культурой XX века. «Закаменелое от горя» сердце человека и его «нелюдские муки» («Судьба человека») способна уврачевать (спасти) лишь любовь.

Непростые отношения созерцателя и деятеля видятся нам как текстовая тема, во-первых, и как текстовая проблема – во-вторых. Тема проявляет себя в открытых самоописаниях. К примеру, портрет Демида Молчуна в первой книге «Поднятой целины» (1932) – «Распахнутый мир был полон для Демида излишне громких звуков. Они наливали жизнь до краев; не затихая и ночью, мешали прислушиваться к тишине, нарушали то мудрое молчание, которым полны бывают степь и лес под осень. (...) Демида почему-то окрестила молва человеком гордым и хитрым, из тех, что «себе на уме». Может быть, потому, что всю жизнь дичился он шумоватых людей и громкого звука?» (5, 49–50) – через реальный комментарий читается как самописание непростых отношений Шолохова 1930–1931 гг. с его именитыми современниками, тем более что это написано по следам встречи на даче Горького со Сталиным, а из воспоминаний о той встрече известно, что самым неговорливым из писателей оказался Шолохов. Вопрос – будем ли мы комментировать подобные самоописания. Политическую хронику событий в той же «Поднятой целине» мы комментируем; но исчерпывается ли комментарий лишь очевидной фактической событийной стороной текста, ведь за художественным образом так же стоит какое-то содержание?

Непосредственное восприятие шолоховского текста во второй половине XX века было утрачено, а литературоведение о Шолохове контекстной проблематикой не занималось. Проиллюстрируем это положение примерами. Микросюжет из той же «Поднятой целины»: вопрос Разметнова к читающему Давыдову – «Романы читаешь! Либо песенник какой» (5, 97) и ответ Давыдова, что он читает материалы пленума. Данный микродиалог, можно сказать, нагружен огромными полями содержания – историко-культурного и литературного. Начнем с песенника. 1930-й год – кульминация длящегося все двадцатые годы террора против народного и классического песенного репертуара. Массовыми тиражами издаются новые песенники (стотысячным – «Красное знамя»). Разворачиваются «фронты борьбы» с символами «музыкальных вкусов мелкой буржуазии»⁷ – старыми русскими песнями, русской классической («церковной») музыкой, в которой появлялся колокольный звон (в 1930 г. шла переплавка церковных колоколов на нужды индустриализации, а колокольный звон был запрещен по всему СССР), «церковно-мещан-

⁷ Лебединский Л. Наш массовый музыкальный быт и задачи пролетарского музыкального движения // Пролетарский музыкант. 1930. № 9–10. С. 13–14.

ским эстетизмом» русского романса, «порнографией» в музыке, с «кабацкой цыганщиной» городского романса, «разлагающей психику слушающего» и т.п. Шла борьба за «массовую пролетарскую песню», «пролетарскую оперу», «пролетарского исполнителя», «пролетаризацию» московской консерватории, «пролетаризацию» всех классических музыкальных жанров; пролетарские композиторы пишут десятки «Ударных», «Песен чекистов»; создаются «Марш ударных бригад» (для хора с фортепьяно), «Марш чекистов» (голос с фортепьяно), «Пионерия» (сюита для трубы и фортепьяно), газеты сообщают о новых песнях, созданных пролетарскими поэтами и композиторами и т.п. Не случайно на обсуждении «Тихого Дона» в Ростовском РАППе Шолохову были предъявлены обвинения в связи с «контрреволюционным» песенным рядом «Тихого Дона», утверждалось, что писатель игнорирует новые песни, в том числе – частушки и т.п. В повести А. Платонова «Хлеб и чтение» (1931) мы читаем «На пустой лавке за пустым столом сидела девица и напевала стихи по книжке красноармейского песенника...»⁸. Не сложно вычислить, какую песню летом 1921 года (время описываемых событий) поет «девица», вскоре покидающая родную деревню Лида Вежличева, и откуда в воронежско-тамбовских местах оказался «красноармейский песенник» (на подавление крестьянских выступлений 1920 и 1930 годов были брошены регулярные части Красной Армии). Как и активист в «Котловане» Платонова, шолоховский Давыдов читает материалы последних пленумов, правда, уже изданные книгой. Как и в «Котловане», в «Поднятой целине» не поют не только новые, но и старые песни. В советском художественном дискурсе (от «Брусков» Панферова до «Страны Муравии» Твардовского) коллективизация предстает как песенное событие. У беспесенной ситуации эпохи коллективизации в «Поднятой целине» есть реалистические, культурные мотивации и интертекстуальные. В конце первой книги «Тихого Дона» (1928) тенор Григорий Мелехов произносит: «...а теперь высох мой голос и песни жизнь обрезала» (1, 319). В 1-й книге «Поднятой целины» мелькнет один лишь хор – «разноголосый и мощный хор» (120) петухов, ночное пение которых так полюбили деду Щукарю и Нагульнову. У этого обэриутского приема весьма широкий круг адресатов в советской культуре 1930–1950-х гг.

Собственно песенный интекст (термин П.Х. Торопа) появляется в первой книге «Поднятой целины» лишь однажды (!) – в авторском отступлении о могильном кургане:

⁸ Цит. по: «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 1999. С. 893.

«Стоит курган на гребне в восьми верстах от Гремячего Лога, издавна зовут его казаки Смертным, а *предание* поясняет, что под курганом когда-то, в старину, умер раненый казак, быть может тот самый, о котором в старинной песне поется:

...Сам огонь крысал шашкой острою,
Разводил, раздувал полынь-травушкой.
Он грел, согревал ключеву воду,
Обливал, обмывал раны смертные:
«Уж вы, раны мои, раны, кровью изошли,
Тяжелым-тяжело к ретиву сердцу пришли!...» (5, 241).

Песня завершает подробный авторский рассказ об истории кургана, который «все так же нерушимо властвует над степью, как и много сотен лет назад...» (241), и возвращает, по принципу обратной перспективы, к языковым источникам самого описания. Ориентация авторского слова на предание и старинную казачью песню имеет ценностный эстетический смысл. Слова приведенной песни во многом подтверждает следующий сюжет (размышления Нагульнова о самоубийстве, представления Макара о своих похоронах), и они наиболее точно предвосхищают трагические смертные страницы Нагульнова и Давыдова, тот песенный мотив из знаменитых некрасовских «Похорон» («Меж высоких хлебов затерялося...»), что появляется в последнем лирическом отступлении романа: «...Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремяческого буерака. *Вот и все!*» (6, 329). Некому было отпеть безымянного некрасовского грешника. Шолоховское жесткое «Вот и все!» напоминает и об этом. Некому было, кроме природы, отпеть Нагульнова и Давыдова в 1930 г. (время событий). Тем более, некому было отпеть на рубеже 1950–1960-х (время публикации 2-й части романа).

А теперь вернемся к первой части вопроса Разгульнова – к тому «роману», что находится в одном ряду с песенником и также «остранен» в «Поднятой целине» материалами ноябрьского пленума 1929 г. Именно «прием остранения» (термин В. Шкловского) указывает на два взаимосвязанных литературных факта 1929 г. Первый – колоссальный читательский успех, который имели 1-я и 2-я книги романа «Тихий Дон», что и определило высокий тираж издания романа в 1928–1929 гг. В письме Е. Левицкой от 4 июля 1928 г. Шолохов сообщал, что «Тихий Дон» получил в Главпросвете две звездочки» (9, 94). В комментариях В. Васильева дана следующая информация: «На обсуждении в библиографической комиссии Главного политико-просветительского коми-

тета (1920–30, при Наркомпросе РСФСР), определявшего политико-просветительскую и агитационную деятельность в стране, первая книга «Тихого Дона» получила высшую оценку – две звездочки» (9, 287). Второй литературный факт, который «остраняется» в диалоге Разметнова и Давыдова, – это книга «Литература факта» (1929) и прямое высказывание Шкловского о «Тихом Доне»: «Леф отрицает современную, т.е. печатающуюся сейчас прозу. (...) Роман существует, но существует, как свет угасшей звезды. И в то же время на стеклах библиотек Ленинграда появилось объявление: «Здесь можно получить беллетристику и мемуары». Никогда еще, а только сейчас, во время, нами предсказанное, не существовали одновременно на рынке мемуары Щепкина, Анненкова, Вигеля, Вульфа, Сушковой; они еще недавно были библиографической редкостью. Панаева со своими воспоминаниями читается лучше, чем романы Шолохова, несмотря на то, что к книгам Панаевой не прилагаются никакие премии»⁹. Никаких премий Шолохов в 1929 г. за «Тихий Дон» не получал, а речь идет все о тех же «двух звездочках». Диалогом Разметнова и Давыдова Шолохов отвечает остроумному Шкловскому на его теоретическом языке – языке теории «факта», «остранив» все книги, в том числе, собственный роман и главный песенник «Красное знамя», *другой книгой*, определившей массовую, да и литературную жизнь эпохи «года великого перелома». Жест нелитературности Шолохова: весной–зимой 1930-го в Гремячем Логу не читают никакие книги, не читают и самый читаемый роман 1929 г. Близким к семантической задаче данного приема является «остранение» «Тихого Дона» в романе «Они сражались за Родину»: пародийно-автопародийный сюжет Настасьи Филипповны Звягинцевой, которая испортилась через чтение художественной литературы, главным образом, романов про любовь.

В 1-й книге «Поднятой целины» Шолохов обыгрывает не только общую концепцию «литературы теории факта», но и ее мельчайшие детали, начиная с жанров, предлагаемых теоретиками Лефа взамен романа: газета, биография конкретного человека, отчет из зала суда, запись собрания, митинга, записная книжка и т.п. Записная книжка – «с фактами» появляется у Майданникова, роль хроникера поручена Шукарю; как стенограмма оформлен диалог Половцева с Лягьевским (5, 145–146); записи собраний проведены тщательно, газету казаки читают, но имеют разные мнения не только о статье Сталина, но и о газете и т.п. Интертекстуальное поле книги «Литература факта» не миновать, когда

⁹ Шкловский В. Тогда и сейчас // Литература факта. Первый сборник материалов работников Лефа. 1929. М., 2000. 129–130.

речь идет о фирменном словечке Давыдова «факт». Недостаточным представляется указание, что это слово встречалось в речи прототипа героя – рабочего Плоткина, для нас более существенно, как употребление этого слова в языке партийной элиты комментируется известным лингвистом А. Селищевым в его знаменитой книге «Язык революционной эпохи» (1927, 1928): «От периода войны и военного коммунизма идет тенденция к частому употреблению категорически утверждающих слов: *определенно, ясно, факт, ничего подобного*. Вместе с тем ослабла и значимость этих слов: они не утверждают или не отрицают так решительно, как раньше...»¹⁰. Естественно, что во время «второй большевистской» (одно из названий коллективизации, по дате публикации статьи И. Сталина «Год великого перелома» – 7 ноября 1929 г., годовщина Октябрьской революции 1917 г.) вернулись многие тенденции языка революционной эпохи, в частности, употребление категорически утверждающих слов.

Оппозиция факт–вымысел – одна из базовых в «Поднятой целине». Теория «факта» и один из главных ее тезисов (газета – библия нашего времени)¹¹ выступают в качестве литературного подтекста самых разных эпизодов, то явно, то не явно. Как открытое развенчание теоретиков и практиков «литературы факта» выстроен «агитационный» эпизод в доме Анисима Бесхлебного, который не хочет сдавать хлеб государству. Рассказ комсомольца Ванюши Найденова маркируется газетой и достоверностью факта («*Нынче я прочитал в газете...*»), правда, классическая агитационная форма описывается как обман простодушных. Эпизод состоит из трех частей. Фабула рассказа о смерти румынского комсомольца и сюжет его восприятия; описывается, как рождается сострадание у слушающих. Дед Аким так объясняет истоки неожиданного примирения: «Сказано в писании, что за други своя живот положиша» (5, 168). Если бы здесь Шолохов поставил точку, то, возможно, необходимо было бы поискать ту газету, о которой говорит Найденов. Однако третья часть эпизода убеждает, что искать газету не нужно, достаточно указать на па-

¹⁰ Цит. по: Селищев А. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество. М., 2003. С. 132; 241.

¹¹ См. в статье С. Третьякова «Новый Толстой»: «Наш эпос – газета»; «То, чем была библия для средневекового христианина, указателем на все случаи жизни; то, чем был для русской либеральной интеллигенции учительный роман, – тем в наши дни для советского активиста является газета»; «Основная наша задача – не ждать красных эпиков, а приучить всю советскую аудиторию читать газету, эту библию сегодняшнего дня» (Литература факта. С. 31–33). См. также один из тезисов в статье О. Брика «Ближе к факту»: «Мещанство не любит фактов – слишком бедна и убога его жизнь...» (Там же. С. 82).

родийный по отношению к «теории факта» сюжет, а причины сомнения верующего в мировую революцию Макару Нагульнову поискать в истоках размежевания Маяковского и Лефа:

«— Про комсомольца это ты выдумал?

— Нет, — рассеянно отвечал тот, — когда-то *давно* читал про такой случай в мопровском журнале.

— А ты сказал, что *сегодня читал*...

— А не все ли равно?...» (5, 168).

С жизнестроительной концепцией «литературы факта» также связан сюжет 26-й главы романа — «премирование» кузнеца Шалого на собрании: «Выражать одобрение хлопаньем в ладоши гремаченцы еще не научились...» Разметнов: «Хлопайте культурно в ладошки, орать нечего» (5, 170). Этот фрагмент текста никак не комментируется, однако, если ставить вопрос о реальном комментарии, то придется писать пространный реальный и одновременно литературный комментарий. Шолохов описывает один из обрядов нового быта, а новый обряд, естественно, отменял казачье «Любо!» Закономерно, что проводником нового обряда выступает представитель власти Разметнов. Среди источников смешного сюжета можно назвать те же стенограммы материалов пленумов, которые печатались в газетах и выходили отдельными брошюрами. Если мы переключимся в литературный контекст, то обнаружатся объекты аллюзий и литературные параллели (аплодирующий аппарат в «Клопе» Маяковского и «Шарманке» Платонова). Эпизод «церемонии премирования» (5, 170) завершается, как и положено, исполнением гимна страны: «...оркестр, составленный из двух балалаек и скрипки начал “Интернационал”». Можно по-разному интерпретировать данный юмористический прием, однако в шолоховском повествовании 1929–1931 гг. он явно корреспондирует с эпизодом исполнения «Интернационал» в той 3-й книге «Тихого Дона», публикация которой была остановлена во время работы над 1-й книгой «Поднятой целины». В «Тихом Доне» акцентированы мистические бездны слов «Интернационала», в которых казаками слышится «чертячья молитва» (ср. у И. Бунина — «адов гимн»¹²). В «Поднятой целине» исполнение гимна включено в ту же смеховую стихию, что и перестройка быта казаков. Трагическое и комическое — родные сестры жизни, у Шолохова они всегда идут рядом.

Сшибка двух языков — хроники и образа — проявляет себя и в микродеталях. Сравнение в 3-й книге «Тихого Дона»: казаки читают воззвания красных «с жадностью, *словно письма родных*» (3, 76). Историческая хроника демонстрирует последствия ложно-

¹² Бунин И. Публицистика 1918–1953 годов. М., 1998. С. 197.

сти данного обольщения; в отличие от письма газетный текст (листовки) работает не на связь людей, а на разрыв между ними. Подобная же структура сравнения опознается в анализируемом нами эпизоде награждения Шалого: Шалый несет подаренный ему Давыдовым инструмент – сверток с инструментами «на вытянутых руках, как спящее дитя» (5, 171).

Весомый вклад в крах «теории факта», конечно, вносит Лушка Нагульнова, с первого появления на страницах романа. Начитавшийся политических брошюр Макар Нагульнов формулирует тему Лушки с той напряженностью, с какой тему любви представляет лирика и жизнь Маяковского, а в целом любовно-лирическая коллизия «Поднятой целины» проецируется на метамодель советского романа 1920–1940-х годов: «Лушка – это такой змий, что с нею он (речь идет о Давыдове. – *Н.К.*) не только до мировой революции не доживет, но и вовсе может скопытиться. Или скоротечную чахотку наживет, или ишо какой-нибудь тому подобный сифилис раздобудет, того и жди! <...> Бабы для нас, революционеров, – это, братец ты мой, чистый опиум для народа! Я бы эту изречению в устав писал ядреными буквами, чтобы всякий партийный, каждый настоящий коммунист и сочувствующий эту великую изречению каждый день перед сном и утром натошак по три раза читал» (6, 46). Аллюзивные отсылки данного высказывания, контаминирующие чахотку «нового человека» в изображении писателей XIX в. со столь же эмблематичным в его описании для прозы 1920-х гг. сифилисом, самые разнообразные (Вс. Иванов, Б. Пильняк, С. Семенов, М. Булгаков, Л. Леонов и т.д.). Перевоспитанием женщины советская литература займется именно в 1930–1940-е гг. Концептуальный смысл идей, предложенных «литературой факта» в очерках (клубное воспитание, чтение, производство и соцстройки) и советских романах, по сути дела, резюмирует Давыдов – в отношении «проклятой бабы» Лушки: «”Я ее перевоспитаю! У меня она не очень-то попляшет и оставит всякие свои фокусы! Вовлеку ее в общественную работу, упрошу или заставлю заняться самообразованием. Из нее будет толк, уж это факт. <...>”, – так, явно переоценивая свои и Лушкины возможности, самонадеянно думал Давыдов» (6, 28). Авторскую ремарку о бедности арсенала средств перевоспитания Лушки и «самонадеянности» Давыдова подтвердит через страницу сама героиня, давшая, может быть, самый филигранный и афористически точный комментарий к теме перевоспитания женщины в советской литературе: «Думала, что ты человек как человек, а ты вроде Макарки моего: у того одна мировая революция на уме, а у тебя – авторитет. Да с вами любая баба от тоски подохнет!» (6, 29).

По меткому замечанию критика А. Лежнева, в советском романе 1930-х годов практически распался, «потерял свой смысл» любовный треугольник русского классического романа, где «Она» является основным звеном: «... нет и самого треугольника, как нет *трех* сторон, которые были бы в *одинаковой* степени важны и необходимы (<...> это роман не треугольника, а “пары сил”, противоположных по знаку и заставляющих вращать “колесо” произведения»¹³. В истории любви Лушки модель «пары сил» не просто удвоена (с одной стороны, представители власти коммунисты Нагульнов и Давыдов, с другой – социальный маргинал, кулак Тимофей Рваный), она имеет чисто фабульный характер. В сюжете истории любви, как ее пишет Шолохов, именно «Она» (Лушка) остается его основным звеном и преподает всем героям любовного треугольника «грамматику любви, или Искусство любить и быть взаимно любимым» (И. Бунин).

Шолохов нам говорит о 1-й книге: «Я писал “Поднятую целину” по горячим следам, в 1930 году»¹⁴. 1930 год перенасыщен литературными событиями. Позволю сказать, что главным литературным событием тридцатого года была смерть Маяковского. Откликов Шолохова 1930 г. на смерть Маяковского мы не имеем. Но в летописи жизни и творчества писателя фиксируется следующий факт: в 1930–31 гг. Шолохов организовал в Вешенской семинар для молодежи и одна из его лекций была посвящена Маяковскому¹⁵. Конечно, хорошо бы текст лекции иметь, но его нет. Смеем утверждать, что идеи утраченного «документа» вошли в формулу и пафос образа Макара Нагульнова. В том, как написан Макар Нагульнов, с его искренней любовью к «чистому искусству» (пение петухов), мировой революции и непутевой Лушке Нагульновой безусловно запечатлелось многое из творчества Маяковского (диалог с Есениным и Горьким, поэтические интуиции, искания и драматические коллизии лирического героя, включая знаменитое: «Любовная лодка разбилась о быт...»), да и из жизни поэта («непопутчица» Лушка таит в себе намеки не только на известную повесть О. Брика¹⁶, но и на историю любви и жизни Лили Брик).

¹³ Лежнев А. Об искусстве. М., 1936. С. 130–132.

¹⁴ Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества. С. 72.

¹⁵ Там же. С. 73.

¹⁶ Повесть О. Брика «Не попутчица» печаталась в том же номере журнала «Лепф», что и поэма о любви Маяковского «Про это», и посвящена теме «старого» и «нового быта»; «старый» представляет буржуазная дама Велярская, «новый» – влюбленный в Велярскую коммунист Тумин, чьи формулировки весьма близки влюбленным в Лушку шолоховским коммунистам: «Вывод такой: – либо я должен сделаться буржум, либо вы должна стать коммунисткой»; «Женщина – ужасная вещь. Особенно для нас коммунистов. Хуже всякой белогвардейщины» (Лепф. 1923. № 1. С. 120–122).

«Теория факта» – самое последовательное в своей радикальности опровержение эстетики образа, принципа непосредственности и условности образа, опровержение артистической стороны искусства, образа – как «святого семени красоты» (И. Анненский). Грандиозная метафора Маяковского – «Воспаленной губой припади и попей из реки по имени Факт» – воссоздает литературный генезис данной теории: принципом «реализации метафоры» дается опровержение пушкинского «Пророка» (утоление духовной жажды через образ, обретение которого ведет к жизни). «Река по имени Факт» и «тихий Дон», главный герой и ключевой образ шолоховского романа, – кажется, что может быть столь ярко и резко противоположным, чем данные художественные концепты. Но не все так просто. В грандиозном определении Маяковского была угадана стратегия русского романа первого советского десятилетия, в котором материал революции и Гражданской войны становится определяющим литературным фактором. Никто из крупнейших русских романистов XX века не обошел этой своеобразной метапроблемы. Собственно советский роман занимался по сути дела типизацией (беллетризацией) официальной хронологии. Только в реальном литературном контексте прочитываются ироническое высказывание Шолохова 1934 г. о современной ему колхозной литературе («Ты пишешь, как создавались колхозы, а встает вопрос о трудоднях, а после трудодней встанет вопрос уже о саботаже 1932 года»¹⁷); а в 1937 гг. – об официальной «Истории гражданской войны»: «Наиболее трудно и неудачно, с моей точки зрения, получилось с историко-описательной стороной. Для меня эта область – хроникально-историческая – чужеродна. Здесь мои возможности ограничены. Фантазию приходится взнуздывать»¹⁸. Когда мы используем в наших суждениях об «историко-описательной стороне» романа собственно шолоховские самооценки – «наиболее трудно и неудачно», «чужеродна», «здесь мои возможности ограничены», важно услышать в этих образах (это ведь слово писателя, а не исследователя) почти провакативный смысл. Заметим, что именно с позиций базового для советской литературы приоритета хроники над образом прозвучало в 1942 г. суждение Алексея Толстого, что «от Мелехова до воина Красной Армии, бросающегося со связкой гранат под вражеский танк, чтобы подорвать его своим телом, – не протянуть генетической линии. Мелехов – только жертва, погибшая в противоречиях исторического

¹⁷ Михаил Шолохов: *Летопись жизни и творчества*. С. 72.

¹⁸ *Экслер И.* В гостях у Шолохова // *Известия*. 1937. 31 дек. С. 3. Ответ Шолохова на вопрос: «Что труднее всего далось вам в “Тихом Доне”?».

процесса»¹⁹. Вопреки утверждению Толстого мелеховская «генетическая линия» будет протянута и подтверждена в жизни и в литературе тогда же – в годы Великой Отечественной войны – самим автором «Тихого Дона», но не только им: в поэзии – Твардовским, М. Исаковским, А. Ахматовой, в прозе – А. Платоновым. Метафизический смысл этой литературной линии ориентирован на высокий статус образа в концептосфере русской литературы: образ способен запечатлеть ту правду жизни и истории, до которой не может дотянуться историческая хроника – «сказка длинная» про войну (А. Твардовский. «Василий Теркин»).

В заключение позволю провести еще одну параллель. Русский литературный век двадцатый начинался с отрицания Пушкина, а век двадцать первый – с отрицания Шолохова. Не только ведь футуристы и Маяковский хотели сбросить Пушкина «с парохода современности». *Общепонятность* Пушкина, которому, как точно заметил А. Блок в последний год жизни, подражать нельзя: «можно только сбросить с корабля современности»²⁰, выходила за границы основных тенденций литературного процесса начала века, во многом имманентную логику литературного процесса отрицая. В тупик ставит (как и в начале XX века – с Пушкиным) общепонятность Шолохова, и состав «простоты» шолоховского текста еще во многом предстоит открыть – через реальный комментарий прочитать богатейшие хранилища истории, культуры и литературы. Именно в этом пункте видится нам начало осознания шолоховского текста как большой филологической темы.

¹⁹ Толстой А. Четверть века советской литературы. М., 1943. С. 21.

²⁰ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М.–Л., 1973. С. 397.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М.А. ШОЛОХОВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКЕ

В.П. Муромский

Для литературного и общественного сознания последних лет характерно противоречивое восприятие М. Шолохова: наиболее почитаемый и возвеличенный писатель советской эпохи и достойный пример критики и сопротивления официальной власти; невольная жертва преданности сталинскому режиму, постепенно иссушившему его могучий талант, и едва ли не палач, клеймивший с трибун партийных и писательских съездов инакомыслящих; знаковая фигура социалистического реализма и разрушитель установленных этим методом канонов. Противоречия эти, названные одним из исследователей, по известной аналогии, «кричащими»¹, нередко связывают с непостижимой, загадочной природой литературного гения. Хотя констатация загадочности М. Шолохова, на что еще в 1930-е годы обратила внимание Е.Г. Левицкая², сама по себе мало что объясняет.

Не секрет, что недавний юбилей М. Шолохова (столетие со дня рождения) пытались использовать в своих целях разные общественные силы и органы печати. В зависимости от этого акцентировались те или иные трудно совместимые стороны его творческой личности. Получилось удивительное сочетание юбилейного панегирика и юбилейных наветов, а то и попросту клеветы. В лучшем случае это лишь обостряет вопрос: а где же истинный Шолохов? Ответ на него осложняется еще одним обстоятельством, которое, безусловно, заставляет задуматься. Наиболее авторитетный (без всякого преувеличения) писатель советской эпохи, при немалом количестве активно работающих шолоховедов, до самого последнего времени не имел подлинно научной биографии, не говоря уже о полном, академическом собрании сочинений. Дело тут, по-видимому, не только в безвозвратной утрате шолоховского архива в годы Великой Отечественной войны, что, конечно, не могло не отразиться на изучении его наследия, но и в особенностях самой личности писателя. Шолохов не заводил записных книжек, дневников, не писал мемуаров, статей с изложением своих философских и литературных взглядов. Его творческая лаборатория долгое время вообще оставалась тайной.

¹ Петелин В. Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения. М., 2002. С. 862.

² На родине «Тихого Дона». (Записки Е.Г.Левицкой) // Огонек. 1987. № 17. С. 7.

Лишь недавно появились еще не привычные для слуха читателя откровенные признания того факта, что автор «Тихого Дона» был «предельно закрытым человеком, до конца его не знал практически никто»³. В полной мере он раскрывался лишь в своем художественном творчестве.

В постсоветский период внимание литературоведов к шолоховской теме не ослабело, а в предъюбилейные годы, естественно, усилилось. По данным Агентства культуры, Федерального агентства, с 2000 по 2004 год произведения Шолохова издавались в России 61 раз общим тиражом 800 тысяч экземпляров, вышло 26 монографий и сборников о Шолохове⁴. К этому следует добавить книги о писателе, изданные в юбилейном 2005 году. С одной, однако, существенной оговоркой: тиражи этих изданий (и произведений Шолохова, и литературы о нем) значительно сократились, по сравнению с советским временем.

За последние годы шолоховедение обогатилось трудами, уровень которых, собственно, и должен соответствовать классику русской и мировой литературы. Начало выходить академическое собрание его сочинений. Настоящим событием стало появление факсимильного издания рукописей первой и второй книг «Тихого Дона» – главного и неопровержимого аргумента в затянувшемся споре об авторстве романа. Отдельными томами опубликованы летопись жизни и творчества писателя, библиография трудов о нем, доведенная до 2005 года⁵. Вышла серия сборников, вошедших в себя неизвестные либо малоизвестные документы, письма, воспоминания о Шолохове⁶. С появлением в печати сборника «Шолохов и русское зарубежье»⁷ открылось еще одно актуальное направление в изучении его творчества. Достоянием читателей стала давно ожидаемая книга о Шолохове в серии ЖЗЛ⁸.

Среди новых монографий о Шолохове первостепенного внимания, на наш взгляд, заслуживают книги: Ф.Ф. Кузнецова

³ Кузнецов Ф. Вырванная тайна // Литературная газета. 2005. 18–24 мая. С. 7.

⁴ Шолоховская весна // Литературная газета. 2005. 30 марта–5 апреля. С. 7.

⁵ Михаил Шолохов. Летопись жизни и творчества М., 2005; М.А. Шолохов: Библиографический указатель произведений писателя и литературы о жизни и творчестве. М., 2005.

⁶ Писатель и вождь. Переписка М.А. Шолохова с И.В. Сталиным: 1931–1950 гг. / Сост. Ю. Мурин. М., 1997; Новое о М.Шолохове. Исследования и материалы. М., 2003; Шолохов М.М. Об отце. Очерки-воспоминания разных лет. М., 2004; М. Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. В 2-х кн. / Сост. В. Петелин. М., 2005.

⁷ Шолохов и русское зарубежье / Сост., вступ.статья, примечания В.В. Васильева. М., 2003.

⁸ Осипов В. Шолохов. М., 2005. (Серия ЖЗЛ).

«Тихий Дон». Судьба и правда великого романа» (М., 2005), в которой системно и детально рассмотрен наиболее острый вопрос современного шолоховедения – об авторстве «Тихого Дона»; Н.В. Корниенко «Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе» (М., 2003), где, наряду с исследованием заявленной творческой параллели, опубликован ценнейший материал – читательские письма 1930-х годов о «Тихом Доне» и «Поднятой целине»; С.Г. Семеновой «Мир прозы Михаила Шолохова» (М., 2005), посвященная тщательному изучению его поэтики. Названные труды, при всех индивидуальных различиях авторов, объединяет одно: они по-настоящему содержательны и концептуальны, буквально насыщены литературными, документальными, мемуарными, эпистолярными и другими материалами, в том числе, и впервые вводимыми в научный обиход.

Богатством фактического материала отличается и книга В.В. Петелина «Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения» (М., 2002), тяготеющая, в отличие от упомянутых работ, к жанру повествования на грани науки и беллетристики, к так называемому «беллетристическому литературоведению» – довольно рискованному жанру, которым в свое время увлекался Б.И. Бурсов. Свой вклад в исследование биографии и творчества Шолохова внесли труды последних лет В.В. Васильева, под редакцией которого вышло предъюбилейное 10-томное собрание сочинений писателя (М., 2003–2005), Г. Ермолаева, Л. Колодного, В. Осипова, С. Семанова, Н. Федя⁹ и др. Перечень этот, разумеется, не исчерпывает имен, причастных к делу изучения наследия крупнейшего русского писателя XX века.

Вместе с тем очевидно, что на протяжении двух последних десятилетий шолоховедение приобрело несколько своеобразный оттенок. Значительная часть исследовательских сил была отвлечена на выяснение вопроса об авторстве «Тихого Дона». Точнее говоря, это уже не столько изучение собственно шолоховского творчества, сколько расследование по делу об авторстве, со своей, уже сложившейся интригой и своим кругом исполнителей. Подобная направленность шолоховедческой мысли в какой-то мере была неизбежной – как реакция на особую ситуацию, возникшую в этой области литературной науки. С момента выхода за рубежом известной книги И. Медведевой-Томашевской «Стремя

⁹ Ермолаев Г. Михаил Шолохов и его творчество. Перевод с англ. СПб, 2000; Колодный Л. Кто написал «Тихий Дон». М., 1995; Он же. Как я нашел «Тихий Дон». М., 2000; Осипов В. Тайная жизнь М.Шолохова. Документальная хроника без легенд. М., 1995; Семанов С. Православный «Тихий Дон». М., 1999; Федь Н. Парадокс гения: Жизнь и сочинения Шолохова. М., 1998.

“Тихого Дона”» (1974) появилась целая когорта авторов (причем не только филологов, но и историков), заинтересованных, по меткому наблюдению П.В. Палиевского, в том, чтобы «вместо Шолохова существовал бы шолоховский вопрос»¹⁰. В этой хитроумной и умышленной подмене как раз и заключается суть с недавних пор появившегося понятия «антишолоховедение», то есть априори недоверчивого, подозрительного, предвзятого подхода к творчеству и самой личности писателя¹¹.

Одним из главных аргументов тех, кто оспаривает авторство Шолохова в «Тихом Доне», помимо фактора возраста, является ссылка на то, что впоследствии писатель не создал ничего сопоставимого с этим романом. Здесь сказывается влияние известного стереотипа критического мышления: художественный талант с годами должен крепнуть, а не угасать. Но литературная практика далеко не всегда это подтверждает. Данный постулат применим, допустим, к М. Булгакову, талант которого со временем проявлялся все более мощно и в конце творческого пути породил такой общепризнанный шедевр, как роман «Мастер и Маргарита». А у А. Платонова, например, пик художественных достижений приходится на конец 1920 – начало 1930-х годов (примерно середина его творческого пути), когда создавались роман «Чевенгур» и повесть «Котлован». После этого он написал немало произведений, но по масштабу и силе художественного обобщения они все же не идут в сравнение с названными. И, между прочим, никому не приходит в голову упрекать писателя за это.

Почему же по отношению к Шолохову применяется иная мерка? С психологической точки зрения это понятно: своим первым романом Шолохов задал столь высокую творческую планку, что поневоле настроил читателей на ожидание от него подобных вещей и в дальнейшем. Но, с другой стороны, вправе ли мы требовать от художника, чтобы он создавал только одни шедевры? Это безусловно максималистский подход, отмеченный к тому же почти у всех сомневающихся в авторстве Шолохова, изрядной долей нелюбви и предубеждения к писателю. Для непредвзятого же взгляда достаточно, наверное, и того, что первая книга «Подня-

¹⁰ Палиевский П. Художник эпохи // Литературная газета. 2005. 29 июня – 5 июля. С. 7.

¹¹ См., напр.: Загадки и тайны «Тихого Дона». Итоги независимых исследований текста романа: 1974–1994. Самара, 1996; Мезенцев М.Т. Судьба романов. К дискуссии по проблеме авторства «Тихого Дона» (о Шолохове и Ф.Д. Крюкове). Самара, 1998?; Макаров А.Г., Макарова С.Э. Вокруг «Тихого Дона»: от мифотворчества к поиску истины. М., 2000; Венков А.В. «Тихий Дон»: источниковедческая база и проблема авторства. Ростов Н/Д, 2000.

той целины» и рассказ «Судьба человека» по уровню исполнения отнюдь не контрастны «Тихому Дону».

У выдающихся художников точка высших достижений их таланта может оказаться не только в конце или в середине творческого пути, но и в начале, как у Шолохова. В новейшей литературе о Шолохове приводится немало фактов, подтверждающих, насколько стремительно происходил в 1920–1930-е года его духовный рост как художника и человека¹². В этом случае молодость таланта – не препятствие, а наоборот, самый благоприятный период для реализации творческих потенциалов. Было бы нелепо отказывать в возможности проявления художественного гения именно в молодые годы. Что касается судьбы и степени раскрытия шолоховского таланта после «Тихого Дона», то это отдельная тема, в которой далеко еще не все прояснено.

Обретение рукописи первых двух книг «Тихого Дона», уже ставших объектом изучения и анализа, казалось бы, должно поставить окончательную точку в вопросе об авторстве романа. Но вряд ли следует ожидать, что озабоченные этим вопросом отныне перестанут его возбуждать. Как точно подметил один из современных писателей, «дело не в том, что им нужен подлинный автор великого романа, а в том, что им не нужен Шолохов»¹³. Юбилейный шолоховский год показал, что скептики и недоброжелатели писателя не спешат сдавать свои позиции. Подтверждение тому – выход в 2005 году книги «Литературный котлован: Проект “Писатель Шолохов”» израильского исследователя З. Бар-Селлы, давнего и непримиримого оппонента Шолохова. Хотя, по счастью, есть пример и иного рода, как будто единственный пока, но по-своему показательный: историк Рой Медведев под влиянием открывшихся в последние года фактов пересмотрел свою позицию и публично отказался от версии о плагиате в «Тихом Доне»¹⁴.

В нынешней ситуации, после того как литературной и научной общественности предъявлены рукописи романа, дискуссия об авторстве становится, строго говоря, беспредметной, а значит, в научном плане бесперспективной. Поиски же «подлинного» автора рискуют перейти (если уже не перешли) все границы здравого смысла. Факты свидетельствуют, что мания недоверия и подозрительности распространяется уже не только на «Тихий Дон», но и

¹² Кузнецов Ф. «Тихий Дон». Судьба и правда великого романа. М., 2005. С. 576.

¹³ Поляков Ю. Шолохов и «шелуховеды»// Литературная газета. 2005. 18–24 мая. С. 7.

¹⁴ Имеется в виду выступление Р. Медведева в телепередаче «Писатель и вождь: Сталин и Шолохов» (1-й канал, 24 мая 2004 г.).

на другие произведения писателя. Как иначе можно воспринять появление статьи Н. Журавлева в «Новой газете», где утверждается, что автором романа «Они сражались за Родину» является не Шолохов, а А. Платонов?¹⁵ Остается только ожидать, что со временем будут найдены и «неизвестные» пока что авторы «Поднятой целины» и «Судьбы человека»¹⁶!

В современной литературе о Шолохове утвердилось мнение, что в «Тихом Доне» гражданская война трактуется как национальная трагедия. Эта точка зрения очень привлекательна и созвучна нашему времени. Мысль Шолохова о том, что гражданская война «тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает»¹⁷, преодолела сопротивление прежних советских времен и открылась читателю во всей своей трагической справедливости. Она была выношена писателем из его жизненного опыта и опыта многолетней работы над романом. Права была Е.Г. Левицкая, утверждавшая еще много лет назад, что «в шатаниях Григория Мелехова есть, безусловно, много автобиографического»¹⁸. И хотя он – собирательный образ и давно установлен его главный прототип, это начало в нем ощутимо присутствует. Иначе невозможно объяснить ту силу внутренней симпатии и обаяния или, говоря словами Шолохова, «очарования человека», которую испытывает читатель по отношению к мятущемуся герою «Тихого Дона».

Уместно напомнить в связи с этим, что у Шолохова был предшественник – М. Булгаков с его романом «Белая гвардия». Когда Шолохов в 1925 году приступил к созданию «Тихого Дона», Булгаков уже печатал свой роман в журнале «Россия» (№ 4–5). Эти два писателя, пожалуй, с наибольшей художественной убедительностью и причем независимо друг от друга донесли до нас взгляд на события революции и гражданской войн как национальную трагедию. Но если по отношению к Булгакову власть не шла ни на какие идеологические уступки, то по отношению к Шолохову она все же вынуждена была это сделать. Верхнедонское восстание в третьей книге «Тихого Дона» и, в особенности, финал романа никак не вписывались в типично советские идеологемы. На фоне непреложных стереотипов эпохи финал «Тихого Дона» вы-

¹⁵ Журавлев Н. Гений в неграх родины // Новая газета. 2005. № 22, март.

¹⁶ Достойная отповедь автору статьи в «Новой газете» дана в статье Н.В. Корниенко «Авторство» Шолохова как доходная тема, или почему А.Платонов не писал роман «Они сражались за Родину» (Наш современник. 2005. № 11. С. 272–278).

¹⁷ См.: Васильев А. Михаил Шолохов. Последние годы // Литературная газета. 2005. 23–29 марта. С. 8.

¹⁸ Цит. по: Кузнецов Ф. «Тихий Дон». Судьба и правда великого романа. С. 477 (запись из архива Е.Г. Левицкой).

глядел не просто неожиданным, а вызывающе трагичным. Он породил в свое время бурю эмоций и протестов как на официальном уровне, так и в массовой читательской среде.

Но Шолохов устоял против такого напора и заставил власть считаться с художественной логикой своей эпопеи. Единственное и наиболее действенное оружие, которое он использовал при этом, – обаяние и сила художественной правды. Уникальность «Тихого Дона», в том случае, когда она осознавалась, по-своему оберегала его, снимала возникавшие на его пути преграды и запреты. Правда художественного гения оказалась выше навязываемой ему идеологии. В конечном счете, это и поставило Шолохова на то особое место в литературе, которое он занимал и продолжает занимать.

КАЗАЧЕСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Т.В. Таболина

О сущности такого уникального социокультурного феномена, как казачество, уже давно, по крайней мере с первой половины XX в., ведется научная дискуссия. Одни исследователи рассматривают его как относительно обособленную часть русского народа, субэтническое образование, другие же считают возможным признавать казаков самостоятельной этнической общностью, отдельным славянским народом. И хотя первая точка зрения выглядит в свете имеющихся в настоящее время данных более убедительной, точку в споре ставить пока рано, поскольку серьезных научных исследований, специально посвященных этой проблеме, не проводилось¹.

Однако в любом случае можно с достаточным основанием утверждать, что казачество представляло собой чрезвычайно специфичную этносословную общность, складывавшуюся у южных рубежей Российского государства примерно с XVI в. и на протяжении многих столетий выполнявшую роль оборонительного щита. Казаков порой сопоставляют с рыцарями средневековой Европы, руководствуясь при этом сходством жизненного уклада и социального статуса обеих этих групп, а также близостью существующих у них понятий о воинской доблести и чести. Казак в первую очередь выполнял функции воина, охранявшего рубежи своего Отечества, и эту задачу считал своей священной обязанностью. Казачество превратилось в грозную военную силу и успешно участвовало почти во всех войнах, которые Россия вела в XVIII – начале XX веков. Огромную роль сыграли казаки и в освоении новых земель на юге и востоке России, а присоединение Сибири к нашей стране вообще является в первую очередь заслугой казачества. Многие крупнейшие сибирские города были основаны казаками (Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск, Якутск и др.).

Казаки первоначально делились на две разные по своему положению группы. Первую составляли служилые казаки, являвшиеся подданными русского царя. Они получали «государево жалованье», их обеспечивали боевыми припасами. Ко второй груп-

¹ См.: Казаки России (Прошлое. Настоящее. Будущее). Кн. 1. М., 1992; Таболина Т.В. Основные направления изучения казачества // Возрождение казачества: надежды и опасения. М., 1998.

пе относились вольные казаки, не считавшиеся царскими подданными и не обязанные служить по приказу. Они добровольно участвовали в войнах, которые вела Россия, но на верность царю не присягали. Однако со временем различия, существовавшие между этими двумя группами казаков, перестали существовать, и все они стали подданными русского царя. Существует не совсем верное представление, что казак – это непременно лихой кавалерист. На самом деле казачество давало стране не только кавалерийские формирования, но также пехотные и артиллерийские части. Были среди казаков и моряки (Амуро-Уссурийская казачья флотилия).

Казачья общность, издревле сформировавшаяся в степной части России, на пограничье, изначально характеризовалась традициями самоуправления, восходящими к военной демократии. Пребывая в экстремальной ситуации постоянного вызова, казаки выработали в качестве ответа специфический образ жизни и самозащиты, эффективную систему хозяйствования, органичное сочетание земледелия, скотоводства, рыболовства, бортничества, охоты и военного дела. Пастух, пахарь, охотник и воин в одном лице – казак был способен как к автономному жизнеобеспечению, так и к слаженным совместным действиям в ватаге, артели, станице, отряде, войске.

Казаки были передовыми отрядами российской территориальной колонизации и по мере складывания, расширения и укрепления единого государства интегрировались в структуру Империи. История развития казачества на Руси сложна, разнообразна и противоречива. С ним органически связано расширение территории страны, укрепление её границ, превращение Московского государства в Российскую Империю. Непосредственно в России возникновение казачества было обусловлено установлением границ Рязанского княжества, формированием сторожевых разъездов, караулов, устройством стоянок, постепенно превращавшихся в пограничные укрепленные городки.

Некоторые исследователи полагают, что казаки образуют не одну, а несколько отдельных этнословных общностей (в основном соответствующих существующим казачьим войскам), однако подобная точка зрения не очень убедительна, поскольку периодически образовывавшиеся новые казачьи войска в значительной мере создавались из казаков ранее учрежденных войск, переселявшихся на вновь осваиваемые территории. В формировании кубанских казаков приняли участие запорожские, донские и волжские казаки, оренбургских и астраханских – волжские казаки, сибирских – яицкие (уральские), донские и волжские казаки, семиреченских – уральские казаки, амурских – забайкальские, дон-

ские, кубанские, оренбургские казаки, уссурийских – амурские, донские, уральские, кубанские казаки, енисейских – сибирские и донские казаки и т.д. Таким образом, фактически все казаки в большей или меньшей степени связаны между собой единством происхождения. Тем не менее, определенные, а порой даже существенные различия между казаками разных войск безусловно имеются, и, образуя единую социальную общность, они в то же время являются отдельными субэтническими подразделениями. В тюркских языках слово «казак» или «козак» означает вольный человек², что отражает действительное положение представителей этой общности. Существуют разные версии происхождения слова «казак»: турецко-татарское означает человека, не имеющего «ни кола, ни двора»; половецкое означает «стража», передового человека, стоящего наготове; монгольское слово состоит из двух собственных частей: «ко» – броня, латы, защита и «зах» – межа, граница, рубеж. Отсюда «ко-зах» – защитник границы. Еще в XIV в. казаками называли лично свободных людей, не приписанных к тяглым общинам. Позднее характерным признаком лиц, называвшихся казаками, стала также воинская служба.

В вопросе о происхождении казачества, о раннем периоде его истории много неясного и спорного. Некоторые ученые, занимавшиеся исследованием возникновения этой общности, считали, что в ее формировании наряду со славянами участвовали и различные неславянские племена: иранские (скифы, аланы), тюркские (гунны, хазары, печенеги, торки, половцы, болгары, татары), финские (мещеряки), германские (готы). И хотя какое-то участие в генезисе казаков некоторых из перечисленных этнических компонентов допустить можно, не вызывает сомнения, что главную роль в образовании казаков сыграли русские.

Не установлено точно и время появления казачества. Одни исследователи относят его к концу XIV в., другие – к XVI в., третьи же считают, что казаки или какие-то сходные с ними группы появились в гораздо более раннее время – в X в., а может быть, даже в VI в. Правда, первые сведения о казаках в летописях относятся к середине XV в. Первые исторические сведения о военных действиях казачества относятся к 1444 г., когда рязанские казаки участвовали в битве с ордами. В общем, вопрос о времени появления этой группы требует дополнительного изучения, но в любом случае во второй половине XVI в. казачество уже представляло собой внушительную силу, концентрировавшуюся на рубежах Русского государства и осуществлявшего его защиту от кочевников.

² Казачество. Энциклопедия. М., 2003. С. 142.

По нашему мнению, казачество формировалось в первую очередь из русских, а отчасти и украинских крестьян, разорившихся в условиях перехода от натурального хозяйства к рыночной экономике, а также из крепостных крестьян. Первые надеялись таким образом улучшить свое материальное положение, вторые – избавиться от крепостной зависимости.

Иногда высказывается мнение, что казачество имело не этнический, а только сословный характер, причем данная точка зрения мотивируется тем, что к некоторым казачьим войскам приписывались представители неславянских народов: осетины, кумыки, ногайцы, калмыки, татары, башкиры, буряты, эвенки и др. И все же, несмотря на определенную примесь неславянского элемента в разных казачьих войсках, казаков, по-видимому, следует считать этносословным образованием русского и (в какой-то части) украинского происхождения. Казаки же нерусского и неукраинского происхождения представляют собой небольшие группы, постепенно интегрируемые основной, славянской, массой казачества. Отметим здесь, что подобные инородные группы имеются в составе и многих других крупных этнических общностей, что не мешает им сохранять свою целостность.

Хотя между различными группами казаков бесспорно существовало определенное единство, они достаточно четко подразделялись вплоть до 1917 г. на 11 войск, каждое из которых имело свою этнокультурную специфику, частично сохранившуюся вплоть до настоящего времени. Это были Донское, Терское, Кубанское, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское войска. Позже, в 1917г., в период нахождения у власти Временного правительства, были учреждены еще два казачьих войска – Енисейское (Красноярское) и Иркутское. Отдельным войсковым образованием был Якутский казачий полк.

Казаков до сих пор некоторые исследователи продолжают подразделять на «вольных» и «указных». К первым, сформировавшимся еще в XVI–XVII вв., относят донских, уральских и терских казаков, ко вторым, организованным на протяжении XVIII–XX вв., – всех остальных. С XV в. и до 1917 г. государственные казачьи войска в России являлись одним из видов поселенных войск, сочетавших военно-пограничные, территориально-милиционные и иные функции с временной службой в регулярной армии и ведением хозяйства на льготных условиях. Первый нормативно-правовой акт о казачестве и его службе («Устав о станичной службе») относился к концу XVI в.

Законодательство Российской Империи XVIII – начала XX вв., рассматривая войсковое казачество как особую социаль-

ную группу, сословие, закрепляло за каждым казачьим войском свою территорию, определяло специфику местного самоуправления, землеустройства (землепользования), сословной структуры, режима выполнения службы, гарантировало передачу по наследству особых прав и обязанностей.

В разное время существовал и ряд других казачьих войск: Запорожская Сечь, Гребенское, Волгское (Волжское), Бугское, Екатеринославское, Дунайское, Украинское, Азовское и др., однако все они по разным причинам были расформированы, а входившие в их состав казаки включены в другие войска, преобразованы в неказачьи военные соединения или переведены в гражданское состояние. Давность существования казачьих войск обычно определяют по времени так называемого установления старшинства (например, для Донского это был 1570 г.) При этом, создание войска или утверждение его в качестве отдельного воинского формирования в большинстве случаев не совпадает со временем установления старшинства.

Следует отметить, что значительная часть казачьих земель после распада СССР осталась вне Российской Федерации. Так, территория Семиреченского войска в настоящее время полностью находится за пределами России, в основном в Казахстане, а частично также в Киргизии. В состав Казахстана вошла и большая часть земель бывшего Уральского казачьего войска (кроме крайней северной их части), узкая южная полоса земель Оренбургского казачьего войска, юго-восточная часть земель Сибирского казачьего войска. На начало 1913 г. общая численность населения на территории казачьих войск составляла более 9 млн чел., из них к войсковому сословию, т.е. к казачеству, принадлежало 4,2 млн чел. Земли казачьих войск заметно различались по численности сосредоточенного на них населения. По данным 1916 г., т.е. предпоследнего года существования казачества как целостного организма, своей численностью особо выделялись Донское и Кубанское казачьи войска, на территории которых жили соответственно 1,5 млн и 1,3 млн чел. Большинство казаков своим происхождением связаны с южными районами России, однако предками их были также выходцы из центральных и даже северных областей Русского государства, а кубанское казачество составили преимущественно переселенцы с Украины (прежде всего т. н. черноморцы – потомки казаков расформированной в 1775 г. Запорожской Сечи).

В состав казачьих войск включались и лица неславянского происхождения (кумыки, ногайцы, калмыки, татары, башкиры, буряты, эвенки и т.д.). Однако доля всех этих народов в составе населения соответствующих войск всегда была невелика. Кроме

того, многие нерусские по происхождению казаки в этих войсках были уже в той или иной степени ассимилированы окружающим русскоязычным населением. Поэтому представление о казаках как этносоциальной общности внутри русского народа даже с учетом всего сказанного, по-видимому, остается наиболее соответствующим истине.

Славяно-русская сущность подавляющего большинства казаков усиливалась еще и тем, что они в своем большинстве всегда исповедовали православие, что содействовало укреплению их монолитности. По данным на начало 1894 г., в населении всех казачьих территорий православные составляли 81%, единоверцы (старообрядцы, подчинившиеся руководству Русской Православной Церкви, но сохранившие свою обрядность) – 1%, другие старообрядцы – 5%, а христиане в целом – 88%. Доля нехристиан на этих территориях достигала лишь 12%, причем 10% из них составляли мусульмане. Следует при этом иметь в виду, что речь идет здесь о всем населении казачьих территорий, а не только о казаках. Что же касалось казаков, то процент православных среди них был значительно более высоким. Кроме того, на территории некоторых казачьих войск вообще практически почти все население составляли православные (например, на землях Амурского, Астраханского, Уссурийского, Семиреченского, Сибирского, Донского).

В Уральском, Терском, Донском, Оренбургском казачьих войсках имелись также существенные группы старообрядцев разных согласий. Особенно много старообрядцев было в Уральском войске, где они составляли в начале 1901 г. 50% всех казаков. Значительные группы старообрядцев имелись в Терском (16% всего казачьего населения), Донском (10%), Оренбургском (5%) войсках. Таким образом, встречающиеся порой утверждения, что среди казаков значительна доля неправославных (в частности, мусульман и буддистов-ламаистов), неверны. Существенные группы мусульман имелись на территориях Терского казачьего Войска (29% всего населения), Оренбургского казачьего войска (8%) и Семиреченского казачьего войска (7%), но эти группы в большинстве своем не относились к войсковому сословию, т.е. не являлись казаками. То же можно сказать и о буддистах-ламаистах, составлявших 14% всего населения на территории Забайкальского казачьего войска.

Поскольку казачество формировалось переселенцами из разных областей России, а частично и Украины, казаки не совсем однородны в антропологическом отношении, хотя и относятся к одной, европеоидной, большой расе. Правда, некоторые группы казаков, живущих в Азиатской части России, прежде всего в За-

байкалье, имеют заметную монголоидную примесь. Однако точных сведений об антропологической структуре казаков не имеется, так как их антропологическое изучение почти не проводилось. Будучи в большинстве своем русскими, казаки, тем не менее, выделялись из окружающего русского населения своим сословным состоянием. Эта сложившаяся на протяжении нескольких веков сословная общность сплачивала казачьи группы, порой имевшие разные корни и происходившие из различных районов страны. Сословная принадлежность давала казакам немалые права и привилегии (они получали от государства землю, жалование, могли самостоятельно решать свои общественные дела и т.п.), но одновременно накладывала на них определенные обязанности. Выполняя воинскую повинность, казак должен был являться в войсковую часть со своей лошадью, обеспеченным обмундированием и амуницией. Воинскую службу казак нес долго. Он начинал служить в 18-летнем возрасте и обязан был прослужить 20 лет, из них 12 лет в строю. Казаки подразделялись на простых казаков и дворян (лиц, имевших офицерское звание).

Общественное устройство казаков было своеобразным. Казачьи войска объединяли станицы, которые обычно состояли из хуторов. В станицах жили и не принадлежавшие к казачьему сословию лица, но они не имели тех привилегий, которыми обладали казаки, и не несли казачьих обязанностей. Эти лица назывались иногородними. Станица возглавлялась станичным атаманом. Атаманы вначале выбирались, но в 1723 г. выборность атаманов была отменена, и они стали назначаться. Атаман управлял станицей с помощью станичного сбора, который включал помимо атамана и его помощников также хуторских атаманов. Станичному атаману подчинялись все проживающие в станице лица включая иногородних. Власть атамана, ограниченная в мирное время, во время военных действий становилась весьма значительной. Большая часть казачьих войск возглавлялась наказными атаманами, которые считались равными по своему должностному положению военным губернаторам. В Донском войске должность его главы именовалась «войсковой наказной атаман». Таким же было и название должности представителей центральной власти, поставленных над несколькими соседними казачьими войсками. Должность войскового наказного атамана соответствовала должности генерал-губернатора. Общих войсковых наказных атаманов (генерал-губернаторов) имели Кубанское и Терское казачьи войска, Сибирское и Семиреченское казачьи войска, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска. Казачьи войска вначале находились в ведении Посольского приказа, отвечавшего за отношения с иностранными государствами, однако позже были

подчинены Военному министерству Российской Империи, в составе которого имелось особое Главное управление казачьих войск. Казачьи войска подчинялись непосредственно императору, с 1827 г. – наследнику престола. При Николае II атаманом всех казачьих войск был цесаревич Алексей.

Сохранению казаков как отдельной этносословной общности во многом способствовало и их стремление к некоторому обособлению от других групп населения. В частности, это выражалось в том, что браки между казаками и неказаками были прежде довольно редким явлением. Казаки также неизменно подчеркивали свое отличие от лиц, принадлежавших к другим социальным группам: крестьян, дворян, чиновников и т.п. Казаки, составлявшие лишь 2,4% населения страны, обладали значительным авторитетом и влиянием в обществе, сохраняли давние традиции демократического самоуправления, среди них был высок процент грамотных людей и зажиточных домохозяев. Государство было весьма заинтересовано в постоянном развитии этого стабильного и воинственного слоя населения, расселенного преимущественно в приграничной зоне. Оно старалось привлекать на казачью службу лиц различного сословного (крестьяне, отставные солдаты), национального (из 4,5 млн казаков в 1917 г. русские составляли более 3,5 млн) и конфессионального происхождения. Зарубежные аналоги российской системы казачьих войск – национальные гвардии, полки территориальной обороны, невойсковая пограничная стража, граничары Югославии, ходы Чехии. Специфические условия службы государственных казачьих войск оказали сильное влияние на культуру и быт казаков, став причиной постепенного формирования на основе войскового населения ряда субэтносов и этнографических групп различных народов России – прежде всего русского, а также калмыцкого (бузавы), бурятского (карымы), татарского (нагайбаки) и других. К началу XX в. быстрая модернизация России привела к кризису территориально-сословной системы войскового казачества, поэтому государство готовило переход казачьих войск на современные формы несения службы и материального стимулирования.

Однако процесс реформирования казачества был прерван вскоре после Октябрьского переворота. Как известно, в советский период казачество было предано государственной опале: новая власть провела расказачивание, в результате которого были репрессированы сотни тысяч казаков. Естественно, что такая расправа отрицательно сказалась на идентичности казачества. И тем не менее, 70-летний период крайне враждебного отношения к казачеству не смог окончательно искоренить эту

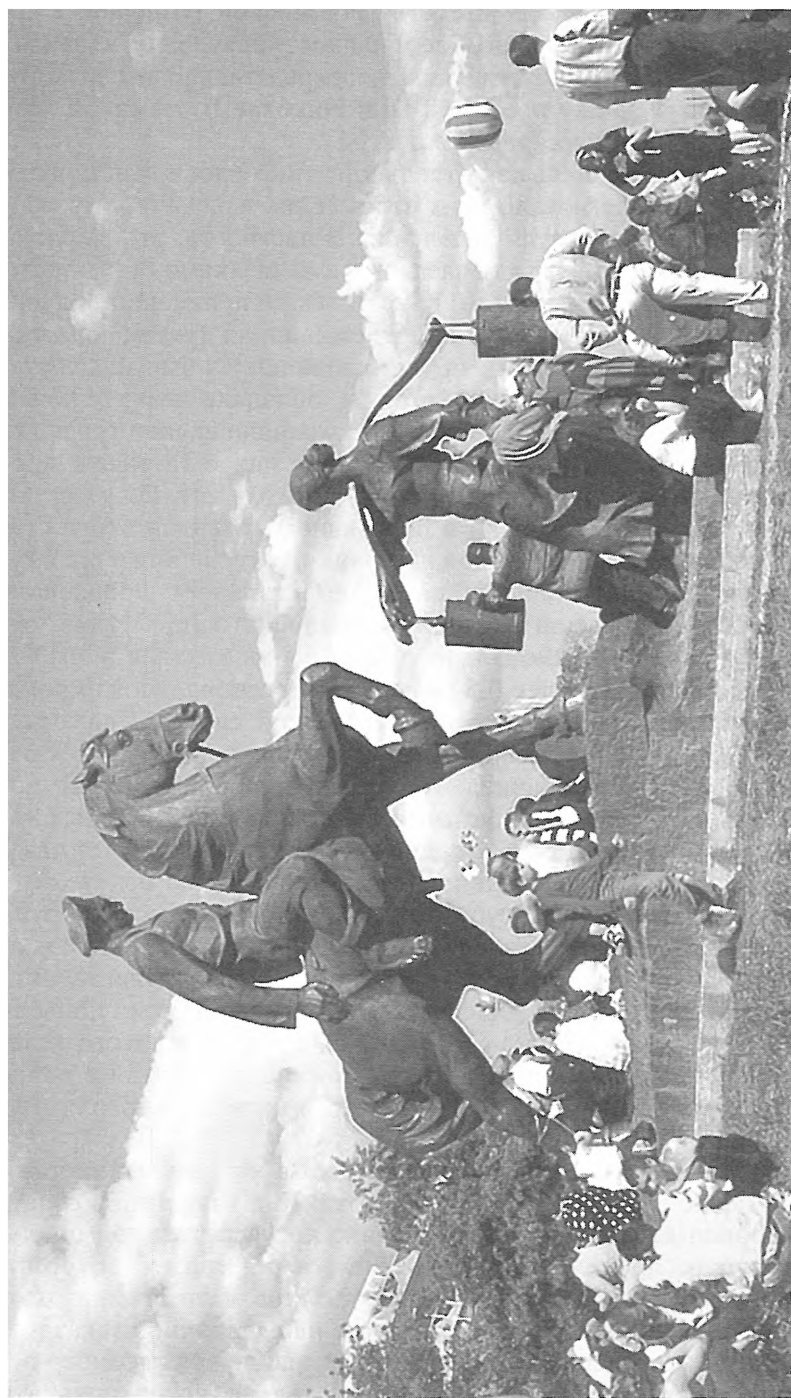

Рис. 1. Григорий Мелехов и Аксинья – скульптурная композиция в станции Вешенской на Дону

весьма ценную для всей России этносоциальную общность, которая, хотя и понесла тяжелые потери, но все же в основном сохранилась.

Советская власть уже одним из первых своих декретов «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 10 ноября 1917 г. юридически упразднила статус казачества как особого сословия, и в течение последующих пяти лет казачьи войска прекратили свое существование. На местах уничтожение казачества фактически санкционировало Циркулярное письмо об отношении к казакам от 24 января 1919 г. Постановлением ВЦИК и СНК «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» от 18 ноября 1920 г. был положен конец казачеству как особому сословию. В советский период потомки войскового казачества, несмотря на политику репрессий и всеобщей социально-культурной унификации, сохраняли определенные черты традиционной культуры, быта и самосознания. Потенциал этой группы населения использовался при создании казачьих территориально-милиционных (Северный Кавказ, 1923–1939 гг.) и регулярных (конные и пластунские дивизии 1936–1956 гг.) формирований. Опыт системы казачьих поселений был использован и при организации военных колхозов на Дальневосточной границе с Китаем (существовали до начала 1960-х годов). Как и все крестьянство страны, казачество подверглось насильственной коллективизации. Приближение войны с Германией заставило И.В. Сталина повернуться лицом к русской нации. Составной частью этого нового курса стал и пересмотр отношения к казакам. В 1936 г. процесс советизации казачества практически закончился, и началась государственная кампания «лицом к казачеству». Власть объявила о возрождении социалистического колхозного казачества.

Казачьи воинские формирования героически сражались за Советскую Родину во время Второй мировой войны. В то же время часть казаков увидела в Гитлере таран для сокрушения Советской власти. Из казаков-эмигрантов и пленных формировались казачьи части, сражавшиеся на стороне Германии. Эта трагическая страница в истории борьбы казаков с советской властью закончилась выдачей казаков Англией Советскому Союзу в Лиенце 1 июня 1945 г.³

В послевоенный период советизация казачества продолжилась: казачьи традиции были поставлены на службу правящей системе. Интерес к казачеству носил в основном исторически-фольклорный характер. Никакого реального возрождения ка-

³ Толстой Н. Жертвы Ялты. Париж, 1988; Лиенц – казачья Голгофа // Сост. Е.Я. Шипулина. Оттава–М., 2005.

зачьего образа жизни не происходило. Советское казачество разделило участь всего советского крестьянства. Шел массивированный отток казаков из станиц в города, где они становились маргиналами. Забывались традиции казачьего землепользования и самоуправления, лишь в фольклорных ансамблях воспроизводилась псевдоатрибутика традиционных казачьих войск и исполнялись стилизованные казачьи песни и танцы.

Формальной датой, когда потомки казаков заявили о себе в наши дни, можно считать круг Землячества казаков в Москве, состоявшийся 5 января 1990 г. До этого происходили различные фестивали казачьего фольклора, возникали кружки, общества изучения истории казачества, военно-патриотические клубы, действовали отдельные энтузиасты и краеведы, шло брожение, организовывались сборы казаков в Краснодаре, Ростове-на-Дону, Орджоникидзе (ныне Владикавказ), Москве, других местах. Зарождение первых объединений казаков зачастую шло в рамках военно-исторических клубов, к 1989 г. возникших практически во всех регионах СССР⁴.

Учредительный съезд (круг) Союза казаков состоялся в Москве 28–30 июня 1990 г. в клубе завода «Серп и молот». Приехали 263 делегата и более 450 гостей. Новое движение заявило о себе как о движении этноконфессиональном, хотя тогда это осознавалось не всеми. Круг в Москве послужил мощным катализатором движения. Делегаты, разъехавшись по домам, взбудоражили спокойствие повсюду: в столичных центрах, поселках, станицах. В регионах начали создаваться объединения казаков. Вначале никто не думал, что будут конфликты, размежевания и слияния, изменения соподчиненности и взаимоотношений между различными организациями. Однако в дальнейшем амбиции лидеров приводили к перманентному созданию разнообразных казачьих объединений, которые появлялись, дробились, иногда укрупнялись, исчезали и вновь возникали⁵.

В истории современного казачества 1990 г. стал годом официального оформления первой организации, в задачи которой входило объединение казаков всего СССР, координация их деятельности, а также привлечение к сотрудничеству казаков зарубежья. Желание стать организацией, открытой для казаков всех регионов страны и мира, отразилось и в названии – Союз казаков. В средствах массовой информации он зачастую с самого начала неверно именовался Союзом казаков России. Со временем произошло решительное размежевание лидеров (возник Союз ка-

⁴ Таболина Т.В. Указ. соч.. С. 306.

⁵ Она же. Казаки: драма возрождения. М., 1999. С. 61.

зачьих войск России, затем Союз казачьих войск России и Зарубежья), отразившее открытый раскол на «белых» и «красных», имплицитную борьбу за статусные позиции, что привело в дальнейшем к появлению множества общественных объединений казаков. Прорекларированная в это время в документах и выступлениях лидеров казачества отстраненность от политики изначально вступала в противоречие с выдвинутыми целями и требованиями, самым непосредственным образом относившимся к политическим и социальным сферам жизни общества. Это, например, сразу же поставленные вопросы о предоставлении экономической самостоятельности традиционным казачьим территориям, освобождении казаков от государственных налогов. Основной политической установкой стало требование о внесении казачества в число реабилитируемых репрессированных народов, признании преступной политики уничтожения казачества, отмене всех прежних государственных актов антиказачьей направленности. При этом ставилась цель добиваться создания казачьего представительства во властных структурах СССР, союзных и автономных республик. Было высказано предложение о необходимости создать условия для совмещения административно-территориальных и этнических границ в исторических областях проживания казаков. Почти сразу казаки резко поставили вопрос о необходимости создать структуру, которая занималась бы ими в масштабах страны (СССР, затем Российской Федерации). Общие декларации по этому поводу сменялись обращениями казаков в высшие инстанции. Выдвижение требований о создании практически параллельных структур власти и постановка вопроса о территориальных притязаниях сразу вовлекли казаков и их только что созданные организации во все более обострившиеся межнациональные отношения и конфликты, а также заставили определить свою позицию по многим проблемам, которые встали перед российским обществом после распада Советского Союза. В 1992–1995 гг. шла разработка нормативной правовой базы, в соответствии с которой предстояло в дальнейшем жить и действовать казачеству. В 1995 г. был принят ряд документов, формулировавших государственную политику по отношению к казачеству. Основным стал Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», который определил главное направление: воссоздание с учетом реалий жизни конца XX – начала XXI в. системы реестровых казачьих войск, которые подчинены главе государства. Во многом усилиями Н.Д. Егорова в 1994 г. был создан Совет по делам казачества при Президенте Российской Федерации (на общественных началах). Началась нешуточ-

ная борьба за статусные позиции в казачестве и, в конечном счете, за то, кто возьмет его под контроль. Действовало множество разнонаправленных векторов и во властных структурах, и в среде тех, кто называл себя оппозицией. Усугубляли ситуацию несогласие и конфликты в самом казачестве. Тем не менее с января 1995 г. Совет координировал работу по созданию возможностей объединения казачества на государственной основе, выстраивания вертикали: казачьи общества—Президент Российской Федерации.

Действительно значимым стало совещание руководителей субъектов Российской Федерации, на территориях которых проживали казаки, проходившее 26 октября 1995 г. в Доме Правительства России под председательством В.С. Черномырдина. Впервые вопросы государственной поддержки казачества со стороны федеральных органов власти и органов власти субъектов Федерации обсуждались на таком высоком уровне. Впервые собрались вместе для обсуждения проблем казачества ряд глав субъектов Федерации, сотрудники министерств. Силловые структуры были представлены руководителями, от которых зависело принятие реальных решений по казачеству в соответствующих ведомствах.

Постепенно в министерствах и ведомствах были сформированы специальные подразделения, которые занимались казачеством, или назначены ответственные за эту работу. К проблемам казачества обратились уже депутаты Государственной Думы Российской Федерации первого созыва. Многие политические движения практически сразу предприняли попытки взаимодействия с казачеством, некоторые лидеры которого решили идти «во власть», но в целом эти попытки успехом не увенчались. Главное управление казачьих войск при Президенте Российской Федерации (ГУКВ) было создано Указом Президента России от 20 января 1996 г. № 67. Основной задачей этой структуры в Администрации Президента России было определение принципов государственной политики по отношению к казачеству. Организовывалось взаимодействие и координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и казачьих обществ по выполнению нормативно-правовых актов о российском казачестве.

Начальником ГУКВ Указом Президента России от 1 апреля 1996 г. № 462 был назначен А.П. Семенов. Началась отработка механизма взаимодействия с казачьими общественными объединениями, с органами власти субъектов Федерации, с федеральными органами исполнительной власти. Постепенно наладилась работа с соответствующими министерствами и ведомствами. К не-

войсковой охране государственной границы привлекались Уссурийское, Забайкальское и Сибирское войсковые казачьи общества. Полноценная деятельность казачьих обществ в системе государственной службы потребовала создания более четкой правовой основы. Для реального руководства (а не просто координации) казачьими обществами уже стала необходима самостоятельная сильная государственная структура. Соответственно, была разработана модель реорганизации ГУКВ в федеральный орган исполнительной власти. Однако реализовать эту модель не удалось: разразился правительственный кризис 1998 г. Для того чтобы не пошло прахом все наработанное годами, в сжатые сроки был подготовлен проект документа о новой структуре. Указом Президента России от 7 августа 1998 г. № 920 Главное управление казачьих войск При Президенте Российской Федерации было упразднено и образовано Управление Президента Российской Федерации по вопросам казачества (УПКВ). Начальником его назначен П.С. Дейнекин. Управление продолжило работу по формированию государственного реестра казачьих обществ.

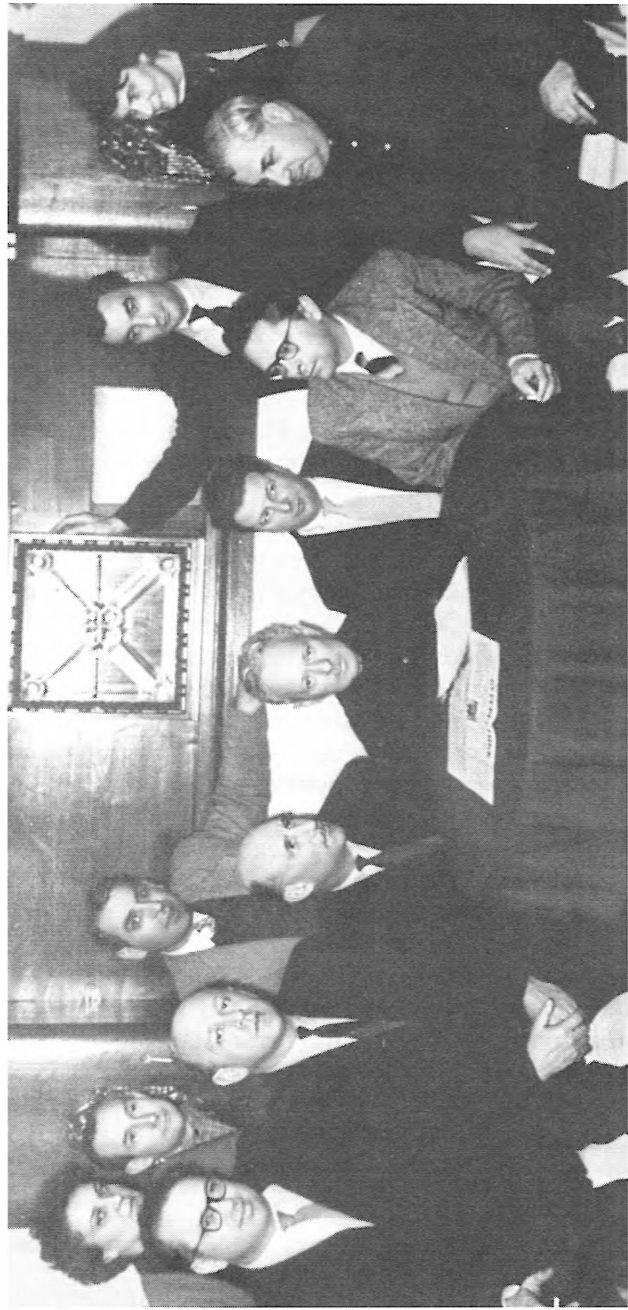
Впоследствии работа с казачеством была передана в ведение советника Президента Российской Федерации Г.Н. Трошева. Предпринята попытка подойти к порогу нового этапа взаимодействия власти с казачеством⁶. Отрабатывается модель перехода от координации действий к выстраиванию целостной системы управляемых казачьих обществ снизу доверху для претворения в жизнь краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных программ. Возможно, со временем, эти проекты позволят превратить казачьи общества в самодостаточные структуры, работающие с учетом национальных интересов России.

В это же время среди ученых, краеведов, литераторов в казачьих регионах рос интерес к теме казачьего зарубежья⁷. Стали доступны новые архивные материалы и публикации, из которых становилось ясно, что в эмиграции роман «Тихий Дон» читали представители самых разных политических направлений; им зачитывались люди, не принимавшие ни одного художественного произведения, изданного в СССР⁸. Прочитав, находили объяснение: «ведь это казак писал». Вскоре после выхода романа в свет в

⁶ Таболина Т.В. На пути к государственной службе. Власть и казачество: противоречивое десятилетие // Российское казачество. Научно-справочное издание. 2003. С. 521–537.

⁷ Станичный вестник. 1989–2004 / Авт.-сост. Шипулина Е.Я., Донсков А.А., Таболина Т.В. Оттава–М., 2004; Живет душа Россией. Неизвестные страницы Русского зарубежья. М., 2005.

⁸ См.: Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество. СПб., 2000; Шолохов и русское зарубежье / Сост. Васильев В.В. М., 2003.

Утверждение на роль Григория «Тихий Дон», 1956г.

Рис. 2. Утверждение М. Шолохова актера П. Глебова на роль Григория Мелехова в фильме «Тихий Дон».

Тургеневской библиотеке в Париже (октябрь 1930–январь 1931 г.) он стоял на пятом месте по читательскому спросу среди произведений советской литературы. В октябре–декабре 1932 г. переместился на второе место⁹.

Известные в русском зарубежье писатели и критики словно бы не замечали художественного таланта М.А. Шолохова, зачастую упоминая его вскользь или в связи с каким-либо информационным поводом – очередным витком дискуссий об авторстве, присуждением Нобелевской премии, обнаружением биографических несовпадений. Связано такое отношение было и с тем, что роман «Тихий Дон» восприняли первоначально приниженно, как произведение, открывшее миру такое частное малозначимое явление как «казачество» с его своеобразным укладом семейной и станичной жизни, диалектизмами и т.п. Немало усилий на акцентирование именно «казацкости» «Тихого Дона» приложили лидеры самостийников, соорганизовавшихся в 1920-е годы в зарубежье, издававших журнал «Вольное казачество–Вильне Козацтво». На страницах этого издания появлялись статьи, в которых проводились попытки связать с содержанием романа казачий сепаратизм, идею «казакии». В целом для казачьего зарубежья было важно мнение атаманов. Известно, что П.Н. Краснов высоко оценил талант М.А. Шолохова, перечислив его после А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого. Писатель Б.Н. Ширяев имел возможность, находясь в Казачьем Стане в Италии в конце Второй мировой войны, уточнить отношение атамана П.Н. Краснова к творчеству М.А. Шолохова, который говорил: «Это исключительный, огромный по размерам своего таланта писатель... Я столь высоко ценю Михаила Шолохова потому, что он написал правду»¹⁰.

Для многих представителей второй послереволюционной эмиграции, т.н. Ди-Пи (D.P. – displaced persons – перемещенные лица), читавших произведения М.А. Шолохова еще в СССР, они были и напоминанием о Родине, и поводом для размышлений о правильности жизненного выбора. Тем более, что в эмиграции оказался и художник С.Г. Корольков – первый, ценимый М.А. Шолоховым иллюстратор романа «Тихий Дон». Его рисунки вернулись к читателю совсем недавно. А во всем мире он стал известен своей картиной «Выдача казаков в Лиенце», которая хранится ныне в Кубанском войсковом музее в США.

⁹ Кноринг Н. Что читают в эмиграции: цифры Тургеневской библиотеки // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1931. 24 мая; Последние новости. Париж, 1933. 9 марта.

¹⁰ Ширяев Б. Воля к правде // Часовой. 1966. № 476 (2). Февраль; *Он же*. Ди-Пи в Италии. Buenos-Aires, 1952.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАК СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

В.Н. Земсков

Минуло уже более трех четвертей века с тех пор, как в 1930 г. началась сплошная коллективизация крестьянских хозяйств – и как бы к этому сейчас не относиться, она коренным образом изменила пути развития и уклад жизни деревни, стала важной судьбоносной вехой в истории нашей страны.

Вопросов вокруг проблемы коллективизации и образования колхозно-совхозной системы существует много. Что это такое, историческая ошибка, нечто закономерное или причудливый синтез того и другого?

Изучение проблемы коллективизации необходимо также и в контексте перспектив развития современного аграрного комплекса. Хотя в обозримом будущем фермерские хозяйства и будут развиваться, но не думаем, что они будут доминировать. А доминировать будут, представляется, акционерные сельскохозяйственные предприятия, как правило, на базе бывших колхозов и совхозов. Подчеркиваем: на базе бывших колхозов и совхозов. То, что было заложено в 1930 г. и о чем повествуется в «Поднятой целине» М.А. Шолохова, оказалось таким наследием, от которого сегодня невозможно избавиться, если даже кому-то это очень захотелось бы. Реально это наследие можно как-то трансформировать, придавать ему иное качественное содержание.

Все это обуславливает повышенную актуальность проблемы коллективизации и ее последствий в судьбах нашего народа.

Проблема коллективизации довольно интенсивно разрабатывалась в советский период, особенно в 1960–1970-е годы. Надо сказать, что эта тема относилась к числу наиболее политизированных и идеологизированных. Существовал целый набор идеологических штампов, клише, шаблонов, стереотипов, которым авторы должны были следовать неукоснительно. Малейшее отклонение было чревато обвинениями в оппортунизме, ревизионизме, отходе от линии партии и т.п., по тем временам – страшные обвинения.

Допустить смысловую корректировку в идеологических и политических постулатах было для авторов чрезвычайно рискованно и чревато неприятными последствиями. Например, если речь шла о перегибах, то надо было писать: борьба партии против перегибов и искривлений в колхозном строительстве – и в ни коем случае нельзя: перегибы и искривления, допущенные партией.

Такая оценка могла означать конец научной карьеры. Авторам надо было тщательно следить за формулировками, чтобы не допустить какой-либо идеологической погрешности. Таковы были «издержки профессии» в те времена.

Оценивая советскую литературу, все это, конечно, надо иметь в виду, но, если отвлечься от ее чрезмерной политизированности и идеологизированности, следует признать весомый вклад советских историков в разработку проблем коллективизации, последующего развития колхозного строя.

В советское время сказывалась и ограниченность источниковой базы. В архивах выдавались только те документы, которые не имели грифа «секретно» или «совершенно секретно». Выпадал целый пласт исторических источников, отложившихся в результате деятельности партийных и государственных органов, целиком были недоступны документы органов ОГПУ–НКВД. При такой ограниченности источниковой базы трудно было вести разговор о достаточно полной и разносторонней научной разработке проблемы.

Апологетический подход при исследовании коллективизации и колхозно-совхозного строительства предопределялся и характером доступных источников. Ведь засекречены были документы, в которых все это выглядело в неприглядном виде, а в доступных, наоборот, как правило, в радужных тонах. Вольно или невольно данные обстоятельства накладывали соответствующий отпечаток на содержание и тональность исследований по теме.

Коллективизация и колхозное строительство, даже раскулачивание с выселением людей, выглядели в каком-то приглушенном виде. Получалось, что крестьянство не переживало трагедии, а, наоборот, без особых издержек вступило в новую, счастливую жизнь, которая олицетворялась колхозами. Нельзя не признать – из всего комплекса вышедшей в советское время научной, популярной, мемуарной, художественной литературы именно в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина» нарисована наиболее объективная картина коллективизация.

Тем не менее большой позитивный вклад советской научной литературы в изучение проблемы бесспорен. Была проведена значительная работа по сбору, систематизации, анализу доступного материала. Литературы в количественном отношении было довольно много (включая статьи в журналах, ученых записках и т.д.), уже в советское время стали выходить соответствующие библиографические указатели¹.

¹ См., напр.: История советской деревни (1917–1967): Указатель литературы (1945–1967 гг.) Вып. 1–4. М., 1975.

В качестве ведущих научных исследований советского времени надо выделить, прежде всего, работы В.П. Данилова, по истории доколхозной деревни и коллективизации, вышедшие в 1950–70-е годы². Проблема раскулачивания изучена в монографии Н.А. Ивницкого, вышедшей в 1972 г.³ Отдельным направлением стало изучение истории совхозов и совхозного строительства, и здесь ведущей фигурой был И.Е. Зеленин, опубликовавший ряд монографий по этой тематике⁴. Выходили в свет фундаментальные коллективные труды по истории коллективизации и, шире, по истории советской деревни периода 1920-х–30-х гг.⁵

Однако уже в 1980-е годы стала все острее ощущаться ограниченность источниковой базы. Для продуктивного плодотворного развития данного направления исторической науки (как в фактологическом, так и в концептуальном плане) требовалось радикальное расширение источниковой базы, что и произошло в конце 1980-х–90-х годах за счет получения доступа к ранее засекреченным пластам исторических источников в виде документации с грифом «секретно» или «совершенно секретно» в фондах ОГПУ, НКВД, а также ЦК ВКП(б), СНК СССР и других партийных и государственных органов.

Важное значение имела публикация в 1989 г. документального сборника «Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг.»⁶, в котором ярко проявились отход от прежних стереотипов и стремление к коренному переосмыслению проблем коллективизации и раскулачивания. Хотя в сборнике преобладают материалы, отражающие официальные оценки происходивших в деревне событий, составителям удалось включить в него рассекреченные документы из партийных и государственных архивов, объективно освещаю-

² Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; *Он же*. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

³ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. 1929–1932 гг. М., 1972.

⁴ Зеленин И.Е. Зерновые совхозы СССР (1933–1941 гг.). М., 1966; *Он же*. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941. М., 1982.

⁵ Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969; Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения: Краткий очерк истории. М., 1982; История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М., 1986.

⁶ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. Сб. документов. М., 1989.

щие положение в деревне (материалы ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР, ВЦИК, Наркомзема, Колхозцентра и др.).

В конце 1980-х и 90-х гг. произошел крутой поворот в разработке этой проблемы, который шел по двум линиям: 1) концептуальной; 2) по линии массового ввода в научный оборот ранее засекреченных документов.

Вышел ряд документальных публикаций, среди которых надо выделить фундаментальное издание «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939»⁷. Помимо Института российской истории РАН, в его подготовке участвовали Федеральная архивная служба России и ее архивы, Центральный архив ФСБ, Московская высшая школа социальных и экономических наук совместно со специалистами из США, Канады, Австралии, Великобритании и Республики Корея. Одновременно выходили в свет тома другого фундаментального документального издания «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939»⁸.

Большинство документов, представленных в этих фундаментальных публикациях, выявлено в архиве бывшего КГБ (ныне – ФСБ). Они проливают свет на многие явления, о которых раньше можно было только догадываться. Главное – в них показано сопротивление крестьян коллективизации и раскулачиванию, проявлявшееся в различных формах.

В 1997–1998 гг. изданы два уникальных по своему составу и содержанию сборника документов: «Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине» и «Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения»⁹. Помимо этого, вышел в свет еще ряд документальных публикаций, в том числе в регионах¹⁰.

Здесь уместно упомянуть, что в настоящее время готовится очередной том документального сборника «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране» за 1930-й год, в котором, среди прочих, представлены также документы, касаю-

⁷ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999; Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000; Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001; Т. 4. 1934–1936. М., 2002.

⁸ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы в 4 томах. Т. 2. 1923–1929. М., 2000; Т. 3. 1930–1934. Кн. 1. 1930–1931. М., 2003; Кн. 2. 1932–1934. М., 2005.

⁹ Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 – март 1930 гг.). Винница, 1997; Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. М.; Торонто, 1998.

¹⁰ Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Петрозаводск, 1991; и др.

щиеся коллективизации, положения в деревне, настроений в деревне и, особенно, отчеты органов ОГПУ по «кулацкой контрреволюции».

Радикальное расширение источниковой базы означало не просто начало нового этапа в развитии данного направления исторической науки, а настоящий «революционный переворот».

Во-первых, данная научная проблема получила мощные жизненные силы для дальнейшего изучения, а до этого она в источниковедческом плане все более загонялась в тупиковую ситуацию.

Во-вторых, изучение новых архивных источников вскрыло множество аспектов и нюансов, о которых раньше ввиду засекреченности документов ничего (или почти ничего) не было известно.

В-третьих, даже те стороны проблемы, которые ранее в той или иной степени не были секретом для исторической науки, после появления обширного нового материала стали разрабатываться несравненно более глубоко и всесторонне.

Наконец, введение в научный оборот нового мощного пласта исторических источников привело не только к радикальному обогащению источниковой базы, но и во многих случаях к серьезной корректировке и переосмыслению многих вопросов изучаемой темы.

Особенно ярко все это проявилось в посвященных истории коллективизации и раскулачивания работах Н.А. Ивницкого, опубликованных в постсоветский период¹¹. Концептуально они сильно разнятся с его же трудами по данным сюжетам, вышедшими в 1960-х – 70-х гг., что является следствием коренного переосмысления многих принципиальных вопросов изучаемой темы.

Следует отметить, что научные исследования и сборники документов по коллективизации (причем на довольно приличной источниковой базе, с наличием подчас уникальных документов и материалов) выходят в свет и за рубежом¹².

В настоящее время выявились целые сюжетные направления, которые раньше, в советское время, совершенно невозможно было исследовать ввиду полного отсутствия источников. К ним, в частности, относится спецпоселенческая проблема. Вот, например, вышедшая в 2003 г. в издательстве «Наука» наша монография «Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960» целиком построена на ра-

¹¹ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х годов. М., 1994; *Он же.* Репрессивная политика советской власти в деревне. 1928–1933 гг. М., 2000; *Он же.* Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.

¹² Красная Армия и коллективизация деревни (1928–1933 гг.). Неаполь, 1996 (на рус. и ит. языках); Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivisation and the Culture of Peasant Resistance. N.Y., 1996; и др.

нее строго засекреченных документах, главным образом ОГПУ–НКВД¹³. Истории спецпоселенцев и спецпоселенческой системы, составной частью которой являлась «кулацкая ссылка», посвящены также научные труды С.А. Красильникова, Т.И. Славко, В.Я. Шашкова и других исследователей¹⁴.

В постсоветской литературе практически единодушно осуждается «ликвидация кулачества как класса» в той форме, какой она осуществлялась. И с экономической точки зрения, (уничтожение передовых крестьянских хозяйств, дававших товарную продукцию) и особенно с гуманитарной, она выглядит ужасающе. Оценка этих событий в современной литературе единодушна.

Что же касается коллективизации, то в постсоветской литературе такого единодушия нет. Здесь мнения расходятся по узловому вопросу – было ли вообще нужно или не нужно кооперирование крестьянских хозяйств, являлось ли это назревшей исторической потребностью? Критика политики коллективизации ведущим историкам-аграрникам В.П. Даниловым касалась в основном форм и методов ее осуществления, проявленного насилия над крестьянством, серьезных негативных последствий для производительных сил сельского хозяйства и т.д.

Но в главном В.П. Данилов остался на прежних позициях: кооперирование сельского хозяйства было исторической необходимостью; хозяйствование на мелких земельных участках с помощью примитивных орудий обрекало крестьян на тяжелый ручной труд, обеспечивая им всего-навсего поддержание существования, бесконечное воспроизводство все тех же отсталых условий труда и быта. Он, правда, оговаривался, что мелкое крестьянское хозяйство отнюдь не исчерпало возможностей для дальнейшего развития, но они, эти возможности, были ограниченными с точки зрения потребностей страны, вставшей на путь индустриализации.

Такая точка зрения в настоящее время далеко не всеми разделяется. Мы же склонны с ней согласиться.

В стране, осуществляющей модернизацию, полномасштабный переход к индустриальному обществу, аграрный сектор, предста-

¹³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003.

¹⁴ Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане: Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове. 1930–1936 гг. Мурманск, 1993; *Он же*. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930–1954 гг. Мурманск, 1996; *Он же*. Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск, 2004; Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. М., 1995; Красильников С.А. Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003; и др.

вленный в основном сетью мелких полунатуральных хозяйств и более характерных для слаборазвитых стран Азии, Африки и Латинской Америки, в любом случае нуждался в *реформировании*, разумеется не обязательно в форме тотального включения крестьянства в колхозно-совхозную систему.

Открытым остается вопрос о людских потерях при коллективизации, раскулачивании, а также голоде 1933 г. Имеющиеся в литературе оценочные цифры нельзя признать удовлетворительными. Нельзя признать методически корректным отнесение всей убыли, всего сокращения сельского населения к умершим и погибшим от коллективизации, раскулачивания, голода. В это время шел интенсивный процесс урбанизации, в основном за счет массового исхода сельского населения в города, что было, видимо, одной из главных причин сокращения численности сельского населения.

Разумеется, социальные преобразования такого рода и масштаба не могли негативно не сказаться на демографической ситуации в деревне, привели к повышению смертности, падению рождаемости и, в конечном счете, к заметному замедлению темпов роста населения СССР в целом.

По данным ЦУНХУ (Центрального управления народнохозяйственного учета), в 1929 г. численность населения СССР увеличилась почти на 2,8 млн. В последующие три года (1930–1932) это увеличение составило еще 6,1 млн человек, однако среднегодовые темпы прироста населения были ниже уровня 1929 г. почти на 30%. Спорным остается вопрос о масштабах смертности от голода в 1933 г. Данные ЦУНХУ о том, что за 1933-й год уменьшение численности населения СССР составило 1,6 млн человек, ряд исследователей считает недостоверными, полагая, что в действительности демографические потери были значительно большими¹⁵. Можно считать установленным масштаб смертности в «кулацкой ссылке», или на спецпоселении, что одно и то же. Через «кулацкую ссылку» за четверть века, т.е. с 1930 г. до ее окончательного упразднения по постановлению Совета Министров СССР от 13 августа 1954 г., прошло порядка 2,5 млн человек. В «кулацкую ссылку» попали не все раскулаченные, но большая часть. Там умерло не менее 700 тыс., в том числе 450 тыс. человек приходится на первые четыре года (1930–1933). Это неестественно высокий уровень, во много раз превышающий все допустимые показатели естественной смертности. В последующие 20 лет, с 1934 по 1954 гг., в «кулацкой

¹⁵ См.: Население России в 20 веке: Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. М., 2000. С. 339–340, 346.

ссылке» умерло еще около 250 тыс. человек, но это уже была в основном естественная убыль (от старости и т.д.)¹⁶.

Преобразование такого масштаба, каким являлась коллективизация сельского хозяйства, невозможно было провести, не опираясь на какую-то социальную базу в деревне. Такой социальной базой могла быть в основном только ее бедняцко-батрацкая часть (примерно 1/3 сельского населения)¹⁷. Для этой социальной группы была характерна безлошадность, а без лошади в тех условиях вести нормальное сельское хозяйство было невозможно. Даже имея землю, «безлошадные» самостоятельно хозяйствовать не могли и, как правило, находились в зависимости от зажиточных слоев деревни. Такое положение изменить в одиночку было трудно: для бедняцко-батрацкой массы, объективно, выход был в объединении. В ее среде встречались люди, подверженные антиколхозным настроениям, в том числе и откровенно прокулацким («подкулачники»), но таковых было явное меньшинство. В целом же именно бедняцко-батрацкая часть сельского населения и стала той *социальной базой*, на которую в основном опиралось государство и при коллективизации, и при ликвидации кулачества.

В литературе последнего времени прослеживается тенденция абстрагироваться от фактора социокультурной *неоднородности* крестьянства и различающейся ментальности отдельных его групп, а этого делать не следует – иначе картина получается, мягко говоря, не вполне соответствующей исторической правде.

В свете этого следовало бы воздерживаться от абсолютизации определения «революция сверху» применительно к коллективизации. Миллионные массы «низов» тоже имели к ней отношение. В крестьянской среде было (и немало) настоящих энтузиастов колхозного движения. Трактовку коллективизации как исключительно «революции сверху» мы расцениваем как поверхностную, одностороннюю. Более того, такая трактовка существенно искажает реальную картину.

В новейшей литературе трудно найти ясное и вразумительное объяснение того факта, почему, несмотря на негативное и скептическое отношение большинства крестьян к колхозам, тем не менее к 1936–1937 гг. коллективизация практически завершилась почти полным охватом сельского населения колхозно-совхозной

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 216; Земсков В.Н. Указ. соч. С. 20–21, 281.

¹⁷ Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 240.

системой. Основной постулат советской литературы, что это якобы следствие осознания крестьянами преимуществ колхозного строя, явно грешит лукавством и, по крайней мере, к $\frac{3}{4}$ крестьянства явно неприменим. Нельзя признать приемлемым и распространенным в литературе и публицистике новейшего времени тезис о том, что крестьяне были загнаны в колхозы в результате главным образом карательно-репрессивных мер, чуть ли не под дулом пистолета.

По нашему убеждению, главное объяснение того, что почти все сельское население оказалось в колхозах и совхозах, следует искать в сфере *фискально-экономической*. С одной стороны, это были налоговые льготы, объявленные для колхозов и колхозников, а с другой, – постоянное усиление налогового пресса на единоличников.

В процессе *удушения единоличных хозяйств* важную роль сыграло состоявшееся 2 июля 1934 г. совещание в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации, на котором выступал с речью И.В. Сталин. Он объявил о начале нового, завершающегося этапа коллективизации. Предлагалось перейти в «наступление» на единоличника путем усиления налогового пресса, ограничения землепользования и т.п. В августе–сентябре 1934 г. были повышены ставки сельхозналога с единоличников и, кроме того, для них введен единовременный налог, а также на 50% увеличены нормы обязательных поставок продукции государству по сравнению с колхозниками¹⁸.

С этими налогами и обязательными поставками и колхозникам было сложно справляться, они и не всегда справлялись, а единоличники-то должны были поставлять в полтора раза больше! При такой налоговой и фискальной политике *вести единоличное хозяйство стало совершенно невозможно*. Для единоличников в хозяйственном плане это было равносильно смертному приговору. Для них, единоличников, оставались два выхода: либо бежать в город и устраиваться на заводы, фабрики и другие предприятия, либо идти в колхозы. Третьего пути практически не было.

Каждая семья, вступающая в колхоз, должна была писать заявление с просьбой о приеме, где обязательно указывалось, что они вступают в колхоз добровольно или по своей воле. Так что юридически все было оформлено как добровольное волеизъявление крестьянства. Соглашаясь с мнением многих исследователей, что коллективизация применительно к большинству крестьян

¹⁸ Там же. С. 251.

яинства была *насильственной*, мы исходим из того, что усиление налогового пресса на единоличные хозяйства, служившего основным побудительным мотивом для вступления в колхозы, являлось *формой насилия*. Однако часть крестьян вступала в колхозы вполне добровольно, связывая с ними свои жизненные перспективы и надежды. После публикации в начале марта 1930 г. статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», в которой осуждались факты насилия над крестьянами и декларировался принцип добровольности колхозного движения¹⁹, происходил массовый исход («отлив») из колхозов. В августе 1930 г., когда «отлив» прекратился, колхозы объединяли 21,4% крестьянских хозяйств²⁰. Вот эту величину мы условно определяем как удельный вес крестьян, для которых коллективизация была действительно делом *добровольным*.

Не следует изображать дело так, что проведение радикальных социально-экономических преобразований в деревне вопреки воле и желанию большинства крестьян будто бы является большевистским изобретением. *Такой подход к крестьянству находится в русле многовековых российских традиций*. В эпоху крепостного права и после его отмены поземельные отношения регулировались посредством административного ресурса, а любые протестные проявления подавлялись по преимуществу мерами карательного характера.

В современной литературе высказывается ряд оригинальных идей, некоторые из них, мягко говоря, озадачивают. Чего стоит, к примеру, определение системы колхозов и совхозов как якобы АгроГУЛАГа; полагаем, разницу между ними объяснять не нужно.

Полагаем, что неприемлемы также звучащие ныне призывы вернуться к системе мелких единоличных хозяйств, существовавших до коллективизации. По всем канонам экономической науки колхоз при всех его недостатках по сравнению с мелким единоличным хозяйством – более прогрессивная форма сельскохозяйственного производства.

Приведем такое образное сравнение. Допустим, археологи выявили какую-то археологическую культуру, носители которой находятся на уровне бронзового века и вдруг на каком-то этапе они утратили технику обработки металлов и откатились назад, в каменный век. Это регресс. Примерно то же самое означают и призывы вернуться к системе единоличных хозяйств периода

¹⁹ Правда. 1930. 2 марта.

²⁰ Данилов В.П. Коллективизация: как это было... С. 238.

1920-х годов – пятиться назад, а надо, наверное, все-таки двигаться вперед.

Конечно, советская литература, научная и публицистическая, в силу известных причин была нашпигована всякого рода идеологическими клише. Однако и в постсоветской литературе наблюдается нечто подобное, но, как правило, с противоположным знаком. Например, если советская литература была стереотипно антикулацкой, то постсоветская – не менее стереотипно прокулацкой.

Государственные закупочные цены на зерно и другие сельскохозяйственные продукты были в 10–12 раз ниже рыночных²¹. Это было очень похоже на прямой грабёж колхозов и колхозников со стороны государства (кстати, проблема низких закупочных цен, хотя и не так остро, как в 1930-е годы, существует и поныне). Такая закупочная политика формировалась еще в 1920-е годы (главным образом в связи с поиском накоплений для индустриализации) и нередко была предметом острых внутривнутрипартийных дискуссий. Выступая на одном из пленумов ЦК партии (9 июля 1928 г.), И.В. Сталин заявил, что основным источником такого накопления должны стать «ножницы» между городом и деревней, т.е. продажа крестьянину промышленных товаров по высоким ценам и закупка сельхозпродукции по низким, и «это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверхналога»²². Подобная ценовая политика к сельскохозяйственной продукции (по определению Сталина, нечто вроде дани или сверхналога) утвердилась в стране на многие десятилетия.

Распространено мнение, что колхозно-совхозная система, положительно проявившая себя на определенных исторических этапах, тем не менее в долговременной исторической перспективе оказалась тупиковой, не способной решить продовольственную проблему в стране, что и обусловило ее кризис на рубеже 80-х–90-х гг. XX века. Возможно, это и так, но нельзя забывать, что в развитие колхозно-совхозной системы изначально был заложен порочный экономический алгоритм, и всю свою историю она функционировала в условиях искусственно заниженных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, выплачивая таким образом «дань», или «сверхналог». Будь на ее месте фермерские хозяйства, то их в таких условиях неизбежно ожидало бы массовое банкротство, но колхозно-совхозная система в силу

²¹ Там же. С. 251.

²² Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 158–159, 162–172.

своей организации ухитрялась выживать. Во всяком случае, от этого немаловажного фактора нельзя абстрагироваться при оценке системы колхозов и совхозов и ее места и значения в отечественной аграрной истории.

В основном, как следствие выкачивания из сельского хозяйства в широких масштабах ренты в пользу государства в 1930–40-е годы выплата колхозникам части произведенной ими продукции в соответствии с выработанным «трудодням» была крайне незначительной, чаще всего ниже прожиточного минимума, причем не на какие-то проценты, а в разы. Поэтому колхозная семья, у которой выплаты по колхозным трудодням являлись единственным источником существования, была обречена на голодную смерть. Причем со 100-процентной гарантией, без вариантов. Вопрос состоял в том, когда именно человек умрет – до Нового года или после, но умрет обязательно. Чтобы не допустить этого, надо было вести личное подсобное хозяйство, на котором выращивали для пропитания различные продукты (в первую очередь картофель). В личном подсобном хозяйстве колхозников разрешено было также иметь одну корову, несколько голов овец, коз, свиней, домашнюю птицу. За счет этого и выживали, впрочем, не всегда. Позднее, уже во времена Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, положение существенно изменилось в лучшую сторону, но тогда, в 1930–40-е годы, именно так оно и было.

Заметное место в современной литературе занимают попытки найти альтернативы сталинскому плану коллективизации и раскулачивания. В конце 1920-х гг. единственной реальной альтернативой была бухаринская концепция постепенного построения аграрно-кооперативного социализма с мирным «врастанием кулака в социализм». Оба плана – И.В. Сталина и Н.И. Бухарина, были социалистически ориентированы, и разницу между ними можно сформулировать так: сталинский план – радикальный социалистический, бухаринский – умеренно социалистический.

Поскольку целью обоих планов было построение социализма, то в них, естественно, отсутствовали идеи, которые воспринимались как капиталистические (например, идея акционирования). Мы считаем, что в 1929–1932 гг. при массовой коллективизации крестьянских хозяйств буквально напрашивалась идея осуществить ее в форме акционирования с тем, чтобы сохранить у члена колхоза чувство реального совладельца колхозной собственности. Однако термины «акции», «акционирование» и т.п. однозначно воспринимались как понятия сугубо капиталистические. В этом смысле можно оба плана расценивать

как ограниченные определенными рамками, определяемыми идеологией.

Вкратце бухаринская концепция, которая конкретизировала идеи В.И. Ленина, выглядела так: частное крестьянское хозяйство постепенно вовлекается в русло социалистического развития через кооперативы, первоначально для целей сбыта, снабжения, кредитования и, со временем, производства. Бухарин предупредил, что для этого потребуются длительный период, что продвижение по этому пути пойдет черепашьям шагом²³. Стержнем концепции аграрно-кооперативного социализма Бухарина было реформаторство, постепенность и стремление к сохранению гражданского мира. Поэтому, говорил Бухарин, не следует ориентироваться на какую-то «третью революцию»²⁴. Насколько тезис о необходимости «третьей революции» был чужд Бухарину, настолько он был близок социалистическому мировоззрению Сталина. Перспектива постоянно ослабевающей классовой борьбы как правильного пути к социализму (по Бухарину) была психологически глубоко чужда Сталину.

Явно слабым местом в позиции Н.И. Бухарина была его идея «мирного вставания кулака в социализм». Непонятно было, как кулаки могли мирно встать в социализм, будучи выразителями и носителями фермерского, частнокапиталистического пути развития сельского хозяйства. Что значит встать в социализм? Это значило, что рано или поздно придется вступить в какое-то коллективное хозяйство с отказом от индивидуального предпринимательства. Они были носителями тенденции, диаметрально противоположной той, которую навязывало Политбюро во главе с И.В. Сталиным, и в перспективе многие из них (если бы им не мешали) могли вырасти в преуспевающих капиталистов-бизнесменов сельскохозяйственного профиля. На тот момент они, т.е. зажиточные крестьяне, в массе своей таковыми не были. Поэтому проведенная операция по «раскулачиванию», ликвидация кулачества как класса носила также и превентивный характер. Наносился смертельный удар по самой тенденции – фермерской, частнокапиталистической. Сама эта тенденция с корнем вырывалась и уничтожалась.

²³ Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928–1930 гг.). М., 1970. С. 63, 92, 105, 112, 115; Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929: История и личность / Пер. с англ. М., 1990. С. 358–362; Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938 / Пер. с англ. М., 1992. С. 380–385; Соколов А.К. Курс советской истории. 1917–1940. М., 1999. С. 142–143.

²⁴ Путь к социализму в России: Избранные произведения Н.И. Бухарина. Нью-Йорк, 1967. С. 322–323.

Концепция аграрно-кооперативного социализма Бухарина с идеей мирного вращивания кулака в социализм была эволюционной, реформаторской. Взгляды Н.И. Бухарина претерпели трансформацию: из революционера – в эволюциониста-реформатора – Сталин же как был революционером, так и продолжал им оставаться.

С позицией Сталина ясно. А вот в какой степени он мог опираться на партгосаппаратных работников различных звеньев, которых принято называть партгосноменклатурой? В первую очередь, в нее входили руководящие партийные работники всех звеньев, начиная от секретарей райкомов и вверх по вертикали до членов ЦК ВКП(б)? В это время полным ходом шла их трансформация из профессиональных революционеров в обычных чиновников, но на тот момент, т.е. к концу 20-х – начала 30-х гг., эта трансформация еще не зашла достаточно далеко. Еще свежа была память о героике недавних революционных битв гражданской войны, «военного коммунизма» – отсюда они черпали свое вдохновение и в массе своей психологически были предрасположены к действиям радикального, революционного характера.

Теперь коснемся вопроса об отношении к «кулачеству» сотен тысяч рядовых членов партии. Еще в своем докладе XIV съезду партии Сталин сказал: «Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия – к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать..., я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака»²⁵.

Это к вопросу о том, насколько типичны образы Давыдова и Нагульнова в «Поднятой целине» М.А. Шолохова. Их нацеленность на уничтожение кулака находилась в полной гармонии с нацеленностью самого Сталина. Если верить Сталину, таковых, коммунистов типа Давыдова и Нагульнова, было 99% от всего состава партии. Но даже если допустить, что Сталин здесь несколько преувеличил, сгустил краски, то все равно ясно, что Бухарин со своей идеей мирного вращивания кулака в социализм мог опираться лишь на весьма ограниченную часть партии. И данное обстоятельство, конечно, в немалой степени предопределило конечное политическое поражение Бухарина.

Таким образом, рассуждая о реальности каких-то альтернатив, всегда надо учитывать и такой фактор, как тогдашний *менталитет членов правящей партии*, а не сводить все дело к личной позиции Сталина.

²⁵ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 337.

С учетом упомянутого выше радикального расширения и обогащения источниковой базы – осмысление проблемы, создание обобщающих монографических исследований (индивидуальных и коллективных), дело будущего. Нарботки советской историографии ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов – все, что в ней есть полезного, надо использовать.

Самое сложное состоит в выработке новых концепций истории коллективизации, колхозно-совхозной системы, определения их места в рамках командно-административной системы еще шире – их места в истории нашей страны. Мы употребляем слово «концепции» во множественном числе, так как выработка какой-то единой, согласованной точки зрения заведомо невозможна ввиду очевидных различий в подходах и методиках. К тому же эта проблема до такой степени неоднозначна и противоречива, что просто обречена быть в науке остродискуссионной.

Часть 5

НАУКА И ОБЩЕСТВО

ЧЕХОВ, МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И АКАДЕМИЯ НАУК

В.Б. Катаев

1

В ряду тех питомцев Московского университета, которые сейчас составляют его славу, Чехов вправе занять *особое* место. Из множества писателей, окончивших университет, пожалуй, только он занимает в мировой литературной иерархии столь высокую позицию, получил безоговорочное всемирное признание как один из гениев мировой литературы и шире – художественной культуры. Признание не только наше, его соотечественников, или зарубежных специалистов по русской литературе. Распространение произведений Чехова во всем мире – знак своего рода культурной глобализации.

Этот тезис об особом, универсальном и всевременном статусе Чехова другими формулировался иначе.

Первым был Лев Толстой: «Чехов – это Пушкин в прозе»¹. «Он создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы письма, подобных которым я не встречал нигде!». Чеховские произведения, их герои понятны и сродны «не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное»². С тех пор прошли десятилетия. И вот сейчас для англичан, скажем, стало само собой разумеющимся сравнение вклада Чехова в развитие мировой драмы с шекспировским³. Американец Эдвард

¹ См.: Л.Н. Толстой и А.П. Чехов. Рассказывают современники, архивы, музеи... / Сост., комм. А.С. Мелковой. М., 1998. С. 285.

² Там же. С. 287.

³ См. об этом в антологии: *Chekhov. The Critical Heritage* / L.; Boston, 1980. См. также: Лоусон, Марк. Второй драматург мира // Чеховский вестник. № 12. 2003. С. 64–66.

Олби заявляет, что именно Чехов является «полностью ответственным за возникновение драматургии XX века»⁴. Владимир Набоков в лекции, адресованной американским студентам, назвал «Даму с собачкой» одним из самых великих рассказов в мировой литературе⁵. А наш современник Андрей Битов на свой лад осмысливает предложенную Толстым параллель: «Лишь Пушкин и Чехов аккуратно обрамляют это роскошное варево жанров и стилей»; «Чудо явления мирового культурного уровня в одном русском человеке (Пушкин) равносильно чуду явления цивилизованности в русском интеллигенте в первом поколении (Чехов)»⁶.

Однако во всех этих случаях самое безусловное признание вклада Чехова в мировую культуру никогда и нигде особенно не увязывается с тем, что он явился питомцем Московского университета. Насколько художественные достижения Чехова за короткий – всего 25 лет – путь в литературе связаны с пятилетним (1879–1884 гг.) обучением на медицинском факультете Московского императорского университета?

Многое здесь может показаться трудно или совсем не объяснимым. В самом деле, «на входе» – в заявлении на имя ректора о приеме (оно хранится в архиве МГУ) – название избранного факультета он, абитуриент из провинции, написал с ошибкой, через *цы* («*медицынский*»)⁷. А «на выходе» – не просто выпускник университета, получивший право повесить на своей входной двери табличку «доктор Чехов», но автор нескольких сотен литературных произведений, которые составят первые три тома в будущем академическом собрании его сочинений. Что же происходило между «входом» и «выходом», как выросал гений?

Вообще, в наших представлениях о том, как становятся великими писателями, мы нередко упрощаем и, так сказать, беллетризуем.

Неудавшийся студент Казанского императорского университета Лев Толстой пишет и посылает в журнал свою первую повесть, чтобы расплатиться за карточный долг. Получается – не проиграйся он в карточки офицерам в станице Старогладковской – не имели бы мы ни повестей «Детство» и «Отрочество», ни впоследствии «Войны и мира». Прилежный студент Москов-

⁴ См.: Засурский Я. Встреча с Эдвардом Олби // Литературная газета. 1969. 24 дек. С. 13.

⁵ Набоков Владимир. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 337.

⁶ Битов Андрей. Мой дедушка Чехов и прадедушка Пушкин // Четырежды Чехов. Сост. И. Клев. М., 2004. С. 9.

⁷ См.: Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Том первый. 1860–1888 / Сост. Л.Д. Громова-Опульская, Н.И. Гитович. М., 2000. С. 67.

ского императорского университета Антон Чехов, на плечах у которого безденежная семья, пишет и посылает в журнал две свои юморески, чтобы было на что купить пирог матери на именины⁸. Получается – продолжи Чехов зарабатывать на жизнь репетиторством, а не писательством, – не имели бы мы одного из величайших авторов-юмористов, а потом и просто гения русской литературы.

Разумеется, все это – упрощающие суть дела мифы. Писателями, тем более гениями, и рождаются, и становятся благодаря тому, говоря словами Гоголя, «жизненному составу», который слагается из множества составляющих.

Чехов входил в русскую литературу «со стороны», с окраины России. Но взрастивший его Таганрог, малая родина Чехова, – место с сильной исторической и культурной энергетикой, в которой концентрировалась часть общечеловеческой памяти. Таганрог – географическая точка, в которой веками сходились, сталкивались, сливались разнообразные культурные и цивилизационные волны, образуя при этом комбинации причудливые, разнообразные. Геродотовы греки и скифы, викинги, казачество, Петр Великий, екатерининские проекты возрождения византийского православия, торговый и культурный прилив из средиземноморских стран... Накапливавшаяся там веками культурная энергия должна была рано или поздно получить некий равнозначимый ответ, слышимый и внятный всему культурному человечеству. Таким приемником и усилителем множества сигналов и вызовов, копившихся столетиями, и стал Чехов, как ответ Таганрога культурному миру⁹.

И наверное, еще в доуниверситетские, таганрогские годы формировалось то глубинное чувство языка, овладение богатствами русского языка во всех его регистрах, которые впоследствии дадут полное основание молодому Маяковскому назвать Чехова «одним из Королей слова»¹⁰.

В самом деле, уже из *первого* известного нам печатного произведения Чехова, пародии «Письмо к ученому соседу», в русскую речь пришла смешная фраза «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Давно анонимно-общеупотребительными стали и «на деревню дедушке», и «как бы чего не вышло», и «пришибеев» с «хамелеоном» и «человеком в футляре»,

⁸ См.: Роскин А. А. П. Чехов. М., 1959. С. 24.

⁹ См. подробнее: Катаев В. Б. Чехов и Таганрог: к проблеме культурного ответа // Таганрогский вестник. Материалы международной научной конференции «Молодой Чехов: проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения». Таганрог, 2004. С. 1–8.

¹⁰ Маяковский В. В. Два Чехова // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М.,

и «Волга впадает в Каспийское море», и «недотепа», и «подъезжая к сей станции и глядя в окно, у меня слетела шляпа», и «в человеке все должно быть прекрасно» и многое, многое другое. Видимо, уже в таганрогские годы – в гимназии, в отцовской лавке, на базаре, в церковном хоре, на пристани, в мещанских домах он, как губка, впитывал многообразие русской речи, интуитивно усваивая ее законы, чтобы потом самому стать одним из ее творцов и законодателей.

Чехов сегодня жив не только своими рассказами и пьесами – а, может быть, прежде и более всего этими сотнями своих словечек, фраз, языковых конструкций, уже неотделимыми от нашего языка и речи.

Но этим культурным и языковым запасам еще предстояло реализоваться, а условия для этого отнюдь не были благоприятными. Чехов должен был войти в русскую литературу не только «со стороны», но и «после всех» – когда в ней все уже как будто состоялось: возведено здание русского классического романа, создан национальный драматический репертуар. Из Таганрога Чехов привез с собой свою первую большую пьесу. С чувством здорового честолюбия он хотел, чтобы поставлена она была в лучшем русском театре – Малом – с участием лучшей русской актрисы – Ермоловой. Но... пьеса была возвращена, очевидно, даже не будучи прочитанной. Чехов спрятал ее ото всех, вновь ее открыв через 20 лет после его смерти.

Удар по самолюбию был сильнейший, другого это сломило бы насовсем, но Чехов, не войдя в русскую литературу с парадного входа, избрал другой – стал сотрудничать в юмористических журнальчиках. Тут помогла ему также вынесенная из ранних лет черта – несравненное прирожденное чувство юмора. Из массы «пишущих по смешной части» он скоро выдвинулся в первый ряд.

Но не надо забывать, что главным делом жизни в это время, как и много позже, Чехов считал не литературу, а медицину. Литературную поденную работу он сочетал с учебой на самом трудном факультете университета. Выпуская книжку своих рассказов, он поставит на ней не паспортное имя, а псевдоним, Антоша Чехонте: «Фамилию и свой фамильный герб я отдал медицине, с которой не расстанусь до гробовой доски. С литературой же мне рано или поздно придется расстаться. (...) Медицина, к(ото)рая мнит себя быти серьезной, и игра в литературу должны иметь различные клички» (П 1, 106¹¹). И впоследствии: медицина – моя законная жена, литература же – любовница...

¹¹ Цитаты с указанием в скобках тома и страницы приводятся по изд.: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1974–1982. Перед томами серии Писем ставится буква П.

Когда мы обращаемся к студенческим годам Чехова, мы видим, что, хотя он и имел потенциально столь многообещающий человеческий и культурный запас, многим главным в себе, человеке и писателе, он обязан именно обучению в Московском университете.

(Кстати, по окончании гимназии, когда стало известно, что город Таганрог дает нескольким выпускникам стипендии для обучения в любом университете, Чехов колебался и в выборе университета – Цюрих? Дерпт? Санкт-Петербург? – и в выборе факультета. Старший брат Александр, уже учившийся на математическом отделении Московского университета, убедил, что лучшего университета Антон не найдет, отец же настоял на медицинском факультете как самом «практичном и современном», хотя и признавал: «Антоша хорош на литературу». При этом отец и брат видели в университете разное. Консервативный и авторитарный Павел Егорович предостерегал сына: «Университет – рассадник своеволия, без строгого контроля всякого, студенты как хочь, так и живи, какая надобность для нравственности, знал бы лекции. Начало премудрости есть страх Божий...»¹². Александр же писал брату из Москвы о «свободе нашей ничем не стесняемой умственной деятельности» (см. П 1, 484), что Антона влекло, конечно, больше.)

Российская система университетского образования в то время, при всех ее недостатках, имела в себе то главное, о чем говорит, например, в своих воспоминаниях Сергей Юльевич Витте, замечательный российский реформатор эпохи Чехова: «Разница между университетом и школой заключается в том, что университет живет свободной наукой. Если университет не живет свободной наукой, то в таком случае он не достоин звания университета. (...) Если университет действительно удовлетворяет своему назначению, то есть если в нем преподают свободную науку и преподают ее студентам, которые способны воспринять эту науку, то, изучая предметы одной категории, студенты в то же время находятся в сфере наук всех категорий, которыми в данный момент обладает человечество. Поэтому правильно поставленный университет есть самый лучший механизм для научного развития. Вот с этой точки зрения многие говорят: важно, чтобы студент приобрел не научные знания, а научное развитие»¹³.

Сохранившиеся письма Чехова университетских лет показывают, что он понял и усвоил самую суть университетского обра-

¹² См.: *Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Том первый. 1860–1888.* С. 54.

¹³ *Витте С.Ю. Воспоминания.* Т. 1. М., 1960. С. 78–80.

зования. «Университетский человек», «мы, университетские» – эти формулы самоидентификации он употребляет осознанно и с гордостью.

Одна из задач университета – учить думать, самостоятельно находить необходимую информацию и ориентироваться в ней. Или, употребляя современные понятия, – развивать базовый навык самостоятельного поиска информации. Задолго до появления Интернета Чехов-студент по-своему сформулировал этот тип ориентирования: «Не тот доктор, который все рецепты наизусть знает, а тот доктор, кто вовремя умеет в книжку заглянуть» (П 1, 66). Так учили в Московском университете в чеховские времена. И это понимание правильных задач образования Чеховым было усвоено на студенческой скамье: «Не стесняйся малознанием»; главное – знать «суть науки», уяснить себе «метод научный» (там же). И уже в студенческие годы он обдумывал и собирал материалы для двух диссертаций: «История врачебного дела в России» и «История полового авторитета».

Учителями Чехова на медицинском факультете были многие светила русской науки: Захарьин, Бабухин, Склифосовский, Эрисман... Чехов учился с увлечением, исправно (особенно на 1–2 курсах) посещал лекции и хорошо сдавал экзамены. Через пять лет после окончания университета, в повести «Скучная история», он восстановит картину лучших лекций, которые ему довелось слышать, – от имени старого университетского профессора, читавшего такие лекции:

«...Хороший дирижер, передавая мысль композитора, делает сразу двадцать дел: читает партитуру, машет палочкой, следит за певцом, делает движение в сторону то барабана, то валторны и проч. То же самое и я, когда читаю. Предо мною полтора ста лиц, не похожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо. Цель моя – победить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имею ясное представление о степени ее внимания и о силе разума, то она в моей власти. Другой мой противник сидит во мне самом. Это – бесконечное разнообразие форм, явлений и законов и множество ими обусловленных своих и чужих мыслей. Каждую минуту я должен иметь ловкость выхватывать из этого громадного материала самое важное и нужное и так же быстро, как течет моя речь, облекать свою мысль в такую форму, которая была бы доступна разумению гидры и возбуждала бы ее внимание, причем надо зорко следить, чтобы мысли передавались не по мере их накопления, а в известном порядке, необходимом для правильной компоновки картины, какую я хочу нарисовать. Далее я стараюсь, чтобы речь моя была литературна, определения кратки и точны, фраза возможно проста и красива. Каждую минуту я должен осаживать себя и помнить, что в моем распоряжении имеются только час и сорок минут. Одним словом, работы немало. В одно и то же время приходится изо-

бражать из себя и ученого, и педагога, и оратора, и плохо дело, если оратор победит в вас педагога и ученого, или наоборот. {...}

Никакой спорт, никакие развлечения и игры никогда не доставляли мне такого наслаждения, как чтение лекций. Только на лекции я мог весь отдаваться страсти и понимал, что вдохновение не выдумка поэтов, а существует на самом деле. И я думаю, Геркулес после самого пикантного из своих подвигов не чувствовал такого сладостного изнеможения, какое переживал я всякий раз после лекций...» (7, 261–262).

Так глубоко передать чувства и смысл работы хорошего университетского лектора мог только тот, кому не раз доводилось со студенческой скамьи слышать подобные лекции. Вообще облик, сам распорядок жизни университета в этой повести Чеховым воссозданы удивительно зримо, наглядно.

Вот замечание о внешнем впечатлении, которое производят сами здания и территория университета:

«На свежего мальчика, приехавшего из провинции и воображающего, что храм науки в самом деле храм, такие ворота не могут произвести здорового впечатления. Вообще ветхость университетских построек, мрачность коридоров, копоть стен, недостаток света, унылый вид ступеней, вешалок и скамей в истории русского пессимизма занимают одно из первых мест на ряду причин предрасполагающих... Студент, настроение которого в большинстве создается обстановкой, на каждом шагу, там, где он учится, должен видеть перед собою только высокое, сильное и изящное... Храни его бог от тощих деревьев, разбитых окон, серых стен и дверей, обитых враной клеенкой» (7, 257–258).

Незабываемы в «Скучной истории» и университетский сторож, и «ломовой конь» – прозектор-лаборант, и соискатель, запрашивающий тему для диссертации, и студент, в который раз не способный сдать экзамен, и скучное заседание ученого совета – словом, подлинная энциклопедия университетской жизни, оставленная ее внимательным наблюдателем и участником...

Полнота жизни Чехова в его студенческие годы поражает¹⁴. Обширнейший круг чтения, увлечение Дарвином, Спенсером. Посещает лекции историка Ключевского. (Позднее уже Василий Осипович Ключевский даст пронизательный анализ произведений Чехова и его героев¹⁵). Участвует, хотя без особой активности, в студенческих сходках. Ведет споры с однокурсниками об эмансипации, полигамии, половом авторитете, спиритизме, гипнотизме. С В.А. Гиляровским, своим приятелем, участвует в создании Русского гимнастического общества. Ведет знакомство с ли-

¹⁴ См.: Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Том первый. 1860–1888. С. 66–181.

¹⁵ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 323.

тераторами, актерами, актрисами, на 2 курсе влюблен в балерину, посещает все знаменитые спектакли и концерты, гастрели Сары Бернар, Пабло Сарасате. Через брата Николая, студента-художника, подружился с И.И. Левитаном, Ф.О. Шехтелем, К.А. Коровиным, М.В. Нестеровым – будущими гениями русской живописи и архитектуры, а тогда тоже студентами. «Вся московская живописующая и рафаэльствующая юность мне приятельски знакома» (П 1, 208). При этом и студенческие похождения в «канканно-увеселительные» заведения были ему знакомы, что также дало материал для последующих произведений. Кажется, где-то в студенческих застольях рождались шутки, рассыпанные потом в письмах и записных книжках, исполненные и иронии, и самоиронии. Вроде следующих: «Университет развивает все способности, в том числе глупость»; «Женщина усваивает скоро языки, потому что в голове у нее много пустого места»; И еще: «Женщины без мужского общества блекнут, а мужчины без женского глупеют»...

О том, как в те годы отмечался Татьянин день, мы также узнаем из чеховских описаний. Так, в его «Осколках московской жизни» читаем: «Сто тридцатая Татьяна отпразднована en grand и с трезвоном во вся тяжкая. ...В этом году было выпито все, кроме Москвы-реки, которая избежала злой участи, благодаря только тому обстоятельству, что она замерзла» (16, 141). И ранее: «Еще и сегодня желающие могут узреть во многих молодых головах туман, оставшийся после Татьянина дня. Страсть сколько было трахнуто! Пили, пили и пили...» (16, 74). Да, и изменения в студенческом жаргоне мы можем проследить по текстам Чехова этих лет.

Но лишь по косвенным данным мы можем догадаться об истинной мере того, какой ценой студент Чехов добывал знания и элементарно – средства к существованию. В знаменитом его письме к Николаю Чехову, которым он – младший по возрасту – надеялся спасти талантливую, но непутевую брата-художника, читаем: «Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только Пикквика и вызубрить монолог из «Фауста». (...) Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час... (...) Иди к нам, разбей графин с водкой и ложись читать... хотя бы Тургенева, которого ты не читал...» (П 1, 224–225). Письмо предназначалось только одному человеку, должно было остаться между ними, но сейчас оно читается как ясное и страстное изложение моральных принципов, обязательных для всякого воспитанного, цивилизованного человека. И в то же время – свидетельство о собственных усилиях – том непрерывном дневном и ночном труде, вечном чтении, штудировке, – которыми Чехов-

студент наполнял свою жизнь. Чехов стремительно рос и как человек, и как писатель. Но именно в 1884 году, в год окончания университета, у него случилось первое сильное и продолжительное горловое кровотечение (см. П 1, 136).

Медицинское образование, полученное Чеховым, по собственным его признаниям, было решающим в его становлении как писателя. В автобиографии он признавался: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня как для писателя может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно – предпочитал не писать вовсе» (16, 271). Старому писателю Д.В. Григоровичу, благословившему молодого Чехова на выход в большую литературу, он писал: «...чутье художника стоит иногда мозгов ученого, (...) то и другое имеют одни [и те же] цели [и] одну природу (...) быть может, со временем при совершенстве методов им суждено слиться вместе в гигантскую чудовищную силу, которую трудно теперь и представить себе...» (П 2, 360). О том же, о связи, которую он видел между своей наукой и литературой, он писал А.С. Суворину: «Знания всегда пребывали в мире, И анатомия, и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага – черта, и воевать им положительно не из-за чего (...) Если человек знает учение о кровообращении, то он богат; если к тому же выучивает еще историю религии и романс «Я помню чудное мгновение», то становится не беднее, а богаче (...) Потому-то гении никогда не воевали, и в Гете рядом с поэтом прекрасно уживался естествовик. Воюют же не знания, не поэзия с анатомией, а заблуждения, т.е. люди» (П 3, 216).

Итак, из университетских лет Чехов вынес двойное богатство – знания медика и понимание глубинной близости между врачеванием и литературой.

О связях произведений Чехова с медициной существует обширный круг работ. Немало написано о точности его изображения больных и болезней – будь то в «Тифе», «Скучной истории», «Палате № 6» или «Черном монахе». «Невежничанья» в описаниях болезней или работы врачей, в чем можно было упрекнуть Л.Н. Толстого, Чехов себе никогда не позволял, квалифицированно, как никто до него в русской литературе, освещая симпто-

мы и ход болезни персонажей. По поводу своего рассказа «Припадок» он сообщал с гордостью: «...душевную боль я описал правильно, по всем правилам психиатрической науки» (П 3, 68). И о другом рассказе: «Своими “Именинами” я угодил дамам. (...) Право, недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь. Дамы говорят, что роды описаны *верно*» (П 3, 70).

Эти, так сказать, общемедицинские навыки вошли в «жизненный состав» Чехова-писателя. Но главное, чем Чехов-писатель обязан медицине, – это то, что сам он называл умением «мыслить по-медицински» (П 3, 37). В стенах Московского университета он усвоил уроки научной школы своего учителя по медицинскому факультету профессора Григория Антоновича Захарьина. «Захарьина я уподобляю Толстому – по таланту» (П 4, 362), – признавался Чехов и при описании лекции в повести «Скучная история» имел в виду лекции Захарьина, так увлекавшие его в студенческие годы.

Основной чертой учения Захарьина была строгая индивидуализация каждого случая заболевания и решительный отказ от шаблона в лечении. Не существует болезней «вообще» – есть конкретные больные. Захарьин учил точному определению картины болезни: лечению должна подлежать не болезнь, будто бы одинаковая для всех, а больной со всеми присущими ему индивидуальными особенностями. Согласно Захарьину, рассматривая каждый случай болезни («уклонения от нормы»), следует учитывать все сопутствующие ей осложнения, всю неповторимую индивидуальность обстоятельств, породивших и сопровождающих данный конкретный случай. И о том, что этот научный метод может применяться к изучению сложнейших явлений человеческой жизни, Чехов не раз говорит в своих произведениях.

В рассказе «О любви» (1898) его герой Алехин говорит: «Как зарождается любовь, (...) поскольку в любви важны вопросы личного счастья – все это неизвестно и обо всем этом можно трактовать как угодно. До сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что «тайна сия велика есть», все же остальное, что писали и говорили о любви, было не решением, а только постановкой вопросов, которые так и оставались неразрешенными. То объяснение, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти других, и самое лучшее, по-моему, – это объяснять каждый случай в отдельности, не пытаясь обобщать. Надо, как говорят доктора, индивидуализировать каждый отдельный случай» (10, 66–67).

В «Скучной истории» многое напоминало ситуацию повести Толстого «Смерть Ивана Ильича»: ее герой, старый университетский профессор, незадолго до смерти обнаруживает у себя отсут-

ствие «общей идеи» и готов поэтому перечеркнуть всю предшествующую жизнь. Но Чехов здесь вступал в творческую полемику с любимым автором. Толстой генерализировал: жизнь без «общей идеи», без Бога – «не то», и указывал на единственно возможную и единую для всех «общую идею», Чехов же показал: в жизни данного героя вопрос об «общей идее» встал при данных конкретных обстоятельствах; для других людей при иных обстоятельствах он ставится и решается совершенно иначе. Споря с генерализирующим выводом автора «Смерти Ивана Ильича», Чехов «индивидуализирует» – так, как его университетский учитель Захарьин учил применять «индивидуализирующий метод» не только во врачебной, но и во «всякой другой практике, то есть деятельности в реальных условиях, – в условиях действительности».

Можно считать, что в новаторских чеховских принципах изображения человека и неповторимых людских судеб важным компонентом стала эта, усвоенная им на университетской скамье научная основа его мировоззрения¹⁶.

В свою поездку на каторжный остров Сахалин в 1890 году Чехов отправился, когда к нему как к писателю пришел прочный успех, он был увенчан Пушкинской премией. Что руководило им в смертельно опасной поездке? Книгу «Остров Сахалин» сейчас сравнивают с Дантовым «Адом», и это действительно удивительная и до сих пор менее всего понятая из книг Чехова. Но образ автора в ней – не пораженный обнаруженными безобразиями обличитель и не проповедник. Это как бы не имеющий никаких грандиозных намерений скромный статистик, санитарный инспектор, гигиенист, наблюдатель нравов. Он ходит из тюрьмы в тюрьму, из избы в избу, расспрашивает и записывает, мокнет в болотах на переходах, в местной больнице вынужден оперировать тупым скальпелем... Непритязательность и скромность образа автора увеличивает стократ силу передаваемых им фактов. Благодаря этому таинственно возрастает внутренняя энергия книги, которая оказалась созданной не на сиюминутный эффект, а на века.

Два удивительных факта связаны с книгой «Остров Сахалин». Чехов хотел защищать книгу в качестве диссертации, но ученый совет Московского университета ее отклонил¹⁷ (как бы повторилось отвержение первой пьесы Чехова Малым театром). Удиви-

¹⁶ См. подробнее: Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979. С. 87–97.

¹⁷ См.: Поляков В. Ошибка профессора И.Ф. Клейна // Медицинская газета. 1995. 9 июня. – С. 3; Поляков В., Бородин В. О докторской диссертации А.П. Чехова // Медицинская газета. – 1995. 9 июня.

тельна здесь и слепота ученого совета, удивительно и то, что мы видим: даже в 1894 году, когда жить ему оставалось всего 10 лет, Чехов готов был отказаться от литературы ради того, чтобы остаться в науке, в университете.

Что ж, утешением служит то, что не став доцентом или профессором в родном университете (неосуществимой мечтой – стать профессором Московского университета, он наделил героя своей пьесы «Три сестры»), Чехов сделал окончательный выбор в пользу литературы. И именно на этом пути он навсегда вошел в число его самых выдающихся воспитанников.

2

Отношения Чехова с Российской академией наук имеют свою историю. Избранный почетным академиком по разряду изящной словесности в 1899 году, уже через два года он сам сложил с себя это звание в знак несогласия с вмешательством правительства в избрание новых членов. Три четверти века спустя Академия наук СССР предприняла издание 30-томного собрания сочинений и писем писателя, наиболее полного и авторитетного собрания всего, написанного Чеховым. А в начале 90-х годов завершившегося века в составе Научного совета по истории мировой культуры Российской академии наук (возглавляемого ныне академиком Ю.А. Рыжовым) была создана Чеховская комиссия.

С самого начала работа комиссии, как то и предусмотрено традициями Совета, стала носить комплексный характер. Ядро ее составили участники академического издания, ученые-литературоведы Института мировой литературы РАН и Московского государственного университета. Но наследие Чехова – это не только тексты его сочинений: это театр и те разнообразные искусства, которые оплодотворяются его творчеством. Поэтому членами комиссии стали ученые из Института искусствознания, театроведы, критики, руководители чеховских музеев. Первыми задачами комиссии были организация и проведение крупных международных конференций и издание на основе их материалов сборников научных трудов под общим названием «Чеховиана» (к настоящему времени вышло десять таких сборников).

Чеховская комиссия в своем сегодняшнем составе представляет собой коллектив исследователей разных поколений, разных направлений, работающих в различных научных учреждениях и объединенных одной большой и главной темой. Задачей комиссии остается, как и прежде, собирание и организация усилий исследователей чеховского наследия, проведение встреч чеховедов и издание их работ.

В последние годы комиссия ищет новые направления своей работы.

Прежде всего, это подготовка «Чеховской энциклопедии». Разработанный словарь будущего издания включает более трех тысяч имен и названий, свыше двухсот тем, охватывающих практически все известные нам биографические и творческие связи Чехова с его современниками, предшественниками, последователями, вопросы мировоззрения, поэтики, то есть все ключевые темы чехововедения за уже более чем столетнюю его историю. К работе привлечены десятки авторов, присылающих свои статьи для энциклопедии. Работа разворачивается, и можно надеяться, что будущая энциклопедия станет уникальным изданием, дающим краткие, но систематизированные сведения обо всем, что составляет биографию Чехова в широком смысле, в контексте русской и мировой художественной мысли.

Особое направление работы – организация и проведение конференций «Молодые исследователи Чехова». Прошло уже пять таких конференций, в которых участвовали те, кто может составить завтрашний день чехововедения: студенты, аспиранты, молодые преподаватели и исследователи из университетов как России, так и иных стран. Ведь Чехов принадлежит всему человечеству. Пять сборников работ молодых исследователей уже увидели свет.

Еще одно направление работы комиссии – подготовка и издание информационно-библиографического «Чеховского вестника». Необходимость такого издания очевидна. Все, что в современной культуре связано с именем Чехова, многогранно и разнообразно. Постановки его пьес не сходят со сцен театров всех стран. Изучение наследия Чехова стало отраслью мирового литературоведения. Названия десятков книг, сотен статей, посвященных нашему писателю, теряются в море библиографической информации. Собрать и донести до исследователей, студентов, деятелей театра, читателей и зрителей Чехова хотя бы часть сведений обо всем этом – первая задача «Чеховского вестника», который выходит дважды в год. Наши североамериканские коллеги (North American Chekhov Society) также выпускают свой информационный бюллетень. Это издание, 18 номеров «Чеховского вестника», выпущенных комиссией, дополняют друг друга и вместе создают панораму участия чеховского наследия в современной культуре. Ведь здесь, говоря словами чеховского персонажа, «всем хватит места, и новым, и старым...».

В 2010 году исполняется столятиелетие со дня рождения А.П. Чехова. Чехов – одно из тех главных имен, на которых держится мировая слава русской литературы и искусства. Чехов принадлежит миру, и естественно, что связанные с памятью о

нем даты будут широко отмечаться как на Западе, так и на Востоке. Но именно Россия должна дать главное направление изучению и популяризации Чехова в наступившем столетии. Этот юбилей, который, безусловно, будет иметь широкий мировой резонанс, должен отмечаться в России в общенациональном масштабе. В соответствии с указом Президента Российской Федерации создан Юбилейный комитет по его подготовке и проведению.

Мировое значение Чехова, внимание к его наследию налагают на нас, его соотечественников, особую ответственность. В те несколько лет, которые остаются до его полуторастолетия, в частности, предстоит выполнить долг, оставшийся у Академии наук со времени выхода академического собрания его сочинений и писем.

Чехов не издан до сих пор полностью. В академическое собрание не вошли материалы его сахалинской переписи¹⁸, его ранние медицинские записи, не полностью изданы записные книжки. Серия писем содержит многочисленные купюры – они были продиктованы эдичионными нормами, которые давно стали анахронизмом. Письма Чехова, издаваемые за рубежом (например, их собрание, вышедшее в Оксфорде в 2004 году¹⁹), давно печатаются полностью, нередко в сопровождении язвительных комментариев по поводу неполноты нашего академического издания. Издать ли 31-й, дополнительный том Чехова или переиздать дополненный тридцатитомник (или хотя бы 12 томов серии писем, как предлагала покойная Л.Д. Громова-Опульская) – вопрос научного и культурного национального престижа, и решить его предстоит, в первую очередь, Академии наук.

Словарь языка Чехова, словарь чеховских фразеологизмов – в их появлении заинтересованы не только историки русского литературного языка; они необходимы многочисленным переводчикам Чехова, людям театра, преподавателям и исследователям русского языка во многих странах. В создании таких словарей могли бы участвовать ученые как академических институтов, так и Московского и других университетов страны.

Можно продолжить перечень издательских и иных проектов, которые Академия и Университет могли бы выполнить до 2010 года и внести тем самым свой вклад в увековечение памяти одного из самых славных своих представителей.

¹⁸ См. издание: «Быть может, пригодятся и мои цифры...». Материалы сахалинской переписи А.П. Чехова. 1890 год. Южно-Сахалинск, 2005.

¹⁹ Anton Chekhov. A Life in Letters. L., 2004.

В.Д. Есаков

Рассекречивание архивных фондов, введение в научный оборот важнейших комплексов источников создало возможности для изучения весьма значимых и десятилетиями скрывавшихся событий послевоенного периода советской истории. Среди них привлекает внимание феномен создания и деятельности т.н. «судов чести». Появление и функционирование этих своеобразных правовых институтов неразрывно связано с ужесточением идеологического диктата в стране, предпринятым вторжением в систему воззрений, сложившихся в результате великой Победы, насаждения единомыслия и «воспитания» интеллигенции на основе неукоснительного признания правоты проводимого политического курса.

Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам августа 1946 г. были опубликованы и задали алгоритм «жесткого» идеологического курса. Но они затронули сравнительно узкий круг творческой интеллигенции, – литераторов и кинематографистов, не обеспечили массового внедрения сталинского отношения к происходящим в стране и мире событиям и политически себя не оправдывали. Тогда, 28 марта 1947 г., было принято совместное постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О создании Судов чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». Инициатором утверждения и куратором деятельности Судов чести был также А.А. Жданов. Именно он вместе со Сталиным, подписал данный акт.

Суды чести создавались «в целях содействия делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства и высокого сознания своего государственного и общественного долга, для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника»¹. На них возлагалось рассмотрение «антипатриотических», «антигосударственных» и «антиобщественных», с точки зрения режима поступков, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств. Суды чести были созданы на один год, проходили в условиях строжайшей секретности и были направ-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 05-06-80386.

¹ Источник. 1994. № 6. С. 69.

лены на внедрение сталинской идеологии в сознание элиты – работников партийно-государственного аппарата, руководящего состава промышленности и армии, научной и технической, а не только творческой, интеллигенции, включая преподавателей высшей школы и актив комсомола.

Суды чести были созданы в период складывания идеологии «холодной войны». Противостояние вчерашних союзников по антигитлеровской коалиции являлось не только качественно новым положением в системе международных отношений. Политика холодной войны, как справедливо отмечает современная историография, использовалась и для проведения внутривнутриполитических акций². В их числе значительную роль играло создание образа врага и проведение антиамериканской пропаганды. Распространено мнение, что эта пропаганда проявилась лишь после смерти А.А. Жданова, в результате активной деятельности Г.М. Маленкова и Б.Н. Пономарева и нашла наиболее яркое отражение в произведениях и публицистике деятелей литературы и искусства³. Однако архивные материалы, прежде всего личного фонда А.А. Жданова, наглядно показывают, что именно им под руководством Сталина еще в 1946 г. были заложены основы послевоенного антиамериканизма, которые реализовывались в том числе и в практической деятельности Судов чести.

Создание и деятельность судов чести явились самой секретной из всех массово-политических кампаний, проведенных в СССР. Ни одной строчки о них не появилось в печати. Они не упоминались ни в одной из работ по истории партии, ни в многочисленных работах о политико-просветительной работе. О них не было известно ни историкам, писавшим по идеологическим вопросам, ни публицистам, ни советологам.

Впервые упоминания и первые документы об организации Судов чести появились на страницах журнала «Известия ЦК КПСС» в 1990 г.⁴ Изучение их истории началось после публикации нами в 1994 г. «Закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина»⁵. Основные итоги изучения этой темы подведены в исследовании В.Д. Есакова и Е.С. Левиной о деле «КР»⁶

² СССР и холодная война. М. 1995. С. 8–9.

³ Там же. С. 15–17.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 135–137.

⁵ Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело «КР» (Из истории гонений на советскую интеллигенцию) // Кентавр. 1994. № 2. С. 54–69; № 3. С. 96–118.

⁶ Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М. ИРИ РАН. 2001; *Они же*. Сталинские «суды чести». Дело «КР». М. «Наука». 2005.

и в книге Н.П. Кременцова «В поисках лекарства против рака: Дело “КР”»⁷.

Кратко существо дела КР состоит в следующем. К весне 1946 г. профессор МГУ, заведующий кафедрой гистологии Г.И. Роскин и член-корреспондент АМН СССР Н.Г. Клюева завершили работу над рукописью «Биотерапия злокачественных опухолей». Клюева 13 марта выступила с докладом на заседании АМН, в котором сообщила об итогах этой работы и рассказала о деятельности по созданию нового, как казалось тогда, эффективного противоракового препарата, бывшего известным под названием «препарат КР» или «круцин». Отчет об этом заседании был опубликован в «Известиях» в номере, содержащем и ответ Сталина на фултоновскую речь Черчилля⁸, и широко распространен зарубежным радио. Последовали, особенно из США, запросы на этот препарат для онкологических больных, находившийся еще на стадии разработки. Поскольку запросы шли через посольство, то посол У. Смит, сменивший А. Гарримана, сам посетил институт, где была лаборатория Клюевой. Он же предложил вести совместную работу над препаратом. В Министерстве здравоохранения был составлен проект соглашения, о котором правительство не было информировано. Вскоре во главе делегации онкологов в США, с санкции Политбюро, выехал ученый секретарь АМН СССР академик В.В. Парин, с которым была передана рукопись книги Клюевой и Роскина для информирования сотрудников Национального ракового института США и возможного издания ее на английском языке. В условиях начавшейся борьбы против «тлетворного влияния Запада» этот эпизод стал поводом для начала массовой идейно-политической кампании. Следствие провел сам Жданов. Он подготовил проект обращения от имени парткома Министерства здравоохранения СССР в адрес министра Е.И. Смирнова о привлечении Клюевой и Роскина к суду чести. Они обвинялись в антигосударственной и антипатриотической деятельности. К.М. Симонов, присутствовавший 13 мая 1947 г. на встрече Сталина с писателями, во время которой Сталин предложил А.А. Фадееву прочитать подготовленное обвинение вслух, писал, что этот документ был продиктован «его волей – ничьей другой»⁹. В ходе подготовки первого заседания Суда чести в Министерстве здравоохранения СССР Сталин назвал Клюеву и Роскина «сомнительными гражданами», а В.В. Парин был объявлен американским шпионом и осужден.

⁷ Кременцов Н.П. В поисках лекарства против рака: Дело КР. СПб. РГХИ. 2004.

⁸ Известия. 1946. 14 марта.

⁹ «Знамя». 1988. № 3. С. 61.

Политические итоги Суда чести над Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскиным, состоявшегося 5–7 июля 1947 г., были сформулированы М.А. Сусловым и А.А. Ждановым, одобрены И.В. Сталиным и стали «Закрытым письмом ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина». Письмо было обсуждено во всех парторганизациях страны. Содержащиеся в нем указания стали основой для осуществления курса на борьбу против «низкопоклонства и раболепия» перед культурой Запада.

Все опубликованные сведения о Судах чести основываются практически только на материалах первых из них, проведенных в Министерстве здравоохранения СССР – над профессорами Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскиным и бывшим министром Г.А. Митиревым. Сверхзадачей исследований В.Д. Есакова и Е.С. Левиной, а также Н.П. Кременцова, были все-таки не столько Суды чести, сколько дальнейшая судьба противоракового препарата.

Создание Судов чести, их деятельность и последствия заслуживают тщательного самостоятельного изучения. Есть беглое упоминание о том, что в министерствах и центральных ведомствах СССР было организовано 80 Судов чести. Тщательный просмотр протоколов Секретариата, Оргбюро, Политбюро ЦК и материалов к ним позволил выявить около 180 постановлений ЦК ВКП(б) о Судах чести. Секретариат ЦК и его Управление кадров не ограничились постановлением от 28 марта 1947 г. Выборы судов чести в каждом министерстве и центральном ведомстве – определения контингента участников заседаний по выборам Судов, их количественный состав кандидатуры и их председателей – оформлялись специальными записками на имя А.А. Жданова, а затем А.А. Кузнецова и М.А. Суслова, и утверждались соответствующими решениями ЦК. Установлено, что было создано 90 Судов чести, в том числе в Аппарате ЦК ВКП(б) и МГБ СССР. По предложению И.В. Сталина был создан и общесоюзный Суд чести при Совете Министров СССР и Центральном Комитете ВКП(б). Список выявленных решений ЦК ВКП(б) о Судах чести прилагается.

В постановлениях о выборах Судов чести по каждому министерству СССР и центральному ведомству утверждались предложения, представленные министром, секретарем парткома или партбюро министерства или ведомства и председателем ЦК соответствующего профсоюза. Эти предложения представлялись после предварительного одобрения их соответствующим отделом Управления кадров ЦК ВКП(б). Состав Суда чести определялся для министерства в количестве 7 человек, а для центрального ведомства в 5 человек. Контингент участников собрания по выборам Суда чести определялся номенклатурой должностей руково-

дящих, оперативных и научных работников соответствующего государственного учреждения.

Так, контингент участников собрания по выборам Суда чести Министерства здравоохранения СССР и последующих заседаний суда чести составляли заместители министра, начальники главных управлений и управлений министерства, их заместители, начальники отделов и секторов, главные специалисты, старшие инспекторы управлений, начальник секретариата, референты и инспекторы при министре, президиумы Ученого медицинского совета и Технического совета, члены Бюро по делам изобретательства. В состав участников собрания входил президиум Академии медицинских наук СССР, начальники управлений, отделов и секторов ее центрального аппарата, действительные члены и члены-корреспонденты АМН СССР, ученые секретари отделений, референты, директора библиотек, директора институтов АМН и их заместители по научной части, ученые секретари, заведующие отделами, отделениями, секторами, лабораториями и кабинетами институтов, старшие научные сотрудники. Таким же образом привлекались к участию в собрании работники научно-исследовательских институтов, непосредственно подчиненных министерству, включая начальников спецчастей, Центральной медицинской библиотеки, Медгиза, редакции газеты «Медицинский работник». В контингент участников собрания включались и работники Лечебно-санитарного управления Кремля – начальник управления и его заместители, начальники отделов, главный врач Кремлевской больницы и его заместители, директора и их заместители центральной поликлиники Управления и ее филиалов. Всего число участников собрания по выборам Суда чести Министерства здравоохранения СССР, которые затем присутствовали и на заседаниях Суда чести по делу профессоров Ключевой и Роскина, был определен в 1695 человек¹⁰. По аналогичному принципу формировался состав участников собраний по выборам Судов чести и в других министерствах и центральных ведомствах.

Общее число участников собраний по выборам судов чести в министерствах СССР и центральных ведомствах составило около 75 тысяч руководящих, оперативных и научных работников. Все заседания собраний по выборам Судов чести и рассмотрению конкретных дел проходили только в нерабочее время, после 18 часов, и большинство их продолжалось в течение двух-трех дней.

В настоящее время можно говорить, что Судами чести было проведено около 30 внутриведомственных процессов, но окон-

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 304. Л. 104–105.

чательное их количество и состав предъявленных обвинений может быть определен только после внимательного просмотра архивных фондов общесоюзных министерств и центральных ведомств, а также фондов их партийных организаций за 1947–1948 годы.

Вне зависимости от того, были ли в том или ином министерстве и ведомстве проведены суды чести по рассмотрению «антипатриотических», «антигосударственных» и «антиобщественных» деяний работников, в каждом из них прошло по меньшей мере по два собрания – собрания по выборам суда чести и заседания, посвященные обсуждению «Закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина».

Просмотр архивных материалов об организации и деятельности Судов чести показывает, что их разнообразие и объем, а главное – та роль, которую они сыграли в духовной жизни советского общества, представляют большой исследовательский интерес и требуют внимательного изучения. Именно засекреченные Суды чести явились тем инструментом, который позволил обеспечить новое наполнение «образа врага». Если в довоенный период в этом качестве выступала «мировая буржуазия», которая, как и «пролетариат», «не имела отечества», то теперь классовая борьба дополняется межнациональным противостоянием. Так, Сталин, стремясь обеспечить устойчивость своего режима, учел опыт, данный Великой Отечественной войной.

Только в результате деятельности Судов чести стали возможны проведение сессии ВАСХНИЛ и открытых научных дискуссий конца 1940-х и начала 50-х годов, была развернута «борьба с космополитизмом».

Постановление о Судах чести и все их решения были отменены сразу же после смерти Сталина и на протяжении десятилетий участники закрытых «показательных процессов» (как члены Судов и свидетели, так и их жертвы) старались не вспоминать эту мрачную страницу своей жизни и нашей истории. Однако без рассмотрения исторического опыта возникновения и насильственного внедрения «судов чести» трудно понять многие стороны жизни советского общества, системы деятельности партийного и государственного аппарата, позиций и взглядов многих (в значительной части крупных) деятелей науки и культуры в послевоенный период.

Постановления ЦК ВКП(б) о судах чести*:

1947 год

1. **28 марта.** О Судах чести в Министерствах СССР и центральных ведомствах. (Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б)) – ПБ № 57, п. 139.
2. **8 апреля.** О выборах Суда чести в Министерстве здравоохранения СССР. – С-т № 304, п. 192 г. (*контингент участников – 1695 чел.*)
3. **9 апреля.** О выборах Суда чести в Министерстве торговли СССР. – С-т № 304, п. 202 г. (*контингент участников – 698 чел.*)
4. О выборах Суда чести в Министерстве финансов СССР. – С-т № 304, п. 206 г. (*контингент участников – 1430 чел.*)
5. **28 мая.** О выборах Суда чести в Министерстве материальных ресурсов СССР. – С-т № 309, п. 197 г. (*контингент участников – 314 чел.*)
6. О выборах Суда чести в Министерстве внешней торговли СССР. – С-т № 309, п. 198 г. (*контингент участников – 1817 чел.*)
7. О выборах Суда чести в Министерстве морского флота СССР. – С-т № 309, п. 199 г. (*контингент участников – 653 чел.*)
8. О выборах Суда чести в Министерстве мясной и молочной промышленности СССР. – С-т № 309, п. 200 г. (*контингент участников – 1640 чел.*)
9. О выборах Суда чести в Министерстве государственного контроля СССР. – С-т № 309, п. 201 г. (*контингент участников – 446 чел.*)
10. **29 мая.** О выборах Суда чести в Министерстве высшего образования СССР. – С-т № 309, п. 248 г. (*контингент участников – 806 чел.*)
11. О выборах Суда чести в Министерстве угольной промышленности западных районов СССР. – С-т № 309, п. 249 г. (*контингент участников – 1195 чел.*)
12. О выборах Суда чести в Министерстве иностранных дел СССР. – С-т № 309, п. 270 г. (*контингент участников – 812 чел.*)
13. О выборе Суда чести в Министерстве путей сообщения СССР. – С-т № 309, п. 271 г. (*контингент участников – 5607 чел.*)
14. **2 июня.** О выборах Суда чести в Министерстве кинематографии СССР. – С-т № 310, п. 169 г. (*контингент участников – 1100 чел.*)

* Для каждого постановления указываются номера протокола и пункта, под которым они утверждались на заседаниях Политбюро (ПБ), Оргбюро (ОБ) и секретариата (С-т) ЦК ВКП(б).

15. **12 июня.** О проведении выборов Судов чести в Министерствах СССР и центральных ведомствах в июне месяце 1947 года. – С-т № 312, п. 134 г.
16. **16 июня.** О председателе Суда чести Министерства высшего образования СССР. – С-т № 312, п. 226
(И.Г. Кочергин)
17. **21 июня.** О выборах Суда чести в Министерстве продовольственных резервов СССР. – С-т № 313, п. 2 г. (контингент участников – 574 чел.)
18. О выборах Суда чести в Министерстве вкусовой промышленности СССР. – С-т № 313, п. 3 г. (контингент участников – 530 чел.)
19. **23 июня.** О выборах Суда чести в Министерстве легкой промышленности СССР. – С-т № 313, п. 12 г. (контингент участников – 900 чел.)
20. О выборах Суда чести в Главном управлении Гражданского Воздушного Флота при Совете Министров СССР. – С-т № 313, п. 16 г. (контингент участников – 441 чел.)
21. **26 июня.** О выборах Суда чести в Министерстве сельского хозяйства СССР. – С-т № 313, п. 106 г. (контингент участников – 1080 чел.)
22. О выборах Суда чести в Министерстве геологии СССР. – С-т № 313, п. 107 г. (контингент участников – 563 чел.)
23. **27 июня.** О выборах Суда чести в Министерстве электростанций СССР. – С-т № 313, п. 133 г. (контингент участников – 381 чел.)
24. О выборах Суда чести в Министерстве связи СССР. – С-т № 313, п. 134 г. (контингент участников – 679 чел.)
25. О выборах Суда чести в Министерстве рыбной промышленности восточных районов СССР. – С-т № 313, п. 135 г. (контингент участников – 294 чел.)
26. О выборах Судов чести в Комитете по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР. – С-т № 313, п. 136 г. (контингент участников – 809 чел.)
27. О выборах Суда чести во Всесоюзном комитете по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. – С-т № 313, п. 137 г. (контингент участников – 218 чел.)
28. О выборах Суда чести в Министерстве рыбной промышленности западных районов СССР. – С-т № 313, п. 138 г. (контингент участников – 474 чел.)
29. О выборах Суда чести в Госплане СССР. – С-т № 313, п. 139 г. (контингент участников – 1345 чел.)
30. **7 июля.** О проведении выборов Судов чести в министерствах СССР и центральных ведомствах в июле месяце

1947 года. – С-т № 313, п. 478 г. (*перечислены наименования 35 министерств и ведомств*)

31. О выборах Суда чести в Министерстве машиностроения и приборостроения СССР. – С-т № 313, п. 479 г. (*контингент участников – 1030 чел.*)
32. О выборах Суда чести в Комитете по делам искусств при Совете Министров СССР. – С-т № 313, п. 480 г. (*контингент участников – 1168 чел.*)
33. О выборах Суда чести в Министерстве медицинском промышленности СССР. – С-т № 313, п. 481 г. (*контингент участников – 983 чел.*)
34. О выборах Суда чести в Телеграфном Агентстве Советского Союза. – С-т № 313, п. 482 г. (*контингент участников – 390 чел.*)
35. О председателе Суда чести Комитета по делам искусств при СМ СССР. – С-т № 313, п. 484 г. (*В.Н. Сурин*)
36. **8 июля.** О председателе Суда чести Министерства связи СССР. – С-т № 313, п. 517 г. (*Р.А. Попов*)
37. О председателе Суда чести Министерства электростанций СССР. – С-т № 313, п. 518 г. (*С.А. Спириин*)
38. О председателе Суда чести Министерства легкой промышленности СССР. – С-т № 313 п. 540 г. (*А.И. Коновалов*)
39. О выборах Суда чести в Министерстве строительства предприятий тяжелой индустрии СССР. – С-т № 313, п. 564 г. (*контингент участников – 2857 чел.*)
40. О выборах Суда чести в Министерстве авиационной промышленности СССР. – С-т № 313, п. 565 г. (*контингент участников – 1394 чел.*)
41. **9 июля.** О председателе Суда чести Министерства вкусовой промышленности СССР. – С-т № 314, п. 49 г. (*А.Л. Малченко*)
42. О председателе Суда чести Министерства продовольственных резервов СССР. – С-т № 314, п. 107 г. (*Д.К. Лелль*)
43. О председателе Суда чести Министерства рыбной промышленности восточных районов. – С-т № 314, п. 108 г. (*А.Н. Стариков*)
44. О выборах Суда чести в Министерстве заготовок СССР. – С-т № 314, п. 228 г. (*контингент участников – 1339 чел.*)
45. **10 июля.** О председателе Суда чести Министерства геологии СССР. – С-т № 314, п. 250 г. (*А.К. Матвеев*)
46. О председателе Суда чести Главного управления ГВФ при СМ СССР. – С-т № 314, п. 251 г. (*А.П. Быков*)
47. **12 июля.** О председателе Суда чести Министерства сельского хозяйства СССР. – С-т № 314, п. 321 г. (*А.А. Пронин*)

48. **14 июля.** О нарушении порядка выборов Суда чести в Главном управлении гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР. – С-т № 314, п. 368 г. *(Выборы были отменены, так как собрание было проведено без санкции ЦК ВКП(б))*
49. О председателе Суда чести Министерстве рыбной промышленности западных районов СССР. – С-т № 314, п. 400 г. *(А.С. Богданов)*
50. **16 июля.** Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина. *(Политические итоги первого Суда чести в Министерстве здравоохранения СССР, состоявшегося 5–7 июня 1947 г.)*
51. **23 июля.** О выборе Суда чести в Министерстве текстильной промышленности СССР. – С-т № 314, п. 541 г. *(контингент участников – 1990 чел.)*
52. О выборе Суда чести в Министерстве вооружений СССР. – С-т № 314, п. 542 г. *(контингент участников – 1135 чел.)*
53. О выборе Суда чести в Министерстве судостроительной промышленности СССР. – С-т № 314, п. 543 г. *(контингент участников – 790 чел.)*
54. О выборе Суда чести в Советском Информбюро. – С-т № 314, п. 544 г. *(контингент участников – 141 чел.)*
55. О выборе Суда чести в Министерстве пищевой промышленности СССР. – С-т № 314, п. 545 *(контингент участников – 823 чел.)*.
56. О выборах Суда чести в Министерстве угольной промышленности восточных районов СССР. – С-т № 314, п. 546 г. *(контингент участников – 758 чел.)*
57. **29 июля.** О выборах Суда чести в Министерстве строительного и дорожного машиностроения СССР. – С-т № 316, п. 186 г. *(контингент участников – 499 чел.)*
58. О выборах Суда чести в Министерстве нефтяной промышленности южных и западных районов СССР. – С-т № 316, п. 187 г. *(контингент участников – 628 чел.)*
59. О выборах Суда чести в Объединении государственных издательств при Совете Министров СССР. – С-т № 316, п. 188 г. *(контингент участников – 709 чел.)*
60. О выборах Суда чести в Главном управлении гидролизной и сульфитно-спиртовой промышленности при Совете Министров СССР. – С-т № 316, п. 185 г. *(контингент участников – 183 чел.)*
61. О выборах Суда чести в Министерстве промышленности средств связи СССР. – С-т № 316, п. 190г *(контингент участников – 658 чел.)*

62. **30 июля.** О выборах Суда чести в Министерстве электропромышленности СССР. – С-т № 316, п. 192 г. (*контингент участников – 732 чел.*)
63. О председателе Суда чести в Министерстве машиностроения и приборостроения СССР. – С-т № 316, п. 255 г. (*Н.А. Смелов*)
64. О председателе Суда чести в Министерстве медицинской промышленности СССР. – С-т № 316, п. 256 г. (*А.Ф. Игошин*)
65. О председателе Суда чести в Министерстве авиационной промышленности СССР. – С-т. № 316, п. 257 г. (*В.П. Кузнецов*)
66. О выборах Суда чести в Министерстве нефтяной промышленности восточных районов СССР. – С-т № 316, п. 298 г. (*контингент участников – 876 чел.*)
67. **31 июля.** О председателе Суда чести в Министерстве электропромышленности СССР. – С-т № 316, п. 331 г. (*Д.В. Ефремов*)
68. **1 августа.** О председателе Суда чести в Министерстве текстильной промышленности СССР. – С-т № 316, п. 438 г. (*В.Е. Гусев*)
69. О председателе Суда чести в Советском Информбюро. – С-т № 316, п. 439г (*Н.Г. Садчиков*)
70. **5 августа.** О председателе Суда чести в Объединении государственных издательств при СМ СССР. – С-т № 318, п. 7 г. (*Ф.Н. Петров*)
71. О председателе Суда чести Министерства строительного и дорожного машиностроения СССР. – С-т № 318, п. 8 г. (*П.И. Осипов*)
72. О председателе Суда чести Министерства судостроительной промышленности СССР. – С-т № 318, п. 9 г. (*А.М. Редькин*)
73. О председателе Суда чести в Министерстве тяжелого машиностроения СССР. – С-т № 318, п. 10 г. (*Я.В. Юшин*)
74. О председателе Суда чести в Министерстве промышленности средств связи СССР. – С-т № 318, п. 11 г. (*Б.Н. Можжевелов*)
75. О выборах Суда чести в Главснабуголь при Совете Министров СССР. – С-т № 318, п. 20 г. (*контингент участников – 234 чел.*)
76. О выборах Суда чести в Главнефлеснаб при Совете Министров СССР. – С-т № 318, п. 21 г. (*контингент участников – 380 чел.*)
77. О выборах Суда чести в Министерство автомобильной промышленности СССР. – С-т № 318, п. 22 г. (*контингент участников – 753 чел.*)

78. О выборах Суда чести в Министерстве резиновой промышленности СССР. – С-т № 318, п. 23 г. (*контингент участников – 900 чел.*)
79. О выборах Суда чести в Министерстве тяжелого машиностроения СССР. – С-т № 318, п. 24 г. (*контингент участников – 1058 чел.*)
80. О выборах Суда чести в Министерстве черной металлургии СССР. – С-т № 318, п. 25 г. (*контингент участников – 1478 чел.*)
81. О выборах Суда чести в Министерстве трудовых резервов СССР. – С-т № 318, п. 26 г. (*контингент участников – 563 чел.*)
82. О выборах Суда чести в Главном управлении кислородной промышленностью при Совете Министров СССР. – С-т № 318, п. 27 г. (*контингент участников – 409 чел.*)
83. О выборах Суда чести в Главном управлении гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР. – С-т № 318, п. 28 г. (*контингент участников – 519 чел.*)
84. О выборах Суда чести в Министерстве промышленности строительных материалов СССР. – С-т № 318, п. 29 г. (*контингент участников – 1595 чел.*)
85. О выборах Суда чести в Министерстве транспортного машиностроения СССР. – С-т № 318, п. 30 г. (*контингент участников – 904 чел.*)
86. О выборах Суда чести в Главгазпроме при Совете Министров СССР. – С-т № 318, п. 31 г. (*контингент участников – 594 чел.*)
87. О выборах Суда чести в Главном управлении геодезии и картографии. – С-т № 318, п. 32 г. (*контингент участников – 469 чел.*)
88. О выборах Суда чести в Министерстве военных и военно-морских предприятий. – С-т № 318, п. 33 г. (*контингент участников – 764 чел.*)
89. О выборах Суда чести в Комитете по делам архитектуры при Совете Министров СССР. – С-т № 318, п. 34 г. (*контингент участников – 648 чел.*)
90. О выборах Суда чести в Главном управлении по делам промысловой и потребительской кооперации при Совете Министров СССР. – С-т № 318, п. 35 г. (*контингент участников – 204 чел.*)
91. О выборах Суда чести в Министерстве станкостроения СССР. – С-т № 318, п. 36 г. (*контингент участников – 800 чел.*)
92. О выборах Суда чести в Министерстве юстиции СССР. – С-т № 318, п. 37 г. (*контингент участников – 172 чел.*)

93. О выборах Суда чести в Прокуратуре Союза ССР. – С-т № 318, п. 38 г. (*контингент участников – 131 чел.*)
94. О выборах Суда чести Министерства сельскохозяйственного машиностроения СССР. – С-т № 318, п. 47 г. (*контингент участников – 1625 чел.*)
95. **11 августа.** О председателе Суда чести в Министерстве транспортного машиностроения СССР. – С-т № 318, п. 152 г. (*С.А. Степанов*)
96. **12 августа.** О председателе Суда чести в Министерстве автомобильной промышленности СССР. – С-т № 318, п. 213 г. (*А.М. Аравин*)
97. О председателе Суда чести в Министерстве вооружений СССР. – С-т № 318, п. 214 г. (*М.С. Клавсутъ*)
98. **14 августа.** О председателе Суда чести в Министерстве трудовых резервов СССР. – С-т № 318, п. 288 г. (*Н.В. Нечаев*)
99. О председателе Суда чести в Главном управлении кислородной промышленностью при СМ СССР. – С-т № 318, п. 289 г. (*Е.Г. Воскресенский*)
100. О председателе Суда чести в Министерстве пищевой промышленности СССР. – С-т № 318, п. 292 г. (*Н.П. Мастеров*)
101. О председателе Суда чести в Главном управлении гидролизной и сульфитно-спиртовой промышленности при СМ СССР. – С-т № 318, п. 293 г. (*П.В. Григорьев*)
102. **18 августа.** О выборах Суда чести в Комитете № 3 при Совете Министров СССР. – С-т № 318, п. 312 г. (*количество участников не указано*)
103. О выборах Суда чести в Главметаллснабе при Совете Министров СССР. – С-т № 318, п. 313 г. (*контингент участников – 238 чел.*)
104. О выборах Суда чести в Министерстве цветной металлургии СССР. – С-т № 318, п. 314 г. (*контингент участников – 1445 чел.*)
105. **23 августа.** О председателе Суда чести в Министерстве заготовок СССР. – С-т № 318, п. 385 г. (*С.В. Потапов*)
106. О председателе Суда чести в Министерстве юстиции СССР. – С-т № 318, п. 386 г. (*М.А. Гаврилин*)
107. О выборах Суда чести в Главсевморпути при Совете Министров СССР. – С-т № 318, п. 387 г. (*контингент участников – 811 чел.*)
108. О выборах Суда чести в Министерстве химической промышленности СССР. – С-т № 318, п. 388 г. (*контингент участников – 1080 чел.*)
109. **27 августа.** О ходе обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина в партийных организациях. – ОБ № 317, п. 2 (*заслушать на оче-*

редном заседании сообщения ряда министров и секретарей парторганизаций министерств)

110. **29 августа.** О председателе Суда чести в Главнефтеснабе при СМ СССР. – С-т № 319, п. 8 г. (*П.Г. Женихов*)
111. **30 августа.** О рассылке закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина комсомольским организациям. – С-т № 319, п. 81 г.
112. О присылке в ЦК решений партсобраний, посвященных обсуждению закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскине. – С-т № 319, п. 82 г.
113. О секретаре партийной организации Главного управления гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР тов. Михайлове С.А. – С-т № 319, п. 93 г. (*снят с работы секретаря и переведен из членов в кандидаты ВКП(б) как не оправдавший доверия партии*).
114. **1 сентября.** О председателе Суда чести в Прокуратуре Союза СССР. – С-т № 319, п. 98 г. (*И.Ф. Скороходов*)
115. О председателе Суда чести в Главном управлении по делам промысловой и потребительской кооперации. – С-т № 319, п. 99 г. (*К.И. Фролов*)
116. О председателе Суда чести в Министерстве нефтяной промышленности восточных районов СССР. – С-т № 319, п. 100 г. (*Г.И. Болдырев*)
117. О председателе Суда чести в Комитете № 3 при СМ СССР. – С-т № 319, п. 101 г. (*Н.А. Шукин*)
118. О председателе Суда чести в Министерстве черной металлургии СССР. – С-т № 319, п. 102 г. (*Н.И. Коробов*)
119. О председателе Суда чести в Главгазпром при СМ СССР. – С-т № 319, п. 103 г. (*Д.И. Филиппов*)
120. О председателе Суда чести в Министерстве станкостроения СССР. – С-т № 319, п. 185 г. (*А.П. Рыбкин*)
121. О председателе Суда чести в Главном управлении геодезии и картографии при СМ СССР. – С-т № 319, п. 187 г. (*С.Г. Судаков*)
122. О председателе Суда чести в Министерстве сельскохозяйственного машиностроения СССР. – С-т № 319, п. 203 г. (*П.Н. Пиголкин*)
123. О председателе Суда чести во Всесоюзном Комитете стандартов при Совете Министров СССР. – С-т № 319, п. 204 г. (*И.С. Георгиевский*)
124. О выборах Суда чести в Центральном аппарате Уполномоченного Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати. – С-т № 319, п. 213 г. (*контингент участников – 172 чел.*)

125. **10 сентября.** О председателе Суда чести в Министерстве целлюлозно-бумажной промышленности СССР. – С-т № 319, п. 264 г. (*А.Е. Извеков*)
126. О председателе Суда чести в Главметаллснабе при СМ СССР. – С-т № 319, п. 265 г. (*И.И. Самусенко*)
127. О председателе Суда чести в Министерстве промышленности строительных материалов СССР. – С-т № 319, п. 266 г. (*К.В. Никулин*)
128. О председателе Суда чести в Министерстве лесной промышленности СССР. – С-т № 319, п. 267 г. (*И.И. Радчук*)
129. О председателе Суда чести в Министерстве путей сообщения СССР. – С-т № 319, п. 272 г. (*Е.Ф. Рудый*)
130. О председателе Суда чести в Министерстве резиновой промышленности СССР. – С-т № 319, п. 274 г. (*Н.Н. Калмыков*)
131. **11 сентября.** О выборах Суда чести во Всесоюзном Комитете стандартов при Совете Министров СССР. – С-т № 319, п. 337 г. (*контингент участников – 108 чел.*)
132. О выборах Суда чести в Министерстве лесной промышленности СССР. – С-т № 319, п. 338 г. (*контингент участников – 1023 чел.*)
133. **12 сентября.** О председателе Суда чести в Главснаблесе при Совете Министров СССР. – С-т № 319, п. 378 г. (*Ф.М. Захаров*)
134. О выборах Суда чести Министерства речного флота СССР. – С-т № 319, п. 389 г. (*контингент участников – 964 чел.*)
135. О выборах Суда чести в Министерстве целлюлозной и бумажной промышленности СССР. С-т № 319, п. 389 г. (*контингент участников – 618 чел.*)
136. О выборах Суда чести Министерства лесного хозяйства СССР. – С-т № 319, п. 390 г. (*контингент участников – 265 чел.*)
137. О выборах Суда чести Главснаблеса при Совете Министров СССР. – С-т № 319, п. 391 г. (*контингент участников – 211 чел.*)
138. О выборах Суда чести Министерства строительства топливных предприятий СССР. – С-т № 319, п. 392 г. (*контингент участников – 1038 чел.*)
139. **13 сентября.** О председателе Суда чести в Главсевморпути при СМ СССР. – С-т № 319, п. 479 г. (*А.А. Кузнецов*)
140. О председателе Суда чести в Центральном аппарате Уполномоченного Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати. – С-т № 319, п. 480 г. (*П.С. Балашов*)

141. О председателе Суда чести в Министерстве цветной металлургии СССР. – С-т № 319, п. 481 г.
(С.М. Петров)
142. **15 сентября.** О председателе Суда чести в Министерстве речного флота СССР. – С-т № 320, п. 153 г. (М.Н. Чеботарев)
143. О председателе Суда чести Министерства морского флота СССР. – С-т № 320, п. 154 г. (С.И. Баев)
144. О председателе Суда чести в Комитете по делам архитектуры при СМ СССР. – С-т № 320, п. 155 г.
(В.А. Шквариков)
145. О председателе Суда чести в Министерстве химической промышленности СССР. – С-т № 320, п. 156 г.
(С.М. Тихомиров)
146. О председателе Суда чести в Министерстве строительства предприятий тяжелой индустрии СССР. – С-т № 320, п. 457 г. (И.А. Онуфриев)
147. **18 сентября.** О председателе Суда чести в Главном управлении гидрометслужбы при СМ СССР. – С-т № 320, п. 303 г.
(А.А. Юцак)
148. **22 сентября.** Об итогах обсуждения в Министерствах закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина. – С-т № 320, п. 361 г.
149. **23 сентября.** О суде чести в аппарате ЦК ВКП(б) – ПБ № 59, п. 243.
150. Об антигосударственных проступках т.т. Щербакова М.И. и Кузакова К.С. – ПБ № 59, п. 244.
151. **24 сентября.** О выборах Суда чести Государственной Штатной комиссии при Совете Министров СССР. – С-т № 320, п. 364 г. (*контингент участников – 230 чел.*)
152. **25 сентября.** О выборах Суда чести Главного управления советского имущества за границей при Совете Министров СССР. – С-т № 320, п. 433 г. (*контингент участников – 399 чел.*)
153. **26 сентября.** О председателе Суда чести в Министерстве лесного хозяйства СССР. – С-т № 320, п. 468 г. (А.В. Тюрин)
154. О Суде чести в аппарате ЦК ВКП(б). – С-т № 320, п. 494 г. (*контингент участников – 1136 чел.*)
155. **2 октября.** О председателе Суда чести в Министерстве топливных предприятий СССР. – С-т № 321, п. 500 г.
(М.Ф. Гориков)
156. О председателе Суда чести в Министерстве военных и военно-морских предприятий. – С-т № 321, п. 545 г.
(Г.П. Комаров)
157. **6 октября.** О председателе Суда чести в Государственной Штатной комиссии при СМ СССР. – С-т № 322, п. 154 г.
(Е.Л. Смирнов)
158. **10 октября.** О выборах Суда чести в Министерстве внутренних дел СССР. – С-т № 322, п. 285 г. (*контингент участников – 741 чел.*)

159. **13 октября.** О выборе Суда чести в Академии наук СССР. – С-т № 322, п. 415 г. (*контингент участников – 1278 чел.*)
160. **15 октября.** Доклады министра авиационной промышленности т. Хруничева и секретаря парторганизации Министерства т. Ерчева, министра электропромышленности т. Кабанова и секретаря парторганизации Министерства т. Карелина об итогах обсуждения закрытого письма ЦК о деле профессоров Ключевой и Роскина и принятых по письму мерах. – ОБ № 323, п. 1.
161. **27 октября.** Об ознакомлении с закрытым письмом ЦК о деле профессоров Ключевой и Роскина коммунистов, работающих на судах заграничного плавания. – ОБ № 325, п. 5.
162. **28 октября.** О выборах Суда чести в Министерстве государственной безопасности СССР. – С-т № 324, п. 222 г. (*контингент участников – 5459 чел.; избрание Суда чести проходило на конференции доверенных*).
163. **1 ноября.** О председателе Суда чести в Министерстве внутренних дел СССР. – С-т № 324, п. 421 г. (*В.С. Рядный*)
164. **21 ноября.** О председателе Суда чести в Министерстве государственной безопасности СССР. С-т № 327, п. 481 г. (*Н.Н. Селивановский*)
165. **28 ноября.** О выборах Суда чести в Министерстве совхозов СССР. – С-т № 330, п. 205 г. (*контингент участников – 660 чел.*)
166. **10 декабря.** О председателе Суда чести в Академии наук СССР. – С-т № 330, п. 455 г. (*Н.В. Цицин*)
167. **26 декабря.** О мероприятиях, проведенных в министерствах авиационной промышленности и электропромышленности в связи с закрытым письмом ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина. – ОБ № 331, п. 3.

1948 год

168. **17 февраля.** О создании Суда чести в ВЦСПС. – С-т № 341, п. 26 (*разрешишь иметь*)
169. **15 марта.** О проведении суда чести в Министерстве госбезопасности СССР. – ПБ № 62, п. 112.
170. **5 апреля.** О Суде чести при Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б). – ПБ № 63, п. 21.
171. О Ковалеве. – ПБ № 63, п. 24 (*дело передать на рассмотрение Суда чести при СМ СССР и ЦК ВКП(б) с освобождением от обязанностей министра*)
172. **8 мая.** Просьба министра речного флота т. Шашкова о проведении Суда чести над научным работником Московского отделения Центрального научно-исследовательского института речного флота Матлиным Г.М. – С-т № 348, п. 248 г. (*отклонена*)

173. 12 мая. Просьба министра речного флота т. Шашкова о проведении Суда чести над научным работником Московского отделения Центрального научно-исследовательского института речного флота Матлиным Г.М. – ПБ № 63, п. 120 (*отклонена*)
174. 18 мая. Просьба министра лесной промышленности т. Орлова Г.М. о передаче дела Радушкевича Л.Е. на рассмотрение Суда чести. – С-т № 350, п. 106 г. (*отклонена*)
175. 22 мая. Просьба министра лесной промышленности т. Орлова Г.М. о передаче дела Радушкевича Л.Е. на рассмотрение Суда чести. – ПБ № 63, п. 153 (*отказана*)
176. 25 мая. Просьба министра промышленности средств связи т. Алексеенко о разрешении рассмотреть в Суде чести дело старшего инженера Технического отдела главка Закс И.Н. – С-т № 350, п. 359 г. (*отклонена*)
177. 28 мая. Просьба министра промышленности средств связи т. Алексеенко о разрешении рассмотреть в Суде чести дело старшего инженера Технического отдела главка Закса И.Н. – ПБ № 64, п. 1 (*отклонена*).
178. 5 июня. О суде чести Комитета информации по делу генерал-майора Малинина. – ПБ № 64, п. 19 (*разрешено проведение и утвержден состав суда чести*).
179. О Министре путей сообщения. – ПБ № 64, п. 22 (*Ковалев освобожден от обязанностей министра, а решение о суде чести в отношении его отменено*).
180. 6 июля. О продлении срока полномочий судов чести, избранных в 1947 г. в министерствах СССР и центральных ведомствах (Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б)). – ПБ № 64, п. 102 (*продлен на один год*)

1949 год

181. 17 июня. Факты массового воровства в органах Министерства пищевой промышленности. – ПБ № 69, п. III (*о привлечении к суду чести руководителей министерства*).
182. 25 июня. О проведении Суда чести при СМ СССР и ЦК ВКП(б) над руководящими работниками пищевой промышленности. – ПБ № 70, п. 43.

ПУШКИНСКИЙ ДОМ КАК НАУЧНАЯ ШКОЛА

К столетию Института русской литературы
Российской академии наук

Ю.М. Прозоров

В общественном сознании утвердилось представление, согласно которому Пушкинский Дом – во многих отношениях особое и даже необычное учреждение, и необычность эта обнаруживает себя уже в его двойном названии: Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Только неискушенному взгляду может казаться, что в этом названии механически сочетаются современная и историческая формы одного и того же понятия, образуя случай то ли синонимии, то ли тавтологии. Между тем, это название отражает и разнородность слагаемых, составляющих здесь неповторимое целое. *Институт русской литературы* – это научно-исследовательский центр, средоточие академических знаний, методов и концепций. *Пушкинский Дом* – это заповедное хранилище, «золотая кладовая» с книгами, рукописями и реликвиями, «комната-сейф» русской литературы.

Любая двусоставность таит в себе потенциал дупольярности и во всяком случае возможность противоречий и противостояний. Тени подобных противостояний пробегают порой и по стенам Пушкинского Дома. Тени, впрочем, неглубокие и недолгие. Потому что каждый в этих стенах понимает, что документальные и мемориальные реликвии, материальные первоисточники русской литературы существуют не для того, чтобы быть запертыми в сундуках «скупого рыцаря», но для того, чтобы изучаться, давать знания, освещать темнеющие своды нашего культурно-исторического прошлого. Научное же осмысление, научное истолкование, концептуализация первоисточников тоже, со своей стороны, наполняют их жизнью и смыслом. Научные и фондовые слагаемые Пушкинского Дома не только невозможно разделить, их нельзя и противопоставлять друг другу, поскольку это взаимодействующие и взаимообогащающие части целостной сложности.

При всем этом проблема воздействия фондов и коллекций на исследовательский процесс и научные методы Пушкинского Дома не подвергнута сколько-нибудь углубленной филологической рефлексии. Понимание же этой проблемы и ее коннотаций прямо связано с содержанием профессионального самосознания академического ученого-филолога.

Русская наука о литературе, как известно, отличается множественностью корней и источников. Совершенно очевидно, на-

пример, что крупную составляющую образует в отечественном литературоведении традиция классической литературной критики с ее морально-общественным пафосом, с ее тяготением к «общеинтересному в жизни» (если использовать определение Н.Г. Чернышевского), с ее, наконец, особыми словесно-стилистическими формами, не чуждыми элементов художественности и представляющими собой самостоятельный литературный феномен. С другой стороны, истоки литературоведческой науки в России с достаточной очевидностью восходят к традициям философско-эстетической мысли, которая в данном случае не может рассматриваться в качестве явления однородного. Это и философская систематика с германской родословной, далеко отбрасывающая свои отсветы, вплоть до литературной теории «русского формализма». Это и метафизическая одушевленность русского философского Ренессанса начала XX столетия, заметным образом сказывающаяся в филологическом творчестве таких выдающихся ученых, как М.М. Бахтин или Л.В. Пумпянский. Это и многое другое.

Что же касается той разновидности филологического познания, которая утверждалась в течение столетия в Пушкинском Доме, то к упомянутым генетическим началам литературоведения она если и имеет отношение, то разве косвенное. Первоисточниками научной школы Пушкинского Дома были во многом, и даже в главном, те ящики и сундуки с первыми коллекциями, которые в 1900–1910-е гг. стояли в вестибюле и под лестницами главного здания Академии наук, смотрящего своими окнами на невскую перспективу. Именно это здание, кстати сказать, имел в виду Александр Блок, когда в феврале 1921 г. писал в стихотворении «Пушкинскому Дому»:

Вот зачем в часы заката,
Уходя в ночную тьму
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

Если прибавить, что главное здание Академии наук располагается на правом берегу Невы, а Сенатская площадь – на левом, и что лирический субъект блоковского стихотворения смотрит на колоннаду и портик этого первого здания Пушкинского Дома с противоположного берега реки, с точки зрения, размещенной возле фальконетова монумента Петру I, *Медного всадника*, то получится справка для историко-литературного комментария, она же молекула научного метода филологической школы Пушкинского Дома. Ибо, еще раз повторим, первоисточниками его научного развития были не философские системы и не литера-

турно-критические программы, но ящики с пушкинскими книгами и рукописями, которые нужно было сберечь, прочитать, описать и понять. А также подаренная внучкой А.П. Керн скамеечка, на которой сживал Пушкин, одно из первых частных пожертвований Пушкинскому Дому.

Пушкинский Дом был рожден мыслью о сосредоточении первоисточников, связанных с биографией и творчеством Пушкина, в одном заповедном месте¹. Почти одновременно с постановкой этой первоначальной задачи спектр интересов первособирателей расширился до всей широты историко-литературных ценностей Нового времени, а потом и средневековья, книжного, рукописного, устно-поэтического. Но как бы ни расширялся, как бы ни менялся, как бы ни обновлялся кругозор филологического сообщества Пушкинского Дома, в основу изучения литературы его традиция всегда ставила одно: первоисточник литературного явления – автограф, документ, факт; если книгу, то лучше всего для изучаемого писателя прижизненную; если бытовую вещь, то мемориальную. Это родовой признак, генетический код той науки, которая рождалась в Пушкинском Доме, выходила и продолжает выходить из него сегодня.

Хорошо известно и само собой разумеется, что Пушкинское хранилище, эти двенадцать тысяч страниц рукописей Пушкина и три тысячи семьсот книг его библиотеки – символическое сердце Пушкинского Дома. Совершенно не случайно одним из ведущих и наиболее репрезентативных научно-исследовательских направлений является здесь пушкиноведение. Не будет, думается, большим преувеличением сказать, что приемы и методы текстологической и исследовательской работы, во всяком случае в области изучения и издания памятников русской литературы XVIII–XX столетий, в Пушкинском Доме представляют собой далеко зашедшую экстраполяцию приемов и методов первородной науки – науки о Пушкине.

Прообразом академических изданий русских писателей-классиков, изданий уже многочисленных, были академические издания сочинений Пушкина. Прообразом летописей жизни и творчества выдающихся представителей русской литературы были ранние хронологии пушкинской творческой и житейской биографии. Опубликовав в 1910 г. каталог «Библиотека А.С. Пушкина

¹ Принятое в 1907 г. «Положение о Пушкинском Доме» гласило: «Пушкинский Дом учреждается в благоговейную память о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине, для собирания всего, что касается Пушкина как писателя и человека». – Факсимильное воспроизведение документа см. в изд.: *Баскаков В.Н.* Пушкинский Дом. Л., 1988. С. 21.

(Библиографическое описание)»², Б.Л. Модзалевский создал прототип описаний писательских библиотек, равно как создал и прототип изданий двусторонней переписки писателя, выпустив в 1926–1928 гг. два тома писем Пушкина и включив в него ряд ответных писем пушкинских корреспондентов (третий том пушкинского эпистолярного наследия был издан в 1935 г. Б.Л. Модзалевским). В разряд подобного рода жанрообразующих филологических изданий выдвигается и серия «Пушкин в прижизненной критике», три тома которой подготовлены и изданы нынешним поколением пушкинистов Института (1996–2003, издание продолжается).

Наука о Пушкине играла и продолжает играть в Пушкинском Доме роль своеобразной первоосновы и первоначала, по отношению к которым другие отрасли историко-литературного знания смотрятся как младшие побеги и дочерние ветви.

Поясним это еще одним многозначительным примером.

В 1979 г. в IX томе серийного институтского издания «Пушкин. Исследования и материалы» была напечатана статья одного из виднейших пушкинистов Института Н.В. Измайлова (в скобках следует заметить, что это был ученый, законченно и полно воплощавший в своей научной личности «пушкинодомский» филологический тип). Статья называлась «О принципах нового академического издания Пушкина». Основываясь на многолетних традициях изучения и издания Пушкина, на опыте академического Полного собрания сочинений Пушкина 1937–1949 гг., Н.В. Измайлов предположил, каковы должны быть содержание и построение академического пушкинского собрания без изъятий, искажений и венаучной редактуры. Им были сказаны вещи во многом хрестоматийные, но хрестоматийное зачастую и есть фундаментальное и основополагающее:

«Как и всякое подлинно академическое издание, т.е. построенное соответственно требованиям филологической науки и научно-эдиционной техники, новое издание должно быть полным как по составу основных текстов всех родов, художественных, эпистолярных, внехудожественных и прочих, так и по составу и характеру аппарата и заключать в себе три составные части:

- а) основные (дефинитивные тексты), тщательно проверенные и установленные по всем имеющимся источникам;
- б) варианты и другие редакции текста, материалы и планы к нему (в зависимости от их наличия);

² См.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9–10.

в) комментарии, содержащие сведения об источниках текста, рукописных и печатных, мотивировку установления основного текста, мотивировку даты (хронологии) произведения, историю замысла и текста, а также – по мере надобности – историко-литературные и реально-энциклопедические сведения»³.

Это программные соображения по поводу лишь одного из ряда изданий Пушкинского Дома, хотя бы и центрального.

При всем том немногое нужно прибавить к этому плану, чтобы возник план изучения литературного памятника вообще, всякого литературного памятника, чтобы составилась перечень основных научных проблем, стоящих перед исследователем истории русской литературы во всей широте этого понятия. Академическое издание классики обнаруживает в пушкинском инварианте такую сущность, которая превращает это издание в своеобразный микрокосм историко-литературного познания в целом.

Отсутствует в этом перечне исследовательских перспектив, если иметь в виду другие большие пути изучения словесного искусства, только, может быть, интерпретационный, герменевтический путь. Из чего не следует, что филология Пушкинского Дома склонна этот путь обходить или с него сворачивать. Во всякой значительной историко-литературной работе, отмеченной признаками институтской школы, обязательно содержится фермент интерпретационного истолкования предмета. Однако интенции понимания здесь никогда не дается неограниченная воля, она никогда не форсирована. В лучших, «золотых» книгах научной школы Пушкинского Дома интерпретация рождается во многом непосредственно, как естественное следствие развертывания материала, как логический итог, вытекающий из совокупности документов и фактов. Интерпретация может существовать даже не будучи прямо изложенной, как это отмечали еще первые читатели книги А.М. Панченко «Русская культура в канун Петровских реформ» (1984). Или же наступая изнутри громадных накоплений малоизвестного, малоизученного, открывающегося только знатоку фактического материала, как это происходит в книге В.Э. Вацура «Лирика пушкинской поры. “Элегическая школа”» (1994).

Этот последний образец исследовательского искусства, если уж называть вещи своими именами, включает в себя великое множество положений, которые демонстрирует именно качество понимания, интерпретационное творческое задание. Будет ли

³ *Измайлов Н.В.* О принципах нового академического издания сочинений Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. С. 10.

это суждение о том, что на рубеже XVIII–XIX вв. прежде всего «чувствительный человек», со всем кодексом своих переживаний и предпочтений, представлялся «прекрасным и в эстетическом смысле»⁴; будет ли это замечание относительно того, что в доромантической культуре осень была неизменно связана с образами и эмоциональным миром сбора урожая, а в культуре раннего романтизма превратилась в «философско-аллегорическую метафору “меланхолии”»⁵; будут ли это размышления относительно эстетического и психологического родства между элегической «сладостной скорбью» и готической (а также балладной) «приятностью ужаса», – эти потенциально теоретические истолкования историко-культурных проблем, эти интерпретационные обобщения не несут на себе ни малейших следов субъективизма или читательского импрессионизма, поскольку венчают собой многосоставные построения из фактов, цитат, названий, всей совокупности историко-литературных материй, порой неразличимо сливаясь просто с изложением материала. Плоды понимания здесь всегда хранят память о том, что они выросли из зерен знания.

В эпоху информационных технологий приходится, впрочем, останавливаться и на комментировании такого понятия, как знание. Позволим себе заметить, что информация как сумма осведомляющих данных – понятие неизмеримо более узкое и элементарное, чем знание. И в большой мере потому, что механистическое. Превращение явлений культуры в информационные блоки включает в себе определенную полезность, однако и до определенной черты, за которой оно не только не обогащает, но и обедняет картину мира и его восприятие. Информация, не подвергнутая духовному преобразованию и переработке, лишь наружно вносит упорядоченность в гуманитарный кругозор, но способна порождать в нем и внутренний хаос. Не говоря уже о том, что информация безлична и имморальна, в то время как знание – достоинство одухотворенной личности, требующее от нее и собирания нравственных сил.

В этой связи не может не обратить на себя внимания традиция библиографических трудов Пушкинского Дома, также, кстати говоря, заложенная библиографами-пушкинистами, в частности, автором ранних библиографий Пушкинианы А.Г. Фоминым⁶.

⁴ Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 23.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ См.: Pushkiniana. 1900–1910 / Сост. А.Г. Фомин. Л., 1929; Pushkiniana. 1911–1917 / Сост. А.Г. Фомин. М.; Л., 1937.

Эта традиция тоже ведь отражает не одну информационную деятельность Института, но и, гораздо более широко, сложившуюся в Институте познавательную культуру. Библиографические указатели Пушкинского Дома хранят на своих страницах историю, например, выработки форм библиографической записи по литературоведению, историю композиционных исканий составителей источниковедческого материала. Весьма характерно для «пушкинскомского» историзма то обстоятельство, что именно в указателях, выпущенных Институтом, утвердился центральный научный принцип расположения записей в библиографической статье по русской литературе – хронологический. Распространенный ранее и до сих пор не везде отмененный алфавитный порядок при всей своей внешней организованности погружает комплекс библиографических материалов в среду логической бесформенности и антиисторизма. Но библиографический текст, выстроенный хронологически, дает не только информационный ряд, но и динамическую картину исторически развивающегося изучения предмета, историю вопроса и нарастания знаний.

Выдающуюся роль в развитии библиографической школы Пушкинского Дома сыграли три фундаментальных справочника, выпущенных в 1960-е гг. Это «История русской литературы XIX в.» (1962), «История русской литературы конца XIX – начала XX вв.» (1968), указатели под редакцией К.Д. Муратовой, а также «История русской литературы XVIII в.» (1968; сост. В.П. Степанов и Ю.В. Стенник, под ред. П.Н. Беркова). До появления этих указателей, общих по своему жанровому типу, классикой жанра оставались указатели А.В. Мезьер, С.А. Венгерова и И.В. Владиславлева, вышедшие в первые десятилетия XX в. После выхода в свет одной «муратовской» библиографии по XIX в. эти книги, замечательные для своего времени, стали разве архаикой жанра. Справочник же К.Д. Муратовой не только сохраняет значение базового библиографического ресурса, книги, воспитавшей уже несколько поколений филологов, но и до сих пор определяет библиографические стратегии Пушкинского Дома, сущность его источниковедческой школы. И сводится эта сущность к тому, что опять-таки больше информации и стоит ближе к знанию как осведомленности осмысленной, в ценностном и смысловом отношении организованной, дифференцированной и иерархичной. Именно такую осведомленность – и там, где нужно, полную, а там, где можно, фрагментарную, – содержат и передают читателю легендарные «муратовские» указатели, книги знаний.

100-летняя история Пушкинского Дома почти совпадает с историей XX столетия, особенно если вспомнить, что первая мысль о его создании родилась еще в преддверии XX века, в дни празднования 100-летнего юбилея Пушкина в 1899 г. История XX столетия, столетия трагического, но во многих отношениях исключительного по своей творческой содержательности, для историков литературы – важнейшая в одном совершенно особенном отношении. В XX веке впервые в истории русской культуры появилась новая и самостоятельная область: литературоведение. Отечественное литературоведение в истекшее столетие, – пришла пора это обдумывать и осознать, – превратилось не просто в значительную отрасль гуманитарной науки и не только в спутника литературы, предпосылки чего складывались еще в XIX в. Оно стало вырастать до значения и масштабов «второй литературы». Именно «второй литературы», так же, как и «первая», имеющей свою периодизацию, свои направления, свои первые, вторые и массовые ряды, свои «литературные памятники», своих классиков. Пушкинский Дом внес в становление этой «второй литературы» неоценимый вклад. И кто же, как не классики, Б.Л. Модзалевский и Н.А. Котляревский, Н.К. Пиксанов и М.К. Азадовский, В.П. Адрианова-Перетц и А.С. Орлов, В.В. Гиппиус и В.И. Малышев, Г.А. Гуковский и Б.В. Томашевский, В.М. Жирмунский и М.А. Цявловский, М.П. Алексеев и Д.С. Лихачев, А.М. Панченко и В.Э. Вацуло! И еще многие из не названных нами замечательных ученых! И еще кто-то из тех, кто работает в Пушкинском Доме сегодня!

ИНСТИТУТ ИМЕНИ ГАМЗАТА ЦАДАСЫ –
ПОЛИГОН ИЗУЧЕНИЯ
И ОСМЫСЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ ДАГЕСТАНА*

Г.Г. Гамзатов

Дорогие и многоуважаемые коллеги и друзья! Высокочтимые гости!

Может быть, мне и не следовало бы сегодня выступать на данной конференции с докладом. Мог бы сидеть тихо, скромно, уткнувшись в свои 80 лет, слушать других. Но существует целый ряд побудительных мотивов, которые не позволяют мне отмалчиваться.

Тема наследия близка мне и облюбована мною с самого начала научной и творческой деятельности. Она составляет предмет моих пристрастий и стала как бы лейтмотивом моей научной идеологии. Ею пронизаны почти все мои книги, статьи, доклады. С данной сферой имел я дело, когда состоял в государственном экспертном совете при президенте Российской Федерации по особо ценным объектам культурного наследия народов. Все еще продолжаю работать в составе научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Являюсь также руководителем научного совета аналогичного предназначения в Дагестанском научном центре. Приятно вспомнить об отошедших 1970-х годах, когда в бытность министром культуры республики Дагестан, значительную долю моих министерских забот и стараний составляли воссоздание, реставрация и охрана памятников истории и культуры. И, наконец, наш Институт языка литературы и искусства ДНЦ РАН всецело посвятил себя святому делу изучения, освоения, охраны, я бы сказал, защиты культурного наследия. Я ведь всего на два года моложе института, в стенах которого провел чуть ли не половину своей жизни. Так что мы со своим институтом почти что ровесники.

Это не случайно, что в первые же годы своего основания институт наш назывался Институтом национальной культуры. Затем название это обрело свою конкретику: Институт истории, языка и литературы. А в последние пятнадцать лет оно трансформировалось в Институт языка, литературы и искусства. В сущности своей сегодня мы имеем своего рода дагестанский научно-исследовательский институт языков и национальных худо-

* Доклад на международной конференции “Наследие как система национальных ценностей: Язык, культура, история” 4 мая 2006 г. Махачкала.

жественных культур, в котором представлен широкий и весьма четко обозначенный спектр языковой жизни, устно-поэтического творчества, художественной литературы, народного и профессионального искусства во всех их разновидностях.

Уникален этноязыковой мир народов Дагестана. Мир этот характеризуется более тридцатью этническими и языковыми единицами. И, естественно, этот мир привлекал к себе пристальное внимание. Еще императрица Екатерина Вторая, ясно сознававшая полиэтническую природу и многонациональный характер государства российского, проявляла интерес к проблеме учета и изучения языков и народов, населяющих великую державу. Она явилась инициатором организации специальных экспедиций и депутатий с целью освоения лингвистической карты Дагестана и Кавказа в целом.

Можно сказать, что вообще научно-изыскательские традиции гуманитарного плана у нас берут начало именно с изучения языковой жизни. Достаточно назвать Дирра и Услара. И это естественно, что наиболее крупным и мощным подразделением научно-исследовательского плана в интеллектуальном Дагестане во все времена было языкознание, лингвистика. Так оно остается и в сию пору. Ибо именно языки являются определяющим началом духовной культуры человечества, человеческой цивилизации. Без языка немислима сама жизнь. Все-таки в начале было слово. Слово и составляет начало начал культурного наследия.

Отсюда, собственно, у нас уходящие в древность традиции письма, отсюда же и тысячелетие дагестанской словесной культуры, нашего словесного наследия. Языки Дагестана и есть высшее средоточие и самое яркое, предметное выражение духовного и культурного наследия народа и науки о наследии, убедительная мотивация и важнейший фактор научного освоения и всемерной охраны языков, одно из наиболее существенных и непрременных условий Европейской хартии, под которой стоит подпись и нашей страны.

Недавно Дагестан, научная общественность Кавказа и всей страны тепло и деловито отмечали 80-летний юбилей Института языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН. Отмечали торжественно и с изрядным чувством гордости за проделанный путь и преодоленные рубежи, за свершения и достижения. Подводились основные итоги деятельности института за весь период существования. Отмечалось, что нами прослежен исторический путь становления и развития духовной и художественной культуры народов Дагестана на протяжении X–XX веков. Воссоздана реальная, объективная и научно-обоснованная картина ее формирования и функционирования. Выявлено, собрано, освеще-

но и введено в научный оборот и в общественное сознание многовековое национальное культурное наследие, представленное совокупным богатством письменных источников, памятников национальной словесности, устно-поэтического творчества, многонациональной поэтической классики. Прослежены национальные и инонациональные истоки художественной культуры народов Дагестана, ее взаимосвязи с ближневосточным, общероссийским и европейским культурными мирами.

Установлены хронология и периодизация историко-культурного прошлого Дагестана, выявлены закономерности зарождения национальной письменности и логика становления литературных норм родных языков, формирования единой многонациональной художественной системы в регионе, обследованы и освещены традиции народного и профессионального искусства Дагестана во всем их многообразии, на всем протяжении их развития.

В области языкознания

- Разработана, внедрена и усовершенствована письменность народов Дагестана на латинской (1928) и кириллической (1938) графической основе; разработаны, введены в жизнь (40-е гг.) и усовершенствованы (1990-е гг.) своды орфографических правил национального письма; составлены первые учебники родных языков и родных литератур для дагестанской национальной школы.

- Подготовлены и изданы первые русско-национальные и национально-русские словари академического типа по шести литературным языкам – аварскому, даргинскому, лезгинскому, кумыкскому, лакскому, табасаранскому (1940–50-е гг. и 1980–90-е гг.); впервые в истории созданы и частью изданы национально-русские словари двадцати дагестанских бесписьменных языков; составлены и представлены к изданию полные орфографические словари академического типа по вышеназванным литературным языкам; разработаны и усовершенствованы терминологические словари дагестанских литературных языков; продолжается реализация широкомасштабной программы работ по составлению толковых, этимологических, диалектологических, отраслевых и других типов словарей литературных языков.

- На основе многолетнего исследования проблем грамматического строя языков и диалектов в целом завершена и апробирована фундаментальная работа по написанию нормативных грамматик шести дагестанских литературных языков с охватом фонетики, морфологии, синтаксиса и лексикологии. Начата работа по осуществлению программы разработки ключевых проблем описательных грамматик дагестанских литературных и бесписьмен-

ных языков, диалектов, говоров, наречий. Подготовлен и издан фундаментальный этнолингвистический справочник «Языки Дагестана» с описанием 31 языковой единицы.

В области фольклористики

- На основе широкопрограммированного собирательского, исследовательского и эдиционного освоения устно-поэтического наследия впервые созданы и опубликованы национальные монографические очерки фольклора шести основных дагестанских народов; разработан и издан фундаментальный коллективный труд «Традиционный фольклор народов Дагестана», в котором обобщен многолетний исследовательский опыт дагестанских фольклористов (1991).

- Продолжается и вступила в заключительную стадию комплексная коллективная работа по реализации многолетнего проекта создания и издания двуязычного свода «Памятники фольклора народов Дагестана» в 20 томах как научно обоснованного и канонизированного национального словесного художественного достояния. Проведена уникальная работа по фронтальному собиранию и изучению русского фольклора на Северном Кавказе.

В области литературоведения

- Осуществлено монографическое изучение литературного наследия народов Дагестана, описание жизни и творчества основоположников национальных художественных традиций, классиков дагестанской литературы; теоретически и практически разработана концепция научной периодизации литературного процесса в Дагестане, выявлены закономерности становления и развития национальной словесности, творческие направления национальных литератур; впервые созданы и изданы очерки истории национальных литератур семи народов, обобщающий труд «История дагестанской советской литературы» в 3-х книгах. Институт вплотную подошел к разработке научных историй национальных литератур аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин и табасаранцев.

- Плодотворным было и остается участие дагестанских литературоведов в создании крупных фундаментальных и общезначимых академических трудов, «История советской многонациональной литературы», «Дооктябрьская литература народов СССР», а также «История всемирной литературы», осуществленных под эгидой Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Продолжается работа по источниковедческому и текстологическому воссозданию дагестанской национальной литературной

классики как достоверного и значимого наследия, а также созданию двуязычных собраний сочинений крупнейших художников слова прошлого и настоящего.

В области искусствоведения

- Созданы фундаментальные монографические труды, охватывающие основные виды и пласты традиционного декоративно-прикладного искусства народов Дагестана, – резьбу по камню, дереву, металлу (гравировка), ковроткачество, национальный орнамент. Создан и издан «Атлас музыкальных инструментов Дагестана» (2003).

- Заложены начала фронтального изучения и научного описания традиционной хореографии, народного театра, национальной зрелищной культуры. Осуществлено монографическое исследование дагестанского национального театра. Налажена работа над созданием «Антологии музыкального фольклора народов Дагестана».

- Опубликована «Очерки истории искусств народов Дагестана», в которых освещен путь становления и развития национального профессионального искусства во всех его видах: театр, музыка, изобразительное и декоративно-прикладное искусство и другие в синтезе их народных и профессиональных начал.

Должен сказать, что в каждой из четырех основных, ключевых областей профессиональной и интеллектуальной деятельности института – языкознании, фольклористике, литературоведении и искусствознании – имеются достижения, реальность и значимость которых получили общественное признание и официальное подтверждение на академическом и государственном уровнях – в государственных наградах, в почетных званиях, в престижных премиях, в огромном множестве реализованных проектов и программ, изданий и публикаций.

Таким образом, из нашего обзора явствует, что дагестанский Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН действительно выступает как центр, как полигон, своего рода лаборатория, где сосредоточены многоплановая коллективная работа гуманитариев по собиранию главных богатств и основных ценностей национального духовного и культурного наследия народов этого удивительного региона. Но разве Дагестан – это исключение? Думаю, что весь наш Северный Кавказ, весь Юг России являет собой уникальный многонациональный регион, в котором так своеобразно и разнообразно представлены история и культура огромного множества наций и народов, организовано фронтальное и обстоятельное изучение богатейшего и уникального духовного и эстетического опыта предков, во имя чего в каждой республике

уже многие десятилетия функционируют национальные центры гуманитарных исследований. Согласитесь, это воистину реальное и великое благо – наши малочисленные народы, наши национальные республики располагают такой мощной и разветвленной сетью опорных интеллектуальных баз и рычагов, совместные творческие усилия которых способны на крупные открытия и свершения. Каждый из этих национальных центров обречен на подвижнический труд, поиск и находки и взятые вместе и консолидированные в единый и мощный поток мы можем свершить чудеса.

В настоящее время на Юге России мы видим и реально ощущаем дух единства нашей страны, единства межэтнического и межнационального, духовного и идеологического, мировоззренческого и нравственного. Мы надеемся и верим, что сегодня перед нами широкое и благородное поле, где должны крепнуть наша дружба и братство. И национальное культурное наследие отнюдь не помеха в этом благородном, благодатном и благодарном поприще. Сегодняшняя наша встреча на дагестанской земле – встреча, где так роскошно представлен практически весь интеллектуальный Кавказ, интеллектуальный Юг России, более того, представлен цвет гуманитарной Москвы, Российской академии наук. Какое это все-таки великолепиие! Дагестанское братское спасибо Вам, дорогие наши друзья и братья. Доброго Вам пребывания на нашей древней земле.

ОБ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ПОДГОТОВКИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ*

В.П. Козлов

Предварительное пояснение: все, о чем пойдет речь в данной статье, в равной степени относится как к архивным учреждениям Российской Федерации, так и к организациям РАН и к другим научным, а также учебным организациям. Однако с 90-х годов XX в. координатором и в значительной степени организатором всей работы по подготовке документальных публикаций в масштабах страны стал Росархив. Это произошло потому, что Росархив, являющийся распорядителем самого крупного информационного массива России, в 90-е годы оказался во главе сначала стихийного, а затем и организованного процесса рассекречивания ранее недоступного документального массива¹. Его введение в научный оборот, в частности путем подготовки и издания документальных публикаций, потребовало определенной упорядоченности, согласованности действий разных учреждений.

Организирующим началом этой работы стал первый Сводный план подготовки и издания документальных публикаций на 1992–2000 гг., утвержденный Бюро Отделения истории РАН и Коллегией Росархива в 1992 г. Этот план включал 157 названий документальных изданий, распределенных по 12 тематическим разделам, охватывавшим российскую и всемирную историю от средних веков до XX века.

Сегодня нельзя не заметить элементов политизации тематики ряда включенных в этот план документальных публикаций, в первую очередь, по истории XX в., впрочем, как и нацеленность этого плана на освоение новых, ранее недоступных или по идеологическим соображениям не привлекавших внимание документальных комплексов.

Но в момент утверждения плана всех волновало не это обстоятельство. Многие члены Коллегии Росархива и Бюро Отделения истории РАН выражали откровенное сомнение в возможности его реализации. Основания для сомнений были. В советские времена в России издавалось в среднем 15–20 сборников архивных документов в год, а с учетом публикаций Централных государств

* Статья была опубликована также в журнале «Новая и новейшая история», 2006, № 4.

¹ См. об этом: *Козлов В.П.* Проблемы доступа в архивы и их использования. – Новая и новейшая история, 2003. № 5.

венных архивов СССР 25–30 названий. К началу 1990-х годов, в результате коммерциализации издательской деятельности и сокращения бюджетного финансирования, архивы, научные и учебные заведения фактически лишились издательских лимитов, вследствие чего издание архивных документов в целом по стране сократилось вдвое, а подготовка многих документальных публикаций была законсервирована.

Однако в сентябре 2000 г., когда подводились итоги реализации этого плана, историки были приятно удивлены. На тот момент в свет вышло 108 названий документальных публикаций, что составило 70% плана, утвержденного в 1992 г. В течение 2001–2005 гг. увидело свет и большинство других включенных в него документальных публикаций, что дает основание считать этот план реализованным. Более того, по объему многие издания превзошли плановые показатели.

Было издано 9 выпусков «Хроники рабочего движения в России»², 3 тома документальной публикации «Меньшевики в 1917 г.»³, 3 тома «Декретов Советской власти»⁴, 3 тома «Приказов Наркома обороны СССР»⁵. Кроме того, за эти годы вне сводного плана вышло в свет еще не менее 40 документальных публикаций, ряд которых оформились в серийные издания. Например, «Деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД»⁶, «Россия. XX век. Документы»⁷ и многие другие. В это же время, пережив немало труд-

² Рабочее движение в России, 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. 1–9. М., 1992–2005.

³ Меньшевики в 1917 году, в 3-х т. М., 1994–1997.

⁴ Декреты Советской власти (сборник). Т. 14. М., 1997; т. 15. М., 1999; т. 16. М., 2004.

⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). Приказы Народного комиссара обороны СССР, 1937 – 21 июня 1941 г. М., 1994; Т. 13 (2–2). 22 июня 1941 – 1942 г. М., 1997; т. 13 (2–3). 1943–1945 гг. М., 1997.

⁶ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939. Документы и материалы, т. 1–3. М., 1998–2003.

⁷ Катюнь: пленники необъявленной войны. М., 1997; Кронштадт, 1921. М., 1997; Лубянка: ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1960. Справочник. М., 1997; Филип Миронов: Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997; Молотов, Маленков, Каганович, 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и др. материалы. М., 1998; 1941 год, в 2-х кн. М., 1998; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б)–ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. М., 1999; Лаврентий Берия, 1953: стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999; Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской пропаганде, март 1953–1958. М., 1999; Россия и США: дипломатические отношения, 1900–1917. М., 1999; Экология и власть, 1917–1990. М., 1999; ГУЛАГ, 1917–1960. М., 2000; Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг., в 5 т. М., 2000; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и др.

ностей, обрел научный авторитет возрожденный журнал «Исторический архив», профиль которого связан исключительно с печатанием ранее не публиковавшихся архивных документов. В прошлом году вышел в свет 75-й номер этого журнала.

Уже с середины 1990-х годов заговорили об «археографическом взрыве» в стране. О его причинах – ниже. Сейчас же напомним о том, что в сентябре 2000 г. Коллегия Росархива и Бюро Отделения истории РАН утвердили второй сводный план документальных публикаций на 2001–2005 гг. Этот план предусматривал подготовку и издание более 300 названий документальных публикаций, сгруппированных по 7 тематическим разделам: от средних веков до новейшего времени.

В декабре 2005 г. мы подвели итоги реализации сводного плана и порадовались успешному ходу дел. В свет вышло около 160 названий документальных публикаций, что составляет приблизительно 60% плана. Подавляющая часть других публикаций находится в издательствах или ждет своих издателей. Общие же показатели документальных публикаций в целом по стране за 2001–2005 гг. существенно превысили план и составили свыше 400 названий.

Таким образом, если в 1992–2000 гг. в среднем по годовым показателям издания документальных публикаций мы оставались на уровне советского времени, то в 2001–2005 гг. превзошли его более чем в два раза. Библиографический указатель «Открытый архив-2»⁸, содержащий описание документальных публикаций, вышедших в свет в России и СССР в 1917–2000 гг., учел 5445 названий. В 1992–2000 г. вышло в свет 996 документальных публи-

материалы. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000; Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и др. материалы. М., 2001; Сибирская Вандея. Документы, в 2-х т. М. 2000–2001; Дети ГУЛАГа, 1918–1956. М., 2002; Советско-американские отношения, 1918–1926. М., 2002; Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации, 1947–1967, в 2-х т. М., 2003; Дело генерала Л.Г. Корнилова, в 2-х т. М., 2003; Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991. М., 2003; Лубянка. Сталин и ВЧК–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003; Процесс над колчаковскими министрами, май 1920. М., 2003; Советско-американские отношения, 1934–1939. М., 2003; Лубянка. Сталин и Главное управление государственной безопасности НКВД, 1937–1938. М., 2004; Советско-американские отношения, 1939–1945. М., 2004; Советско-американские отношения, 1945–1948. М., 2004; Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956. М., 2005; Государственный антисемитизм в СССР: от начала до кульминации, 1938–1953. М., 2005; Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953. М., 2005; Сталинские стройки ГУЛАГа, 1930–1953. М., 2005.

⁸ Открытый архив-2. Справочник сборников документов, вышедших в свет в отечественных издательствах в 1917–2000 гг. М., 2005.

каций – почти пятая часть общего корпуса изданий, что является красноречивым подтверждением «археографического взрыва» в нашей стране.

Разумеется, это формальный показатель. Куда важнее содержательная сторона описанного явления, на которой я и остаюсь.

Прежде всего, возникает вопрос: насколько этот массив публикаций пронизан едиными концептуальными подходами в документальном освещении прошлого, системностью обогащения базы источников, насколько значителен элемент хаотичности, случайности подготовки документальных публикаций за прошедшие годы?

Можно сказать, что в серийных тематических и повидовых документальных публикациях, которые названы в нашей статье, концептуальность и системность присутствуют в полной мере, давая возможность либо проследить динамику развития определенного социального явления или процесса (коллективизации, атомного строительства, развития ВПК, феномена ГУЛАГа и т.д.), либо представить источниковый потенциал определенных видов источников на протяжении всего времени их существования (приказы Наркома обороны, протоколы Главного военного совета РККА, спецсводки ВЧК–ОГПУ–НКВД, журналы заседаний Совета Министров императорской России, разрядные, посольские книги и т.д.).

На этом фоне, разумеется, встречаются и случайные публикации, не раскрывающие сути событий прошлого. К их числу я отнес бы публикации «Экология и власть»⁹, «Советское руководство. Переписка»¹⁰. Отметим, что преобладающий вектор документальных публикаций последних лет связан с внутривластной и внешнеполитической историей и лишь отчасти с историей человека, повседневности.

В 1992–2005 гг. удалось продолжить классические советские академические издания, как например, «Полное собрание русских летописей»¹¹, «Письма и бумаги императора Петра Великого»¹², «Восстание декабристов»¹³, «Декреты Советской власти»¹⁴, «Осо-

⁹ Экология и власть, 1917–1990. М., 1999.

¹⁰ Советское руководство. Переписка, 1928–1941. М., 1999.

¹¹ Полное собрание русских летописей, т. 10–14. М., 2000.

¹² Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 13, вып. 1. М., 1992; т. 13, вып. 2. М., 2003.

¹³ Восстание декабристов. Документы, т. 19, т. 20, М., 2001.

¹⁴ Декреты Советской власти. Т. 14. Апрель 1921. М., 1997; Т. 16. Июнь 1921 г. М., 2004.

бые журналы» Совета министров царской России¹⁵, «Разрядные книги»¹⁶, «Посольские книги», «Русско-китайские отношения в XVIII–XIX вв.»¹⁷, «Внешняя политика России»¹⁸, «Акты Российского государства»¹⁹, «МЭГА»²⁰.

Возникли и в ряде случаев осуществлены полностью новые крупные серийные документальные публикации: «Политические партии России» (публикация получила Государственную премию РФ по науке и технике за 2002 г.), «История сталинского ГУЛАГа» в 7 томах²¹ (отмечена наградами Уполномоченного по правам человека Российской Федерации), «Коминтерн»²², «Культура и власть. От Сталина до Горбачева»²³, «Архивы Кремля»²⁴, «Академия наук в решениях ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС»²⁵, «Совершенно

¹⁵ Особые журналы Совета Министров Российской империи 1909–1917 гг. М., 2000–2002.

¹⁶ Разрядная книга, 1475–1605, т. 4, ч. 1. М., 1994; т. 4, ч. 2. М., 2003.

¹⁷ Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы. Т.1. 1803–1807. М., 1995.

¹⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел, т. 7 (15). М., 1992; т. 8 (16). М., 1995.

¹⁹ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М., 1998.

²⁰ МЭГА (Marx – Engels Gesamtausgabe – нем.) – международное издание полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в 122 томах (около 240 книг), из которых вышли в свет 51 том (95 книг).

²¹ История сталинского ГУЛАГа (конец 1920-х – первая половина 1950-х годов). Сб. документов в 7 т. М., 2004–2005.

²² Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998; Коминтерн и Латинская Америка. М., 1998; Коминтерн против фашизма. М., 1999; Коминтерн и вторая мировая война, ч. 1. М., 1994; ч. 2. М., 1998; ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. М., 2001; Коминтерн и гражданская война в Испании. М., 2001; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы, т. 4, ч. 1–2. М., 2003; Коминтерн и Африка. СПб., 2003; Коминтерн и Финляндия, 1919–1943. М., 2003; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943. М., 2004.

²³ Идеологические комиссии ЦК КПСС, 1958–1964 гг. Документы. М., 1998; Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М., 2000; Аппарат ЦК КПСС и культура, 1953–1957. Документы. М., 2001; Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. М., 2002; Институты управления культурой в период становления, 1917–1930-е гг. Партийное руководство, государственные органы управления: схемы. М., 2004; Цензура в Советском Союзе, 1917–1991. Документы. М., 2004; Аппарат ЦК КПСС и культура, 1958–1964. Документы. М., 2005; Кремлевский кинотеатр, 1928–1953. Документы. М., 2005.

²⁴ Политбюро и церковь, 1922–1925 гг., в 2-х кн. Новосибирск – М., 1997–1998; Судебный процесс над социалистами-революционерами. Сб. документов. М., 2002; Президиум ЦК КПСС, 1954–1964, в 3-х т. М., 2003.

²⁵ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, 1922–1991. Т. 1. 1922–1952. М., 2000.

секретно. Лубянка – Сталину» (вышло 7 томов)²⁶, «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД»²⁷, «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР»²⁸, «Атомный проект СССР»²⁹, «Трагедия советской деревни»³⁰, «Военнопленные в СССР»³¹, «Советская военная администрация в Германии»³², «Общество и власть. Российская провинция»³³.

Расширяется подготовка «трансграничных» документальных публикаций, основанных на архивных документах разных стран. В числе таких изданий «Красноармейцы в польском плену»³⁴, «Польские военнопленные в Советской России в 1919–1921 гг.» (в печати), «Мировые войны в истории XX века»³⁵. Международные документальные публикации открывают большие возможности для сопоставительного анализа исторических фактов, событий, явлений, исторического процесса в целом.

Документальные публикации последних 15 лет не просто ввели в научный оборот ранее неизвестный или недоступный массив ретроспективной документной информации. Они сделали известными ранее скрытые или не востребуемые по политическим и идеологическим соображениям документные системы и подсистемы, типы и виды документов официального и неофициального документирования жизнедеятельности государства, общества, личности.

Среди систем и подсистем официального документирования следует прежде всего назвать партийную документацию КПСС, отраженную в документальных публикациях «Протокольные записи, стенограммы заседаний и постановления Президиума ЦК

²⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.), т. 1–7. М., 2001–2004.

²⁷ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939. Документы и материалы, т. 1–3. М., 1998–2003.

²⁸ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР, 1900–1963. Документы и материалы, т. 1, 2. М., 2004.

²⁹ Атомный проект СССР. Документы и материалы, в 3-х т. М., 1998–2002.

³⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939. Документы и материалы в 5 т. М., 1999–2004.

³¹ Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000.

³² Фонды Советской военной администрации в Германии в Государственном архиве Российской Федерации, ч. 1, 2. М., 2004; Деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по демилитаризации Советской зоны оккупации Германии, 1945–1949. Сб. документов. М., 2004.

³³ Общество и власть. Российская провинция, 1917–1980-е гг. В 3 т., М. – Н. Новгород – Париж, 2002–2005.

³⁴ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сб. документов и материалов. М. – СПб., 2004.

³⁵ Мировые войны XX века. В 4 кн. М., 2002.

КПСС»³⁶, «Лаврентий Берия»³⁷, «Совещания Коминформа»³⁸, «Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний»³⁹, «Политбюро и церковь».

В публикации «Секреты Гитлера на столе у Сталина»⁴⁰ нам приоткрылись системы документирования советской разведки и контрразведки.

Публикации «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину», «Следственное дело патриарха Тихона»⁴¹ и особенно издание «Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне»⁴², дают возможность понять системы и подсистемы документирования, сбора, обработки и использования информации во внутренних спецслужбах Советской власти. Документальное издание «Главный военный совет РККА»⁴³, ряд других публикаций позволяют общественности узнать о системах документирования, существовавших в военной сфере.

Археографические предисловия к документальным публикациям с характеристикой документальных комплексов, из которых отбирались документы для изданий, еще больше усиливают их источниковую значимость.

Неофициальное документирование, отраженное в документальных публикациях последних 15 лет, характеризуется массовостью, разнообразием видов и ценностью источников. Это, прежде всего, дневники, причем не только известных деятелей, но и главным образом «простых людей». Среди них можно назвать дневник школьницы Нины Луговской⁴⁴, зафиксировавший ее размышления над событиями 30-х годов XX в., или дневник Г. Эфрона, сына Марины Цветаевой, содержащий подневную запись событий его жизни 30-х – начала 40-х годов XX в.⁴⁵

³⁶ Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. В 3-х т. Т. 1. Черновые и протокольные записи заседаний, стенограммы, постановления. М., 2003.

³⁷ Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

³⁸ Коминформ. Протоколы трех совещаний: 1947/1948/1949. Милан, 1994.

³⁹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919–1952. Каталог в 3-х т. М., 2000–2001.

⁴⁰ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март–июнь 1941 г. М., 1995.

⁴¹ Следственное дело патриарха Тихона. Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.

⁴² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1–3, М., 1995–2003.

⁴³ Главный военный совет РККА, 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г. Документы и материалы. М., 2004.

⁴⁴ Луговская Н. Хочу жить... Из дневника школьницы: 1932–1937. М., 2004.

⁴⁵ Эфрон Г. Дневники. В 2-х т. М., 2005.

Немало внимания в документальных публикациях последних лет уделено письмам граждан «во власть». В этой связи можно назвать публикации «Голос народа»⁴⁶, «Письма Великой Отечественной»⁴⁷, личную переписку, например, «Суздальские письма» известного экономиста Н.Д. Кондратьева из тюрьмы⁴⁸.

В качестве заметного явления во введении в научный оборот документации неофициального происхождения следует отметить появление большого количества документальных публикаций фотодокументов. Это не фотоальбомы, издание которых было популярно в советское время, а именно публикация фотодокументов как исторических источников с их осмысленными подборками по определенным темам. Среди наиболее заметных документальных изданий можно назвать «Иркутск на почтовых открытках»⁴⁹, «Челябинская область в фотографиях»⁵⁰, «Российская империя в фотографиях»⁵¹, «В фокусе времени»⁵². Публикации документов неофициального происхождения «очеловечили» историю России XX в.

За последние 15 лет сформировался новый тип документальных публикаций, которые можно назвать тематической каскадной документальной публикацией. В основу такой публикации берется не какая-то одна, одного уровня, документальная среда, а документальные отложения нескольких уровней, позволяющие представить в документальной публикации процесс инициирования, выработки, принятия и реализации определенного решения. Классическими примерами тематических каскадных документальных публикаций являются издания «Трагедия советской деревни» и «Атомный проект СССР». В них включены «документальные цепочки», начинающиеся с решений Политбюро и заканчивающиеся документацией колхозов и заводов.

Последние 15 лет примечательны также, поначалу робкими, попытками создания и издания документальных публикаций не в традиционной типографской, а в технотронной форме с использованием современных информационных технологий. Если пона-

⁴⁶ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998.

⁴⁷ Письма Великой Отечественной. Из фондов ЦДНИТО. Сб. док. Тамбов, 2005.

⁴⁸ Кондратьев Н.Д. Суздальские письма (1932–1938). М., 2004.

⁴⁹ Иркутск на почтовых открытках: 1899–1917. М., 1996.

⁵⁰ Челябинская область в фотографиях, т. 1–5. Челябинск, 2001–2005.

⁵¹ Российская империя в фотографиях, конец XIX – начало XX века. Альбом. СПб., 2004.

⁵² В фокусе времени. Фотоальбом М.П. Дмитриева. Нижний Новгород, 1996.

чалу компакт-диски использовались как носители набранного на компьютере текста, то сегодня мы имеем немало технотронных документальных публикаций, использующих богатый потенциал современного программного обеспечения для решения археографических задач. Такие публикации в традиционной книжной форме были бы просто немыслимы, либо требовали очень больших интеллектуальных и материальных затрат. Среди технотронных документальных публикаций можно назвать: «Сталинские расстрельные списки»⁵³, «Чувашский край во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.»⁵⁴, «Новосибирская область в годы Великой Отечественной войны»⁵⁵. В настоящее время технотронные документальные публикации успешно конкурируют с традиционными бумажными. Примечательно, что безусловное первенство в издании источников на электронных носителях принадлежит не федеральному центру, а регионам России.

Приходится констатировать далеко не равноценный археографический уровень документальных публикаций последних 15 лет. Можно было бы назвать немало изданий, представляющих собой всего лишь коммерческий, а не научный отклик на конъюнктуру книжного рынка, а потому игнорирующих элементарные археографические требования к воспроизведению документальных текстов, их комментированию, отбору, систематизации. К сожалению, пусть в меньшей степени, чем к изданиям, осуществленным в субъектах Российской Федерации, эта констатация относится и к ряду публикаций федерального уровня, в частности, к первым томам серийной документальной публикации «Россия. XX век», издающейся фондом «Демократия».

При подготовке тематических документальных публикаций по новой и новейшей истории, основанных на больших массивах документов, нерешенной археографической проблемой по-прежнему остается формулировка и реализация критериев отбора документов. Анализ более сотни археографических предисловий к таким публикациям говорит о том, что почти во всех них отсутствуют полноценные критерии отбора документов. Они подменяются перечислением проблематики, т.е. формулировкой вопросов, которые составители намерены осветить на основе документов. Это – опасное явление, создающее условия не для отбора, а для субъективного подбора документов для публикации. Одним

⁵³ Сталинские расстрельные списки. Электронный ресурс. М., 2002.

⁵⁴ Чувашский край в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Электронное издание Государственного исторического архива Чувашии. Чебоксары, 2003.

⁵⁵ Новосибирская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Мультимедиа-хрестоматия. Новосибирск, 2004.

из редких исключений в этом ряду является документальная публикация «История сталинского ГУЛАГа», составители которой впервые попытались (к сожалению, далеко не во всем успешно) объяснить, на основе каких критериев из более чем миллиона документов они остановились на приблизительно двух тысячах, включенных в публикацию.

Другой болевой точкой археографии современных документальных публикаций остается комментирование. Эта проблема приобрела особую остроту при публикации документов по новейшей истории в первой половине 90-х годов XX в. в связи с отсутствием необходимых справочных пособий. Сегодня эта проблема уже не столь остра, но она не утратила актуальности.

И, наконец, последняя особенность, которую следует учитывать при характеристике научно-познавательного и археографического аспектов документальных публикаций, связанных с освоением документальных комплексов XX в.

Публикации, относящиеся к новейшему времени, остро поставили проблемы этического плана. В документах по истории XX в. упоминаются или являются главными персонажами еще недавно жившие, или сейчас живущие люди, их родственники, потомки. Документы новейшего времени подчас с беспощадной откровенностью зафиксировали человеческие слабости, болезни и пороки. Этическая сторона публикаций по новейшей истории – это очень острая проблема и не хотелось бы здесь заявлять о своем понимании ее разрешения. Заметим лишь, что в 1996 г. в Пекине на Конгрессе Международного совета архивов был почти единогласно принят «Этический кодекс архивиста», в котором, на наш взгляд, содержались превосходные положения, но имеющие характер лишь рекомендаций. Россия проголосовала за этот документ. К большому сожалению, в некоторых документальных публикациях рекомендательные нормы этого кодекса были проигнорированы.

В декабре 2005 г. был утвержден третий за последние 15 лет сводный план подготовки и издания документальных публикаций – на 2006–2010 гг. Этот план, согласованный с Бюро Отделения историко-филологических наук РАН, включает 267 названий сборников документов в 302 томах, сгруппированных по 5 тематическим разделам, охватывающим период с XIV в. по конец XX в.

План предусматривает продолжение прежних серийных изданий, таких как «Акты Российского государства», «Писцовые и переписные книги», «Движение декабристов», «Полное собрание русских летописей», «Декреты Советской власти», «Коминтерн», «Культура и власть», «Архивы Кремля», «Общество и власть. Российская провинция», «Советская военная администрация в Германии», «История создания и развития оборонно-промышлен-

ного комплекса России и СССР» и других, а также подготовку новых серийных изданий – «Архивы Сибири», «Выдающиеся москвичи», «Власть и церковь».

Как и два предыдущих сводных плана, этот план опубликован. Важно отметить несколько его особенностей, связанных с организационно-финансовой стороной дела. Но, прежде чем говорить о них, следует охарактеризовать организационно-финансовый опыт реализации первых двух сводных планов. Кратко его можно обобщить в нескольких пунктах.

Первое. Финансирование подготовки и издания документальных публикаций в 1992–2005 гг. осуществлялось одновременно из нескольких источников. Назову их в порядке убывания финансового вклада: Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) и Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), федеральный бюджет, зарубежные фонды, научные и учебные организации, «Программа поддержки полиграфии и книгоиздания в России», бюджеты субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, программа «Патриотическое воспитание граждан России», спонсорская поддержка.

Второе. Исключая РГНФ и зарубежные фонды, научные и учебные организации, нам не удавалось сохранять единый источник финансирования подготовки и издания документальных публикаций. Риск подготовить, но не опубликовать сборник документов всегда оставался сдерживающим фактором более широкого освоения архивов России, причем, прежде всего в рамках академических документальных публикаций, рассчитанных на специалистов.

Третье. При подготовке документальных публикаций по истории XX века нам не всегда удавалось синхронизировать процесс подготовки документальных публикаций с обычно формальным процессом рассекречивания документов. Громоздкая, затратная процедура рассекречивания не только тормозила подготовку документальных публикаций, но и иногда просто срывала их. Так случилось, например, со вторым томом публикации «Академия наук в решениях КПСС». Такая ситуация резко сократила финансовые вложения в подготовку и издание документальных публикаций наших зарубежных партнеров, которые справедливо решили не рисковать.

Четвертое. Время и опыт произвели естественный отбор и профилирование осуществляющих документальные публикации издательств, которые своими деловыми качествами, редакторскими возможностями, безупречно выполнявшимися договоренностями выдержали конкурентную борьбу и сегодня пользуются заслуженным авторитетом.

С учетом этих организационно-финансовых выводов мне и хотелось бы прокомментировать третий сводный план документальных публикаций на 2006–2010 гг.

Условия реализации третьего плана несколько иные, чем первых двух. Прежде всего, принятый в 2004 г. Закон Российской Федерации «Об архивном деле в Российской Федерации и архивах» впервые в истории российского архивного дела закрепил за архивами страны право подготавливать документальные публикации. Следствием этой нормы закона стала одна из позиций Федеральной целевой программы «Культура России», принятой Правительством РФ на 2006–2010 гг. Согласно этой программе на подготовку документальных публикаций выделяются финансовые ресурсы. Таким образом, сегодня перед нами стоит задача выбрать в третьем сводном плане документальных публикаций те из них, подготовка которых отвечает сегодняшним потребностям российской науки. Думаю, что совместными усилиями мы сможем определить этот перечень подготовки документальных публикаций на ближайшее пятилетие. Но дальше неизбежно встанет вопрос с их изданием. По большому счету, внутрисистемные ресурсы разрешения этой проблемы связаны с тремя источниками.

Первый из них – Федеральная программа «Культура России», предусматривающая книгоиздание «социально и общественно значимой литературы». Нам нужно работать в этом направлении и, несмотря на его непрозрачность, иметь в виду, что все же несколько десятков документальных публикаций последних лет появились благодаря именно этой программе.

Второй источник – РГНФ. Вследствие высочайшей степени прозрачности его действий, важно договориться о следующем: если Росархив совместно с РАН и экспертами РГНФ сможет определить те документальные публикации, подготовка которых будет осуществляться в рамках Федеральной программы «Культура России», то РГНФ мог бы профинансировать их издание. Подготовка и издание других документальных публикаций в рамках конкурсов РГНФ осуществляются на общих основаниях.

Третий источник – федеральная программа «Патриотическое воспитание граждан России». Нам удалось в рамках этой программы издать ряд академических документальных публикаций, в частности «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР», «Молодая гвардия» – художественный образ и историческая реальность»⁵⁶.

⁵⁶ «Молодая гвардия» (г. Краснодон) – художественный вымысел и историческая реальность. Сб. документов и материалов. М., 2003.

Внероссийские финансовые ресурсы подготовки и издания документальных публикаций на ближайшие пять лет связаны с нашими традиционными партнерами из Австрии, Германии, Греции, Италии, США, Франции, Японии. Это небольшой, но проверенный круг в основном научных и учебных организаций, архивных учреждений, пользующихся финансовой поддержкой различных фондов. Им хорошо известны наши принципиальные позиции в понимании равноправного сотрудничества, например обязательное первоочередное издание документальных публикаций в России и на русском языке.

Другой особенностью подготовки документальных публикаций на ближайшие пять лет станет то обстоятельство, что публикации по истории XX в. в большей степени, чем прежде, синхронизированы с планом рассекречивания предназначенных для них документов. Пятилетний план рассекречивания утвержден Межведомственной комиссией по защите государственной тайны; он формировался нами с учетом заявок академических институтов и предложений архивов и рассчитан, в первую очередь, именно на подготовку документальных публикаций.

В заключение хотелось бы отметить, что никогда документальные публикации не смогут подменить исторические исследования. Документальные публикации являются базой исторических исследований. От того, насколько фундаментальна и квалифицированно издана источниковая база, на основе которой историк создает свой труд, зависят результаты. Поэтому столь высока степень ответственности перед Историей тех людей, которые занимаются подготовкой архивных документальных публикаций.

ОБ ИЗДАНИИ СЕРИИ «ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ»

В.А. Кучкин

24 декабря 1834 г. Николай I подписал представленный ему доклад министра народного просвещения С.С. Уварова об образовании при Министерстве особой «небольшой Коммиссии для издания в свет важнейших и любопытных актов, относящихся до отечественной истории, собранных ... Строевым и заключающихся в 10 томах in folio»¹. После публикации этих актов предусматривалось, «расширив и преобразовав Коммиссию, предназначить оную к изданию недостающего у нас систематического и полного собрания источников отечественной истории. Подобные собрания существуют для Истории почти у всех Европейских народов; мы же не имеем доселе и правильного издания летописи Нестора. Таковое собрание, начиная с Нестора, отца Русской Истории, должно содержать в себе: 1) Летописи; 2) Степенную и Родословные книги; 3) Хронографы, Разряды и Биографии; 4) Грамматы, Послания, Путешествия и т.д. План, по которому это собрание должно быть составляемо, требует зрелых размышлений и соображения...»².

По новому указу Николая I от 18 февраля 1837 г. Комиссия получила название Археографической. В ней были образованы две редакции: летописей и других собственно исторических источников и государственно-юридических актов. На первую редакцию возлагалось «систематическое издание в свет источников Отечественной Истории». На работу всей Комиссии ассигновывалось 4000 рублей в год, денежные средства от продаж изданий Комиссии составляли ее собственность и, как гласил указ, «употребляются преимущественно на издание исторических материалов»³.

В 1846 г. был издан 1 том «Полного собрания русских летописей», где была напечатана Лаврентьевская летопись. В него была включена общая программа издания серии и археографические правила публикации. Но еще раньше, в 1841 г., был опубликован 3 том, содержащий Новгородскую I, Новгородскую II и Новгородскую III летописи, а в 1843 г. сотрудники Комиссии опублико-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX, отд. II. СПб., 1835. № 7696. С. 288.

² Там же.

³ Там же. Т. XII, отд. I. СПб., 1838. № 9951. С. 98.

вали 2 том серии, заключавший тексты Ипатьевской и Густынской летописей. Всего до 1918 г. Археографическая комиссия издала 23 тома ПСРЛ. Несмотря на то, что это издание имело немало изъянов, «Полное собрание русских летописей» стало лучшей публикацией памятников русского летописания, поскольку включало в себя наиболее важные, с точки зрения древности и полноты исторического материала, летописные своды.

Тома серии печатались только в Петербурге, причем Археографическая комиссия предпочитала иметь дело с одной типографией. Сначала это была типография Эдуарда Праца (1841–1862 гг.), а затем типография И.Н. Скороходова – М.И. Александрова (1897–1914 гг.).

В первые 12 лет Советской власти из печати вышло 8 томов ПСРЛ. Но следует иметь в виду, что основная работа, плоды которой научная общественность увидела в 1918–1929 гг., была проведена еще до 1914 г. Тома выходили под маркой той же Археографической комиссии, хотя в 1926 г. она была слита с Постоянной исторической комиссией и превратилась в Историко-археографическую комиссию при АН СССР.

После 1929 г. издание летописей в СССР было прекращено. В результате разгрома исторической науки в 1929 – 1930 гг. исчезли кадры специалистов, сами памятники русского летописания были оценены как произведения монархического характера, а потому запрещены к печатанию.

Запрет был снят после Великой Отечественной войны. В 1947 г. была издана книга Д.С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение», где ясно прозвучала совсем иная нота в оценке русского летописания, а в 1949 г. опубликован очередной 25 том Полного собрания русских летописей. Он был подготовлен к печати М.Н. Тихомировым и сотрудниками Отдела рукописей Государственного Исторического музея, но печатался по распоряжению председателя Археографического совета Института истории АН СССР академика Б.Д. Грекова. В том вошел Московский свод конца XV в. До распада СССР за 1959 – 1991 гг. было опубликовано еще 13 томов ПСРЛ (тт. 26–38). Тома печатались под грифом Института истории АН СССР (с 1975 г. – Института истории СССР) или под грифом Ленинградского отделения этого Института (тт. 28, 33, 37 и 38; последний – дополнительно под грифом Библиотеки АН СССР). Том 36 – дополнительно под грифом Сибирского отделения АН СССР. Набор производился в типографиях Ленинграда и Москвы (с 1965 г.).

Отражением интереса общественности к изданию серии стали масштабные репринтные переиздания вышедших ранее томов.

В 1962–1965 гг. в СССР под наблюдением академика М.Н. Тихомирова репринтом были изданы тома 1, 2, 9–14 и 15 (куда вошел и вып. 1 тома 15) ПСРЛ.

В 1970–1973 гг. издательствами Brucken-Verlag (Дюссельдорф, Западная Германия) и Europe-Printing (Вадуц, Люксембург) было осуществлено репринтное издание первых 23 томов ПСРЛ, опубликованных в России в 1841–1914 гг.

В Российской Федерации к настоящему времени издано 5 томов серии. В 1994 г. издан том 39 под маркой ИРИ РАН в Москве в издательстве «Наука», в 1995 – том 41 под грифом ИРИ и еще трех учреждений в получастном издательстве «Археографический центр», о других томах речь пойдет далее.

В 1997 г. приступил к изданию томов «Русских летописей» Александр Иванович Цепков. А.И. Цепков возглавляет небольшую строительную фирму в Рязани. К настоящему времени он издал уже более 12 томов своей серии.

В подавляющем большинстве случаев основу отдельного тома составляет текст той или иной летописи, изданной в серии «Полное собрание русских летописей». Но к основе А.И. Цепков прибавляет разные дополнения. Так, во 2 томе «Русских летописей» напечатана Воскресенская летопись, а кроме нее – «Путешествие ибн-Фадлана на Волгу», затем перечень древнерусских архитектурных памятников домонгольского времени. В 4 томе перепечатаны Львовская летопись и «Записки Жолкевского». В томе 6 – Тверская летопись и Наказ 1643 г. русскому посольству к турецкому султану. В томе 9 – Типографская летопись и «Славянская хроника» Гельмольда, изданная Л.В. Разумовской в 1963 г. в рамках другой академической серии – «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы».

Как передаются в серии «Русские летописи» тексты летописных памятников, изданных в «Полном собрании русских летописей»? Надо сказать, что в большинстве случаев это не репринтное повторение прежних публикаций. А.И. Цепков при перепечатке текста исключает все древнерусские буквы, подвергая кардинальной модификации правописание источников.

К томам составляются указатели, обычно именной и географический, причем составителем является сам А.И. Цепков. Качество этих указателей можно продемонстрировать на примере 7 тома «Русских летописей», где напечатана Ермолинская летопись, а заодно и изданные в 1851 г. Родословные книги. В Указателе лиц фигурирует Андрей Иванович, князь боровский. Речь идет о третьем сыне Ивана Калиты Андрее. Он умер в 1354 г. Боровск был присоединен к Москве в княжение Дмитрия Донского, т.е. после 1359 г. Следовательно, Андрей Иванович никак не мог

быть боровским князем. В указателе включено имя Брех Некомат и дана отсылка на Некомат. Там читаем: «Некомат (Нехомат), брех». Имя превратилось уже в неизвестную составителью указателя то ли должность, то ли специальность, а сам Некомат раздвоился, поскольку под Некоматом Брехом указан Некомат Суроженин.

В Географическом указателе названа река Безпута, а через несколько строк – река Беспута. На самом деле в летописи имеется в виду одна и та же река Беспута – правый приток Оки в ее среднем течении. В рассказе о рождении в 1415 г. будущего Василия Темного в Ермолинской летописи упомянут некий старец московского монастыря «Ивана Предтечи, иже подъ Боромъ». Последнее слово в 1910 г. было по ошибке набрано с большой буквы. А.И. Цепков решил, что упоминается какое-то географическое название, и внес слово «Бор» в географический указатель, хотя в идентичный указатель к изданию Ермолинской летописи 1910 г. такое слово не включено. Под буквой «н» в указателе значится название города «Новый Торг» и совершенно отдельно от него под буквой «т» название «Торжок», хотя это одно и то же. Почему-то попали в географический указатель «ярославские бояре». Низкий археографический уровень издания, недостаточное знание персоналий русской истории, древних географических объектов, что нашло отражение в указателях, делают, по нашему мнению, издания А.И. Цепкова малоценными в научном отношении.

В том же 1997 г. начал свою деятельность по изданию летописей бывший работник военного завода Алексей Джанаядинович Кошелев. В Предисловии издателя к репринтному воспроизведению 1 тома ПСРЛ (по публикации 1926–1928 гг.) А.Д. Кошелев обосновывал повторение томов серии ПСРЛ тем, что они давно стали библиографической редкостью. «Поэтому сейчас, – писал он, – главная задача нам видится в том, чтобы сделать рукописные памятники доступными широкому кругу исследователей». Почему воспроизводство старых изданий означает большую доступность рукописных памятников, понять невозможно. Как невозможно понять, почему под одной обложкой вместе с копией издания 1926–28 гг. Лаврентьевской летописи в 1 томе ПСРЛ А.Д. Кошелевым была опубликована работа О.В. Творогова «Лексический состав «Повести Временных лет»». Во-первых, работа О.В. Творогова посвящена не всей Лаврентьевской летописи, а лишь ее начальной части. Во-вторых, и это основное, грубо искажался выработанный на протяжении полутора столетий принцип издания ПСРЛ как исключительно летописных памятников, а не исследований о них. Дело, однако, заключалось в том, что издателем, видимо для получения субсидий и дотаций,

а также для более успешной реализации выпускаемых книг простое репринтное повторение ранее вышедших томов ПСРЛ было решено выдать за новое, второе издание. Оно должно было хотя бы формально отличаться от прежних публикаций. Поэтому тома сопровождалась новыми предисловиями, и в издания вводились тексты не только памятников, но и тексты исследований, причем не всегда высокого качества. Так, в том 3, содержащий ранние новгородские своды, были включены работы Л.В. Столяровой «Записи исторического содержания на Студийском уставе конца XII в.» и Т.В. Гимона «Летописные записи на пасхальных таблицах в сборнике XIV в.». Если работа Л.В. Столяровой имела хоть какое-то отношение к Новгороду (Студийский устав принадлежал новгородскому Благовещенскому монастырю), то записи на пасхальных таблицах отношения к Новгороду не имели. События, отраженные в записях (например, смерть в Костроме князя Бориса Андреевича, рождение у Михаила Ярославича Тверского сына Дмитрия, моровое поветрие 1319 г.), совершенно не фиксируются в новгородских летописях. Очевидно, что 3 том ПСРЛ в издании А.Д. Кошелева произвольно разбавлен не относящимися к новгородским летописным памятникам материалами.

Но это не единственное нововведение издания. В томе была опубликована Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, в свое время подготовленная к печати А.Н. Насоновым и увидевшая свет в 1950 г., но не в серии ПСРЛ, а в качестве отдельного академического издания. Включение А.Д. Кошелевым насоновского издания НПЛ в серию ПСРЛ означало, что всю серию формируют уже не научные структуры РАН, а издатель, хотя вся его серия базируется именно на академических изданиях.

Точно так же сформировал издатель 5 том своего ПСРЛ, где в двух выпусках были напечатаны, соответственно, 1 и 2 тома «Псковских летописей», подготовленные к печати А.Н. Насоновым и изданные Академией наук вне серии ПСРЛ.

Подавляющее большинство томов кошелевского издания ПСРЛ имеют предисловия, подписанные доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником ИРИ РАН Б.М. Клоссом. А в них можно найти, на наш взгляд, немало спорного. Так, в «Предисловии» к 1 выпуску 6 тома Б.М. Клосс сообщил, что текст летописного памятника им «разделен на слова по современной орфографии». В Предисловии ко 2 тому ПСРЛ, содержащему Ипатьевскую летопись, Б.М. Клосс указал, что к спискам Ипатьевской летописи относятся списки РГАДА, ф. 181, № 10 и БАН, 17. 11. 9. В научной литературе о Ипатьевской летописи эти

списки не фигурируют. И понятно, почему. Список из РГАДА представляет собой копию Ипатьевской летописи, снятую коллежским регистратором Петром Большаковым и переданную в МГА МИД в 1816 г. Список из БАН – копия той же летописи, снятая в 1819 г. В.Г. Анастасовичем. Таким образом, автор Предисловия приравнивал к спискам Ипатьевской летописи две писарские копии с нее, снятые в 10-е гг. XIX в. Между тем, еще в 1846 г. Археографическая комиссия сообщала о получении комиссией 167 древних рукописей, нужных для издания ПСРЛ. Именно древние рукописи упоминались до Б.М. Клосса во всех изданиях русских летописей, поскольку их изучение дает основу для суждений о протографе летописного памятника, его редакциях, изводах, местах бытования и распространения. Писарские копии уже с введенного в научный оборот летописного свода вряд ли могут пролить свет на историю текста, а потому не могут рассматриваться как самостоятельные списки памятника.

В Предисловии к 15 тому Б.М. Клосс критически высказался в адрес Н.П. Лихачева и Л.Л. Муравьевой, неточно определивших водяные знаки рукописи, содержащей Рогожский летописец. Н.П. Лихачев указал на 7 филиграней вместо 10, а Л.Л. Муравьевой «вместо потетрадного принципа описания филиграней применен ничего не значащий принцип полистной фиксации». Но в рукописи нами обнаружено не 7 и не 10 филиграней, а 11. Что касается принципов описания, то в своем Предисловии Б.М. Клосс указал на лл. 438–440, где фиксируется водяной знак «полуподкова», и на лл. 414–416 и 447–449, где просматривается филигрань «рожок в сердцевидном щите, над которым геральдическая лилия». Если здесь применен весьма значащий «потетрадный принцип описания филиграней», то неясно, каким образом составлялись тетради из 3 листов. Б.М. Клосс также сообщает, что филигрань «олень» есть на лл. 92–97, но затем говорит, что на лл. 93–96 просматривается филигрань «полуподкова»; та же самая филигрань «полуподкова» видна на лл. 215–216, а далее утверждает, что на лл. 214–217 расположена филигрань «женская фигура с цветком». Эти противоречащие друг другу данные свидетельствуют, что Предисловие неточно характеризует рукопись, использованную при издании.

Следует сказать, что до 2000 г. 15 том ПСРЛ не имел указателей. В кошелевском издании указатель есть, но один, а не два, как в других томах. Это указатель лиц. В указатель попали князья Рюрик Ольгович и Роман Глебович. Первый упоминается в статье 1203 г. Рогожского летописца, где рассказывается о взятии Киева «Рюрикомъ Олговичемъ и всею силою половечьскою». По нашему мнению в источнике допущена описка. Киев был взят

князем Рюриком Ростиславичем и черниговскими Ольговичами. Роман Глебович упоминается в том же летописце в статье 1206 г. Сообщается, что он погиб в походе на поляков. Князя Романа Глебовича источники не знают. В Рогожском летописце допущена ошибка в отчестве князя. Речь там, очевидно, идет о знаменитом князе Романе Мстиславиче, убитом в 1205 г. поляками в битве при Завихосте.

Помимо включения в серию ПСРЛ летописных памятников, которые издавались не в этой серии, А.Д. Кошелев предпринял публикацию ряда новых летописных памятников. Томам, где они печатались, давалась новая нумерация, не согласовывавшаяся ни с одним научным учреждением РАН. Так, в 1 выпуске 6 тома была опубликована Софийская I летопись старшего извода. Она подготовлена к печати московскими историками С.Н. Кистеревым и Л.А. Тимошиной, предисловие написал Б.М. Клосс.

До этого издания текст Софийской I летописи старшего извода всегда цитировался по спискам Карамзина и Оболенского. Издан же он по списку Оболенского с вариантами по списку Карамзина. Датировка списков по филиграням и припискам показывает, что список Карамзина несколько старше. К тому же список Оболенского имеет дефекты (нет 19 листов текста). Между тем петербургский список Карамзина оказывается старшим не только по времени написания, но и по тексту, что видно, в частности, из статьи 1323 г.

Вызывают резкие возражения некоторые сведения, сообщаемые в указателе к названному тому. Так, летопись сообщает, что в битве на р. Воже в 1368 г. был захвачен в плен некий поп «Иванова Васил(ь)евич(а)». Иван Васильевич – это враг Дмитрия Донского Вельяминов. Но в Указателе имен отмечен «Иван Васильевич, поп». Ссылки идут то на страницы издания, то на листы рукописи (Куци, Малик). В Указателе географических и этнических названий фигурирует р. Шипара. Название почерпнуто из описания битвы на р. Пьяне в 1377 г.: «И доидоша на Шипару». Но давно разъяснено, что читать это место нужно иначе: «И доидоша наши Пару». Пара – это правый приток р. Пьяны.

Последний из вышедших томов кошелевской серии ПСРЛ – 43. Он включает уже публиковавшийся ранее список Дубровского Новгородской IV летописи. Памятник подготовлен к печати молодой исследовательницей О.Л. Новиковой, которая в этом томе следует совсем иным принципам передачи текста, чем в других томах серии. Этот том только усилил разноречие в содержании и оформлении кошелевских томов ПСРЛ.

Два тома ПСРЛ напечатал петербургский издатель Дмитрий Михайлович Буланин. В 2002 г. был издан 42 том, где была опубли-

ликована Новгородская Карамзинская летопись. Тексту памятника предшествует написанное Я.С. Лурье обширное «Предисловие», носящее чисто исследовательский характер, и другое предисловие «От составителей», в котором оспариваются выводы первого «Предисловия». Полагаем, что это лишний раз свидетельствует о том, что исследования о летописях не должны сопровождать их публикацию. Правила передачи текста в 42 томе отличаются от обычных: названия стран-народов (русь, литва, мордва и т.д.) передаются с малой буквы.

Спустя год был издан более ранний 40 том ПСРЛ, содержащий Густынскую летопись. Текст был подготовлен к печати сотрудниками ИРИ РАН, но этот Институт не упоминается даже на титуле. Дело в том, что Д.М. Буланин получил рукопись не от ИРИ РАН, а от издателя И.А. Тихонюка, который заключил договор об издании Густынской летописи с сотрудниками ИРИ РАН. Видимо, отсюда 5 лет проволочек с изданием тома. Указатели грешат неточностями. Так, сын Всеволода Большое Гнездо Владимир никогда не был великим князем Владимирским; галицкий боярин Константин имел отчество Серославич, а не Ярославич; Юрий Всеволодович был сыном не Всеволода Борисовича, а Всеволода Юрьевича; Ян и Ян Вышатич – не два разных лица, а одно. Овруч, Овручев, Овручи и Овручий – не четыре разных города, а один; форма Остря («поеха...до Остря») помещена в указателе, хотя это не именительный, а родительный падеж, в виду имеется р. Остер, и т.п.

Мы считаем, что выдающийся памятник культуры – многотомная серия «Полное собрание русских летописей», создававшаяся в течение более полутора столетий несколькими поколениями историков и филологов, приватизируется частными лицами, которые, бесконтрольно переиздавая тома, пересоставляя их, издавая новые на невысоком, по нашему мнению, научном уровне, нарушают существующие нормы и принципы академического издания. Полагаем, необходимо восстановить контроль Российской академии наук над репринтным распространением и изданием новых томов этой важной и ценной серии.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ: НАУЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТКЛИКИ*

А.Е. Петров

Первые контакты россиян и китайцев начались еще в эпоху Средневековья. На Руси стали бывать китайские торговцы, удивлявшие русских людей такими диковинами как чай, шелк. Многие достижения китайской цивилизации приходили в русские земли через посредников (порох, бумага, военные знания). В настоящее время в России активно дискутируется вопрос о наследии Монгольской империи. Как правило, при этом рассматривается взаимодействие русских княжеств только с западным улусом империи Чингисхана, оставляя на периферии внимания тот факт, что была евразийской (в территориальном смысле) держава. Совсем на втором плане остается вопрос о влиянии китайских правовых и государственных традиций на политический строй Монгольской империи. Больше 350 лет назад в Пекин прибыло первое русское посольство Федора Байкова. Уже через 35 лет, в 1689 году был заключен первый договор России с Китаем. Этот акт стал первым международным договором Китая. История русско-китайских и советско-китайских отношений пережила целый ряд периодов подъема и объективных трудностей. Но всегда сохранялось понимание важного принципа, который очень хорошо изложил посол КНР в Российской Федерации г-н Лю Гучан в своем обращении в связи с 55-летием установления китайско-российских дипломатических отношений: «История показала, что хорошие отношения между двумя странами приносят обеим безмерную пользу, а плохие – бесконечные неприятности»¹.

История российского китаеведения на протяжении трех столетий тесно связана с историей межцивилизационного диалога между Китаем и Россией во всем многообразии политических, экономических и культурных проблем. За это время существенно трансформировался вектор синологических исследований в нашей стране.

Самые первые межгосударственные контакты показали, что этнокультурные различия порой превращаются в барьеры из-за

* Статья написана на основе доклада, сделанного на международной конференции «Китайско-российские отношения: прошлое настоящее и будущее» (Пекин, июнь 2006 г.), проведенной в рамках «Года России в Китае» при участии ОИФН РАН.

¹ Родина. 2004. № 10 (специальный выпуск «Россия и Китай – великие соседи»). С. 1.

недостаточного знакомства со спецификой партнеров. Так, первый русский посол в цинский Китай – Ф.И. Байков не смог успешно выполнить свою миссию, отказавшись принять в качестве угощения от богдыхана чай с молоком, т.к. это происходило во время православного Великого поста. Не удивительно, что китайцев, в свою очередь, удивляло в русских то, что они «пьют водку и не употребляют чая». Поэтому первый этап познания Китая и его культуры был связан с постановкой утилитарных задач: знакомство с обычаями, нравами, религиозными традициями, придворным церемониалом и пр. Очень показательны заголовки первых «ознакомительных» сочинений: «Записка о предубеждениях...», «Уведомление о ...», «Сообщение об ...» и т.п.

Очень скоро пришло осознание того, что всю глубину межцивилизационных различий и пути их преодоления может предложить только научное китаеведение. Уже на рубеже XVIII–XIX столетий были заложены основы фундаментального изучения китайской культуры и истории. В России возникли казанская и петербургская школы китаеведов. Имена таких синологов как Иакинф (Н.Я. Бичурин), Палладий (П.И. Кафаров), В.П. Васильев, С.М. Георгиевский пользовались мировой известностью. Этот импульс способствовал развитию китаеведения в Советском Союзе и современной России. Значимые успехи в изучении истории, духовной и материальной культуры Китая были достигнуты во многом благодаря таким китаеведам как ак. В.М. Алексеев, ак. Н.И. Конрад, ак. С.Л. Тихвинский, ак. В.С. Мясников, ак. М.Л. Титаренко, чл.-к. РАН Н.Т. Федоренко, чл.-к. РАН Б.Л. Рифтин, Б.А. Васильев, Н.А. Невский, К.И. Разумовский, В.С. Колоколов, Л.Н. Меньшиков, Ю.А. Кроль, Л.А. Васильев, В.В. Малявин, А.А. Бокщанин и многие другие.

Благодаря этим людям в России сложились научные центры изучения Китая: Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, его Санкт-Петербургский филиал, Институт языкознания РАН (Москва), Восточный факультет Санкт-Петербургского университета и Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), Институт стран Азии и Африки при МГУ, университеты и научные учреждения Сибири и Дальнего Востока. Исследования российских ученых-синологов охватывают почти все области гуманитарного знания: историю, археологию, этнографию, экономику, философию, социологию, политологию, науковедение, культурологию, филологию (языкознание и литературоведение), искусствоведение, психологию и педагогику.

Фундаментом для всесторонних синологических исследований стали богатейшее документальное наследие и рукописные собрания, созданные стараниями нескольких поколений собирателей,

собранные в ходе ряда экспедиций Академии наук, а также благодаря деятельности Российской духовной православной миссии в Пекине. Китайские коллекции только в фондах С-Петербургского филиала института востоковедения РАН насчитывают свыше 20 тыс. единиц хранения. Это коллекции и материалы Л. Ланга, Д.Г. Мессершмита, И.К. Россохина, Ф.-Л. Елачича, П.Л. Шиллинга фон Канштадта, Э.В. Бретшнейдера, собрания русских-ученых востоковедов, коллекции, собранные русскими миссионерами в Китае, материалы научных экспедиций Д.А. Клеменца, Н.Ф. Петровского, С.Ф. Ольденбурга, сенсационные материалы экспедиции П.К. Козлова, открывшего в 1907–1909 гг. в пустыне Гоби мертвый тангутский город Хара-Хото и обнаружившего материалы на мертвом языке тангутов, создавших в X в. на территории северо-западного Китая государство Западное Ся, которое в 1227 г. было уничтожено монгольскими завоевателями. Многочисленные документы российско-китайских дипломатических и экономических отношений хранятся в государственных архивах РФ: Архиве МИДа, Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном архиве новейшей истории, Государственном архиве РФ. Это наследие является одним из самых значительных зарубежных комплексов источников по истории и культуре Китая, которое требует больших усилий по изучению и квалифицированному вводу в научный оборот.

Имеющиеся материалы дают возможность проводить интересные исследования, посвященные как изучению древней и новой истории Китая, его традиционного духовного наследия, так и новейшего периода.

Приоритетным направлением работ синологов, заложенной еще основателями российской синологии, является изучение и комментированная публикация источников по истории и культуре Китая. В самое последнее время был опубликован целый ряд крайне важных научных комментированных переводов древних текстов. Эти источники дают богатый материал по истории буддийской культуры, истории Древнего Китая. Среди изданных на русском языке памятников «Лунь Юй» Конфуция, сопровождаемый исследованием Л.С. Переломова; завершение многотомного издания «Исторических записок» Сыма Цяня; «История Золотой Империи»; «Хуэй-цзяо. Жизнеописание достойных монахов»; «Линь-цзи лу», «Хуань Куань. Спор о соли и железе», с исследованием Ю.Л. Кроя, сборник «Классическое конфуцианство», включивший в себя переводы «Лунь юя», «Мэн-цзы» и «Сунь-цзы», выполненные А.С. Мартыновым и И.Т. Зограф; «Чжоу Цюй-фэй. За Хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да)», хрестоматия «Религии Китая» (сост. Е.А. Торчинова); Н.В.Алексан-

дрова «Тексты китайских паломников и литературы Индии» («Записки о буддийских странах» и «Записки о западных странах»); «Море значений, установленных святыми» (факсимильное изд. Ксилографа, осуществленное Е.И. Кычановым). В.М. Рыбаковым продолжается масштабное издание уголовного кодекса китайской династии Тан, являющегося одним из значительных правовых памятников мировой цивилизации («Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и)»). По сути, сегодня в распоряжении российских синологов и широкого читателя весьма полная подборка классических китайских сочинений.

Следует отметить совместный проект С.-Петербургского филиала архива РАН с шанхайским издательством «Гуцзи чубаньшэ», в рамках которого было осуществлено крупномасштабное издание текстов рукописей Дуньхуанского фонда, а также – уникальных письменных памятников из Хара-Хото на китайском и тангутском языках. Эти официальные, деловые, экономические и юридические документы содержат ценнейшую историческую информацию.

Большое место в работах отечественных синологов занимает описание, и изучение рукописного и книжного наследия. Среди последних работ этой тематики вышедшая посмертно монография Л.Н. Меньшикова «Из истории китайской книги» посвящена истории китайской книги от изобретения бумаги (105 г. н.э.) до широкого распространения книгопечатания (по XIII в. включительно). В результате многолетнего изучения китайских рукописей из Хара-хото и Дуньхуана представлено превосходное описание рукописей и ксилографов, обоснованы методики их датировки, характерные особенности изданий, книгопечатен и книгохранилищ древнего и средневекового Китая. Исследование К.В. Васильева «Ранняя история древнекитайских письменных памятников» является наиболее полным в современной науке историческим исследованием процесса зарождения и развития китайской книги. Издание снабжено пятью указателями, составленными на основе рабочих картотек, пополнявшихся автором долгие годы.

Опираясь на прочный фундамент источниковедческих исследований российские синологи рассматривают широкие исторические проблемы, напрямую связанные с разработками обобщающих теоретических и методологических подходов к изучению истории. Опыт нескольких тысячелетий истории Китая дает ценнейший материал как для формирования теоретических моделей исторического процесса, так и для компаративистских исследований. Изучению общих закономерностей и особенностей развития традиционного общества и диалога цивилизаций

посвящен ряд фундаментальных исследований. К ним можно отнести следующие работы: «Восток: экономическая история общественной трансформации» (А.М. Петров), «Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX вв. (проблемы политики и этики)» (Л.Н. Борох), «Политическая практика и идеология раннетанского Китая» (И.Ф. Попова), «История Древнего Китая» (Л.С. Васильев), «Личность и власть в Древнем Китае» (В.А. Рубин), «Представления о мире и государстве в Китае в III–VI веках (по данным «нормативных историописаний»)» (М.В. Исаева), «История Китая. Эпоха Цинн. XVII – начало XX в.» (О.Е. Непомнин), «Истоки китайской цивилизации» (К.В. Васильев), «Китайские синкретические религии в XX веке» (К.М. Тертицкий), «Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая» (А.А. Бокщанин, О.Е. Непомнин), «Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.)», «Христианство и китайская культура» (А.В. Ломанов), «Из истории христианства в Китае» (П. Иванов), «Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох» (О.Е. Непомнин, В.Б. Меньшиков), «Царства «западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»)» (Л.А. Боровкова), «Очерки военной литературы Китая в эпоху Сун» (С.А Школяр), «Кушанское царство» (Л.А. Боровкова).

Изучению истории духовной культуры Китая с древнейших времен до наших дней посвящены труды: «История духовной культуры Китая. Энциклопедия», «Эволюция китайской цивилизации с древнейших времен до наших дней. Феномен китайского самосознания (опыт системного анализа)», осуществляемые под руководством академика М.Л. Титаренко. Работа над этими изданиями находится в самом начале и в последние годы именно в рамках этих комплексных проектов будут работать многие отечественные китаеведы.

В особое направление можно выделить исследования по языкознанию и литературе Китая. Среди них не раз переведенные на китайский язык работы Б.Л. Рифтина², обнаружившего и издавшего неизвестную ранее рукопись романа Цао Сюэцина «Сон в красном тереме», а также глубоко изучившего ряд проблем русско-китайских литературных связей.

В последние годы в России появились новые исследования по китайской литературе и переводы китайской лирики («Дальнее эхо. Антология китайской лирики (VII–IX вв.) в переводах

² *Янь Годун*. Изучение российской синологии в Китае // Восток–Запад. Историко-литературный альманах. 2002. М. 2002. С. 131.

Ю.К. Щуцкого»), исследование М.Е. Кравцовой «Поэзия Вечного просветления. Китайская лирика вт. пол. V – начала VI в.», «Литература Китая в контексте жреческой культуры Древности» (К.И. Голыгина). Исследованию уникального феномена мировой культуры – театральных картин няньхуа, с изображением сцен из спектаклей традиционного китайского театра, посвящена работа Т.И. Виноградовой «Китайский народный театр на китайской народной картине».

В исследовании И.Т. Зограф «Среднекитайский язык: опыт структурно-типологического описания» рассмотрен среднекитайский литературный язык байхуа X–XII вв. Книга А.Л. Семенов «Лексика китайского языка» знакомит с важным разделом китайского языкознания – лексикой. Книга содержит лексический материал, еще не вошедший в публикации по данной проблематике, как в России, так и в Китае.

Комплексное изучение процессов взаимодействия древних и средневековых культур осуществлено на основе археологического материала. Итоги и основные проблемы изучения палеолита Китая обобщил в своих работах академик А.П. Деревянко³. Он пришел к выводу, что первоначальное заселение *Homo ergaster* – *Homo erectus* Восточной и Юго-Восточной Азии происходило около 1,5–1,8 млн лет назад; развитие палеолитических индустрий и самого физического типа человека на этой территории происходило в относительно изолированной среде без каких-либо существенных влияний со стороны древнего населения соседних западных регионов. Проблема в том, что в Китае, в отличие от других районов Евразии, очень трудно выделить средний палеолит и определить время начала формирования нижнего палеолита. В связи с этим, в частности, затруднительна и датировка процесса формирования *Homo sapiens sapiens* в этом регионе.

Контакты древних народов Забайкалья, Восточной Монголии и Северо-Восточного Китая (Дунбэя) в бронзовом и раннем железном веке по археологическим данным, а также проблемы этнокультурные процессы в Приамурье (по археологическим материалам с территорий России и Китая) исследованы экспедициями Института археологии и этнографии СО РАН под руководством Е.И. Деревянко.

Новосибирские археологи (Н.В. Полосьмак и С.А. Комиссаров), проведя раскопки в уезде Юйли (центральная часть Синьцзян-Уйгурского автономного района) на группе памятников Инпань, обнаружили сходство погребального обряда в могильниках

³ Деревянко А.П. Палеолит Китая: итоги и некоторые проблемы в изучении. Новосибирск. 2006.

Инпань и пазырыкской культуры Горного Алтая, а также пришли к выводу о наличии связей местного оазисного населения с более подвижными племенами (гуши или цзюйши). В результате – кочевники постепенно переходили в оседлость и формировали собственные государства, в частности Цзюйши Заднее и Цзюйши Переднее, известные по китайским источникам. На их основе в эпоху средневековья создавалось государство Гаочан, сыгравшее важную роль в развитии торгового и культурного обмена по Великому Шелковому пути.

Проведены исследования буддийских храмов XV в. в Приморье и Хабаровском крае. На базе письменных и археологических материалов реконструирована этнокультурная ситуация в низовьях Амура в XIII–XV вв., изучены политико-экономические отношения аборигенного населения и администрации империй Мин и Юань. Издана монография Артемьева А.А. «Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура».

Одно из ведущих мест в востоковедных исследованиях принадлежит изучению контактов между Россией и Китаем. Многолетняя работа по выявлению и публикации архивных и других материалов материализовалась в виде многотомной серии публикаций «Русско-китайские отношения в XVII – нач. XX века. Документы и материалы» – фундаментальном издании, осуществлявшемся под руководством академика С.Л. Тихвинского и академика В.С. Мясникова. Эта работа сопровождалась подготовкой и изданием научных трудов о деятельности первых русских дипломатов в Китае, по истории отечественного китаеведения.

Особую актуальность имеет издание томов серии «Русско-китайские отношения в XX в.». Уже вышли в свет публикации документального наследия эпохи сопротивления китайского народа японской агрессии накануне и во время Второй мировой войны, комплексы документов, освещающих политические отношения между СССР и Китаем в сложный период 1946–1949 гг., завершившийся победой китайской революции и образованием Китайской Народной Республики. Большая часть документов и материалов впервые введена в научный оборот.

Важную личную роль в развитии дружественных российско-китайских отношений сыграл видный дипломат и историк ак. С.Л. Тихвинский. Личные воспоминания и исследовательская работа ученого запечатлены в серии его исследований-воспоминаний и биографий: «Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949 гг. По материалам биографии Чжоу Эньлая», «Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия. Воспоминания дипломата и историка-китаеведа»; «Улица Мольера, 29 (Секретная миссия полковника Попова)», посвященное неизвест-

ным до сего дня фактам из ранней истории советско-китайских отношений.

Большой вклад в разработку истории русско-китайских отношений внес академик В.С. Мясников. Из его трудов можно особо выделить капитальную монографию «Империя Цин и Русское государство в XVII в.», книгу «Русско-китайские территориальные размежевания в конце XVII – начале XVIII веков», «Договорными статьями утвердили», 2-томную монографию «Формирование границ Китая» (в соавторстве). В этих работах В.С. Мясников сформировал концепцию истории складывания границ Китая, показал основные этапы и особенности этого процесса. Новым в концептуальном осмыслении истории русско-китайских отношений в трудах В.С. Мясникова стало введение в их анализ элементов сравнительного культуроведения, рассмотрение этих отношений как проявление не просто межгосударственных, но и межцивилизационных контактов. Новаторским для российского китаеведения стало исследование особенностей традиционной китайской дипломатии и ее влияния на дипломатию современного Китая, реализованного в книге «Краткий очерк истории дипломатии КНР».

Эти выдающиеся востоковеды, создав свои школы исследователей, дали импульс большому количеству новых научных работ, которые зачастую сегодня ведутся совместно с китайскими коллегами. Большой и разнообразный материал обобщен в работе «Образ Китая в России: Энциклопедия духовной культуры Китая», выполненной под руководством академика М.Л. Титаренко. Комплекс проблем, связанный с размежеванием России и Китая на Дальнем Востоке поднимает А.Д. Воскресенский в своей книге «Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года». Роль советского фактора в создании КНР изучена в исследовании Р.А. Мировицкой «Отношения России с Китаем в период создания Китайской Народной Республики. Мифы и реальность. Первая половина XX века». Совместно с китайскими учеными подготовлена фундаментальная работа «Российско-китайские отношения на пороге нового века». Анализу политики России на Дальнем Востоке и Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) посвящен сборник статей «Россия и Китай: уроки реформ», «Российский Дальний Восток – Северо-Восточный Китай: торгово-экономические отношения (кон. XVI – первая половина XX века)» (Г.Н. Романова), «Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999 гг.)» (А.А. Москалев).

Идет изучение судеб русской эмиграции в Китае, в ее центрах – Харбине, Пекине, Шанхае, и китайских эмиграции на

Дальнем Востоке России, ее адаптацию к жизни в стране, вклад в развитие экономики Китая.

Вообще, для современного российского китаеведения характерна постановка проблем мало разработанных китайскими учеными в частности, изучение ряда тем, связанных с изучением истории повседневности и гендерной истории Китая, открывает новые направления в синологии. К таким работам относится монография С.Д. Марковой «Китайская интеллигенция на изломах XX века (очерки выживания)», работы, посвященные анализу различных аспектов быта на основе изучения китайских народных картин, исследования социального статуса женщины в Китае, народного театра и т.п.

Следует отметить, что значительная часть исследований и изданий отечественных китаеведов увидели свет благодаря постоянной поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Думается, что объединение усилий РГНФ с аналогичными ресурсными организациями в Китае позволит ставить вопрос о фундаментальных комплексных совместных российско-китайских исследованиях.

В 2005 году завершилось выполнение программы фундаментальных исследований РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии». В рамках выполнения этой программы были изучены временная динамика и многообразие форм взаимовлияния и партнерских связей смежных приграничных регионов Дальнего Востока. Исследования показали, что десятилетняя практика межкультурного общения вдоль российско-китайской границы не подтверждает прогноз «столкновения цивилизации», по крайней мере, в их славянском и конфуцианском преломлениях. Однако масштабность контактов привела к тому, что главным препятствием к развитию российско-китайских отношений на сегодняшний день являются именно проблемы этнокультурного свойства: адекватное взаимовосприятие, взаимопонимание, толерантность народов по отношению друг к другу⁴.

Координирующую роль в вопросах изучения Китая, по-существу, выполняют ежегодно проходящие в Институте востоковедения РАН и в Институте Дальнего Востока РАН конференции «Общество и государство в Китае», «Китай и мир», в которых традиционно принимают участие сотрудники научно-исследовательских центров Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Института Дальнего Востока, ИНИОНа, Дипломатической ака-

⁴ Молодин В.И., Тишков В.А. Введение// Этнокультурное взаимодействие в Евразии: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. Кн. 1. М. 2006. С. 20.

демии РФ, Эрмитажа, китайские стажеры и др. В докладах поднимается широкий круг вопросов, связанных с изучением Китая: по истории, историографии, экономике, философии и идеологии, языку, литературе, искусству.

Признанием успехов российских китаеведов стало проведение в 2002 году в России XIV конференции Европейской ассоциации китаеведения «Китайская традиционная цивилизация и современный мир».

Большой импульс развитию в России востоковедения в широком смысле и синологии, в частности, придал 37 Всемирный конгресс востоковедов (ICANAS) в 2004 году.

Созданию объективной и позитивной картины взаимоотношений Китая и России способствует научно-популярная периодика. Вышли в свет два выпуска историко-литературного альманаха «Восток–Запад» (под редакцией ак. В.С. Мясникова). К всемирному конгрессу востоковедов и в связи с 55-летием установления дипломатических отношений между СССР и КНР были приурочены два специальных номера научно-популярного иллюстрированного журнала «Родина». Во всех этих изданиях в форме, доступной для широкого читателя, представлены результаты исследований как российских, так и китайских ученых по самым разнообразным проблемам русско-китайских отношений на всем их протяжении.

Развитие научного китаеведения шло в ногу с распространением «китайского влияния» на самые широкие слои общества и культуру не только России, но и Европы. Уже в XVIII веке Европа была поражена модой на китайские вещи и стиль. В убранстве многих дворцово-парковых комплексов по всей Европе использовался стиль «шинуа». Раньше европейские обыватели были способны воспринять лишь лежащие на поверхности «дикинины» китайской цивилизации. Для разгадки глубокого смысла «поверхностных вещей» и постижения тайн древней восточной цивилизации требовался труд специалистов. Теперь ситуация меняется. Восток сам идет навстречу Западу. Мы видим массовое увлечение дзэн-буддизмом, йогой, появился устойчивый интерес к достижениям традиционной китайской медицины, кухни, гимнастике ушу и системе цигун. Все это влечет за собой создание секций, выпуск специальной литературы. Российская общественность познакомилась с феноменом китайской стратагемности, в основе которой лежат базовые психологические установки социальной игры⁵. Китайскими методами физической и психологиче-

⁵ Мясников В.С. Введение // Народы Евразии: проблема межкультурных контактов. М. 2005. С. 16–25.

ской подготовки овладевают миллионы людей. Китайская культура проникает в современное российское общество на бытовом уровне.

Российская синология продолжает свое развитие. В настоящее время перед российскими и китайскими учеными стоят задачи спокойного и объективного исследования истории российско-китайских отношений, без ненужного восхваления и эйфории, но и без нигилизма и преднамеренного очернительства. Как отметил академик В.С. Мясников, «Объективное и взвешенное изложение истории наших отношений может способствовать правильному восприятию ее новым молодым поколением, не испытавшим всех перипетий истории, уроки которой должны быть хорошо усвоены при определении политики обеих стран на будущее»⁶.

⁶ Мясников В.С. Особенности становления договорных отношений России с Китаем // Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). М. 2004. С. 12.

АКАДЕМИЯ НАУК
И МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО:
ИЗ ИСТОРИИ КНИГООБМЕНА В XVIII–XIX вв.

В.И. Васильев

С самого начала своей деятельности Академия наук уделяла большое внимание развитию международных научных связей, что, естественно, невозможно эффективно осуществить без хорошо налаженного научного книгообмена, который, в свою очередь, мог быть реализован только на основе широкой издательской деятельности Академии. Без этого трудно себе представить полноценное функционирование Академии наук в качестве научного и просветительского центра России. Поэтому уже через 2 года после начала ее работы в качестве издательского органа в Академии была открыта Академическая типография. Наряду с Кунсткамерой и Библиотекой она стала одним из первых академических учреждений.

Таким образом, изначально книгоиздательство, а на его базе и активный международный научный книгообмен стали важнейшими составляющими многогранной деятельности Академии наук.

К сожалению, в исследованиях по истории Академии наук вопрос о международном научном книгообмене освещен недостаточно полно. В то же время известно, что его роль в развитии науки, образования и культуры, укреплении международных научных связей трудно переоценить. Учитывая эти обстоятельства, мы рассматривали эту проблему по российским архивным и печатным источникам в ряде работ¹.

Намерения Академии в этом отношении были совершенно определенными. Менее чем через две недели после учреждения Академии был составлен и разослан «экстракт» из «Проекта положения об учреждении Академии наук и художеств» в иностранные журналы, отдельным ученым, а также издателю журнала Ф.О. Менке (Лейпциг)². Уже в ноябре 1725 г. И.Д. Шумахер просил лейпцигского издателя Т. Фрича оказать помощь в налажива-

¹ См., например: *Васильев В.И.* Международный научный книгообмен во второй четверти XVIII века (по российским архивным и печатным источникам) // Федоровские чтения, 2005. М., 2005. С. 645–656; *Он же.* Государственная политика и частная инициатива в международном научном книгообмене второй половины XVIII – первой половины XIX века // Федоровские чтения, 2007. М., 2007. С. 393–402.

² См.: *Летопись Российской Академии наук. Т. I. 1724–1802.* СПб., 2000. С. 31–33 [ПФА РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–10, 12 об., 15 об.].

нии связей с книготорговцами для распространения академических изданий (заметьте – И.Д. Шумахер смотрел в будущее, так как эта просьба прозвучала за два года до начала издательской деятельности Академии на базе собственной Типографии). А в 1731 г., восстанавливая связи с лейпцигским издателем Пьером ван дер Аа, И.Д. Шумахер обратился к нему с предложением о книгообмене. Однако еще в 1730 г. Г.Ф. Миллер, посещая Лондон, преподнес академические издания собранию Лондонского королевского общества³.

Изучение источников, характеризующих издательскую деятельность Академии наук и обмен на этой основе печатными изданиями с международным сообществом, позволило установить: если первый этап (вторая четверть XVIII в.) в истории издательской деятельности Академии наук можно охарактеризовать как этап становления Академической типографии и на ее базе – академического книгоиздания, то в истории международного научного книгообмена – только как этап зарождения и формирования его основ.

На этом отрезке истории выявлены следующие особенности контактов Академии наук с международным сообществом, осуществляемых на основе научного книгообмена:

1. Книгообмен осуществлялся по следующим направлениям:

а) доставка изданных книг иностранным ученым, в том числе иностранным членам Академии наук, как в целях обмена, так и для перевода или издания трудов на русском языке, или размещения статей иностранных ученых в академических российских изданиях;

б) обмен книгами для перевода;

в) удовлетворение запросов ученых и иностранных научных обществ и академий, связанных с книгообменом;

г) обмен образцами с целью использования их в научной работе;

д) обмен письмами и сообщениями с предложениями как по отдельным изданиям, так и по налаживанию книгообмена в целом.

2. На массиве предлагаемых для обмена изданий сказывался тот факт, что репертуар во многом определялся необходимостью публикации первого официального органа Академии и речей ее членов, произнесенных на торжественных собраниях, а также, в

³ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1. Л. 5; Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1897. Т. I. С. 215–216; *Копелевич Ю.Х.* Первая заграничная командировка петербургского академика // ВИЕТ. 1973. Вып. 2(43). С. 50.

какой-то мере, пособий для единообразного оформления будущих научных публикаций, их чтения и обучения членов Императорского Двора.

Приведем несколько примеров. В сентябре-октябре 1726 г. Н.Ф. Головин вручил в Стокгольме «Речи» (здесь и далее имеются в виду «Речи на первом торжественном собрании Императорской Академии наук декабря 1725 года публично говоренныя...») шведским ученым Э. Бенцелиусу, М. Бромелиусу и М. Тривальду, которые выразили желание наладить контакты в сфере книгообмена⁴. И.Г. Дошпельмейер из Нюрнберга получил «Речи» и сообщил о своем желании поддерживать связи с Академией в этой области (октябрь 1726 г.)⁵.

В декабре 1730 г. Дж. Джурин, секретарь Лондонского королевского общества, передал статью о капиллярных трубках для публикации в «Комментариях», которая была опубликована в третьем томе, вышедшем в 1732 г.⁶

А.Д. Кантемир в 1731 г., будучи в Англии, передал для издания рукопись своего отца Д.К. Кантемира «Турецкая история». Труд был издан в английском (Лондон, 1734), французском (Париж, 1743) и немецком переводах (Гамбург, 1745)⁷.

В мае 1737 г. Г.З. Байером направлена записка о петербургских изданиях для публикации ее в лейпцигском «Acta Eruditorum»⁸. В июле 1738 г. получены в дар книги от Королевской академии наук Португалии⁹.

Для перевода на русский язык Академии наук в июне 1729 г. была передана «Французская грамматика» (переводил И.С. Горлицкий)¹⁰. В 1746 г. книга Ш. Роллена «Древняя история о египтянах, о парфянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонцах и о греках» была переведена с французского В.К. Третьяковским и издана в десяти томах в 1749–1762 гг.¹¹

О размахе работы по переводу трудов свидетельствует, в частности, объявление, опубликованное 2 февраля 1748 г. в «Ведомостях», с приглашением желающих переводить книги с латинского, французского, немецкого, итальянского и английского языков с оплатой книгами – по 100 экз. за перевод. В то же время

⁴ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 13. Л. 220, 220 об.

⁵ Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М.И. Сухомлинов. СПб., 1885. Т. I. С. 204; ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 13. Л. 231–232 об.

⁶ Протоколы... Т. I. С. 34, 35.

⁷ Материалы... Т. I. С. 440, 441.

⁸ Протоколы... Т. I. С. 384–386.

⁹ Там же. Т. I. С. 492.

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 585. Л. 99; Материалы... Т. I. С. 499.

¹¹ Протоколы... Т. II. С. 108–110.

зарубежные страны нередко запрашивали разрешение на перевод трудов ученых российской Академии наук (известно, например, письмо из научного общества в Лиссабоне о присылке для перевода изданий Академии через врача А.Н.Р. Санчеса – португальского лейб-медика французского короля)¹².

Можно привести немало примеров, когда иностранные ученые, научные общества и академии запрашивали книги российских ученых. Среди них: письмо Ш. Фон дер Баха из Риги о том, что ученые «жаждут» получать «Комментарии»¹³; письмо от Г. Сибтерпа из Оксфорда, привезенное И.К. Таубертом, с просьбой прислать книги И.Г. Гмелина и И. Аммана¹⁴ и др.

Известна также переписка, например, сданная Х. Гольдбахом в Архив (1741 г.), включающая материалы об обмене изданиями между Петербургской академией наук и Португальской королевской академией с целью использования их в научной работе¹⁵.

Обмен письмами об организации книгообмена и сообщениями о возможности получения новых книг носил двухсторонний характер. Так, И.Г. Гледич в своем письме в Лейпциг предлагал взять на себя продажу академических книг (1729 г.)¹⁶. Предложение наладить регулярный книгообмен содержалось в письме И.Ф. Брейна из Данцига (1729 г.)¹⁷.

Характеризуя первый этап (вторая четверть XVIII в.), можно отметить достаточно широкую географию научного книгообмена (Венгрия, Англия, Голландия, Швеция, Португалия, Китай, Италия, Франция), назвать такие города – «участники» книгообмена, как Пекин, Париж, Любек, Лейпциг, Данциг, Ганновер, Нюрнберг, Марбург, Виттенберг, Стокгольм, Лиссабон, Оксфорд, Рига. Научные связи и книгообмен развивались с Лондонским королевским обществом, Португальской королевской академией, Парижской академией наук, Лузитанской академией, Берлинским научным обществом, Упсальским университетом.

В последующее после рассматриваемого этапа столетие (вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в.) выявленные ранее тенденции в развитии контактов Академии наук с международным сообществом на основе книгообмена не только сохранились, но и в большей своей части значительно усилились, а также сложились новые направления взаимодействия.

¹² Там же. Т. I. С. 203, 204.

¹³ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. Л. 32 об., 33.

¹⁴ Протоколы... Т. II. С. 233; Материалы... Т. X. С. 430–441.

¹⁵ Протоколы... Т. I. С. 648, 649.

¹⁶ Материалы... Т. I. С. 458.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 4. Л. 23 об.; Материалы... Т. I. С. 557.

В первой половине XIX в. значительно расширился книгообмен между Россией и зарубежными научными учреждениями и обществами. Многократно возросло количество партнеров, направлений и областей науки, по которым развивалось сотрудничество как в сфере обмена научными изданиями, так и в переводческой деятельности. В формировании книгообмена прослеживались тенденции как государственной политики, так и частной инициативы.

Все чаще в Академию наук стали поступать словари, а также труды отдельных ученых, направляемые в Академию по частной инициативе. С рядом стран книгообмен был налажен на постоянной межгосударственной основе. Академия стала получать множество благодарственных писем от зарубежных академий наук и научных обществ.

Из новых тенденций необходимо выделить все большее число предложений и их реализацию по двустороннему книгообмену на постоянной основе. Это прежде всего относится к взаимодействию с академиями наук, научными обществами, университетами и библиотеками, а также с государственными структурами. Вот несколько примеров такого взаимодействия:

Штелину поручено организовать рассылку экземпляров «*Novi Commentarii*» (т. VIII–X) в Любек, Лейпциг, Регенсбург и Стокгольм, а также персонально К. Линнею и П.В. Варгентину (1766 г.)¹⁸.

Берлинская академия наук прислала в дар полное собрание изданных ею географических карт (1769 г.)¹⁹; свои «*Nouveaux Memoires...*», которые были отосланы в Библиотеку (1787 г.)²⁰.

Получены очередные тома трудов Лондонского королевского общества (1788 г.)²¹.

Секретарь Шведской королевской академии наук И.К. Вильке из Стокгольма прислал разные ее издания с 1788 г. до 1-го триестра 1791 г. Передано в Библиотеку (1791 г.)²².

Н.И. Фус сообщил предложение президента Итальянского научного общества в Моделе А. Каньоли пополнить Библиотеку Академии томами «*Memoires*» этого общества, за что решено с признательностью послать обществу в обмен вышедшие тома «*Nova Acta*» Академии наук (1805 г.)²³.

¹⁸ Протоколы... Т. II. С. 563.

¹⁹ Там же. С. 684.

²⁰ Там же. Т. IV. С. 95.

²¹ Там же. С. 150, 151.

²² Там же. С. 270, 271.

²³ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 16. Л. 1–5.

От Американского философского общества в Филадельфии в дар Библиотеке прислан 6-й том трудов за 1809 г. (1812 г.)²⁴. Из Эдинбурга прислан в дар 6-й том трудов Эдинбургского королевского общества (1813 г.)²⁵. От секретаря Филадельфийского медицинского общества Паттерсона поступили очерёдные тома трудов общества (1819 г.)²⁶. Гёттингенское научное общество прислало 4-й том своих трудов (1820 г.)²⁷. Лондонское бюро долгот прислало свои труды. Академия наук в Турине изъявила желание восстановить связи с Академией и обмен изданиями (1821 г.)²⁸. Парижское географическое общество прислало свои труды (1823 г.)²⁹. Эдинбургское королевское общество прислало свои труды (1823 г.)³⁰.

Бельгийская академия наук прислала свои труды и сведения о работах, получивших премии в 1820 г. (1824 г.)³¹. Поступили труды Филадельфийской академии естественных наук (1825 г.)³².

Президент Лилльского королевского общества наук, земледелия и искусств Маккар предложил Академии постоянный обмен изданиями. Предложение принято (1841 г.)³³.

Н.И. Фус зачитал благодарственные отношения от Гёттингенского королевского общества наук, Королевского Голландского института наук, словесности и искусств, Лондонского геологического общества и Лондонского Линнеевского общества за доставленные академические издания (1847 г.)³⁴.

Оглашен указ Александра I о посылке в университет г. Або по экземпляру каждого издания, печатаемого в России, в связи с чем Конференции предписано принять меры, чтобы в Або посылалось все выходящее из Академической типографии через Департамент народного просвещения (1820 г.)³⁵.

Прусский король Фридрих Вильгельм III выразил благодарность за присланные Академией наук издания (1836 г.)³⁶. На заседании Общего собрания сообщено, что получен рескрипт короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV от 9 июня, в котором он изъяв-

²⁴ Там же. Д. 23. Л. 65, 65 об.

²⁵ Там же. Д. 24. Л. 67, 67 об.

²⁶ Там же. Д. 30. Л. 65.

²⁷ Там же. Д. 31. Л. 71, 71 об.

²⁸ Там же. Д. 32. Л. 91, 92, 94 об., 95 об.

²⁹ Там же. Л. 39, 41, 43.

³⁰ Там же. Л. 59.

³¹ Там же. Д. 35. Л. 52, 53.

³² Там же. Д. 36. Л. 82, 83, 85, 85 об.

³³ ЖМНП. 1841. Ч. 31, июль, отд. III. Ч. 72, 73.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 76. Л. 97, 98.

³⁵ Там же. Д. 31. Л. 79 об., 84.

³⁶ ЖМНП. 1837. Ч. 13, январь, отд. III. С. 92.

ляет благодарность Академии наук за присылку академических изданий (1846 г.)³⁷.

Все больше изданий в эти годы поступало в Академию наук в порядке частной инициативы:

Получены книги из Парижской обсерватории и от отдельных авторов: аббата Розье, Г. Монжа и Ш. Мессье (1787 г.)³⁸. Врач из Руана прислал в подарок Академии две медицинские книги (1788 г.)³⁹.

Ф.Ф. Энтнер фон Энтнерсфельд из Вены присылает свой календарь знаменитых событий (Вена, 1797), посвященный Вольному экономическому обществу (1797 г.)⁴⁰.

Граф Муниго из Флоренции прислал сочинения трех итальянских авторов (1797 г.)⁴¹. От врача-акушера из Вены Ф. Колланда присланы печатные сочинения (1798 г.)⁴². От Б.С. Бартона из Филадельфии поступили в дар Академии его 6 работ по естественной истории (1813 г.)⁴³.

Сэмюэл Паркес прислал из Лондона несколько своих сочинений (1822 г.)⁴⁴. Отец Иакинф прислал печатную работу – перевод с китайского языка работы «Сан-Цзы-Цзин, или Троеслобие» (1830 г.)⁴⁵.

Анализируя приведенные данные, а также другие изученные нами источники, в подтверждение уже отмеченных ранее тенденций (интенсивность обмена, расширение географии, числа и состава партнеров) можно привести классификацию партнеров Академии наук России по книгообмену:

1. Академии наук, королевские и национальные научные общества и институты: Американская академия искусств и наук в Бостоне, Академия наук в Турине, Баварская академия наук, Бельгийский королевский институт, Бельгийская академия наук, Берлинская академия наук, Гёттингенское королевское научное общество, Королевский национальный институт в Неаполе, Королевский голландский институт наук, словесности и искусств, Королевское научное общество в Копенгагене, Лилльское королевское общество наук, земледелия и искусств, Лондонское королевское общество, Национальный институт наук и искусств

³⁷ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 74. Л. 26, 27, 28.

³⁸ Протоколы... Т. IV. С. 102.

³⁹ Там же. С. 156.

⁴⁰ Там же. С. 558, 559.

⁴¹ Там же. С. 575, 578.

⁴² Там же. С. 631–633.

⁴³ Там же. Д. 24. Л. 58 об., 61 об., 62, 63.

⁴⁴ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 33. Л. 78 об., 79, 80 об.

⁴⁵ Там же. Д. 43. Л. 6, 7 об. – 8 об.

Франции, Португальская королевская академия, Парижская академия наук, Прусская академия наук, Филадельфийская академия наук, Шведская королевская академия наук, Эдинбургское королевское общество и др.

2. Научные общества: Американское философское общество в Филадельфии, Вольное экономическое общество в Лондоне, Гамбургское общество врачей, Лондонское Линнеевское общество, Лондонское зоологическое общество, Лондонское геологическое общество, Итальянское научное общество в Модене, Парижское географическое общество, Филадельфийское медицинское общество и др.

3. Научные организации, библиотеки, университеты: Бюро морских карт в Копенгагене, Венская астрономическая обсерватория, Дерптский университет, Институт Корпуса инженеров путей сообщения в Лондоне, Лицей естественной истории в Лондоне, Лондонское бюро долгот, Публичная библиотека в Лондоне, Парижская императорская библиотека, Университет в г. Або, Упсальский университет и др.

Рассмотренный в настоящей работе период (XVIII – первая половина XIX в.) в научной литературе определяется как период формирования новой, светской, книжной культуры в России. Получив начальный импульс с введением гражданского книгопечатания в эпоху Петровских преобразований⁴⁶, она продолжала свой эволюционный путь развития на протяжении следующих столетий.

Уникальная роль в ее становлении принадлежит издательско-полиграфическому и книгораспространительскому комплексу Академии наук. Поэтому зарождение и развитие международного научного книгообмена на ее базе стало закономерным явлением, важной составляющей многогранной деятельности Академии наук. Это позволяло, с одной стороны, продвигать достижения науки и культуры в международное сообщество, а с другой – совершенствовать книжное дело и книжную культуру России, что оставило заметный след в ее истории.

⁴⁶ Подробно об этом см.: *Куприянова Т.Г.* Гражданская книга в России первой четверти XVIII века. М., 2001.

АВТОРЫ

Бонгард-Левин Григорий Максимович, академик РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. Главный редактор «Вестника древней истории».

Борисов Николай Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Исторического факультета Московского государственного университета.

Бутовская Марина Львовна, доктор исторических наук, профессор, зав. сектором этологии человека Института этнологии и антропологии РАН.

Васильев Владимир Иванович, член-корреспондент РАН, директор Научного центра исследований истории книжной культуры РАН при НПО «Издательство “Наука”», зам. председателя Научного совета РАН «История мировой культуры».

Гаилов Василий Абидович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

Гайдуков Петр Григорьевич, член-корреспондент РАН, зам. директора Института археологии РАН.

Гамзатов Гаджи Гамзатович, академик РАН, советник РАН, научный руководитель Института языка, литературы и искусства ДНЦ РАН.

Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Исторического факультета Московского государственного университета.

Грачева Алла Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Есаков Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Земсков Валерий Борисович, доктор филологических наук, заведующий Отделом литератур Европы и Америки новейшего времени Института мировой литературы РАН.

Земсков Виктор Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Катаев Владимир Борисович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы Филологического факультета Московского государственного университета.

Кибрик Александр Евгеньевич, член-корреспондент РАН, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Филологического факультета Московского государственного университета.

Кляус Владимир Леонидович, доктор филологических наук, зав. отделом информационных технологий Института мировой литературы РАН.

Козлов Владимир Петрович, член-корреспондент РАН, руководитель Федерального архивного агентства (Росархив), Государственный советник Российской Федерации 1 класса.

Корниенко Наталья Васильевна, член-корреспондент РАН, зав. отделом новейшей русской литературы Института мировой литературы РАН.

Кошеленко Геннадий Андреевич, член-корреспондент РАН, зав. отделом классической археологии РАН.

Кузнецов Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

Кузнецов Феликс Федосьевич, член-корреспондент РАН, советник РАН.

Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Лавров Владимир Михайлович, доктор исторических наук, зам. директора Института российской истории РАН.

Лободанов Александр Павлович, доктор филологических наук, декан Факультета искусствознания Московского государственного университета.

Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Милитаров Александр Юрьевич, доктор филологических наук, профессор Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, зав. отделом стран Юго-Восточной Азии Института востоковедения РАН.

Муромский Вячеслав Петрович, доктор филологических наук, зав. отделом новейшей русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Печатнов Владимир Олегович, доктор исторических наук, зав. кафедрой «История и политика стран Европы и Америки» Московского государственного института международных отношений.

Петров Андрей Евгеньевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь ОИФН РАН.

Прозоров Юрий Михайлович, кандидат филологических наук, и.о. директора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Пучков Павел Иванович, доктор исторических наук, профессор, советник Института этнологии и антропологии РАН.

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Таболкина Татьяна Вячеславовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Тюменцев Игорь Олегович, доктор исторических наук, профессор, зав. Объединенным отделом социально-экономических и политических проблем южных регионов ЮНЦ РАН.

Уваров Павел Юрьевич, член-корреспондент РАН, зав. отделом западноевропейского средневековья и раннего нового времени Института всеобщей истории РАН.

Шмидт Сигурд Оттович, академик РАО, доктор исторических наук, советник РАН.

Шукуров Шариф Мухаммадович, доктор искусствоведения, зав. отделом сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ

<i>П.Ю. Уваров</i>	
Перспективы социальной истории и нотариальные источники (французский пример)	3
<i>М.Л. Бутовская</i>	
Современные проблемы эволюции социального поведения человека	15
<i>Н.Л. Пушкарева</i>	
Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России	64
<i>В.Б. Земсков</i>	
Экспансия XVI–XVII в. Испании и Англии в Америку, России – в Сибирь: варианты этнокультурного взаимодействия и генезис культурно-литературных моделей Нового времени	82
<i>Д.В. Мосяков</i>	
Юго-Восточная Азия – проблема формирования цивилизационной общности	121
<i>Ш.М. Шукуров</i>	
Визуальная антропология: пространственное видение и методы изображения человека	130
<i>А.П. Лободанов</i>	
К вопросу о филологических основаниях искусствоведческих исследований: языковое отражение феномена музыки в Италии Раннего Возрождения	147

Часть 2

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В ЕВРАЗИИ

<i>Г.М. Бонгард-Левин, Г.А. Кошеленко, В.А. Гаубов</i>	
Раннее христианство на Востоке	174

<i>Г.М. Бонгард-Левин, Г.А. Кошеленко, В.Д. Кузнецов</i>	
Археологические исследования последних лет в Фанагории	223
<i>А.Е. Кибрик</i>	
Проблема документирования «малых» языков: теория и практика	247
<i>П.И. Пучков</i>	
Конфессиональная картография в России	275
<i>А.Ю. Милитарев</i>	
Значение этимологии для интерпретации древнеписьменных текстов (на примере еврейской Библии и Нового Завета)	284
<i>В.Л. Кляус</i>	
Сюжетика текста и акциональная сюжетика русских заговоров «от порчи»	328
<i>А.М. Грачева</i>	
Текстологические проблемы издания собраний сочинений писателей первой волны русской эмиграции	349

Часть 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

<i>А.А. Горский</i>	
Восточная Европа в XIII–XV вв.: тенденции политического развития	356
<i>Н.С. Борисов</i>	
Христианская символика и социальное поведение человека в средне- вековой Руси	364
<i>П.Г. Гайдуков</i>	
Новые материалы о начале русской монетной чеканки в XIV в.	372
<i>И.О. Тюменцев</i>	
Смута начала XVII века в России: направления исследования в свете новых материалов	382
<i>А.Н. Медушевский</i>	
Российский конституционализм в прошлом и настоящем (Теория кон- ституционных циклов)	396
<i>С.О. Шмидт</i>	
Пушкин и князь Горчаков: свидание ссыльного поэта и дипломата осенью 1825 г.	410
<i>В.М. Лавров</i>	
Была ли левоэсеровская альтернатива?	439
<i>В.О. Печатнов</i>	
Разрядка в советско-американских отношениях 1970-х гг. (по новым документам архивов России и США)	446

Часть 4
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ.
ПОСВЯЩЕННОЙ 100-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.А. ШОЛОХОВА

<i>Ф.Ф. Кузнецов</i> «Тихий Дон» – народный эпос XX века.....	465
<i>Н.В. Корниенко</i> «Факт» и образ в поэтике шолоховского текста	474
<i>В.П. Муромский</i> Творческое наследие М.А. Шолохова в современной историко-литературной науке.....	493
<i>Т.В. Таболина</i> Казачество как историко-культурная традиция.....	500
<i>В.Н. Земсков</i> Коллективизация сельского хозяйства в СССР как современная научная проблема	516

Часть 5
НАУКА И ОБЩЕСТВО

<i>В.Б. Катаев</i> Чехов, Московский университет и Академия наук	531
<i>В.Д. Есаков</i> О сталинских Судах чести в 1947–1948 гг.	545
<i>Ю.М. Прозоров</i> Пушкинский Дом как научная школа.....	563
<i>Г.Г. Гамзатов</i> Институт имени Гамзата Цадасы – полигон изучения и осмысления культурного наследия народов Дагестана.....	571
<i>В.П. Козлов</i> Об итогах и перспективах подготовки отечественных документальных публикаций	577
<i>В.А. Кучкин</i> Об изданиях серии «Полное собрание русских летописей».....	590
<i>А.Е. Петров</i> Изучение истории российско-китайских отношений в XXI веке: научные проблемы и общественные отклики.....	598
<i>В.И. Васильев</i> Академия наук и международное научное сообщество: из истории книгообмена в XVIII–XIX вв.	609
Авторы	617

Научное издание

**ТРУДЫ ОТДЕЛЕНИЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК РАН**

2006 год

*Утверждено к печати
Бюро Отделения
историко-филологических наук
Российской академии наук*

*Зав. редакцией Н.Л. Петрова
Редактор Е.А. Никифоров
Художник Ю.В. Яковлев
Художественный редактор Т.В. Болотина
Технический редактор З.Б. Павлюк
Корректоры Р.В. Молоканова,
Е.Л. Сысоева, Т.И. Шепвалова*

Подписано к печати 13.06.2007
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 41,5. Усл.кр.-отт. 46,0. Уч.-изд.л. 44,6
Тип. зак. 931

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Е-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-035213-1

9 785020 352131

Рис. 3. Традиционное жилище хадза, хижина-шалаш из ветвей, по-видимому не претерпела особых изменений на протяжении столетий. Фото М.Л. Бутовской

Рис. 4. Процесс изготовления стрел у современных хадза так же не претерпел особой модернизации. Технология требует огня, точного глазомера и зубов для выравнивания стрелы. Фото М.Л. Буговской

Рис. 5. Мужская трапеза – один из важнейших ритуалов, продолжает неукоснительно соблюдаться хадза после удачной охоты и в наши дни. Фото М.Л. Бутовской

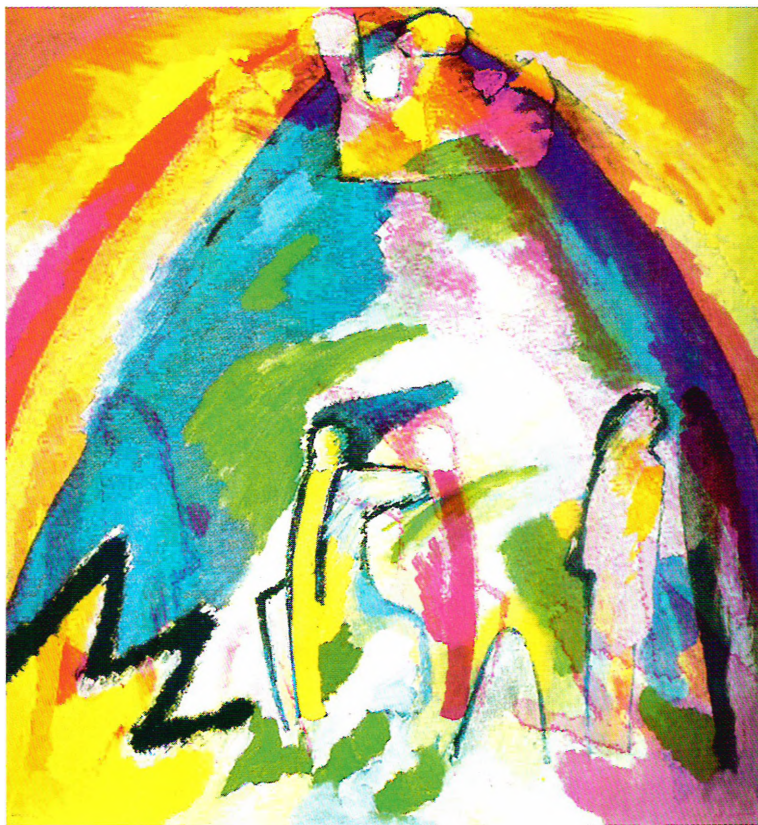

Рис. 9. Женщины хадза считают наиболее привлекательными мужчин с хорошо развитыми интеллектуальными способностями и владеющих хорошими навыками охоты. Фото М.Л. Бутовской

Рис. 10. Наиболее привлекательными мужчины хадза считают молодых женщин, обладающих хорошим здоровьем и значительным репродуктивным потенциалом. Фото Р.О. Бутовского

К статье Ш.М. Шукурова

*Рис. 1. В. Кандинский. Гора. 1909.
Городская галерея в Ленбаххаузе*

Рис. 2. В. Кандинский. Композиция VIII. 1925. Музей Гугенхайма. Нью-Йорк

Рис. 3. В. Кадинский. Сдержанный порыв. 1944. Национальный музей современного искусства. Париж

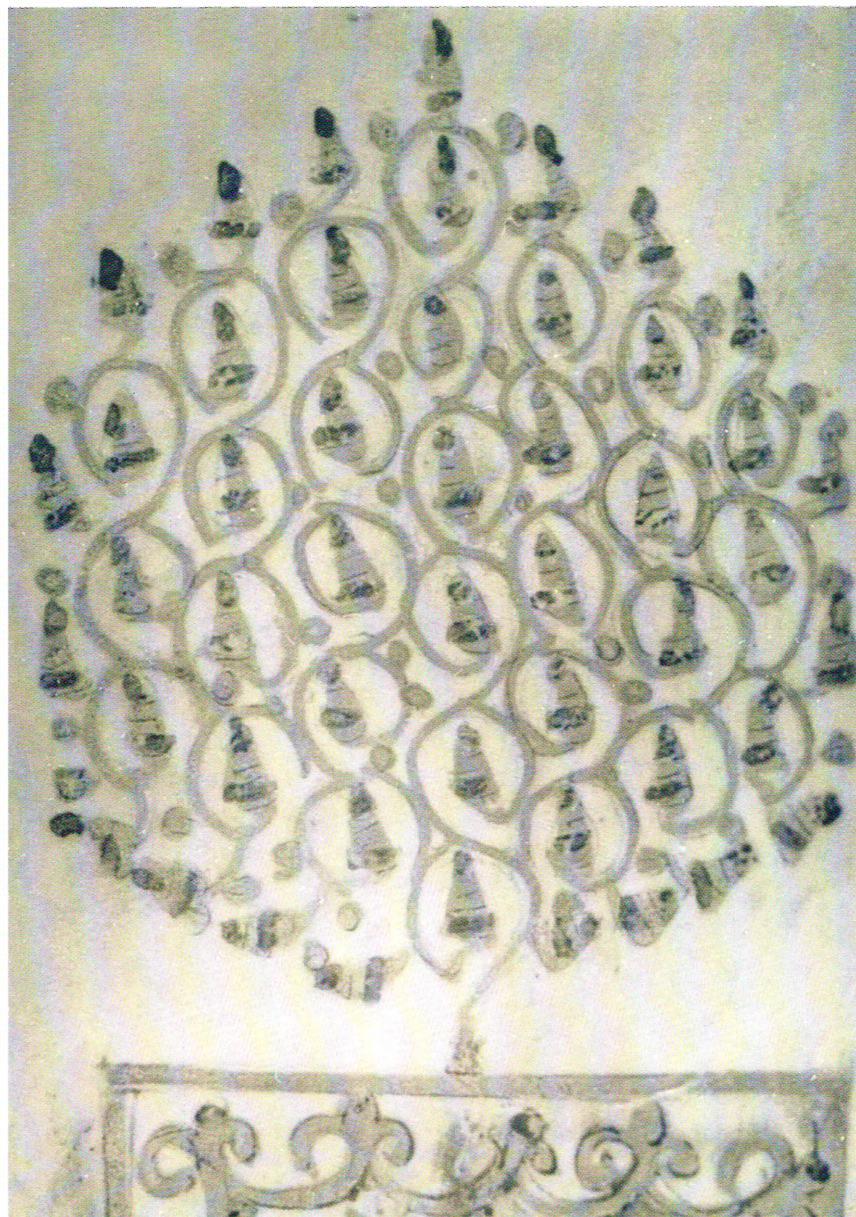

Рис. 4

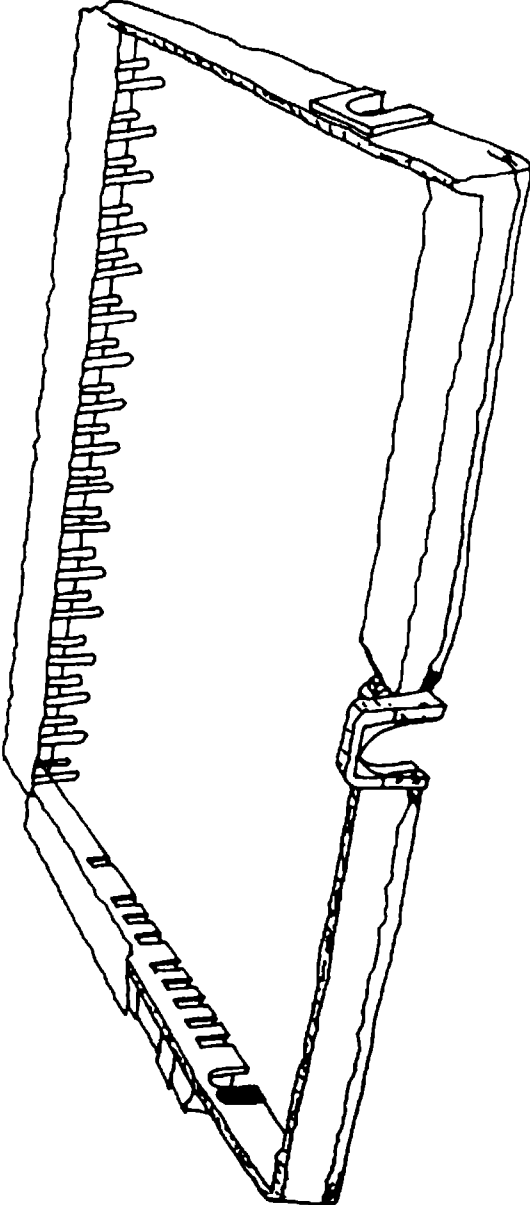

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

К статъе Г.М. Бонгард-Левина, Г.М. Кошленко, В.Д. Кузнецова

Рис. 1. Раскопки на городище Фанагории

К статье Т.В. Таболиной

ВЫДАЧА НАЗАНОВ В ЛИЕНЦЕ

АВСТРИЯ — ИЮНЬ 1945

Права собственности запрещены за:
Нью Йоркской Обще-Классической Станцией
Нью Йорк, США.

BETRAYAL OF COSSACKS AT LIENZ
AUSTRIA, JUNE 1945

Работа художника С. Г. Королькова
Painting by S. G. Korolkoff

К статье Г.М. Бонгард-Левина, Г.М. Кошеленко, В.Д. Кузнецова

Рис. 2. Фрагмент расписного аттического сосуда из раскопок

Рис. 3. Клад монет

Рис. 4. Склеп

Рис. 1. Типы именных денег Дмитрия Ивановича Донского

1

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 2. Основные типы анонимных денег Дмитрия Ивановича Донского и Василия I

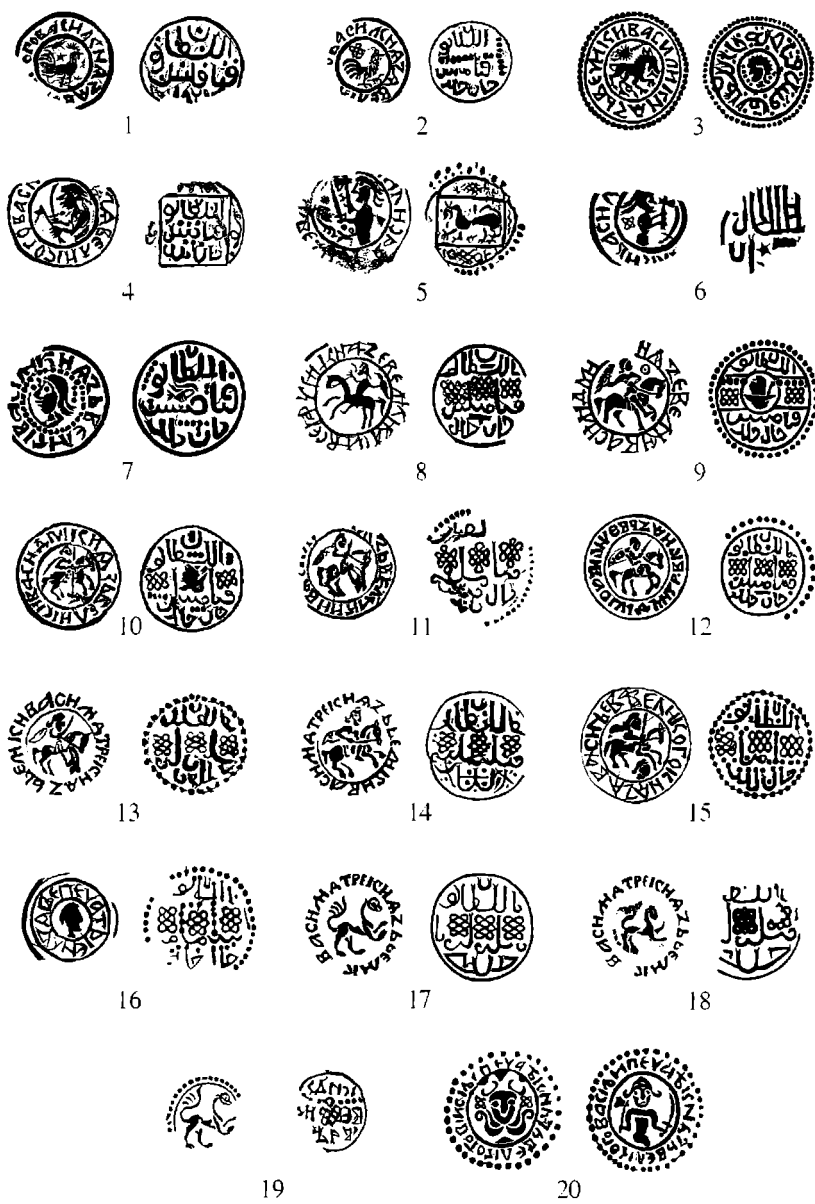
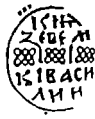

Рис. 3. Основные типы именных денег Василия I

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

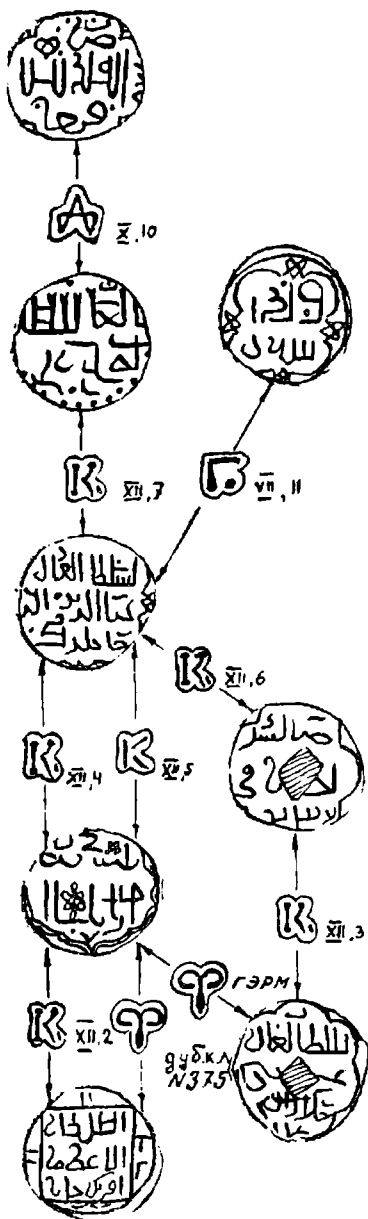

Рис. 4. Схема соотношения штемпелей надчеканенных подражаний джучидским дирхемам (Янин В.Л., Янина С.А., 1995. С. 120. Рис. 3)

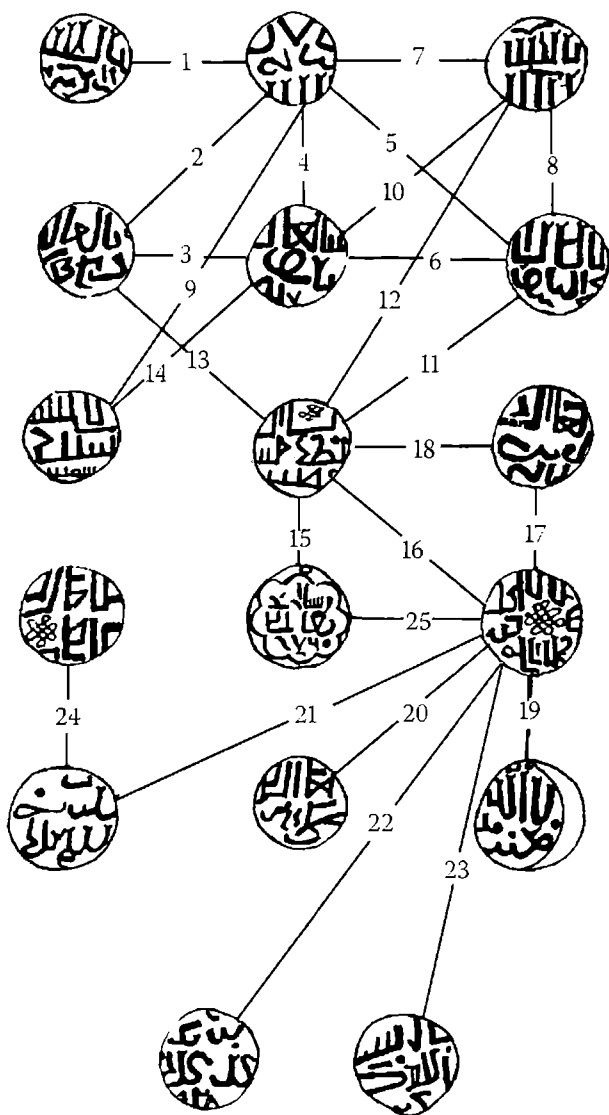

Рис. 5. Двусторонние подражания джучидским монетам из Тихомировского клада (Федоров-Давыдов Г.А., 1964. С. 175. Рис. 2)

Рис. 6. «Тяжелые» двусторонние подражания джучидским монетам из Саранского клада. ОН ГИМ. Вес 1,17; 1,16; 1,05; 1,11; 1,15; 1,13 г.

Рис. 7. Подражание дирхему хана Джанибека, из Торжка

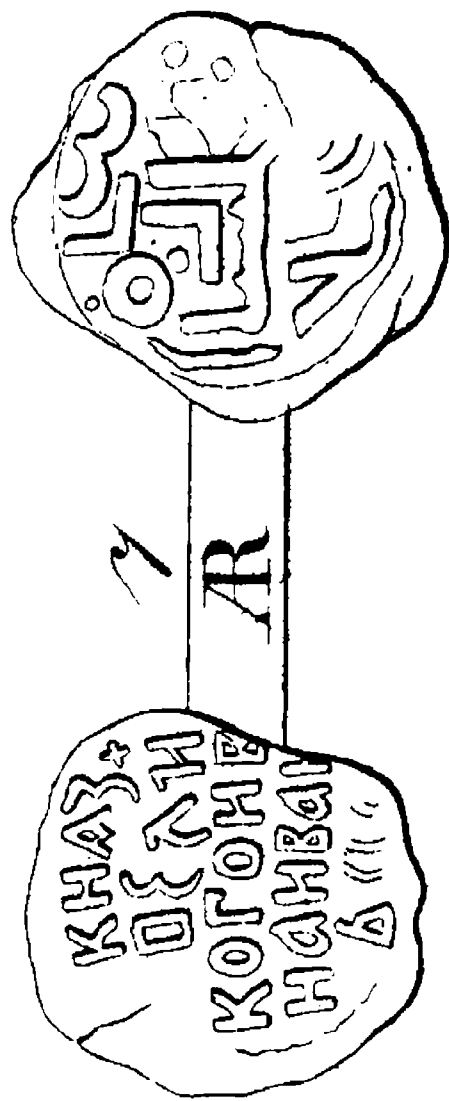

Рис. 8. Монета Ивана Ивановича Красного (Шодуар С., 1836. Табл. II. 54.7)

Рис. 9. Монета Ивана Ивановича. ОН ГЭ. Фотографии л.с. сделаны под разным освещением

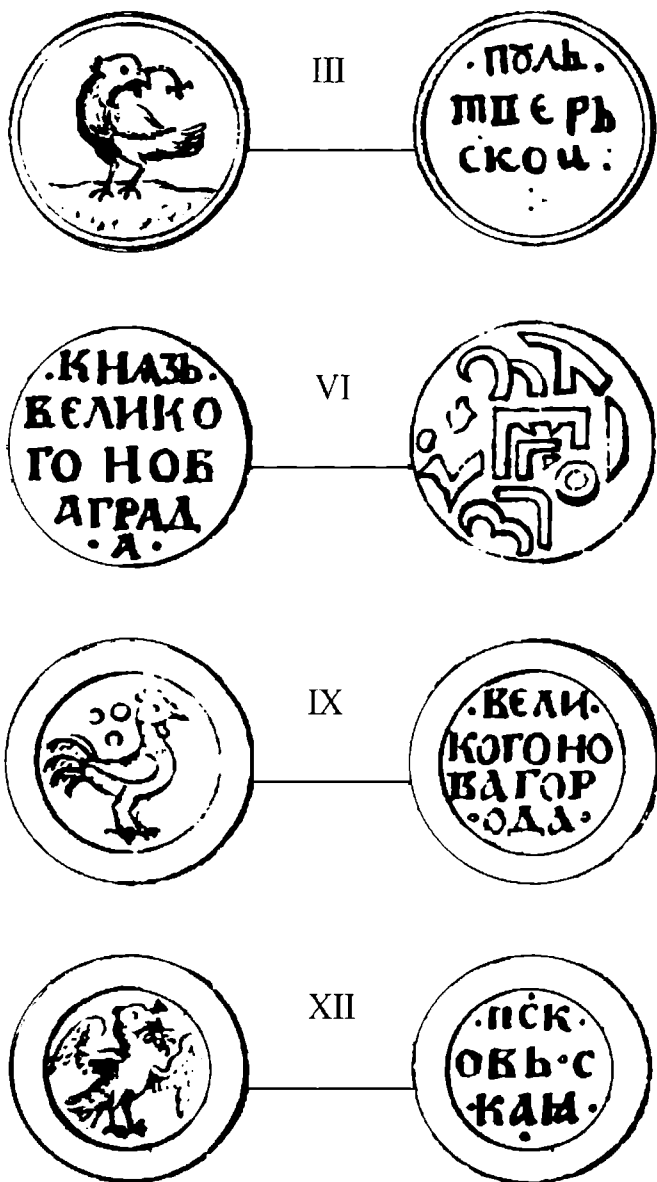

Рис. 10. Рисунки русских монет из рукописного каталога Я.В. Брюса. Изданы в книге Х. Шмидга (*Schmidt Ch.*, 1777. Таб. I, фрагмент)

XCVII

1

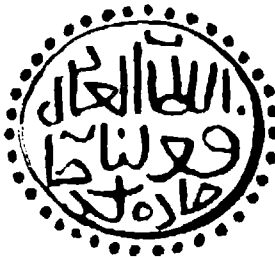
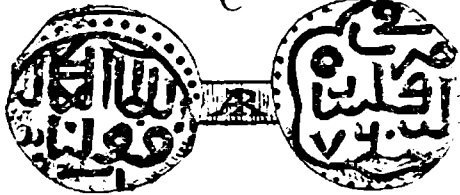

—

2

C

—

4

Рис. 11. Гюлистанские дирхемы ханов Бердибека (1, 2) и Кульны (3, 4) (Френ Х.М.). 1832; № 114, 117. Табл. IV, № XCVII, С; Федоров-Давыдов Г.А., 2003. С. 186. № 183; С. 187. № 188. Табл. XIII, № 183, 188)

1

2

Рис. 12. Свинцовая (1) и серебряная с позолотой (2) печати Ивана Ивановича Красного

1 – Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1998. С. 168. № 413; 2 – Соболева Н.А., 1991. С. 148. № 8